

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE
RUSSIAN FEDERATION

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
‘National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I.
Lobachevsky’

Federal Research Centre for Sociology of the Russian Academy of
Sciences

Russian Sociological Association

International Scientific and Practical Conference

**‘THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE
MEMORY OF THE YOUNGER
GENERATION’**

18–19 September 2025

Nizhny Novgorod

2025

UDC 316

BBK 60.5 V 27

Reviewers:

Galina Shirokalova

Sergeevna

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Leading Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Tatyana Petrova

Edaurda

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology, Conflict Studies and Behavioural Sciences, Russian State Social University, Moscow, Russia

V 27

The Great Patriotic War in the memory of the younger generation / Edited by Prof. Z.H. Saralieva. – Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2025. – 617 p.

ISBN 978-5-908049-29-0

This collection presents materials from scientific research discussed at the international scientific and practical conference 'THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE MEMORY OF THE YOUNGER GENERATION' (18–19 September 2025, Nizhny Novgorod, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod).

The collection is intended for researchers, teachers, postgraduates and students, employees of social institutions and public organisations.

ISBN 978-5-908049-29-0

UDC 316

BBK 60.5

© Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2025

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского»
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Российское общество социологов

Международная научно-практическая конференция

**«ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В ПАМЯТИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ»**

18–19 сентября 2025 г.

Нижний Новгород
2025 г.

УДК 316
ББК 60.5
В 27

Р е ц е н з е н т ы :

*Широкалова Галина
Сергеевна*

Доктор социологических наук, профессор, ведущий
научный сотрудник ИС ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

*Петрова Татьяна
Эдаурдовна*

Доктор социологических наук, профессор, заведующая
кафедрой психологии, конфликтологии и
бихевиористики Российского государственного
социального университета, г. Москва, Россия

В 27 **Великая Отечественная война в памяти молодого поколения** / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. – Н. Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2025. – 617 с.

ISBN 978-5-908049-29-0

В сборнике представлены материалы научных исследований, обсуждавшихся на международной научно-практической конференции «ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ПАМЯТИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ» (18–19 сентября 2025 г., г. Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского).

Сборник предназначен для исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, работников социальных учреждений и общественных организаций.

ISBN 978-5-908049-29-0

УДК 316
ББК 60.5

В международной научно-практической конференции «ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ПАМЯТИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ» (18–19 сентября 2025 г., г. Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского) участвовали исследователи, специалисты и практики из **10 стран** (Российская Федерация, Аргентинская Республика, Республика Беларусь, Республика Гана, Итальянская Республика, Федеративная республика Нигерия, Исламская Республика Пакистан, Федеративная Демократическая Республика Эфиопия, Республика Индия, Тунисская Республика)

26 городов Российской Федерации (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Владивосток, Екатеринбург, Иваново, Иркутск, Казань, Калининград, Киров, Кострома, Краснодар, Норильск, Орел, Пенза, Ростов-на-Дону, Самара, Сыктывкар, Тверь, Тюмень, Улан-Уде, Уфа, Чурапча, Шахты, Якутск, Ярославль)

Более 48 вузов

Более 29 научных центров, социальных учреждений и НКО

ЦЕЛИ КОНФЕРЕНЦИИ: обобщение результатов отечественных и зарубежных исследований по проблеме «Великая Отечественная война в памяти молодого поколения»: историческая память как фактор межпоколенной преемственности; Великая Отечественная война в семейной истории; Великая Отечественная и Вторая мировая войны в образовательном пространстве России и за рубежом; защита отечества как ценность в системе жизненных ориентиров молодежи; социология эмоций и память о Великой Отечественной войне в культуре.

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Саралиева

Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна

– профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Голубин

Роман Викторович

– декан факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Романовская

Вера Борисовна

– зав. кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Судьин

Сергей Александрович

– зав. кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Расположение материалов в сборнике продиктовано регламентом работы конференции: сначала тексты секционных докладов, затем выступлений на секциях.

Редакционная коллегия

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА

<i>Бедный А.Б.</i> Приветственное слово проректора по стратегическому развитию и международной деятельности ННГУ им. Н.И. Лобачевского на открытии международной научно-практической конференции «Великая Отечественная война в памяти молодого поколения».....	13
<i>Карасев П.К.</i> Приветственное слово Министра внутренней региональной и муниципальной политики Нижегородской области на открытии международной научно-практической конференции «Великая Отечественная война в памяти молодого поколения».	13
<i>Трофимов О.В.</i> Приветственное слово ректора ННГУ им. Н.И. Лобачевского на открытии международной научно-практической конференции «Великая Отечественная война в памяти молодого поколения».....	14

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Ананьин С.А.</i> Влияние Великой отечественной войны на демографические показатели в России	15
<i>Барков С.А.</i> Советский менеджмент во время войны; латентная теория и героическая практика	23
<i>Бордюгов Г.А.</i> Радикальная актуализация пространства памяти о Победе. Итоги международного мониторинга «Победа-80: реконструкция юбилея».....	27
<i>Винокурова У.А., Захарова А.Е., Алексеева Г.Г.</i> Жизненные стратегии потомков вынужденных переселенцев на север во время Великой Отечественной войны (на примере якутов Чурапчинского улуса)	32
<i>Вишневский Ю.Р.</i> Историческая память современного российского студенчества о Великой Отечественной войне как компонент его культурного капитала: постановка проблемы, состояние и пути сохранения и развития	36
<i>Голубин Р.В., Судьин С.А.</i> Великая Отечественная война в системе патриотического воспитания молодежи ПФО	44
<i>Григорьева И.А.</i> «Кризис старения» как демографическое последствие Великой Отечественной войны.....	48
<i>Грошева Л.И.</i> Образ и символы Бессмертного полка в представлениях молодежи	53
<i>Захаров Н.Л., Перфильева М.Б.</i> Победа в Великой Отечественной войне – символ социокультурного ориентира российского общества	57
<i>Изидори Э., Леонова И.С.</i> Фашизм других: формирование критического антифашистского сознания в контексте нового мирового порядка.....	64

<i>Калинина Е.В.</i> Недобросовестные способы инверсии образа победы и социально-правовые средства борьбы за чистоту исторической памяти о Великой Отечественной войне	70
<i>Кириенко В.В.</i> Великая Отечественная война в судьбе белорусского народа.....	74
<i>Кузнецов А.А.</i> Меж- и внутрипоколенческий плюрализм представлений о Великой Отечественной войне в современной России	83
<i>Куконков П.И.</i> Школьный учебник как инструмент исторического просвещения молодежи	88
<i>Лебедева Е.А., Романовская В.Б.</i> Память поколений как основа национальной идентичности	97
<i>Мансуров В.А., Иванова Е.Ю.</i> Общественная память московских студентов о Великой Отечественной войне	100
<i>Носкова А.В.</i> Образ поколения детей войны – вклад социологов в сохранение коллективной памяти.....	106
<i>Пак Г.С.</i> Феномен переосмысления прошлого.....	110
<i>Петрова Т.Э., Жираткова Ж.В.</i> Особенности патриотического сознания современного российского студенчества.....	115
<i>Резник Ю.М.</i> Великая Победа и её экзистенциальное значение для российского человека.....	120
<i>Ростовская Т.К., Васильева Е.Н.</i> Историческая память как основа сохранения и повышения ресурсного потенциала социальной политики современной России.....	128
<i>Рябов О.В.</i> СССР, США и Вторая мировая глазами Голливуда периода Холодной войны	132
<i>Саралиева З.Х., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В.</i> Полифония оценок итогов Второй мировой войны: региональный аспект	136
<i>Тощенко Ж.Т.</i> Ученые в Великой Отечественной войне: страницы гражданского и научного подвига	142
<i>Юдина Т.Н.</i> От общего подвига к общей памяти: вклад народов стран ЕАЭС в Победу 1945 года и её место в социальной памяти современной молодежи.....	147

СЕКЦИЯ 1

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР МЕЖПОКОЛЕННОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

ДОКЛАДЫ

<i>Казаков М.А., Котов М.В.</i> Историческая реконструкция – особый источник создания образов Великой Отечественной войны	151
<i>Ковалева С.В., Полюшкевич А.А.</i> Память о Великой Отечественной войне: методологический аспект	154
<i>Козырьков В.П.</i> О диалектике войны и победы в Великой Отечественной войне (социокультурный анализ).....	158

<i>Митягина Е.В.</i> Муста-Тунтури как locus memoriae: практики сохранения памяти о малоизвестных участках фронта в современной России	164
<i>Наберушкина Э.К.</i> Межпоколенная преемственность как ресурс роста уровня социального благополучия	167
<i>Панкратова Е.В., Птицына Н.А.</i> Социальная память ивановцев о Великой Отечественной войне: социологический анализ	172
<i>Талалаева Г.В.</i> Образы Великой Отечественной войны и источники их формирования в сознании курсантов Уральского института ГПС МЧС России	179
<i>Шабает Ю.П.</i> Память о Великой Отечественной войне в контексте общей политики памяти.....	183

ВЫСТУПЛЕНИЯ

<i>Аникеева О.А.</i> Опыт социальной помощи и взаимопомощи в годы Великой Отечественной войны как основа национального кода.....	188
<i>Белова Т.П., Комиссарова И.А., Соловьева Е.А.</i> Факторы формирования исторической памяти студенческой молодежи о Великой Отечественной войне	192
<i>Бирхан А.М.</i> Наследие триумфа: применение стратегий Великой Отечественной войны и победы Ада к устойчивости современных организаций.....	197
<i>Богданенко Т.В., Любимова М.В.</i> Проектирование народного музея боевой славы	203
<i>Горбунов М.Д.</i> Историческая память как фактор преемственности в праве: опыт Великой Отечественной войны	210
<i>Горшенин А.В.</i> Советский микробиолог З.В. Ермольева: героический образ женщины-ученого периода Великой Отечественной войны.....	214
<i>Гочхайт С.</i> От народного ополчения к самоорганизующимся командам: управление талантами и мотивация в условиях тотальных вызовов.....	218
<i>Грошева И.А., Грошев И.Л.</i> Настоящее прошлого: студенческая молодежь о Великой Отечественной войне.....	222
<i>Дадзи И.</i> Социальные ценности и цифровая память глазами зарубежных ученых в России.....	226
<i>Дудин Г.А.</i> Образы Великой Отечественной войны в преемственной связи поколений	230
<i>Дурожайе Д.Г.</i> Роль ценностной готовности и исторической памяти в передаче патриотических ориентаций из поколения в поколение среди студентов высших учебных заведений Нигерии и России.....	234
<i>Зигангирова Г.Р.</i> Музей Шарифа Камала как образ исторической памяти о Великой Отечественной войне	236
<i>Игнатъева Л.Н.</i> Великая Отечественная война в истории Казахстана: смена оценок и интерпретаций	240
<i>Исайчиков В.Ф.</i> Война в моем творчестве – по семейным воспоминаниям	244

<i>Лопатин И.Д.</i> Историческая память о Великой Отечественной войне в сознании студентов-первокурсников Костромской области (по результатам социологического исследования)	248
<i>Мнасери Я.</i> Патриотическая стойкость: как героизм времен Второй мировой войны формирует современное российское антикризисное управление.....	253
<i>Муромцева Л.П., Перхавко В.Б.</i> Народные ополчения Ленинграда и Сталинграда в памяти народа.....	258
<i>Петрова Т.Ю.</i> Роль НКО в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне	262
<i>Полякова Е.А.</i> Актуальные механизмы передачи исторической памяти в молодежной среде	267
<i>Початкова Е.И.</i> Историческая память о Великой Отечественной войне студентов вузов: роль волонтерского движения.....	271
<i>Самойленко П.Ю.</i> Образы Второй мировой войны в структуре региональной идентичности и массовых коммуникациях на Дальнем Востоке России	275
<i>Селиванова З.К.</i> К вопросу об отношении студентов МЭИ к историческим событиям, связанными с Россией	279
<i>Силантьева В.А.</i> Судьба месхетинских турок в годы Великой Отечественной войны.....	283
<i>Уваров И.А.</i> Великая Отечественная война в представлении курсантов Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России	288
<i>Хайдер С.З.</i> Цифровая память: использование социальных сетей и технологий для сохранения историй о Второй мировой войне.....	292
<i>Хуссейн Д.</i> Великая Отечественная война глазами иностранных студентов в России: социокультурный пример Пакистана.....	294
<i>Хани, Хуссейн Д.</i> Развитие общин и добыча полезных ископаемых: как молодежь Белуджистана может способствовать местному экономическому росту	301
<i>Щекотилов В.Г.</i> Книги памяти «Признаны погибшими»: по материалам обращений в Министерство обороны РФ	308
<i>Щекотуров А.В.</i> Антигерои прошлого в культурной памяти молодежи Калининградской области	312

СЕКЦИЯ 2

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ

ДОКЛАДЫ

<i>Бесчасная А.А.</i> Поколение Дельта в демографической проекции	316
<i>Доброхлеб В.Г.</i> Женщины Великой победы.....	319
<i>Икингрин Е.Н.</i> Жизненный путь детей войны в социологии	322
<i>Мартыненко В.Ю.</i> Шахтинские дети: 1943 г.	327

<i>Маркова Т.Л.</i> Социально-трудовая адаптация участников боевых действий как фактор их родительского благополучия	332
<i>Романова О.Д., Барашикова К.Д.</i> Великая Отечественная война в истории одной якутской семьи	336

ВЫСТУПЛЕНИЯ

<i>Вишинская А.В., Шилыева А.А.</i> Письма с фронта во времена Великой Отечественной войны.....	341
<i>Епархина О.В.</i> Отечественная наука и вузы в нарративах семейных историй военного времени	345
<i>Камарова Т.А., Кокшарова В.М.</i> Родительство в военные годы	349
<i>Ковалевская Е.В.</i> Жизнь женщин, мужчин и детей в период Великой Отечественной войны.....	353
<i>Ковалева С.В., Гаранин Д.В.</i> Великая Отечественная война в семейной истории	358
<i>Ковалева С.В., Разгуляева К.И.</i> Великая Отечественная война в семейной истории	361
<i>Лакомова А.А.</i> Миграция в годы Великой Отечественной войны	364
<i>Лылова О.В.</i> Гендерные роли участников Великой Отечественной войны	367
<i>Михайлова Е.В., Смирнова А.Г.</i> Межпоколенная трансляция традиционных ценностей: семейный контекст	371
<i>Насыбулина М.Р.</i> Мои родные и близкие в годы Великой Отечественной войны	375
<i>Пахомчик С.А.</i> Ратные подвиги моего деда героя Советского Союза А.Г. Филонова в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.	377
<i>Петухова И.С.</i> Жизненные траектории детей войны (по материалам интервью с жителями карельских сел).....	381
<i>Тонких Н.В., Вербенская А.В.</i> Проблемы благополучия российской семьи в послевоенные годы Великой Отечественной войны	384
<i>Чекалова П.Р.</i> 50 лет боевого и трудового пути: семья Чекаловых в Великую Отечественную войну и послевоенные годы	388

СЕКЦИЯ 3

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

ДОКЛАДЫ

<i>Карпикова И.С., Соломеин А.А., Торопов В.Д.</i> Знаниевая основа поддержания исторической памяти (на основе материалов всероссийского опроса студентов 2025 г.).....	391
<i>Колева Г.Ю.</i> Великая Отечественная и Вторая мировая войны в образовательном пространстве России	395

<i>Фролова С.В.</i> Современные ценности воспитания в кадетском классе как основа формирования гражданина Российской Федерации	399

ВЫСТУПЛЕНИЯ

<i>Гарифуллина А.Ф., Крайнова Е.В.</i> Великая Отечественная и Вторая мировая войны в образовательном пространстве России	402
<i>Гусев А.А.</i> Отражение причин неудач Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны в российских учебниках истории	409
<i>Дроздова Е.В.</i> Применение военно-символического инструментария формирования политической идентичности	415
<i>Кузнецов В.А., Митрофанова С.Ю.</i> Изучение курса «Основы российской государственности» в оценках молодежи	418
<i>Ночвина Б.А.</i> Восточно-европейский фронт Второй мировой войны в современной европейской историографии	422
<i>Распутная Л.И.</i> Роль профессионального журналистского образования в формировании ценностей защиты Отечества и патриотизма	426

СЕКЦИЯ 4

ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА КАК ЦЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ МОЛОДЕЖИ

ДОКЛАДЫ

<i>Бабинцев В.П.</i> Особенности восприятия повседневности жителями приграничного с Украиной региона России	430
<i>Барматова С.П.</i> Память о Великой Отечественной войне в системе социальных ценностей современной российской молодежи	434
<i>Киселев И.Ю., Загребин В.В., Ясюченя Е.В.</i> Защита Отечества как ценность в системе жизненных ориентиров молодежи	439
<i>Колобов О.А., Хохлышева О.О.</i> Значение итогов Второй мировой войны для развития современной системы международных отношений	443
<i>Ковалева С.В., Зуева В.В.</i> Защита Отечества как ценность в системе жизненных ориентиров	453
<i>Короткова М.С.</i> Формирование советской идентичности молодежи 1930-х гг. как подготовка к Великой Отечественной войне	456
<i>Рашитова О.А.</i> Формирование детской религиозности в условиях блокады Ленинграда: вера как фактор духовного сопротивления	460
<i>Реутский А.С.</i> Великая Отечественная война как часть белорусского национального самосознания	464

ВЫСТУПЛЕНИЯ

<i>Гарифуллина А.Ф., Ковшечникова В.А.</i> Защита Отечества как ценность в системе жизненных ориентиров	467
<i>Давыдова И.В.</i> Духовный подвиг митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия в годы Великой Отечественной войны	471
<i>Дунаева Н.И., Подшибихина С.В., Барина О.А.</i> Патриотизм глазами молодежи: взгляд изнутри	477
<i>Ермилова А.В.</i> Защита Отечества в системе мотивации спортсменов, нацеленных на достижение высоких спортивных результатов.....	482
<i>Кудасова Ю.А.</i> «Значимый другой» как инструмент социализации: проекты Городецкой епархии в формировании исторической памяти молодежи.....	487
<i>Кулай Е.С., Сысоева М.В.</i> Роль религиозных организаций в условиях Великой Отечественной войны и в послевоенный период	493
<i>Латышева Н.А., Охотников И.В.</i> Смыслы и ценности Великой Отечественной войны в глазах молодого поколения: восприятие и интерпретация.....	495
<i>Лебедева Л.Г.</i> Патриотизм и защита Отечества в жизненных смыслах молодежи	499
<i>Точилина Т.В., Фролова С.В.</i> Роль Великой Отечественной войны в формировании самосознания молодежи	503
<i>Третьякова Е.Д.</i> Религиозные организации во время Великой Отечественной войны и в послевоенные годы.....	506
<i>Филиппова Д.Н.</i> Патриотизм и служение Родине как ценность: молодежь и старшее поколение	510

СЕКЦИЯ 5

СОЦИОЛОГИЯ ЭМОЦИЙ И ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В КУЛЬТУРЕ

ДОКЛАДЫ

<i>Закеров Д.А.</i> Переживания на экране: эмоциональный портрет советского солдата	515
<i>Звонарева А.Е.</i> Образ отца в советских женских журналах периода Великой Отечественной войны.....	519
<i>Зернов Д.В.</i> Ностальгия по советскому прошлому у 4-х поколений россиян.....	523
<i>Кутявина Е.Е., Шинкаренко Е.А., Кудрин А.В.</i> Школьные музеи как «место памяти»	528
<i>Маслов А.Н.</i> Эмоциональная составляющая образа советского ученого в послевоенном кинематографе (на примере фильма А.М. Роома «Суд чести»).....	533

<i>Рябова Т.Б.</i> Война и мир: память о Великой Отечественной войне и борьба за мир в советской песне.....	537
<i>Самойлов В.Д.</i> «Они сражались за Родину» – кинофильм и роман М.А. Шолохова.....	541
<i>Старичёнок В.В.</i> Кино о Великой Отечественной войне в общественном мнении молодежи: белорусское измерение.....	545
<i>Трофимова Ю.С.</i> Формирование ценностей «Служение Отечеству и исторической памяти» в системе жизненных ориентиров обучающихся посредством субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства.....	549
<i>Фатенков А.Н.</i> Пласт несчастного сознания в качестве трофея (философские ремарки к послевоенным раздумьям писателя-фронтовика).....	554
<i>Хоткина З.А.</i> Искусство – оружие победы	558
<i>Черёмушкин П.Г.</i> Проблема художественной ценности современного военного памятника в России и за рубежом: скрытые и открытые смыслы.....	563
<i>Шалютина Н.В.</i> Поколенческие эмоции: тезаурус счастья представителей 4-х поколений россиян	568
<i>Шпилев Д.А.</i> Новая концепция музейной репрезентации Великой Отечественной войны.....	574

ВЫСТУПЛЕНИЯ

<i>Вандышева Л.В., Малаканова О.А.</i> «...и жизнь не станет прежней уже никогда»: опыт осмысления Великой Отечественной войны студенческой молодежью	578
<i>Грозов С.С.</i> Предписанные эмоции (радость, гордость, счастье и т.д.) в детском научно-популярном журнале «Юный натуралист»	582
<i>Ковалева С.В., Шорина Ю.Е.</i> Историческая память о Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) в отечественном кинематографе	587
<i>Комелькова А.В.</i> Спектр эмоционального восприятия фильмов о Великой Отечественной войне: контент-анализ рецензий	590
<i>Новоселов А.А.</i> Формирование исторических представлений о Великой Отечественной войне средствами современного российского кинематографа	595
<i>Паразян Я.А.</i> Мемы как архивы ощущений – структура чувств	600
Сведения об авторах	606

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА

**Приветственное слово проректора по стратегическому развитию
и международной деятельности ННГУ им. Н.И. Лобачевского
А.Б. Бедного
на открытии Международной научно-практической конференции
«Великая Отечественная война в памяти молодого поколения»**

С огромным удовольствием хочу всех поприветствовать в рамках этого праздника социологической, социальной мысли, который ежегодно происходит в нашем университете, когда он становится центром притяжения уважаемых коллег со всей России из многих стран.

Тема, обсуждаемая на конференции, действительно значима, и те аспекты, в которых вопрос памяти о Великой Отечественной войне молодого поколения будет рассматриваться на конференции, показывает многообразие и разнообразие темы.

Кому, как не университету, университетскому академическому научному сообществу осмыслять, делать практические выводы, которые тут же воплощать в университетской жизни и, конечно же, делать это совместно с партнерами, которые действительно представляют всю Россию, множество городов России, 10 стран. В нашей конференции принимают участие коллеги из Аргентины, Беларуси, Италии, Индии, Нигерии, Пакистана, Эфиопии, Туниса. Для меня как для человека, курирующего международную деятельность, особенно приятно, что мы имеем возможность обсуждать эту важную тематику по-настоящему на международном уровне.

**Приветственное слово Министра внутренней региональной
и муниципальной политики Нижегородской области
П.К. Карасева
на открытии Международной научно-практической конференции
«Великая Отечественная война в памяти молодого поколения»**

Уважаемые коллеги! Тема сегодняшней конференции говорит сама за себя. Нам всем с вами важно понимать, как сохраняется Великая Отечественная война в памяти молодого поколения, как воспринимаются события тех дней и какие уроки для себя вынесли потомки творцов народного подвига. Сейчас очень актуальным становится вопрос не только о сохранении памяти о Великой Отечественной войне и Победе, но и о правильном отражении этих событий, пресечении попыток исторического ревизионизма, с которыми мы в последние годы сталкиваемся все чаще.

У всех народов, населяющих территорию бывшего Советского Союза, память о Войне сохраняется на генетическом уровне. И очень хорошо, что организуются такие представительные конференции, что мы собираемся, очень хорошо и очень правильно, что говорим на эти темы. Невероятно важно правильно понимать, с какого момента нужно детей погружать в эти сюжеты, как это правильно делать, как вырабатывать правильное отношение к жизни. Это очень важно обсуждать в контексте патриотического воспитания, в рамках которого тема Великой Отечественной войны и Победы занимает одно из ведущих мест. Образ этих событий в сознании подрастающих поколений – это отправная точка для формирования и реализации любых мероприятий, направленных на воспитание не только гражданина своей страны, но и полноценной личности, осознающей свою ответственность за будущее.

**Приветственное слово ректора ННГУ им. Н.И. Лобачевского
О.В. Трофимова
на открытии Международной научно-практической конференции
«Великая Отечественная война в памяти молодого поколения»**

Наш университет не изменяет традициям. Как обычно в сентябре на протяжении тридцати лет мы собираем гостей на Международной научно-практической конференции, которая проводится по инициативе факультета социальных наук, кафедры общей социологии и социальной работы.

Темами этих конференций всегда становятся наиболее актуальные проблемы социально-экономического, демографического и социально-культурного развития страны, взаимодействия социальных общностей, динамики структур, институтов и процессов.

Сегодняшняя конференция – особенная. Она приурочена к восьмидесятилетию Великой Победы. В этом году на наше мероприятие заявили участники из десяти стран, почти пятидесяти вузов из 26 городов Российской Федерации. Это подтверждает высокий уровень конференции и безусловный профессионализм её организаторов.

Тема Конференции – «Великая Отечественная война в памяти молодого поколения» актуальна и многоаспектна. Поэтому в числе участников представители широкого круга социальных и гуманитарных специальностей: социологи, историки, психологи, правоведы, экономисты.

Международный интерес к Конференции говорит о глобальной важности обсуждаемой темы в условиях формирующегося нового миропорядка.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ В РОССИИ **THE IMPACT OF THE GREAT PATRIOTIC WAR ON DEMOGRAPHIC INDICATORS IN RUSSIA**

С.А. Ананьин

Приволжский исследовательский

Медицинский Университет, г. Нижний Новгород

S.A. Ananyin

Privolzhsky research medical University, Nizhny Novgorod

Представлен анализ демографической статистики времен Великой Отечественной войны. Изучены показатели рождаемости, смертности, миграции, которые повлияли на военные и послевоенные демографические потери России.

The article presents an analysis of demographic statistics from the time of the Great Patriotic War. It examines the birth, death, and migration rates that influenced Russia's military and post-war demographic losses.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, рождаемость, смертность, миграция, военные и послевоенные демографические потери.

Keywords: The Great Patriotic War, birth rates, mortality rates, migration, and military and post-war demographic losses.

Вторая мировая война остается самым масштабным и кровопролитным конфликтом в истории человечества. Советский Союз принял один из самых тяжелых ударов – потери СССР составили более 25 млн. человек, РСФСР (Россия) потеряла около 13 млн. Число рождений во время войны сократилось в половину, треть новорожденных не выживала, выросло число инфекционных заболеваний – сыпного тифа, дизентерии, кори. В первые годы после войны советское руководство стремилось приуменьшить масштабы потерь. Официальной называлась оценка в 7 млн. погибших – цифра, заметно заниженная даже по сравнению с внутренними служебными данными, согласно которым, потери составили 15 млн. человек. При Н.С. Хрущеве данные были пересмотрены: называлась цифра в 20 млн. погибших. В эпоху Л.И. Брежнева к ней добавили формулировку «свыше». Сегодня потери СССР в Великой Отечественной войне оцениваются в диапазоне от 26 до 27 млн. человек, из

них около 13 млн. приходится на Россию (в эту оценку входят все погибшие – и военные, и мирные жители).

Дать точную оценку потерь достаточно сложно: не хватает данных о погибших советских военнопленных, тех, кто умер в лагерях или не вернулся на родину. Отдельно стоит проблема учета бойцов, воевавших вне регулярной армии, – партизан, ополченцев, строителей оборонительных сооружений. Недоучет пропавших без вести, военнослужащих, умерших естественной смертью, также усложняет картину. Общая оценка (более 25 млн.) людских потерь в войне включает все потери: военных, погибших на полях сражений, умерших от ран и болезней, партизан и мирных жителей, погибших в результате бомбардировок, карательных операций, обстрелов, а также жертв концентрационных лагерей и пропавших без вести.

В тексте мы отдельно упоминаем потери среди военнослужащих (без мирных жителей). Сюда относятся военные, умершие от ран, болезней, пропавшие без вести, умершие в плену. Еще один показатель – потери среди мирного населения: жители СССР, убитые немцами, погибшие на принудительных работах в Германии, в результате оккупации. Показатель общих потерь может пониматься шире и включать избыточную смертность – всех умерших от причин, не связанных напрямую с войной: преждевременные смерти, вызванные ухудшением санитарных условий, ростом младенческой смертности, дефицитом медицинской помощи и разрушением социальной инфраструктуры; оценка числа детей, не родившихся в период войны из-за снижения уровня рождаемости. Опираясь на эти данные, можно посчитать, какой была бы численность населения без войны.

Вооруженные силы СССР потеряли в годы Великой Отечественной войны 11,4 млн. человек. Из них 6,3 млн. погибло в боевых действиях или умерло от ран в госпиталях. Еще 4,6 млн. числятся пропавшими без вести, умершими от болезней или погибшими в плену. Самые тяжелые потери Красная армия понесла в первый год войны – в 1941 г. погибло 3,8 млн. человек. Потери среди гражданского населения СССР за годы оккупации составили 13,7 млн. человек. Из них 7,4 млн. были убиты, 2,2 млн. погибли на принудительных работах в Германии, 4,1 млн. умерли из-за тяжелых условий жизни – голода, эпидемий, отсутствия медицинской помощи. Наибольшее число убитого мирного населения пришлось на Украинскую ССР – 3,3 млн. человек. За ней следуют РСФСР – 1,8 млн. погибших, и Белорусская ССР – 1,6 млн. [1-3].

С учетом избыточной смертности и падения рождаемости в годы войны к 1946-му фактическая численность населения РСФСР оказалась на 19,8 млн.

человек ниже гипотетической (без учета влияния войны). Основная часть этих потерь связана с ростом смертности среди людей старше 4 лет – 12,9 млн. Вторым крупным фактором стало резкое снижение рождаемости и рост смертности среди детей в возрасте от 0 до 4 лет: это привело к потере еще 6,9 млн. человек (рис. 1).

За счет роста смертности и снижения рождаемости в возрасте 0–4 лет и роста смертности людей старше четырех лет

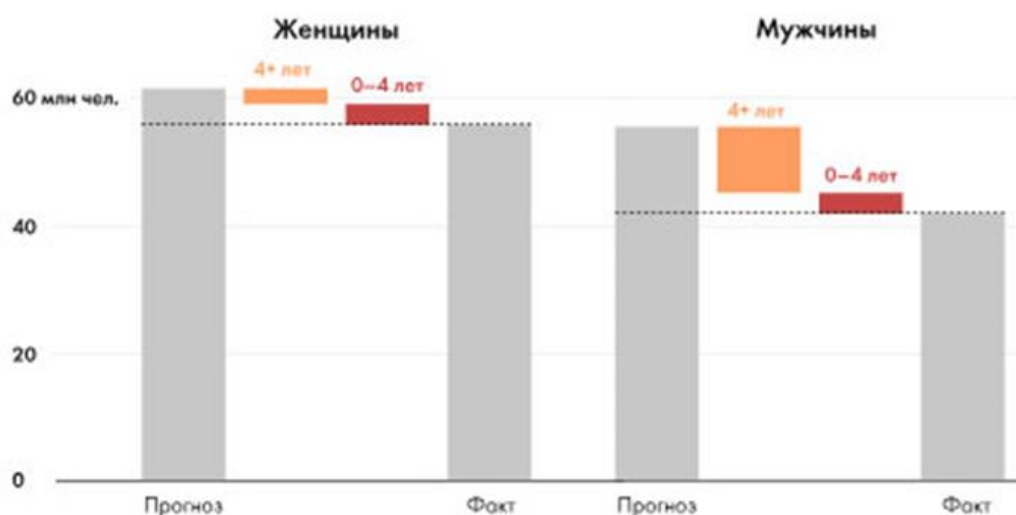

Рис. 1. Оценка потерь населения в годы Великой Отечественной войны (прогноз по численности населения в 1946 г. – при условии сохранения показателей воспроизводства населения на уровне 1940 г.)

Рождаемость в РСФСР в годы войны была одной из самых низких в мире. Снижение рождаемости происходило и до начала войны – причина в массовом выходе женщин на рынок труда и абортах как способе планирования семьи. Война ускорила это падение. Число рождений сократилось на 51% – один из самых быстрых темпов спада в мире. Если в 1935-1939 гг. ежегодно рождалось в среднем 1,3 млн., то в годы войны – всего 693 тыс. Для сравнения: в нацистской Германии падение рождаемости составило лишь 18% [4-8]. Такая разница отчасти объясняется тем, что коэффициент суммарной рождаемости (КСР) в РСФСР по сравнению с Германией был выше. До начала Великой Отечественной войны в РСФСР он оставался на высоком уровне – 4,3 ребенка на женщину в 1940 г. Однако, уже в 1942 г. показатель резко упал до 2,1, а в 1943 г. – до 1,26, то есть гораздо ниже уровня простого воспроизводства населения. В Германии к 1940 г. КСР был равен 2,4: страна раньше начала переход к низкой рождаемости и менее болезненно (в отличие от РСФСР с традиционным типом воспроизводства) переживала снижение.

Снижение рождаемости можно объяснить несколькими причинами. Основная – дефицит женихов и отсутствие мужей. 1 сентября 1939 г. в СССР приняли закон о всеобщей воинской обязанности: численность армии выросла с 1,6 млн. человек (на январь 1937 г.) до 4,4 млн. к 1 марта 1940 г. Миллионы солдат после окончания войны не вернулись в свои дома. Колебания рождаемости также были связаны с числом браков (меньше браков – меньше рождений): например, в 1940-м г. жители СССР заключили миллион браков, а в 1943-м – всего 347 тыс. Женщины участвовали в войне наряду с мужчинами: 490 тыс. были призваны на военную службу, остальные трудились в тылу, многие освоили новые профессии – токаря, слесаря. В периоды масштабных потрясений женщины, как правило, откладывают решение о рождении детей до более стабильных времен.

После окончания войны начался процесс частичной компенсации рождаемости: в 1945-1949 гг. в РСФСР в среднем рождалось около 1,1 млн. детей в год. Коэффициент суммарной рождаемости к 1947 г. вырос до 2,9, но довоенного уровня достичь так и не смог. Не все отложенные рождения были реализованы, а общая тенденция к снижению рождаемости продолжилась и в послевоенный период. Столкнувшись с кризисом рождаемости, советское правительство в середине 1940-х приняло ряд мер, чтобы стимулировать женщин к деторождению. Это привело к тому, что ряд биологических отцов, если их ребенок был рожден вне брака, не попадали в свидетельства о рождении, тем самым автоматически освобождаясь от выплаты алиментов. Сами дети, рожденные вне брака, оказались в стигматизированном положении, как и их матери. За время действия этого закона родилось более 15 млн. детей с прочерком в графе "отец". Кроме того, государство ввело налоги на безбрачие, бездетность, «малодетность» и усложнило процедуру разводов.

Потери в войне, колебания рождаемости оказали решающее влияние на структуру населения, что хорошо отражают половозрастные пирамиды. В 1897 г. график имеет форму треугольника: распределение населения России отражает структуру общества, которое еще не прошло демографический переход (большая доля новорожденных, низкая – людей пожилого возраста). Послевоенная пирамида имеет неровные края, например, по данным переписи 1959 г., с 1942-го по 1946 г. родилось почти в два раза меньше детей (на 5-6 млн. человек), чем перед и сразу после войны (рис. 2). И это снижение рождаемости воспроизводится, когда в репродуктивный возраст вступают дети таких малочисленных поколений [5-7].

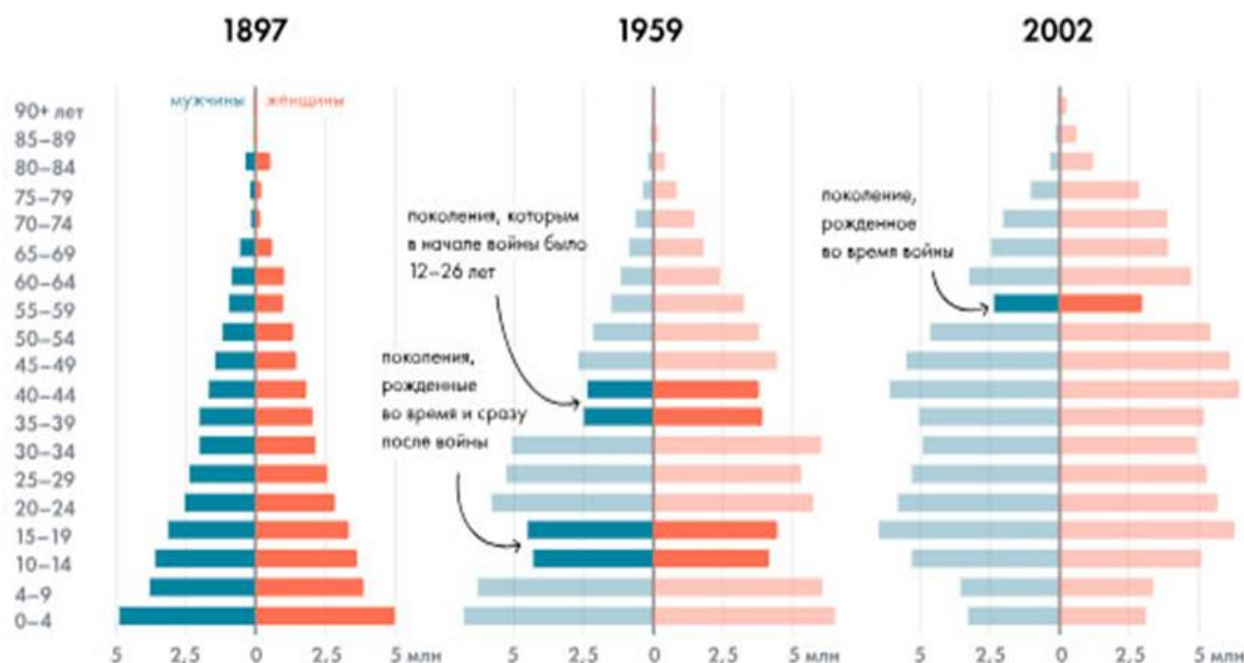

Рис. 2. «Военные» поколения на возрастно-половых пирамидах

Великая Отечественная война сильно повлияла на интенсивность и тайминг рождаемости (решение отложить рождение детей), до сих пор снижение числа родившихся видно на пирамиде России. Но остальные волны (рост и снижение числа рождений) объясняются не только эхом войны, но и наложением социально-экономических кризисов на время репродуктивной активности малочисленных поколений и периодов активной семейной политики на время активности многочисленных и уже сложно разграничить эти эффекты.

В первые годы войны умирали около 30% новорожденных. Позитивная динамика рождений не внесла вклад в рост численности населения в том числе из-за увеличения младенческой смертности: она выросла до 272 случаев на 1000 новорожденных. В 1941 г. в тыловых районах РСФСР произошел резкий всплеск детской смертности. Среди городского населения показатель достиг 470 смертей на 1000 детей – умирал практически каждый второй ребенок. В сельской местности ситуация была еще тяжелее. В 1941 г. в возрасте до 4 лет умерли 537,3 тыс. детей – 53,8% от всех родившихся. Младенческая смертность в деревне достигла 314,9 тыс. человек, что составило 31,5% от числа живорожденных. В целом в РСФСР всплеск младенческой смертности наступил позже, в 1942 г., и составил 313,9 ‰: почти в 3 раза выше аналогичного показателя в Испании, в 4 раза – Франции и в 7,6 раза – США (рис. 3) [9].

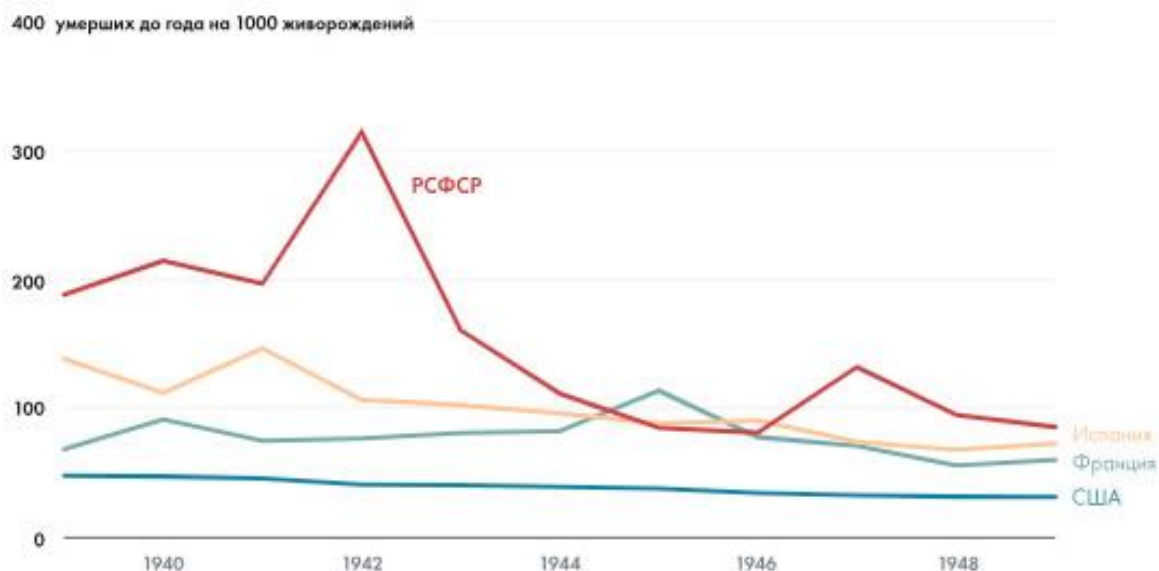

Рис. 3. Коэффициент младенческой смертности (на 1000 родившихся живыми)

Выживаемость мальчиков в тыловых районах была выше, чем девочек. В 1941 г. коэффициент младенческой смертности среди городских мальчиков составлял 261‰, тогда как среди девочек – 282. Аналогичная картина наблюдалась и в детской смертности: 440 смертей на 1000 для мальчиков и 509 для девочек. В традиционных обществах (а российское общество за пределами Москвы к началу Великой Отечественной войны оставалась традиционным) во время кризисов младенческая смертность девочек выше, вероятно, из-за того, что ресурсы (еда, уход) распределяются в пользу мальчиков. Значительное число младенческих смертей приходилось на воспаление легких, токсическую диспепсию и острый гастроэнтероколит. Среди основных причин увеличения младенческой и детской смертности – проблемы с продовольствием и постепенное сокращение норм выдачи по карточкам, отсутствие своевременной медицинской помощи. Сократилось число роддомов, женских консультаций, молочных кухонь, отсутствовали ясли, была нарушена система очистки городов, водопровода и канализации, а ряд домов не отапливались.

В последующие годы ситуация начала постепенно улучшаться: к 1944 г. уровень младенческой смертности снизился до 94, а детской – до 187 на 1000. Этому способствовал ряд факторов: например, советское правительство организовало курсы повышения квалификации для врачей, обеспечило дополнительным питанием беременных женщин и восстановило производство лекарств. Наибольшего эффекта удалось достичь благодаря внедрению в практику антибиотиков-сульфаниламидов. За 1942-1945 гг. производство этих препаратов в СССР возросло почти в семь раз.

Великая Отечественная война повлияла и на санитарно-эпидемиологическую ситуацию в стране. В РСФСР резко выросло число острых инфекционных заболеваний [1]. Одной из самых распространенных инфекций был сыпной тиф. В 1941 г. его уровень составлял 38,6 случая на 100 тыс., но уже в 1942 г. он увеличился в шесть раз – до 244,9. До самого окончания войны сыпной тиф оставался одной из самых распространенных инфекций. Сыпной тиф возникает из-за скученных условий проживания и плохой гигиены. Общественные бани – один из самых эффективных способов борьбы с инфекцией – во время войны работали в условиях нехватки воды, мыла, топлива, электричества. Люди могли мыться не чаще одного раза в три-четыре недели и не только потому, что бани часто были закрыты, но и потому, что в них было слишком холодно. Кроме того, удлиненный рабочий день в военное время не позволял людям ходить в баню.

В 1941 г. произошла вспышка дизентерии: если в 1940 г. регистрировали 203,9 случая на 100 тыс. человек, то в 1941-м показатель вырос до 375,2. Вернуться к довоенным значениям удалось лишь в 1943-м, а в 1945 г. был зафиксирован рекордный спад – до 71 случая на 100 тыс.

Наибольший рост инфекционной заболеваемости фиксировался в оккупированных регионах, а также в тыловых районах. Одной из причин стало массовое перемещение населения: эвакуация людей из западных областей на восток способствовала распространению заболеваний. Скопление людей в антисанитарных условиях и отсутствие медицинского обслуживания в пути повышали вероятность распространения разных инфекций.

За время войны в эвакуации оказались около 18 млн. человек. За первые девять месяцев войны было эвакуировано более 10 млн. человек. Во вторую волну, которая началась летом 1942-го, эвакуировали еще около 8 млн. За первые два года войны в Сибирь эвакуировали свыше миллиона человек, из них около 60% прибыли во втором полугодии 1941 г.; 88% эвакуированных разместились в Западной Сибири: более 263 тыс. и 101 тыс. – в Новосибирской и Омской областях, 76 тыс. – в Алтайском крае (данные на 1 января 1943 г.). К концу 1941 г. население Урала выросло на 1,6 млн. человек, Сибири – почти на 400 тыс. [1].

В Сибирь направлялись и люди, не пригодные к службе по состоянию здоровья или политическим мотивам – бывшие кулаки, белогвардейцы, священнослужители, репрессированные и их близкие, а также представители некоторых национальностей, например, немцы Поволжья и финны. С помощью этих людей формировали рабочие колонны, выполняя тяжелую и низкоквалифицированную работу на производстве и в оборонном строительстве – авиационной, танковой, металлургической промышленности.

К концу 1941 г. в Сибирском военном округе сформировали 72 рабочие колонны до тысячи человек в каждой.

За два осенних месяца 1941 г. в Сибирь депортировали почти 294 тыс. немцев (всего принудительно переселили около 905 тыс. немцев). Финнов из Ленинградской области переселяли в Красноярский край, Новосибирскую и Омскую область, Алтайский край и Казахстан. Люди других национальностей – чеченцы, ингуши, карачаевцы, крымские татары, калмыки тоже становились спецпоселенцами.

Эвакуированные, жившие в Сибири, стали возвращаться домой в конце 1943-го-начале 1944-го: летом 1944-го численность эвакуированного населения там сократилась почти в половину. В период с 1943-го по 1945-й каждый год реэвакуировали более 1-2 млн. человек. Часть людей при этом (например, сотрудники заводов, которые решено было оставить на Урале) домой не вернулись. Это стало одной из основных причин, почему население к востоку от Урала выросло более, чем в пять раз, а его доля в общем населении РСФСР утроилась. Таковы некоторые итоги того, как Великая Отечественная война изменила демографию страны.

Список литературы

1. Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник «Цифры Победы»: Стат. сб. / Росстат. – М., 2025. 316 с.
2. Кропачев, С.А., Кринко, Е.Ф. Потери населения в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. – М., 2012. 350 с.
3. Рыбаковский, Л.Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. Изд. 2-е испр. и доп. – М., 2010. 139 с.
4. Демографическая модернизация России, 1900–2000. Под ред. А.Г. Вишневского. – М.: Новое издательство, 2006. 608 с.
5. От измерений до изменений. Краткая история переписей населения. – М: Росстат, 2022. 180 с.
6. Переписи населения в России / Росстат. – М.: Статистика России, 2022. 459 с.
7. Население России в XX веке: Исторические очерки в 3-х т. Т. 2. 1940–1959. – М., 2001. 414 с.
8. Харьков, Т.Л. Демографический баланс России 1927–1959 годов // Мир России. 1999. Т. 8. № 4. С. 81–91.
9. Денисенко, М.Б., Кваша, Е.А., Ховраева, Е.В. Младенческая смертность в Москве в 1939–1949 гг. // Демографическое обозрение. Т. 12 (1). С. 57-85.

**СОВЕТСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ;
ЛАТЕНТНАЯ ТЕОРИЯ И ГЕРОИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА
SOVIET MANAGEMENT DURING THE WAR;
LATENT THEORY AND HEROIC PRACTICE**

С.А. Барков

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, г. Москва*

S.A. Barkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow

В победу в Великой отеческой войне немалый вклад внесли советские управленцы. Война была столкновением двух разных «менеджментов», основой которых служил фордизм. Если в Германии менеджмент ориентировался на задействование высококвалифицированной рабочей силы и совершенство создаваемой продукции, в СССР использовались простые производственные операции, позволявшие наладить массовый выпуск простой одинаковой продукции.

Soviet managers made a significant contribution to the victory in the Great Patriotic War. The war was a clash of two different «managements», the basis of which was Fordism. If in Germany management was focused on the use of highly skilled labor and the perfection of the products, in the USSR simple production operations were used to organize the mass production of simple identical products.

Ключевые слова: менеджмент, военная продукция, производственные операции, война, СССР, Германия, деквалификация.

Keywords: management, military products, production operations, war, USSR, Germany, deskilling.

Понятие «менеджмент» может рассматриваться в самом широком смысле как организационная деятельность по управлению процессом или проектом. Именно в этом смысле он представляет собой синтез функций планирования, организации, мотивации и контроля, ориентированных на соединение направлений деятельности отдельных людей и групп для достижения определенной цели. Целью при этом совсем не обязательно является прибыль, что характерно для узкого понимания менеджмента как управления компанией в рыночных (капиталистических) условиях. В широком смысле не важно, что служит объектом управления – приносящий прибыль конвейер Форда или бесприбыльный московский метрополитен.

Употребление словосочетания «советский менеджмент» оправдано тем, что его методологической основой являлся классический менеджмент Ф.У. Тейлора и Г. Форда. Вторая мировая война, с управленческих позиций,

может быть представлена как столкновение двух ветвей фордизма – советской и немецкой.

Обе страны – Советский Союз и Германия – стали активно внедрять фордизм по сходным причинам. Обе попали в международную изоляцию после Первой мировой войны и хотели доказать свое превосходство над тогдашними лидерами капиталистического мира. Население Германии, ущемленное поражением в войне, было нацелено на то, чтобы показать миру свою силу. В этом плане они были готовы ухватиться за любые новые веяния, если те обещали победу в экономической и военной сферах. А так как в то время единственной цельной теорией в области управления компаниями был фордизм, он объективно привлек внимание как бизнесменов, так и политиков. Фордизм воспринимался как управленческий базис реванша. В схожей ситуации оказался и Советский Союз, который пытался доказать преимущества нового социалистического строя, победить другие страны в гонке за высокими темпами производительности труда. В 1920-е годы тейлоризм виделся как одно из средств создания материальной базы коммунизма. Восприятие идей Тейлора было очень интенсивным [1].

В СССР был создан Центральный институт труда – цитадель тейлоризма и фордизма, где велись соответствующие научные разработки, появился и свой русский Тейлор – А.К. Гастев [2]. Он полностью реализовывал американские принципы организации производства и даже в каких-то аспектах оказывался «жестче» классиков. При этом реальные достижения открыто декларируемого фордизма были достаточно скромными. Он активно развивался чуть более десяти лет до начала массовой индустриализации. В эти годы экономика СССР не демонстрировала мировых успехов. И все же именно Гастев со своими коллегами придал советскому менеджменту мощнейший фордистский импульс, последствия которого давали и дают о себе знать в течение многих десятилетий. Советская плановая экономика, хотя это открыто нигде не признавалось, имела в качестве своего управленческого основания фордистские методы производства, которые самым непосредственным образом использовались в военной промышленности.

Фордизм – это прежде всего стандартизация, унификация и структурирование, на основе чего достигается невиданная ранее экономия на масштабе. Применение этих принципов всегда вызывает одну проблему – одинаковость получаемой продукции. Такое положение дел часто может не устраивать частного покупателя, но оно никак не противоречит приоритетам и интересам заказчика военной продукции. И фордизм в военной промышленности оказался исключительно востребованным и эффективным.

Одним из главных достижений СССР, известных сегодня миллиардам людей на планете, является автомат Калашникова. Если мы проанализируем принципы его конструкции и производства, станет понятным, что он – детище советского фордизма. И самое большое достоинство (а отнюдь не проблема) автомата Калашникова заключается в том, что он всегда и везде один одинаковый.

Кроме того, классический фордизм – это упрощение. Оно было вызвано тем, что американский менеджмент был рассчитан на малограмотных мигрантов, часто не знавших английский язык. Большинство из них ранее были крестьянами и не имели никакого представления о промышленном производстве. Даже квалифицированных рабочих в США заставляли переходить на выполнение простых операций, что позже было названо феноменом деквалификации. В СССР И.В. Сталин вызвал мощнейшую внутреннюю миграцию крестьян в города, создав почти невыносимые условия жизни на селе. Отечественные управленцы были вынуждены использовать методы и технологии, ориентированные на задействование неквалифицированной рабочей силы. В основе такого управления с неизбежностью лежала простота производственных операций. В Германии, напротив, притока неквалифицированной рабочей силы не было. Немцы гордились квалификацией своих рабочих и адаптировали систему менеджмента под них.

Столкновение советского и немецкого «менеджментов» во время Второй мировой войны может подтвердить тот факт, что простое часто оказывается на практике эффективнее сложного. Основываясь на том, что они обладают наиболее квалифицированной рабочей силой, немцы ориентировались в своем менеджменте на идеал совершенства во всем, а отнюдь не на простоту. Они пытались делать лучше танки, пушки, автоматы и другое вооружение. Тем самым они создавали себе множественные проблемы.

«Тигры» и «Пантеры», действительно, были одними из лучших танков военного времени. Но постоянно усложняясь, они становились все тяжелее и сложнее, а это крайне затрудняло их использование в условиях военных действий. К концу войны «Пантера» не просто весила почти вдвое больше, чем ранее, на нее уходило вдвое больше сырья, а по мере отступления Германия располагала с каждым днем все меньшими сырьевыми ресурсами. Из-за нехватки легирующих компонентов «совершенная» броня «Пантеры» легко раскалывалась. Вдвое возрос и расход горючего, а Третий Рейх почти не располагал доступом к нефтяным ресурсам (румынские месторождения покрывали в лучшем случае потребности флота). Так,

переход на новый, несомненно, более совершенный технически танк не повысил, а заметно сократил потенциал германских войск [3].

Советские конструкторы и менеджеры, восприняв идеи Форда о простоте и деквалификации, ориентировались при создании своей продукции только на то, что нужно от танка в бою: прочность, огневую мощь и высокую проходимость. За время войны знаменитый Т-34 становился не сложнее, а проще. Ключевые агрегаты Т-34 – мотор, трансмиссию, пушку – зачастую меняли в полевых условиях силами самого экипажа. «Пантеру» же с аналогичными повреждениями приходилось буксировать в полевые ремонтные мастерские, где трудились одни и из самых квалифицированных ремонтников в мире.

Германская управленческая мысль всегда тяготела к идее лучшего, в частности, к изобретениям своего рода сверхоружия, способного одним ударом решить исход всего сражения, а то и войны в целом. Так немцы сделали сверхпушку «Дора». Своими размерами и сложностью она поражала воображение. На данную пушку Гитлер и его генералы возлагали большие надежды, но полученные от использования «Доры» результаты были ничтожными – она выстрелила всего несколько раз под Севастополем. Если бы вместо нее были произведены сотни простых гаубиц, которые могли с легкостью использовать простые необразованные солдаты, это было бы намного лучше для армии.

Важнейшим достоинством «простого» советского менеджмента была возможность максимально быстро возобновлять трудовые ресурсы. Для немцев было невозможным призвать квалифицированного рабочего в армию. Без него производство попросту остановилось бы. Советские управленцы создавали производственные комплексы, выпускающие конкурентоспособную продукцию, но позволявшие задействовать труд подростков, женщин, стариков, инвалидов. Тот же танк Т-34 собирали за Уралом люди, которые часто до этого ни разу в жизни не держали гаечного ключа. И это была специальная управленческая доктрина, ориентирующая специалистов на создание именно таких производств и приспособлений. В частности, это относится к изобретению Е.О. Патона автоматической сварки. В начале войны советские танки варили вручную, что требовало участия специалиста-сварщика очень высокой квалификации. Автоматизированная сварка должна была решить не только проблему качества сварки, но и снизить требования к квалификации рабочего. Это был чисто менеджерский императив. И он был исполнен на практике. Технология автоматической сварки под флюсом была внедрена в производство танков, авиабомб, других боеприпасов в 1942 г. Её применение в пять раз повышало

скорость сварочного производства, параллельно снижая требования к квалификации сварщика – аппаратом Патона мог управлять даже подросток.

Так советский менеджмент, полностью воспринявший принципы фордизма и творчески их развивший, оказался одним из значимых, но не афишируемых открыто факторов победы в Великой Отечественной войне.

Список литературы

1. Кравченко, А.И. История менеджмента. – М., 2000. С. 191-243.
2. Гастев, А.К. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. – М.: Экономика, 1972.
3. Вассерман, А.А. Скелеты в шкафу истории. – М.: АСТ, 2011.

РАДИКАЛЬНАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА ПАМЯТИ О ПОБЕДЕ. ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОГО МОНИТОРИНГА «ПОБЕДА-80: РЕКОНСТРУКЦИЯ ЮБИЛЕЯ» RADICAL ACTUALIZATION OF THE REALM OF MEMORY ABOUT THE VICTORY. THE RESULTS OF THE “VICTORY-80: RECONSTRUCTING THE JUBILEE” INTERNATIONAL MONITORING PROJECT

Г.А. Бордюгов
*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, г. Москва*
G.A. Bordyugov
Lomonosov Moscow State University, Moscow

Раскрываются итоги экспертного анализа процессов, связанных с юбилеем Победы в Великой Отечественной и Второй мировой войне, анализируются причины радикализации пространства памяти в условиях кардинально изменившейся внешней и внутренней политики РФ, освещаются особенности традиционных и новых проектов передачи памяти о Победе новому поколению, попытки фальсификации основных событий войны и информационных атак, связанных с пересмотром ее итогов.

The theses publicize the results of an expert analyzing of processes relating to the celebration of the 80th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War and the Second World War; reveal the reasons of the radicalization of the realm of memory in drastic change of Russia's home and foreign policies; highlight traditional and modern trends in memorizing the Great Victory in new generations as well as facts of misrepresentation of main events of the War and of informational attacks aiming at revising of its results.

Ключевые слова: мониторинг юбилея, пространство памяти, моделирование памяти, проекты памяти, цифровые технологии, осовременивание Дня Победы.

Keywords: jubilee monitoring, realm of memory, projects of memory, digital technologies, modernization of the Victory Day.

Выстраивание моделей исторической памяти может быть ретроспективным, то есть реконструкцией того, как и что работало в определенные исторические периоды. Международные мониторинги АИРО-XXI (Победа-70, 75, 80, Революция-100, СССР-100), наоборот, связаны со стремлением проанализировать, как формировалась та или иная модель памятования знаковой даты в точке ее создания, синхронно, в режиме реального времени. Выполнить подобную работу может только коллектив, каждый участник которого отслеживает ту или иную сферу политической, общественной, культурной, научной жизни, в которых отражалась юбилейная тематика. Мониторинги неспроста названы «реконструкцией юбилея», поскольку главное внимание было сосредоточено на отслеживании того, как протекали процессы, какие факторы и с каким эффектом на них влияли – мониторинги стартовали задолго до самого юбилея, когда только начиналась подготовка к нему.

Россия сделала всё, чтобы 80-я весна Победы стала данью памяти о погибших и в то же время четко обозначила, кто и на какой стороне истории находится в условиях противостояния России и Запада, в условиях СВО. Болевой точкой стали воспоминания о погибших солдатах и осознание того, что в мире осталось немногим более 10 000 участников Великой Отечественной войны, около 7 тысяч из них живут в России, что к ветеранам в категории «дети военных лет» приравнены все родившиеся в период с 1928 по 9 мая 1945 г., что начиная с 2022 г. 9 мая четвертый раз отмечалось в условиях СВО, которая создала не только принципиально иную атмосферу в обществе, но и иное измерение в понимании войны, что в прежнем формате праздник вернулся в новые регионы России – ДНР, ЛНР, Запорожскую и Херсонскую области.

Сопровождающая экспертные оценки хроника юбилея вместила в себя множество традиционных и новых проектов как способов передачи памяти о войне следующим поколениям. Крупными, государственными акциями в пространстве памяти по-прежнему управляет власть. Кроме традиционного сценария – Парад Победы, «Минута молчания», возложение цветов к Могиле Неизвестного Солдата, забота о ветеранах, «Бессмертный полк», расширение государственной информационной системы «Память народа» и др., – власть сфокусировала свое внимание на актуализации опыта войны в контексте СВО,

принятии закона «О геноциде», открытии новых архивных документов. Перед Оргкомитетом юбилея стояла сложная задача: не допустить скатывания общественной дискуссии ни к восприятию Великой Отечественной сугубо сквозь призму СВО, ни к «академическому» дистанцированию 1945 г. от дня сегодняшнего. Свой способ освещения пространства памяти был у авторов общественных проектов и сценариев, которые рождаются снизу со своим, возможно, негромким подходом, но очень живым по своей тональности, искренним прикосновением к наследию. Но, к сожалению, по-прежнему было немало случаев превращения памяти в маркетинговый ход. Повысилась роль цифровых технологий в сохранении памяти о войне, обеспечение ими быстрой реакции на сомнительный креатив. Однако цифра имеет и обратную сторону. Накануне юбилея на фасаде здания Министерства образования Алтайского края появился баннер «Гордимся Победой» с людьми, радостно вскинувшими руки. Картинка, как предположили горожане, сгенерирована искусственным интеллектом, который нередко ошибается с изображением человеческих лиц, рук, формы у военнослужащих.

Мониторинг зафиксировал немало фальсификаций. По-прежнему подвергается сомнению блокада Ленинграда, утверждается, что на самом деле никаких проблем со снабжением города и эвакуацией жителей не было, а все беды от советской власти, которая хотела заморить людей голодом. Радикальные мнения снова затронули историю ленд-лиза, без которого СССР, якобы, мог проиграть войну. И Брестская крепость, оказывается, пала через день, а все ее защитники сдались практически без боя. Другие фальсификации наблюдались в собственных историографии и соцсетях. Неожиданной атаке подвергся принятый 21 апреля 2025 г. закон «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» Дискуссия возникла в связи с определением критериев различий между геноцидом и военным преступлением. В 2022–2025 гг. ряд российских судов признал совершенные нацистами и их пособниками преступления в отношении мирного советского населения и военнопленных геноцидом на территориях, относящихся к 34 субъектам РФ. Суды не увидели разницы в сути понятий и совершенных деяниях. При этом никто не подверг сомнению уникальность Холокоста, определение геноцида в конвенции ООН 1948 г., основанной на идеях Рафаэля Лемкина о существовании и геноцида евреев, и геноцида славян, геноцида, связанного с полным или частичным уничтожением этнической, расовой или религиозной группы.

Творческая группа мониторинга реагировала и на то, что в пространство памяти о Победе вернулся образ Сталина. В 2025 г. памятники

и бюсты Сталину открылись во многих городах, и инициаторами установки были КПРФ и некоторые предприниматели. Местные власти скорее неодобрительно относились к их инициативе, но не препятствовали ее реализации. Как шаг к исторической реабилитации Сталина было воспринято и требование переименовать Волгоград в Сталинград. Примечательно, что требующим вернуть название Сталинград Волгограду представителям КПРФ напомнили, что свое название город утратил именно в советские времена, а точнее – в ноябре 1961 г. Как заявил председатель Госдумы Вячеслав Володин, коммунисты сами переименовали Царицын, а потом и Сталинград. А зачем вы переименовали? Вы разочаровались в роли Сталина? Вы его осудили? Ну тогда придерживайтесь этой линии! Но если вы пересмотрели эту роль, тогда покайтесь. Однако, символический шаг навстречу сталинским сторонникам был сделан – переименовали в Сталинград не город Волгоград, а аэропорт. Взбудоражило общественность и открытие на кольцевой станции московского метро «Таганская» горельефа «Благодарность народа вождю-полководцу». Вопросов возникло много: это что, возрождение культа личности, очередная волна исторического ревизионизма? С очередным всплытием образа Сталина, действительно, замелькали определения «ползучая сталинизация», «робкий сталинизм» и др. Вся эта эмоциональная реакция, безусловно, связана с обострением борьбы идеологических ценностей, с просчетами в управленческих решениях, случаями несправедливости в отношении ветеранов СВО, нетерпением в ожидании развязки кровавого конфликта. А главное, сегодня Иосиф Виссарионович – не просто сильная политическая фигура, он – победитель нацизма. Именно в таком качестве образ Сталина выполняет сегодня свою задачу. Однако, власть снова обнаружила непоследовательность в отношении мифа о вожде в контексте сурового испытания национальной идентичности. СВО затормозила переход образа Сталина из пространства памяти в историю, но рано или поздно это, видимо, произойдет.

Общество столкнулось и с навязыванием другого культа – культа Победы. Seriously настораживает предложение относиться к 9 Мая как к «гражданской Пасхе», как к гражданской религии, которая позволяет искусственно синтезировать советское и православное. Здесь необходимо понимание и терпение в отношении обеих сторон полемики по этому вопросу. В нашем обществе крайне сложно достигнуть по нему консенсуса. Главное сейчас – укреплять единство общества. Позитивные процессы в этом направлении, пусть и не так быстро, но идут. Важно, чтобы юбилейные торжества не стали очередной кампанией, за которую надо отчитаться и

потом благополучно забыть. Признаков этого, как показал мониторинг, намного меньше, чем было в предыдущие юбилеи.

Подводя итоги мониторинга, следует отметить, во-первых, своего рода осовременивание Дня Победы в России. Оставаясь привязанным к вполне конкретному событию прошлого, он стал еще больше проецироваться на настоящее. Во-вторых, осовременивание Дня Победы, вопреки некоторым прогнозам, не приводит в России к тотальной мифологизации памяти о войне. Наблюдается противоположная тенденция: осовременивание повышает внимание к фактам и событиям 1941–1945 гг. как таковым. В-третьих, юбилей продемонстрировал гомогенность памяти в новых регионах страны. Данный факт подтверждает естественность и органичность их вхождения в состав РФ. В-четвертых, рефлексии о войне и Победе, особенно культурные, по-прежнему остаются неэффективными и не отвечающими вызовам, стоящим в настоящее время перед страной. Как и в предыдущие юбилеи, культура и наука, в отличие от идеологии, хотя и неконституционной, но по факту все же существующей и действующей, при подготовке к юбилею действовали инерционно и не создали ничего действительно заслуживающего внимания. В-пятых, в том, что происходит за пределами России, поступательно продолжают процессы, зафиксированные мониторингами «Победа-70» и «Победа-75» и сводящиеся к формированию картины, противоположной той, какая существует в России. Более того, данный процесс заметно усилился. Негосударственная, или народная, память в ближнем зарубежье оказывается малоприспособленной на фоне официальной антироссийской пропаганды, остается уделом лиц старшего и отчасти среднего поколений. В отношении дальнего зарубежья внешняя политика России по-прежнему выстраивается, исходя из приоритета сохранения хотя бы каких-то позиций на Западе, что недопустимо в ситуации открытой войны Запада с Россией. Память о Победе – это надежный индикатор всех этих процессов, она не нужна никому, кроме России.

Таким образом, пространство памяти радикально актуализировалось. Это вызвано тем, что за последние три с лишним года в стране сложился значительный сегмент патриотически ориентированного гражданского общества. Данный сегмент остро нуждается в смыслах для ценностных ориентиров. Таких специально спроектированных смыслов в настоящее время нет, поэтому их роль выполняет память о войне и Победе.

**ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ПОТОМКОВ
ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА СЕВЕР
ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ ЯКУТОВ ЧУРАПЧИНСКОГО УЛУСА)
LIFESTYLE STRATEGIES OF DESCENDANTS
OF FORCED RESIDENTS IN THE NORTH DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR
(ON THE EXAMPLE OF THE YAKUTS OF CHURAPCHINSKY ULUS)**

У.А. Винокурова

*Арктический государственный институт культуры и искусств,
г. Якутск*

А.Е. Захарова

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов севера СО РАН
Федерального исследовательского центра
«Якутский научный центр СО РАН», г. Якутск*

Г.Г. Алексеева

*Чурапчинский государственный институт
физической культуры и спорта», с. Чурапча*

U.A. Vinokurova

Arctic State Institute of Culture and Arts, Yakutsk

A.E. Zakharova

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of
Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk*

G.G. Alekseeva

Churapcha State Institute of Physical Education and Sports, Churapcha

Содержатся результаты социологических исследований, направленных на изучение социально-психологических последствий вынужденного переселения семей якутов Чурапчинского улуса Якутии для их потомков. Выявлены особенности формирования жизненных стратегий второго-третьего поколения вынужденных переселенцев на Север.

The article contains the results of sociological research aimed at studying the socio-psychological consequences of the forced resettlement of Yakut families of the Churapchinsky ulus of Yakutia for their descendants. The features of the formation of life strategies of the second-third generation of forced migrants to the North are revealed.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, вынужденное переселение, потомки вынужденных переселенцев на Север, село Чурапча Республики Саха (Якутия).

Keywords: Great Patriotic War, forced resettlement, descendants of forced migrants to the North, the village of Churapcha in the Republic of Sakha (Yakutia).

Целью настоящего исследования является комплексный анализ особенностей формирования жизненных стратегий представителей второго и третьего поколений семей, подвергшихся принудительному переселению в северные регионы. Эмпирическую базу исследования составили данные социологического опроса (n=250) жителей Чурапчинского улуса Республики Саха (Якутия), глубинные интервью с жителями села Бахсы, архивные материалы и воспоминания активистов, занимающихся сохранением памяти о депортациях периода Великой Отечественной войны. Особое значение имеют документы Национального архива Республики Саха (Якутия), в частности, фонды Якутского обкома ВКП(б) и Совета народных комиссаров ЯАССР, содержащие уникальные сведения о процессе переселения. Полевые исследования проводились в период 2018-2020 гг. с применением качественных и количественных методов сбора и анализа данных.

В 1942-1945 гг. 41 колхоз Чурапчинского улуса были насильственно переселены на Север Якутии; ликвидированы Танда-Бахсытский, Телейский, Бахсытский, Белолюбский, Альчагарский, Мугудайский, Мельжексинский наслежные советы. Анализ архивных материалов и статистических данных позволяет выявить катастрофические последствия административно-территориальной реорганизации Чурапчинского улуса в военные годы. В результате ликвидации семи наслегов была нарушена традиционная система расселения и хозяйствования. Демографические показатели свидетельствуют о беспрецедентных потерях: при 925 погибших на фронтах Великой Отечественной войны за два года депортации (1942-1944 гг.) умерло 1747 человек, что почти вдвое превышает военные потери. Особенно показательной является динамика численности населения Чурапчинского района: с 16964 человек в 1941 г. до 7934 в 1943 г., с восстановлением довоенного уровня лишь к 1985 г.

Насильственность и ошибочность чурапчинского переселения официально на республиканском уровне была признана только в 1991 г. [1].

Причинами вынужденного переселения чурапчинцев на Север являются засуха в Якутии в годы войны и из-за того, что не была проведена достаточная работа по телеграмме Союз наркомрыбпрома СССР о создании 200 рыболовецких бригад в Якутии в установленные сроки для добычи рыбы и производства рыбпродуктов для фронта.

Процесс исторической рефлексии этих событий прошел несколько этапов – от периода полного умолчания (1945-1987 гг.) через этап первичного осмысления, инициированного решением Чурапчинской районной конференции ветеранов 1987 г., до современного периода официального признания и системной мемориализации. Конференция 1987 г. сыграла

ключевую роль, легитимизировав научное изучение вопроса, сбор устноисторических свидетельств и создав институциональные основы передачи коллективной памяти.

Результаты социологического исследования демонстрируют специфику межпоколенческой передачи исторической памяти о принудительном переселении чурапчинцев в 1942-1945 гг. Основными каналами трансляции информации выступают семейные коммуникации: 59% респондентов получили сведения от родителей, 38% – от бабушек и дедушек. При этом 59% опрошенных с детства были знакомы с рассказами о жизни на Севере, тогда как 22% отметили, что в их семьях стали обсуждать эти события только после публичного раскрытия информации, а для 14,4% тема оставалась табуированной. Испытания в годы войны голода, тягот вынужденного переселения на север, борьба за жизнь сформировали «чурапчинский характер», проявляющийся на социальных практиках и ценностных ориентациях современных жителей улуса [2].

Содержательный анализ воспоминаний выявляет преобладание травматического нарратива: 68% респондентов упоминают о тяжелых условиях жизни в первые годы переселения, 43% – о гибели родственников в дороге, 24% – о непривычной физической работе, 14,4% – о бесправном положении. Параллельно фиксируются позитивные референции: 13% отмечают доброту местного населения, 12,4% – воспоминания о природе Севера. Только 9,2% указали на отсутствие обсуждений этой темы в семье.

Исследование выявило основные факторы, способствовавшие выживанию переселенцев: сила духа (29,4%), вера в возвращение (26%), трудолюбие и оптимизм (14,5%), взаимопомощь (13,1%), физическое здоровье (6,6%), крепкие семейные узы (6,3%) и традиционное мировоззрение (2%). В структуре современных источников информации доминируют телевидение (28,3%), газеты (21,8%), музейные экспозиции (16,3%), интернет-ресурсы (7,3%) и научная литература (6,1%).

Полученные данные свидетельствуют о формировании устойчивой системы исторической памяти, сочетающей семейные нарративы, институциональные формы коммеморативных практик и медийные каналы трансляции. При этом отмечается корреляция между интенсивностью семейной коммуникации и уровнем социального оптимизма у респондентов, что подчеркивает важность межпоколенческой передачи исторического опыта для формирования коллективной идентичности.

Результаты исследования, проведенного в 2024 г. по проекту «Патриотизм народов северо-востока России: большая и малая родина в нарративах жителей Якутии и Чукотки», выявили специфические

особенности этнической идентичности и коллективного сознания жителей села Чурапча. Чурапчинцы демонстрируют уверенность в завтрашнем дне: 44,1% однозначно ответили «Да, уверен», а 41,2% выбрали вариант «Скорее уверен». В совокупности это составляет 85,3% жителей, позитивно оценивающих свои перспективы в будущем.

Исследование особенностей патриотизма народов северо-востока РФ в 2024 г. выявило три ключевые характеристики чурапчинцев. Во-первых, наблюдается сильная привязанность к родовым местам – 94,1% респондентов положительно оценивают жизнь в своем населенном пункте. Во-вторых, фиксируется высокий уровень общественной активности – 80% опрошенных считают себя социально вовлеченными. В-третьих, отмечается миграционная устойчивость населения, большинство которого не планирует смену места жительства.

Анализ межпоколенческой трансляции опыта показывает различные формы его репрезентации: от острых травматических переживаний у первого поколения переселенцев до трансформации исторического опыта в элементы этнической идентичности у третьего-четвертого поколений.

Основные выводы исследования свидетельствуют:

1. В процессе межпоколенческой трансляции исторического опыта происходит его постепенная трансформация: от травматических нарративов первого поколения к адаптивным стратегиям второго поколения и элементам этнокультурной идентичности у третьего поколения.

2. Ключевыми факторами формирования устойчивых жизненных стратегий выступают: сохранение семейной и родовой памяти, развитые механизмы социальной солидарности и взаимопомощи, ориентация на образование как способ социальной мобильности, баланс между традиционными ценностями и современными возможностями.

Исторический опыт вынужденного переселения, пройдя сложный путь трансформации в коллективной памяти, превратился из фактора уязвимости в ресурс формирования устойчивых жизненных стратегий. Особое значение имеет выявленный механизм "переработки травмы" в социально-адаптивные качества, что представляет значительный интерес для дальнейших исследований в области социологии памяти и межпоколенческих исследований.

Список литературы

1. Жить и помнить: жизненные стратегии молодежи как потомков этносов, перенесших вынужденное выселение на Север: коллективная монография / У.А. Винокурова, Л.В. Намруева, А.Е. Захарова, Г.Г. Алексеева [и др.]; под общей

редакцией У.А. Винокуровой – (Социология в Арктике. Выпуск 2.) – М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2023. 266 с.

2. Винокурова, У.А., Алексеева, Г.Г. Роль исторической памяти в формировании личности тренера // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. №1, 2019. С. 23-27.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО
СТУДЕНЧЕСТВА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
КАК КОМПОНЕНТ ЕГО КУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ, СОСТОЯНИЕ
И ПУТИ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ**
**THE HISTORICAL MEMORY OF MODERN RUSSIAN STUDENTS
ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR AS A COMPONENT
OF THEIR CULTURAL CAPITAL: PROBLEM STATEMENT,
STATUS AND WAYS OF PRESERVATION AND DEVELOPMENT**

Ю.Р. Вишневский
Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург
Yu.R. Vishnevsky
Ural Federal University
Yekaterinburg

РФ «читит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды». Национальная политика России направлена на сохранение, развитие гражданской идентичности через защиту и сохранение исторической памяти об исторически значимых для нации фактов. Защита исторической памяти как сохранение «преемственности в развитии российского государства и его исторически сложившегося единства, противодействие фальсификации истории» – один из стратегических приоритетов обеспечения национальной безопасности России [1].

The Russian Federation "honors the memory of the defenders of the Fatherland, ensures the protection of historical truth." Russia's national policy is aimed at preserving and developing civic identity through the protection and preservation of historical memory of historically significant facts for the nation. The protection of historical memory as the preservation of "continuity in the development of the Russian state and its historically formed unity, countering the falsification of history" is one of the strategic priorities of ensuring Russia's national security [1].

Ключевые слова: историческая память, культурный капитал, студенчество.

Keywords: historical memory, cultural capital, students.

Современное российское общество нуждается в консолидирующем факторе, основанном на коллективной исторической памяти о подвигах предков. Сегодня, когда в ряде стран возрождается неонацизм, особую значимость приобретает память о Победе советского народа в Великой Отечественной войне. Вероятность исторического забвения, возможность укоренения в сознании молодежи модифицированных, искаженных представлений и смыслов в контексте Великой Победы.

80 лет, отделяющих нас от 1945 г., и в плане содержательном (исторической правды об этом величайшем событии XX века), и в сохранении исторической памяти у новых поколений – были далеко не однозначными. Наиболее сильным был перелом в публичной трактовке событий Великой Отечественной войны, начавшийся в годы перестройки и продолжившийся в условиях становления новой российской государственности. В 1990-е гг. в официальной политике явно прослеживался отказ от социалистического прошлого, произошла гигантская дискредитация всего советского, что коснулось и Великой Отечественной войны. Изменилось отношение к самому понятию патриотизм, получившему в то время негативную эмоциональную окраску, что сказалось на антипатриотических настроениях в обществе, особенно у молодых россиян. Оформилось новое понимание патриотизма в молодежной среде, связанное с правом любить Родину, и все меньше ассоциируемое с обязанностью и долгом гражданина.

Сложности восприятия исторической памяти современной молодежью

- дистанция между событиями Великой Отечественной войны и повседневностью;

- возможностей получения информации от участников тех событий;

- разнонаправленность влияния различных акторов социализации молодежи;

- продолжающаяся «война памяти», связанная со стремлением пересмотреть итоги Второй мировой войны, роль тех или иных ее участников;

- включение в поле осмысления ею прошлого разных точек зрения, интерпретаций событий прошлого – от «исторической правды» до фальсификаций разного толка;

- специфика поколения Z, «выросшего со смартфоном в руках», получающего значительную часть информации из многочисленных блогов, что порождает клиповое сознание и поверхностное знание;

- последствия «дефицита патриотизма у граждан и молодежи» на рубеже веков.

Исследовательская инициатива Российского общества социологов (РОС) по изучению отношения студенчества к Великой Отечественной войне была призвана дать социологическую информацию для принятия эффективных управленческих решений о путях и инструментах реализации гражданско-патриотического воспитания в стране. Проект – своеобразный отклик на запрос о социологическом изучении исторической памяти студенческой молодежи. Проект важен не только для понимания степени «поддержки молодежью официального курса», но и для выявления происходящих трансформаций молодежного патриотического сознания. Федеральные исследования РОС – уникальное в мировой социологической практике явление. И хотелось бы высказать слова благодарности всем его участникам всех пяти волн (2005-2010-2015-2020-2025) – и нашей организационной группе, и региональным отделениям РОС, и респондентам-студентам. Коллективный характер проекта проявлялся не только в сборе эмпирических данных, но и прежде всего во взаимодействии российских социологов в разработке его методологических основ.

В процессе этого коллективного творчества углублялось и развивалось ключевое понятие «историческая память» (ИП):

ПРОШЛЫЕ => трансляция => МОЛОДОЕ.

ИП = ПОКОЛЕНИЯ ПОКОЛЕНИЕ.

Трансляция на: знания, представления, ценности, символы, идеи, убеждения, верования, обычаи, традиции, нормы и правила поведения.

ИП – ядро этнической и культурной самоидентификации людей.

Существенное влияние на регуляцию поведения индивидов, коллективов, общностей, этносов социума.

ИП – воспроизводство прошлого опыта для использования его в настоящем и для конструирования будущего.

Акцент на воспроизводственном характере исторической памяти, возможности ее использования в жизнедеятельности человека (на основе обобщения многолетних исследований исторического сознания россиян социологами) подчеркнул влияние исторической памяти через «эмоционально-смысловые структуры идентичности на массовое сознание и поведенческие практики людей» подготовил её трактовку как важного компонента человеческого, социального и культурного капитала, что обогатило методологию мониторинга накануне пятой волны.

Что же дает использование потенциала теории человеческого и культурного капитала применительно к исторической памяти? Учтем, что жесткие требования мониторинга к устойчивости инструментария определяют приоритет такого использования на последующих этапах

преимущественно в интерпретации полученных данных и выявленных трендов.

Понимание исторической памяти как компонента культурного капитала

- подчеркивает субъектность его обладателя;
- соответствует повороту патриотического воспитания молодежи (одна из его задач – формировать, сохранять, развивать историческую память, особенно о событиях судьбоносных для страны) и социологии молодежи к субъект-субъектному подходу;
- лучше учитывает и особенности нынешнего молодого поколения, чье восприятие жизни соотносится с индивидуальными интересами и саморазвитием;
- историческая память при это сочетается с воспроизводством прошлого опыта, возможностью его использования в настоящем и для конструирования будущего;
- она приобретает смысл не только как желаемое, эмоционально принимаемое, должное, но и как значимое, важное, интересное и полезное, используемое человеком, конвертируемое им в реальные дела, т.к. нереализованный капитал теряет свое значение на индивидуально-личностном и социетальном уровнях. Человеком утрачиваются ресурсы, включая время и усилия, которые он потратил на его накопление. Теряют смысл и не оправдывают себя затраты государства на мемориальную пропаганду, коммеморативные практики, культурно-историческое образование и просвещение, патриотическое воспитание.

Сохраняется ли в молодежной среде интерес к самому событию – Великой Отечественной войне?

Таблица 1

Согласны ли Вы с мнением «Великая Отечественная война была давно, мне это не интересно»? (% от числа ответивших)

Варианты	Волны мониторинга				
	2005	2010	2015	2020	2025
Согласен	7	2	2	5	5
Не очень согласен	–	16	14	27	23
Не согласен	93	82	84	68	72

Ключевой индикатор – интерес студенчества к ее сохранению интерпретировался в двух аспектах? Во-первых, как в молодежном сознании

фиксируется сохранение или утрата «памяти о войне». Во-вторых, рассматривается ли студентами «подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине» как пример – возможный образец поведения?

Таблица 2

Приближается 80-летие Победы. Какие мысли и чувства вызывает у Вас эта дата?
(% от числа ответивших)

Варианты	Волны мониторинга				
	2005	2010	2015	2020	2025
С годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют иные события и проблемы	36	23	19	24	16
Память о минувшей войне сохраняется в сознании моих сверстников	6	10	11	17	22
Подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут примером для новых поколений	48	56	62	50	56
Героизм и самопожертвования во время Великой Отечественной войны становятся чуждыми значительной части молодежи	10	11	9	9	6
Всего	100	100	100	100	100

Цель гражданско-патриотического и военно-патриотического воспитания – сформировать человека-гражданина, патриота. И здесь важно сформировать не только установки и паттерны поведения, свойственные патриоту, но и самоидентификацию, которая позволила бы молодому человеку чувствовать себя частью общего. Ведь историческая память, будучи достоянием конкретной личности, носит коллективный характер.

Таблица 3

Вы можете себя назвать патриотом? (% от числа ответивших)

Альтернативы	Волны мониторинга			
	2010	2015	2020	2025
Да	24	29	17	41
Скорее да, чем нет	58	55	47	41
Скорее нет, чем да	14	13	17	7
Нет	4	3	9	5
Затрудняюсь ответить	—	—	10	6
Всего	100	100	100	100

Самоидентификация конкретизируется тем, какое значение вкладывается респондентами в понятие «патриотизм». Такая конкретизация позволяет выявить в динамике все три аспекта исторической памяти (эмоционально-чувственный, когнитивный и поведенческий), оценить, насколько она из вербальной становится действенной, т.е. насколько она становится реально используемым культурным капиталом.

Таблица 4

**Что значит быть патриотом своей страны?
(% от числа ответивших)***

Варианты	Волны мониторинга				
	2005	2010	2015	2020	2025
Испытывать гордость за свою страну	62	59	73	52	62
Уважать и знать историю своей страны	67	70	77	62	60
Испытывать чувство ответственности за происходящее в стране	32	34	42	53	55
Уважительно относиться к участникам ВОВ, людям пожилого возраста, инвалидам	40	50	65	50	47
Быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны	16	16	27	32	33
Честно и добросовестно трудиться	11	11	23	24	30
Принимать участие в общественной и политической жизни страны	16	16	27	32	29
Придерживаться традиционных ценностей в повседневной жизни	—	—	—	13	18
Не уклоняться от службы в армии	14	13	31	17	16
Быть волонтером	—	—	—	8	12
Обладать чувством хозяина в своей организации, городе, стране	6	5	6	7	7
Патриотизм – устаревшее понятие в эпоху открытых границ. Родина там, где тебе комфортно	—	—	—	13	6
Покупать в основном отечественные товары	3	2	6	3	4

Таблица 5

**Сегодня есть много мнений о событиях, связанных со второй мировой войной
Как вы к ним относитесь? (% от числа ответивших)**

	Суждения	Годы	Отвергаю	Спорно, но обсуждаемо	Можно согласиться
1	В войне виновны и Германия, и СССР	2020	40	44	16
		2025	50	43	7
2	Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 года НЕ было неожиданным	2020	30	36	34
		2025	33	40	27
3	Помощь фашистам ("Лесные братья", "Бандеровцы и т.д.) можно оправдать борьбой против советского строя, сталинизма, за независимость Украины, стран Прибалтики и др.	2020	39	46	15
		2025	48	41	10
4	Освобождение Прибалтики, Восточной Европы в 1944-1945 году было оккупацией	2020	36	51	13
		2025	39	50	11
5	Осквернение могил и снесение памятников советским воинам и полководцам в ряде стран – это декоммунизация (борьба с наследием СССР)	2020	38	30	32
		2025	31	26	43

Таблица 6

**В правильном ли направлении, по Вашему мнению,
реализуется политика современной России (9 этап мониторинга
«Динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала» /2024, n=2000)**

Аспекты политики	Да, скорее да	Скорее нет, нет
Культурная политика	86(34+52)	12(7+5)
Геополитика (борьба за многополярный мир, СВО – специальная военная операция, переориентация на Восток и Юг)	83(29+54)	15(9+6)
Социальная политика	83(26+57)	15(9+6)
Экономическая	82(22+60)	17 (12+5)
Государственное и муниципальное управление	81(21+60)	16(11+5)
Молодежная политика	81(31+50)	13(8+5)
Экологическая политика	81(30+51)	17(11+6)

Капитал исторической памяти – это не только социокультурный капитал, но и конструкт социального капитала государства, определяющий качественные характеристики человеческого капитала, в логике теорий П. Бурдье, Р. Патнема и Г. Беккера; качество устойчивых взаимоотношений с учетом содержательного наполнения исторической памяти является важнейшим показателем уровня гражданственности индивидов.

Молодежь ориентирована на следование принципам устойчивого развития и космополитизма. Историческая память молодого поколения о Великой Победе уязвима для смыслового переопределения событий и их национальной и лично-относительной важности под воздействием внешнеполитических сил и обстоятельств. Необходимо повышение открытости достоверных данных о событиях 1941-1945 гг. и уровня понимания молодыми россиянами того, как именно события XX в. сегодня вписываются в исторический и культурный контекст государства, общества, семьи.

Историческая память как основа единения народов и наций внутри одного государства, способствующего формированию и укреплению особой идентичности – отношению к стране как к месту своего проживания, приверженности государственному курсу развития:

1) возникает гражданственность как интегративное качество личности, которое позволяет каждому ощущать себя дееспособным в юридическом, социальном, нравственном и политическом контекстах;

2) патриотизм как фактор дизайна национального самосознания; наличие связи между изучением истории и героического прошлого своей страны и повышением уровня гордости за страну в обществе. Патриотизм начинает восприниматься как право любить Родину, и все меньше – как обязанность и долг гражданина.

Что сегодня влияет на формирование и воспроизводство исторической памяти:

1) попытки западных политиков фальсифицировать и исказить факты событий войны 1941–1945 гг. в сознании больших групп общественности в пользу зарубежного дискурса (Е.Г. Пономарева., А.Б. Фёдоров, Г.Н. Голядки, М.В. Фоменко, Т.И. Мармазова).

2) неоднозначное воздействие эпохи «перестройки» (становления «новой» России, отказавшейся от своего социалистического прошлого) на распространение разных толкований роли и значения Великой Победы советского народа (Ж.Т. Тощенко. А.Н. Малинкин).

3) влияние объектов культурного наследия, продуцируемых как иностранными государствами, так и отечественными деятелями культуры и

искусства: кино, литературные произведения, архитектурные памятники, музеи, экспозиции, выставки, мемориалы (С.Г. Ивченков, Я.А. Никифоров, С.В. Ситникова, С.Г. Воскобойников).

4) мемуары, личные дневники, фронтовые письма и автобиографии, сохранение которых позволяет преодолеть временной и пространственный разрыв между настоящим и прошлым (С.В. Козлов).

5) в российских образовательных организациях формируется молодежное сознание в духе патриотических ценностей, однако при этом молодежи долгое время транслировались ценности глобализма и космополитизма (С.Ю. Асеев, Я.Ю. Шашкова, С.О. Буранок).

6) семья как актор первичной социализации закладывает отношение индивида к истории и культуре своей страны, однако сейчас это влияние замещается воздействием новых медиа (Г.С. Широкалова, В.А. Гижов, А.Н. Учаев, Н.В. Шалаева, Н.В. Шумкова).

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В СИСТЕМЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ ПФО THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE SYSTEM OF PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH IN THE VOLGA FEDERAL DISTRICT

Р.В. Голубин, С.А. Судьин

***Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород***

R.V. Golubin, S.A. Sudin

***Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod***

Основываясь на результатах межрегионального исследования, оценивается роль Великой Отечественной войны в системе патриотического воспитания молодежи Приволжского федерального округа. Отмечается зависимость выраженности высокой оценки роли ВОВ в системе патриотического воспитания от региона проживания, профессионального статуса и возраста опрошенной молодежи.

Based on the results of an interregional study, is assessed the role of the Great Patriotic War in the system of patriotic education of youth in the Volga Federal District. The dependence of the high assessment of the role of the Great Patriotic War in the system of patriotic education on the region of residence, professional status, and age of the surveyed youth is noted.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, Великая Отечественная война, 80-тилетие Победы, социология молодежи, социально-культурный контекст.

Keywords: patriotic education, The Great Patriotic War, 80th anniversary of Victory, sociology of youth, socio-cultural context.

Великая Отечественная война советского народа и антигитлеровской коалиции против фашистской Германии стала переломным моментом не только для стран-участников, но и для всего мира, навсегда разделив его историю на «до» и «после». Человеческие потери, понесенные в войне Советским Союзом, легитимируют претензии современной России на основной вклад в победу над врагом и на роль одного из ведущих геополитических игроков на мировой арене. Великая Отечественная война и Победа, вопреки законам времени, все чаще и ярче возникают в общественно-политическом дискурсе, понемногу превращаясь из исторических событий в метанарратив, несущий мощный идеологический заряд. Этому в немалой степени способствует уход из жизни большинства ветеранов – свидетелей и творцов народного подвига, а также широкая представленность военной тематики в современном искусстве и культуре, давая свободу расставления необходимых акцентов. Эксплуатация исторических событий, активизация обращения к ним с целью консолидации нации в сложные жизненные периоды делает очень заманчивой идею использования военно-исторической тематики в формировании патриотического мировоззрения молодежи.

В марте–апреле 2025 г. при научной поддержке кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» был проведен опрос молодежи регионов Приволжского федерального округа, посвященный широкому кругу вопросов, касающихся ее ценностно-мотивационной сферы, отношения к ведущим акторам политического процесса, установок относительно ключевых событий прошлого и настоящего, а также планов на будущее. Изучению отношения молодежи к патриотическому воспитанию, его связи с педагогическим процессом и государственной политикой был посвящен отдельный блок вопросов.

Под патриотическим воспитанием понимается комплексный и последовательный процесс, направленный на развитие у подрастающих

поколений глубокого чувства привязанности, гордости и почтения к своей Родине, её богатой культуре, историческому пути и традиционным ценностям. В этом контексте патриотизм предстает не просто как эмоциональная связь с Отечеством, но и как готовность стоять на защите национальных интересов, вносить вклад в развитие государства и сохранять его историческую память. В таком определении патриотическое воспитание противопоставляется склонности к агрессивному космополитизму, историческому ревизионизму, поведенческому волюнтаризму и оппортунизму, а также культурному прозелитизму западного мира с его ориентацией на субъективизм и индивидуализм.

Для определения уровня представленности патриотических установок в сознании молодежи нами были использованы такие индикаторы, как мнения относительно современных методов патриотического воспитания и его более глубокой интеграции в школьные и вузовские образовательные программы, а также оценки роли Победы в становлении и развитии современной европейской цивилизации. Пункты опросника формулировались в виде суждений, ответы измерялись по шкале от 1 (совершенно не согласен) до 4 (полностью согласен).

В целом по ПФО можно отметить лояльное отношение к идее глубокой интеграции патриотического воспитания в педагогический процесс: определенный скепсис к ней питают лишь около трети опрошенных. Дальнейший анализ с раскладкой по регионам позволяет увидеть, что это соотношение меняется от субъекта к субъекту. Наибольший уровень несогласия демонстрирует молодежь Пермского края (почти 34%), Нижегородская область (30%), Республики Удмуртия (29%), Республика Чувашия (28%) и Марий Эл (26%). С небольшим отставанием следует Кировская область. Помимо регионального аспекта здесь необходимо учитывать и характеристики самой генеральной совокупности. Дальнейший анализ показал, что наименьшее воодушевление от идеи внедрения патриотического воспитания в образование испытывают старшие школьники (30% несогласных), составившие в соответствии с целями исследования значительную часть выборочной совокупности. Их можно понять: близость ЕГЭ, вопросы, связанные с дальнейшим жизнеустройством, поступлением в вузы или ссузы, формируют особую точку зрения на данный вопрос и заставляют воспринимать патриотику как дополнительную нагрузку к и без того насыщенной учебной программе. Напротив, среди молодежи, работающей на государственной или муниципальной службе, данная инициатива находит наиболее живой отклик – среди них насчитывается лишь 11% скептиков; к позитивно настроенным можно отнести молодежь, занятую

на производстве, – 20% скептиков. Наибольшая доля скептически настроенных – 43% – насчитывается среди нигде не учащейся и нигде не работающей молодежи. Данная группа стабильно демонстрирует выраженный эскапизм, критицизм, недовольство, недоверие, повышенные амбиции на фоне социальной апатии и безынициативности. Среди регионов, демонстрирующих наибольшее согласие с необходимостью сделать патриотическое воспитание частью образовательного процесса на всех уровнях, оказались Ульяновская область (17%), Республики Татарстан, Мордовия и Башкортостан (19%, 20% и 21% соответственно).

Освобождение Европы от фашистской диктатуры стало началом новой эры в развитии Старого Света, заложило основы будущего «экономического чуда» и современного технологического развития. Именно поэтому крайне болезненно воспринимаются любые попытки дописывания или переписывания истории, предпринимаемые бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции. Для определения и понимания важности тематики Великой Отечественной войны в контексте патриотического воспитания нами был задан вопрос об отношении к утверждению «Современная европейская цивилизация существует исключительно благодаря победе СССР над фашизмом». Региональные особенности восприятия роли СССР в формировании современного европейского образа жизни по регионам показали следующую картину. Наибольшее количество несогласных отмечено в Пермском крае (33,5% от общего числа опрошенных), Республике Башкортостан (31,4%) и Кировской области (30,5%). Среди наиболее лояльных регионов – Ульяновская область (21,9%), Республики Татарстан (25,2%) и Мордовия (26,2%).

Еще одним параметром, связанным с патриотическим воспитанием, стал вопрос об *источниках патриотизма* в современной России. Этот аспект представлял важность в силу того, что современная молодежь с ее ориентацией на жизнь «здесь» и «сейчас» и обостренными гедонистическими установками вряд ли способна долгое время вдохновляться историческими победами, не имеющими однозначной прямой связи с их картиной настоящего. Наиболее категоричной в поддержке идеи о том, что источником патриотизма должны быть события настоящего, а не прошлого, оказалась молодежь, работающая на предприятиях, очевидно, на практике испытывающая все сложности трудовой жизни. Наименее – учащиеся школ и вузов, активнее остальных вовлеченные в историко-патриотические мероприятия и в силу возраста не склонные к глубокой рефлексии. Однако, количество несогласных с признанием ведущей роли исторических событий в формировании патриотических установок в

большинстве профессиональных групп двукратно превышает сторонников противоположной точки зрения.

При всей безусловной важности сохранения памяти о Войне и Победе мы чувствуем явный недостаток факторов социальной интеграции и социальной солидарности россиян и, в частности, молодежи. Необходимость обращения к событиям довольно далекого прошлого говорит о недостатке таких поводов в настоящем, а также свидетельствует об определенном кризисе картины будущего. А ведь именно за будущее нашей страны и всего мира сражался наш народ в ту войну.

«КРИЗИС СТАРЕНИЯ» КАК ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОСЛЕДСТВИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

THE "AGING CRISIS" AS A DEMOGRAPHIC CONSEQUENCE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

И.А. Григорьева
СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург
I.A. Grigorieva
SI RAS – branch of FNIC RAS, Saint Petersburg

Старение населения – это естественное продолжение, т.е. всплеска рождаемости в первые послевоенные 10-15 лет. Но ни одна страна мира не была готова к «серебряному цунами», необходимости менять пенсионные режимы и поддерживать возвращение пожилых в занятость.

The aging of the population is a natural continuation of the surge in the birth rate in the first 10-15 years after the war. But no country in the world was ready for the "silver tsunami", the need to change pension regimes and support the return of the elderly to employment.

Ключевые слова: Старение, пенсионный возраст, занятость, пожилые.

Keywords: Ageing, norms of pension, employment, elderly people.

Специалисты, анализируя в начале XXI в. возникшее беспокойство по поводу старения населения и даже «кризиса старения», оставляют в тени то обстоятельство, что оно возникло в конце XX – начале XXI как естественное продолжение «бэби-бума», то есть всплеска рождаемости в первые послевоенные 10-15 лет. Действительно, тогда появились на свет не только

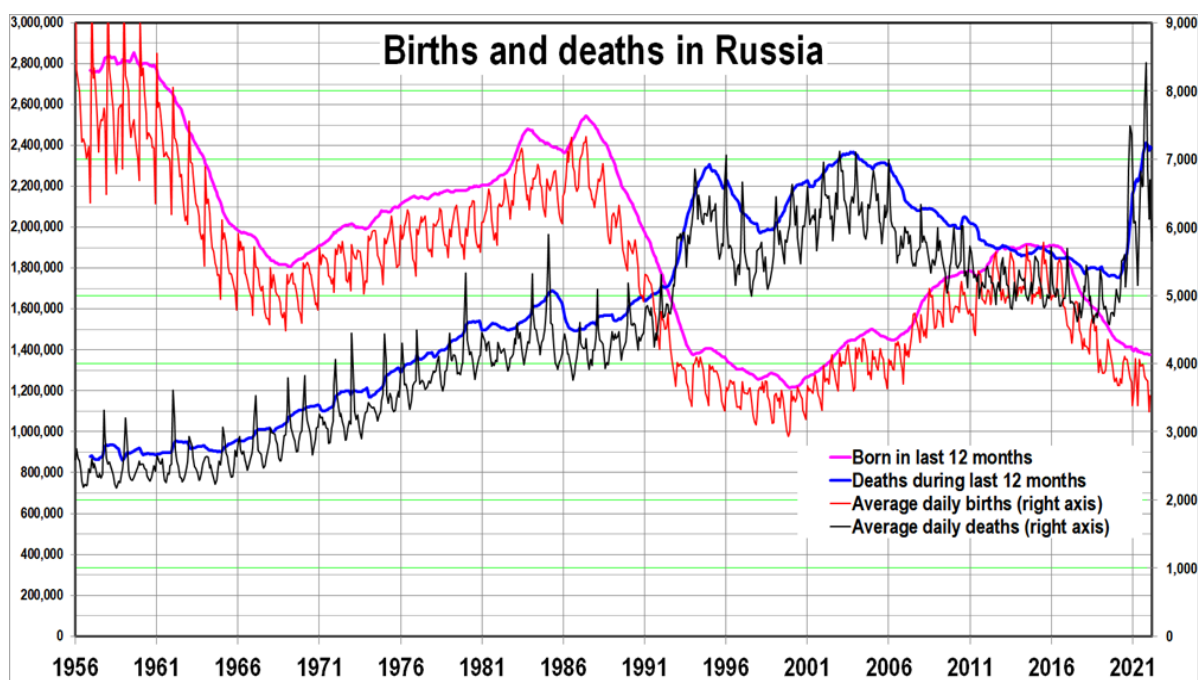
* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10118 (<https://rscf.ru/project/24-78-10118/>).

дети, рождение которых было «отложено» из-за войны, но даже несколько больше, хотя многодетность уже стала редкой. Социальный оптимизм послевоенного времени имел комплексный характер, выражался и рост рождаемости, и восстановление разрушенного войной хозяйства вместе с началом массового жилищного строительства. Принятие Закона СССР о пенсиях в 1956 г. [1], который сделал универсальными уже существовавшие отраслевые режимы, стимулировал выход женщин на рынок труда, поскольку им Закон предоставлял понятные и существенные льготы в возрасте и стаже, хотя пенсия называлась «пенсия по старости». Но тогда никто не видел в этом дискриминации. Низкие нормы и стажа, и возраста, считавшиеся достижениями социализма, закрепили уверенность населения в том, что чем раньше человек выходит на пенсию, тем лучше. А информация о том, что в развитых странах Европы и США пенсионный возраст был 62-65 лет, почему и зачем так не обсуждалась и, собственно, была известна только специалистам.

В конце 1980-х гг. началось развитие социального обслуживания пожилых, что позволило обратить внимание, что нуждающихся в данных услугах, сначала просто в покупке, доставке продуктов питания в ситуации талонов и очередей, довольно много, несмотря на полный охват населения пенсиями. Параллельно ориентация на западные образцы социальной политики привела к осознанию нежизнеспособности принятых норм возраста и стажа, осознанию сложностей в финансировании пенсионной системы, особенно в связи с инфляцией и ростом числа организационно-правовых форм производства. Был принят новый федеральный закон СССР, где в статье 2 появилось важная новелла – понятие «пенсия по возрасту». Социальные пенсии назначались позже, в основном инвалидам, инвалидам с детства или в случае потери кормильца. Не имеющим права на трудовую пенсию назначалась социальная, мужчинам с 65 лет, женщинам с 60 лет [2]. Однако этот Закон быстро утратил силу.

Сначала, особенно в России, беспокойство по поводу старения было связано с нарушением соотношения работающих и пенсионеров, которое было в середине 1950-х. В 1950-60 гг. пенсионеров оказалось относительно немного из-за военных потерь взрослого населения. Однако, смертность стала расти уже по каким-то другим причинам, а рождаемость падать. Это привело в начале 1980-х к активизации политики поддержки семьи, когда многодетной стали считать семью с тремя детьми, а отпуск по беременности и родам с сохранением места работы мог быть длительностью до 3-х лет. Однако, подъем рождаемости, хотя и случился, но оказался кратковременным из-за Перестройки и либерализации 1990-х. Далее, в 1992 г. произошло то, что уже

случалось в Европе, где население в среднем существенно старше, чем в России, а именно демографический крест. К сожалению, никаких внятных объяснений этого явления не было, СМИ нагнетали панику и дезинформировали население. Динамика смертности позволяла спекулировать на теме низкой продолжительности жизни и особой болезненности населения, что сыграло свою отрицательную роль в откладывании изменений в пенсионной системе, которые бы предполагали повышение пенсионного возраста. Увеличить стаж, необходимый для получения пенсии, тогда стало невозможно и до сих пор невозможно сначала из-за отсутствия рабочих мест, а сейчас из-за расширения пространства серой занятости, не связанной с пенсионными отчислениями. Подробно мы анализировали это в момент начала пенсионной реформы в 2019 г. [3]. Наглядно динамика смертности и рождаемости показана на рисунке 1.

Важно отметить, что в 1990-е пенсии перестали играть важную роль в регулировании рынка труда, но были существенны в регулировании уровня жизни семей с пенсионером в составе. Был период, когда невыплаты или задержки зарплаты были столь часты, что регулярное получение пенсии, пусть и маленькой, было спасением для семей. Поэтому некоторое гарантирование положения участников Великой отечественной войны через принятие ФЗ «О ветеранах» в 1995 г. было, тем более, очень важно [4]. Однако ряд вопросов, связанных с получением статуса ветерана и другими аспектами «меритократической селекции» (выражение Р. Титмуса) были проработаны недостаточно четко. Хотя ветераны войны были безусловно

уважаемой категорией, существовал ряд групп пожилых, чье признание носило спорный характер, но спор об этом актуализировался запутанной системой льгот, которые компенсировали упавшую в размере пенсию. Например, это участники обороны Ленинграда или дети блокадного Ленинграда.

Все эти подробности мы перечислили в контексте воспоминаний о том, как хорошо жили пенсионеры в советское время и какой большой была пенсия. Однако пенсия просто была не у всех, о чем сейчас мало кто помнит. Конечно, пенсия была у рабочих оборонных и аналогичных предприятий, но ведь не все работали на подобных. У многих служащих пенсий просто не было, а была только зарплата. Фактически, почти 40 лет, т.е. до 1956 г., в том числе, при «Отце народов», пожилые люди могли полагаться только на помощь родственников. И если в деревне можно было пропитаться, хотя и с большим трудом, при помощи натурального хозяйства, то в городах ситуация была печальной. Зато и пенсию стали платить колхозникам только в 1964 г. Далеко не все женщины в 1950-60-е и даже 1970-е гг. в момент расчета пенсии, то есть 55 лет, имели необходимый стаж 20 лет.

Одним словом, если советское время рассматривать в исторической ретроспективе, а не за последние 15-20 лет до Перестройки и далее, то положение пожилых вовсе не выглядит столь благополучным, как сегодня можно услышать. Различия в социальном опыте поколений отражаются на их исторической памяти и восприятии истории. Однако, в памяти людей, как правило, гораздо прочнее сохраняются семейные истории, а не сведения из учебников истории, поскольку учебники не раз переписывались на нашей памяти. Так, А.Л. Андреев и Р.Э. Бараш отмечают, что, «хотя идеализация имперского прошлого в целом россиянам не свойственна, данный период в их глазах выглядит лучше, чем любой период советской истории, за исключением «эры Брежнева»: так, за царскую Россию голоса наших респондентов подавались в 2,5 раза чаще, чем за хрущевскую «оттепель», почти в 5 раз чаще, чем за «перестройку», и в 11 раз чаще, чем за рыночные реформы Ельцина и Гайдара. Но доля неопределившихся или ответивших, что их идеалу не соответствует ни один из периодов отечественной истории, очень велико – свыше 43%» [5]. Это говорит о том, что исторические консенсусы в современном российском обществе все же относительны, отнюдь не отличаются «железобетонной» устойчивостью и могут в будущем подвергаться определенным переформатированиям, хотя наблюдения показывают, что это переформатирование приводит к все более схематичной картине прошлого.

Итак, в длительном процессе ослабления пенсионных гарантий в постсоциалистическое время оказались именно родившиеся в период послевоенного подъема рождаемости. Многие из них привыкли жить в ситуации, что рабочее место не нужно искать и, тем более, куда-то ехать в поисках рабочего места. Именно исходя из особенностей и ожиданий данной группы, дискуссия о возможностях повышения пенсионного возраста велась очень долго. Казалось, что к 2019 г. все дети «бэби-бума» уже вышли на пенсию. Однако, размер пенсии, постоянно отстающий от инфляции и просто маленький, заставил многих все же искать путей возвращения в занятость. Преобладание «серой» занятости у этой группы населения несет ущерб им самим, Социальному фонду РФ и государству, о чем мы не однажды писали. В результате ресурсный потенциал социальной группы «пожилые» далек от его максимальной реализации [6] из-за того, что обсуждение темы старения населения застряло на «кризисе» вместо поисков новых возможностей занятости пожилых на обновившемся рынке труда.

Список литературы

1. Закон СССР «О государственных пенсиях» от 14 июля 1956 г.
2. Федеральный закон «О ветеранах» № 5-ФЗ от 12.01.1995.
3. Федеральный Закон (2004) «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации» № 122-ФЗ от 22.08.2004.
4. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 N 350-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/ (дата обращения: 15.09.2025).
5. Андреев, А.Л., Бараш, Р.Э. Доклад «Прошлое в настоящем: к характеристике исторического самосознания современного российского общества». URL: https://www.isras.ru/institute_news.html?id=13734 (дата обращения: 15.09.2025).
6. Григорьева, И.А., Уханова, Ю.В., Смолева, Е.О. Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогнозы. 2019. Т. 12. № 5. С. 124-140.

ОБРАЗ И СИМВОЛЫ БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЁЖИ THE IMAGE AND SYMBOLS OF THE IMMORTAL REGIMENT IN THE MINDS OF YOUNG PEOPLE

Л.И. Грошева

*Тюменское высшее военно-инженерное командное ордена Кутузова
училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень*

L.I. Grosheva

*Tyumen Higher Military Engineering Command School of the Order of Kutuzov
named after Marshal of Engineering Troops A.I. Proshlyakov, Tyumen*

Рассматриваются особенности восприятия в молодёжной среде акции Бессмертный полк как средства и инструмента сохранения исторической памяти. Рассмотрены основные функциональные и содержательные аспекты феномена и определены наиболее рискованные поля его развития. Представлены данные авторского исследования, раскрывающие наиболее значимые для молодёжи компоненты движения.

The article examines the peculiarities of perception in the youth environment of the Immortal regiment action as a means and instrument for preserving historical memory. The main functional and substantive aspects of the phenomenon are considered and the most risky fields of its development are determined. The data of the author's research are presented, revealing the most significant components of the movement for young people.

Ключевые слова: Бессмертный полк, историческое наследие, историческая память, социальные установки, социальная активность, молодёжь.

Keywords: Immortal regiment, historical heritage, historical memory, social attitudes, social activity, youth.

Внимание и интерес к вопросам исторического наследия и национальных культурных ценностей может быть привлечён посредством специфических или нестандартных мер, способных актуализировать поднимаемую тему на фоне иных культурно-досуговых комплексов и массивного перманентного информационного потока. Для наиболее широкого охвата молодёжи мероприятия, нацеленные на ретрансляцию социальной исторической памяти, как правило, сосредоточены на двух базовых направлениях: теоретико-познавательном (определяющем представление информации в наиболее доступном и запоминающемся формате с ориентацией на пассивное ознакомление со стороны целевой аудитории) и консолидационно-прикладном (нацеленном на интенсивное вовлечение участников в различного рода активности в рамках малых или больших групп с акцентом на личностной причастности к системе или идее мероприятия).

В отношении просветительской деятельности, нацеленной на воспитание молодёжи, следует отметить, что высокая интенсивность жизни, быстрая смена трендов и необходимость постоянной переориентации молодых людей в отношении профессиональной самореализации требуют от них высокого сосредоточения, что стимулирует их экономить ресурсы в отношении видов деятельности, не обладающих субъективно полезными свойствами. В то же время В.Д. Береснев и Н.И. Береснева отмечают, что чрезмерная фильтрация с позиции полезности и текущих потребностей формирует у части молодёжи ценностный и деятельностный вакуум, предопределяющий их готовность к вовлечению в те виды активности, которые характеризуются социальным интересом (хайп, вайб) или имеют высокую массовость (общественные или волонтёрские движения) [1, с. 14]. Соответственно указанным аспектам, акция Бессмертный полк относится к комплексу консолидационно-практической направленности, ориентированной на массовое вовлечение молодёжи и включение их первичных групп и института кровного родства в систему общественных ценностей и коллективной памяти.

Исследователи отмечают, что способность к длительному воспроизводству акций Бессмертного полка во многом связана с его многоаспектностью и социально признаваемой ценностью. Взаимодействие с непосредственными современниками исторических событий (ветераны, участники боевых действий) актуализирует компонент возможности воспроизводства социальных практик героизма и социальной ответственности при наличии позитивного личного эффекта (выживаемость и известность). Включение научного компонента с непосредственным прикладным результатом в формате использования материалов изысканий поисковых отрядов, туристических экспедиций и творческих мастер-классов позволяет максимально сократить достижения личного вклада и эффекта от включённости в социально-культурный код региона и страны. Значимой особенностью для молодёжи выступает перманентное расширение самого движения и появление различных ответвлений и комплексов в виде творческих конкурсов, соревнований, содержательно прикреплённых к феномену Бессмертного полка [2, с. 98].

Тем не менее А.В. Малафеев указывает на ряд вероятных рисков, которые могут сопутствовать развитию Бессмертного полка в долгосрочной перспективе. Указанные риски относятся к нескольким базовым кластерам. К первому относятся риски индивидуального делинквентного поведения отдельных участников акций, а также факта противостояния двух схожих по

содержательной составляющей кампаний (Акции Бессмертный полк и Бессмертный полк России). Акцентирование внимания на единичных делинквентных образах, в свою очередь, обеспечивает вероятность трансфера на движение в целом. В рамках второго кластера выделяется смещение содержательного акцента с личностного компонента и вклада в социальное наследие на массовый характер социальных акций, аналогичных по содержанию с другими, не имеющими к феномену специфического отношения. Для третьего кластера характерно размывание собственно героических образов, ввиду стремления информационной среды предоставить «обновлённые» факты, субъективный взгляд на ситуацию, поступки участников сражений прошлого с целью удержания и поддержания внимания целевой аудитории. Верификация подобных материалов осуществляется в редких случаях и доступна молодым людям, включённым в систему официального информирования, таким образом создаются риски для снижения ценности не только героев общеизвестного информационного массива, но и личностно ценных персоналий, что несёт имиджевые риски для их родственников из современного поколения [3, с. 87]. Указанные риски позволяют говорить о необходимости изучения наиболее ценных компонентов и образов движения с целью обеспечения профилактических мер по защите информации и субъективных вкладов участников.

С целью оценки особенностей восприятия акции Бессмертный полк в молодёжной среде автором в составе исследовательской группы было проведено исследование методом фокус-групп (N=33, по 6-7 человек в группе), в рамках которого приняли участие молодые люди в возрасте 18-25 лет, обучающиеся в вузах силовых структур по техническим специальностям, непосредственно не связанным с профессиональным изучением истории. В систему критериев отбора входили следующие параметры: наличие родственников, участвовавших в ВОВ или выполнявших трудовые функции в тылу по обслуживанию нужд фронта; наличие знакомых или родственников, в активной или пассивной форме вовлечённых в общественное движение; получение информации об акции, не реже чем 1-2 раза в год; ориентация на построение карьеры и профессиональное развитие в рамках силовых структур на период не менее пяти лет.

Молодые люди отметили, что наиболее значимым символом движения в их представлении выступает герой, вышедший из «естественной» социальной среды, то есть изначально не имевший высокого статуса от рождения или ранее имевшихся профессиональных достижений. В то время как официальная информационная среда основывается на специфике

поступков и решений известных статусных военных, в системе Бессмертный полк участники находят место и значимость для рядовых граждан в жизни и развитии общества и государства. Значимость образа человека из народа для исследуемых позволяла определить для себя возможность воспроизводства указанных поступков, а также надежду на вероятность сохранения памяти об их собственных социально ответственных деяниях на неопределённо длительный срок. Этот факт определял высокую долю негативной рефлексии в отношении примеров подлога портретов реальных участников боевых действий представителями нацистских движений и сторонних событий. Каждый второй участник фокус-групп подчеркнул, что подобные акты выступают не только в качестве открытого социального вызова, но и в качестве личного оскорбления участников движения.

Проведение акции Бессмертный полк в дистанционном формате тоже вызвал неоднозначную оценку. Молодые люди утверждали, что значимым образом мероприятия является демонстрация единства и массовости в реальном времени и взаимодействии. Во-первых, по мнению молодёжи, это позволяет сторонним наблюдателям верифицировать интерес и активность населения в области сохранения исторической памяти посредством увековечивания своих близких. Во-вторых, включённость в систему непосредственного взаимодействия является отличительным образом самого движения и рассматривается как преимущественно классический формат демонстрации своей социальной позиции (по аналогии с митингами). В-третьих, сами участники движения воспринимают официальное шествие как способ утвердиться в наличии действительных единомышленников и перевести свою самоидентификацию с условно референтной группы в реальную ингруппу. Заслуживает внимания тот факт, что несмотря на актуализацию дистанционных технологий, именно образ массовости и фактического взаимодействия определяется молодыми людьми как ценный и значимый фактор поддержания актуальности движения. Исследование демонстрирует значимость и востребованность личного вклада и причастности к большим социальным группами и историческому наследию, не подразумевающему статусные барьеры и иные факторы социальной лимитации.

Список литературы

1. Береснев, В.Д., Береснева, Н.И. «Бессмертный полк»: социокультурный контекст и философская рефлексия // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. №1. С. 12-27.

2. Бешкинская, В.С. «Бессмертный полк России»: символические и практические сдвиги в воспроизведении и интерпретации практики в 2019–2022 гг. // Полит. наука. 2023. №2. С. 94-114.

3. Малафеев, А.В. «Бессмертный полк» как сохранение памяти о подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны // Вестник ПГУ им. Шолом-Алейхема. 2022. №1 (46). С. 86-92.

**ПОБЕДА В ВЕЛИКОЙ ОТЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ –
СИМВОЛ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ОРИЕНТИРА
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**
**VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR
IS A SYMBOL OF THE SOCIO-CULTURAL LANDMARK
OF RUSSIAN SOCIETY**

Н.Л. Захаров, М.Б. Перфильева
**Российский государственный педагогический
университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург**
N.L. Zakharov, M.B. Perfilieva
*Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen,
St. Petersburg*

Рассматривается весьма актуальный, но в то же время непростой вопрос, связанный с социальным значением для российской социокультурной общности – «Победа в Великой Отечественной войне». Этот символ того, что люди разных народов, объединившись, в состоянии преодолеть страшное испытание. Сама Победа – отличительный знак идентификации и россиян, и всех борцов с нацизмом, знак гордости за наших предков, прошедших тяжелейшее испытание, знак веры в то, что и мы, современники, в состоянии преодолеть такое испытание. С социологической точки зрения этот символ, есть феноменализация такого социокультурного регулятора, как готовность к преодолению. А по сути – источника наших побед и достижений. Но любой регулятор нуждается в постоянном подтверждении. Этот символ также объективирует главную социокультурную идею, вдохновляющую и консолидирующую представителей российского социума – готовность и способность преодолевать самые тяжелые трудности. Такой идеей является память о наших предках, гордость, что они смогли преодолеть, выстоять, победить. Материализуется эта идея в символе Победы в Великой Отечественной войне.

The article considers a very relevant, but at the same time difficult issue related to the social significance for the Russian socio-cultural community – “Victory in the Great Patriotic War”. This is a symbol of the fact that people of different nations, united, are able to overcome a terrible ordeal. The Victory itself is a distinctive sign of identification of both Russians and all fighters against Nazism, a sign of pride in our ancestors who passed the hardest test, a sign of

faith that we, our contemporaries, are able to overcome such a test. From a sociological point of view, this symbol is the phenomenalization of such a socio-cultural regulator as the willingness to overcome. In fact, it is the source of our victories and achievements. But any regulator needs constant confirmation. This symbol also objectifies the main socio-cultural idea that inspires and consolidates representatives of Russian society – the willingness and ability to overcome the most difficult difficulties. Such an idea is the memory of our ancestors, the pride that they were able to overcome, stand up, and win. This idea materializes in the symbol of Victory in the Great Patriotic War.

Ключевые слова: социальные регуляторы, инвариантный, социокультурный, символ, стереотип.

Keywords: social regulators, invariant, sociocultural, symbol, stereotype.

В этом году исполнилось 80 лет со дня Победы в Великой Отечественной войне. Все меньше и меньше остается участников, да и людей, переживших эту страшную войну. А, значит, все меньше остается людей – носителей памяти о войне. Хотя и в нашей стране, и в дружественных странах, нет, пожалуй, семьи, которую не коснулась эта война. И поэтому День Победы – это «праздник, со слезами на глазах». День Победы стал символом того, что люди разных народов, объединившись, в состоянии преодолеть страшную беду. Победа в Великой Отечественной стала отличительным знаком идентификации и россиян, и других народов, боровшихся вместе с нами с нацизмом. И это самое главное в символе Победы – это знак идентификации людей, гордости за наших предков, прошедших тяжелейшее испытание. Это знак веры в то, что и мы, современники, в состоянии преодолеть такое испытание.

Символ Победы в нашей стране имеет различные формы воплощения – и в монументальных сооружениях, и в мероприятиях, организуемых государством, от грандиозных – Парад Победы – до мероприятий в школах, колледжах, университетах. Этот символ воплощается и в сувенирной продукции, распространяемой или продаваемой, и в крупных или малых рекламных компаниях бизнеса.

Среди всех видов воплощений символа Победы самым важным, пожалуй, является семейная память.

Память в знаках (орденах, медалях, фотографиях, фронтовых письмах, документах), рассказах о предках, сражавшихся в Великой войне, трудившихся в тылу или, будучи детьми, переживших испытания военных лет.

Эта память, передаваемая из поколения в поколение, главный источник, превращающий символ в общем смысле, служащий в качестве знака, обозначающего некое явление [1], в символ идентификации [2], или осознания человеком своей идентичности со своими предками, с

окружающими людьми в процессе общения [3]. И как средство закрепление – совместное застолье «своих», то есть людей, идентифицирующих себя по принятому ими символу [4].

Необходимо отметить, что символ Победы как знак преодоления тяжелых трудностей свойственен именно россиянам и народам, признающим свое участие в победе над фашизмом. Отметим в нем главный идентифицирующий признак – способность и готовность к преодолению трудностей.

Разным возрастам свойственны свои символы идентификации. Например, яркий символ идентификации американцев – статуя Свободы. Другим важным знаком, имплицированным из символа свободы, является идея свободного ношения оружия. И как предметное воплощение этого символа – револьвер полковника Кольта. В этом символе содержится главная идея – способность и готовность защищать свою личную свободу. И если потребуется, то с оружием в руках. Идея свободы как источника символа идентификации американцев имеет воплощение и в символах победы над фашизмом. И, в более широком смысле, символ победы как достижения в соревновании тоже свойственен американцам. Идея веры в победу, стремление к победе, а не заикливание на поражениях – вот то общее, что свойственно и американскому, и российскому народам.

Примечательна символика французов. – Марсельеза, «Свобода на баррикадах», – Шанель, Париж – символ мировой моды. И здесь снова идея свободы (не случайно автор американской статуи Свободы – француз Фредерик Огюст Бартольди). Но здесь другая свобода. У американцев свобода – это свобода достижения. У французов – свобода самовыражения. А идея свободы в любом виде соотносима с идеей победы. Французы любят и чтут свои даты побед. Легко забывают поражения. И эта легкость, а, в целом, не заикливание на поражениях – идентифицирует по символу победы и французов, и американцев, и нас. Победа – важнейший символ в культуре многих народов, для великих народов он может быть самым важным или быть в числе важнейших.

И это не случайно. Как говорил выдающийся немецкий философ Ф. Ницше: «То, что нас не убивает, делает нас сильнее» [5]. Через преодоление приобретается сила и величие. Именно преодоление лежит в основе любой победы – в этом главная идея Ф. Ницше. И этой идее соответствует и историко-социологическая теория «вызова-ответа» А. Тойнби – социум получает «вызов» внешнего мира, и если он находит «ответ» на этот «вызов», он делает шаг вперед в своем развитии [6]. Именно поэтому идея победы так важна и для нас, и французов, и американцев.

У других народов могут быть и другие символы. Важно, чтобы эти символы не пестовали свои обиды и не заикливались на поражениях. Чувство общесоциальной обиды в общественном мнении немецкого народа, желание взять реванш за поражение породило идею нацизма и расового превосходства в немецком народе и ряде других.

Однажды, будучи в музее «Оккупации» одной из прибалтийских стран, авторы обратили внимание на две вещи – во-первых, во всем виноваты другие (большей частью мы – русские), и во-вторых, каждый экспонат, каждая надпись были пронизаны чувством обиды и пестованием своих унижений и поражений. Несомненно, прав был Н.Я. Данилевский, идею которого можно выразить афоризмом: великие народы гордятся своими победами, малые народы пестуют свои обиды и поражения [7]. Несомненен социальный факт – возвращение в народе обиды за поражение с пестованием идеи исключительности приводит к идее нацизма.

Вернемся к позитивному символу – символу победы. Отметим, что воплощение идеи победы может иметь разные символы. До Великой Отечественной войны главным символом победы был символ Октябрьской Социалистической революции. До нее был символ победы в Отечественной войне 1812 г. И множество других символов Победы. Символы победы – преходящи, а вот идея победы как некий стержень, как латентный символ неизменна. В чем секрет этого латентного, или инвариантного символа, в чем его природа?

В книге «Этногенез и биосфера земли» [8] Л.Н. Гумилев обосновывает теорию этнического стереотипа. Его суть в следующем. Социум приспосабливается к внешней среде своей хозяйственной деятельностью. Именно в однотипной хозяйственной деятельности в определенном ареале в течение длительного времени формируются стереотипы действий, которые, закрепившись, собственно, и создают этнос с его культурным своеобразием. Есть стереотипы преходящие, но те, которые вытекают из основной хозяйственной деятельности, остаются неизменными, или инвариантными.

Но, к сожалению, у Л.Н. Гумилева нет ответа на вопрос, почему инвариантные стереотипы при смене социумом хозяйственной деятельности (например, при переходе от аграрной хозяйственной деятельности к индустриальной) сохраняются. Почему в периоды кризисов инвариантные стереотипы сохраняют свою устойчивость, становясь островком стабильности, когда все рушится: устоявшиеся традиции, строгие законы, моральные нормы.

Между тем у любого стереотипа есть одна особенность – он формируется при наличии подкрепления, и без подкрепления постепенно

исчезает. На это обращал внимание основатель теории «социальных стереотипов» У. Липпман [9]. А в дальнейшем обосновано в труде П. Бергера и Н. Лукмана [10]. Другими словами, чтобы человек сохранил сформировавшийся стереотип, он должен им пользоваться постоянно, в противном случае он исчезает. Особенно это ярко проявляется в деятельности спортсмена, если он постоянно не тренируется, не подтверждает свои спортивные стереотипы, или навыки, они исчезают. Хотя утраченные стереотипы легче восстановить, чем формировать заново. А из этого следует, что ни инвариантный, ни его форма воплощения – этнический не могут существовать, но они существуют!

Эта научная проблема разрешается теорией социальных регуляторов [4]. Согласно этой теории, участники социального действия, организуя взаимодействие, осознанно воспроизводят или формируют идентификационные стереотипы, то есть то, что Л.Н. Гумилев [8] называл этническим стереотипом (или инвариантным). Интенсивно это проявляется в период кризисов, смены хозяйственной деятельности. А особенно наглядно это проявляется в поведении отдельных групп, представляющих некую социокультурную общность, оказавшихся в среде другой социокультурной общности (например, поведение группы иностранцев, оказавшихся в другой стране). А во время войны и, особенно, во время Великой Отечественной войны стереотипы, идентифицирующие социокультурную общность (или инвариантные), проявляются и ярко, и интенсивно. И это происходит не по тому, что так функционируют стереотипы, а потому, что представители социума в своем социальном взаимодействии сознательно начинают воспроизводить эти идентификационные стереотипы. В этом суть социального регулирования – осознанное поведение индивидов в социуме по подтверждению идентификационных стереотипов.

Становление и функционирование социального регулятора представляет собой следующее. Индивид в процессе социализации сначала уподобляется поведению родителей, сверстников, учителей и других людей, окружающих его. Отдельные действия уподобления в результате частого повторения становятся стереотипами. В дальнейшем в результате поощрений и наказаний отфильтровываются стереотипы, принятые в социокультурной среде, при этом формируются рейтинги стереотипов, используемые в разных группах социума (например, подросток в своей семье пользуется платком, а в окружении сверстников – ковыряется в носу пальцем).

Необходимо подчеркнуть идею Л.Н. Гумилева – длительная хозяйственная деятельность формирует определенный набор стереотипов, социокультурной общности, поэтому однотипная хозяйственная деятельность

подтверждает социокультурные стереотипы. Хозяйственная деятельность и социализация воспроизводят идентификационные стереотипы, что и делает их инвариантными. Таков механизм действия инвариантного социального регулятора в длительной перспективе.

В социуме, оказавшемся в состоянии кризиса, формируется ядро индивидов, (по Л.Н. Гумилеву – «пассионариев» [8], по А. Тойнби – «творческое меньшинство») [6], консолидирующих вокруг себя других представителей этого социума, способных адекватно «ответить» на «вызов» кризиса (если этого не произойдет, то согласно закону эволюции, социум перестает существовать).

Готовность к преодолению трудностей – черта, свойственная всем социумам. Между тем порог преодоления трудностей определяется окружающей средой, которая требует, чтобы в процессе социализации формировались характеры, адекватные этой среде. Если социум находится в полосе 35°/55° с.ш. с устойчивым климатом, положительной изотермой января, плодородной почвой, дающей стабильные урожаи из года в год, богатыми собственными и дешёвыми колониальными ресурсами, (что-то вроде райского сада, как выразился один британский политик), порог его готовности на преодоление трудностей будет относительно не высок. Особенно, если сравнивать это с социумом, где в сорокаградусный мороз, распивая водку, устраивают гонки на медведях, играя на балалайке. Это – шутка, что не исключает того, что главным инвариантным (социокультурным) регулятором нашей российской общности является воля к преодолению трудностей, что наглядно показали наши предки в Великой Отечественной войне, и что показывают наши современники.

Подчеркнем еще раз – регулятор преодоления инвариантный. Он начал действовать, когда наши далекие предки ставили в непролазных дебрях свои города и на легких стругах преодолевали моря и реки. Именно этот регулятор вел к победам на Чудском озере, Куликовском поле, под Молодями. Именно этот регулятор действовал, когда генерал Раевский, взяв за руки своих сыновей, повел свой полк на Бородинском поле. И когда юная комсомолка Зоя Космодемьянская вновь возвращается в деревню, чтобы выполнить свое задание. И когда советские штурмовые группы идут за огневым валом, рискуя попасть под «дружественный» огонь, чтобы снести вражеские долговременные укрепления. И когда рота десантников в Кавказских горах стоит, как сами эти горы, не пропустив, бандитов. И поэтому Антарктиду открыли именно мы. И поэтому в космосе первыми оказались именно мы.

Мы имеем наш социокультурный регулятор – готовность к преодолению – источник наших побед и достижений. Но любой регулятор нуждается в постоянном подтверждении. Этим подтверждением является вдохновляющая и консолидирующая идея, способная всем и каждому напоминать, что наша идентификационная черта – способность преодолевать самые тяжелые трудности. Такой идеей является память о наших предках, гордость за них, что они смогли преодолеть, выстоять, победить. А материализуется эта идея в символе Победы в Великой Отечественной войне.

Список литературы

1. Символ // Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю.С. Осипов; – М.: 2004-2017. Т. 30 С. 183-184. URL: <https://bigenc.ru/s?q=%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%B2%D0%BE%D0%BB> (дата обращения: 29.09.2025).
2. Идентификация // Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю.С. Осипов; – М.: 2004-2017. Т. 30 С. 183-184. URL: <https://bigenc.ru/s?q=%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B8%D1%84%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 29.09.2025).
3. Parsons, T. Some Theoretical Considerations on the Nature and Trends of Change of Ethnicity // Ethnicity: Theory and Experience. Ed. by Glazer N., Moynihan D.P., Schelling C.S. Cambridge: Harvard University Press, 1975. Pp. 53-83.
4. Захаров, Н.Л. Теория социальных регуляторов / Н.Л. Захаров. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2024. 241 с.
5. Ницше, Ф., Фрейд, З., Фромм, Э., Камю, А., Сартр, Ж.П. Сумерки Богов. – М.: Политиздат, 1990. 398 с.
6. Тойнби, А. Постигание истории. М.: Академический проект, 2023. 798 с.
7. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа. – М.: АСТ, 2023. 704 с.
8. См.: Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – М.: Айрис-Пресс, 2023. 560 с.

**ФАШИЗМ ДРУГИХ: ФОРМИРОВАНИЕ КРИТИЧЕСКОГО
АНТИФАШИСТСКОГО СОЗНАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА
THE FASCISM OF OTHERS: THE FORMATION
OF A CRITICAL ANTI-FASCIST CONSCIOUSNESS
IN THE CONTEXT OF THE NEW WORLD ORDER**

Э. Изидори

Римский университет «Форо Италико», Рим

И.С. Леонова

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород*

E. Isidori

Foro Italico University of Rome, Rome

I.S. Leonova

*Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod*

В эссе развенчивается утешительная идея о «фашизме других», показывая, как современные демократии таят в себе фашистский потенциал через нормализованные методы – административный исключительный режим, технократическую деполитизацию и охраняемые границы – а не через впечатляющее возвращение прошлого. Опираясь на Арндт, Фуко, Агамбена, Дерриду и Мбембе, оно переосмысливает фашизм как стиль управления, который сужает признание и делает некоторые жизни недостойными скорби. На фоне упадка евроатлантической гегемонии в эссе подчеркивается демографический и экономический подъем Глобального Юга и его отказ от продолжающейся колониальности, утверждая, что неоимперские практики (финансовые условия, экстрактивизм данных, гуманитарные иерархии) являются защитными реакциями угасающего порядка. С педагогической точки зрения, статья предлагает деконструктивную, деколониальную программу, состоящую из трех задач: генеалогическое разоблачение «универсальных» категорий; семантическая бдительность посредством внимательного чтения и контр-писания; институциональное воображение, которое репетирует обдумывание, подотчетность и обратимые правила. Гостеприимство – понимаемое как открытость к неопределимому другому – лежит в основе протоколов, учебных программ и оценок в классе, которые расширяют возможности для выражения недовольства и культивируют conscientização. Память необходима, но без метода она недостаточна; образование должно выявлять пороги, на которых язык, процедуры и аффекты смещаются в сторону исключения, организуя постоянное поддержание, которое сохраняет плюрализм.

The essay dismantles the comforting displacement implied by "the fascism of others," showing how contemporary democracies harbor fascist potentials through normalized techniques – administrative exceptionalism, technocratic depoliticization, and securitized – rather than spectacular returns of the past. Drawing on Arendt, Foucault, Agamben, Derrida, and

Mbembe, it reframes fascism as a style of governance that narrows recognition and renders some lives ungrievable. Against Euro-Atlantic hegemonic decline, it emphasizes the Global South's demographic and economic ascent and its refusal of ongoing coloniality, arguing that neo-imperial practices (financial conditionalities, data extractivism, humanitarian hierarchies) are defensive reactions of a waning order. Pedagogically, the paper proposes a deconstructive, decolonial program with three tasks: genealogical unmasking of "universal" categories; semantic vigilance through close reading and counter-writing; and institutional imagination that rehearses deliberation, accountability, and reversible rules. Hospitality – understood as exposure to the undecidable other – anchors teaching protocols, curricula, and assessment that expand grievability and cultivate conscientização. Memory is necessary but insufficient without method; education must detect thresholds where language, procedures, and affects shift toward exclusion, organizing the ongoing maintenance that keeps plurality durable.

Ключевые слова: деконструкция; антифашистская педагогика; колониальность; Глобальный Юг; гостеприимство.

Keywords: deconstruction; anti-fascist pedagogy; coloniality; Global South; hospitality.

To name "the fascism of others" is to enact a displacement that protects the speaker: fascism is always elsewhere—temporal, geographical, civilizational – while "we" remain exempt. A deconstructive reading refuses this comfort by showing that the binary that grounds it (us/them, democracy/authoritarianism, civilization/barbarism) is sustained by exclusions whose traces inhabit the very terms that deny them [1]. Under contemporary conditions marked by platform capitalism, securitized borders, and perpetual emergencies, fascist potentials are not primarily spectacular returns of a defeated past. They emerge as normalised techniques of governance—administrative exceptionalism, technocratic depoliticisation, and linguistic simplifications—that construct zones of non-life and categories of the unhearable within polities that call themselves liberal democracies [2-4]. If this diagnosis is plausible, anti-fascist education cannot be a commemorative catechism; it must be a vigilant practice that trains judgment, re-opens responsibility, and equips subjects to read and redesign the diapositives through which power shapes perception and possibility.

Arendt's insight into the banality of evil remains pivotal: the most destructive actions may be undertaken neither by sadists nor by ideologues, but by functionaries whose obedience empties the space of judgment [2]. Foucault's analytics of power deepen this point by describing how modern rule operates through a micro-physics – surveillance, classification, and examination—that produces subjects who internalize norms as truth [3]. Agamben complements the picture with the argument that the "state of exception" migrates from an emergency tactic to a standard paradigm, suspending rights in the name of their protection [5]. Derrida reads such dynamics as auto-immunity: democracies injure themselves in

acts meant to preserve themselves [1]. Mbembe's necropolitics adds the frontier where sovereignty reveals itself as the power to decide whose lives are grievable and whose may be exposed to premature death [4]. These lenses help us see fascism not as a finished regime but as a style and grammar: a will to purity, a politics of resentment, and a management of fear that narrows the circle of recognition.

Against this background, the new world order must be read less as a unidirectional diffusion of Western norms than as a contested reconfiguration in which some world superpowers and the Global South—demographically expansive and economically ascendant—refuse the coloniality embedded in Euro-Atlantic hegemony [6–10]. Post- and decolonial thinkers have long argued that colonial domination did not end with formal independence; it persisted as a matrix of power that orders knowledge, economics, and subjectivities – “coloniality” rather than colony [6; 7; 9]. From this vantage point, the “new fascisms” of the West and the North Atlantic so-called democracies are not merely national pathologies attributable to incompetent, superficial, and ill-prepared politicians, themselves symptomatic of a broader crisis in schools, universities, culture, and science; rather, they are defensive reactions of a declining hegemony that secures its privileges through financial conditionalities, border militarisation, data extractivism, and humanitarian discourses that rank lives and histories [4, 7, 10, 11]. Césaire's thesis that fascism was the boomerang of colonial violence returning to Europe acquires fresh salience: techniques forged in imperial peripheries—such as racial hierarchies, states of siege, and civilising missions—are re-internalised as instruments of domestic order when hegemony wanes [12]. Fanon had already warned that without a pedagogy of liberation capable of transforming colonial subjects into authors of their own histories, decolonization risks reproducing domination in new forms [13].

What, then, is the role of pedagogy? A deconstructive, decolonial anti-fascist pedagogy assumes three tasks. First, genealogical unmasking: to provincialise the “universal” by tracing how categories (development, security, merit, civilisation) were historically constituted and for whom they function [3; 6; 7; 14]. Second, semantic vigilance: to train close reading of public language – media frames, policy formulas, platform guidelines – mapping metaphors, silences, and binary oppositions that authorize exclusion; and to practice counter-writing that redescribes problems and redesigns procedures in more hospitable ways [1; 8; 11; 15]. Third, institutional imagination: to rehearse, at micro-scale, forms of deliberation and accountability that make plurality survivable – proportionate sanctions, reason-giving authority, auditable decisions, and reversible rules [2; 9; 16]. These are not merely classroom techniques; they are civic infrastructures that

inoculate—not by erecting new immunities, but by cultivating capacities for contestation and repair.

In the emergent order shaped by South–South alignments, pluriversal epistemologies, and experiments in post-neoliberal regionalism, pedagogy is also a site of epistemic justice. Santos calls for “epistemologies of the South” that valorize knowledges suppressed by the monoculture of scientific universalism [10]. Connell’s “Southern theory” reminds it us that canonical social theory is historically regional yet presented as global [11]. Mignolo and Walsh argue that decoloniality is not a new canon but a praxis of delinking from imperial designs while weaving relational futures [7]. These projects are educational to the core: they require institutions capable of hosting dissensual knowledges without domesticating them, curricula that present modernity as a contested intercultural process rather than a European autogenesis, and assessment regimes that reward cooperation, translation, and situated inquiry rather than mere replication of metropolitan standards [8; 10; 11; 15].

An anti-fascist pedagogy for this conjuncture is hospitable in Derrida’s strong sense: it embraces the undecidable exposure to the other that cannot be fully pre-coded by rules [1]. Hospitality signals not soft tolerance but a risky readiness to be altered by encounters; it therefore demands institutional forms that can absorb disagreement without humiliation. In educational practice, hospitality entails adhering to protocols that protect minority perspectives, embracing curricular canons that provincialise dominant narratives without erasing their contributions, and utilising evaluation rubrics that value dialogical competencies, reparative critique, and collaborative problem-solving approaches.

Following Butler, enlarging the circle of grievability becomes an operational criterion: whose losses count in our case studies? Whose histories are legible as knowledge? [17]. Following Freire, conscientização is renewed as a non-dogmatic labour: learners appropriate the word and the world by naming structures that oppress them and by inventing collective strategies to transform them—while exposing their own projects to critique [8]. Following Giroux, public pedagogy is mobilised against the culture of cruelty and civic illiteracy that normalises authoritarianism through infotainment and market-driven logics [18].

That is not to romanticize the Global South. Quijano, Dussel, and Ndlovu-Gatsheni insist that postcolonial elites can reproduce coloniality; therefore, anti-fascist education must ally with popular movements without sanctifying any state project [6; 9; 19]. It must also resist the temptation—diagnosed by Biesta—of reducing education to measurement and delivery; an anti-fascist pedagogy is not an outcomes industry but a world-maintenance practice that keeps open the space where newcomers can appear, speak, and act [16].

The geopolitical emphasis matters. As the ex-colonial metropolises confront their declining capacity to impose terms unilaterally, new securitarian strategies proliferate both at home and abroad: offshoring asylum, criminalising solidarity, and weaponising the language of stability and women's rights to justify interventions that entrench hierarchy [4; 7; 12; 20]. A pedagogy that names these as neo-imperial fascisms risks provocation, yet the alternative is euphemism. The task is not to invert the old hierarchy, but to design pluriversal institutions in which the many worlds of the South and North can persist in relation without subsumption. Mezzadra and Neilson's concept of "border as method" is instructive here: borders are no longer mere lines, but complex devices that sort, value, and govern; learning to read and re-engineer them from below is a decisive educational project [14]. Santos's "sociology of absences" offers a complementary practice: to investigate what is rendered nonexistent by dominant epistemologies and to perform "ecologies of knowledges" that transform absence into presence [10].

Memory remains necessary, but it is insufficient without a method. Paxton's stage model warns that fascism advances through ordinary thresholds—respectable alliances, administrative tweaks, and normalised violence—none of which announce themselves as a point of no return [20]. Education, therefore, must cultivate an eye for thresholds: the subtle shifts in vocabulary (from rights to security, from refugees to invaders), in procedures (from oversight to expedited exception), and in affects (from care to fatigue) that recalibrate what is sayable and doable. A deconstructive fidelity to "vigilant incompleteness" equips institutions to detect such shifts and to perform corrections before routinization hardens them into a new common sense [1]. This vigilance is not paranoia; it is care for the conditions that allow us to disagree without annihilation.

In conclusion, the formation of a critical anti-fascist consciousness adequate to the new world order entails a double movement. Negatively, it deciphers and interrupts those immunitary reflexes through which declining hegemonies seek to secure themselves – financial, military, epistemic – by shrinking the circle of the human. Positively, it builds practices and institutions that make plurality durable: hospitable environments, deliberative procedures, pluriversal curricula, and evaluative forms that reward responsibility for words and worlds. Such a pedagogy does not promise emancipation by decree; it organizes the "maintenance" through which justice remains a task, not a settled possession. If "the fascism of others" names our projection, anti-fascist education names our recall to responsibility where we stand – in the micropolitics of language, the mesopolitics of institutions, and the geopolitics of knowledge with which we shape an order where the many can live without domination.

References

1. Derrida, J. (2005). *Rogues: Two Essays on Reason*. Stanford: Stanford University Press.
2. Arendt, H. (1963). *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*. New York: Viking.
3. Foucault, M. (1995). *Discipline and Punish: The Birth of the Prison* (A. Sheridan, Trans.). New York: Vintage. (Original work published 1975).
4. Mbembe, A. (2003). Necropolitics. *Public Culture*, 15(1), 11–40. <https://doi.org/10.1215/08992363-15-1-11>
5. Agamben, G. (2005). *State of Exception* (K. Attell, Trans.). Chicago: University of Chicago Press.
6. Quijano, A. (2000). Coloniality of power, Eurocentrism, and Latin America. *Nepantla: Views from South*, 1(3), 533–580.
7. Mignolo, W.D., & Walsh, C.E. (2018). *On Decoloniality: Concepts, Analytics, Praxis*. Durham: Duke University Press.
8. Freire, P. (2000). *Pedagogy of the Oppressed* (30th Anniversary ed.). New York: Continuum.
9. Dussel, E. (1985). *Philosophy of Liberation*. Maryknoll, NY: Orbis Books.
10. Santos, B. de S. (2014). *Epistemologies of the South: Justice Against Epistemicide*. Boulder: Paradigm Publishers.
11. Connell, R. (2007). *Southern Theory: The Global Dynamics of Knowledge in Social Science*. Cambridge: Polity Press.
12. Césaire, A. (2000). *Discourse on Colonialism* (J. Pinkham, Trans.). New York: Monthly Review Press. (Original work published 1950).
13. Fanon, F. (2004). *The Wretched of the Earth* (R. Philcox, Trans.). New York: Grove Press. (Original work published 1961).
14. Mezzadra, S., & Neilson, B. (2013). *Border as Method, or, the Multiplication of Labor*. Durham: Duke University Press.
15. Apple, M.W. (2013). *Can Education Change Society?* New York: Routledge.
16. Biesta, G. (2010). *Good Education in an Age of Measurement: Ethics, Politics, Democracy*. Boulder: Paradigm Publishers.
17. Butler, J. (2009). *Frames of War: When Is Life Grievable?* London: Verso.
18. Giroux, H.A. (2004). Public pedagogy and the politics of neo-liberalism: Making the political more pedagogical. *Policy Futures in Education*, 2(3–4), 494–503. <https://doi.org/10.2304/pfie.2004.2.3.5>
19. Ndlovu-Gatsheni, S.J. (2013). *Empire, Global Coloniality and African Subjectivity*. New York: Berghahn.
20. Paxton, R.O. (2004). *The Anatomy of Fascism*. New York: Alfred A. Knopf.

**НЕДОБРОСОВЕСТНЫЕ СПОСОБЫ ИНВЕРСИИ ОБРАЗА ПОБЕДЫ
И СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА БОРЬБЫ
ЗА ЧИСТОТУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**
**MALEVOLENT METHODS OF INVERTING THE IMAGE
OF VICTORY AND SOCIAL AND LEGAL MEANS OF FIGHTING
FOR THE PURITY OF HISTORICAL MEMORY
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Е.В. Калинина

Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского;

Приволжский исследовательский медицинский университет,

г. Нижний Новгород

E.V. Kalinina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

Privolzhsky Research Medical University, Nizhniy Novgorod

Представлены основные направления инверсии героического прошлого российского народа и манипуляций с исторической памятью. Обосновывается необходимость комплексного и междисциплинарного подхода к противодействию подобным недобросовестным технологиям.

The article presents main directions of inversion of the heroic past of Russian people and manipulation of historical memory. The necessity of comprehensive and interdisciplinary approach to counteracting such unfair technologies is substantiated.

Ключевые слова: защита исторической памяти, победа, Великая Отечественная война, мемориальные войны.

Keywords: historical memory protection, victory, Great Patriotic War, memory wars.

Современная социально-политическая повестка, предполагающая «рецепцию» традиционного ценностного базиса и продвижение идеи национально-государственной идентичности, не может обойти стороной и вопрос сохранения исторической памяти о событиях, сформировавших мировоззрение народа, то есть испытаниях, в которых он демонстрировал свои характерные черты и достоинства. В процессе противоборства, внутри- и внешнеполитические противники в настоящее время гораздо чаще используют недобросовестную риторику, основанную на искажении элементов исторических массивов, не только при помощи подтасовки фактов или их фальсификации, но и замалчивании либо нивелировании значимости

событий, стратегических и тактических решений их фигурантов. Целью таких манипуляций общественным мнением является подрыв и разрушение ценностных ориентиров, на протяжении десятилетий, формировавших гражданское самосознание и солидарность социума. Один из наиболее «болезненных ударов» по патриотическим чувствам россиян был нанесен и продолжает наноситься в связи с историей Великой Отечественной войны и ее итогами. Не случайно в научном дискурсе, в связи с проблематикой чистоты исторической памяти, все чаще используется понятие «мемориальные войны» [1, с. 102-103; 2, с. 44].

Недобросовестные способы инверсии образа Победы. Под «инверсией образа Победы» здесь понимается комплекс социально-политических манипуляций, направленных на искажение восприятия массами истории и итогов Великой Отечественной войны: обесценивание жертвы и подвига советского народа, дискредитация героев, подмена смыслов и оправдание нацизма. Остановимся на некоторых из них.

Излюбленный подход западных нарративов – *демонизация Советского Союза* через формирование образа оккупанта и захватчика территорий стран Восточной Европы [3, с. 9].

Следующий (но вытекающий из предыдущего тезиса) «тренд» – *отождествление политического режима СССР и Германии* в предвоенный период, в попытке приписать нашей стране агрессивные замыслы, что позволяет недобросовестным пропагандистам отмахнуться от ключевой роли советского народа не только в устранении фашистской угрозы миру, но и ведущего участия в создании архитектуры международной безопасности, которую европоориентированные акторы так настойчиво пытаются опровергнуть. Основная мысль подобных нарративов – столкновение двух «зол», двух агрессоров, что снимает половину ответственности с Германии за развязывание войны, перекладывая эту часть вины на СССР.

Еще один широко распространенный манипулятивный тренд – *умаление значимости вклада СССР* в победу над фашизмом в пользу прославления военных достижений стран-союзников. Это реализуется при помощи так называемых «технологий «забывания», «переписывания» и «нейтрализации»» [4, с. 127; 5, с. 134] – одновременно путем сознательного игнорирования деталей ключевых, переломных сражений с участием наших вооруженных сил, а если эти замалчивания не достигают успеха, делаются попытки представить данные баталии как бессмысленное кровопролитие.

Инверсию героики тоже можно считать часто применяемым приемом в современном социальном конструировании: очернение памяти героев, отдавших жизнь за Родину и принявших мученическую смерть, на

протяжении поколений, являвшихся примером для подражания; навязывание в качестве *воспитательной альтернативы* коллаборационистов и нацистских пособников, представляемых как участников национально-освободительных движений. При этом замалчиваются либо отрицаются совершенные такими вновь признаваемыми героями военные преступления против мирного населения.

Не следует забывать и о значимости *военной символики*, традиционно ассоциирующейся с победой СССР над фашистской Германией, как важной части опыта, сформировавшего менталитет нашего народа, определяющего нашу идентичность, а потому также становящейся *объектом нападок*. Пересмотр символов неизбежно приводит к разобщению.

Отдельно стоит отметить изоощренные лингвистические средства: к настоящему времени созданы методики манипулирования общественным мнением через управление эмоциями и реакциями реципиентов информации. «Язык вражды» является весьма действенным средством формирования массового сознания даже без прямого искажения фактов [6].

Всем этим и иным приемам искажения образа Победы и перекраивания нашего героического прошлого нужно противодействовать комплексно. Наиболее существенные вызовы преодолеваются правовыми средствами. Так, Конституция РФ ст. 67.1 ч.3 декларирует «уважение к памяти защитников Отечества» и гарантирует «защиту исторической правды»¹. Там же заявлено о недопустимости «умаления значения подвига народа» в ходе Великой отечественной войны. В УК РФ содержатся нормы, устанавливающие уголовную ответственность за «уничтожение, повреждение либо осквернение воинских захоронений» (Ст. 243.4), а также «за реабилитацию нацизма» (Ст. 354.1²). Кроме того, в КоАП РФ включены нормы, позволяющие привлекать к административной ответственности представителей СМИ за создание и распространение недостоверной информации, касающейся, в том числе, и событий Второй мировой войны и участия в ней нашей страны (Ст. 13.15 и Ст. 13.21).

Тем не менее, одних лишь правовых инструментов для защиты исторической памяти отнюдь не достаточно. Недобросовестным методам социальной инженерии нужно противопоставить не менее эффективные способы социального регулирования. Во-первых, необходима грамотная информационная политика и контрнарративы для опровержения любых недостоверных сведений, способных привлечь недостаточно осведомленную

¹ Конституция РФ с Поправками от 01.07.2020

² Введена Федеральным законом №128-ФЗ от 05.05.2014

часть общества, к которой, к сожалению, относится подрастающее поколение, наиболее легко поддающееся под влияние антироссийски настроенных западных СМИ.

Для оптимизации такой стратегии требуются социально ориентированные практики, каковыми становятся *образовательно-просветительские* мероприятия (издание учебных пособий, предоставляющих объективную информацию о событиях Великой Отечественной войны; встречи с ветеранами); *волонтерская деятельность* (поисковые отряды, акции памяти («Бессмертный полк»)); мемориальные мероприятия (создание памятников защитникам Отечества, художественных и документальных фильмов о Великой Отечественной войне, организация выставок, военно-исторические реконструкции и др.).

Комплексный, междисциплинарный подход к защите исторической памяти о нашем общем героическом прошлом позволит сформировать устойчивость общества к информационным вызовам и, как следствие, поможет его сплоченности и солидарности.

Список литературы

1. Тихонова, С.В., Артамонов, Д.С. Историческая память в социальных медиа – СПб.: Алетейя, 2021. 264 с.
2. Головашина, О.В. «Мемориальные войны»: между метафорой и концептом // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2. № 1. С. 43-52.
3. Казаков, А.В. Фальсификация истории и итогов Великой Отечественной войны как направление деструктивного воздействия на сознание современной российской молодежи // *Власть*. 2015. №5. С. 8-13.
4. Ермилова, Д.Ю. Память о войне – проблемы и перспективы теории и практики // *Сервис Plus*. 2020. Т.14. №4. С. 123-135.
5. Дмитриева, О.О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015. № 6 (361). История. Вып. 63. С. 132-137.
6. Пешкова, Н.П., Моисеева, А.В., Титлова, А.С. Этнофолизмы как проявление потенциальной конфликтогенности реципиентов в процессе восприятия информации в интернет-дискурсе // *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*. № 4. 2018. С. 19-32.

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В СУДЬБЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА
THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE FATE
OF THE BELARUSIAN PEOPLE**

В.В. Кириенко

*Гомельский государственный технический
университет имени П.О. Сухого, г. Гомель, Беларусь*

V.V. Kirienko

Sukhoi State Technical University of Gomel, Gomel

Сделан анализ с использованием исторических источников бесчеловечной, целенаправленной деятельности немецких фашистов и их европейских сателлитов по уничтожению мирного населения, «освобождения жизненного пространства» для фашистских арийцев, борьбы белорусского народа с немецко-фашистскими оккупантами, государственной политики по сохранению исторической правды.

The article analyzes, using historical sources, the inhumane, targeted activities of the German fascists and their European satellites to exterminate the civilian population, "liberation of living space" for fascist Aryans, the struggle of the Belarusian people against the Nazi occupiers, and state policy to preserve historical truth.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, партизанское движение, операция «Багратион», концлагерь, геноцид.

Keywords: The Great Patriotic War, the partisan movement, Operation Bagration, concentration camps, genocide.

80 лет после окончания Великой Отечественной войны – казалось бы достаточный, чтобы зарубцевались военные раны и пора начинать новый отсчет времени, осваивать новые реалии. Но не отпускает историческая память, не отпускает долг ныне живущих перед памятью жертв, погибших не только на полях сражений, но и в концлагерях, и в сожженных вместе с жителями деревнях, просто на огороженных колючей проволокой, болотах. Памятуя, что до тех пор, пока не похоронен последний солдат, война не заканчивается, в Беларуси идут поиски мест захоронений и их перезахоронений.

Использовались как социально-исторические материалы, так и материалы анкетного опроса, проведенного по программе Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Выборочная совокупность белорусской (Гомельской) подвыборки – случайная ($n = 370$), сформирована на базе Гомельского государственного технического университета имени П.О. Сухого, г. Гомель – 201 респондент,

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины – 169 человек. В выборку вошли 22,2% первокурсников, 51,5% студентов 2 курса, 8,5% третьекурсников. Выборочная совокупность отражает профили образования студентов: среди опрошенных респондентов 36,3% представляют технические специальности, практически столько же (34%) респондентов – представителей гуманитарных специальностей и 27% опрошенных студентов являются представителями социально-экономического профиля. Учитывая, что базовым высшим учебным заведением для проведения опроса являлся технический вуз (Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого), по половому признаку нам пришлось приблизить выборочную совокупность к контингенту опрашиваемых студентов: 44,4% девушек и 55,6% юношей.

На один из ключевых для белорусских респондентов вопрос анкеты «Где проходила военная операция «Багратион?»» абсолютное большинство белорусских студентов (87,6%) совершенно точно идентифицировали территорию проведения стратегической операции. Это было в Беларуси (таблица 1).

Таблица 1

Где проходила военная операция «Багратион»? (в%)

Вариант ответа	% от ответивших
Не знаю	3,51
В Беларуси	87,57
В Польше	1,35
Под Сталинградом	0,81
Под Берлином	4,32
В Подмосковье	1,62
В Прибалтике	0,81
На Северном Кавказе	0
В Закарпатье	0
Всего:	100

В исторической памяти белорусов эта операция навсегда останется экзистенциальной. Ведь это была операция не только по освобождению белорусской земли от фашистских захватчиков, но и с активным участием гражданского населения – белорусских партизан. Это одна из крупнейших военных операций за всю историю Великой Отечественной войны, развернувшаяся на белорусских землях, в которой немецко-фашистскому командованию было жизненно необходимо взять реванш за

Сталинград и Курск, а со стороны советских войск выбросить фашистов со своей земли.

В операции участвовали 4 миллиона человек, было задействовано около 62 тысяч орудий и минометов, более 7500 танков, свыше 7 100 самолетов. Грандиозное сражение развернулось на фронте в 1100 километров. Потери противника превысили 539 тысяч человек: 381 тысяча убитыми и 158 тысяч пленными. За время проведения операции «Багратион» погибли 180 тысяч советских солдат, 600 тысяч было ранено.

По детально разработанному плану военно-стратегической операции «Багратион» в немыслимых для немецких стратегов природно-климатических условиях (отступая фашистские войска на собственном опыте знали, что по полесской болотной грязи никакие моторизованные войска наступать в принципе не смогут). И это была правда. Но правда была и в том, что жажда освобождения своей страны от коричневой чумы была сильнее природных преград. Поэтому приступившие 23 июня 1944 года (и дата начала наступления тоже была сакраментальной – ровно три года после вторжения немецко-фашистских захватчиков в пределы Союза Советских Социалистических Республик) советские войска шли через эти топи белорусского Полесья, используя мокроступы, волокуши, плоты и гати, обеспечив скрытность и внезапность начала операции. Танки, люди, артиллерия неожиданно для немцев преодолели непроходимые болота и застали немецкие войска врасплох, двумя главными ударами взяв в клещи немецкие армии группы «Центр». В результате осуществления грандиозной операции была не только освобождена вся территория Беларуси, но образовалась 900-километровая брешь между группами немецких армий «Юг» и «Север». Для ее закрытия командование вермахта вынуждено было перебросить с других участков фронта 46 дивизий и 4 бригады. Это облегчило наступление как союзникам на западе, так и советским войскам в Украине и Прибалтике. Поэтому правомерно утверждение, что именно из белорусских болот начинался путь на Берлин.

Белорусы помнят об этом. На месте, где начиналась стратегическая операция, установлен памятный знак. В центре композиции – двухметровая бронзовая скульптурная группа, изображающая руководителей операции «Багратион»: Жукова, Рокоссовского, Батова, Панова, а также участников тех боев: партизан, солдат, моряков Днепровской флотилии. Справа и слева – наступающие советские воины. Два главных удара войск символизируют стрелы в качестве фона. Венчают монумент две бронзовые стрелы, изображающие направления главных ударов операции «Багратион» с названиями городов, освобожденных в ходе наступления советских войск.

Мемориальный комплекс включает памятный знак, часовню, окопы, блиндажи, фрагменты гати, образцы военной техники, вооружения и музейную экспозицию. В 2025 г. на памятном месте завершается строительство нового комплекса, посвященного военно-стратегической операции, – масштабный музей, монументальный барельеф, площадь Воинской Славы и устремленный ввысь Ил-2, который в годы Великой Отечественной войны фашисты еще называли «черной смертью» или «летающим танком».

Свой вклад в успешное проведение операции «Багратион» внесло поистине всенародное белорусское партизанское движение. С первых дней оккупации Беларуси в тылу врага развернулось массовое партизанское движение, которое день ото дня приобретало все более широкий размах. Борьба советских патриотов приняла поистине народный характер. Уже 29 июня 1941 г. была издана секретная директива Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б), в которой указывалось на необходимость создания в занятых врагом районах партизанских отрядов и диверсионных групп «для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т.д.» [1].

В июле 1941 г. при Народном комиссариате внутренних дел была создана Особая группа, одной из задач которой стала организация партизанской борьбы. А при Главном Политическом Управлении Красной Армии и политуправлениях фронтов были созданы отделы, которые должны были заниматься вопросами организации партийно-массовой работы среди населения оккупированных территорий, а также руководить партизанским движением. Одновременно ЦК ВКП(б) в оккупированных областях приступил к организации сопротивления оставшегося в тылу населения через подпольные обкомы, горкомы и райкомы партии, которые в начале июля получили указание о немедленной подготовке к переходу на нелегальное положение [2]. Важнейшим директивным документом в организации массового партизанского движения стало постановление ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск». В документе указывалось, что исключительно важное значение приобрела борьба в тылу германской армии. В качестве главной задачи определялось создание «невыносимых условий для германских интервентов», в том числе «дезорганизация их связи, транспорта и самих воинских частей, срыв всех их мероприятий, уничтожение захватчиков и их пособников, всемерная помощь созданию конных и пеших партизанских отрядов, диверсионных и истребительных групп, развертывание сети наших большевистских

подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов». В директивном документе красной нитью проходило требование, чтобы «вся эта борьба получила размах непосредственной, широкой и героической поддержки Красной Армии, сражающейся на фронте с германским фашизмом» [3].

К началу 1943 г., моменту освобождения белорусских территорий от фашистских нелюдей, в Беларуси действовало 512 партизанских отрядов, объединявших более 56 тыс. партизан [4]. А к июню 1944 г., началу военно-стратегической операции «Багратион», партизанское движение в Беларуси было реальным фактором, оттягивающих немецко-фашистские войска от фронтовых операций. К началу летнего наступления Красной армии в белорусских партизанских отрядах действовало более 143 тыс. человек и еще 80 тыс. несли охрану лесных лагерей мирного населения [5; 6]. Первый секретарь ЦК КП(б)Б Пантелеймон Пономаренко, назначенный Ставкой Верховного главнокомандования начальником Центрального штаба партизанского движения, вспоминал, что «по своим масштабам, политическим и военным результатам борьба в тылу немецко-фашистских армий приобрела стратегическое значение и превратилась в один из важных факторов разгрома врага» [1].

В результате организованной партизанской борьбы народные мстители уничтожили свыше 15 тыс. солдат и офицеров противника и более 17 тыс. взяли в плен. Партизаны проводили диверсии по вражеским коммуникациям, совершали нападения на отступающие фашистские части, спасали и защищали людей от угона в Германию. Особую роль в освобождении оккупированных территорий сыграла организованная партизанами в 1943–1944 гг. «Рельсовая война», в ходе которой количество подорванных железнодорожных путей и пущенных под откос эшелонов противника существенно усложнило оккупантам ведение военных операций и их снабжение, а пропускная способность тыловых железных дорог противника была снижена на 35-40% [7].

Трепетное отношение граждан Беларуси, белорусской молодежи в том числе, к памятным местам, связанным с Великой Отечественной войной, подтверждают ответы молодых белорусских респондентов (таблица 2). На анкетный вопрос, «Как Вы оцениваете состояние памятников истории, могил, захоронений времен Великой Отечественной войны в Вашем городе/регионе?» более половины респондентов ответили, что все в хорошем состоянии и еще 36,5% – что большая часть в хорошем состоянии. Таким образом, абсолютное большинство белорусских студентов (92,0%) подтвердили, что к памятным местам отношение достойное. Это мнение

молодежи подтверждается и их личным участием в уходе за знаковыми памятными местами, за могилами ветеранов Великой Отечественной войны.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос, «Как Вы оцениваете состояние памятников истории, могил, захоронений времен Великой Отечественной войны в Вашем городе регионе?» (в%)

Вариант ответа	% от ответивших
Большая часть в хорошем состоянии	36,49
Всё в хорошем состоянии	55,41
Затрудняюсь ответить	3,78
Только малая часть в хорошем состоянии	4,05
В моем регионе нет таких памятников	0,27
Всё в плохом состоянии	0,
Всего:	100

Но для белорусских граждан память о Великой Отечественной войне не только в жертвенных подвигах воинов и партизан, вставших на защиту своего Отечества, но и памяти о безвинных жертвах – детях, женщинах, стариках, уничтоженных фашистским нелюдями.

На вопрос о том, чем является для наших респондентов День Победы, только каждый десятый респондент ответил, что для него это просто выходной. Каждый третий ответил, что это день гордости за страну. Более половины молодых белорусских респондентов выбрали варианты ответов «День памяти о родных, прошедших войну» и «Праздник со слезами на глазах» (таблица 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос, «Чем является для вас праздник День Победы?» (в%)

Вариант ответа	% от ответивших
«Праздник со слезами на глазах»	26,49
День памяти о родных, прошедших войну	26,49
Просто выходной	10,00
День гордости за страну	35,14
Другое	1,89
Всего:	100

На вопрос анкеты, «Согласны ли Вы с тем, что на оккупированных территориях СССР фашистами осуществлялась массовое уничтожение

мирных жителей?», 90% молодых респондентов Республики Беларусь дали однозначный ответ – «да, так было». «Праздник со слезами на глазах» – это для белорусов надолго, потому что нам некуда уйти от памятников и памятных мест мирным жертвам войны. Весь мир знает о героизме защитников Брестской крепости и о трагедии белорусской деревни Хатынь. На рассвете 22 марта 1943 г. нацистскими карателями были сожжены заживо или расстреляны 149 человек, в том числе 75 детей в возрасте до 16 лет. Это место не только для граждан Беларуси, но и для всех, кто хочет знать правду о зверствах фашистов и о геноциде белорусского народа, стало «Меккой» для поклонения.

Единственный чудом избежавшей огненного ада взрослый житель Хатыни, потерявший всю семью, Иосиф Каминский завещал: *«Когда вспоминаю о Хатыни, сердце кровью обливается. В огне погибли четверо моих детей и жена. От деревни остались лишь печные трубы да пепел. Люди, не допустите больше такого!»* А Александр Желобкович, совсем юный житель Хатыни, в тот страшный день тоже чудом избежавший сожжения, на митинге, посвященном открытию памятного комплекса «Хатынь», завещал живым: *«Я буду говорить от имени тех, кого сегодня нет в живых. От имени моей матери и отца, моих родных, друзей, близких. От имени тех, чей пепел лежит в этой земле. В Хатыни я родился. И все, что произошло здесь в тот день, я никогда не смогу забыть. Избежать страшной участи мне помог случай: утром отец послал меня в соседнюю деревню по делу. Когда я вернулся, люди уже горели в огне, я слышал стоны и крики тех, кто пытался спастись, кого расстреливали каратели. Это по ним сегодня, вчера и завтра звонят и будут звонить хатынские колокола».*

Сегодня на месте деревни Хатынь располагается мемориальный комплекс с единственным в мире кладбищем деревень. За годы Великой Отечественной войны с лица Беларуси навсегда стерли больше 9 тыс. названий [8]. Но не всем известно, – сколько у Хатыни белорусских сестер. За время трехлетней оккупации немецко-фашистскими оккупантами полностью или частично, в том числе вместе с жителями, с были сожжены 9200 белорусских сел и деревень, из них 186 повторили судьбу Хатыни. Эти населенные пункты были уничтожены полностью вместе с жителями и уже никогда не возродились. Возрождать их было некому – все жители приняли страшную казнь от рук нелюдей.

Всего полтора десятка километров от мемориального комплекса, на месте начала военной операции «Багратион» располагается еще один мемориальный комплекс Великой Отечественной войны – Озаричи. Сюда,

в самую распутицу, в конце февраля – начале марта 1944 г. оккупанты под видом эвакуации из оперативной зоны стали сгонять, свозить к отведенным на болоте огороженным колючей проволокой местам в районе Озаричи – Подосинник – Дерть женщин, детей, стариков из Гомельской, Могилевской областей Беларуси, Смоленской, Брянской и Орловской областей России. В этом болотистом месте осуществлялась спланированная вермахтом военная операция по созданию концлагерей на переднем крае обороны. В эти лагеря фашисты в течение трех дней свезли более 30 тысяч человек. А всего в трех лагерях содержалось около 50 тысяч советских граждан. Зная о готовящемся наступлении Красной Армии на этой линии фронта, фашисты целенаправленно, цинично заражали женщин, стариков и детей сыпным тифом. В книге «В походах и боях» генерал-полковник Павел Батов, командовавший 65-й армией 1-го Белорусского фронта, освобождавший Озаричи, писал: «В марте 1944 года на рубеже севернее Озаричей и далее в сторону Паричей на болотах разведчики 37-й гвардейской дивизии обнаружили три лагеря смерти, созданные гитлеровским командованием. Там томились и умирали тысячи советских граждан – преимущественно старики, женщины и дети. История этих лагерей – одно из самых гнусных злодеяний фашистских захватчиков, совершенных в годы войны на белорусской земле» [9]. До освобождения этого непревзойденного по своей бесчеловечности, лагеря бойцами Красной армии он просуществовал всего десять дней. Из 50 тысяч стариков, детей и женщин для 20 тысяч узников они стали вечностью: средняя продолжительность их жизни составляла трое суток.

За три года оккупации (1941-1944 гг.) гитлеровцы провели в Беларуси более 140 масштабных карательных операций. В результате реализации нацистской политики геноцида и «выжженной земли» погиб каждый третий житель Беларуси. В большинстве случаев роль исполнителей бесчеловечной политики по уничтожению невинных людей на оккупированных немцами территориях отводилась специально созданным карательным полицейским органам и войсковым формированиям нацистской организации СС. Современные белорусы и сегодня содрогаются от слова полицай. В том числе и по этой причине в Беларуси органы внутренних дел (милицию), не переименовали в полицию.

Значимость для белорусов событий Великой Отечественной войны подтверждает главный государственный праздник Республики Беларусь – День Независимости, празднуемый 3 июля, в день освобождения столицы Беларуси города Минска от немецко-фашистских захватчиков, принятом на

республиканском референдуме в 1996 г. В настоящее время Республика Беларусь на постсоветском пространстве является единственной из бывших советских республик, чей главный праздник привязан не к отделению от СССР, а к освобождению от фашистских захватчиков.

Список литературы

1. Кулинок, С.В., Скоморощенко, М.Н. Попытки централизации партизанского движения в 1941–1942 гг. Создание Центрального штаба партизанского движения. URL: <https://archives.gov.by/blog/news/1033096> (дата обращения: 01.09.2025).
2. Логунова, Т.А. Партийное подполье и партизанское движение в Западных и Центральных областях РСФСР, июль 1941-1943 гг. – М.: Изд-во Московского университета, 1973. 226 с.
3. 18 июля 1941 года принято Постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германских войск». URL: <https://www.рцпв.рф/metodicheskie-materialy/18-iyulya-1941-goda-prinyato-postanovlenie-tsk-vkp-b-ob-organizatsii-borby-v-tylu-germanskikh-vojsk/> (дата обращения: 01.09.2025).
4. Арбузов, А., Баландин, К., Беляев, А. и др. Партизанская и подпольная борьба на оккупированной территории Беларуси // Великая Отечественная война советского народа. Минск: БНТУ, 2011. С. 76-89.
5. Манаенков, А.Л. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе. – Минск: Беларусь, 1983. 765 с.
6. Как начиналось партизанское движение в годы Великой Отечественной войны и его особенности в Белоруссии. URL: (дата обращения: 01.09.2025).
7. День партизан и подпольщиков. URL: <https://polk.press/news/stranicy-istorii/den-partizan-i-podpol-shikov> (дата обращения: 01.09.2025).
8. Нет другой страны, где сжигали бы столько деревень»: какие еще деревни разделили участь Хатыни. URL: <https://1prof.by/news/v-strane/net-drugoj-strany-gde-szhigali-by-stolko-dereven-kakie-eshhe-derevni-razdelili-uchast-hatyni/> (дата обращения: 01.09.2025).
9. Батов, П.И. В походах и боях. – М.: Воениздат, 1974. Издание 3-е, исправленное и дополненное.

**МЕЖ- И ВНУТРИПОКОЛЕНЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**
**INTER- AND INTRA-GENERATIONAL PLURALISM OF IDEAS ABOUT
THE GREAT PATRIOTIC WAR IN MODERN RUSSIA**

А.А. Кузнецов

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород*

A.A. Kuznetsov

*Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod*

Обозначены проблемы сложившейся ситуации сосуществования представлений о Великой Отечественной войне разных поколений. Причина – уплотнение информационного поля. Плюрализм образов и символов Великой Отечественной войны и Победы отягощен эволюцией взглядов внутри одного поколения из-за увеличения продолжительности жизни.

This article identifies the problems associated with the current coexistence of different generations' perceptions of the Great Patriotic War. The reason is the condensation of the information field. The pluralism of images and symbols of the Great Patriotic War and Victory is complicated by the internal evolution of views within a single generation due to increased life expectancy.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, поколение, длительность поколения, историческая политика, продолжительность жизни.

Keywords: Great Patriotic War, generation, generation length, historical politics, life expectancy.

Общим местом для историка-генеалoga, социолога является представление о счёте времени поколениями – 30 лет. В его основе лежат биологические факторы, прежде всего длительность фертильного возраста у женщин и возможность мужчин к зачатию. Эти данные и являются причиной того, что на протяжении многовековой истории средняя разница между матерью и детьми – 20-25 лет, отцом и детьми – 30-35 лет. Усредненно это и дает 30 лет.

Каждое поколение имеет свои коллективные представления о смысле жизни, целеполагании, знаковых культурно-исторических феноменах. С каждым поколением связывается господство совокупности определённых идей, которые разделяются большинством ровесников по поколениям. Они сменяются аксиологией следующего поколения.

Смене поколений присуща цикличность с воспроизводством адаптированных к эпохе констант через поколение. Конфликтная – смена поколений, выраженная названием романа И.С. Тургенева, – предполагает отрицание молодыми идеалов своих отцов. Когда же дети детей начинают расшатывать устои родителей, то вместо них не создают новые, а приспособливают традиции дедов (которые, хотя и уступили место детям, но не только живы, но и активны, и влияют). Отечественная история дает подтверждение этого: поколения «детей XX съезда» КПСС делало Перестройку и осуществляло жёсткие реформы постсоветской России; к 2015 г. отчётливо обозначилась смена поколением «шестидесятников» поколением, стремящимся к стабильности, консерватизму, отличающимся настороженностью к безоглядному насаждению нового без должной экспертизы, восстановлением отвергнутых в Перестройку идеалов и критическим пересмотром целого ряда символов и смыслов второй половины 1980-х-1990-х гг..., в чём можно усмотреть воспроизведение многих реалий духовной жизни второй половины 1960-х–середины 1980-х гг. Приведённые факты, несомненно, соотносятся с восприятием Войны и Победы в культуре СССР–РФ, остающимися главными культурно-историческими центрами притяжения в России.

Изучение ценностно-смысловой динамики смены поколений затрудняет определение их границ. В истории большой протяженности не получается четко поставить их временные рамки из-за состояния источников, да и удачных однозначных маркеров генераций наука, видимо, до сих пор предложить не может. Эту трудность выразил Марк Блок: «Границы поколений то сужаются, то раздвигаются, в зависимости от более или менее быстрого социального движения. Были в истории поколения долгие и краткие... Поколениями, наконец, свойственно взаимопроникновение». И в связи с последним замечанием надо предвосхитить последующее изложение – взаимопроникновение смыслов и ценностей о Великой Отечественной войне и Победе. М. Блок же настаивает на чувственно-интуитивном улавливании поколенческих рубежей: «Лишь прямым наблюдением удаётся уловить точки, в которых кривая меняет свое направление. Я учился в школе... Уже очень рано я почувствовал себя во многих отношениях ближе к выпускам, предшествовавшим моему, чем к тем, что почти сразу следовали за моим. Мои товарищи и я, мы находились в последних рядах тех, кого... можно назвать «поколением дела Дрейфуса»» [1, с. 100].

Тем не менее, применительно к Великой Отечественной войне поколенческие срезы кажутся чёткими, с некоторыми вкраплениями друг в друга. Поколение фронтовиков, поколение детей Войны, поколение внуков

Победителей, поколение внуков детей Войны и вступает поколение праправнуков Победителей. Вкрапления можно игнорировать, но обязательно надо учесть формирование образов Войны и Победы со стороны власти, начавшееся ещё в Войну и продолжающееся до сих пор.

Обозначить поколенческую поступь в отношении к Великой Отечественной войне можно песенными приметам. Песни о Войне, которые пели и поют в СССР-РФ, одновременно отражают смещения смысловых акцентов и сами влияют на данный процесс. Пафос генерации фронтовиков-победителей ярко выражен «Священной войной» со словами «Вставай, страна огромная!» и «Волховской застольной»: «Выпьем за тех, кто командовал ротами, кто замерзал на снегу, кто в Ленинград пробирался болотами, горло ломая врагу!».

2) Поколение детей Победителей запели с 1965 г. завет от родителей: «И только нам нужна одна Победа, одна на всех, мы за ценой не постоим!». Примерно с этого же времени в народ пошла песня «Враги сожгли родную хату» (не принята Победителями в 1946 г.).

3) Взрослевшие внуки Победителей слышали от дедов и родителей в 1975 г.: «Это радость со слезами на глазах..., Этот День мы приближали, как могли».

4) Правнуки победителей получили песню 1980-х гг.: «И всё-таки, и всё-таки мы победили!» (увы, чаще и чаще эта фраза сводится только к двум последним словам с добавлением «Россия, вперёд»).

Подобный ряд можно выстроить из кинофильма, но ограничимся лишь указанием, что правнуки и праправнуки победителей, кроме «Брестской крепости» и «В августе 44-го», получили массу подделок, где актеры не проживают, а играют... в Войну с сытыми лицами, пухлыми телами... Уже без того душевного надрыва и надлома, что был присущ шедеврам 1950-х – начала 1990-х гг. Что ж, проявилась еще одна социологическая закономерность восприятия прошлого: оно из живой памяти становится историей спустя 50 лет, в пору вступления в активность поколения правнуков. Уходит вместе с прадедами их боль, их нерв...

Политические процессы и борьба за власть тоже привносили новые смыслы. XX съезд КПСС с разоблачением культа личности И.В. Сталина дал и откровенно лживые инвективы из уст Н.С. Хрущёва, что И.В. Сталин в первую неделю Войны чуть ли не «прятался под кроватью», «воевал по глобусу». С XX-го съезда КПСС начинается и привнесение в представление о Войне идеи гуманистической миссии СССР и Красной Армии, которые – спасли человечество от человеконенавистнической идеологии и практики нацизма/фашизма. Источником данного смысла стали, очевидно, доктрина

мирного сосуществование, принятая на съезде, и необходимость цементирования единства соцлагеря после событий в Венгрии в 1956 г. И с той поры два аспекта оценки Победы – защита Отечества и спасение человечества – конкурируют в репрезентации образов Победа СССР/России в Великой Отечественной войне. С развенчанием культа личности 1956 г. государство в силу политических причин стало внушать обществу, что Победа – исключительно народная. Это стало результатом отрицания прежнего тезиса роли власти в Победе. Лишь во второе десятилетие XXI в. видим уравнивание двух факторов – государственного и народного – в объяснении Победы.

Все эти образы и тексты о Войне, казалось бы, должны были замещаться один другим по мере смены поколений, как это было до XX в., и свестись к коллективной гордости за Победу, сконструированной историками, как в случае с Куликовым полем, преодолением Смуты, Отечественной войной 1812 г. Но такого последовательного замещения не произошло. Смыслы и символы Войны и Победы всех поколений одновременно действенны и переживаются обществом, как говорится, «на нерве».

Этот феномен объясним своеобразным уплотнением информационного поля. Благодаря ликвидации неграмотности, всеобщим стал круг читателей, доступным – широкий набор текстов, в том числе о Войне. С распространением грамотности увеличилось число потенциальных писателей, мемуаристов. Отдельно надо отметить количественный и качественный рост издательского дела. Многотысячные тиражи книг о Войне и Победе оседали в библиотечной сети, в домашних собраниях и остаются там и поныне. Благодаря развитию радио и телевидения, кинематографии, а затем и электронных СМИ, сложился определённый эффект мультипликатора: военные кадры и записи, радиопередачи и фильмы о Войне, песни и тексты о ней стали доступны в короткое время для частого воспроизведения... Одним из результатов всего этого стали аккумуляция и одновременная репрезентация всех поколенческих образов Войны и Победы, их эклектическое существование – вместо привычной смены одних другими в результате последовательных конфликтов «отцов и детей». Во второй половине XX–первой четверти XXI в. поколения сосуществуют, взаимодействуют в представлении Войны.

Уплотнение информационного поля усугубляется ещё двумя факторами. Первый – увеличение продолжительности жизни во второй половине XX в. и, соответственно, необратимого увеличения средней длительности поколения. Второй – и в этой продолжающейся относительно

здоровой и активной жизни человек меняет взгляды и представления под влиянием образов и символов других поколений и государственной политики. У многих фронтовиков наблюдается такая эволюция. Яркий примером является набросок пьесы К.М. Симонова «Вечер воспоминаний», сделанный на закате его жизни: «А может быть, это... роман... Не тот, в котором я буду рассказывать о себе, а тот, в котором будет сразу четыре моих «я»». Нынешний «я» и еще трое. Тот, каким я был в пятьдесят шестом году, тот, которым я был в сорок шестом году, вскоре после войны, и тот, которым я был до войны, в то время, когда я только-только успел знать, что началась гражданская война в Испании... Вот эти четыре моих «я» и будут разговаривать между собой... Сейчас при воспоминании о прошлом мы никак не можем удержать от соблазна представить себе, что ты знал тогда, в 30-х и 40-х, то, что ты тогда не знал, и чувствовал то, что тогда не чувствовал...» [См.: 2, с. 7–8].

И эту внутреннюю трансформацию прошли все фронтовики-ветераны, включая тех, кто писал художественные книги, снимал фильмы о Войне, создавал исторические труды... Но большинство из них эту эволюцию не отрефлексировали. Не забудем и того, что далее тоже идут длительные поколения и надолго, тенденция – у нас меняется информационно-ценностное поле – шире, глубже, эклектичней. Поэтому память о войне не ушла и продолжает жить спустя полвека, 80 лет. Память, с недоспоренными и недоосмысленными проблемами, представляет широкий спектр мнений и оценок. Сформировался дурной плюрализм образов Войны, в котором молодёжь запутывается. И средством преодоления такой множественности, порождённой меж- и внутри-поколенческим многоголосием, видится привлечение экспертов-гуманитариев по отсеvu сущностей, который не выдерживают научной критики.

Список литературы

1. Блок, Марк. Апология истории или ремесло историка. – М.: Наука, 1973.
2. См.: Лазарев Л. Предисловие // Симонов К.М. Симонов и война. – М., 2016. С. 5–24.

**ШКОЛЬНЫЙ УЧЕБНИК КАК ИНСТРУМЕНТ
ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ МОЛОДЕЖИ
SCHOOL HISTORY TEXTBOOK
AS A TOOL FOR HISTORICAL EDUCATION OF YOUTH**

П.И. Куконков

Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва

P.I. Kukonkov

Institute of Sociology, FNSC RAS, Moscow

Школьный учебник истории является мощным инструментом воздействия на процесс формирования массового сознания подрастающих поколений. Изменение «исторической политики» влечет за собой существенные изменения в структуре и содержании школьных учебников. Наша задача – анализ характера и направленности воздействия на процесс изменения «исторической политики» по отношению к Великой Отечественной войне, проявляющихся в создании школьных учебников отечественной истории. Принципиально важен вопрос, соответствуют ли «современные учебники» интересам российского общества и государства, требующий всестороннего рассмотрения и тщательного анализа характера и направленности этих изменений. Результаты нашего исследования позволяют сделать вывод, что общая историческая память различных поколений выступает важным условием стабильности современного российского общества, что без специальных усилий общества и государства нельзя сохранить в сознании молодёжи отношение к войне как знаковому событию в мировой и отечественной истории.

The school history textbook is a powerful tool for influencing the process of forming the mass consciousness of the younger generations. The change in the "historical policy" entails significant changes in the structure and content of school textbooks. Our task is to analyze the nature and direction of the impact on the process of changing the "historical policy" in relation to the Great Patriotic War, manifested in the creation of school textbooks of national history. The question of whether "modern textbooks" correspond to the interests of Russian society and the state is of fundamental importance, which requires comprehensive consideration and careful analysis of the nature and direction of these changes. The results of our research allow us to conclude that the common historical memory of different generations is an important condition for the stability of modern Russian society, and that without special efforts by society and the state, it is impossible to preserve the attitude towards war as a landmark event in world and national history in the minds of young people.

Ключевые слова: молодёжь, история, учебник истории, историческая политика, политика памяти, историческое образование.

Keywords: youth, history, history textbook, historical politics, politics of memory, historical education.

Введение

Противоречивость массового сознания молодежи, предполагает ее своевременное и соразмерное включение в процесс исторического просвещения, одним из важнейших инструментов которого является школьный учебник истории. Цели, основные принципы, задачи и механизмы реализации государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения утверждены Указом Президента РФ от 8 мая 2024 года №314 [1].

В.В. Путин подчеркивает, что «появление новых учебников – вопрос, действительно, общенационального значения. История вообще важна для любого народа, особенно на каких-то сложных поворотах жизни государства. Для нас как раз такой момент наступил, когда мы обязаны очень внимательно относиться и к истории, и к формированию общественного сознания на базе достоверных исторических данных» [2].

В Тяньцзиньской декларации отмечено: «2025 год проходит под знаком 80-летия Победы во Второй мировой войне и создания Организации Объединенных Наций (ООН). Великая Победа, которая стала возможной благодаря сплочению народов всех миролюбивых стран в противостоянии нацизму, фашизму и милитаризму, определила дальнейший ход мировой истории, создала условия для формирования устойчивой системы международных отношений, гарантирующей мирное развитие человечества. Государства-члены призывают беречь историческую память о героическом подвиге народов и уроках Второй мировой войны» [3].

Мы разделяем подход, в соответствии с которым «История – это не совокупность фактов, история – это последовательность смыслов» [4]. По обоснованному мнению экспертов, «Признание школьного учебника истории средством государственного управления (в широком понимании этого термина) позволяет переформатировать и вывести на принципиально новый уровень весь образовательный процесс по историческим дисциплинам» [5, с. 8].

Для образовательного процесса по истории Великой Отечественной войны весьма значима ежегодно принимаемая Генеральной Ассамблеей ООН Резолюция «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» [6]. Сопоставление этого документа с резолюцией Парламентской ассамблеи ОБСЕ, отмечающей, что «советский режим несёт ответственность наравне с Германией за развязывание II мировой войны» [7], предполагает настоятельную необходимость уточнения понятий, по поводу которых

сохраняются существенные разногласия, способные серьезно затруднить процесс исторического просвещения и оказать негативное воздействие на историческое сознание молодежи.

Мы разделяем подходы, в соответствии с которыми «историческая политика» рассматривается как часть общегосударственной политики, отражающая особенности и закономерности целого, обращение власть имущих к прошлому и его образам для извлечения конкретных политических выводов о событиях и процессах дня сегодняшнего [8, с. 922-942]. Ее следует отличать от «политики памяти», понимаемой как общественные практики и нормы, связанные с регулированием коллективной памяти, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие [9, с. 6-23].

В настоящее время представляется бесспорным, что «Великая Отечественная война стала одним из центральных объектов исторической памяти российского общества и одним из столпов российской идентичности» [10, с. 880-897], а историческая политика по отношению к Великой Отечественной войне становится, на наш взгляд, более последовательной и сбалансированной. Так, В.В.Путин акцентирует внимание на том, что «Мы обязаны защитить правду о Победе, иначе, что скажем нашим детям, если ложь, как зараза, будет расползаться по всему миру?» [11].

Следует подчеркнуть, что до сих пор сохраняются и иные подходы, в соответствии с которыми никакой «правды о Победе» нет и быть не может, что реализуемая в настоящее время историческая политика – не что иное как «победобесие» [12]. Необходимо отметить, что с началом СВО людей, открыто отстаивающих подобные подходы стало значительно меньше. Однако, они не исчезли, многие просто затаились до лучших времен. Достаточно очевидно, что подобные подходы могут стать реальной угрозой для подрастающих поколений россиян, поскольку историческая память, как правило, ограничена и избирательна, носит субъективный и несистемный характер. В таком виде историческая память нередко служит мифологизации общественного сознания, его дезориентации и создает благоприятную почву для различного рода политических спекуляций» [13, с. 4].

Теоретико-методологические подходы

Мы разделяем подход, в соответствии с которым история в школьных учебниках «...не может и не должна быть ценностно-нейтральной, поскольку призвана не только обучать молодых людей, но и воспитывать, т. е. превращать знания во взгляды и убеждения, способствуя становлению и

формированию (образованию) личности» [14, с. 23-34]. Следует подчеркнуть, что любая власть стремится оказывать максимальное воздействие на этот процесс, отдавая себе отчет в том, что школьный учебник истории – мощный инструмент такого воздействия.

Вместе с тем, характер и направленность влияния на подрастающие поколения периодических изменений «исторической политики» и «политики памяти» неизбежно сказываются на изменении массового сознания молодежи. Характер и направленность этих изменений проявляются в ходе сравнительного анализа соответствующих разделов школьных учебников истории, выпущенных в различные периоды жизни российского общества.

В процессе такого анализа необходимо, прежде всего, ответить на вопрос: соответствуют ли учебники интересам российского общества и государства? Ответ на этот вопрос представляется принципиально важным, прежде всего, в связи с тем, что за несколько последних десятилетий содержание и структура учебников истории неоднократно и существенно изменялись. Характер и направленность этих изменений требуют, на наш взгляд, всестороннего рассмотрения и тщательного анализа.

В настоящее время весьма характерна позиция: «Новые учебники по истории России за 10-й и 11-й классы являются качественно и идеологически новыми, технически и методически они хорошего уровня проработки, отлично структурированы, снабжены понятной навигацией, оснащены прикладными материалами, включая понятийный словарь в конце каждого учебника» [15]. Подобные оптимистические оценки представляются несколько преждевременными, тем более что результаты социологических исследований последних лет свидетельствуют о том, что в историческом сознании молодежи до сих пор сохраняются элементы исторического «беспамятства», вызывающие тревогу и беспокойство.

Соответствие «современных учебников истории» интересам российского общества и государства мы анализировали на примере темы Великой Отечественной войны. Причем, отбор учебников производился по следующим основаниям:

- учебники по истории отечества (России, СССР);
- учебники, по которым ведется или велось преподавание в определенный период времени;
- учебники, выпущенные в свет в конце XX века и в начале XXI века;
- учебники, выпущенные центральными издательствами.

Исходя из этих оснований, мы включили в процесс анализа следующие учебники и учебные пособия:

История СССР, под ред. чл.кор. РАН М.П.Кима, учебник для 10 класса, 1938-1976 гг. М., Просвещение, 1977, 260 с. (гл. "Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945 гг.").

Дмитренко В.П., Есаков В.Д., Шестаков В.А. История отечества XX век. 1917-1994 гг. 11 кл.: Учебное пособие для общеобразовательных школ. – М.: Дрофа, 1997, 640 с. (гл. "В годы Великой отечественной войны").

Данилов А.А., Косулина Л.Г., История России, XX век. (1900-1994 гг.): Учеб. пособие для 9 класса общеобразоват. учреждений – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1997, 366 с. (гл. "СССР во второй мировой войне 1939-45 гг.").

Мединский В.Р., Торкунов А.В. История России 1914-1945 годы. 10 класс. Базовый уровень. Учебник. М., 2023. 497 с.

Выводы

Великая Отечественная война в настоящее время – одно из важнейших исторических событий, объединяющих россиян на основе их отношения к войне как к одному из высших проявлений духа, характера нашего народа. Социологические исследования последних лет свидетельствуют, что историческая память различных поколений россиян оценивает Великую Отечественную войну как выдающееся событие в истории нашего Отечества и во всемирной истории. Это означает, что его оценка старшими поколениями приобрела символическую значимость и для последующих поколений.

Время все дальше отодвигает от нас Великую Отечественную войну, вместе с тем, интерес учащейся молодежи Нижнего Новгорода к этому историческому событию в целом сохраняется. Необходимо подчеркнуть, что переходный характер социокультурных процессов в современной России существенным образом отражается на состоянии исторического сознания учащейся молодежи.

Главный вывод социологических исследований в Н-Новгороде в 2005, 2010, 2015, 2020, 2025 гг.,³ заключается в том, что по принципиальным вопросам истории Великой Отечественной войны учащаяся молодежь демонстрирует идентичность позиций и суждений, свидетельствующую о сохранении исторической памяти. Именно общая историческая память выступает важным фактором стабильности и устойчивости общества.

Сравнительный анализ школьных учебников истории последней четверти XX века и первой четверти XXI века позволяет сделать следующий вывод: школьный учебник истории сохраняет свою роль мощного инструмента воздействия на процесс исторического просвещения молодежи.

³Социологические исследования под руководством проф. З.Х. Саралиевой проводились группой социологов ННГУ и Нижегородского филиала ФНИСЦ РАН.

Именно в этом ключе он рассматривается российской властью, не оставляющей без внимания и явно контролирующей и направляющей процесс его создания. Это подтверждается тем, что изменение «исторической политики» и «политики памяти» нередко приводило к существенным изменениям в структуре и содержании массовых школьных учебников.

В частности, для учебника 70-х годов характерны высокая степень идеологизации и стремление уйти от постановки "неудобных" вопросов. Вместе с тем, важное достоинство этого учебника в том, что его авторы стоят на патриотических позициях.

Авторы учебников, выпущенных в 90-е годы, явно стремятся ограничить, дозировать знание школьников о войне, завуалировать темы, касающиеся патриотизма советских людей, проявляемого в годы войны, а также всемирно-исторического значения войны. Их авторам не удалось найти объективный, непредвзятый подход к анализу итогов и цены Победы, результатом которого стало негативное в отношении к ней. Представляется достаточно убедительным вывод о том, что в 90-е годы некоторые учебники отечественной истории писали явно «непатриоты», что до сих пор сказывается на эффективности процесса исторического просвещения молодежи. Весьма тревожно, что «семена лжи», посеянные в то время, до сих пор способствуют разрушению исторического сознания наиболее образованной части молодежи.

Подходы, характерные для учебников 90-х годов, в целом преодолены в учебнике В.Р. Мединского и А.В. Торкунова, что не снимает проблемы периодических изменений государственной политики в области исторического просвещения. Именно поэтому так важен анализ изменений, происходящих в «исторической политике» и «политике памяти» и, прежде всего, ответ на вопрос об обоснованности и направленности этих изменений.

Сегодня, как никогда, важна консолидация российского общества вокруг важных вех отечественной истории, поскольку существенное воздействие на историческую память молодежи оказывают такие факторы, как анонимизация источников такого воздействия, необходимость постоянной корректировки обретенных идентичностей, дезориентирующее влияние массовой культуры и средств массовой информации. Источники информации о Великой Отечественной войне, вызывающие доверие учащейся молодежи, в настоящее время используются явно недостаточно. Учащаяся молодежь не вполне доверяет электронным средствам массовой информации и нуждается в информации о войне от ее непосредственных участников, от своих родных и близких.

Избыточно формализованные мероприятия, посвященные Великой Отечественной войне, слабо привлекают молодежь, требуют обновления и придания им современных форм. Одним из возможных направлений такого обновления может стать непосредственное включение в процесс поиска истоков Победы семьи, школы, техникумов, вузов, чтобы максимально приблизить это историческое событие к личности молодого человека.

Историческая память о Великой Отечественной войне, призванная выполнять консолидирующую, объединяющую российский социум функцию, играть роль ценностного ориентира для социального поведения молодежи, при определенных условиях может превратиться в повод для актуализации проблем, к решению которых общество и власть сегодня объективно не готовы. Все более очевидно, что перманентное изменение взглядов на историю Великой Отечественной войны связано не только и не столько с открытием новой информации, сколько с политической конъюнктурой.

Анализ изменений, происходящих в массовом сознании по отношению к Великой Отечественной войне, предполагает анализ изменений и в позиции власти. Представляется, что сегодня центральным направлением в ней является показ роли государства в объединении всех сил, средств, ресурсов для борьбы с врагом. В то же время необходимо учитывать, что война высвобождает творческие и душевные силы людей, выявляя как их лучшие, так и худшие человеческие качества на поле боя и в тылу.

Человеческие качества, присущие горьковчанам-нижегородцам в годы войны как на фронте, так и в тылу, должны стать образцом для их детей и внуков. В связи с этим принципиально важно их отношение к Великой Отечественной войне, к подвигам своих отцов и дедов, пропущенное через призму окружающей их действительности. Элементы «исторического беспамятства» учащейся молодежи, зафиксированные в ходе нашего исследования, не только деформируют историческое сознание сегодняшних учащихся, но и представляют собой угрозу существенных искажений исторического сознания будущих поколений.

Годы реформ в России не прошли бесследно для исторической памяти нижегородской учащейся молодежи. В связи с этим неизбежно возникает вопрос, выработана ли в нашем научном и экспертном сообществе методология, позволяющая давать объективную оценку как событиям Великой Отечественной войны, так и любым иным войнам и вооруженным конфликтам современности? На наш взгляд, в настоящее время целостная, непротиворечивая методология отсутствует.

Вполне вероятное в ближайшей и среднесрочной перспективе обострение проблемы социализации учащейся молодежи связано с усиливающимся влиянием на образ жизни учащихся постоянно меняющихся общественных настроений, а также весьма важных для молодежи изменений технологического устройства окружающей среды, способных сформировать "новое общество", включить молодого человека в различные виртуальные сообщества, нередко находящиеся в жесткой оппозиции не только по отношению к истории, но и к государству и обществу в целом. В связи с этим вызывают тревогу факты, связанные с участием молодых людей в действиях деструктивной направленности, все чаще приобретающих экстремистский и даже террористический характер.

Очевидная недостаточность институциональных форм взаимодействия с властью, наличие существенных проблем в сферах деятельности, затрагивающих интересы молодежи (образование, трудоустройство, здравоохранение, досуг, спорт) не позволяют исключить возможность нарастания деструктивных процессов в ее среде.

Процесс исторического просвещения в последние годы не создал позитивных символов, не выявил общепризнанных достижений, не предъявил примеры «коллективной сплочённости» и достойные коллективные цели. Для различных поколений россиян, в той или иной мере, очевидно присутствие «разобщённого» российского настоящего.

Элементы «исторического беспамятства» учащейся молодежи, зафиксированные в ходе нашего исследования, не только деформируют историческое сознание сегодняшних учащихся, но и представляют собой угрозу существенных искажений исторического сознания будущих поколений. В связи с этим нельзя игнорировать, что набравшая силу в 90-х годы война с собственным прошлым продолжает раскалывать российское общество.

Настроения, доминирующие в среде нижегородской молодежи, требуют существенных изменений в региональной молодежной политике. Особое значение приобретает включение молодежи в общественно значимую и социально полезную деятельность, всемерное содействие адаптации молодежи к современным социально-экономическим условиям.

Главный вывод наших исследований исторической памяти состоит в том, что по принципиальным вопросам истории Великой Отечественной войны у всех поколений нижегородцев сохраняется близость позиций, что позволяет говорить о преемственности исторического сознания, выступающего фактором стабильности и устойчивости общества на базе общей для всех поколений истории Отечества.

Результаты наших исследований позволяют сделать вывод, что историческая память различных поколений не выступает важным условием стабильности современного российского общества, что специальные усилия общества и государства должны быть сконцентрированы на формировании исторического сознания молодежи, основанного на неразрывной истории России и на максимальном приближении этого исторического события к личности молодого человека.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 "Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001?index=2> (дата обращения: 07.03.2025)
2. Путин считает, что создание новых учебников по истории имеет общенациональное значение. 7 декабря 2022. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16530269> (дата обращения: 07.03.2025)
3. Тяньцзиньская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32327453&pos=4;-108#pos=4 (дата обращения: 01.09.2025).
4. Дугин А. Мир цивилизаций. Изборский клуб. 27 февраля 2025. <https://izborsk-club.ru/26668> (дата обращения: 10.03.2025).
5. Багдасарян В., Абдулаев Э., Клычников В., Ларионов А., Морозов А., Абдулаев Энвер. Школьный учебник истории и государственная политика. М.: Научный эксперт 2009. 376 с. С. 8.
6. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 19 декабря 2023 года. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/78/190> (дата обращения: 10.03.2025).
7. ОБСЕ обвинила СССР и Германию в развязывании Второй мировой // РБК. 2009. 3 июля. URL: <https://www.rbc.ru> (дата обращения: 10.03.2025).
8. Молодяков, В. Историческая политика и политика памяти // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 922-942.
9. Миллер, А.И. Историческая политика: Россия: власть и история // Pro et contra. 2009. № 3-4. С. 6-23.
10. Антипов, А.М. 2022. Великая Отечественная война в учебниках истории России, Украины и Белоруссии: методологические проблемы и перспективы. Via in tempore. История. Политология. 49 (4): 880-897.
11. Послание Президента Федеральному Собранию. 15 января 2020 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 07.03.2025).
12. Иванов, А.А. «Победобесие приближается»? – такое могли написать только «твари и уроды»! 27 апреля 2021. URL: <https://regnum.ru/article/3254039> (дата обращения: 08.03.2025).

13. Саралиева, З.Х., Балабанов, С.С., Куконков, П.И. Великая Отечественная в памяти поколений / Под ред. Е.В. Чупрунова. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского национального исследовательского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010. 63 с. С. 4-5.

14. Малинкин, А.Н. 2020. Историческая память о Великой Отечественной войне: эпистемологические и генеалогические аспекты. Социологические исследования, 5: 23–34.

15. Никитина, Л. Учебник истории – инструмент защиты исторической правды. Заседание круглого стола МГД на тему «Новый учебник истории: проблемы и перспективы». URL: <https://dep31.duma.mos.ru/news/22855> (дата обращения: 10.03.2025).

**ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ КАК ОСНОВА
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
THE MEMORY OF GENERATIONS AS THE BASIS
OF NATIONAL IDENTITY**

Е.А. Лебедева

*Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Нижний Новгород*

В.Б. Романовская

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород*

Е.А. Lebedeva

*Nizhny Novgorod Institute of
Management – RANHiGS branch, Nizhny Novgorod*

V.B. Romanovskaya

*Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod*

Ставится проблема сохранения национальной и коллективной идентичности российского многонационального народа. Автор полагает, что основой ее формирования и сохранения является память поколений, ее передача и закрепление в культуре и традициях народа. Важную роль в этом процессе играют семейные традиции и ценности, а также школьное и вузовское воспитание и образование.

The article raises the problem of preserving the national and collective identity of the Russian multinational people. The author believes that the basis of its formation and preservation is the memory of generations, its transmission and consolidation in the culture and traditions of the people. Family traditions and values, as well as school and university education, play an important role in this process.

Ключевые слова: национальная идентичность, коллективная идентичность, историческая память, социальные связи.

Keywords: national identity, collective identity, historical memory, social ties.

Память поколений – это не просто хранилище исторических событий, традиций и культурных практик, но и важнейший элемент, формирующий национальную идентичность. Она служит связующим звеном между прошлым и настоящим, обеспечивая преемственность и целостность народной культуры. Каким образом память поколений влияет на формирование национального самосознания, укрепление единства народа и сохранение культурного наследия, а также как она интегрируется в образовательные процессы и воспитание школьников и студентов?

Вполне очевидно, что преемственность поколений помогает сохранить историческую память о значимых событиях, которые формировали нацию. Воспоминания о войнах, революциях, победах и поражениях становятся основой коллективной идентичности. Огромную роль в этом играет кинематограф, поэзия, песни времен войны, поэмы. В течение многих десятилетий в России празднуют День Победы. 9 мая стал символом не только военной славы, но и стойкости духа народа. Шествие Бессмертного полка по всем городам нашей страны как воспоминание о Великой Отечественной войне и ее участниках – свидетельство того, что историческая память передается из поколения в поколение, укрепляя чувство гордости и единства российских граждан разной национальности и вероисповедания.

В российском среднем и высшем образовании хорошо осознается важность передачи этой памяти и ее непреходящая актуальность. Школьные программы и учебные курсы включают изучение истории своей страны, акцентируя внимание на ключевых событиях и личностях, которые формировали национальную идентичность. Педагоги стараются, чтобы уроки истории России были насыщены эмоциональными рассказами, личными свидетельствами и интерактивными элементами, которые позволяют ученикам глубже понять значение исторических событий. Например, на юридическом факультете ННГУ проводятся проектные работы, экскурсии по памятным местам и встречи с ветеранами, просмотр кинолент о Великой Отечественной войне, что значительно обогащает образовательный и воспитательный процесс.

Известно, что традиции и обычаи, передаваемые от одного поколения к другому, играют важную роль в формировании национальной идентичности. Они создают уникальный культурный ландшафт, который отличает одну нацию от другой. Например, празднование национальных праздников народов России укрепляет чувство принадлежности к народу, но и сохраняет культурные особенности, которые могут быть утрачены в условиях глобализации. В образовательных учреждениях важно не только изучать эти традиции, но и активно участвовать в их праздновании. Организация

тематических мероприятий, мастер-классов по народным ремеслам и фестивалей способствует более глубокому пониманию культурного наследия представителей разных наций среди молодежи.

Кроме того, память поколений способствует укреплению социальных связей внутри общества. Общие воспоминания о прошлом создают чувства солидарности и взаимопонимания между людьми. Это особенно важно в многонациональных государствах, где различные этнические группы могут иметь свои собственные исторические нарративы. Создание единой памяти о прошлом позволяет наладить диалог между различными культурами и народами, способствуя гармонии и миру в обществе. В образовательных учреждениях необходимо развивать программы межкультурного общения, которые помогут студентам понять и уважать разнообразие историй и традиций.

Однако, стоит отметить, что память поколений может быть и источником конфликтов. Разные интерпретации исторических событий могут приводить к разногласиям между группами внутри одной нации. Поэтому важно подходить к формированию национальной идентичности с учетом многообразия мнений и уважением к различным историческим нарративам. В образовательном процессе это может проявляться через критическое мышление и анализ различных точек зрения на исторические события. Например, народы, пережившие трагические события, такие как войны или геноцид, могут развивать более сильное чувство солидарности и ответственности за сохранение своей культуры.

Память поколений оказывает глубокое влияние на мировоззрение народа, формируя его ценности, убеждения и восприятие окружающего мира. Эта память включает исторические события, культурные традиции, мифы и легенды, которые передаются из поколения в поколение. Рассмотрим несколько ключевых аспектов, как именно память поколений формирует мировоззрение народа.

В заключение отметим, что память поколений является основой национальной идентичности, обеспечивая преемственность культурных традиций и исторической памяти. Она формирует чувство принадлежности к народу, укрепляет социальные связи и способствует сохранению уникальности каждой нации. В условиях глобализации и быстрого изменения мира важно сохранять и уважать эту память, чтобы обеспечить гармоничное сосуществование различных культур и народов. Память поколений – это не просто история; это живое свидетельство того, кто мы есть и кем мы можем стать в будущем. Образование и воспитание играют ключевую роль в этом процессе, формируя у молодежи уважение к своему наследию и готовность передавать его следующим поколениям.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПАМЯТЬ МОСКОВСКИХ СТУДЕНТОВ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ PUBLIC MEMORY OF MOSCOW STUDENTS ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR

В.А. Мансуров, Е.Ю. Иванова

*Институт социологии Федерального научно-исследовательского центра
Российской академии наук, г. Москва*

V.A. Mansurov, E.Y. Ivanova

*Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian
Academy of Sciences, Moscow*

Информационной базой проведенного анализа особенностей формирования общественной памяти о Великой Отечественной войне современной российской молодёжи на примере результатов опроса представителей московского студенчества стали данные V этапа мониторингового исследования «Студенчество о Великой Отечественной Войне», проводимого по инициативе Российского общества социологов в 2024–2025 гг. Представлены некоторые результаты систематизации многоаспектной информации, что позволило (1) оценить динамику за последнее десятилетие формирующихся патриотических взглядов студентов, обучающихся в столице, (2) сопоставить их с аналогичными показателями по Российской Федерации в целом, (3) рассмотреть приоритетность для студентов источников информации о Великой Отечественной войне, (4) обратить внимание на формы их личного участия в мероприятиях, посвящённых 80-летию Победы.

The information base of the analysis of the features of the formation of public memory of the Great Patriotic War among modern Russian youth on the example of the results of a survey of representatives of Moscow students was the data of the fifth stage of the monitoring study «Students about the Great Patriotic War», conducted at the initiative of the Russian Society of Sociologists in 2024–2025. The article presents some results of the systematization of multifaceted information, which made it possible (1) to assess the dynamics over the past decade of the emerging patriotic views of students studying in the capital, (2) to compare them with similar indicators for the Russian Federation as a whole, (3) to consider the priority for students of sources of information about the Great Patriotic War, (4) to pay attention to the forms of their personal participation in events dedicated to the 80th anniversary of the Victory.

Ключевые слова: молодёжь, студент, Москва, Великая Отечественная война, семья, информация, память, патриотизм.

Keywords: youth, student, Moscow, Great Patriotic War, family, information, memory, patriotism.

Информационная база

Данные V этапа мониторингового исследования «Студенчество о Великой Отечественной Войне», проводимого по инициативе Российского

общества социологов в 2024-2025 гг. (Вишневский, 2025), послужили информационной базой нашего исследования. В опросе принял участие 721 студент московских вузов. 95% – граждане РФ. 643 студента на вопрос анкеты «Ваш город», отнесли себя к москвичам, что составило 89% всех респондентов. В реальности, следует отметить, что «по статистике министерства образования... сейчас в столичных университетах на бюджете учатся... 30% москвичей и 70% приезжих» [1]. Внутривоспитательная миграция в определённой степени должна была повлиять на результаты нашего исследования. Однако, основываясь на приведённой выше идентификации респондентов, мы исходим из того, что в опросе принимали участие в основном москвичи – носители качеств, характерных для столичных жителей. Для оценки динамики исследуемых процессов были использованы данные IV этапа мониторинга (Что мы знаем о Великой отечественной войне, 2020).

Студенты Москвы и студенты России.

Сопоставление результатов опроса московских студентов с усреднёнными результатами опроса студентов по Российской Федерации в целом не выявили особых различий в оценках роли Великой Отечественной войны, её значимости, источников получения информации и прочее. Приведём некоторые примеры.

– На вопрос «Какая из оценок связи прошлого и будущего соответствует Вашему мнению?», были получены следующие данные, приведённые в Таблице 1.

Таблица 1

Оценка связи прошлого и будущего (в% к общему числу ответивших)

Варианты ответов	Московские студенты	Студенты России
Общество должно идти вперёд, не оглядываясь постоянно на прошлое	15,8	12
Без памяти о прошлом никогда не будет будущего, поэтому нужна объективная оценка прошлого: и достижений, и ошибок	78,5	80,4
Нужно жить сегодняшним днём, не задумываясь ни о прошлом, ни о будущем	3,7	3,2
НЕТ ОТВЕТА	1,9	4,4

Обратим внимание, что не задумываются ни о прошлом, ни о будущем сопоставимые данные по Москве в среднем по России в 3,7 и 3,2%.

– Другой аспект исследования – эмоциональное отношение к Победе 1945 года (Табл. 2) подтверждает наше утверждение о незначительных расхождениях в оценках московского студенческого и российского. Предлагалось оценить своё отношение предлагаемым оценочным суждениям: «Приближается 80-летие Победы. Какие мысли и чувства вызывает у Вас эта дата?»

Таблица 2

Чувства студенчества о 80-летию Победы (в% к общему числу ответивших)

Варианты ответов	Московские студенты	Студенты России
Память о минувшей войне сохраняется в сознании моих сверстников	20,5	21,8
Подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут примером для новых поколений	51,0	54,8
С годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, её заслоняют иные события и проблемы	15,9	15,5
Героизм и самопожертвования во время Великой Отечественной войны становятся чуждыми значительной части молодёжи	7,7	5,5
НЕТ ОТВЕТА	2,0	2,4

Источники информации о Великой Отечественной войне

Сортировка по степени значимости, источников, обеспечивающих информацию о войне 1941-1945 гг. для московских студентов, наглядно продемонстрировала, что наиболее весомыми являются человеческие контакты между старшим поколением и младшим. 16,2% отметили роль преподавателей школ и вузов, 13,5 – рассказы родных и встречи с ветеранами (Рис. 1).

Рис. 1. Источники полученных знаний о Великой Отечественной войне по мнению московского студенчества

Обратим внимание, что самую значимую роль в формировании общественной памяти о событиях 80-летней давности оказало художественное и документальное кино. Эти источники информации, как наиболее важные, отметил 31% респондентов. Причём, советским художественным и документальным фильмам отдаётся больше «голосов», чем современным произведениям киноиндустрии. И еще одно замечание. Современный московское студенчество – это слушающая и смотрящая аудитория, а не читающая, что подтверждается множеством социолого-педагогических исследований.

Динамические процессы, трансформация отношений московских студентов к патриотизму.

Информационная база, которой мы располагали, позволила зафиксировать динамические процессы отношения к патриотизму как самоидентификации, происходящие в среде московских студентов за последние 5 лет (Таблица 3).

Таблица 3

Можете ли Вы назвать себя патриотом? (в% к ответившим)

Варианты ответа	2020 год	2025 год	Динамика за 5 лет
Да	15,3	42,0	174,67
Скорее да, чем нет	46,4	41,3	-10,92
Скорее нет, чем да	17,8	6,0	-66,49
Нет	10,5	6,2	-40,56
Не определились	10	4,4	-55,62

Полученные данные свидетельствует, во-первых, о сокращении доли неопределившихся с самоидентификацией себя как патриота, во-вторых, существенный рост патриотических настроений. Этот вывод подтверждается и полученными ответами на вопрос: «После получения образования Вы планируете жить и работать в России или постараетесь уехать за рубеж?». Если в 2020 г. планировали остаться в России 47% московских студентов, то в 2025 г. – 67.1%. Работать за рубежом в 2020 г. намеривались 34%, а в 2025 г., учитывая сложные международные реалии, всего 3,1%.

Для московского студенчества быть патриотом означает прежде всего это испытывать гордость за свою страну (15,6%), испытывать чувство ответственности за происходящее в стране (15,3%), уважать и знать историю своей страны (14%). И лишь 1,6% респондентов посчитали патриотизм устаревшим понятием в эпоху открытых границ. Родина там, где тебе комфортно.

Личное участие студентов в мероприятиях, посвящённых общественной памяти о Великой Отечественной войне.

На вопрос, «Как обычно Вы проводите 9 мая?», 29,8% московских и 25,6% российских студентов смотрят Парад по телевидению. Участвуют в шествии Бессмертного полка соответственно 9,9 и 14% респондентов. Ценность акции «Бессмертный полк» подтверждается как московскими студентами, так и студентами России в целом (42,1% и 40,0%). Личностный, семейный момент этой акции важен для 18,6%. Однако, молодежь высказывается за изменение содержательной наполняемости этой акции. 5,7% респондентов высказались за расширение акции за счёт включения в неё тружеников тыла в годы ВОВ, 12,4% за счёт включения участников локальных войн, конфликтов. Отмечалось, что важен интернациональный характер акции, подчёркивающий вклад всех народов СССР в Великую Победу.

Личное участие в мероприятиях, связанных с сохранением общественной памяти о значимости Великой Победы, обеспечивается участием студенчества в научных мероприятиях, проводимых на площадках вузов Москвы. Приведём лишь ряд примеров: Международная научно-практическая конференция «Победа СССР в Великой Отечественной войне: историческая память и современные западные интерпретации» (Московский политехнический университет); круглый стол «Солдат со студенческим билетом: роль студентов во время Великой Отечественной войны» (МГУ); Всероссийская научная конференция молодых историков «Великая Отечественная война: фронт, тыл, оккупация» (РГГУ) и др.

Выводы

1. Московские студенты, участвовавшие в опросе, не продемонстрировали особого отношения к значимости Великой Отечественной войны и её роли в формировании общественной памяти, консолидирующей современное общество по сравнению со студентами из других регионов.

2. Проводимый РОС мониторинг отношения студентов к патриотизму как социальной позиции в обществе в период 2020-2025 гг. показал значительный (175%) рост самоидентификации представителей московского студенчества как патриотов своей страны.

3. Интернет как наиболее популярный источник информации для молодежной аудитории занимает последнее место среди предложенных вариантов получения знаний о Великой Отечественной войны, что свидетельствует о недостаточной реализации возможностей интерактивной среды для формирования патриотического контента.

4. У Московского студенчества преобладают созерцательные оценки патриотизма как социальной позиции (гордиться, осознавать, любить, ощущать), а не деятельностные. Волонтерству как возможному направлению самореализации в патриотических акциях отдают предпочтение всего 2,8% респондентов, позиционированию себя как хозяина в своей организации, городе, стране – 2,4%, не уклонению от службы в армии – 4,4%, что, на наш взгляд, отражает неопределённость вектора дальнейшего развития зафиксированной на настоящее время ситуации с ростом патриотических настроений молодёжи.

5. Проведенное нами исследование позволило сделать вывод об эффективной консолидированной политике семьи, общественных и государственных институтов по воспитанию московской молодёжи в контексте соблюдения ценностного потенциала российского общества.

Список литературы

1. Антонова, С.В. Госдуме заявили, что москвичи должны учиться в столичных вузах бесплатно // Новый день. Российское информационное агентство: сайт. 28.06.2023. URL: <https://newdaynews.ru/moscow/799451.html> (дата обращения: 01.08.2025).

2. Вишневский, Ю.Р. Студенчество о Великой Отечественной войне: результаты федерального исследования Российского общества социологов (2005–2025 гг.) / Ю.Р. Вишневский, В.А. Мансуров, А.В. Кульминская // Социологические исследования. 2025. № 7. С. 33-46.

3. Что мы знаем о Великой Отечественной войне // Российское общество социологов: сайт. URL: <https://www.ssa-rss.ru/files/File/OtdelaniyaROS/Uralskoe/Chto%20my%20znaem%20o%20Velikoy%20Otechestvennoy.pdf> (дата обращения: 01.08.2025).

**ОБРАЗ ПОКОЛЕНИЯ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ – ВКЛАД СОЦИОЛОГОВ
В СОХРАНЕНИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ**
**THE IMAGE OF THE GENERATION OF WAR CHILDREN
IS THE CONTRIBUTION OF SOCIOLOGISTS TO THE PRESERVATION
OF COLLECTIVE MEMORY**

А.В. Носкова

МГИМО МИД России, Москва

A.V. Noskova

MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow

Анализируется образ поколения детей войны в качестве механизма передачи коллективной памяти. Приводятся результаты интервью с представителями детей войны. Охарактеризованы четыре нарратива – события войны, переживания голода, социальные отношения, отличия поколения детей войны от других поколений россиян. Сделан вывод, что воспоминания о событиях жизни отражают главные социальные и ценностные установки того поколения.

The perception of the "children of war" generation is analyzed. The paper presents the results of interviews with representatives of this generation. Four key narratives are characterized: wartime events, the experience of hunger, social relations, and the distinctions between the "children of war" generation and other generations of Russians. It is concluded that memories of life events reflect the core social and value attitudes of that generation.

Ключевые слова: поколение детей войны, коллективная память, образ поколения, глубинное интервью, нарративы.

Keywords: the generation of war children, collective memory, image of a generation, in-depth interview, narratives.

Введение

В 2025 году – год 80-летия Великой Победы – мы с особой благодарностью и гордостью вспоминаем подвиг нашего народа, мужественно защитившего Отчизну от фашистской чумы. Но нельзя забывать и о поколении «детей войны» – о тех, кто был свидетелем этих страшных событий, видел «возвращающихся домой» героев, а в последующие годы взял на себя миссию восстановления и строительства самой передовой страны мира.

Механизмом передачи коллективной памяти является создание образа поколения – эмоционально окрашенного восприятия жизненного пути целого поколения, формируемого на основе «образной памяти» [1]. В социальном конструировании образа детей войны участвуют разные акторы. Один из самых активных – СМИ. Анализ заголовков текстов о детях войны,

размещенных в интернет-изданиях, иллюстрирует амбивалентную тенденцию в отношении конструирования образа этого поколения. С одной стороны, в средствах массовой информации развернулась дискуссия об этом поколении, признается его огромная роль в великих достижениях Советского Союза. С другой стороны, в конструировании образа этого поколения в СМИ происходит навешивание ярлыков со скорее негативной тональностью: «забытое поколение»⁴, «молчаливое поколение»⁵, «потерянное поколение»⁶, «поколение без отца»⁷. Представляется, что такой способ репрезентации искажает образ поколения и наносит урон нашей исторической памяти.

Социологические исследования о поколении детей войны. Социологи вносят свою лепту в общее дело передачи памяти, «по крупицам» собирая и накапливая эмпирическую информацию о детях войны, на «плечах» и достижениях которых строят свою сегодняшнюю жизнь новые поколения россиян. С такой целью было проведено поисковое исследование, в рамках которого использовался метод глубинного интервью и вторичный анализ данных опроса «РУССЕТ через 30 лет».⁸

Глубинное интервью с представителями поколения детей войны. Вопрос о возрастных границах поколения детей войны до сих пор дискутируется. В последней редакции к этой категории относят граждан Российской Федерации, родившихся в период с 22 июня 1928 года по 3 сентября 1945 года⁹, то есть в год 80-летия победы этим людям от 80 до 97 лет. Видно, что эту возрастную категорию попадают те, кто в период войны был в и в грудничковых, и в старших подростковых возрастах. Для глубинного интервью отбирались информанты медианного (для интервала 80–97 лет) возраста, которые в период войны были уже сознательными

⁴ Забытое поколение. Почему в Оренбуржье не слышат детей войны? «Аргументы и Факты» № 18. АиФ в Оренбуржье. URL: https://oren.aif.ru/society/people/zabytoe_pokolenie_pochemu_v_orenburzhe_ne_slyshat_detey_voyny (дата обращения: 20.09.2025).

⁵ Молчаливое поколение. Их детство поглотила война, а юность – послевоенная разруха. Как могли, дети приближали Победу URL: <https://dzen.ru/a/ZjzPCM72qBDqqNw4> (дата обращения: 20.09.2025).

⁶ Псковская область. Дети войны – потерянное поколение? Депутаты-коммунисты В.С. Никитин и А.А. Рогов на защите прав социально обездоленных граждан. URL: <https://kprf.ru/party-live/regnews/128539.html> (дата обращения: 20.09.2025).

⁷ Поколение без отца URL: <https://news.novgorod.ru/articles/read/1228.html> (дата обращения: 20.09.2025).

⁸ Исследование выполнено по Гранту РНФ 23-18-00635 «Жизненный путь, ценности, ожидания поколения, взрослого в 1990-е – лонгитюдное исследование через 30 лет»

⁹ <https://t-j.ru/guide/children-of-war/#one>

детьми. Интервью с такими представителями этого поколения позволяет наполнить образ детей войны деталями. Центральной темой гайда стало воспоминание о Великой Отечественной войне. Содержание таких воспоминаний обладает особой ценностью для формирования «социальной рамки памяти» [1] об этом поколении и времени, в котором они жили.

Глубинное интервью с представителями поколения детей войны позволяет выявить нарративы о событиях, переживаниях и впечатлениях, врезавшихся в память и сохранявшихся на протяжении всего жизненного пути. Доминирующий нарратив – о событиях войны и воспоминания о детских эмоциональных переживаниях.

«Наше детство было связано, конечно, с войной. Даже в самое тяжелое время, когда враг был под Москвой и папа был в армии, мы были уверены в нашей победе. Наши детские воспоминания тоже были связаны с войной. Помню, мы идем ночью с мамой по шпалам, а мама поет песню «Темная ночь». Помню, была объявлена воздушная тревога, меня кто-то подхватил, и мы бежим в лес, а когда перебежали через канаву, я упал в эту канаву. Помню прожектора, ночное небо все в лучах света от прожекторов, один прожектор стоял недалеко от нас».

«Помню и ночь, когда было объявлено о конце войны, о нашей победе, когда народ высыпал на улицу, ликовал».

Война для поколения детей войны – это социальная ситуация взросления, внутри которой формировалась картина мира, закладывались социальные установки, ценности, характер, жизненные ориентиры и цели.

Приведем отрывок из докладной записки наркома здравоохранения РСФСР А.Ф. Третьякова, составленной в конце 1941 г. для представления в СНК РСФСР: «Набор продуктов, предусмотренных продовольственными карточками, не обеспечивает нормального развития ребенка и не создает необходимых условий для предупреждения среди детей высокой заболеваемости и смертности». В 1942–1943 гг. основными причинами гибели детей являлись недоедание и некачественное питание [2, с. 91].

Переживание сильнейшего голода и усилия, которые помогали справляться с этой ситуацией, – второй выявленный нарратив, присутствующий в воспоминаниях детей войны.

«Помню сильнейший голод, карточки на продукты, американскую тушенку. Мы разработали свой огород, стали сажать картошку. Однажды порыв ветра унес наши карточки от меня, когда мама послала меня в магазин, и я пошел за продуктами. Я заплакал. Интересно, что продавщица в магазине меня запомнила и даже рассказала нам об этом событии через много лет».

«Помню и голод в войну и после войны, и нашу помощь пленным немцам, которые тоже голодали, конечно».

Третий доминирующий нарратив связан с воспоминаниями об особом качестве человеческих отношениях в страшные годы войны.

«Мы жили очень дружно. Все жители нашего дома, и дети тоже, были, как родные».

Четвертый нарратив относится к описанию помощи родителям, старшим во время и после войны – *кололи дрова, копали землю, сажали картошку и т.д.*

Пятый нарратив – рефлексия об особенностях своего поколения.

«Помню, дети стремились к знаниям. Много читали. У нас в населенном пункте был книжный магазин (а, кстати, сейчас, к нашему стыду, в поселке нет книжного магазина). Была аптека. Была школа – семилетка. Помню первый день в первом классе в школе. Были у нас в поселке разные предприятия, мастерские. И мы считали, что так и должно быть. «Перестройка» все разрушила».

«Если говорить о нашем поколении в целом, то оно сильно отличается от молодых поколений россиян. Главная наша особенность, что дети помогали родителям, были «трудовыми», «непривередливыми».

С вершины прожитых лет воспоминания о войне, наполненные яркими фактологическими и эмоциональными деталями, как будто это было вчера, отражают, с одной стороны, события жизни, но с другой стороны, позволяют выявить социальные и ценностные установки (дружба, уверенность победе, труд и т.д.), осознаваемые и неосознаваемые стереотипы массового сознания [3, с. 47].

Такие качественные характеристики прослеживаются и на данных массового опроса. Главное, что отличает жизненный путь поколения детей войны – ориентация на труд в ущерб личной жизни.

В заключение еще раз следует повторить, что война для этого поколения – социальная ситуация взросления, внутри которой формировалась картина мира, закладывались социальные установки, ценности, характер, жизненные ориентиры и цели. Война отняла у детей естественную среду социализации – еду, дом, родителей, игру, смех. Но при этом она закалила это поколение – характер, волю к достижениям, желание созидать, уверенность в будущем своей великой страны.

Список литературы

1. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступительная статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007.

2. Богданова, Е.Г. Военное поколение детей: демографические характеристики (по материалам Южного Урала) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10 (191). История. Вып. 39. С. 87-94.

3. Векилова, С.А. Социальные рамки памяти многопоколенной семьи // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2013. Том 6. № 3. С. 46-53.

ФЕНОМЕН ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ПРОШЛОГО **THE PHENOMENON OF REINTERPRETING THE PAST**

Г.С. Пак

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород*

G.S. Pak

Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod

Эмпирической основой нарратива о переосмыслении прошлого явились ответы респондентов на вопрос: «Изменилось ли отношение к итогам Второй мировой войны после падения Берлинской стены?» Переосмысление прошлого характерно и для побежденных, и для победителей. По мнению респондентов, в переосмыслении победа советского народа в Великой Отечественной войне не нуждается. По мнению молодого поколения, освобождать Восточную Европу от фашизма было необходимым, и этого не отменяет тот факт, что в сознании некоторых образ освободителей трансформировался в образ захватчиков.

The empirical basis of the narrative on the rethinking of the past consisted of respondents' answers to the question: "Has the attitude towards the outcomes of World War II changed after the fall of the Berlin Wall?" Rethinking the past is characteristic of both the defeated and the victors. According to the respondents, the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War does not require reconsideration. According to the younger generation, liberating Eastern Europe from fascism was necessary, and this is not negated by the fact that in the consciousness of some, the image of the liberators has transformed into the image of invaders.

Ключевые слова: победители, побежденные, жизненный мир, система, прошлое, переосмысление прошлого.

Keywords: winners, defeated, lifeworld, system, past, rethinking of the past.

Нарратив о переосмыслении прошлого основан на интерпретации мини-исследования, лежащего в русле микросоциологической традиции. Респондентами выступили студенты 1 курса юрфака ННГУ им. Н.И. Лобачевского по направлению «Правовое обеспечение национальной безопасности». В контексте изучения аксиологического

аспекта философского осмысления действительности им был задан вопрос: «Изменилось ли отношение к итогам Второй мировой войны после падения Берлинской стены?».

Из 45 полученных ответов респондентов в 44 ответах признаются происшедшие изменения. Получен один ответ – нет. Аргументация сводится к утверждению об объективности прошлого, прошлое на то и прошлое, что его нельзя изменить. В основе отрицательного утверждения лежит ошибочное отождествление онтологического и эпистемического способов бытия. Большинство респондентов признают ценность прошлого и понимают, что отношение к прошлому зависит от ценностей и смыслов настоящего. При этом 11 ответов являются полностью сгенерированными и на этом основании не попадают в поле зрения.

Невозможность подлинного настоящего без памяти о прошлом показал В. Соловьев в притче под названием «Тайна прогресса». Её можно рассматривать как попытку переосмысления прошлого, представленную в аллегорической форме. Символом прошлого выступает древняя, беспомощная старуха, ветхое одеяние которой сохранило остатки былой роскоши. Её просьба к путнику перенести её через реку на другой берег означает не что иное, как желание быть в настоящем. Два берега реки представляют собой прошлое и будущее, течение реки – бег времени в настоящем. Заблудшего путника следует рассматривать как человека,двигающегося в потоке времени, в праве которого переходить реку налегке или с грузом прошлого на плечах. Тяжело путнику, несущему невероятный груз прошлого в виде сгорбленной и древней старухи, а отказаться и признаться в этом стыдно. Пока он нес старуху на другой берег, старуха превратилась в девушку красоты неопишуемой. Вознагражден путник за свои старания. Только взваливший на себя груз прошлого способен построить светлое будущее. «Спасаящий спасется. Вот тайна прогресса, – другой нет и не будет» [1]. Предостережение В. Соловьева не было услышано теоретиками пролеткульта.

Прошлое в качестве объекта изучения может быть представлено в трех аспектах: онтологическом, гносеологическом и аксиологическом. Вслед за неокантианцами следует признать важность аксиологического аспекта изучения прошлого. В человеческой культуре присутствует несколько сценариев отношения к прошлому. Прошлое, прежде всего, нарратив о событиях, который каждый раз пересматривается в эпоху «переоценки ценностей». Министерство Правды, описанное Дж. Оруэллом, звучащее на новоязе как Миниправда, является гротескной формой такого отношения к прошлому: «Кто контролирует настоящее, контролирует прошлое» [2].

В качестве исторического примера профессор Ю. Шерер предлагает рассматривать «двойное прошлое Германии», ссылаясь на статью Д. Гранина «Триумф наследников побежденных» [3]. В те далекие 90-е годы почти полвека спустя происходит абберация памяти у проигравших, достойное качество жизни в настоящем позволило им усомниться в том, что войну немцы проиграли. Их дети уже росли с убеждением, что немцы в ту далекую мировую войну сражались вместе с союзниками против русских. [4].

Другим сценарием отношения к прошлому является свобода от прошлого. Согласно концепции человеческой свободы Н.О. Лосского, происходит освобождения лишь от греховного прошлого, которое достигается путем его переосмысления [5, с. 550]. Тяжелое наследие прошлого нельзя отбрасывать. Чтобы двигаться дальше и сформировать новые ориентиры необходимо с прошлым разобраться, переосмыслить его.

Переосмысление прошлого представляет собой процесс установления новой структуры межсобытийных связей. У побежденных переосмысление собственного мрачного прошлого, вины немецкого народа в трагических событиях второй мировой войны вылилось в поиск причин нацизма и приобрело форму вопроса: «Чья вина: личности или системы?» Х. Арендт в работе «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме», написанной по итогам суда, проводит мысль, что Адольф Эйхман как оберштурмбаннфюрер СС, возглавляющий отдел гестапо IV-B-4, «миссия» которого заключалась в массовом уничтожении евреев во время Холокоста, не является абсолютным воплощением зла, а лишь типичным бюрократом, который просто бездумно выполнял приказы [6, с. 151, 220]. Последнее обстоятельство нашло отражение в названии работы «Банальность зла». Эту работу Х. Арендт, особенно в Израиле, не сразу поняли и считали её провокационной. Позиция Х. Арендт не является бесспорной, но её основное достоинство в обнаружении противоречия между системой и моралью, что на языке Хабермаса звучит как противоречие между системой и жизненным миром, которое он считает основным противоречием современности [7].

После падения Берлинской стены начинается процесс переосмысления прошлого у победителей. В ответах респондентов условно можно выделить два сценария оптимистический и пессимистический, но, чтобы их сравнивать между собой, следует определить их тождественную основу.

Картина общего, которая складывается из ответов респондентов.

– «Исчезла монополярная идеология». Идеология советского народа в виде марксизма-ленинизма изначально была амбивалентна, поскольку понятие идеологии употреблялось для обозначения «ложного сознания», в то время как марксистско-ленинская идеология претендовала на звание

единственно верной и научной. Вера в светлое будущее и построение коммунизма была подорвана падением Берлинской стены.

– «Отказ от упрощенной трактовки освобождения Европы» означал понимание того, что оценка событий разными участниками второй мировой войны может не только различаться, но и быть прямо противоположной.

– «Пересмотр взглядов на события Второй мировой войны» в контексте итогов соревнования между капитализмом и социализмом. Некоторые исследователи полагают, что с падением Берлинской стены будущего стало мало, поскольку исчезла альтернатива капиталистической системе хозяйствования.

– «Сдвиг памяти, переоценка роли СССР, открытие архивов, усиление европейской интеграции». Происходит признание значимости дореволюционного прошлого, неэффективности бюрократической системы хозяйствования и плановой экономики. Отношение к советскому прошлому становится противоречивым. Зачастую умаляются достижения народа, сформированные в советский период.

Оптимистический сюжет:

– «Пересмотр роли СССР в войне и конец холодной войны». Упал железный занавес и советский союз превращается в открытое общество.

– «Воссоединение Германии», «близкие люди воссоединились»

– «Формирование демократических ценностей». Россияне начинают их воспринимать в качестве общечеловеческих.

– «Будущее без войн». Это представление – высшая форма оптимизма, характерного для данного исторического времени.

Пессимистический сюжет:

– «Плюрализм и национальная история». Искажение истории в угоду политическим интересам. Например, начало этого процесса на Украине положила «оранжевая» революция

– «Возникновение союзов против России» на основе мистификации реального образа русских как граждан России.

– «Многие страны Восточной Европы стали рассматривать освобождение от нацистской Германии началом советской оккупации». Начало этой метаморфозы положил крах социалистической системы хозяйствования. Причина превращения победителей в побежденных, освободителей в захватчиков в крахе советской системы хозяйствования, потерявшей связь с жизненным миром.

Переосмысление прошлого заключается в установлении новой структуры межсобытийных связей и определяется доминирующей системой ценностей.

Причина возникновения «переосмысления прошлого» состоит в кардинальной трансформации системы как у побежденных, так и победителей. Героический подвиг советского народа детерминирован приматом жизненного мира над системой. Для него война была освободительной и справедливой. «Победа советского народа в Великой Отечественной войне переосмыслению не подлежит». Таков вердикт респондентов, представителей молодого поколения. Страна сохранила свою свободу и независимость. Гордость за победу присуща поколению Z.

Интерпретация итогов Второй мировой войны сохраняет амбивалентный характер и вскрывает противоречие между гражданским обществом и элитой.

Для мировоззрения студентов 1 курса характерно интуитивное понимание основной идеи социального конструктивизма, определяющего знание как того, что сам человек считает знанием.

Список литературы

1. Соловьев, В. Тайна прогресса // Соч. В 2-х т. Т. 2. – М.: Изд-во Правда, 1989. С. 619-621.
2. Оруэлл, Дж. 1984 / Замятин Е., Хаксли О., Оруэлл Дж. Романы. – Свердловск: Срене-Уральское книжное изд-во, 1991. С. 368.
3. Гранин, Д. Триумф наследников побежденных // Время. № 35. 26 августа 1994.
4. Шерер, Ю. Переосмысление прошлого. Опыт собственной жизни // Вопросы философии, 1985. № 5. С. 22-26.
5. Лосский, Н.О. Свобода воли // Избранное. – М.: Правда, 1991. С. 484-613.
6. Арендт, Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме / Пер. с англ. С.Кастальского, Н. Рудницкой. – М.: Европа, 2008. 424 с.
7. Habermas, Ju. Theorie des kommunikativen Handelns. – Bd. 1: Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. – 533 S.; Bd. 2: Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft. – Frankfurt am Main, 1981. 632 s.

ОСОБЕННОСТИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА FEATURES OF THE PATRIOTIC CONSCIOUSNESS OF MODERN RUSSIAN STUDENTS

Т.Э. Петрова, Ж.В. Жираткова

Российский государственный социальный университет, г. Москва

T.E. Petrova, Zh.V. Zhiratkova

Russian State Social University, Moscow

Рассматриваются проблемы сохранения исторической памяти у студенческой молодежи на примере воспоминаний преподавателя РМАТ Р.А. Арбузовой, принадлежащей к поколению «детей войны». Анализируются результаты представительных социологических исследований, посвященных осознанию современной студенческой молодежью ответственности за судьбу своей страны. Делается вывод, что опора на примеры патриотизма, мужества и стойкости преподавателей из числа участников ВОВ и детей войны способна сформировать у студентов гордость за свое Отечество, его великую историю.

The article examines the problems of preserving historical memory among students using the example of the memoirs of RMAТ teacher R.A. Arbuzova, who belongs to the generation of «war children». The article analyzes the results of representative sociological research devoted to the awareness of modern student youth of responsibility for the fate of their country. It is concluded that relying on examples of patriotism, courage and perseverance of teachers from among the participants of the Second World War and children of war is able to form students' pride in their Fatherland and its great history.

Ключевые слова: историческая память, Великая Отечественная война, дети войны, патриотизм, Отечество, мужество.

Keywords: historical memory, the Great Patriotic War, children of war, patriotism, Fatherland, courage.

Двадцатый век – суровый для российской истории. Нашему народу пришлось пережить Великую Отечественную войну. Сражения заканчиваются, а история остается вечной. Обязанность живых – помнить о тех страшных событиях, которые потрясли нашу страну в XX веке, а также о тех, кто отдал свою жизнь, защищая Родину. К сожалению, с каждым годом количество свидетелей ВОВ становится все меньше и меньше, но они есть. В каждом вузе работали или продолжают работать «дети войны» – свидетели тех страшных событий, которые выпали на долю нашего народа. Одним из них является Арбузова (Пазынич) Регина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков и гуманитарных дисциплин Московского филиала

Российской международной академии туризма, проработавшая в Академии более 35 лет.

Она родилась 8 июля 1934 г. в Одессе, вышла на пенсию в декабре 2015 г. Несмотря на все ужасы, которые пришлось пережить Регине Александровне, она окончила школу с серебряной медалью и в 1953 г. поступила на физический факультет МГУ. По окончании университета работала младшим научным сотрудником ВНИИ ФТРИ. Во время работы в институте прошла курсы экскурсоводов. Как говорит сама Регина Александровна, это был ее осознанный выбор. Она поменяла физику на лирику и нисколько об этом не пожалела.

Из воспоминаний Регины Александровны: *«В наше время говорить о войне было не принято. Все мои сверстники – дети, которых, так или иначе, опалила война. Война – это время, когда любая минута могла быть последней. Нас могли расстрелять, сжечь, повесить, заставить копать себе яму. Когда я об этом стала рассказывать своему внуку, он не поверил и сказал: «Этого быть не могло! Мой дед не мог копать себе могилу!».*

И я поняла, пока мы живы, молодежь должна знать из наших уст, что такое война, она должна услышать, что такое фашизм и какой ценой нам досталась Великая Победа. Нас всех должны были уничтожить как нацию, как государство, просто как «неполноценную расу».

Зря утверждают, что дети ничего не помнят. Детская память в войну очень цепкая. 22 июня 1941 года. Мы жили в Киеве с папой, мамой и моей сестрой Лялей. Был солнечный и очень теплый день! Наш дом находился на берегу Днепра у подножья крутого спуска. Мы с сестрой играли на улице. Нам было по 7 лет, мы встречали маму с базара. Вскоре она появилась красивая, нарядная. Подбежав к нам, она сказала: «Дети! Домой! Война!».

На рассвете нас разбудил какой-то тяжелый непонятный гул, наводящий панический страх. Это немецкие мессершмиты шли бомбить Киев, а шум и свист издавали пустые бочки, подвешенные к фюзеляжу для устрашения. Вскоре совсем рядом раздались взрывы, видимо, немцы бомбили мост Патона, который был рядом. Мы успели прыгнуть в какую-то яму под окном. На голову полетели стекла, щепки. Мы чудом остались живы, но от дома напротив осталась одна глубокая воронка. Миг ... и ни дома, ни семьи. Наш дом был разрушен. Он стоял без окон, без дверей, без мебели. Взрывная волна была такой силы, что швейную машинку с чугунным столом мы нашли на улице, там же мы искали свои вещи. Мы остались без крыши над головой в первый же день войны.

Сводки Совинформбюро о наступлении немцев с каждым днём становились все тревожнее. Географию Украины пришлось изучать по

сводкам. Я и сейчас отчетливо слышу голос диктора из приемника: «Немцы в Белой Церкви! Немцы в Ирпене».

Как потом узнала, папу оставили в городе для организации подпольной работы на Украине. Он был руководителем подпольной организации штаба партизан имени Ворошилова и был награжден орденом Отечественной войны.

Немцев мы увидели раньше, чем слышали, что они вошли в город. Был холодный осенний вечер, солнце садилось. Мы с подружкой играли в классики у подъезда. Вдруг откуда-то вынырнул немецкий мотоцикл с коляской, в которой за пулеметом спокойно сидел немец. На нас они не обратили никакого внимания. Оказывается, это был десант, который вошел в город раньше всех. На следующий день на подъездах, на фонарных столбах, везде, где только можно, висели объявления о новых порядках: о введении комендантского часа с 18 часов вечера до 5 часов утра, за нарушение – расстрел; ни один житель не имеет права покидать город, за нарушение – расстрел; немедленно должны сдать немцам радиоприемники и фотоаппараты.

На улицах города и на грузовых машинах стояли громкоговорители и вещали: «Все должны взять трехдневный запас пищи, теплые вещи, драгоценности и явиться на площадь, откуда их отправят в Германию». Люди поверили и, прихватив чемоданы, явились на площадь, откуда их под конвоем с собаками отправили в Бабий Яр, в том числе и родителей девочки в красном пальтишке, с которой мы впервые увидели немцев на мотоцикле. Ребенок остался с соседкой. Вскоре ночью за ними пришли немцы и забрали обеих. Большие никого из них мы никогда не видели, и квартиру потом обходили стороной. В городе все было закрыто: магазины, школы, поликлиники, аптеки. Ничего нигде нельзя было купить за деньги. В городе начался голод – самое страшное, что могло быть. Где-то мы нашли облитую керосином картошку, но есть ее было невозможно. Резали на мелкие кусочки и глотали, как пилюли. Также зажмурившись, проглатывали гнилую конину, все равно давила тошнота. Единственным выходом не умереть с голоду было как-то ночью пробраться в деревню и поменять вещи хоть на какую-то еду.

Вскоре загорелся Крещатик. Один за другим взрывались дома. Небо полыхало ярким пламенем. Начались казни и расстрелы. Оставаться в городе становилось все опаснее. Немцы зверели. В домах не было ни воды, ни света, ни отопления. Отец сказал: «Оставаться опасно! Будем уходить!» Разделившись, я с отцом, мама с сестрой, мы выбрались из Киева и

оказались у деда в Александрии Кировоградской области, где был огород, сад и колодец с водой. Дом стоял на окраине города за рекой.

Вскоре в доме деда поселились молодые немецкие офицеры, потому что это был единственный на всей улице дом под железной крышей. Остальные дома были покрыты соломой, почерневшей от времени, в таких домах немцы боялись жить. Нас выселили в разрушенную пристройку, в стене была большая дыра, которую зимой мы закрывали старыми вещами. Немцы заняли лучшие комнаты. Сытые и холеные, вечерами они любили играть на губных гармошках. На ночь летом двери не запирались. Ни к дверям, ни к подоконникам близко нам было запрещено подходить.

Немецкие порядки мы – дети – узнавали очень быстро, выросли очень быстро, и память была цепкой. Мы знали, что в четверг, в базарный день, надо было прятаться и сидеть в высокой кукурузе, потому что в эти дни немцы устраивали охоту на людей, т.е. облавы.

Красная Армия наступала. Деда немцы арестовали и посадили в тюрьму. Передачи для заключенных у взрослых не брали, но иногда брали у детей. Папа, перед тем как я понесу деду передачу, проводил со мной строгий инструктаж: никому соломенную корзину в руки не давать, если по дороге горшок с борщом нечаянно разобью, то надо сразу же съесть хлебный мякиш с запиской. На обратном пути нигде не останавливаться, ни с кем не разговаривать, если пойдет что-то «не так» – обратную записку из соломенной ручки вытащить и съесть.

До освобождения оставалось несколько дней. Пока шли бои, мы прятались все в погребе. Немец, живший у нас в доме, уходя, предупредил, что получил приказ взорвать наш дом, но у него в Германии тоже был дом, и в доме тоже остались дети. Когда мы вышли из погреба, немцев уже не было. Открыв плиту, я увидела две гранаты, прикрытые пеплом.

По дороге шли наши красноармейцы, в белых полушубках, в валенках, в меховых теплых шапках. Мы были спасены!»

Общеизвестно, что россиянам свойственна любовь к своей замечательной Родине, которая на протяжении веков проявляется в готовности защищать своё Отечество. А чувствует ли современная студенческая молодежь ответственность за судьбу своей страны? Этот вопрос был задан участникам социологического исследования, проведенного авторами статьи в марте-апреле 2025 г., в ходе которого было опрошено 476 студентов, обучающихся в вузах Москвы, Пензы и Уфы.

Чувство ответственности за судьбу своей страны присуще 56,5% опрошенным, они осознают, что будущее России в их руках, 21,0% – затруднились с ответом, 17,5% – не чувствуют своей ответственности и 5,0%

– указали «другое». Здесь есть, над чем работать. Молодежь, воспитанная на принципах патриотизма, сможет сохранить свое будущее, свою страну, свою науку и культуру [1]. Опора на примеры патриотизма, мужества и стойкости наших героев, к которым мы относим преподавателей из числа участников и детей войны, способна сформировать чувство ответственности за свою Родину у современной молодежи. Это яркие примеры патриотизма, на которых стоит воспитывать современную молодежь. Социологическое исследование «Отношение студенчества к Великой Отечественной войне» показало, что «для большинства студенческой молодежи Великая Отечественная война – значимое событие, потому что оно связано с историей каждой семьи, оно определило не только будущее нашей страны, но и всего мира. Более половины респондентов ответили, что подвиг старших поколений будет примером для будущих» [2]. Еще одно исследование, проведенное среди студентов ведущих московских вузов, также показало, что «молодое поколение больше всего гордится победой в Великой Отечественной войне и отменой крепостного права» [3].

Приятно осознавать, что молодежь гордится историей своей страны. Результаты исследования говорят о том, что 73,9% респондентов «гордятся историей своей страны»; 18,9% – указали «в зависимости от ситуации»; 6,1% респондентов затруднились ответить на этот вопрос и 1,1% – ответили «нет».

При этом студенческая молодежь не только гордится подвигами своих предков, но и интересуется историей своей страны: 64,1% респондентов ответили утвердительно; 27,3% – интересуются «только в рамках учебной программы»; 5,0% – не интересуются и 3,6% – «затруднились ответить».

Наши выводы подтверждаются результатами опроса ВЦИОМ. Согласно представленным данным, «трое из четырех молодых людей в России хорошо знают историю своей страны (76%)» [4].

В условиях нестабильной геополитической ситуации, искажения исторических фактов и размывания ценностей важно сохранить историческую память у молодежи. Но при этом важно учитывать и форму подачи материала. Масштабное исследование, проведенное коллективом авторов Финансового университета, посвященное изучению механизмов искажения восприятия студенческой молодежью истории России, выявило неэффективность каналов, связанных с прямым воздействием на аудиторию, таких как телевидение и выступления чиновников. Но при этом студенческая молодежь склонна доверять мнению близких и информации, полученной в ходе культурного туризма [5, с. 42, 46]. Поэтому формат встреч в рамках круглых столов с участниками тех или иных исторических событий, в нашем

случае с детьми войны, является наиболее эффективным способом сохранения и приумножения исторической памяти молодого поколения.

Список литературы

1. Янцев, А.В. Патриотическое воспитание студенческой молодежи в условиях современных вызовов // Актуальные исследования. 2025. № 12(247). URL: <https://apni.ru/article/11565-patrioticheskoe-vospitanie-studencheskoj-molodezhi-v-usloviyah-sovremennyh-vyzovov?ysclid=meb98vf4y2242412333> (дата обращения: 14.08.2025).
2. Студенчество и память о войне. Как много знают студенты о ВОВ? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.osu.ru/news/24743> (дата обращения: 14.08.2025).
3. Студенты рассказали, какими событиями истории России больше всего гордятся. URL: <https://ria.ru/20230118/pobeda-1845792764.html> (дата обращения: 14.08.2025).
4. ВЦИОМ сообщил о хорошей осведомленности молодежи РФ об истории страны. URL: <https://iz.ru/1440654/2022-12-14/vtcioom-soobshchil-o-khoroshei-osvedomlennosti-molodezhi-rf-ob-istorii-strany> (дата обращения: 14.08.2025).
5. Салин, П.Б., Осинина, Д.Д., Машьянов, Д.А. Преломление российского исторического наследия в среде студенческой молодежи // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 6. С. 41-46.

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА И ЕЁ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ЧЕЛОВЕКА THE GREAT VICTORY AND ITS EXISTENTIAL SIGNIFICANCE FOR THE RUSSIAN PEOPLE

Ю.М. Резник

Институт философии РАН, г. Москва

Y.M. Reznik

Institute of Philosophy of the

Russian Academy of Sciences, Moscow

Посвящено экзистенциальным аспектам Великой Победы в контексте исторического противостояния России и Запада. Рассматриваются личные переживания участников войны, воплощенные в лозунгах и пропагандистских плакатах периода Второй мировой войны. Подчеркивается значимость личного участия каждого солдата и труженика тыла в достижении общего успеха, подчеркивая экзистенциальные ценности веры, надежды и любви. Важное место занимает описание жизненного пути ветерана, раскрывающего внутренний опыт преодоления испытаний военного времени.

It is devoted to the existential aspects of the Great Victory in the context of the historical confrontation between Russia and the West. The personal experiences of the war participants, embodied in slogans and propaganda posters from the period of the Second World War, are

considered. The importance of the personal participation of each soldier and home front worker in achieving common success is emphasized, emphasizing the existential values of faith, hope and love. An important place is occupied by the description of the veteran's life path, revealing the inner experience of overcoming the trials of wartime.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, экзистенциальные смыслы, Победа, исторический опыт, противоборство цивилизаций, личностное восприятие войны, моральная стойкость, символы и лозунги Петр Семенович Резник, фронтовик, послевоенная судьба ветеранов, патриотизм, культурная преемственность, воспоминания ветеранов, дух единения, жертвенность, наследие Победы.

Keywords: The Great Patriotic War, existential meanings, Victory, historical experience, confrontation of civilizations, personal perception of war, moral fortitude, symbols and slogans Peter Semenovich Reznik, veteran, post-war fate of veterans, patriotism, cultural continuity, memories of veterans, spirit of unity, sacrifice, legacy of Victory.

Экзистенциальные предпосылки Великой Победы. Вторая мировая война явилась закономерным итогом почти тысячелетнего цивилизационного противостояния России и Запада (прежде всего, Западной Европы). И есть не только философско-историческое объяснение этого, но и экзистенциальное толкование. Победа в Великой Отечественной войне стала во многом переломным пунктом этого противостояния. Это победа в экзистенциальной войне, где столкнулись между собой две (по сути, противоположные) системы ценностей и смыслов человеческого существования.

Нужно признать, что Россия никогда не заполняла чужого пространства. Оно ей принадлежит по праву освоения. А вот для Гитлера пространство России, как известно, было желаемым местом для расширения владений Третьего рейха. При этом славянским и другим «неарийским» народам отводилась в лучшем случае роль «обслуживающего персонала». Это место согласно директиве Гитлера № 32 (план Ольденбурга), должно было стать земным «раем» для германской нации. Мир ещё не знал такого чудовищного плана насильственной колонизации и дискриминации.

Экзистенциальные смыслы Великой Победы, которые в полной степени выразили лозунги и плакаты времен Великой Отечественной войны, таковы:

– *осознание войны как трагической данности, случившейся на нашей общей земле (родине), каждая пядь которой должна быть сохранена («Родина-мать зовет!», «Ни шагу назад!», «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва!», «Защитим родную Москву!» и т.д.);*

– *ощущение общности надвигающейся беды и призыв к мобилизации всех имеющихся у человека ресурсов («Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой!», «Родина-мать зовёт!», «Фашисты не пройдут!», «К оружию, братья! Разгромим фашистских угнетателей!»);*

– убеждённость в торжестве собственных идеалов («За Родину, за честь, за свободу!», «Освобождённые советские люди! Вы избавлены от фашистской неволи – возвращайтесь скорее на Родину!», «Фашизм – злейший враг женщин! Все на борьбу с фашизмом!»);

– признание собственной правоты и неотвратимости справедливого возмездия («Отомсти!», «Папа, убей немца!», «Смерть детоубийцам!», «Бей фашистского гада!», «Добьём фашистского зверя!», «Кровь за кровь, смерть за смерть!», «Священна наша месть – пощады нет врагу! Истребляй фашистов – палачей и убийц!», «Раздавить фашистское чудовище!»);

– неистребимая вера в Победу, ожидание неизбежного наступления Победы и стремление её приблизить всеми имеющимися силами («Наше дело правое. Враг будет разбита. Победа будет за нами!», «Народ и Армия непобедимы!», «Под знаменем Ленина – вперёд к Победе!», «Дойдём до Берлина!», «Вперёд – к полной Победе!», «С Новым годом! С грядущей Победой!», «Мы ждём вас с Победой!», «Вперёд – к полной Победе!», «Воин, ответь Родине Победой!», «Чем крепче тыл, тем крепче фронт!» и др.);

– ощущение личной победы, преодоление страха перед смертельным врагом и принятие на себя ответственности за общую Победу, готовность внести свой личный вклад в Победу и склонность к самопожертвованию («Всё для фронта, всё для Победы!», «Клянусь победить врага!», «Каждый удар молота – удар по врагу!», «Ты! Чем помог фронту?» и др.);

– чувство единства с воинами и надежда на тех, кто ковал Победу на фронте и отдавал за неё свою жизнь («Вся надежда на тебя, красный воин!», «Воин Красной армии, спаси!», «Воин Красной Армии, освободи!», «Ждём с Победой!», «Воин, ответь Родине Победой!», «Воин! Ты вернул нам жизнь!», «Все силы тыла на помощь фронту!» и др.);

– переживание торжественности момента Победы («Слава воину-победителю!», «Победителю Слава!», «Слава нашему великому народу, народу-победителю!», «Героической армии-победительнице – Слава!»).

В экзистенциальных установках, которыми руководствовалось большинство советских людей в годы войны, воплотилось христианское триединство «Вера, Надежда, Любовь». Вера в силу духа народа, его воинов и их неотвратимую Победу над врагом. Надежда на спасение человеческих жизней и утверждение справедливого мира. Любовь и благодарность к павшим, которые ценой своей жизни приблизили Победу, а также к воинам и труженикам, которые внесли в неё свой решающий вклад.

В метафизическом и экзистенциальном плане Победа в Великой Отечественной войне воспринималась большинством советских людей как:

(1) победа Света над тьмой, торжество Разума над Мракобесием;

(2) символ братского единства всех народов Советского Союза, образовавших новую историческую общность – советский народ;

(3) возвышение высокого духа единого советского народа над духовным ничтожеством и мнимой солидарностью народов фашистской Германии, её «союзников» (Италии, Японии, Венгрии, Румынии, Болгарии, королевства Югославии и Таиланда и пр.) и примкнувших к ней народов стран-сателлитов (Словацкой республики, независимого государства Хорватии, королевства Албании, королевства Черногории), а также при содействии коллаборационистских режимов Греции, Сербии, Норвегии, Нидерландов;

(4) убедительная демонстрация превосходства социалистических и гуманистических идеалов над человеконенавистнической и дискриминационной идеологией фашизма;

(5) осуществление справедливого возмездия во имя жизни на земле;

(6) утверждение боевого превосходства Советской Армии, опирающейся на крепкий и надёжный тыл;

(7) констатация решающего вклада Советского Союза в разгром гитлеровской Германии и всей коалиции, так называемой Оси «Берлин – Рим – Токио».

Однако, на примере своих героических предков каждый из нас может заключить, что Великая Победа достигнута в немалой степени благодаря таким экзистенциальным качествам участников войны, как личное мужество, бесценный трудовой вклад и самопожертвование наших отцов и дедов, матерей и бабушек. Для них это была во многом и личная Победа, которая досталась им слишком дорогой ценой. Даже сегодня, спустя 80 лет, в России практически нет семьи, которая бы не понесла человеческие потери и лишения в то время. Жестокая поступь войны прошла по судьбам многих поколений советских и российских людей и оставила свой неисправимый и кровавый след. И тем важнее сохранить память об этом трагическом периоде в жизни страны и всех народов России.

Итак, экзистенциальные итоги Великой Отечественной войны показывают, что это было не только столкновение цивилизаций с принципиально разными ценностями и смыслами, но и личное дело каждого участника войны. Решающим же экзистенциальным фактором стало то, что советские (а ныне – российские) люди боролись (и продолжают бороться) за своё право свободно, благополучно и счастливо жить на своей земле, дарованной им всем ходом истории и доставшейся им по праву наследования от великих предков.

Экзистенциальные уроки одного участника войны. Перейду теперь к экзистенциальному портрету одного из участников войны, моего деда Резника Петра Семёновича, родившегося в селе Гайчул (с 1947 г. – с. Новоукраинка) недалеко от г. Александровска (с 1921 г. – Запорожье) в Екатеринославской губернии Российской империи 31 декабря 1911 г. в семье состоятельного крестьянина. В советское время, в 1925 г. Екатеринославская губерния была упразднена, а на её территории были образованы Днепропетровская, Запорожская, Донецкая и Луганская области. Село Гайчул было основано в 1808 г. переселенцами из Смоленской губернии. Дед получил образование в двухклассной церковно-приходской школе, где детей учили, кроме закона Божьего, читать и писать.

Когда произошла Октябрьская революция, всё радикально изменилось в судьбе семьи деда. Его отца, моего прадеда Семена Резника, имевшего несколько десятин земли, табун лошадей и скотный двор, раскулачивали два раза, но семья каждый раз выживала и оставалась на плаву. Всю свою жизнь, не считая военных и последних лет, дед проживал в селе Гайчул (Новоукраинка) Куйбышевского района Запорожской области. Он трудился с ранних лет, как и большинство сельчан. Закончил курсы механизатора. Работал на тракторе в колхозе, служил в Красной Армии. После войны руководил некоторое время бригадой в колхозе им. А.В. Суворова, а затем работал комбайнером и кузнецом.

Выделю несколько этапов его экзистенциальной борьбы, то есть борьбы за собственное человеческое существование в нечеловеческих условиях, которые сложились в военное время.

1. Служба перед войной. 1940-1941 гг. Деда снова призвали в армию за год до войны, где он в звании сержанта обучал молодых красноармейцев. Я помню его фото с красными кубиками на петлицах.

2. Участие в войне. 1941-1943 гг. Дед ушел на фронт прямо из воинской части, в которой служил. Детали его военной биографии мне не известны. Знаю только, что летом 1943 г. он оказался на Западном фронте и принял участие в Смоленской операции. Два года тяжелых боёв. За мужество, проявленное в боях, дед получил медаль «За отвагу», а позже, став помощником командира роты, получал и другие награды (их так и не удалось восстановить после войны).

3. Пленение во время Смоленского наступления (операция «Суворов»): конец августа – начало сентября 1943 г. Именно тогда в разгар очередного боя, когда земля переходила от одной стороны к другой, деда контузило и он оказался в плену у немцев. Дорогу в лагерь вспоминал с трудом. Их гнали колоннами, как скот.

4. Нахождение в плену в Польше. 1943-1944 гг. Дальше почти год в плену. Мы привыкли считать, что самая страшная картина войны – это концлагеря типа Освенцима, Треблинки, Собибора, Майданека и др. Однако, наряду с ними существовали другие концлагеря и лагеря военнопленных, в которых погибало порой не меньше людей, чем в известных концлагерях. Первый лагерь, в котором оказался мой дед, располагался на территории Польши. Его пригнали туда вместе с десятками тысяч советских военнопленных.

5. Побег из лагеря: 1944 г. Когда в первые месяцы стало понятно, что выжить не получится, дед с одним товарищем начал готовиться к побегу. Они мечтали добраться до партизан и бить врага в его же собственном логове. Но всё пошло не так, как хотелось.

5.1. Первый побег из лагеря военнопленных: весна 1944 г. Бежать из лагеря на польской земле было безнадежным и крайне рискованным делом. Проведя несколько дней на расстоянии от селений, дед и его товарищ стали страдать от голода и обратились за помощью к местной жительнице. Сначала она их приняла, накормила и разместила в сарае за домом. Но утром за ними пришли польские полицаи. После первого побега деда сильно избили и отправили в другой лагерь, в котором уже был крематорий. Это филиал то ли Треблинки, то ли какого-то другого концлагеря – одного из самых страшных мест на земле. Сейчас мне трудно восстановить детали.

Дело в том, что вокруг каждого крупного концлагеря в Германии и Польше находился десяток, а иногда и больше лагерей-сателлитов. Это была чудовищная по своим губительным последствиям индустрия смерти. Именно в один из таких лагерей и угодил мой дед после первого побега. Немцы методично исполняли свои кровавые инструкции, в т.ч. отправляли в лагеря смерти тех, кто пытался бежать из обычных лагерей. Не зря сказано: дьявол кроется в деталях. А равных немцам в продуманности деталей смертоубийства в то время не было.

5.2. Второй побег: лето 1944 г. Наблюдая за тем, как толпы узников исчезали в помещении, примыкавшем к крематорию, дед решился на очередной побег. Терять было нечего. В этот раз подготовка к побегу была продумана более тщательно, хотя убежать из концлагеря было практически невозможно. Но ему повезло. Они с товарищами смогли незаметно прорыть проход под колючей проволокой. Через несколько недель скитаний, он и его спутники встретили небольшой партизанский отряд. Так продолжилась личная война моего деда. Вместе с другими партизанами, отряд которых был в конце концов разгромлен, он с небольшой группой, пройдя свыше 1000 км и вступая в эпизодические схватки с врагом, добрался до Югославии, где его

подобрали полуживым участника одной из партизанской бригад. В войне уже наступил перелом.

6. Участие в партизанской войне в Югославии: осень 1944 г. – май 1945 г. О своём участии в боях партизан дед рассказывал мало. Но известно, что он был награждён югославскими медалями, которые у него отобрали по окончании войны во время проверки в НКВД. Так он прошёл ещё один лагерь – фильтрационный. Правда, его пребывание в нём длилось сравнительно недолго. Прекрасные рекомендации от руководства бригады югославских партизан сыграли свою роль, и деда вскоре направили в действующую часть.

7. Служба после войны: 1945-1946 гг. Военную службу дед закончил не сразу после войны. По возвращении домой его отозвали в воинскую часть, где он продолжил обучать молодых солдат. И лишь весной 1946 г. дед вернулся к мирной жизни.

8. Работа в колхозе и лагерь труда. Как известно, осенью 1946 г. начался голод. Причиной послужил неурожай. Дед тогда уже работал в колхозе. В его семье было двое детей: сын Николай и дочь Анна (моя мать). Они начали пухнуть от голода. Дед, конечно, это очень сильно переживал и делал всё возможное, чтобы они выжили. В большинство семей, у которых был свой дом, тогда подселяли специалистов, которых не хватало колхозу. И именно по доносу такого «специалиста», проживавшего в доме деда, его задержали представители органов МВД. На чердаке дома нашли мешок, который дед принёс после трудового дня. Ему зачем-то понадобился пустой мешок. Но в нём нашли горсть зерна. И снова суд, потом лагерь. На этот раз лагерь труда. Сегодня в это трудно поверить, но тогда привлекали к уголовной ответственности и за меньшие провинности.

Почти четыре года дед находился в заключении, но впоследствии я ни разу не слышал от него жалоб на своё существование. Он так и остался верен своим идеалам, высоко ценил порядок и справедливость, с горестью говорил о человеческих потерях в годы войны, отмечал боевые заслуги своих товарищей и талант великих полководцев (Г.К. Жукова, К.К. Рокоссовского и пр.), на фронтах, которые они возглавляли, ему удалось повоевать. Эти рассказы деда я впитывал, как губка. В первой половине 1970-х гг., когда я жил с дедом, мы читали с ним долгими вечерами книги знаменитых партизанских командиров – С.А. Ковпака, Д.Н. Медведева и др. И он со знанием дела комментировал разные эпизоды из этих книг.

Дед, как и многие участники, не любил рассказывать про свои военные будни. Как и другие бойцы, он не раз сталкивался со смертью. Конечно, война для него не только грязь, пот и кровь. В ней было много героического. Но

приходилось каждую деталь вытаскивать из него. И я сожалею, что тогда не вел записи. Был мал и неопытен. Но помню одно, что война стала для деда личным делом и его же жизненной драмой. Он бредил ею, мысленно возвращаясь к различным эпизодам и вспоминая о своих боевых товарищах, не пришедших с войны, до последних дней своей жизни. Ему удалось выжить, но душевные раны, нанесённые войной и пребыванием в лагерях, он так и не смог излечить. Слишком высокой оказалась цена его личной победы.

Дед мечтал, чтобы я, его внук поступил в Суворовское училище и стал офицером. Для него это было высшей доблестью. Мы даже подавали документы в училище через местный военкомат. Но к вступительным экзаменам в училище меня не допустили. Моему дяде намекнули в военкомате, что мои документы проходили проверку где-то там, наверху, и там обнаружили, что мой дед находился в годы войны в плену, а затем в трудовом лагере после войны. По-видимому, эти обстоятельства и стали препятствием для моей военной карьеры. Так что, внук за деда всё же отвечает, если бы подтвердилось, что эти сведения являются достоверными. Но тогда я ничего не знал.

И я горжусь своим дедом, считаю его героической личностью и нисколько не жалею о том, что не сделал военную карьеру. Службу в армии прошел достойно, как и большинство молодых людей того времени, дослужился до сержанта – звания, которое было и у моего деда. Дед провожал меня на службу и встречал после неё. Его не стало летом 1984 г., когда я работал в объединенном студенческом стройотряде МГУ в Казахстане. А офицером, хотя и запаса, я всё же стал после окончания военной кафедры в МГУ. А дальше я посвятил свою жизнь изучению и преподаванию философии и социальных наук.

Вспоминая с благодарностью своего деда, Резника Петра Семёновича, я осознаю, что его Победа в войне стала и моей личной Победой, с чувством которой я живу уже много лет. Я выучил его экзистенциальные уроки, которые он прошел в ходе и после войны. С благодарностью же за то, что он подарил мне шанс прожить свою жизнь так, как я хотел или смог. Теперь у меня шесть внуков, и я надеюсь, что смогу им передать уроки своего замечательного и мужественного деда.

В заключении хочу констатировать, что экзистенциальные смыслы Победы передаются от поколения к поколению до тех пор, пока сохраняется память о войне и её участниках. А это – (1) переживание трагических последствий войны и, прежде всего, потерянных человеческих жизней; (2) убежденность в правоте наших отцов и дедов, которые ценой невероятных усилий, а очень часто и самой жизни добыли нам Великую Победу; (3)

преодоление страха перед чудовищной военной машиной третьего рейха и нечеловеческой жестокостью нацизма; (4) чувства духовного единства с теми, кто ковал Победу на фронте и в тылу, и глубокой благодарности им; (5) непримиримость к любым проявлениям фашизма и геноцида в наше время; (6) готовность разделить ответственность за тяжёлые уроки войны с теми, кто приблизил нам Великую Победу и сделал её нашим общим достоянием.

Вечная память нашим отцам и дедам – великим победителям в Великой Отечественной войне! Так будем же достойны их подвига во имя жизни на земле. Фашисты не пройдут!

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ОСНОВА СОХРАНЕНИЯ
И ПОВЫШЕНИЯ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**
**HISTORICAL MEMORY AS THE FOUNDATION
FOR PRESERVING AND ENHANCING THE RESOURCE POTENTIAL
OF SOCIAL POLICY IN CONTEMPORARY RUSSIA**

Т.К. Ростовская, Е.Н. Васильева

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва

T.K. Rostovskaya, E.N. Vasilyeva

Institute of Demographic Research

of the National Research Research Center

of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Представлены результаты социологического исследования, проведенного методом экспертного опроса в 2025 г. (n=45, выборка целенаправленная). Цель исследования – выявление основных направлений социальной политики в отношении мужчин с приобретенной инвалидностью в СССР после Второй мировой войны и в современной России.

This paper presents the results of a sociological study conducted using the expert survey method in 2025 (n=45, purposive sampling). The aim of the research was to identify the main directions of social policy towards men with acquired disabilities in the USSR after the Second World War and in contemporary Russia.

Ключевые слова: социальная политика, инвалидность, трудоустройство, формы государственной поддержки.

Keywords: social policy, disability, employment, forms of state support.

Одним из направлений работы в годы Великой отечественной войны 1941-1945 гг. и после ее окончания являлось формирование социальной политики в отношении инвалидов. Вопросы социальной адаптации инвалидов Великой Отечественной войны в условиях послевоенного времени стали предметом научного анализа в работах ряда исследователей: С.М. Емелин [1], А.Ш. Кабирова [2], П.П. Щербинин [3], Р.А. Мухамедов, А.Ю. Пичугин [4]. На основе комплексного изучения документальных источников из фондов федеральных и региональных архивов указанными авторами была проведена систематизация форм и направлений государственной политики в отношении данной категории лиц. В поле их научного внимания находились меры по производственному обучению и трудоустройству, пенсионному обеспечению, развертыванию сети домов-интернатов, а также организации медико-санитарной помощи.

Особое значение в послевоенный период придавалось задаче трудового устройства инвалидов, что, с одной стороны, было призвано компенсировать дефицит рабочей силы и сформировать дополнительный кадровый потенциал для восстановления народного хозяйства. С другой стороны, трудоустройство выступало ключевым элементом системы социальной защиты бывших фронтовиков, завершивших лечение, обеспечивая их реинтеграцию в мирную жизнь.

Лучшие практики послевоенного времени сегодня обсуждаются и внедряются для поддержки участников, героев Специальной военной операции. Для исследования практик, формируемых в современной России, их сопоставления с практиками послевоенного времени нами было проведено исследование на тему «Молодые мужчины с приобретенной инвалидностью: сохранение и повышение ресурсного потенциала группы» [5] в 12 регионах Российской Федерации: Амурская область, Белгородская область, Владимирская область, Волгоградская область, Красноярский край, Приморский край, Республика Татарстан, Ростовская область, г. Санкт-Петербург, Свердловская область, Ставропольский край, Тамбовская область.

Методом экспертного опроса по гайду полуформализованного интервью были опрошены специалисты, проводящие работу по поддержке молодых людей с приобретенной инвалидностью. Было собрано 45 экспертных оценок проделанной в регионах работы.

Выявлено, что работа по трудоустройству ведется Государственным фондом поддержки участников Специальной военной операции «Защитники Отечества» [6], их задача – обучение, переобучение и содействие в трудоустройстве, консультации.

Во многих регионах разрабатываются новые формы поддержки. Эксперты Волгоградской области отмечают, что для повышения мобильности инвалидов и расширения возможностей трудоустройства разработана региональная инновация – обеспечение за счет средств областного бюджета автомобилями с ручным управлением. В мае 2024 г. по поручению Президента Российской Федерации региональная инновация была внесена в федеральное законодательство.

«В Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» были внесены изменения, согласно которым Государственный фонд поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» обеспечивает отдельные категории граждан автомобилями с ручным управлением» [7].

Анализ мер поддержки занятости инвалидов в России позволяет выделить два ключевых компонента: императивный (квотирование рабочих мест, контроль через профилактические визиты и проверки, выявляющие нарушения) и стимулирующий (субсидии работодателям, льготы). Региональная реализация этих мер носит вариативный характер и включает сопровождение молодых инвалидов. Институциональная база в данной сфере оценивается как сформированная и функциональная, ее эффективность подтверждается успешной апробацией.

Перспективным вектором развития, предлагаемым, в частности, в Белгородской области, является переход к адресным механизмам социальной поддержки, сконструированным на основе учета потребностей самих инвалидов. Эксперты из Белгорода отмечают, что лица с ограниченными возможностями здоровья представляют собой гетерогенную социальную категорию, внутренняя дифференциация которой обусловлена половозрастными характеристиками и спецификой нарушений здоровья. Данные факторы детерминируют широкий спектр актуальных потребностей, что, в свою очередь, предполагает различные векторы социальной интеграции: для одной части данной группы приоритетом является доступ к трудовой деятельности, для другой – включенность в коммуникативные практики, для третьей – участие в политическом процессе.

Результаты экспертного опроса свидетельствуют о сформированности в России институциональных условий, содействующих занятости инвалидов, об исторической сопоставимости мер поддержки в области трудоустройства. Сегодня реализуются масштабные федеральные проекты, а на региональном уровне выстроены многоуровневые системы поддержки. Данные системы охватывают непрерывную цепочку взаимодействий: от работы с семьей и содействия в получении образования до трудоустройства и включения в

общественно-политическую и культурную жизнь (через участие в чемпионатах, спортивных и общественных мероприятиях). Важным элементом являются услуги по развитию социально-бытовых навыков, а также социально-психологическое и правовое консультирование.

Согласно данным экспертного опроса, институциональные условия содействия занятости лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) характеризуются и некоторыми ограничениями. К таковым относятся трудности формирования безбарьерной среды. Кроме того, эксперты указывают на фактор низкой внутренней мотивации к трудоустройству у части данной социальной группы. Важно подчеркнуть, что генезис этой демотивации связывается не с иждивенческими установками, а с явлениями социальной дезадаптации и заниженной самооценкой.

Ключевую компенсаторную функцию в преодолении этих барьеров выполняет ближайшее социальное окружение (родители, супруги, дети). Именно их активная позиция способствует мобилизации личностных ресурсов инвалида, побуждая его к обращению за консультационной, психологической, юридической помощью как к первоначальному этапу интеграции в социум.

Анализ также показывает, что, несмотря на в целом позитивное отношение к людям с инвалидностью, наблюдается дефицит площадок для практического взаимодействия.

На основании изложенного можно сформулировать следующие выводы: сложившиеся исторические практики социальной поддержки в настоящее время обогащаются за счет внедрения современных технологических решений; человеческий потенциал молодых людей с приобретенной инвалидностью оценивается как значительный, при этом реализуются действенные механизмы инклюзии молодежи. Вместе с тем, актуализируется задача разработки инновационных подходов к содействию занятости инвалидов, повышению доступности социальной среды.

Список литературы

1. Емелин, С.М. Социальная политика в отношении инвалидов в СССР после Великой Отечественной войны: проблема соблюдения прав человека и идеологической целесообразности // Вестник ВЭГУ. 2019. № 2 (100). С. 59-70.
2. Кабирова, А.Ш. Социальная адаптация и трудоустройство инвалидов в годы Великой Отечественной войны (на материалах Татарской АССР) // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 173-177.

3. Щербинин, П.П. Особенности пенсионного обеспечения инвалидов войны и их трудоустройство в Тамбовской области в 40-50-е гг. XX века // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27. № 5. С. 1322-1331.

4. Мухамедов, Р.А., Пичугин, А.Ю. Реализация политики государства по поддержке социально уязвимых категорий граждан в 1941-1945 годы (на материалах Ульяновской области) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 5 (62). С. 1022-1028.

5. Ростовская, Т.К., Князькова, Е.А., Певцова, Е.А. К вопросу инвалидизации мужчин в современном российском обществе // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2025. Т. 33. №3. С. 378-382.

6. Государственный фонд поддержки участников специальной военной операции «Защитники Отечества» <https://fzo.gov.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).

СССР, США И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ГЛАЗАМИ ГОЛЛИВУДА ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ* **THE USSR, THE USA, AND WWII IN THE EYES OF THE COLD WAR HOLLYWOOD**

О.В. Рябов

*НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург,
РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург*

O.V. Riabov

*HSE University – St Petersburg,
Herzen University, St Petersburg*

Анализируются репрезентации участия СССР и США во Второй мировой войне, которые создавались в американских фильмах, вышедших в период Холодной войны. Основным потребителем голливудской продукции в России является молодежь, что обуславливает актуальность исследования кино США. На основе анализа около 20 американских кинокартин показано, что для легитимации политики США в Холодной войне Голливуд использовал такие дискурсивные стратегии, как замалчивание вклада СССР в разгром гитлеризма; преувеличение страданий гражданского населения Германии в период военных действий; символическая нацификация СССР; постулирование негативного влияния советской системы на развитие стран Европы.

The paper deals with the analysis of representations of the USSR and the USA's participation in the WWII, which the U.S. cinema produced in the Cold War. The youth is the main consumer of Hollywood production in Russia; that determines the relevance of the research

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305-П

of U.S. cinema. Based on the analysis of about 20 U.S. films, the author demonstrate that to legitimize U.S. policy in the Cold War, Hollywood used such discursive strategies as: silencing the USSR's contribution to the defeat of Nazis; exaggerating the German civilians' suffering during the war; symbolic Nazification of the USSR; postulating the negative impact of the Soviet system on the development of European countries.

Ключевые слова: память о Второй мировой войне, российская молодежь, кинематограф США, Холодная война, образ врага.

Keywords: memory of the World War II, Russian youth, U.S. cinema, Cold War, the image of the enemy.

Исторические представления формируются под влиянием различных факторов, одним из которых является массовая культура. Особое место в создании представлений о прошлом занимает кинематограф. Роль кинематографа в утверждении картин прошлого обусловлена тем, что он может быть рассмотрен как актер символической политики, то есть «публичной деятельности, связанной с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование» [1, с. 11]. Это определяется и аффективными, и когнитивными факторами. Прежде всего, кинематограф вносит существенный вклад в формирование эмоционального отношения индивидов к проблемам политики. Кроме того, кинематограф выступает важнейшим средством производства обыденного политического знания [2], в частности, при помощи приема, который С. Вебер обозначила, как «моральная грамматика». Проблемы мировой политики облекаются в форму вопросов нравственности: зрители видят не соперничество ведущих держав за реализацию своих геополитических интересов, а борьбу добра со злом, «хороших» и «плохих» парней, любовь и ненависть, благородство и низость, верность и предательство [3]; одним из примеров может служить привлечение любовных историй в репрезентации международных отношений [4].

Среди кинокартин, которые влияют на формирование представлений россиян об истории, помимо советской киноклассики и современных российских фильмов, необходимо отметить и голливудскую продукцию; влияние такого актора мемориальной политики, как Голливуд выходит далеко за границы американского общества. Вопрос о том, какое воздействие «фабрика грез» может оказывать на национальную безопасность России, ставился неоднократно. Например, на слушаниях в Госдуме в 2016 г. было отмечено, что из 33 миллиардов долларов мирового кинопроката 23 миллиарда принадлежит Голливуду и подчеркнуто, что «на протяжении двадцати лет российская молодежь растет и воспитывается на американском кино, проникаясь американской идеологией» [5]. Действительно, данные

соцопросов дают основания утверждать, что основным потребителем голливудской продукции в России является молодежь. Опрос ВЦИОМ 2021 г. показал, что фильмы американского производства в России чаще смотрят мужчины (43%) и молодежь от 18 до 24 лет (77%) [6]. В исследовании ФОМ (июль 2022 г.) при ответе на вопрос об отношении к тому, что в российском кинопрокате перестали показывать фильмы крупнейших американских кинокомпаний, наибольший процент отнесшихся к этому отрицательно – респонденты в возрасте 18-30 лет [7].

Это определяет актуальность и социальную востребованность исследований того, какие картины истории создает кино США, в том числе в таком значимом для национальной идентичности россиян вопросе, как Вторая мировая война. Существует несколько исследований, посвященных интерпретации этой войны, распространяемой современным Голливудом [напр.: 8]. Нам же хотелось бы обратиться к вопросу о том, как эта интерпретация создавалась, то есть, времени Холодной войны, когда утверждаются основные фреймы трактовки Второй мировой войны, в том числе при помощи массовой культуры. Цель исследования, таким образом, – анализ того, как американский кинематограф репрезентировал участие СССР и США во Второй мировой войне, включая такие его аспекты, как вклад этих стран в победу над Германией; их отношение к союзническому долгу; отношение к гражданскому населению Германии во время войны; отношение к нацистам; влияние на послевоенное развитие стран Центральной и Восточной Европы, освобождённых от нацизма. Хронологические рамки исследования ограничены периодом 1946-1963 гг.; всего за это время было выпущено около 20 американских фильмов, в которых затрагивалась тема участия СССР во Второй мировой войне.

Итак, задачи Холодной войны требовали от пропаганды, прежде всего, переконфигурации символических границ между «своими» и «чужими»: бывший союзник должен был быть превращен во «врага номер один», а прежний смертельный враг – в союзника. Тема Второй мировой войны, таким образом, была важной для легитимации собственной политики в советско-американской конфронтации.

Рассмотрим дискурсивные стратегии, используемые Голливудом. Первая состояла в том, чтобы сделать невидимым участие СССР в борьбе с Гитлером, принизить его вклад в коллективную победу над нацизмом и приуменьшить масштаб причиненных немцами страданий и понесенных советским народами жертв (например, «Воздушный мост», 1950). Вторая стратегия заключалась в демонстрации страданий гражданского населения Германии в результате действий Красной Армии («Фройляйн», 1958).

Символическая нацификация советского врага – третья дискурсивная стратегия. Она представляла собой уподобление нынешнего «врага номер один» прежнему при помощи постулирования сходства с нацистами, а также сотрудничества с бывшими гитлеровцами после окончания войны («Рука с хлыстом», 1951). Наконец, еще одной стратегией было постулирование негативного влияния советской системы на развитие стран Центральной и Восточной Европы, освобожденных от нацизма («Путешествие», 1959).

В целом в исследуемый период Голливуд принимал активное участие в конструировании таких репрезентаций участия СССР во Второй мировой войне, которые способствовали бы восприятию его в качестве «врага номер один». Вместе с тем в конце исследуемого периода в США появлялись фильмы, которые использовали факт совместной борьбы двух стран против нацизма для делегитимации Холодной войны и критики идеологии милитаризма. Так, фильм «Победители» (1963) демонстрирует бессмысленность и опасность соперничества двух бывших союзников в условиях угрозы ядерной катастрофы.

Список литературы

1. Малинова, О.Ю., Миллер, А.И. Введение. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе / Под ред. В.В. Лапина и А.И. Миллера. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2021. С. 7–37.
2. Рябов, О.В., Белов, С.И., Давыдова, О.С., Кубышкин, А.И., Рябов, Д.О., Рябова Т.Б., Смирнов Д.Г., Спутницкая Н.Ю., Юдин К.А. «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны. – М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с.
3. Weber, C. *Imagining America at War: Morality, Politics and Film*. L.; N.Y.: Routledge, 2006. 186 p.
4. Рябов, О.В. «From Russia with love»: образ СССР в гендерном дискурсе американского кинематографа (1946–1963 гг.) // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 166-176.
5. Владимир Бортко: Российская молодежь воспитывается на американских фильмах. 3.03.2016 [HTTP://DUMA.GOV.RU/NEWS/11893/](http://DUMA.GOV.RU/NEWS/11893/) (дата обращения: 01.08.2025).
6. Предпочтения россиян в кино. 6.09.2022 <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predpochtenija-rossijan-v-kino-1> (дата обращения: 01.08.2025).
7. Ситуация с кино и кинотеатрами. Как отнеслись россияне к отсутствию американских фильмов в кинотеатрах. 7.07.2022. <https://fom.ru/Kultura-i-dosug/14747> (дата обращения: 01.08.2025).
8. Николай, Ф.В. Вторая мировая война и локальные конфликты в оптике американского военного кино 1990-2010-х гг. // *Новое литературное обозрение*. 2023. № 1. С. 309-320.

**ПОЛИФОНΙΑ ОЦЕНОК ИТОГОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**
**THE POLYPHONY OF ASSESSMENTS OF THE RESULTS
OF THE SECOND WORLD WAR: THE REGIONAL ASPECT**

З.Х. Саралиева

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород*

Г.С. Широкалова

Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва

Д.В. Шкурин

*Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

Z.H. Saralieva

*Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod*

G.S. Shirokalova

Institute of Sociology, FNSC RAS, Moscow

D.V. Shkurin

*Ural Federal University named after B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg*

Анализируются результаты мониторингового социологического онлайн исследования студентов вузов, СПО и старшеклассников «Великая Отечественная война в памяти молодого поколения», инициированного Нижегородским государственным университетом им. Н.И. Лобачевского, Институтом социологии ФНИСЦ РАН, УРФУ им. Б.Н. Ельцина, Российским обществом социологов весной 2025 года.

The article analyzes the results of a monitoring sociological study among university students, vocational schools and high school students "The Great Patriotic War in the memory of the younger", initiated by the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, the Institute of Sociology of the Federal Research Research Center of the Russian Academy of Sciences, named after Yeltsin, by the Russian Society of Sociologists in the spring of 2025.

Ключевые слова: дифференциация и интеграция исторической памяти молодежи, Великая Отечественная война, Нижний Новгород

Keywords: differentiation and integration of historical memory of youth, the Great Patriotic War, Nizhny Novgorod.

В исследовании 2025 года приняло участие более 10 тысяч респондентов из всех Федеральных округов России. Война по-разному повлияла на судьбы жителей субъектов, входивших в Советский Союз. Поскольку некоторые республики, области были полностью или частично

оккупированы, другие, будучи глубоким тылом, получили импульс промышленного и культурного развития благодаря эвакуированным предприятиям и институтам, региональный опыт стал фактором, корректирующим отношение к событиям середины XX века. Нами выбраны ответы респондентов (N=2571) Нижнего Новгорода, получившего звание Город трудовой доблести как многофункциональный военно-промышленный центр в годы Великой Отечественной войны.

Современники Великой Отечественной войны получали информацию через личный опыт, сводки Совинформбюро, от возвращающихся фронтовиков, тружеников тыла, беженцев с территорий, попавших в зону оккупации, узников фашистских концентрационных лагерей, позднее – из учебников, художественных и документальных фильмов, литературных источников. Несмотря на разнообразие источников, мнения большинства советских граждан концентрировались вокруг идеологической установки: советский народ заплатил большую цену за освобождение Европы от «коричневой чумы» и «помнит мир спасённый, мир вечный, мир живой Серёжку с Малой Бронной и Витьку с Моховой» [1].

Со временем изменялся не только набор источников, но и их смыслы [2, с. 208-220]. Например, в 2015 г. информацию молодежь, прежде всего, получала из школьных учебников, от учителей, из советских художественных и документальных фильмов, рассказов родных, встреч с ветеранами, художественной литературы, причем, советским фильмам, как художественным, так и документальным, доверяли больше, чем современным [3, с. 17]. Официальная поддержка ревизии оценок середины XX века кардинально изменила отношение к верификации отдельных событий, фактов, их ранжированию по значимости. Добавим к этому, что Министерством просвещения было одобрено несколько вариантов учебников для школ, следовательно, несколько версий истории.

Актеры информационного поля игнорировали причинно-следственные связи, разрушенные институты образования были не способны воспитать критическое мышление, научная информация замещалась неконтролируемым виртуальным пространством. Ссылка на «вновь открывшиеся обстоятельства» нередко прикрывала политический заказ, давала возможности «сведения счетов» с прошлым отдельным социальным группам, снятия чувства вины на психоэмоциональном уровне за близких людей, бывших коллаборационистами, в том числе вынужденными, на оккупированных территориях.

Политическая история со времен летописей всегда была мифологична по объективным причинам: «Во-первых, слишком много акторов, каждый из

которых рассматривает объективные события с высоты своего опыта, субъективных пристрастий и целей. Во-вторых, даже профессиональное историческое образование не всегда дает понимание сложности конкретного исторического процесса...: фраза «история все расставит по своим местам» выражает лишь стремление переложить на будущие поколения работу, с которой невозможно справиться в силу разных причин. В-третьих, большинство населения не имеет ни возможностей, ни интереса к углубленному изучению далеких от них событий и в силу дефицита критичности склонно принимать активно тиражируемое мнение» [4, с. 172-173].

В результате формируются «смысловые образы», становящиеся системой координат для субъекта. Докажем это на примере отношения нижегородских респондентов к распространенным в РФ идеологемам (табл. 1).

Таблица 1

**Отношение молодежи к различным мнениям
о событиях Второй Мировой войны, %**

	Отвер- гаю	Спорно, но обсуждаемо	Можно согласиться	Мне все равно	Итого
Сегодня есть много мнений о событиях, связанных со Второй мировой войной. Какие Вы разделяете?					
Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 года НЕ было неожиданным	25,2	34,7	33,4	6,7	100,0
Помощь фашистам («лесные братья», «бандеровцы» и т.д.) можно оправдать борьбой против советского строя, сталинизма, за независимость Украины, стран Прибалтики и др.	38,1	30,6	11,9	19,4	100,0
Освобождение Прибалтики, Восточной Европы в 1944-1945 году было оккупацией	30,5	30,5	10,4	22,6	100,0
Осквернение могил и снесение памятников советским воинам и полководцам в ряде стран – это декоммунизация (борьба с наследием СССР)	23,3	20,4	45,6	10,7	100,0
Помнить о событиях той войны необходимо, чтобы не допустить Третьей мировой войны	2,0	12,9	78,8	6,3	100,0

Подчеркнем, что основной задачей было выяснить степень включенности в информационный контекст о событиях. Можем предположить, что выбравшие крайние позиции имеют аргументированное

мнение по заданным вопросам. Так, три четверти опрошенных считают важным поддерживать память о Второй мировой войне как один из способов предотвращения новой.

Согласие с вариантом «можно согласиться» не означает, что респондент одобряет снос памятников, но выбор каждым десятым оправдания поступков бандеровцев и согласие с мнением об оккупации Прибалтики и стран Восточной Европы Красной Армией свидетельствует о доверии к либеральным трактовкам истории СССР. Высокая степень отстраненности (от 22,6% до 19,4%) от дискуссий на данную тему свидетельствует, что исторические обоснования (территория Прибалтики, Польши, Финляндии входили в состав Российской империи) и геополитическая безопасность страны не являются аргументами выстраивания внешней политики для значительной части молодежи. Для поколения их «прадедов» вхождение в СССР Эстонии, Латвии, Литвы, Западной Украины было возвращением утраченных Российской империей в результате Первой мировой войны территорий. Отсутствие геополитического мышления – одно из следствий исключения в постсоветской России из образовательного процесса экономической географии, обучающей видеть за идеологическими формулировками истинные причины войн – а именно ресурсы территорий.

Многозначность оценок прошлого дает основания для ретропрогноза, отличие которого от нормативного в инвариантности модели построения: «Если нормативный прогноз состоит из прогностического фона (описание тех событий, которые являются основой построения конструкта будущего), то ретропрогноз строится по принципу «перевернутой пирамиды»: в начале автор предлагает виртуальный сценарий, затем констатирует современное положение дел и, возможно, в конце дает прогнозы реального развития событий»[5, с. 49].

Нашим респондентам был задан вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что и сегодняшняя Россия победила бы в ТАКОЙ войне?» Ответы на него представлены в таблице 2.

Таблица 2

**Ретроспективный прогноз возможности победы России в войне,
аналогичной Второй мировой, %**

Согласны ли Вы с мнением, что и сегодняшняя Россия победила бы в ТАКОЙ войне?	%
нет	13,7
затрудняюсь ответить	43,5
да	42,8
ИТОГО:	100,0

Сумма ответов «нет» и «затрудняюсь» свидетельствует об уважении к мощи СССР, не только технологической в самом широком смысле слова. В них проявляется фиксируемая социологами ностальгия по советскому времени, точнее по моральным принципам взаимоотношений между людьми, взаимответственности, уверенности в завтрашнем дне. Не случайно появление многочисленных советских брендов как маркетинговой стратегии, основанной на ностальгии. Разрыв между логикой намерений и обстоятельств по шкале: «альтруизм – эгоизм» – был зафиксирован нами в исследовании РОС «Семья в современной России: взгляд студенчества – 2024 г.». Отношения коллективизма, взаимопомощи, доброты, верности в семье и дружбе. желанны для подавляющего большинства, но характеристики своего поколения прямо противоположны [6, с. 215-234].

Преодоление неуверенности в могуществе собственной страны, на наш взгляд, первоочередная задача патриотического воспитания. Решается она многими способами, как «сверху», так и «снизу». Среди таковых назовем инициативу Союзов художников по созданию портретов участников СВО, их жен и матерей. Такие выставки проходят/прошли в Бийске, Биробиджане, Великом Новгороде, Волгограде, Иркутске, Краснодаре, Малоярославце, Махачкале, Мытищах, Рязани, Перми, Сургуте, Хабаровске... [8]. К сожалению, в Нижнем Новгороде она не стала событием, которого заслуживала: проведенная летом в течение полутора месяцев она «выпала» из учебного процесса/воспитательной работы образовательных учреждений [9]. Нельзя назвать удачным и решение все портреты передать семьям погибших воинов. На наш взгляд, с лучших полотен известных художников с помощью компьютерной графики для семей надо создать репродукции, а оригиналы передать в музей СВО Н.Новгорода или в Художественный музей.

Однако вернемся к анализу данных опроса студентов. Распределение ответов в таблицах 1 и 2 ставит вопрос о содержании/функциональности российского информационного поля в условиях гибридной войны, которая не имеет конца, и победы в которой в XXI в. могут быть только локальными и ситуативными. В последние годы на просвещение возлагаются основные надежды по формированию российской идентичности и патриотизма, обосновывая это единством советского народа в годы Отечественной войны. В частности, Ф.Б. Дроздов пишет, что уверенность в скорой победе против фашизма, особенно у молодежи, сформировалась «благодаря воздействию на данную возрастную группу советского идеолого-пропагандистского аппарата» [7, с. 3]. Правда, каким образом могла быть столь всепроникающей/масштабной идеологическая работа в огромной стране при

отсутствии соответствующих технических средств передачи информации, никто не уточняет.

На наш взгляд, такая акцентировка политически опасна, поскольку утопична. Сведение первопричин к пропагандистской работе характерно для обоснования тренда последних лет: через разные формы «разговоров о главном» перевоспитать/воспитать поколения, выросшие в условиях всепроникающего рынка межличностных отношений, переформатировав индивидуалистов в коллективистов, индифферентистов в активистов.

В СССР основным фактором, формирующим патриотизм, были глобальные изменения, происшедшие всего за 20 лет после окончания гражданской войны. Большинству населения было что защищать: возможности социального старта через образование, выбор современных профессий, фиксированную рабочую неделю, помощь общественных организаций в реализации планов, изменение всех форм повседневности. Первичность бытия для большинства россиян остается непреложным фактором. Отсюда следует, что без реализации запроса на социальную справедливость, актуализировавшуюся в последние годы, существенных побед в войне смыслов не одержать.

Список литературы

1. Евгений Винокуров. В полях за Вислой сонной... (Синильга-Лариса Владыко) / Стихи.ру. – URL: <https://stihi.ru/2020/05/07/1914> (дата обращения: 15.07.2025).
2. Куконков, П.И., Широкалова, Г.С. Борьба за историческую память это – борьба концептов // Спасибо прадеду за Победу...: Материалы IV этапа мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015–2020 гг.). Екатеринбург: УРФУ им. Б.Н. Ельцина. 352 с.
3. Саралиева, З.Х., Широкалова, Г.С., Куконков, П.И. Учащиеся о Великой Отечественной войне. – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2015. 49 с.
4. Широкалова, Г.С. «Памятникопад» и переформатирование истории городов // Координаты современной урбанистики: новая гуманитарная перспектива: монография: в 2 томах. Том 2 / под науч. ред. И.А. Савченко, Ю.В. Козловой; отв. ред.: Г.С. Широкалова, Н.А. Трубина, Л.Р. Миркушина. – Москва: ИНФРА-М, 2023. 343 с.
5. Кошкарлова, Н.Н., Руженцева, Н.Б. Ретропрогнозирование как инструмент проектирования прошлого? // Политическая лингвистика. 2016. 4 (58). С. 48-52.
6. Дулина, Н.В., Мансуров, В.А., Пронина, Е.И., Широкалова, Г.С., Шкурин, Д.В. Идеальная семья в представлениях современной студенческой молодежи России (по материалам социологического исследования) // Философия хозяйства. 2024. № 5. С. 215-234.
7. Дроздов, Ф.Б. Восприятие начала Великой Отечественной войны советским обществом: реалии 22 июня 1941 г. и историческая память о нем // Тезисы докладов 16 Конгресса антропологов и этнологов России. С. 3. – URL: https://disk.yandex.ru/d/foewP7QT_IvX0Q (дата обращения: 15.07.2025).

8. Выставка портретов участников СВО в Н.Новгороде: 2 тыс. видео найдено в Яндексе. – URL: выставка портретов участников СВО в Н.Новгороде (дата обращения: 10.08.2025).

9. «Герои-нижегородцы. Портреты героев СВО» / НГХМ. – URL: <https://artmuseumnn.ru/vystavki/4051/> (дата обращения: 10.08.2025).

**УЧЕНЫЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ:
СТРАНИЦЫ ГРАЖДАНСКОГО И НАУЧНОГО ПОДВИГА
SCIENTISTS IN THE GREAT PATRIOTIC WAR:
PAGES OF CIVIL AND SCIENTIFIC FEAT**

Ж.Т. Тощенко

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

J.T. Toshchenko

Russian State University for the Humanities, Moscow

Анализируются формы и виды гражданского и научного участия ученых в Великой Отечественной войне, показывается, что с первых дней были предприняты организационные меры по распределению обязанностей между различными группами научных работников по решению проблем, которые отвечали потребностям Красной Армии. Значительную роль сыграли и представители общественных наук, способствующие формированию и укреплению патриотизма, верности социалистической Родине.

The article analyzes the forms and types of civil and scientific participation of scientists in the Great Patriotic War. It is shown that from the first days, organizational measures were taken to distribute responsibilities between different groups of scientists to solve problems that met the needs of the Red Army. Representatives of the social sciences also played a significant role, contributing to the formation and strengthening of patriotism, loyalty to the socialist Motherland.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советские ученые, формы и виды участия ученых в обеспечении победы.

Keywords: The Great Patriotic War, Soviet scientists, forms and types of participation of scientists in ensuring victory.

В статье использованы данные, опубликованные автором в монографии: Тощенко Ж.Т. Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации: [монография]/ Ж.Т. Тощенко; ФНИСЦ РАН; РГГУ. – М: ФНИСЦ РАН, 2024. 844 с.

Особую, исключительную роль сыграли учёные в годы Великой Отечественной войны. С первых дней войны учёные России, как и других

республик СССР, активно включились в мобилизацию на борьбу с фашизмом. 23 июня 1941 г. на внеочередном расширенном заседании президиума АН СССР с участием 60 наиболее видных учёных страны под председательством вице-президента АН СССР академика О.Ю. Шмидта была принята резолюция с призывом объединить все силы науки для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками в начавшейся *«священной отечественной народной войне, войне за человеческий прогресс, за культуру народов СССР и всех народов мира»*.

Учёные всей страны, откликнувшись на этот призыв, немедленно приступили к перестройке тематики научных исследований, сконцентрировали все усилия на оборонных работах и изучениях, могущих дать немедленный выход в практику. Они включились в активную работу и по духовной мобилизации советского народа на борьбу с фашизмом: выступали в печати, по радио, обращаясь к советской и зарубежной общественности с призывом *«сплотить все силы в борьбе с фашизмом для защиты цивилизации от гитлеровских варваров»*.

Одновременно и государство способствовало оперативному включению ученых в выполнение военных потребностей. Государственный комитет обороны (ГКО) под председательством И.В. Сталина осуществлял централизованное руководство военно-экономической, военно-технической, внешнеполитической, социально-экономической сферами жизни страны в условиях жесточайшей войны. Он опирался на аппарат СНК СССР и уполномоченных Государственного комитета обороны (50 чел.). При ГКО был создан своего рода научный штаб, научно-технический совет. Совет связывался с командованием Красной Армии, наркоматами, исследовательскими и проектными институтами, вузами и общественными организациями, привлекал к работе крупных специалистов, что «облегчило и ускорило разработку и внедрение новшеств, сняв ведомственные перегородки». Совет координировал исследования важнейших научно-технических проблем, помогал научно-исследовательским учреждениям установить связи с военными организациями, выявить наиболее актуальные задачи и обеспечить максимально быстрое внедрение результатов научно-исследовательских работ в производство.

Особо следует сказать о гражданской позиции ученых. Уже в первые дни войны подали заявление в райвоенкоматы будущий научный руководитель советского атомного проекта И.В. Курчатов и выдающийся физик-теоретик член-корреспондент АН СССР Я.И. Френкель, десятки и сотни молодых учёных. Просьбы Курчатова и Френкеля были отклонены, но уже 27 июня 1941 г. 30 сотрудников знаменитого ЛФТИ были в рядах

Красной армии, а через месяц их число возросло до 130. На фронт ушли 39 сотрудников Института химической физики, 14 – Радиевого института, 17 – Главной астрономической обсерватории, будущие создатели атомной науки и техники К.А. Петржак, К.И. Щелкин, пионер ракетной техники Ю.В. Кондратюк и многие другие. В армию влилось большое число преподавателей вузов и научных работников, в том числе тех, кто был репрессирован и пострадал от советской власти.

Вскоре после начала войны правительство осознало опасность утраты научных кадров и разрушения науки. 15 сентября 1941 г. Государственный комитет обороны вынес решение о категорическом запрещении брать на фронт и вообще использовать не по специальности всех преподавателей вузов и научных работников. Их стали отзывать из армии по ходатайству наркоматов и ведомств.

С первых дней войны советские учёные включились в огромную научно-организационную работу. Новые сложнейшие задачи потребовали коренной перестройки организации научных исследований и методов научной работы. Быстро началась перегруппировка научных сил для более эффективного решения неотложных проблем. Изменялись организационные формы и тематика научной работы, которые вырабатывались и корректировались в тесной связи с военными и фронтовыми учреждениями при учёте опыта применения военной техники в боевых условиях. Почти все физические, химические, технические институты занялись исключительно военной тематикой. Значительная часть работников науки перешла на производство. Бригады учёных непосредственно на заводах внедряли свои разработки.

Труды советских учёных в годы Великой Отечественной войны, работавших по всем научным направлениям – от математики до медицины, помогли решить огромное число чрезвычайно трудных задач, необходимых фронту. «Почти каждая деталь военного оборудования, обмундирования, военные материалы, медикаменты – всё это несло на себе отпечаток предварительной научно-исследовательской мысли и обработки», – так впоследствии написал президент Академии наук СССР Сергей Вавилов [2].

Среди работ, сыгравших исключительную роль, можно назвать следующие научные подвиги.

Назовем некоторые. Теоретические разработки в области аэродинамики, проведённые С.А. Чаплыгиным, М.В. Келдышем, С.А. Христиановичем, привели к созданию новых образцов военных самолётов. Учёный-механик С. Христианович помог повысить эффективность действия систем залпового огня легендарных «Катюш». И. Курчатов и

А. Александров создали эффективный механизм защиты советских кораблей от магнитных мин. М. Келдыш дал математическое описание флаттера как опасного процесса, ведущего к разрушению самолёта, на основании чего были внесены изменения в конструкцию советских самолётов. В результате исчез барьер на пути развития отечественной скоростной авиации. Н. Четаев смог определить оптимальную крутизну нарезки орудийных стволов. Это обеспечивало оптимальную кучность боя, непереворачиваемость снаряда при полёте и другие положительные характеристики артиллерийских систем. Выдающийся учёный академик А. Колмогоров, используя свои работы по теории вероятностей, разработал теорию наивыгоднейшего рассеивания артиллерийских снарядов.

В военные годы резко возросла необходимость в производстве жидкого кислорода из воздуха в промышленных масштабах – это было нужно, в частности, для производства взрывчатки. Решение этой задачи связано прежде всего с именем выдающегося физика П. Капицы, который возглавил эти работы. В 1942 г. разработанная им турбокислородная установка была изготовлена, а в начале 1943 г. запущена в эксплуатацию.

А. Трофимук предложил новую концепцию поиска нефти вопреки господствовавшим в то время геологическим теориям. Благодаря этому была найдена нефть Кинзебулатовского нефтяного месторождения в Башкирии, и на фронт бесперебойно пошли горюче-смазочные материалы.

Научный коллектив под руководством А.Ф. Иоффе изобрёл первые советские радиолокаторы. Теория академика М.М. Лаврентьева позволила увеличить пробивную силу кумулятивного снаряда, уменьшив при этом его размер. Большое значение для решения практических задач, в том числе оборонных, имело развитие номографии – одного из разделов математики, изучающей теорию и способы построения одного из видов чертежей – номограмм, которые экономят время для вычислений, упрощают их, что было выполнено в специальном бюро при НИИ математики МГУ под руководством Н. А. Глаголева. Идея «Катюши», которая зарождалась в лабораториях мехмата МГУ под руководством И. Гая, получила практическое воплощение уже в начале войны, став одним из легендарных орудий в этой войне [2].

Велик вклад и учёных-медиков. Это пенициллин, который был разработан микробиологом З. Ермольевой. Он спас жизни многих красноармейцев, которые умирали непосредственно не от ранений, а от следовавшего за ними заражения крови. В этот период, несмотря на все трудности, были приняты перспективные решения по развитию медицинской науки: в 1944 г. была создана Академия медицинских наук.

Большой вклад в формирование патриотизма, гордости за социалистическую Родину внесли и обществоведы. Именно в эти годы были заново осмысленно великие свершения отечественных полководцев, подвиги русских воинов в битвах с многочисленными врагами в течение тысячелетней истории России [См.: 3].

Была и масса других менее заметных, но значительных прикладных достижений, предложенных учёными фронту. Уже после войны один из артиллеристов, генерал-лейтенант говорил в своих воспоминаниях: «Когда я был командиром орудийного расчёта, я не знал, что пушка, из которой мы стреляли, отлита из сплава металла, разработанного академиком И.П. Бардиным, а расчёты, которые я применял для корректировки стрельбы, были обоснованы академиком А.А. Ляпуновым».

В целом список выдающихся достижений советских учёных в военные годы огромен. Уже после войны президент Академии наук СССР С. Вавилов отмечал, что одним из многих просчётов, обусловивших провал фашистского похода на СССР, была недооценка гитлеровцами советской науки.

Особо отметим и прозорливость советских ученых. В это ответственное время – в период войны – не только знание, но и научная интуиция, а, возможно, глубокое озарение на уровне предвидения по пониманию роли науки сыграли роль в том, что в 1943 г. начала работу лаборатория № 2 АН СССР, будущий Курчатовский институт, нацеленный на создание атомного оружия.

Государство по самым высоким стандартам оценило деятельность учёных. Для мобилизации их сил были созданы новые научные центры и институты: Академия артиллерийских наук, Академия медицинских наук, Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР в Новосибирске. Состоялось открытие республиканских академий наук в Казахстане, Узбекистане, Азербайджане, Армении.

Этот обзор вклада учёных в годы Великой Отечественной войны наглядно показал, что они продемонстрировали удивительную работоспособность в поиске принципиально новаторских идей, умение напряженно трудиться, настойчивость во внедрении своих предложений, а иногда решающую роль в принятии соответствующих действий по подготовке необходимых актов как на фронте, так и в тылу.

Список литературы

1. Кравченко, Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. – М.: Экономика, 1970. 400 с.

2. Наука и учёные России в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Очерки. Воспоминания. Документы / Сост. Е.А. Беляев, Н.М. Осипова, Е.А. Шитиков. – М.: Наука, 1996. 311 с.

3. Ваганов, А. Великая Отечественная война и госполитика в области популяризации науки // Независимая газета. 2020. 25 февраля.

**ОТ ОБЩЕГО ПОДВИГА К ОБЩЕЙ ПАМЯТИ:
ВКЛАД НАРОДОВ СТРАН ЕАЭС В ПОБЕДУ 1945 ГОДА
И ЕЁ МЕСТО В СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ**
**FROM A COMMON FEAT TO A COMMON MEMORY:
THE CONTRIBUTION OF THE PEOPLES OF THE EAEU COUNTRIES
TO THE VICTORY OF 1945 AND ITS PLACE IN
THE SOCIAL MEMORY OF MODERN YOUTH**

Т.Н. Юдина

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва

T.N. Yudina

*Institute of Demographic Research of the National Research Institute of the
Russian Academy of Sciences, Moscow*

Рассматривается роль общей исторической памяти о Победе 1945 года как ключевого фактора евразийской интеграции. На основе социологического исследования анализируются вызовы сохранения этой памяти в молодежной среде стран ЕАЭС. Предлагаются конкретные механизмы и проекты в образовательной, культурной и цифровой сферах, направленные на укрепление общего мемориального пространства как основы будущего партнерства.

The article examines the role of shared historical memory of the Victory in 1945 as a key factor of Eurasian integration. Based on a sociological study, the challenges of preserving this memory among the youth in the EAEU countries are analyzed. Concrete mechanisms and projects in the educational, cultural, and digital spheres are proposed, aimed at strengthening a common memorial space as a foundation for future partnership.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, молодежь, ЕАЭС, социальная память, интеграция, социологическое исследование, образовательные проекты, цифровой мемориал.

Keywords: Great Patriotic War, historical memory, youth, EAEU, social memory, integration, sociological research, educational projects, digital memorial.

Юбилей 80-летия Победы в Великой Отечественной войне, отмечаемый в 2025 г., актуализирует вопрос об общей исторической памяти как фундаменте евразийской интеграции. Совместное участие лидеров государств Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в мемориальных мероприятиях в Москве и Пекине служит мощным политическим и символическим жестом, демонстрирующим единство в оценке прошлого и транслирующим молодежи общие ценности. Победа 1945 г. выступает не просто историческим событием, а объединяющим цивилизационным кодом народов Большой Евразии, моральным фундаментом для построения будущего партнерства, основанного на доверии и взаимопонимании [1; 2].

Исторической основой этого единства является неразделимый вклад всех республик бывшего СССР, ныне государств ЕАЭС, в достижение Победы [3]. Подвиг носил многонациональный характер: от героической обороны Брестской крепости защитниками более 30 национальностей до масштабной работы промышленного тыла на Урале, в Сибири, Казахстане и Средней Азии. Эвакуированные предприятия, тысячи госпиталей, бесперебойное снабжение фронта продовольствием и вооружением – все это было результатом общих усилий. Цифры красноречивы: на фронт ушли миллионы человек из каждой республики, сотни тысяч были удостоены боевых наград. Эта общая жертва и общий триумф создали прочную историческую связь, которая является естественной основой для современного партнерства [4].

Однако, в современных условиях эта общая память сталкивается с серьезными вызовами. Происходит переход от «живой» памяти ветеранов к «опосредованной», формируемой системой образования, медиа и культурой. Глобализация информации, усиление национальных нарративов, дефицит знаний и естественная смена поколений создают риски фрагментации общего мемориального пространства, роста исторического нигилизма и уязвимости перед фальсификациями истории.

Ценнейший источник для понимания современного состояния памяти молодежи представляет социологическое исследование, проведенное Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН в 2023 г. [5]. В ходе исследования было опрошено более 400 представителей молодежи (18-38 лет) из государств-членов и партнеров ЕАЭС с использованием метода глубинных интервью. Социальная память респондентов анализировалась как «постпамять», поскольку они узнавали о войне не из личного опыта, а из рассказов старших поколений, литературы, кино и образования.

Результаты исследования показали двойственную картину. С одной стороны, Победа в Великой Отечественной войне остается ключевым

историческим событием в сознании молодых людей. Она прочно вплетена в семейную историю и воспринимается как общее достижение всех народов СССР. Как отметил респондент из Киргизии: «Сложно выделить Киргизию отдельно от СССР, потому что участвовали, воевали все и поэтому победили фашизм. Все имели одну цель, сплотились, друг за друга бились. Это общее горе и общая победа». Подавляющее большинство опрошенных отмечают День Победы как важнейший праздник.

С другой стороны, исследование фиксирует определенные различия в восприятии. Часть респондентов демонстрируют нейтральное или даже негативное отношение, связывая войну преимущественно с потерями и разрухой. В некоторых случаях проявляется влияние альтернативных трактовок истории. Это подтверждает наличие рисков и необходимость целенаправленной работы по формированию целостного позитивного восприятия общего прошлого в молодежной среде.

Ответом на эти вызовы должна стать системная работа по трансляции памяти в новых форматах, адекватных цифровой эпохе. Предлагается реализовать четыре ключевых трека сотрудничества в рамках ЕАЭС.

Образовательный и научный трек должен быть направлен на создание общих учебных модулей и пособий для школ и вузов, раскрывающих многонациональный характер подвига. Необходимо формирование межгосударственной группы историков для выработки согласованных подходов. Важную роль играет поддержка русского языка как инструмента трансляции общего знания.

Молодежный трек предполагает создание «Цифрового мемориала» – единой онлайн-платформы с архивами, письмами фронтовиков, виртуальными турами по музеям. Координация волонтерских поисковых движений, проведение международных лагерей «Наследники Победы» и исторических квизов позволят вовлечь молодежь в практическую деятельность по сохранению памяти.

Культурно-мемориальный трек включает совместное производство документальных и художественных фильмов, создание общих мемориальных маршрутов («Дорога памяти»), популяризацию историй фронтовой дружбы и взаимопомощи в тылу через традиционные и цифровые СМИ.

Цифровой трек должен быть сосредоточен на создании центров генерации позитивного контента, мониторинге информационного поля, разработке технологий нейтрализации фейков и формировании единого коммуникационного пространства ЕАЭС в социальных сетях.

80-летие Победы показало, что народы и лидеры стран ЕАЭС едины в оценке прошлого [6]. Задача настоящего момента – быть едиными в

построении будущего, основанного на этой памяти. Предложенные практические шаги являются не просто данью уважения предкам, а стратегической инвестицией в будущее евразийской интеграции. Прочная общая память формирует атмосферу взаимного доверия – основу для построения любой совместной системы безопасности и экономического развития. Чтобы социальная память жила, её необходимо не только чтить, но и совместно созидать для новых поколений.

Список литературы

1. Ступаков, Н.В. Историческое значение Победы в Великой Отечественной войне для народов государств – участников СНГ в решении проблем безопасности и развития при обеспечении интересов Российской Федерации // «Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право». 2020. №1. С. 12-23.
2. Лямзин, А. Общая Победа: что для стран ЕАЭС означает память о Великой войне / Евразия. Эксперт. URL: <https://dzen.ru/a/XNJ4NfvriACzmgU2> (дата обращения: 01.08.2025).
3. Великая Победа советского народа: социально-политические и демографические аспекты: [монография] / С.В. Рязанцев, В.Н. Иванов [и др.]; Отв. ред. С.В. Рязанцев, В.Н. Иванов; ИСПИ ФНИСЦ РАН. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2020. 450 с.
4. 80 лет Великой Победы 1941–1945 гг. / Статистический сборник / Статкомитет СНГ – М., 2025. 248 с.
5. Социальная память молодежи государств-участников евразийской интеграции: монография / под общ. ред. Г.И. Осадчей, А.А. Кочербаевой, М.Л. Вартановой. – Бишкек.: Изд-во КРСУ, 2023. 274 с.
6. Память о войне священна! Лидеры стран ЕАЭС о вкладе народов в Великую Победу. URL: <https://ctv.by/news/obshestvo/pamyat-o-velikoj-otechestvennoj-svyashennalidery-stran-eaes-o-vklade-narodov-v-velikuyu-pobedu> (дата обращения: 05.08.2025).

СЕКЦИЯ 1

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР МЕЖПОКОЛЕННОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

ДОКЛАДЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ – ОСОБЫЙ ИСТОЧНИК СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ HISTORICAL RECONSTRUCTION IS A SPECIAL SOURCE OF CREATING IMAGES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

М.А. Казаков, М.В. Котов

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород*

M.A. Kazakov, M.V. Kotov

*Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod*

Рассматривается военно-историческая реконструкция как особый источник создания образов Великой Отечественной войны и инструмент сохранения исторической памяти.

Military-historical reconstruction is considered as a special source of creating images of the Great Patriotic War and a tool for preserving historical memory.

Ключевые слова: молодежь, Великая Отечественная Война, военно-историческая реконструкция, патриотическое воспитание, политика памяти

Keywords: youth, Great Patriotic War, military-historical reconstruction, patriotic education, politics of memory.

Патриотическое воспитание постсоветских поколений представляет собой процесс непрерывной трансляции определённых идей, символов и образов в человеческое сознание с периодической их актуализацией в рамках социального взаимодействия [1, с. 4]. Это означает как ряд измерений от представления об их специфике до позиционирования вовне, так и набор практических действий, посредством которых идеи, образы и символы приобретают ценность и устойчивость в деятельности, направленной на поддержание и признание социального порядка, освящаемого ими. В этой связи память общества о Великой Отечественной войне не только

идеологический, но и практико-ориентированный феномен, реализуемый в публичной политике современной России.

С учетом информационных войн и манипуляций Западом фактов хода и последствий Великой Отечественной войны, особенно после 2014 г., выработка чёткого алгоритма и инструментария восприятия, отношения и популяризации исторических событий в молодежной среде – задача национального масштаба. Одним из её элементов является зрелищный способ формирования образов исторической памяти – *военно-историческая реконструкция*. Данная общественная активность зародилась «снизу», энтузиастами в 80-е гг. XX века. Изначально на волне интереса к эпохе Наполеоновских войн и итогам Отечественной войны 1812 г. Позже он охватил и другие исторические периоды, расширяя границы и смыслы этого социокультурного движения.

В современной России интерес к военно-историческим реконструкциям эпохи Великой Отечественной войны стремительно растет. Первый и основной путь – углубление знаний молодежи о событиях Великой Отечественной войны, их формирование на основе объективной оценки прошлого, патриотического осознания и эмоционально-сопереживающего отношения к факту Победы в той войне [2, с. 26]. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной в 2021 г., подчеркивается необходимость борьбы против попыток, предпринимаемых рядом государств Запада, исказить историю, пересмотреть взгляды на роль и место России в ней, реабилитировать фашизм [3, с. 99].

Воссоздание материальной культуры конкретной эпохи в рамках военно-исторической реконструкции не только противостоит этому, но и предполагает углубленное изучение истории реконструируемого периода, самостоятельный поиск фактов и деталей времени [4, с. 171]. Данная деятельность подразумевает реконструкцию материальной и духовной культуры периода с использованием археологических, письменных, изобразительных и иных источников. Изучение архивных материалов, журналов боевых действий, приказов по армиям, уставов РККА, других нормативных и руководящих документов углубляет знание об организации процессов ВОВ, что потом воплощается в правдиво-зрелищную постановку массовых действий.

Основополагающей формой военно-исторической реконструкции является проведение фестивалей. Причем, как на территории Российской Федерации, так и за её пределами. (Недавний, например, состоялся 11-15 июня 2025 г. в Москве [5]). Статистические данные свидетельствуют, что в последние десятилетия отмечается всплеск интереса к историческим

реконструкциям во всем мире, особенно – к военно-историческим фестивалям, самому перспективному направлению исторических реконструкций [6, с. 56]. В РФ при поддержке Российского военно-исторического общества, возглавляемого в Нижегородской области губернатором, ежегодно проходит более 50 военно-исторических фестивалей, в которых участвует свыше 11 000 представителей клубов военно-исторической реконструкции и 1 700 000 зрителей из регионов России и зарубежья.

Молодежную среду привлекает, что военно-историческая реконструкция сочетает в себе как глубоко проработанную теоретическую часть военной тематики, так и практическую, образно запоминающуюся сторону. Такой синтез позволяет преподносить различные исторические факты и события в понятной и приемлемой для молодых людей форме. Развивать критическое мышление и деятельностные начала, что опровергают большое количество непроверенной и неверной информации, фейков о войне. Значительную роль в формировании адекватного мировоззрения молодого поколения играют и различные каналы коммуникации ВИР. Военно-историческая реконструкция как форма *живого изучения* определенного исторического периода сочетает интерактивность и человеколюбие, в единстве образующих гуманитарный характер общения и воздействия [7, с. 569].

Можно сделать вывод, что военно-историческая реконструкция как особый источник создания образов Великой Отечественной Войны и инструмент реализации политики памяти имеет значительный потенциал. Он зиждется на том, что деятельность, инициированная энтузиастами гражданского общества, не только позволяет в зрелищно-игровой форме пробудить, укрепить внимание к сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., но и вовлечь молодое поколение в ее изучение. Не столько через дискурс, сколько через участие, что конкретизирует его воспитание на лучших образцах героизма и патриотизма.

Список литературы

1. Ларионов, А.Э. Образ Великой Отечественной войны в сознании современного студенчества // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. № 1. С. 1-10.
2. Быков, А.К. Формирование патриотического сознания молодежи на истории Великой Отечественной войны 1941-1945 годов // Образовательные ресурсы и технологии. 2020. № 1(30). С. 24-28.

3. Мурзабекова, А.А., Гаджиева, П.Д. Особенности патриотического воспитания подрастающего поколения на примерах истории ВОВ // Вопросы социально-гуманитарных наук и культурное воспитание общества: Сборник научных статей. – Ульяновск: Изд-во «Зебра», 2024. С. 98-101.

4. Котов, М.В. Фактор наставничества в военно-исторической реконструкции // Технологии наставничества в теории и практике работы с молодежью: Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17–19 ноября 2022 года / Под редакцией Г.В. Ковалевой. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2022. С. 171-174.

5. Времена и эпохи 2025 / vk.com [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/times_and_epochs_msk?from=groups (дата обращения: 19.06.2025).

6. Степаненко, О.В. Современные практики военно-исторических реконструкций: трансмедийный аспект // Молодой исследователь Дона. 2023. Т. 8. № 4(43). С. 55-61.

7. Казаков, М.А. Гуманитарная безопасность и гуманитарные технологии в стратегии развития современной России // Гуманитарии в XXI веке / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой: В 2-х т. Т. 1. – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2013. С. 567-572.

**ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
THE MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR:
A METHODOLOGICAL ASPECT**

С.В. Ковалева, А.А. Полюшкевич

*Костромская государственная сельскохозяйственная академия,
г. Кострома*

S.V. Kovaleva, A.A. Polyushkevich
Kostroma State Agricultural Academy, Kostroma

Рассматриваются современные методы, использование которых способствует сохранению памяти о событиях Великой Отечественной войны в сознании современной молодежи. Предлагаются образовательные программы, цифровые платформы и технологии, с помощью которых можно усовершенствовать образовательный процесс. Система методов, как синтез образовательных, культурных и технологических программ способна обеспечить преемственность памяти.

Modern methods are considered, the use of which contributes to the preservation of the memory of the tragic events of the Great Patriotic War in the minds of modern youth. Educational programs, digital platforms and technologies are offered that can be used to improve the educational process. The system of methods, such as the synthesis of educational, cultural and technological programs, is able to ensure the continuity of the memory.

Ключевые слова: память, методы, молодежь, история, родина, война.

Keywords: memory, methods, youth, history, homeland, war.

Цель

Формирование у молодого поколения уважительного отношения к истории своей страны, сохранение памяти о героизме и подвигах советского народа в годы Великой Отечественной войны, а также воспитание патриотизма и гражданской ответственности.

Задачи

Познакомить молодёжь с ключевыми событиями и героями Великой Отечественной войны. Создать условия для активного участия молодёжи в мероприятиях, посвящённых сохранению исторической памяти.

Введение

Великая Отечественная война – это не просто историческое событие, это часть нашей национальной идентичности, символ мужества, героизма и единства народа перед лицом врага. Однако, с каждым годом ветеранов становится всё меньше, и вместе с ними уходят живые свидетельства тех великих лет. Как сохранить память о войне для будущих поколений? Как сделать так, чтобы молодёжь не только знала о подвигах своих предков, но и чувствовала связь с этой историей? Эти вопросы становятся всё более актуальными в современном мире.

Основная часть

Память о Великой Отечественной войне – это не просто дань уважения прошлому. Это основа для формирования гражданской позиции, патриотизма и чувства ответственности за свою страну. Молодёжь, которая знает и помнит историю, с большей вероятностью будет ценить мир, уважать старшее поколение и стремиться к сохранению культурного наследия. Однако, в эпоху цифровых технологий и быстро меняющихся ценностей традиционные методы передачи исторической памяти могут оказаться недостаточно эффективными [1]. Молодёжь сегодня живёт в мире, где информация подаётся ярко, динамично и интерактивно. Поэтому важно искать новые подходы к сохранению памяти о войне, которые будут интересны и понятны современному поколению.

Как сохранить память? Образование через современные форматы.

Школьные уроки истории – это важная основа, но их недостаточно. Молодёжь лучше воспринимает информацию через визуальные и интерактивные форматы [2]. Например, можно создавать короткие видеоролики с использованием архивных кадров, анимации и современных спецэффектов. Онлайн-курсы, мобильные приложения и виртуальные экскурсии по музеям тоже могут стать отличным инструментом для изучения истории.

Личные истории и живая память. Ветераны, труженики тыла, дети войны – их воспоминания бесценны. Организация встреч с участниками тех событий, запись их рассказов на видео, создание архивов с личными историями – всё это помогает сделать историю живой и эмоционально близкой. Молодёжь должна понимать, что война – это не просто даты и цифры, это судьбы реальных людей [3].

Культурные и массовые мероприятия. Акции, такие как «Бессмертный полк», «Георгиевская ленточка» или «Свеча памяти», уже стали традиционными. Но важно не просто участвовать в них, но и понимать их смысл. Организация тематических выставок, театральных постановок, кинопоказов и литературных вечеров помогает глубже погрузиться в атмосферу тех лет [4].

Волонтерство и социальная активность. Помощь ветеранам, уход за военными мемориалами, участие в поисковых экспедициях – всё это не только сохраняет память, но и воспитывает чувство ответственности. Молодёжь, которая своими руками прикасается к истории, начинает ценить её по-настоящему.

Информационная кампания в социальных сетях. Социальные сети – это мощный инструмент для передачи информации. Создание тематических групп, публикация исторических фактов, историй героев, проведение онлайн-викторин и флешмобов – всё это помогает привлечь внимание молодёжи. Важно, чтобы контент был ярким, эмоциональным и доступным [5].

Примеры успешных инициатив. Проект «Лица Победы» – цифровой архив, где каждый может загрузить фотографии и истории своих родственников, участвовавших в войне. Акция «Бессмертный полк» – шествие с портретами героев войны, которое объединяет миллионы людей по всему миру. Онлайн-платформа «Подвиг народа» – база данных с документами о наградах и подвигах участников войны.

Что может сделать каждый? Сохранение памяти о войне – это задача не только государства или образовательных учреждений. Каждый из нас может внести свой вклад. Делиться информацией о войне в социальных сетях, чтобы как можно больше людей узнали о подвигах героев. Участвовать в акциях и мероприятиях, посвящённых Дню Победы. Посещать музеи и мемориалы, изучать историю своей семьи. Рассказывать молодёжи о своих родственниках, участвовавших в войне [6].

Я, Ковалева Светлана Викторовна, хочу рассказать о моих прадедушках Акифьеве Иване Петровиче и Шашкове Алексее Калистратовиче, которые сражались с фашистами на фронтах Великой Отечественной войны. Моему прадедуске Акифьеву Ивану Петровичу было 17 лет, когда началась Великая

Отечественная война, а уже в 18 лет он был на фронте, около Ленинграда. Он был наводчиком на батарее. На войне был тяжело ранен, дожил до 70 лет, и у него в руке и плече до самой смерти оставались осколки. Прадедущка был награждён орденом «Отечественной войны», орденом «Красной звезды», медалью «За оборону Ленинграда».

Моему второму прадедущке Шашкову Алексею Калистратовичу было 35 лет, когда началась Великая Отечественная война. Он только что выстроил для себя, жены и двух дочерей дом, но Родина позвала, и он ушёл на фронт. 2 месяца он учился сапёрному делу, а потом его послали воевать под город Сталинград, в самое пекло сражений. Кроме сапёрных дел он наводил переправы через реку Волгу. Дома его ждали жена и две маленькие дочки, которые молились за него каждый день. И мой прадед дошёл до самого Берлина и не был ранен. Он награждён 2 орденами «Славы» II и III степени, орденом «Красной звезды», медалью «За оборону Сталинграда», медалью «За освобождение Варшавы» и «За освобождение Берлина».

У моих прадедущек Акифьева Ивана Петровича и Шашкова Алексея Калистратовича 4 правнука и 1 правнучка. Мой дедушка Акифьев Дмитрий Иванович и бабушка Акифьева Зоя Алексеевна в праздники 23 февраля и 9 мая достают пиджаки наших прадедущек, с наградами, и они как бы незримо присутствуют с нами в эти дни. И мы всей нашей большой семьёй их вспоминаем и гордимся, что они завоевали свободу нашей Родины, пришли живыми с фронта и подарили нам жизнь. Мы благодарны им за это и помним! Каждый год мы всей семьёй на праздник 9 мая ходим с портретами прадедущек в «Бессмертном полку» в городе Костроме.

Вывод

Сохранение памяти о Великой Отечественной войне – это, прежде всего, долг перед прошлым, перед близкими родными людьми, которые отдали служению Родине силы, здоровье, а кто-то и самое ценное – жизнь. Важно, чтобы молодёжь знала и помнила историю своей страны, историю своей семьи, уважала своих предков. Эти ценности должны стать фундаментом общества, основанного на взаимопомощи и стремлении к миру. Сейчас как никогда актуальны слова маршала Жуков: «Народ, который не помнит своего прошлого, не имеет будущего».

Список литературы

1. Алексеева, Л.М. Память о войне: историческое сознание и современность. – М.: Наука, 2020.
2. Иванов, В.А. Патриотическое воспитание молодёжи: исторический опыт и современные вызовы. – М.: РГГУ, 2021.

3. Kovaleva, S., Kizilova, N., Kashirina, O., Isaenko, A., Odnoprienko, V. Adaptation of foreign students in the educational and sociocultural system of an agricultural university / В сборнике: Innovations in Sustainable Agricultural Systems (ISAS 2024) (Lecture Notes in Networks and Systems). Conference proceedings. Cham, Switzerland, 2024. С. 399-405.
4. Васильева, Е.И. Формирование исторической памяти у молодёжи: проблемы и перспективы // Вопросы воспитания. 2020. № 3. С. 45-52.
5. Патриотическое воспитание молодёжи: методические рекомендации / Сост. Н.В. Сидорова. – М.: Академия, 2019.
6. Кузнецова, О.В. Великая Отечественная война в сознании современной молодёжи: социологический анализ // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 67-73.

**О ДИАЛЕКТИКЕ ВОЙНЫ И ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ)
ON THE DIALECTICS OF WAR AND VICTORY IN THE
GREAT PATRIOTIC WAR (SOCIOCULTURAL ANALYSIS)**

В.П. Козырьков

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород*

V.P. Kozyrkov

*Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod*

Великая Отечественная война анализируется как всемирно-историческое событие, имеющее общекультурный смысл. Предлагается опыт социокультурного анализа диалектической направленности. Содержание Победы раскрывается как процесс, который не утрачивает своей актуальности и приобретает характер меры в оценке прогрессивности и гуманистичности развития человечества. Показывается сложность и противоречивость отношения к Великой Отечественной войне и к Победе.

The Great Patriotic War is analyzed as a world-historical event that has a general cultural meaning. The experience of socio-cultural analysis of dialectical orientation is offered. The content of the Victory is revealed as a process that does not lose its relevance and acquires the character of measure in assessing the progressiveness and humanity of humanity's development. The complexity and contradictory attitude to the Great Patriotic War and the Victory is shown.

Ключевые слова: победа, диалектика, война, культура, советский народ, поколение.

Keywords: victory, dialectics, war, culture, Soviet people, generation.

Победа с военной, юридической и политической точек зрения есть завершение войны и установление мира между воюющими сторонами. Но войны бывают разные. Вторая Мировая и Великая Отечественная войны были

сложными и противоречивыми по характеру, о чем до сих пор идут споры, так как применяются разные критерии в оценке характера участия, роли участников и последствий войны. В этом одна из причин ее особой актуальности и диалектичности.

Вторая мировая война шла с участием союзников с двух сторон. Но в приближении Победы и после нее поведение участников войны стало изменяться. Бывшие союзники стали противниками, а многие противники вошли в состав системы стран социализма и образовавшегося Варшавского Договора и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ).

Мировой войне предшествовали победы СССР в локальных войнах с Финляндией и Японией, а развязавшей войну Германии – победы над европейскими странами, которые стали сателлитами фашистской Германии, усилив ее экономическую и военную мощь.

После политического и юридического завершения Второй мировой войны 2 сентября 1945 г. практически сразу началась холодная война между СССР в союзе с новыми странами, взявшими курс на построение социализма, и западными натовскими странами. Эта война, которая выразилась в идеологической, информационно-психологической формах, в многочисленных диверсиях и локальных войнах стран НАТО в различных регионах мира.

Все эти войны, поражения и победы в XX веке во многом имели общую природу и логику развития, которая стала основой обострения отношений в начале XXI века между новой Россией и странами НАТО во главе с США, которые развернули гибридную прокси-войну, отмобилизовав и вооружив для этого Украину, бывшую союзную республику с родственным народом, общей культурой и судьбой.

Таким образом, в XX и начале XXI века возникли самые разные виды войн и, соответственно, победы тоже разные. Но в их классификации сейчас учитывается, прежде всего, новый решающий фактор в достижении победы, который лишает смысла стремления к победе вообще, так как при эскалации участия ядерных держав мировая война приведет к гибели всего человечества. Этот летальный смысл стремления к победе доминирует над всеми военными событиями.

Часто содержание Великой Отечественной войны отождествляют с научным воспроизведением ее или с социальной памятью о ней, а для кого-то это одно и то же. Для этого есть причины. Существует множество многотомных и монографических научных исследований Великой Отечественной войны, но до сих пор нет ее целостного воспроизведения. Есть высокохудожественные произведения, которые претендуют на

целостность восприятия, но все они написаны с разных эстетических и эмоциональных позиций. Создано немало мемуаров в разной форме, которые воспроизводят события войны через личный эмоциональный и практический опыт участия в ней.

Но Великая Отечественная война — это не история о войне, не военные романы, не тяжелый феномен памяти, а фундаментальное социально-историческое событие и глобальный процесс, который радикально изменил мир и продолжает изменять в начале XXI века. Этот процесс, который не прекратился после победы в 1945 году и не прекращается до сих пор, так как не исчезли окончательно причины и субъекты войны (комбатанты), вызвавшие Вторую мировую войну. Они только приобрели иную форму и заявляют о себе в разных частях мира «цветными революциями», корни которых, в конечном счете, надо искать в холодной войне между двумя мировыми социальными системами. Сейчас концентрированным образом всемирное значение Великой Отечественной войны проявило себя и в специальной военной операции.

Чем дальше мы уходим от непосредственного процесса Великой Отечественной войны, от события Победы и их многообразных последствий, тем значительнее становится их историческое значение как продукта событий, последовавших в результате революционных событий 1917-1920 гг.: революции и гражданской войны, образовавшегося СССР, государства нового типа, которое в Великой Отечественной войне уничтожило систему фашистских государств во главе с Германией. Поэтому смысл Великой Отечественной войны, память о Победе концентрирует существенные предпосылки для возрождения социализма. Символическим признанием такой оценки являются два факта. Во-первых, непонимание молодыми людьми причин Парада 7 ноября 1941 г. на Красной площади. Во-вторых, драпировка Мавзолея на Красной площади, к подножию которого были в 1945 г. брошены знамена нацистских дивизий на параде в честь Победы в Великой Отечественной войне. Эти факты говорят, что связь Победы с идеей социализма понимается, поэтому и не хотят ее воспроизводить в памяти.

Итак, 80-летие Победы есть не только праздничный юбилей, который мы торжественно отмечаем, чтобы почтить память погибших и оказать честь ветеранам войны. Все это надо в воспитательных целях. Но ни в коем случае не в потребительском отношении к Победе, когда тему победы используют в конъюнктурных политических или рекламных целях, когда, например, вывешивают плакат «Спасибо деду за победу». У меня с фронта не вернулись 4 деда, один родной и трое двоюродных. Родной дед, участник гражданской войны, ушел на фронт добровольцем, оборонял Ленинград, погиб в 1944 г.

при освобождении Эстонии, поэтому я его не знал, как и миллионы других детей, родившихся после войны. Пятый, тоже родной дед, умер в 1943 г. в тылу, надорвавшись на работе грузчиком при разгрузке барж на Волге. Так что благодарность деду для меня звучит двусмысленно. Думаю, что и для многих это так. И воспитательного значения такое отношение не имеет. Победа – это не кому-то персональный подарок, а тяжелое завоевание всего народа с целью сохранения страны в целом для всех будущих поколений. Мой отец, орденосец, освобождавший Варшаву и бравший Берлин, раненый и контуженый, вернулся с фронта лишь в 1947 г., так как был отправлен автоматчиком для охраны ракетного полигона «Капустин Яр». Он был уверен, что прошедшая им война является последней. С этой мыслью он и его однополчане шли в бой и приносили себя в жертву. Ради этого они воевали, и в этом одна из причин высокой рождаемости детей послевоенного поколения. В моем родном селе в 140 дворов с фронта не вернулось 152 человека, тем не менее в конце 1940-х и 1950 гг. в каждой сохранившейся семье и в созданных пришедшими с войны родилось по 3-7 детей. Это был ответ жизни на войну, уничтожавшей жизнь.

Таким образом, одержанная советским народом Победа имеет глубокий исторический и социокультурный смысл. Событие Победы не отпускает нас, заставляя вновь и вновь осмысливать, и оценивать прошедшие годы с позиций событий Великой Отечественной войны и её Победы как высшего для страны и мира в целом мерила и ориентира в историческом развитии. Нас тянет к Победе, так как в истории XX века не было ничего более великого и более значимого для России и мира, что позволяло бы всем людям гордиться за совершенное СССР. Странам НАТО этого не понять, так как у них другое историческое прошлое, связанное с подготовкой к войне и с поражением в ней.

Важно подчеркнуть, что это не только наша Победа, а Победа в мировом, общеисторическом и общечеловеческом смысле. Человечество сохранило себя и культуру, выдержало тяжелейший экзамен на человечность. Но этим экзаменом не закончилась война. В результате Победы возникла система стран социализма, с одной стороны, а с противоположной стороны — объявлена холодная война с угрозой термоядерной с возможностью гибели всего человечества. Результатом холодной войны стал распад СССР, системы стран социализма и победное возвращение капиталистического строя. Западные страны сейчас стремятся развалить новое российское государство, окружив его военными базами, возрождая нацистские идеи, которые кружат головы многим политикам. Пересматриваются итоги Второй мировой войны и переоценивается роль СССР в этой войне. В общественном сознании

складывается представление, что Мировая война не закончилась, трансформировавшись в терроризм, в гибридные войны и в прокси-войны.

Победа тогда становится в полной мере понятой и всесторонне осмысленной, когда утверждает себя в развивающихся символических формах. По этим символам можно проследить, как изменялось отношение к ней и как нарушалась ее связь с событиями 1917-1920 гг. Поскольку эта победа была реализацией результатов этих событий, то и победа в Великой Отечественной войне стала их продолжением. Так что Великая Отечественная война есть не только дело памяти, а реальное дело сохранения предпосылок победы в ней и развития её результатов. Однако страна не сумела в полной мере их отстоять.

Это видно уже по трансформации ее названия. Казалось бы, событие не изменилось, а название меняется. Помнится, в 50-е годы мы отмечали просто день разгрома немецко-фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне, и этот день не был выходным днем. Потом появилось название «Победа советского народа над фашистской Германией в Великой отечественной войне» и стали праздновать и отмечать юбилеи с 1965 г. военным парадом. Потом, в 90-е годы, из школьных учебников исчезло гордое и выстраданное народом словосочетание «Великая Отечественная война» и было лишь унижительное название «участие СССР во Второй мировой войне». С 1991 по 1994 гг. парады победы не проводили. В 2000-е годы появилось громкое название «Победа в Великой Отечественной войне». Кто кого победил – не ясно. Окончательное сужение оценки содержания этого события началось тогда, когда его объявили просто днем Победы без обозначения того, кто победил и кого победили.

Такое многообразие названий одного события говорит о его сложности и противоречивости. Мы отмечаем и празднуем Победу уже 80 лет. Однако, она не «умещается» ни в один из этапов нашего исторического развития. Такое ощущение, что это какой-то не наш праздник и не наша Победа, поэтому мы не знаем, что с ней делать и как назвать. Мы не верим, что Победу одержали наши отцы и деды. А кто-то предлагает не праздновать Победу вообще, чтобы не раздражать Запад «своей победой». А кто-то даже готов отдать эту Победу другому государству, чтобы только не праздновать самим. США, например, приписывают Победу себе. Или объявить этот день днем траура по погибшим, а не радоваться победе, как это делается в Западной Европе во главе с нацистской Германией, которая потерпела поражение во Второй мировой войне. У нас великая Победа, а у них великое поражение. Эта историческая дилемма породила начавшуюся холодную

войну и гонку вооружений, приблизившую мир к угрозе общечеловеческой катастрофы.

Как исторический факт это была победа молодого социалистического государства, многонационального советского народа, руководимого коммунистической партией, всех прогрессивных сил мира – над коалицией европейских государств старого типа, всех антисоциалистических сил во главе с нацистской Германией. Шла война против сил социализма путем концентрации всех своих ресурсов и сил против «коммунистической заразы», и в этой войне не жалели ничего, включая жертвы, которые должны были принести народы западных стран в борьбе против коммунистов.

Победа является не чудом или деянием гения Сталина, а массовым подвигом советского народа, который пожертвовал собой для спасения всего человечества. Кто знает, может быть, пожертвовал лучшей своей частью, поэтому и приходится сейчас решать проблему о смысле празднования Победы. И не только война, но и Победа была Великой и Отечественной, хотя советский народ спас не только свою Родину от фашистской чумы, но и весь мир. К сожалению, не все понимают ее величие и общий социокультурный смысл.

Заключение

Уже в ходе Мировой войны США стремились к гегемонии во всем мире. И к такому результату все шло, так как США получили наибольшую финансовую выгоду от этой войны. Лидеры этой страны склонны считать, что это США выиграли войну. И все же победили мы, если даже в США считают, что они выиграли. У нас разные критерии оценки. Победили тогда, когда огромные усилия СССР по созданию военного паритета в области ракетного и атомного оружия в тяжелейшие годы восстановления страны не позволили миру взорваться в атомной катастрофе после 1945 г. Насколько известно, до сих пор НАТО не отказалось от возможности использования «маленькой атомной войны». Потому и идет движение за полное и всеобщее разоружение в области вооружений массового уничтожения. В этом движении – дух Победы. Этот дух мотивировал советских солдат на жертвы, чтобы никогда больше не было войны.

Вся кровавая история современной эпохи есть результат борьбы двух идеологий, двух социальных систем за ресурсы (сырьевые, интеллектуальные, энергетические и др.), за освобождение от рабства во всех его формах. Одержанная Победа была залогом того, что в будущем сложатся новые условия, чтобы все лучшее, что было проявлено в годы Великой Отечественной Войны, стало основой нового общества. Такого общества, в котором не будет сомнений по поводу названия и величия победного события

весны 1945 г., и неизменности побуждений тех сил, которые хотели бы возвеличить события 90-х.

Главная причина русофобии Западной Европы в том, что наша страна совершила страшный для западного мира грех: она была социалистической. Такие глубокие социальные раны для стран капитализма не излечиваются и не забываются. Это для них самое страшное историческое преступление. И лидеры этих стран хорошо понимают, что такое быстрое возвращение к капитализму, как это провозглашают наши новые лидеры, невозможно. Они этому не верят.

Надо сохранять хладнокровие и не впадать в панику. В нашей истории были и не такие сложные времена. Этому оптимизму учит и духовный опыт Великой Отечественной войны. Народ, который победил в такой войне, никогда не смирится с новым рабством.

**МУСТА-ТУНТУРИ КАК LOCUS MEMORIAE:
ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ О МАЛОИЗВЕСТНЫХ
УЧАСТКАХ ФРОНТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
MUSTA-TUNTURI AS A LOCUS MEMORIAE: PRACTICES
OF PRESERVING THE MEMORY OF LITTLE-KNOWN SECTIONS
OF THE FRONT IN MODERN RUSSIA**

Е.В. Митягина

«Газпром газораспределение Киров», г. Киров

E.V. Mityagina

Gazprom Gas Distribution Kirov, Kirov

Исследование раскрывает практики сохранения памяти о малоизученном участке фронта Великой Отечественной войны – перешейке Муста-Тунтури. Анализируются три направления: экспедиционно-архивная работа, фиксация устных свидетельств ветеранов и культурно-образовательные проекты. Особое внимание уделяется роли молодежи в сохранении наследия и проблемам разрушения мемориалов. Предлагаются решения по интеграции материалов в образовательные программы и созданию межрегиональных проектов.

The study explores practices of preserving memory of the under-researched WWII frontline at Musta-Tunturi isthmus. Three key areas are analyzed: expedition-archival work, recording veterans' oral histories, and cultural-educational projects. Emphasis is placed on youth's role in heritage preservation and challenges of memorial degradation. Solutions include integrating materials into education and establishing interregional programs.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, Муста-Тунтури, локус памяти, устная история, волонтерские инициативы, молодое поколение, сохранение наследия.

Keywords: Great Patriotic War, historical memory, Musta-Tunturi, locus memoriae, oral history, volunteer initiatives, younger generation, heritage preservation.

Великая Отечественная война остается ключевым элементом исторической памяти России, однако её образ в массовом сознании часто сводится к крупным сражениям и символам масштаба – блокаде Ленинграда, Сталинградской битве, взятию Берлина. При этом локальные участки фронта, такие как оборона Заполярья на перешейке Муста-Тунтури, остаются «белыми пятнами» даже для многих профессиональных историков. Между тем, именно эти «забытые» точки на карте войны позволяют глубже понять её трагизм, демографические последствия и механизмы передачи памяти между поколениями [1].

Муста-Тунтури – уникальное место памяти (locus memoriae), где с июня 1941 г. по октябрь 1944 г. советские войска удерживали линию фронта, не отступив ни на метр, несмотря на экстремальные условия: скалистый рельеф, полярные ночи, плотность артобстрелов до 20 снарядов на квадратный метр. Сегодня этот участок – не только памятник военной истории, но и символ «невидимой» трагедии: потери здесь достигали 80% личного состава частей, а тела многих бойцов так и остались в расщелинах скал. Однако физические следы войны – окопы, блиндажи, гильзы, проросшие в грунт, – лишь часть его мемориальной ценности. Муста-Тунтури становится пространством, где пересекаются архивные документы, устные свидетельства последних ветеранов и современные волонтерские инициативы, формируя новый формат исторической преемственности [2].

Практики сохранения памяти о Муста-Тунтури включают три ключевых направления. Первое – экспедиционная и архивная работа. В ходе экспедиций 2022–2024 гг. участники, включая автора доклада, провели рекогносцировку местности, обнаружив десятки артефактов: от проржавевших гильз до фрагментов обмундирования. Эти находки, каталогизированные и переданные в музеи Печенгского округа, стали материальными свидетельствами войны, которые «оживляют» сухие строки архивных документов. Например, журналы боевых действий 12-й бригады морской пехоты, описывающие попытки прорыва в 1942 г., обретают новое звучание, когда рядом с ними кладут гильзу с отметиной от взрыва – тактическая безысходность позиций становится осязаемой.

Второе направление – устная история. Интервью со столетним ветераном Анатолием Анисимовым, одним из последних участников обороны Муста-Тунтури, раскрывают субъективное измерение войны. Его воспоминания о морозных ночах в окопах, о «каше из мха и тюленьего жира», о молчаливом страхе перед каждым рассветом – это не просто хроника, но эмоциональный мост между поколениями. Однако, как отмечает сам ветеран, «даже тем, кто выжил, некому было рассказать о том, что здесь было». Эта фраза подчеркивает проблему утраты живой памяти: через 5–10 лет такие свидетельства исчезнут навсегда, что делает их фиксацию и интеграцию в образовательные программы критически важной задачей [3].

Третье направление – культурно-образовательные проекты. Работа над романом «Муста-Тунтури», где архивные данные переплетаются с метафорой «нерожденных» (дети, которые не появились из-за гибели солдат), показывает, как художественный вымысел может стать инструментом популяризации истории. Параллельно волонтеры создают квизы для школьников на основе экспедиционных материалов и разрабатывают концепцию виртуального музея с 3D-реконструкцией боевых позиций. Эти инициативы переводят память о войне из формата «уроков истории» в плоскость личного сопереживания: молодое поколение не просто узнаёт факты, но включается в их сохранение.

Однако, сохранение памяти о Муста-Тунтури сталкивается с системными вызовами. Во-первых, отсутствие государственных программ реставрации локальных мемориалов ведет к их постепенному разрушению: уникальные окопы и блиндажи зарастают мхом, металлические артефакты корродируют под воздействием влажного климата. Во-вторых, даже собранные материалы – интервью, фотоархивы – часто остаются достоянием узкого круга энтузиастов, не попадая в учебники или федеральные медиа. В-третьих, демографические последствия войны, такие как «нерожденные» поколения, редко становятся предметом публичного обсуждения, хотя именно они формируют этический контекст памяти.

Решением могло бы стать создание межрегиональной программы по сохранению «мест памяти» Заполярья, включающей гранты для поисковых отрядов, цифровизацию архивов и включение материалов о Муста-Тунтури в школьные курсы истории. Важно и развитие «горизонтальных» инициатив: волонтерские экспедиции, подобные описанной в докладе, показывают, что молодое поколение готово стать не пассивным наследником, а активным хранителем истории. Как отмечает участник экспедиции 2024 г.: «Когда держишь в руках гильзу, которую последний

раз трогал солдат в 1941-м, война перестает быть черно-белой картинкой из учебника. Ты чувствуешь её кожей».

Таким образом, Муста-Тунтури – не просто точка на карте, а многослойный символ, соединяющий прошлое и настоящее. Сохранение памяти о нём требует не только научной работы, но и эмоционального вовлечения новых поколений через искусство, образование и прямое участие в исследовании истории. Только так «забытые» фронты перестанут быть тире между датами в учебнике, а станут живым напоминанием о цене Победы.

Список литературы

1. Латышев, А.В. Забытые участники войны: перспективы изучения отдельных штурмовых офицерских батальонов // Журнал региональной истории. 2020. Т. 4. № 2. С. 45-61.
2. Быстрова, Г.Д. Муста-Тунтури – Лиинахамари. Народные истории о послевоенных Лиинахамари и полуостровах Рыбачий и Средний. // Заполярный Мурманской области: Опимах, 2021. 254 с.
3. Волонтеры-историки из Мурманской области вместе с сотрудниками ВятГУ посетили защитника Заполярья из Кирова. URL: <https://www.vyatsu.ru/internet-gazeta/volonteryi-istoriki-iz-murmanskoy-oblasti-vmeste-s.html> (дата обращения: 01.05.2025).

МЕЖПОКОЛЕННАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КАК РЕСУРС РОСТА УРОВНЯ СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ INTERGENERATIONAL CONTINUITY AS A RESOURCE FOR INCREASING THE LEVEL OF SOCIAL WELL-BEING

Э.К. Наберушкина

Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва

E.K. Naberushkina

Financial University under the government of the Russian Federation, Moscow

Исследуются некоторые аспекты межпоколенческих отношений в современном российском обществе. На фоне цифрового развития и турбулентности в социально-экономическом, социально-политическом и социокультурном поле происходит изменение семейных ценностей, увеличиваются социальные дистанции между старшим и младшими поколениями, что ослабляет культурный и социально-экономический капитал современной семьи. Представлены эмпирические результаты исследования по проблеме.

The article examines some aspects of intergenerational relations in modern Russian society. Against the background of digital development and turbulence in the socio-economic,

socio-political and socio-cultural field, family values are changing, social distances between the older and younger generations are increasing, which weakens the cultural and socio-economic capital of the modern family. Empirical research results on the problem are presented.

Ключевые слова: межпоколенческие отношения, молодежь, ценности, преемственность, семейное благополучие.

Keywords: intergenerational relations, youth, values, continuity, family well-being.

В условиях, когда фиксируются социально-демографические перемены, изменение семейных структур и ценностных ориентаций молодого поколения, происходит трансформация межпоколенческих отношений, граничащая с системным кризисом, при котором усиливаются различия и противоречия между поколениями. Ряд российских исследователей отмечают, что изменение семейных ценностей под воздействием глобальных процессов ведет к ослаблению традиционного влияния старшего поколения на молодежь, что деструктивно сказывается на передаче семейных норм и установок, ослабляет культурный и социально-экономический капитал современной семьи [1]. В то же время конфликты между поколениями могут быть как деструктивными, так и конструктивными, они могут способствовать обновлению норм, но при этом несут риски снижения уровня семейного благополучия. «Современные семьи демонстрируют открытость к новым формам взаимодействия между поколениями, однако это не исключает возникновения разногласий по вопросам воспитания, финансовой поддержки и распределения обязанностей внутри семьи» [2; 3]. Проблемная ситуация заключается в том, что, с одной стороны, семейные институты продолжают играть ключевую роль в социокультурном развитии общества, а межпоколенческие связи остаются ключевым элементом семейного благополучия, а с другой стороны, наблюдается межпоколенческий разрыв, изменение моделей взаимодействия в семье и обществе.

В рассмотрении межпоколенческой преемственности как ресурса роста социального благополучия теоретической основой ожидаемо выступает концепция социального капитала П. Бурдье [4], где семейные интеракции анализируются через категории экономического, социального, культурного и символического капитала. Современные российские исследователи, развивая классическую теорию капиталов, подчеркивают, что современное общество характеризуется ростом индивидуализма, ослаблением семейных связей, однако в семьях, где поддерживается преемственность поколений, уровень семейного благополучия остается высоким [5, с. 134]. Сегодня цифровой разрыв между поколениями одновременно сближает и разделяет. С одной стороны, формируются новые

формы сотрудничества, например, обратное наставничество или цифровое опекуновство, а с другой стороны, наблюдается добровольная сегрегация поколений в цифровом пространстве, когда молодёжь и старшие люди предпочитают разные коммуникационные платформы, что снижает интенсивность межпоколенческого диалога. Проявляется культура отмены, выраженная в пересмотре общественных норм и переоценке достижений старших поколений. По данным всероссийского опроса, около трети российской молодежи считает взгляды представителей старших поколений устаревшими и вряд ли полезными для решения современных проблем. Особенно этого мнения придерживаются молодые люди 18-24 лет, среди которых доля скептиков достигает 36% [6].

Молодежь, находясь в постоянном информационном потоке, всё чаще подвергает сомнению ценности и нормы, которые ранее воспринимались как неизменные. Так, важной тематикой в межпоколенческой преемственности остаются воспоминания о Великой Отечественной войне. С целью установить, что означает для современных молодых людей Великая Отечественная война, в 2020 г. ученые из Ростова-на-Дону провели исследование, которое показало, «что лишь не более 6% участников опроса в каждом из обследованных субъектов высказали мнение, что для них Великая Отечественная война – далекое прошлое, и события военной поры сейчас не актуальны. Чувство гордости за одержанную победу испытывают около четверти всех респондентов. 1/3 опрошенных, наряду с гордостью за Победу, отмечают горечь от понесенных потерь. Еще у 1/3 молодых людей воспоминания о войне вызывают чувство скорби и разочарования из-за понесенных потерь, разрушений и жертв. Около 2/3 респондентов полагают, что знание о событиях Великой Отечественной войны необходимо современной молодежи, так как осведомленность в отечественной истории является необходимым компонентом сознания культурного человека [7]. На почве общего исторического наследия во многом формируется преемственность поколений. Вместе с тем «около половины молодых респондентов считают, что информация о Второй мировой войне является элементом информационных войн и манипуляций сознанием молодежи» [7]. В этой связи социальные и информационные технологии, направленные на преемственность и сближение поколений, должны учитывать аксиологическую матрицу зуммеров и миллениалов, а не представлять собой агональную стратегию.

Внешние обстоятельства и конкретные ситуации начинают играть большую роль в определении того, как складываются отношения между

поколениями. О.Н. Бурмыкина [3] исследовав представления молодежи о семье, зафиксировала парадоксальный тренд: традиционная приверженность семейным ценностям и значимость родственных уз сохраняются, однако молодое поколение становится более прагматичным во взаимоотношениях с родителями. Это может означать, что помощь и общение между поколениями всё больше зависят от реальных возможностей и условий (например, географической разобщённости, экономической ситуации, общего социокультурного фона). Тем не менее, главный вывод остаётся прежним: межпоколенческая поддержка укрепляет семью. Там, где старшее и младшее поколения сохраняют контакт и взаимопомощь, семья более устойчива к турбулентностям и более благополучна.

Для понимания влияния межпоколенческих отношений на социальное благополучие нами было проведено собственное исследование методом глубинного интервью. Нас интересовал вопрос отношений между молодыми родителями и их пожилыми родственниками – бабушками и дедушками. Для этого было выбрано 10 респондентов: 5 молодых мам и пап (3 женщины и 2 мужчины) и 5 представителей поколения 65+ (3 женщины и 2 мужчины). Это разделение позволило выявить различия в восприятии межпоколенческих отношений и их влиянии на семейное благополучие в разных возрастных группах. Анализ показал сложную динамику взаимоотношений, где переплетаются элементы преемственности и конфликта, поддержки и отчуждения. Центральное место в межпоколенческих взаимодействиях занимает вопрос семейных традиций, которые выступают одновременно и связующим звеном, и предметом разногласий. Представители старшего поколения подчеркивают важность сохранения традиционных форм семейного взаимодействия. Однако молодые люди демонстрируют более избирательное отношение к традициям, часто пересматривая их содержание и форму. Интерес представляет процесс формирования новых, адаптированных к современным условиям традиций.

«Моя старшая дочь придумала в выходной день пить вместе со мной утренний кофе. Она приглашает меня в воскресенье, варит ароматный кофе, печет сырники, и мы обмениваемся новостями за неделю!», (Валентина, 69 лет).

Эмоциональная поддержка между поколениями выступает ключевым фактором семейного благополучия. Молодые родители особенно отмечают ее значимость в условиях множественных социальных нагрузок.

«Поддержка со стороны старшего поколения проявляется в помощи справиться со всем: будь то дом, работа, семья или досуг. Поддержка в том, что она дает уверенность», (Инесса, 27 лет).

Конфликтный потенциал межпоколенческих отношений наиболее ярко проявляется в вопросах воспитания детей.

«Мы с женой хотим быть независимыми, а старшее поколение часто вмешивается в наши дела», (Иван, 27 лет).

«Если возникает спор, я всегда прошу привести пример или обоснование. Объясняю свою позицию, говорю, что за воспитание ребенка я несу ответственность», (Ольга, 26 лет).

Важным аспектом межпоколенческих коммуникаций является их пространственная организация. Люди, живущие рядом с родственниками, демонстрируют более тесные и регулярные контакты, а дистанционные отношения, поддерживаемые с помощью цифровых технологий, хотя и сохраняют связь между поколениями, создают ощущение определенной отстраненности.

Общение с информантами позволило выявить три ярких типа межпоколенческих отношений. Первый – поддерживающие отношения, которые характеризуется высокой степенью эмоциональной близости, регулярной взаимопомощью и уважением к автономии каждого поколения.

«Мои родители помогают с воспитанием ребенка, передают ему свой жизненный опыт, а я, в свою очередь, помогаю им в вопросах, связанных с техникой», (Алекс 25 лет).

Второй тип – автономно-уважительные отношения. В таких семьях поколения сохраняют значительную независимость, но при этом демонстрируют базовое уважение и готовность к диалогу.

«Мы с мужем склонны к более современным подходам, но стараемся слушать старших. Решения всегда принимаются самими», (Ольга, 24 года).

Третий тип – конфликтные отношения с постоянной напряженностью и частыми столкновениями из-за различий в ценностях и подходах к воспитанию. Границы между этими типами взаимодействий старших и младших не являются жесткими.

Обзорный анализ проблематики межпоколенческих отношений и вопросов преемственности традиций и ценностей позволяет заключить, что перспективным направлением дальнейших исследований могло бы стать более детальное изучение новых форм межпоколенческой солидарности на фоне разрыва единого исторического пространства и трансформации исторической памяти, в частности о Великой Отечественной войне в постсоветской России.

Список литературы

1. Глобализация как фактор влияния на формирование семьи и семейных ценностей в современной России // Труды Московского гуманитарного университета. – 2023. № 3. С. 112–126. – URL: <https://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/447> (дата обращения: 02.09.2025).
2. Сапоровская, М.В. Межпоколенный конфликт и психологическое благополучие семьи // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhpokolennyu-konflikt-i-psiologicheskoe-blagopoluchie-semi> (дата обращения: 02.09.2025).
3. Бурмыкина, О.Н. Тенденции изменений межпоколенных семейных отношений // Петербургская социология сегодня. 2019. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-izmeneniy-mezhpokolennyh-semeynyh-otnosheniy> (дата обращения: 02.09.2025).
4. Бурдые, П. Социология социального пространства: общ. ред. пер. Н.А. Шматко. – Санкт-Петербург: Алетей, 2005. 288 с.
5. Сизова, М.А. К вопросу изучения связи между поколениями в семье // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2010. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-izucheniya-svyazi-mezhdu-pokoleniyami-v-semie> (дата обращения: 24.09.2025).
6. Ценности российской молодежи // ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 10.09.2025).
7. Восприятие итогов Великой Отечественной войны в молодежной среде современной России: информационно-аналитические материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ростов н/Д. 28-29 февраля 2020 г. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС. 2020. 160 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ ИВАНОВЦЕВ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ SOCIAL MEMORY OF IVANOV RESIDENTS ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Е.В. Панкратова, Н.А. Птицына
Ивановский государственный университет, г. Иваново
E.V. Pankratova, N.A. Ptitsyna
Ivanovo State University, Ivanovo

Приводятся данные социологического опроса населения г. Иваново, посвященного изучению различных аспектов социальной памяти о Великой Отечественной войне. Делается вывод, что сохранение социальной памяти о войне имеет большое значение для ивановцев. Решающим фактором победы над фашизмом выступает героизм

соотечественников на фронте и в тылу. Ивановцы считают победу в войне героическим подвигом советского народа и убеждены в необходимости передачи знаний о войне молодежи. Основными хранителями семейных традиций, связанных с военными событиями, выступают представители старших возрастных групп. Среди любимых ивановцами фильмов о прошедшей эпохе лидируют «В бой идут одни старики» (режиссер Л. Быков, 1973), «А зори здесь тихие» (режиссер С. Ростоцкий, 1972).

The article presents data from a sociological survey of the population of Ivanovo devoted to the study of various aspects of social memory about the Great Patriotic War. It is concluded that preserving the social memory of the war is of great importance for Ivanovo residents. The decisive factor in the victory over fascism was the heroism of compatriots at the front and in the rear. Ivanovo residents consider the victory in the war to be a heroic feat of the Soviet people and are convinced of the need to pass on knowledge about the war to young people. The main keepers of family traditions associated with military events are representatives of older age groups. Among the favorite films about the past era among Ivanovo residents, the leaders are “Only Old Men Are Going to Battle” (directed by L. Bykov, 1973), “The Dawns Here Are Quiet” (directed by S. Rostotsky, 1972).

Ключевые слова: социальная память, население г. Иваново, Великая Отечественная война.

Keywords: social memory, population of Ivanovo, Great Patriotic War.

В современном мире человек каждый день сталкивается с огромным потоком различной информации, которую фиксирует и классифицирует, ориентируясь на принятую в социуме систему ценностей и социальную память поколений. Важное значение для общества имеет содержательное наполнение памяти, ее организация, сроки сохранения тех или иных фактов, что определяется социальными и культурными рамками [1].

Социальная память как категория прошла долгий путь своего формирования в теориях различных ученых и философов. Начиная с Античности, когда Платон и Аристотель рассматривали память в качестве индивидуального средства запоминания и воспроизводства наиболее значимых событий в жизни индивида. Социальная память начала постепенно обретать форму в работах Френсиса Бэкона и Джона Локка [2]. Разработки этой проблематики продолжались на протяжении XIX века, когда ученые, работавшие в рамках феноменологического подхода (Э. Гуссерль, А. Шюц, П. Бергер и Т. Лукман), окончательно отошли от индивидуально-биологической трактовки памяти и придали её изучению социальный характер [3-5]. Они отмечали, что у представителей одной и той же социальной группы под воздействием одинаковых условий возникают сходные воспоминания, укрепляющие их связь между собой. Представители функционального подхода (Э. Дюркгейм и М. Хальбвакс) использовали понятие «память коллектива», которая формируется в результате каких-либо

совместных действий и не является просто суммой индивидуальных памяти [6; 7]. Ученые-постструктуралисты (П. Нора, Ж. Бодрийяр и П. Бурдьё) считали, что социальная память состоит из несуществующих, ложных понятий – симулякров, тем не менее прочно вошедших в общественное сознание [8; 9; 10].

В целях изучения различных аспектов социальной памяти жителей областного центра о Великой Отечественной войне было проведено социологическое исследование (Иваново, 2022) методом анкетного опроса с использованием квотного типа выборки (n=384). В число основных вопросов, раскрывающих содержание социальной памяти о ВОВ, входили изучение мнения ивановцев о факторах победы над фашизмом, оценки необходимости передачи знаний младшим поколениям, выявление семейных традиций и значимости семейных реликвий, связанных с ВОВ, а также проведение тематического досуга.

В качестве решающего фактора победы над фашизмом большинство жителей города Иваново назвали героизм соотечественников на фронте и в тылу. Не менее важными, по мнению горожан, являются такие факторы, как партизанское движение и патриотизм (рис. 1). Представители возрастной группы 65 и старше особое значение придают следующим факторам: ненависть к фашизму, советское воспитание, партизанское движение, превосходство советской военной техники и гений генералиссимуса Сталина.

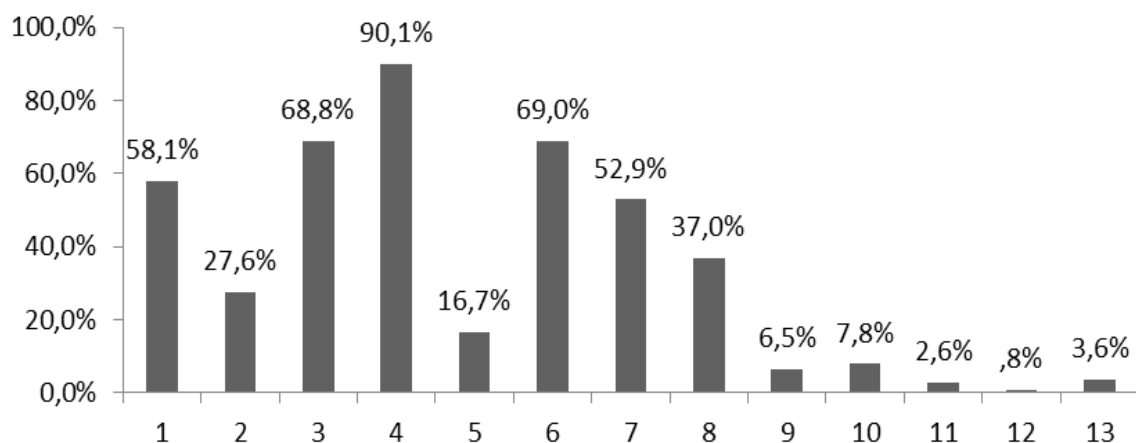

Рис. 1. Мнение ивановцев о решающих факторах победы над фашизмом, в% (n=384)

1 – Ненависть к фашизму. 2 – Советское воспитание. 3 – Патриотизм. 4 – Героизм на фронте и в тылу. 5 – Открытие союзниками Второго фронта. 6 – Партизанское движение. 7 – Наличие талантливых полководцев и военачальников. 8 – Огромная территория СССР, суровый климат, бездорожье. 9 – Единство партии и народа. 10 – Превосходство советской военной техники. 11 – Руководящая роль ВКП (б). 12 – Поддержка власти православной церковью. 13 – Гений генералиссимуса Сталина

Большее половины жителей города Иваново считают, что они понимают значимость этого события в истории России, знают основные этапы и результаты Великой Отечественной войны, но затрудняются указать точные даты и имена (64,3%). При этом для четверти ивановцев (25,5%) ВОВ – это "великая победа наших отцов и дедов", для трети опрошенных – это трагическое событие, унесшее жизни многих людей (35,2%). Большинство опрошенных (39,3%) полагают, что это – героический подвиг советского народа (39,3%).

Великая Отечественная война – это великая победа наших отцов и дедов, такое мнение чаще других высказывали представители возрастной группы 65 и старше. Для представителей возрастных групп от 35 до 44 и от 45 до 54 лет – это в большей степени героический подвиг советского народа. Респонденты, входящие в возрастные группы от 18 до 24 и от 25 до 34 лет считают ВОВ трагическим событием, унесшим жизнь многих людей (рис. 2). Абсолютное большинство ивановцев (96,4%) считают необходимым передавать знания о Великой Отечественной войне последующим поколениям (рис. 3).

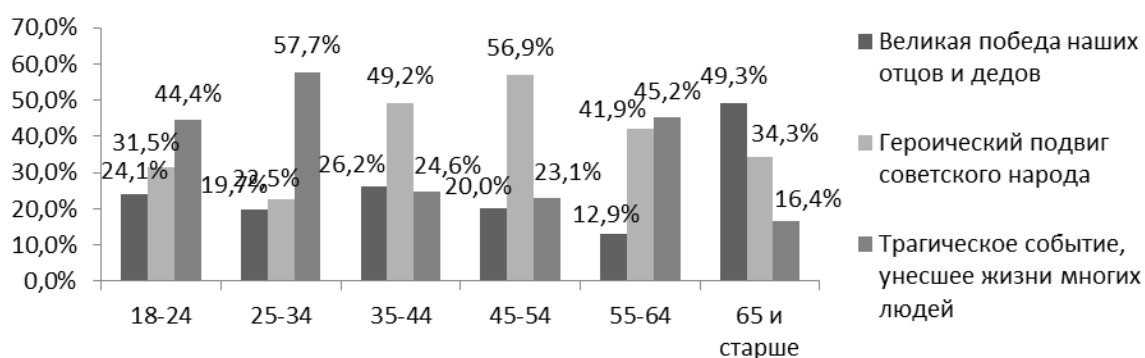

Рис. 2. Значение ВОВ для респондентов в зависимости от возраста, в% (n=384)

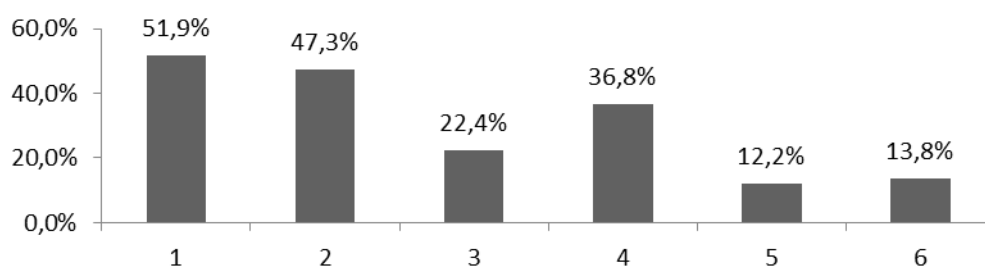

Рис. 3. Распределение мнения ивановцев о причинах необходимости передачи знания о ВОВ будущим поколениям, в% (n=370)

1 – Чтобы такая война больше не повторилась. 2 – Чтобы люди всегда помнили о тех, кто пожертвовал собой ради будущего. 3 – Для формирования и сохранения единства народа. 4 – Это способствует воспитанию нравственности у молодого поколения. 5 – Это способствует развитию патриотических качеств у молодого поколения. 6 – Это заставляет ценить жизнь.

Как видим, память о ВОВ необходимо передавать последующим поколениям, чтобы такая война больше не повторилась (51,9%); чтобы люди всегда помнили о тех, кто пожертвовал собой ради будущего (47,3%); в целях воспитания нравственности молодого поколения (36,8%). Респонденты в возрастном диапазоне от 35 до 44 лет, в основном, считают, что важно сохранить память о тех, кто пожертвовал собой. Жители города в возрасте от 55 до 64 лет полагают, что передача знаний необходима для воспитания нравственности молодежи. Представители возрастной группы 65 лет и старше убеждены, что сохранение и передача памяти о войне необходимы, чтобы предотвратить повторение такой войны.

В ходе исследования выявлено, что традиции, связанные с Великой Отечественной войной, существуют в семьях у половины жителей города Иваново (51,6%). Хранителями семейных традиций в большей мере выступают представители старших возрастных групп: от 35 до 44 лет (61,5%), от 45 до 55 лет (60,0%), от 55 до 64 лет (56,5%) и от 65 и старше (77,6%).

Среди наиболее распространенных реликвий ВОВ, хранящихся в семьях опрошенных (см. рис 4), превалируют фотографии военного времени, медали и письма с фронта. Особую ценность эти вещи представляют для старшего поколения.

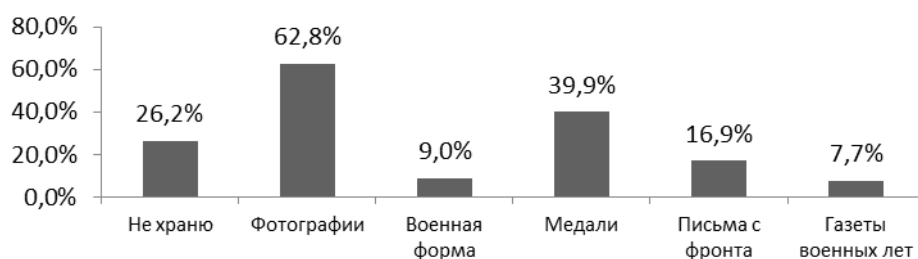

Рис. 4. Хранение памятных семейных вещей времен ВОВ, в% (n=384)

История страны отражена в фильмах о войне. Причем, многие военные фильмы – это не просто кино, а памятники, которые не дают забыть о героических страницах жизни наших соотечественников на фронте и в тылу, внесших огромный вклад в достижение победы над фашизмом. Как оказалось, треть жителей областного центра смотрят фильмы о ВОВ часто (причем, в этой группе респондентов доминируют мужчины), а менее половины опрошенных (44,3%) такую форму проведения досуга выбирают «иногда». На рисунке 5 представлено распределение мнения респондентов о любимых военных фильмах.

Рейтинг фильмов, любимых ивановцами, возглавили такие советские военные картины, как «В бой идут одни старики» (режиссер Л. Быков, 1973),

«А зори здесь тихие» (режиссер С. Ростоцкий, 1972). Следует отметить, что подавляющее большинство фильмов, посвященных ВОВ, названных жителями города, были сняты в СССР, что может свидетельствовать о высоком уровне советского кинематографа.

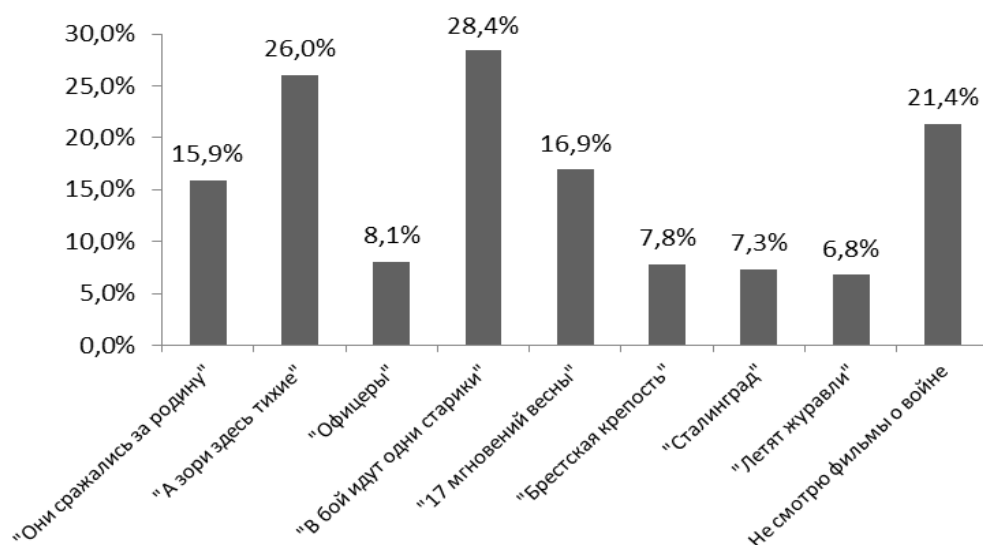

Рис. 5. Любимые фильмы о ВОВ, в% (n=384)

Наряду с просмотрами фильмов о ВОВ, около половины жителей областного центра (45,6%) посещают культурные объекты и мероприятия, связанные с военной тематикой, в том числе художественные выставки, музыкальные концерты, театральные постановки. В то же время 54,4% опрошенных не включают в проведение своего досуга мероприятия, связанные с военной тематикой.

Данные исследования показывают, что сохранение социальной памяти о войне имеет большое значение для ивановцев. Решающим фактором победы над фашизмом респонденты считают героизм соотечественников на фронте и в тылу. Несмотря на то, что Великая Отечественная война все дальше уходит в историю, более половины жителей города Иваново убеждены, что понимают значимость этого события в истории страны и считают победу героическим подвигом советского народа. Респонденты полагают, что необходимо передавать знания о ВОВ молодежи, чтобы не допустить повторения такой войны. Основными хранителями семейных традиций, связанных с военными событиями, выступают представители старших возрастных групп. Среди семейных реликвий преобладают фотографии военных лет, награды участников фронта и тыла, письма с полей сражений. Отражением событий военных лет служат произведения кинематографии, среди любимых ивановцами фильмов о прошедшей эпохе лидируют такие советские военные картины, как «В бой идут одни старики» (режиссер

Л. Быков, 1973), «А зори здесь тихие» (режиссер С. Ростоцкий, 1972). Около половины жителей областного центра в рамках организации своего досуга посещают культурные объекты и мероприятия, связанные с военной тематикой, в том числе художественные выставки, музыкальные концерты, театральные постановки. Очевидно, что в современных условиях очень важно сохранить социальную память об этой войне и передать молодежи уважение к подвигу старшего поколения, которое самоотверженным трудом на фронте и в тылу смогло одержать победу над фашизмом.

Список литературы

1. Репина, Л.П. Культурная память и проблемы историописания // Гуманитарные исследования ИГИТИ. Москва ГУ ВШЭ 2003. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/77944920> (дата обращения: 12.08. 2025).
2. Бэкон, Ф. Новый органон / Пер. С. Красильщиков. – М.: Издательство Юрайт, 2025. 242 с.
3. Гуссерль, Э. Собрание сочинений. Т.1. Феноменология внутреннего сознания времени. – М.: Гнозис, 1994. 192 с.
4. Щюц, А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль / Под ред. В.И. Добренькова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. 496 с.
5. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Моск. филос. фонд, 1995. 324 с.
6. Дюркгейм, Э. Представления индивидуальные и представления коллективные // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. С. 208-243.
7. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступительная статья С.Н. Зенкина М.: Новое издательство, 2007. 105 с.
8. Нора, П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1999. С. 17-50.
9. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Пер. с фр. А. Качалова. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
10. Бурдье, П. Социология политики / Пер. с фр.; сост., общ.ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.

**ОБРАЗЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И ИСТОЧНИКИ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ В СОЗНАНИИ КУРСАНТОВ
УРАЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ГПС МЧС РОССИИ**
**IMAGES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AND SOURCES
OF THEIR FORMATION IN THE CONSCIOUSNESS OF CADETS
OF THE URAL INSTITUTE OF STATE FIRE SERVICE
OF EMERCOM OF RUSSIA**

Г.В. Талалаева

Уральский институт ГПС МЧС России, г. Екатеринбург

G.V. Talalaeva

Ural Institute of State Fire Service of EMERCOM of Russia, Yekaterinburg

Представлен анализ результатов опроса обучающихся ведомственного вуза, принявших участие во Всероссийском мониторинговом исследовании «Студенчество о Великой Отечественной войне», инициированном Российским обществом социологов (295 человек). Установлена гетерогенность респондентов по двум признакам: наличие памяти об участии их родных в событиях ВОВ и субъективное восприятие праздника «День Победы».

The article presents an analysis of the results of a survey of students of a departmental university who took part in the All-Russian monitoring study "Students about the Great Patriotic War", initiated by the Russian Society of Sociologists (295 people). The heterogeneity of the respondents was established on two grounds: the memory of their relatives' participation in the events of the Second World War and the subjective perception of the Victory Day holiday.

Ключевые слова: Великая отечественная война, восприятие, коммуникация, курсанты вуза МЧС России.

Keywords: Great Patriotic War, perception, communication, cadets of the Russian Emergencies Ministry.

Актуальность

Проведение воспитательной работы в вузах МЧС России традиционно является одной из приоритетных задач организации учебного процесса. После начала специальной военной операции на Украине и появления новых рисков и угроз комплексной безопасности населению и территориям Российской Федерации данный вид деятельности учебных заведений ведомства был усилен политико-патриотической работой с обучающимися. Об этом свидетельствуют ведомственные приказы федерального и регионального уровня: Приказ МЧС России от 04.12.2024 № 1084 и Приказы Уральского института ГПС МЧС России от 17.02.2025 № 182 и от 03.06.2025 № 812. Приказы актуализируют процесс воспитательной работы в вузе и адаптируют

его к современным реалиям. Если прежде воспитательная работа преподавателей с курсантами и студентами ведомственных вузов МЧС России велась с акцентом на культурно-досуговых мероприятиях, то теперь приоритетом стало «формирование высокого уровня политического сознания, патриотизма, культуры и нравственности, а также выработка навыков защиты от негативного информационного воздействия, дезинформации и деморализации». Приказ МЧС России от 04.12.2024 № 1084 детализирует виды политической и воспитательной работы, включая политико-патриотическую, индивидуально-воспитательную, культурно-просветительскую, информационно-пропагандистскую, и регламентирует инструменты организации политико-патриотической работы. Последнее предусматривает мониторинг поведения обучающихся, изучение их личности по документам, биографическим данным, углубленным интервью во время индивидуальных и групповых опросов и бесед. От себя заметим, что мониторинг представлений курсантов и студентов о Великой Отечественной Войне является эффективным инструментом оптимизации политико-патриотической работы с обучающимися.

Постановка проблемы

Изучение указанных процессов количественными методами социологических исследований особенно необходимо в текущий исторический момент, когда взаимосвязь поколений демонстрирует неоднозначные и, порой, противоречивые тренды своего развития. В частности, обнаруживаются тенденции не только демографической преемственности, но также отчуждения и разрыва поколений [1]. Кроме того, новая социальная реальность, связанная с цифровизацией социального пространства, сопровождается «рядом серьёзных проблем, негативно влияющих на перспективы социальной консолидации» [2], включая расширение возможностей манипуляции общественным сознанием с риском замены естественных способов консолидации людей иллюзорными; объединение виртуальной и физической реальностей с формированием симулякров и гиперреальности; актуализацию деструктивных тенденций в сознании людей с диссипацией (размыванием) социальной идентичности молодого поколения [3]. Данный факт необходимо учитывать при построении методологии политико-патриотической работы с обучающимися ведомственного вуза еще и по той причине, что взаимодействие преподавателей с курсантами и студентами совпадает с таким этапом социальной идентификации обучающихся, в структуре которой отчетливо присутствует потребность обретения самостоятельности молодого поколения по отношению к родителям и опыту старшего поколения. При этом

«воспитание когнитивной культуры (учить думать, запоминать, понимать для достижения способности к критическому мышлению как преграды манипулированности со стороны социума, конкретной общности, малой группы, индивидов) представляется сложным и многогранным процессом, а «система социокультурной функции семьи ... предполагает постоянно усложняющееся с возрастом интеллектуальное освоение внешнего и внутреннего мира с применением новых технологий» [4, с. 71]. Многозадачность и диалектичность технологий коммуникации старшего поколения с молодежью осложняется множественными феноменами, включая баланс когнитивного и эмоционального отклика на обсуждаемые вопросы [5], вариативность агнотопена как вариантов незнания истории и невозможности экстраполяции опыта прошлого в будущее (незнание от отрицания, незнание от утверждения, незнание по определенности) [6]; дисбаланс трех уровней речевого взаимодействия (конвенциональности, интенциональности, целеустремленности) [7]. IV-ый этап мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» обнаружил отсутствие конгруэнтности психологических мотивов патриотизма молодежи, «понимаемых мотивов» (рефлексируемых в сознании) и мотивов, «реально действующих», которые возможно сформировать только при условии включения их в различного рода деятельность» [8, с. 187].

Цель и задачи исследования

Целью настоящего исследования стало изучение неоднородности (гетерогенности) образа Великой Отечественной Войне у обучающихся ведомственного вуза. Сбор эмпирических данных осуществлен как составная часть Всероссийского мониторингового исследования «Студенчество о Великой Отечественной Войне», которое проводится по инициативе и методике Российского общества социологов. В опросе приняло участие 295 респондентов (курсантов и студентов первого-второго курсов Уральского института ГПС МЧС России). Опрос осуществлен в онлайн-режиме.

Полученные результаты. Установлена гетерогенность респондентов по двум анализируемым признакам: наличие памяти об участии их родных в событиях ВОВ, субъективное восприятие праздника «День Победы». По первому признаку группа распалась на три подгруппы, по второму – на две. Выделились сообщества, подтверждающие, опровергающие факт участия родных в ВОВ и не имеющие об этом информации (39,3%; 34,9% и 25,7%); воспринимающие Победу как семейное событие и как общественное мероприятие (50,5% и 45,8% от общей численности респондентов).

Выводы, заключение и практические рекомендации. Образы ВОВ у респондентов не однородны. Учет этого факта может стать объективной

основой адресного и дифференцированного подхода в организации политико-патриотической работы с обучающимися ведомственного вуза.

Список литературы

1. Саралиева, З.Х. Межпоколенные отношения: взаимодействие vs отчуждение // Старшее поколение современной России: материалы международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 13-14 октября 2021 года. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2021. С. 66-70.
2. Великих, П.К. Гибридное социальное пространство консолидации территориальных сообществ: теоретический анализ // Эффективное управление: новые возможности и потенциальные угрозы: Сборник материалов конференции, Москва, 30 октября – 01 ноября 2024 года. – Москва: Российское общество социологов, 2024. С. 56-59.
3. Талалаева, Г.В. Динамика представлений о механизмах формирования социальной идентичности молодежи: обзор публикаций РИНЦ // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2. № 3. С. 89-103.
4. Саралиева, З.Х. Реализация молодежью принципов социальной коммуникации // Коммуникативные практики современной молодежи: перспективы и вызовы: Материалы Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 15–16 сентября 2022 года. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2022. С. 68-74.
5. Антипова, А.В., Демарева, В.А. Я-концепция и самооценка пользователя как факторы «передачи» психологического профиля создаваемому аватару // Вестник психофизиологии. 2024. № 3. С. 71-73.
6. Голубинская, А.В. Антропоцен или агнотопен? Режимы незнания в эпоху климатического кризиса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 160-176.
7. Талалаева, Г.В., Демченко, О.Ю., Шевелева, В.В. Подготовка курсантов-волонтеров к кросскультурной коммуникации в условиях спортивных мегасобытий // Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований: Материалы XVIII международной научно-практической конференции. НИЦ «Академический». 2019. Т.1. С. 50-55.
8. Спасибо прадеду за Победу... Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне»: коллективная монография / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого: Мин-во науки и высшего образования РФ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 352 с.

**ПАМЯТЬ О В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ
THE MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
IN THE CONTEXT OF THE GENERAL POLICY OF MEMORY**

Ю.П. Шабает

*Институт языка, литературы и истории ФИЦ
«Кои ИЦ УрО РАН», г. Сыктывкар*

Y.P. Shabaev

*Institute of Language, Literature and History
of the Komi Scientific Research Center of the Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences, Syktyvkar*

Рассматриваются проблемы, связанные с историческим образованием и историческим просвещением в контексте памяти о Великой Отечественной войне. Указывается, что уровень исторического знания молодежи в регионах России весьма низок, но при этом лучше всего молодежь знает именно события Великой Отечественной войны, что способствует тому, что День Победы является самым почитаемым из всех государственных праздников. Однако, знание истории Отечества не может быть фрагментарным, поскольку важнейшие вехи российской истории, связанные с формированием национального единства, российской поликультурности, борьбой за независимость, должны быть представлены как единый исторический процесс и прочно усвоены как молодежью, так и всем населением, ибо историческое знание есть важный инструмент укрепления российского единства и российского патриотизма, а также способ противостоять историческим спекуляциям.

The problems related to historical education and historical enlightenment in the context of the memory of the Great Patriotic War are considered. It is pointed out that the level of historical knowledge of young people in the regions of Russia is very low, but at the same time, it is the events of the Great Patriotic War that young people know best, which contributes to the fact that Victory Day is the most revered of all public holidays. However, knowledge of the history of Patronymics cannot be fragmented, since the most important milestones of Russian history related to the formation of national unity, Russian multiculturalism, and the struggle for independence must be presented as a single historical process and firmly assimilated by both youth and the entire population, because historical knowledge is an important tool for strengthening Russian unity and Russian patriotism, as well as a way to counter historical speculation.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, политика памяти, историческое наследие, историческое образование.

Keywords: The Great Patriotic War, memory policy, historical heritage, historical education.

Важными вехами истории Отечества, оказавшими серьезное влияние на формирование российского общества являются события, положившие основу

формирования национального единства, включая Отечественную войну 1812 г. и Великую Отечественную 1941-1945 гг. Именно поэтому как официальная, так и неофициальная история этих двух войн продолжает осмысливаться и переосмысливаться. Обе войны описаны как профессиональными историками, так и очевидцами, через документы и официально зафиксированные факты истории, но также, хотя и в меньшей степени, через воспоминания и личное восприятие участников, но последние оказываются не менее значимыми материалами, свидетельством чего является творчество Л.Н. Толстого и его работа над романом «Война и мир», в котором солдатские воспоминания использовались как один из важнейших источников и стимулов для творчества великого писателя.

События Великой Отечественной войны к нам ближе, и во многих российских семьях еще хранится память о ней. Но при этом, к сожалению, очень многие воспоминания простых солдат, а не штатных ветеранов, так и остались незафиксированными или неучтенными, хотя народная память о Великой Отечественной войне есть важный инструмент социальной мобилизации и формирования общероссийской идентичности, о чем свидетельствует рождение народной инициативы «Бессмертный полк». Наверное, одной из лучших попыток посмотреть на историю Великой Отечественной войны глазами ее рядового участника, отразить «окопную правду» стали «Солдатские письма» Константина Симонова [1].

Сегодня появились инициативы, которые прямо продолжают важное дело, начатое Симоновым. В первую очередь, наверное, надо назвать проект «Непридуманные рассказы о войне» известного московского священника протоиерея Глеба Каледеы. Каледа Глеб Александрович (1921-1994 гг.) – священник Русской Православной Церкви, протоиерей; церковный писатель; доктор геолого-минералогических наук, профессор. В начале Великой Отечественной войны был призван в Красную армию. С декабря 1941 г. находился в действующих частях. В качестве радиста дивизиона гвардейских минометов «Катюш» участвовал в битвах под Волховом, Сталинградом, Курском, в Белоруссии и под Кенигсбергом. Был награжден орденом Красного Знамени и Отечественной Войны. Его воспоминания опубликованы одними из первых на страницах сайта.

Интернет-портал www.world-war.ru – электронное периодическое издание на русском, немецком и английском языках. Представляет собой архив аудио, видео и текстовых файлов, редких фотографий (в том числе из семейных альбомов) военного времени. Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-45540 от 23 июня 2011 года. Особенность проекта – наличие

переводных материалов: воспоминания участников войны из других стран – немцев, англичан, американцев, итальянцев, греков.

Есть и очень интересные и важные региональные инициативы, в которых предприняты попытки обобщить память участников войны и тружеников тыла, и среди них можно выделить пример Мордовии, где в серии документальных материалов, издаваемых НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ, опубликованы пять томов воспоминаний участников войны и тружеников тыла [2].

История Великой Отечественной войны и память о ней начинаются с семейной истории, семейных архивов и воспроизведения этой памяти в публичных акциях памяти, свидетельством чего являются упомянутые шествия Бессмертного полка, родившиеся как народная инициатива, и интернет-версии памяти, формируемые самими гражданами в канун Дня победы. Именно такое содержание празднования Дня победы сделало ритуальное оформление этого праздника наиболее действенным инструментом воздействия на общественные настроения. А потому не случайно, что эмоционально окрашенное празднование одного из важнейших государственных праздников России, который достался РФ в наследство от СССР, сделало этот праздник личным праздником и для современной молодежи, о чем свидетельствуют результаты опроса студенческой молодежи, проведенного нами в кооперации с Центром социально-политических исследований и информационных технологий РГГУ в 2023 г. в 7 регионах (см.Табл.1). В Карелии, Архангельской области, Коми, Марий Эл, Мордовии, Республике Саха (Якутия) и Республике Алтай было опрошено по 2100 респондентов (по 300 в каждом регионе) студентов, обучающихся в разных вузах и на разных курсах, и по разным специальностям.

Таблица 1

**Какие из памятных дней или праздников, связанных с историей и культурой, Вы считаете своими и РЕГУЛЯРНО особо отмечаете по своему желанию?
Укажите все праздники, которые Вы регулярно отмечаете, в %**

Вариант ответа	В целом по выборке
День Победы	73,6
Главные религиозные праздники (Рождество, Пасха, Курбан-Байрам и т.д.)	58,2
День города	39,0
День защитника Отечества	46,9
День России	29,0
День республики/области	17,0
День весны и труда	31,2
День Народного единства	17,9
Другой ответ	8,9

Но память о войне и празднование Дня Победы не могут и не должны быть изолированы от общего исторического контекста, то есть от тысячелетней истории Государства Российского и приуроченных к важнейшим вехам этой истории государственным праздникам. Только формируя прочные и глубоко укорененные убеждения о том, что Россия на протяжении веков последовательно формировала свою государственность и укрепляла единство всех населяющих её народов и религиозных сообществ можно сформировать прочную основу российской гражданской нации и сохранить её культурную основу.

Государственные праздники есть форма, посредством которой политические институты и государственная власть стремятся консолидировать общество, показать глубокие исторические корни национального единства, формируют патриотические настроения и укрепляют общую идентичность своих граждан. Здесь весьма интересно проследить, как старые праздники, имеющие «советские корни», сочетаются с новым пантеоном государственных ритуалов, рожденным в постсоветскую эпоху, и с религиозными праздниками, которые в советские годы официально не поощрялись и нередко откровенно осуждались. Очевидно, что старые советские праздники, а также религиозные для современной молодежи более значимы, чем общероссийские гражданские торжества. При этом стоит заметить, что и День России, и День Российского флага, и День народного единства имеют как глубокие исторические корни, так чрезвычайно важное символическое значение, особенно в деле укрепления общероссийской идентичности, межнационального согласия российского общества и пропаганды российского патриотизма. При этом обращает на себя внимание тот факт, что молодежь в регионах России считает своим личным праздником в первую очередь День победы, что связано с широким освещением в школьном курсе истории и в исторической пропаганде именно темы ВОВ. Анализ исторической памяти молодежи показывает, что именно сведения о войне прочно укоренились в системе исторических взглядов современной молодежи (и еще сведения о распаде СССР).

Что же касается таких важнейших вех истории, как возникновение Государства Российского, период смуты и роль «Совета всея земли» в формировании народного ополчения под руководством Минина и Пожарского, освобождении страны от иностранных оккупантов, освоения Сибири, Отечественной войны 1812 г., уровень знаний о них у молодежи очень низкий, равно как и у всего населения страны в целом.

Опросы, проведенные нами в 2017-2023 гг. в ходе реализации целой серии исследовательских проектов, тестирование исторических знаний

студентов-первокурсников показали давно известный факт: уровень исторического знания даже у выпускников школ, только освоивших курс истории Отечества, является крайне низким.

Такая ситуация не позволяет добиться целостного восприятия отечественной истории и показать глубокие исторические корни российского единства, формирование которого на протяжении столетий и позволило победить в итоге в самой кровопролитной войне в истории России. Более того, отсутствие комплексных знаний об истории Отечества у молодежи и низкий общий уровень знаний об истории страны и ее отдельных народов, регионов не позволяет эффективно противостоять историческим спекуляциям, искажению истории России в целом и отдельных её регионов – в частности, не способствует так называемым войнам памяти, эффективно противостоять которым не всегда получается, поскольку уровень исторической подготовки государственных служащих, в компетенции которых должны находиться вопросы противодействия попыткам разрушить гражданское единство в России извне, или изнутри тоже оставляет желать лучшего.

Результаты исследований диктуют необходимость повысить качество исторического образования в регионах России, для чего, вероятно, надо существенно менять методики и формы постижения исторического знания, уделяя значительное внимание сочинениям на исторические темы, урокам-дискуссиям, интерактивным методам презентации исторических событий. И в учебниках истории, и в практиках исторического образования этой стороне учебного курса истории до сих пор уделяется явно недостаточно внимания, хотя учебная база средней школы в последнее время активно обновляется. Оценить новый учебно-методический комплекс можно будет, лишь проверив его на практике, хотя очевидно, что помимо школьных учебников необходимо обновлять и вузовские учебно-методические материалы и делать более эффективной политику памяти как на общенациональном, так и особенно на региональном уровне.

Список литературы

1. Симонов, К. Солдатские мемуары: документальные сценарии. М.: Искусство, 1985; Симонов К. Письма о войне 1943–1979. – М.: Советский писатель, 1990.
2. Великая Отечественная война: устная история: Свидетельства участников боев, работников тыла и детей войны / Сост.: Е.Н. Бикейкин и др. Отв. ред. В.А. Юрчёнков, Е.Н. Бикейкин. – Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2015. 2017. Т. 1. С. 5.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ И ВЗАИМОПОМОЩИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОГО КОДА EXPERIENCE OF SOCIAL ASSISTANCE AND MUTUAL ASSISTANCE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR AS THE BASIS OF THE NATIONAL CODE

О.А. Аникеева

Российский государственный социальный университет, г. Москва

О.А. Anikeeva

Russian State Social University, Moscow

Исследуется опыт социальной взаимопомощи в годы Великой Отечественной войны как проявление национальных культурных норм и традиций, а также проявление органической связи с идеологическими ценностями советского периода. Сделан вывод, что симбиоз этих понятий лежит в основе нашего национального и культурного кода.

The article explores the experience of social mutual assistance during the Great Patriotic War as a manifestation of national cultural norms and traditions, as well as a manifestation of an organic connection with the ideological values of the Soviet period. It was concluded that the symbiosis of these concepts underlies our national and cultural code.

Ключевые слова: социальная взаимопомощь, Великая Отечественная война, мотивация взаимопомощи, национальный код, традиционные ценности.

Keywords: social mutual assistance, the Great Patriotic War, motivation for mutual assistance, national code, traditional values.

В изучении истории Великой Отечественной войны главное внимание, конечно, уделяется боевым действиям, подвигу тружеников тыла. Но есть еще одна сторона военного опыта, которая очень ярко характеризует наш народ. Это опыт помощи и взаимопомощи советских людей в эти годы великих испытаний.

Государственная социальная помощь была велика, несмотря на крайне тяжелое положение: выплачивались пособия семьям военнослужащих, пособия по беременности и родам, пенсии пожилым гражданам и инвалидам Великой Отечественной войны, была установлена серия льгот (по коммунальным платежам, по оплате обучения детей), выделялись продовольственные наборы, детские продуктовые пайки. Отдельной темой стала забота о детях, оставшихся без родителей: открывались детские дома и

приюты, ясли и детские сады [1]. Однако, без массовой поддержки самих граждан страны справиться с бедами было бы невозможно.

Социальная взаимопомощь оценивается в литературе как важнейшая закономерность в становлении социальной работы. А если рассматривать еще шире – то и закономерность становления человечества в целом. Именно так оценил ее русский мыслитель П.А. Кропоткин: это основополагающий фактор эволюции человечества, в основе которой лежит доверие [2]. Понятие «социальной взаимопомощи» противоположно понятию «конкуренция» (противостоянию, конфликту, защите эгоистических интересов).

Такая трактовка очень близка современному пониманию культурного или национального кода [3], которое, в свою очередь, лежит в основе национального и культурного самоопределения и самосознания народа: это «сложившееся в коллективном сознании представление о фиксированном наборе национальных культурных ценностей и смыслов, поведенческих стереотипов, традиций и обычаев в историческом контексте» [4, с. 49].

В годы Великой Отечественной войны проявились многообразные формы социальной взаимопомощи: усыновление и опека детей, помощь раненым, помощь в госпиталях, помощь одиноко проживающим пожилым и многодетным семьям, соседская помощь. Нередко эти формы носили организованный и целенаправленный характер: тимуровское движение; комсомольское шефство; участие жильцов в противопожарной безопасности, помощь беженцам и переселенцам. Очень важно отметить, что все эти формы и направления работы были проявлением сознательного выбора людей, их ценностей, которыми они руководствовались в повседневной жизни. Причем это были те ценности, которые сближали людей разных национальностей, разных уровней образования и культуры.

Изучение эпистолярных документов, переписки, публицистики, художественной литературы, документальных и художественных фильмов военного и послевоенного времени позволяет сделать выводы о приоритетных установках и мотиваторах взаимопомощи.

Первое: это, безусловно, такой мотиватор и такая ценность, как милосердие и сострадание. Эта черта была свойственна национальному коду всех народов, входивших в состав СССР, независимо от национальной принадлежности или вероисповедания. Вхождение в новую эпоху, связанную с идеологией коммунизма, оказалось, с точки зрения культурного кода, непротиворечивым. За очень короткий срок (с 1917 по 1941 гг., т. е. менее, чем за четверть века) был заложен культурный код, впоследствии получивший название «советский человек». Очевидно, что при

насильственном насаждении определенных ценностей и установок такого просто не могло произойти.

Вторым мотиватором можно назвать чувство справедливости, осознания того факта, что люди оказались в беде не по своей воле и страдают несправедливо. И рядом идет третий мотив: готовность лично участвовать в преодолении (исправлении или коррекции) этой несправедливости. Значимость не только ценностного, но и деятельностного участия во взаимопомощи, становится особенно яркой, если помнить о том, какие беды и лишения испытывали сами граждане, помогавшие друг другу: принимали в семьи детей при том, что собственные дети, как и взрослые, жили впроголодь; девушки, отработав тяжелейшую смену на заводе, шли помогать немощным старикам или в ночное дежурство по противопожарной охране. Даже дети и подростки включились в эту деятельность, и тимуровское движение на долгие годы и после войны стало для нашего общества знаковым [5].

Конечно, надо иметь в виду и идеологический фактор, который, в отличие от традиционных, народных мотивов, стал результатом большой целенаправленной идеологической работы. Но нельзя не увидеть, что основные мотиваторы участия в социальной помощи и взаимопомощи имели глубокие корни в народной культуре. В этом плане большая деятельность государства и партийных органов, направленная на организацию социальной помощи и взаимопомощи, оказалась не в противоречии, а в согласовании с нормами народной культуры и содействовала формированию культурного кода. Таким образом, надо признать, что опыт Великой Отечественной войны особенно хорошо показал органичность симбиоза культурных корней и коммунистической идеологии в лучших её проявлениях: в осознании солидарности, деятельной помощи (причем, в большинстве случаев не зависимо от социально-классовых различий, даже в условиях активного насаждения классового подхода).

Но этот же анализ литературных источников и художественных произведений показывает, как мало фильмов о подвиге обычных граждан, принимавших в семью детей блокадного Ленинграда, беженцев из прифронтовых областей. Как печально встречать появляющиеся заявления о том, что все это было «по принуждению» и «из-под палки»! А ведь именно обращение к реальному (а не вымышленному) историческому опыту помогает не только сохранять историческую память, но и формировать мировоззрение и ценностные установки новых поколений.

Пилотный опрос студентов направлений подготовки «социальная работа» и «организация работы с молодежью», проведенный в 2025 г. в Российском государственном социальном университете, показал, что

осведомленность об опыте взаимопомощи в годы Великой Отечественной войны очень мала. Опрошено 68 студентов 1–3 курсов. Только половина опрошенных смогла без помощи интервьюеров назвать 2–3 вида взаимопомощи. 26,5% получили эту информацию в школе, столько же – в вузе (при изучении истории социальной работы или исторического опыта молодежных движений). При этом ни один из опрошенных не ответил, что узнал об этом опыте из рассказов родных в семье. В процессе бесед со студентами выяснилось, что иногда родные сообщали о военном опыте дедов и прадедов, о тружениках тыла, а вопросы взаимопомощи оказались на периферии внимания родных.

Исследователи проблем формирования культурного кода отмечают, что в этом процессе огромную роль играет целенаправленная деятельность государства. Сегодня, когда российское общество обращается к культурным корням, традиционным ценностям, необходимо усилить внимание к этой стороне исторического опыта. Необходимы художественные и документальные фильмы, создание сетевого контента, где конкретные примеры взаимопомощи будут освещаться достоверно и интересно для молодежи. При этом субъектом могут выступать не только государственные структуры, но и общественные молодежные организации, сетевые сообщества. А объединенные усилия историков, социологов, культурологов, философов, теоретиков социальной работы должны дать материал для их работы, провести исследования исторического опыта взаимопомощи в годы Великой Отечественной войны, показать значимость этих исследований для передачи национального кода новым поколениям молодежи.

Список литературы

1. Ткачева, Г.А. Социальная поддержка населения в 1941–1945 гг. // Россия и АТР. 2002. №1(35).
2. Кропоткин, П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. / Пер. с англ. В. Батуринского; Под ред. автора. – СПб.: Знание, 1907. VI, 352 с. (Собр. сочинений; Т. 7).
3. Гуревич, Л.С. Культурный код нации: Принцип национальной ценностной ориентации. // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 67. С. 13–23.
4. Батыршин, Р.И. К вопросу о понятии культурного кода нации: лингвистический и культурологический подходы // Вестник культуры и искусств. 2024. № 1 (77). С. 46–54.
5. Саралиева, З.Х., Балабанов, С.С., Куконков, П.И. Великая Отечественная в памяти поколений: монография. М-во образования и науки РФ, Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, Ин-т социологии РАН, Нижегород. отд., Акад. гуманитар. наук, Нижегород. отд-ние, Рос. о-во социологов, Нижегород. отд-ние. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2010.

**ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**
**FACTORS IN THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY
AMONG STUDENT YOUTH ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Т.П. Белова, И.А. Комиссарова, Е.А. Соловьева
Ивановский государственный университет, г. Иваново
T.P. Belova, I.A. Komissarova, E.A. Solovyova
Ivanovo State University, Ivanovo

Подчеркивается значимость изучения факторов формирования исторической памяти как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. На основе анализа результатов пятого этапа мониторингового опроса Российского общества социологов выявляются сходства и различия факторов формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне у студентов ИвГУ и других российских вузов.

The article emphasizes the importance of studying the factors that shape historical memory at both the theoretical and empirical levels. Based on the analysis of the results of the fifth stage of the monitoring survey conducted by the Russian Society of Sociologists, the article identifies similarities and differences in the factors in the formation of historical memory about the Great Patriotic War among students at Ivanovo State University and other Russian universities.

Ключевые слова: факторы формирования исторической памяти, коммеморативные практики, Великая Отечественная война, студенческая молодежь

Keywords: factors in the formation of historical memory, commemorative practices, The Great Patriotic War, student youth.

Традицию изучения исторической памяти в социально-гуманитарных науках заложил видный представитель французской социологической школы М. Хальбвакс [1]. В работах современных западных ученых формирование исторической памяти в коллективном и индивидуальном аспектах понимается как процесс символического конструирования при помощи коммеморативных практик, то есть практик переосмысления прошлого с позиций настоящего [2-4].

Инициатор изучения исторической памяти в отечественной науке Ж.Т. Тощенко обращает внимание на то, что этот тип памяти выступает не как прямое, а как косвенное, избирательное восприятие событий прошлого [5]. Поэтому чрезвычайно важно исследовать факторы ее формирования.

На основе результатов пятого этапа мониторинга Российского общества социологов (РОС) «Российское студенчество о Великой Отечественной

войне» проведем сравнительный анализ мнений и оценок студентов Ивановского государственного университета (n=263 чел.) и всех опрошенных студентов российских вузов (n=19236 чел.).

Важно прояснить региональный и локальный контексты формирования исторической памяти. Ивановская область не входила в число фронтовых территорий, боевые действия на ее территории не велись, но близость к фронту в первые годы войны сыграла важную роль. В Иванове и области было расположено большое количество госпиталей, активно принимали эвакуированных. Ивановская область рассматривалась как важный источник мобилизации населения в армию, более 400 тысяч жителей отправились на фронт, было сформировано семь ивановских дивизий. Население активно записывалось в ополчение и отправлялось на трудовой фронт для строительства оборонительных рубежей под Москвой, Ленинградом, на территории самой Ивановской области. Серьезный вклад в Победу внесли рабочие. Все предприятия в сложных условиях военного времени выполняли и перевыполняли планы. Население регулярно участвовало в сборе средств для армии, сдавали кровь, шили, вязали и передавали в воинские части теплые вещи.

Для нынешних студентов в формировании исторической памяти о Великой Отечественной войне (ВОВ) определяющую роль играет средняя школа. Знания они прежде всего получают от учителей (77,9% – ИвГУ, 78,8% – вузы РФ) и из школьных учебников (соответственно 72,6% и 75,8%). Это обусловлено тем, что изучение войны в школе носит систематизированный, целенаправленный характер. С 2025 г. время, отведенное на изучение ВОВ в рамках школьных уроков, увеличено практически втрое. В дополнение в школе теме ВОВ уделяют много внимания во внеучебной деятельности. Роль вузовских преподавателей участники мониторингового опроса оценили намного ниже (28,5% – ИвГУ, 33,7% – вузы РФ). Но необходимо отметить, что тема ВОВ стала более подробно изучаться и в рамках вузовских дисциплин.

Важный источник знаний о ВОВ – рассказы родных (68,8% – ИвГУ, 68,2% – вузы РФ). Это подтверждает факт, что память о трагических событиях военных лет и о победе в ней является частью семейных историй.

Большую роль в формировании исторической памяти о ВОВ современного российского студенчества играют советские художественные и документальные фильмы. В качестве источника знаний о ВОВ на первые указали 67,7% студентов ИвГУ и 66,4% студентов различных вузов России, на вторые – соответственно 47,1% и 46,9%. Меньшей популярностью у студентов пользуются современные художественные (по 36,1% студентов

ИвГУ и российских вузов) и документальные (27,4 – студенты ИвГУ, 29,5% – вузы РФ) фильмы.

По оценкам участников мониторингового исследования, заметное влияние на их знания о войне оказывают музеи (51,3% – ИвГУ, 54,4% – вузы РФ) и произведения художественной литературы (43,3% – ИвГУ, 42,7% – вузы РФ). Таким образом, сфера культуры и искусства вносит ощутимый вклад в символическое конструирование воспоминаний о ВОВ.

Еще один важный источник знаний студенческой молодежи о военных годах – современные массмедиа. Роль социальных сетей в Интернете отметили 38,0% студентов ИвГУ и 40,5% студентов российских вузов, телепередач – соответственно 37,6% и 34,3%. При этом на значение вузовского сайта указало меньше всего участников опроса (4,9% – ИвГУ, 7,6% – вузы РФ).

Определенную роль в формировании восприятия ВОВ современных студентов играют научные исследования (9,9% в ИвГУ и 10,5% в России) и мемуары полководцев (8,4% в ИвГУ, 11,1% в России). Но в целом эти данные свидетельствуют о недостаточной интеграции научных и мемуарных источников в образовательный процесс российских вузов.

Наиболее распространенным каналом обсуждения событий Великой Отечественной войны среди студентов ИвГУ и России остается общение в семейном кругу: 20% студентов ИвГУ и 19,8% российских респондентов чаще всего разговаривают о войне с родителями, а 29,8% и 26,8% соответственно – со старшими родственниками (прадедушками, прабабушками и др.). При этом доля тех, кто обсуждает тему ВОВ с друзьями, значительно ниже (6,8% и 10,7% соответственно). Есть немало и тех, кто не обсуждает войну ни с кем (12,9% в ИвГУ и 11,9% в России). Отдельно стоит отметить низкий уровень общения с ветеранами (только 4,9% студентов ИвГУ и 4,7% студентов российских вузов). С каждым годом ветеранов ВОВ становится все меньше, поэтому роль общения с ними как фактора формирования исторической памяти ожидаемо снижается.

Подавляющее большинство опрошенных ИвГУ среди участников ВОВ указали своего прадедушку (72,6% – по ИвГУ, 72,5% – по РФ). Вдвое меньшее количество респондентов также упомянули прабабушек (35,7% – по ИвГУ, 37,7% – по РФ), что связано с тем, что женщины реже участвовали непосредственно в боевых действиях. Совсем небольшая часть опрошенных не интересуется семейной историей, связанной с ВОВ. Так ответили 4,2% студентов ИвГУ и 2,8% студентов российских вузов.

В семьях студентов ИвГУ реликвии военных лет хранятся чаще, чем в среднем по России: 51,3% против 46%. При этом доля семей, вовсе не

имеющих таких артефактов, сопоставима в обеих выборках (30,8% в ИвГУ и 32,6% в России), тогда как группа респондентов, не знающих о наличии реликвий, больше в общей выборке (21,4% в вузах РФ против 17,9% в ИвГУ). Это свидетельствует о том, что у студентов ИвГУ более четко сформирована осведомленность о семейном военном наследии, что может быть связано с локальными историческими и социокультурными традициями.

Среди студентов ИвГУ и других вузов РФ преобладает положительная оценка присвоения городам почётных званий, связанных с ролью в Великой Отечественной войне. Так, 72,1% студентов ИвГУ и 68,1% студентов российских вузов считают, что данные звания вызывают чувство гордости за свой город. При этом доля затруднившихся ответить незначительно выше в общей выборке (20,3% в России против 18,3% в ИвГУ), тогда как категоричное отрицание («точно не вызывает») практически отсутствует (0,8% в ИвГУ, 1,9% в вузах РФ). Эти данные свидетельствуют о высокой степени социальной одобряемости практики почетных званий, которая способствует формированию коллективной гордости. Более высокие показатели по этому вопросу у студентов ИвГУ связаны с тем, что впервые вопрос о присвоении городам таких званий публично обсуждался в марте 2020 г. во время посещения Президентом РФ В.В. Путиным города Иванова, и Иваново вошло в число городов, которым указом Президента России № 444 от 2 июля 2020 года было присвоено Почетное звание Российской Федерации «Город трудовой доблести» за значительный вклад жителей в достижение Победы в Великой Отечественной войне. Данные события широко освещались в СМИ, социальных сетях, в культурных и научных учреждениях г. Иванова и области, в том числе была разработана социальная наружная реклама для информирования населения и оформления города, что позитивно отразилось на ответах ивановских студентов.

Среди студентов ИвГУ и в общей выборке по России доминирует положительное отношение к акции «Бессмертный полк»: 70,7% обучающихся в ИвГУ и 75,6% в вузах РФ считают ее эффективной формой патриотического воспитания. При этом 38,4% студентов ИвГУ и 34,5% студентов российских вузов выделяют важность личного и семейного момента в акции и тем самым подчеркивают ее неформальную, эмоциональную значимость. Наблюдается стремление расширить акцию: 25,9% студентов ИвГУ и 25,8% студентов российских вузов предлагают включить в нее тружеников тыла и соответственно 11,8% и 11% – участников локальных войн. Интернациональный аспект акции (вклад всех народов СССР) отмечают 25,1% студентов ИвГУ и 22,3% студентов российских вузов. В то же время 13,7% опрошенных в ИвГУ и 14,2% в России указывают на риск «официоза и

обязаловки», подчеркивают необходимость сохранения добровольности участия.

Большинство студентов ИвГУ и других вузов России (73,7% и 72,9% соответственно) считают, что внимание к сохранению памяти о подвигах старшего поколения во время Великой Отечественной войны является достаточным или скорее достаточным. При этом 21,4% опрошенных в ИвГУ и 20,7% в России выражают мнение о недостаточности предпринимаемых усилий. Незначительная доля респондентов (4,9% в ИвГУ, 6,4% в вузах России) выразили свое незнание или безразличие по этому вопросу.

В целом анализ данных пятого этапа мониторингового опроса РОС позволяет заключить, что знания о ВОВ современной студенческой молодежи формируются под влиянием институтов образования, семьи, культуры, массмедиа (традиционных и новых). Отмечается важная роль семейного, межпоколенческого контекста в передаче исторических знаний. При этом фиксируется малая вовлеченность студенческой аудитории в дискурс войны в среде сверстников. Требуется активизация использования в образовательном процессе научных исследований, военных мемуаров. Снижается возможность прямого общения с ветеранами фронта и тыла.

Эмпирические данные демонстрируют высокую социальную поддержку студентами «Бессмертного полка», его восприятие через личностную и семейную составляющие, а также потребность в адаптации формата для включения новых групп участников при сохранении принципа добровольного участия без официоза и обязаловки.

Высокая степень конгруэнтности ответов обучающихся в ИвГУ с общероссийскими данными подтверждает устойчивые межрегиональные закономерности в структуре факторов формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Список литературы

1. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
2. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. Франция-память / Нора П. и др.; пер. с фр. Д. Хапаевой. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 327 с.
4. Хаттон, П.Х. История как искусство памяти / Пер. с англ. В.Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2004. 424 с.
5. Тощенко, Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3-14.

**НАСЛЕДИЕ ТРИУМФА: ПРИМЕНЕНИЕ СТРАТЕГИЙ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПОБЕДЫ АДВА
К УСТОЙЧИВОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ**
**LEGACY OF TRIUMPH: APPLYING THE STRATEGIES
OF GREAT PATRIOTIC WAR AND ADWA VICTORY
TO THE MODERN ORGANIZATIONS**

Алем Мекьянинт Бирхан (Эфиопия)

***Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород***

Alem Mequanint Birhan (Ethiopia)

***Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod***

***Научный руководитель: И.С. Леонова, д.с.н, доцент, профессор кафедры
отраслевой и прикладной социологии
ФСН ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород***

***Scientific supervisor: I.S. Leonova, PhD, Associate Professor, Professor of the
Department of Branch and Applied Sociology,
Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod***

Рассматриваются стратегические принципы, применимые к современной организационной устойчивости, заложенные в ходе Великой Отечественной войны (СССР против нацистской Германии, 1941–1945 гг.) и битвы при Адва (Эфиопия против Италии, 1896 г.). Излагаются уроки, применимые к адаптивному лидерству, культурной сплоченности и асимметричной стратегии, чтобы предложить человеческую концепцию для современных организаций, позволяющую оптимизировать ресурсы, поддерживать моральный дух и добиваться успеха в условиях нестабильности посредством децентрализованного и гибкого принятия решений.

This paper reconnoiter of the transferable strategic principles from the great patriotic war (USSR Vs. Nazi Germany, 1941-1945), and battle of Adwa Ethiopia vs. Italy, 1896) to modern organizational resilience. It excerpts transferrable lessons adaptive leadership, cultural cohesion, and asymmetric strategy to propose a human centric framework for modern organizations to optimize resources, sustain morale, thrive amid disruption through decentralized, agile decision making.

Ключевые слова: адаптивное лидерство, управление кризисами, историческая аналогия, моральный дух и культура, организационное обучение, эффективное использование ресурсов, стратегическая устойчивость, унифицированное видение.

Keywords: Adaptive leadership, crises management, historical analogy, morale and culture, organizational learning, resource leverage, strategic resilience, unifying vision

Introduction

In the contemporary hyper competitive business landscape organizations face a paradoxical challenge: while the digital era has unlocked unprecedented access to resources, data and global markets, the path to sustainable competitive advantage has become increasingly fraught with peril [1]. The central problem confronting modern organizations is their systematic inability to effectively align finite resources; capital, talent and technology, with strategic priorities to navigate disruption and ensure longevity, [1]. This fundamental misalignment manifests in several critical, interconnected vulnerabilities; strategic inertia, and complacency which means complacency blinds them to disruptive innovations and emerging competitors [2], leading to catastrophic failures, illustrated by cases such as Blockbuster's dismissal of Netflix and Kodak's inability to capitalize on digital photography [3]. According to Porter, (1996) Operational fragmentation creates conflicting goals, inhibits cross functional collaboration and leads to the insufficient allocation of effort on peripheral projects rather than core strategic objectives [4; 5]. Organizational hierarchy and bureaucratic processes also cripple agility. As of [6] slow decision-making process prevent companies from responding with necessary speed to market changes, technological advancements, or competitive threats, allowing more agile adversaries so seize opportunity. Additionally cultural deficiency in the modern era, coercive management tactics are ineffective, and companies that fail to foster a positive cultural struggle to attract and retain top talent, eroding a key strategic asset [7].

Supply chain vulnerability and resilience deficiency also a critical points. They are highly susceptible to exogenous shocks including pandemics, geopolitical instability, and trade wars threatening operational continuity and strategic plans [8]. Many organizations lack the resilient to with stand major setbacks; market distributions, failed product launches or the emergence of a potent new competitor often constitute existential threats because companies have not built the operational and financial resilience to adapt and recover [9; 10].

Consequently the paramount problem for strategic management is to determine how organizations can overcome these systemic frailties. The research imperative is to develop a framework that enables firms to achieve optimal resource alignment, foster strategic agility, build a resilient and adaptive culture, and ultimately devise strategies that allow them to not only survive but thrive against both entrenched giants and disruptive entrants.

Therefore this study is aiming to develop a human centric framework for building resilient, sustainable, and resource optimized organizations inspired by the strategic, cultural adaptive lessons of Adwa and Great Patriotic war that minimizes waste and thrive amid disruption.

Table 1

Ten factors of comparison victories with today's companies

	Comparison factors	Adwa (Ethiopia)	GPW (USSR)	Lessons
1	Overcoming Asymmetric Competition [10]. Joseph Stalin (1878-1953) used Molotov-Ribbentrop Pact (1939)	Deep knowledge of terrain and high morale	Vast space, brutal weather, a willingness to sacrifice	Hyper-niche focus, a disruptive business model, superior agility. Menelik II (1844-1913) : Used the Treaty of Wuchale (1889)
2	Strategic Unity of Purpose and Clear Messaging [11]	Rallying regional kings	–	A clear, compelling, and universally understood mission
3	Mastering Logistics and Supply Chain Under Pressure [11]	–	Miraculously moved	Contingency plans, and invest in flexibility to survive shocks
4	The Power of Intelligence and Information [12]	Understand Italian intentions	–	Market intelligence, data analytics, and customer feedback loops
5	Adaptability and Decentralized Execution [13]	Flexibility tactics	–	Clear objectives and the best way to achieve them
6	Resilience and The Ability to Absorb Shock [13]	–	Fight, reorganize	Build antifragile organizational culture
7	Ideological/Cultural Cohesion vs. Forced Conformity [14]	Cohesive force	Propaganda to rally	A strong, authentic, and inclusive company culture
8	The Effective Use of Terrain (Market Positioning) [15]	Time and place	–	Choose your competitive battlefield wisely
9	The Dangers of Arrogance and Underestimating Opponents [16]	Italians weakside	German weakside	Continuously scan the horizon for threats
10	Total Mobilization of Resources and Capabilities [17]	–	Facet of the economy	Focus and alignment prioritizations

Menelik II decoyed the Italian army deep into the uneven Ethiopian highlands, stretching their supply lines and quashing some of their technological advantage

Methodology

This study employs a qualitative historical-comparative research design to analyze the strategic principles of the 2 great victories and their applicability to modern organizational theory. The methodology is structured in two phases: Historical Case Analysis with Secondary data sources were meticulously analyzed, including historical accounts, scholarly books, journal articles, and strategic

analyses of the two conflicts. This phase focused on extracting core strategic themes related to leadership, resource management, intelligence, and resilience under extreme constraints.

Thematic Synthesis and Conceptual Transfer: The extracted historical themes were systematically compared and synthesized using a cross-case analysis technique. The identified strategies were then conceptually translated into the context of modern business management through analogical reasoning . This involved re-framing military and geopolitical concepts into their organizational equivalents. The validity of the analogies was assessed based on their logical consistency and their potential to address the modern organizational vulnerabilities outlined in the introduction.

Result and Discussion

The analysis reveals a profound transferability of core strategic principles from historical military victories to modern corporate challenges. The comparative findings, as summarized in table 2.

Table 2

Comparative Analysis of Strategic Lessons

Factors	1896 Age of Empire	1945 End of WWII	2025 Digital & Geopolitical Reset
Nature of Competition	Asymmetric Colonial Expansion	Bipolar Ideological Struggle	Multi-Polar & Digital Asymmetry
Primary Resources for Power	Land, Manpower, Raw Materials	Industrial Capacity, Oil, Steel	Data, Talent, Technology
Organizational Structure	Centralized Hierarchies	Mass Bureaucracy & Central Planning	Networked & Agile
Key Vulnerability	Logistical Overextension	Industrial & Societal Collapse	Systemic Interdependence
Paradigm for Resilience	Mobilization & Unity of Purpose	Total Mobilization & Redundancy	Adaptive Agility & Cognitive Dominance

The lessons from Adwa and Great Patriotic war converge into a multi faced framework for modern for organizations:

1. Strategic foresight and intelligence as a core function.
2. Adaptive leadership and decentralized execution.
3. Modern leaders must create a human centric culture of psychological safety.
4. Resilience through resource optimization and anti-fragility.

5. Cultural cohesion as a strategic weapon.

This framework argues that resilience is not a mere operational tactic but a holistic strategic posture woven from leadership, culture, and processes. It moves beyond traditional SWOT analysis by providing a dynamic, historically informed model for navigating asymmetric competition and existential disruption. The framework aligns with and extends existing theory [18] and strategic resilience by grounding it in profound historical precedents.

Conclusion and Recommendation

This research reveals that the historic victories at Adwa and in the Great Patriotic War offer timeless strategic lessons for modern organizations. The core finding is that sustained advantage stems not from resources alone, but from their strategic alignment with a unifying vision, an adaptive culture, and robust processes.

To build such resilience, leaders must ruthlessly align all projects with the core mission, establish a formal intelligence function for foresight, empower front-line decision-making, invest in cultural cohesion and a compelling purpose, regularly stress-test systems through scenario planning. Future research should empirically corroborate this framework through case studies and explore the ethical dimensions of fostering cultural cohesion, distinguishing it from coercive conformity.

References

1. Kaplan, R.S., & Norton, D.P. (2006). *Alignment: Using the balanced scorecard to create corporate synergies*. Harvard Business Review Press. URL: <https://www.amazon.com/Alignment-Balanced-Scorecard-Corporate-Synergies/dp/1591396905> (date of request: 29.09.2025).
2. Christensen, C.M., Raynor, M.E., & McDonald, R. (2015). What is disruptive innovation? *Harvard Business Review*, 93(12), 44–53. URL: <https://hbr.org/2015/12/what-is-disruptive-innovation> (date of request: 29.09.2025)
3. Anthony, S.D. (2013). *The first mile: A launch manual for getting great ideas into the market*. Harvard Business Review Press. URL: <https://hbswk.hbs.edu/item/the-first-mile-a-launch-manual-for-getting-great-ideas-into-the-market> (date of request: 29.09.2025).
4. Porter, M.E. (1996). What is strategy? *Harvard Business Review*, 74(6), 61–78. URL: <https://hbr.org/1996/11/what-is-strategy> (date of request: 29.09.2025)
5. Edmondson, A.C. (2018). *The fearless organization: Creating psychological safety in the workplace for learning, innovation, and growth*. John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/9781119477242>
6. Gratton, L. (2021). How to do hybrid right. *Harvard Business Review*, 99(3), 66-74. URL: <https://hbr.org/2021/05/how-to-do-hybrid-right> (date of request: 29.09.2025).

7. Иванов, Д. (2021). Введение в устойчивость цепочек поставок: управление, моделирование, оптимизация. Springer <https://doi.org/10.1007/978-3-030-70490-2>
8. Simchi-Levi, D. (2020). *Operations rules: Delivering customer value through flexible operations*. The MIT Press. <https://doi.org/10.7551/mitpress/11767.001.0001>
9. Hamel, G., & Välikangas, L. (2003). The quest for resilience. *Harvard Business Review*, 81(9), 52–63. <https://hbr.org/2003/09/the-quest-for-resilience>
10. Reeves, M., Whitaker, K., & Deegan, M. (2020). *The resilience paradox: Why it's not the strongest that survive, but the most adaptable*. BCG Henderson Institute. URL: <https://www.bcg.com/publications/2020/the-resilience-paradox> (date of request: 29.09.2025).
11. Milkias, P.P. (2006). The Battle of Adwa: reflections on Ethiopia's historic victory against European colonialism. Choice Reviews Online. <https://doi.org/10.5860/CHOICE.44-2253>
12. Glantz, D.M., & House, J.M. (2015). *When Titans Clashed: How the Red Army Stopped Hitler*. University Press of Kansas, <https://doi.org/10.2307/j.ctt1d9nqs7>
13. Prouty, C. (1986). Empress Taytu and Menilek II: Ethiopia 1883-1910. Ravens Educational & Development Services. <https://open.bu.edu/handle/2144/27300> (date of request: 29.09.2025).
14. Jonas, R. (2011). *The battle of Adwa: African victory in the age of empire*. Belknap Press of Harvard University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1c5cx4z>
15. Lengnick-Hall, C.A., Beck, T.E., & Lengnick-Hall, M.L. (2011). Developing a capacity for organizational resilience through strategic human resource management. *Human Resource Management Review*, 21(3), 243–255. <https://doi.org/10.1016/j.hrmr.2010.07.001>
16. Arreguín-Toft I. How the Weak Win Wars: A Theory of Asymmetric Conflict. Cambridge University Press; 2005. P. 48-71, 109-143 <https://doi.org/10.1017/CBO9780511521645>
17. Bahru Zewde (2002). A History of Modern Ethiopia (1855-1991), 2nd ed. Oxford: James Currey; Athens: Ohio University Press; Addis Ababa: Addis Ababa University Press. XVIII + 300 pp. ISBN 0821414402 12.95. African Journal of History and Culture. <https://doi.org/10.5897/AJHC2013.0168>
18. Anderson, D.M., & Johnson, D.H. (Eds.). (1995). *Revealing prophets: Prophecy in eastern African history*. James Currey; Ohio University Press. <https://boydellandbrewer.com/9780852553171/revealing-prophets/> (date of request: 29.09.2025).

ПРОЕКТИРОВАНИЕ НАРОДНОГО МУЗЕЯ БОЕВОЙ СЛАВЫ DESIGNING THE NATIONAL MUSEUM OF MILITARY GLORY

Т.В. Богданенко

Ассоциация «Академия универсального синтеза», г. Москва

М.В. Любимова

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород*

T.V. Bogdanenko

Association "Academy of Universal Synthesis", Moscow

M.V. Lyubimova

*Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod*

Рассмотрена гражданская инициатива по созданию в историческом доме народного музея боевой славы нижегородцев, который может стать важным звеном среди проектов по сохранению исторической памяти. В подготовке помещения приняли активное участие волонтеры движения «Том Сойер фест – Нижний Новгород».

The theses consider a civil initiative to create a people's museum of military glory of Nizhny Novgorod residents in the historical house, which can become an important link among projects to preserve historical memory. The volunteers of the Tom Sawyer Fest – Nizhny Novgorod social movement actively participated in the preparation of the premises.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, сохранение памяти, восстановление исторической среды, культурное наследие, музей боевой славы, общественные инициативы, стратегия безопасности.

Keywords: The Great Patriotic War, memory preservation, historical environment restoration, cultural heritage, military glory museum, public initiatives, security strategy.

В 2025 году страна отмечает 80 лет Великой Победы.

Цель нашего проекта – создать в историческом доме, где жил герой фронтовик В.А. Богданенко, выставочное пространство с экспозицией об участии горьковчан в Великой Отечественной войне и их труде во имя Победы, своеобразный народный музей, чтобы осуществлять на его базе краеведческую работу, способствующую формированию и развитию социально активной личности с чувством национального самосознания и гражданской позиции, сохранению исторической памяти в общественном сознании.

Глубокая проработка проекта и организация деятельности на регулярной основе позволит организовать еще одно место притяжения на исторической территории «Старый Нижний Новгород», пополнить

нижегородское созвездие проектов и инициатив патриотической направленности.

Согласно федеральному закону «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26.05.1996 N 54-ФЗ:

- музей – это некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации;

- культурные ценности – движимые предметы материального мира независимо от времени их создания, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение;

- музейный предмет – культурная ценность, качество либо особые признаки которой делают необходимым для общества ее сохранение, изучение и публичное представление;

- музейная коллекция – совокупность культурных ценностей, которые приобретают свойства музейного предмета, только будучи соединенными вместе в силу характера своего происхождения либо видового родства, либо по иным признакам.

Уже на этапе формирования выставочного пространства мы будем осуществлять учет поступающих музейных предметов, которые составят музейную коллекцию в будущем.

Задачи народного музея:

- сформировать основную экспозицию выставочного пространства;
- вовлечь людей в краеведение через экскурсии, конкурсы, встречи с интересными людьми, участие в литературных вечерах, выставках;

- развивать умения анализировать и оценивать события прошлого и настоящего, определять свое отношение к ним;

- воспитывать патриотические чувства, основанные на понимании духовных ценностей;

- прививать устойчивый интерес к исследовательской и поисковой работе в ходе изучения биографии известных людей родного края;

- продолжить поисковую работу с целью нахождения экспонатов для народного музея боевой славы, собрать как можно больше материалов;

- с помощью ученых, специалистов музейной сферы освоить различные формы исследовательской деятельности: интервьюирование, работу с документами, научной литературой, обработку статистических данных;

- активизировать познавательную, исследовательскую, творческую деятельность молодежи через создание и реализацию проектов.

Татьяна Викторовна Богданенко как дочь героя Советского Союза вышла с инициативой: «У меня возникла мысль, и она меня не отпускала длительное время – сохранить память о войне – через то, что у меня отец Богданенко Виктор Александрович, и сохранены документы об участии его в Великой Отечественной. Из Центрального архива Министерства обороны СССР нам предоставили справку, что среди награжденных значится: «сержант Богданенко Виктор Александрович 1925 г.р., наводчик орудия 530 истребительного противотанкового артиллерийского полка, присвоено звание Героя Советского Союза Указом ПВС СССР от 27.6.45» [1].

Создание народного музея боевой славы – наша гражданская инициатива, в основе которой лежит идея сохранения, закрепления исторической памяти. Широко известны высказывания М. В. Ломоносова: «Русским людям, особенно юношам, следует знать историю Отечества. Только ведая об истоках, можно постичь смысл дел настоящих и устремлять ясный взгляд в будущее». «Гляжу в прошлое – и вижу величие нашего народа».

Большое значение М.В. Ломоносов придавал воспитанию у студентов, слушателей высокого чувства долга и патриотизма, гражданственности и профессионализма. Всячески поощряя прилежную учебу, он воодушевлял студентов, вселял в них веру в то, что они способны сделать многое. Он говорил им, что могуществу человеческого духа «и проницательству смысла предел еще не поставлен, и много может еще предложить и открыть осторожная их смелость и благородная непоколебимость сердца» [2].

«Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности. Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие», – писал А.С. Пушкин [3].

Идею народного музея боевой славы поддержали волонтеры общественного движения «Том Соьер фест - Нижний Новгород», взявшись за реставрацию исторических дверей и лестничного пролета в доме на ул. Ильинской, 101, где жил Виктор Александрович с семьей, и где его дочь проживает сейчас. Школа реставрации изготовила недостававшие балясины для лестницы. В доме сохранились изразцовые печи и лепнина, обстановка. Музей, который откроется в одной из комнат, будет посвящен людям, которые защищают Родину [4; 5; 6].

Как выяснилось в процессе, нас объединила и школа 113, в которой в разные годы учились, где не одно десятилетие располагался созданный учениками Музей боевой славы, посвященный Сталинградской битве. Уроки мужества, экспозиция, отношение школьников к музею – это осталось

надолго в памяти. В настоящий момент архивы школы 113, закрытой из-за масштабных преобразований района Почаинского оврага, переданы в школу 33. Мы хорошо помним школу под руководством Елены Анатольевны Карповой, где прививалась способность преодолевать трудности. Учили в первую очередь преодолевать себя. Воспитывали такие качества, как стойкость духа, верность. Долгие годы в нашем обществе почти не звучало слово Родина, будто бы это пустой звук. Когда «грянул гром», многие уехали за границу – вместо того, чтобы идти воевать за страну.

Важно дополнить созвездие проектов, сохраняющих историческую память, без фальсификации, передавая её с помощью документов, артефактов школьникам и студентам, всем равнодушным людям. Выдающийся скульптор Татьяна Георгиевна Холуева поддержала начинание Татьяны Богданенко: «А почему только про героев? У меня отец тоже воевал...». С Татьяной Георгиевной «общались нечасто, но с любовью».

Как воспитывается патриотизм? На примерах. Значит, нужно собираться и рассказывать. В семье сохранились фотографии и награды В.А. Богданенко. К сбору экспонатов планируется привлечь других нижегородцев. Юное поколение Богданенко-Торуновых делится в школе рассказами о своих фронтовиках. «Мой отец Василий Торунов был призван в армию в 1939 году, прошел всю войну, награжден орденами и медалями, которые у нас сохранились. А Виктор Александрович Богданенко отличился в бою под Берлином, где подбил два вражеских танка и два БТР. Из всего артиллерийского взвода он один остался в живых. У нас хранится вырезка из газеты о его подвиге», – рассказал об экспонатах для будущего музея М.В. Торунов.

Т.В. Богданенко рассказывает: «Когда начинаешь подробно читать... выясняется, что отец целую ночь держал дорогу на Берлин. Все из взвода погибли, и ему только один пехотинец снаряды подносил. Вот мне тоже трудно бывает, но я это вспоминаю. Я ведь тоже людям показываю, куда двигаться, чтобы нравственные качества в человеке развивались... В музее мы сядем, и каждый поделится. Будем собирать, у кого остались материалы. Сейчас есть много моментов, искажающих историю. Поэтому нужно показать, как люди воевали. Виктор Богданенко в 20 лет пришел с войны – героем Советского Союза и с другими медалями и орденами».

Проект подразумевает организацию выставки с подборкой документов. Из районного женсовета уже принесли фронтовой треугольник. На даче оказалась фотография – выпускники 1942 года, железнодорожная школа – все в военной форме. Кто-то сделал фильм. В Нижнем Новгороде много «детей войны», а детей героев Советского Союза было бы интересно разыскать.

Здесь есть и политическое значение – чтобы тема звучала. Запомнилась фраза из выступления одного педагога: «Да, упущено молодое поколение, но не потеряно». Кто не потерян – надо встрепенуть. Надеемся на участие историка и краеведа, автора книг памяти героев О.В. Буковой [7].

Поддержала инициативу народного музея к.фил.н. Елена Федоровна Сухова, дочь поэта фронтовика Федора Сухова. По зову своего сердца её отец в конце 1960-х каждое лето отправлялся в пеший поход «по своим ранам». В комнате-музее на ул. Ильинской решили разместить книжные полки со стихами нижегородских поэтов-фронтовиков.

В Нижнем Новгороде сложились прочные традиции патриотической работы. Центр патриотической культуры «Пешков-центр» отводит важную роль современной литературе. Огромную музейно-выставочную работу в нижегородских школах координируют Дворец детского творчества им. В.П. Чкалова, Эдуард Самуилович Иткин (Нижегородский институт развития образования), проводит беседы В.П. Киселев (основатель Парка Победы). На январь 2018 года в составе 74 паспортизированных школьных музеев г. Нижнего Новгорода 28 – это музеи боевой славы, военно-исторические [8]. Десятки таких музеев действуют в городских округах и районах Нижегородской области [9]. Музей холодной войны организован при музее Приокского района.

Региональное отделение Военно-исторического общества (РВИО) объединило просветительскую, издательскую, поисковую работу, военно-спортивное направление, занимается военно-исторической реконструкцией, работает с молодёжными и ветеранскими организациями. Как акцентировал в качестве руководителя РВИО О.И. Казаринов: *«Мы работаем не только со школьниками или студентами. Один из главных наших постулатов – учить учителей... Можно по памятным датам проводить Уроки мужества, но на следующий день ребята отвлекаются на другую жизнь, где есть «модные» День Св.Валентина, хеллоуин и т.д. ...»* [10]. «Фронтовые треугольники» – проект Приокской районной общественной организации Совет ветеранов (пенсионеров) войны, труда, вооруженных сил, правоохранительных органов – к 80-летию Великой Победы [11].

Параллельно создается команда экскурсоводов «серебряного» возраста – они интересуются жизнью и деятельностью героев, именами которых названы улицы города. Всем нижегородцам знакомы улицы Маслякова, Родионова, Бориса Панина, Николая Гастелло, Маршала Рокоссовского, площадь Жукова. В юбилейный год о них рассказывает проект «Улица героев» профсоюза ГАЗа [12].

В мае 2025 г. мы провели предпроектное анкетирование учеников 7, 10 и 11 класса одной из школ исторического центра Нижнего Новгорода (соответственно, 18, 14 и 9 человек, всего – 41) [13].

Опрос был построен по плану:

1. Интересуются ли темой Великой Отечественной войны (есть ли участники в семье, знают ли общеизвестные имена, факты?)
2. Как сохранять память, зачем?
3. Собственное участие в сохранении памяти, творческие намерения, «кинобагаж».

Ответы подтвердили, что школьники в целом понимают значение сохранения памяти о воинском и трудовом подвиге горьковчан, поддерживают создание народного музея. В то же время остаточные знания и «включенность» в тему у ребят – явно недостаточны.

Так, *интересуются темой* практически все – в разной степени:

Много читаю, могу рассказать – 3 из 41 чел. (по одному – все классы)

Да, интересуюсь – 11 чел. (1-7-й класс, 7-10-й, 3-11-й)

В рамках школьной программы – 32 чел. (12-7-й класс, 6-10-й, 5-11-й)

Интересуюсь через исторические реконструкции – 2 чел. (7-й класс)

По правде – нет – 4 чел. (7-й класс)

Сохранились ли дома фото, документы, награды, статьи, дневники, воспоминания периода Великой Отечественной?

Да, они хранятся как реликвии – 19 из 41 чел. (6-7-й класс, 10-10-й, 3-11-й)

О чем-то таком родители говорили – 14 чел. (7-7-й класс, 3-10-й, 4-11-й)

Я не знаю – 8 чел. (5-7-й класс, 1-10-й, 2-11-й).

Почему надо помнить о войне?

Ответы учеников 10 класса: Благодаря предкам у нас мирное голубое небо над головой / Это подвиг наших предков.

Ответы 11-классников: Чтобы поколения не убивали и не повторяли ужасы тех времен / Чтобы не совершать ошибки прошлого / Чтобы не повторялось / Чтить память / Это наше прошлое, его нельзя забывать.

Известно, что 72,3% раненых в ходе Великой Отечественной вернулись в строй, благодаря военным медикам, методологическому вкладу Николая Ниловича Бурденко. Об этом надо рассказывать. Выходить к детям, молодежи с живыми рассказами. Использовать как площадку Культурный центр со штабом «Том Сойер фест – Нижний Новгород» на ул. Короленко, 18, квартал «Красный просвещенец».

Д.э.н., госсекретарь Союзного государства России и Беларуси Сергей Юрьевич Глазьев, выступая в Бресте 22 июня 2025 года, подчеркнул важность того, чтобы Россия трансформировала свои глубинные ценности и

смыслы в ясную стратегию. Фронт информационно-когнитивный нельзя отпускать, иначе, даже выиграв в горячей схватке, – не удержать Победы, и страна вновь окажется в роли ведомой [14].

Таким образом, мы предлагаем проект на животрепещущую тему. Музея Великой Отечественной войны в Нижнем Новгороде нет, и в будущем собранные нами материалы могут послужить музею государственному. Главное – начать, пусть общественная память города пробуждается. Как подчеркивает автор книги «Нижегородский мусейон. Основание» Н.А. Уткина, «благодаря музеям культура того или иного города и даже села обретает системность, позволяющую намечать перспективы развития» [15]. Чтобы инициатива не осталась на уровне идеи, команде единомышленников предстоит тщательная работа.

Список литературы

1. Справка из архива Министерства обороны РФ.
2. Козиков, И.А. М.В. Ломоносов о просвещении в России / Философия и общество. 2011. № 4. С. 136. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/m-v-lomonosov-o-prosveschenii-v-rossii> (дата обращения: 09.09.2025).
3. 19 октября 1836 года Пушкин озвучил свои великие мысли о Родине в письме к Чаадаеву / Комитет по культуре Минераловодского городского округа. URL: <https://kulturamgo.ru/kalendar-sobytij/prazdniki-i-pamyatnye-daty/18521-19-oktyabrya-1836-goda-pushkin-ozvuchil-svoi-velikie-mysli-o-rodine-v-pisme-k-chaadaevu> (дата обращения: 09.09.2025).
4. В Нижнем Новгороде на улице Ильинской реставрируют историческое здание / Вести Приволжье 26.03.24. URL: <https://vestinn.ru/news/vesti/231379/> (дата обращения: 09.09.2025).
5. Военный музей откроется в доме на Ильинке в Нижнем Новгороде // В городе N. – 8.04.24. URL: <https://www.vgoroden.ru/novosti/voennyu-muzeu-otkroetsya-v-dome-na-ilinke-v-nizhnem-novgorode-id391407> (дата обращения: 09.09.2025).
6. Балясины старинного дома на Ильинской воссоздали в Нижнем Новгороде / URL: Giper.nn.ru 6.06.24 <https://dzen.ru/a/ZmHO8BgmbQupkGQN> (дата обращения: 09.09.2025).
7. Правда о героях-земляках. Историк – о радости быть биографом подвижников / Аргументы и факты. 5.05.21 // URL: https://nn.aif.ru/society/details/pravda_o_geroyah-zemlyakah_istorik_o_radosti_byt_biografom_podvizhnikov (дата обращения: 09.09.2025).
8. Каталог музеев образовательных учреждений (школьных музеев) Нижнего Новгорода / Нижний Новгород, 2017 г. URL: <https://ddt-chkalov.ru> (дата обращения: 09.09.2025).
9. Музеи образовательных организаций Нижегородской области. URL: <https://vega52.ru/children-and-parents/poznavatel-nyu-turizm/shkol-nye-muzei/museum> (дата обращения: 09.09.2025).

10. Председатель нижегородского отделения РВМО Олег Казаринов URL: https://nn.aif.ru/dontknows/predsdatel_nizhegorodskogo_otdeleniya_rvio_oleg_kazarinov_dose (дата обращения: 09.09.2025).

11. Передвижная выставка «Фронтовые треугольники» с уникальными артефактами открылась в Нижнем Новгороде / Нижний Новгород. Официальный сайт. 29.09.25. URL: <https://admgor.nnov.ru/news/29798> (дата обращения: 09.09.2025).

12. Проект "Улицы героев" / Профсоюзная организация «ГАЗ». 01.02.2025. URL: <https://profkom.gaz.ru/projects/god-zashchitniea-otechestva/proekt-ulitsy-geroev/> (дата обращения: 09.09.2025).

13. Саралиева, З.Х., Балабанов, С.С., Куконков, П.И. Великая Отечественная в памяти поколений. Монография / Под ред. Е.В. Чупрунова. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2010. 63 с.

14. Глазьев Сергей Юрьевич на Круглом столе «Защищая Отечество» 22.06.2025 // Клуб народного единства. URL: <https://rutube.ru/video/6dc345915eb70749afb6acf92c6fe0c2e/> (дата обращения: 09.09.2025).

15. Уткина, Н.А. Нижегородский мусейон: основание. История возникновения и деятельности музеев г. Нижнего Новгорода в 1860-х – 1917 гг.: монография / Н.А. Уткина. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. 404 с. С. 11.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ПРАВЕ: ОПЫТ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

HISTORICAL MEMORY AS A FACTOR OF CONTINUITY IN LAW: THE EXPERIENCE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

М.Д. Горбунов
*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород*

M.D. Gorbunov
*Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod*

Рассматривается вопрос о связи исторической памяти о Великой отечественной войне и правоведения. Отмечается, что историческая память имеет значимую роль в обеспечении стабильности и преемственности опыта в правовой системе. Память о Великой отечественной войне приобретает особую значимость и потому, что она привнесла значительные позитивные изменения в развитие законодательства и формирование национальной идентичности.

The report examines the issue of the connection between the historical memory of the Great Patriotic War and jurisprudence. It is noted that historical memory plays a significant role

in ensuring stability and continuity of experience in the legal system. The memory of the Great Patriotic War is also of particular importance because it brought significant positive changes to the development of legislation and the formation of national identity.

Ключевые слова: историческая память, правовой опыт, историческая преемственность, Великая отечественная война, международное право, конституционное право, фальсификация истории.

Keywords: historical memory, legal experience, historical continuity, Great Patriotic War, international law, constitutional law, falsification of history.

Историческая память – это важный социальный институт, выполняющий гораздо более значимую роль, чем просто сохранение информации о минувших событиях. Она выступает важнейшим фактором, который конструирует и укрепляет национальное самосознание через механизмы преемственности общественного наследия, правовых норм и традиций. В современную эпоху, характеризующуюся интенсивными процессами глобализации и переосмыслением исторических нарративов в условиях информационной борьбы, особую актуальность приобретает исследование того, как представления о судьбоносных событиях национальной истории, в частности, о Великой Отечественной войне (далее ВОВ), находят свое воплощение в действующей правовой системе.

Важность темы исторической памяти для правоведения обусловлена тем, что право не является строго автономной изолированной системой и опирается на традиции, моральные ценности и исторический опыт [1, с. 260–264]. Игнорирование исторической памяти не только ведет к повторению ошибок прошлого, но снижает легитимность права как справедливого, скрепленного историческим наследием. Таким образом, историческая память служит мостом между прошлым и настоящим в праве.

Историческая память представляет собой коллективно сохраняемую и передаваемую систему представлений о ключевых событиях прошлого, которая выполняет воспитательную функцию, формирует правосознание общества, служит основой для легитимации правовых норм и сохранения преемственности накопленного правового опыта [2, с. 81–86].

Историческая память в праве обеспечивает: во-первых, нормативную преемственность в виде сохранения базовых правовых принципов, в том числе выработанных в процессе ответа на глобальные вызовы; во-вторых, символическую преемственность, выраженную в правовом закреплении памятных дат и законов, направленных на охрану значимых исторических событий; в-третьих, процедурную преемственность в форме сохранения опыта процессуальных норм и правоприменительной практики.

Функционально историческая память в праве способствует:

- легитимирующей функции, придавая правовым нормам авторитет и устанавливая связь с историей и правовыми памятниками;
- охранительной функции, способствуя защите базовых ценностей общества через предотвращение повторения исторических ошибок;
- идеологической функции, обеспечивая формирование правовой культуры нации и телеологическую основу юридической практики.

Понимание этих механизмов особенно важно при анализе влияния памяти о ВОВ на современное право. Историческая память выступает не просто фоном, а активным участником правотворческого процесса, формируя своего рода «генетический код» правовой системы нации.

Великая Отечественная война для современного российского общества является ключевым элементом исторической памяти, поскольку ВОВ – не просто историческое событие, крупнейшая гуманитарная катастрофа и пример героического подвига, а правовой и моральный ориентир, повлиявший на формирование норм о преступлениях против человечности и законов о защите исторической правды [3, с. 23-27]. Великая Отечественная война стала катализатором важнейших правовых преобразований не только на национальном, но и на международном уровнях.

На уровне национального законодательства закрепление исторической памяти ВОВ выражается в:

- закреплении в преамбуле Конституции РФ почитания памяти предков как системообразующего условия существования российской государственно-правовой системы;
- установления правовой защиты посредством специальных уголовных составов «уничтожение воинских захоронений» (ст. 243.4 УК РФ) и «реабилитация нацизма» (ст. 354.1 УК РФ), предусматривающих запрет на отрицания результатов Нюрнбергского процесса и распространение ложных сведений о роли СССР в войне;
- создании мемориального законодательства, включающего, в частности, федеральные законы «О днях воинской славы» и «О ветеранах», а также Указ Президента Российской Федерации от 8 июля 2019 года № 327, позволившего создать «дорогу памяти».

На международном уровне прямым следствием результатов ВОВ стало создание ООН и новой системы коллективной безопасности [4, с. 72-75]. Нюрнбергский процесс над нацизмом стал прецедентом международного уголовного правосудия и позволил определить критерии и характеристики преступлений против человечности, а также установить принцип

неотвратимости наказания за военные преступления [5, с.15-21]. Впоследствии деятельность международного сообщества не раз показывала преемственность исторической памяти борьбы с нацизмом на высоком правовом уровне в рамках резолюций о недопустимости героизации нацизма и защите воинских захоронений.

Вместе с тем современная реальность создает новые вызовы исторической памяти о ВОВ, выходящие в том числе в правовую плоскость. Острой становится проблема «живой памяти», поскольку с уходом поколения ветеранов происходит переход от личной к опосредованной памяти. Различия в национальных подходах к трактовке войны и конкуренция исторических нарративов формирует проблему исторического ревизионизма в некоторых странах, включая конкретные ситуации демонтаже советских памятников и споров о реституции культурных ценностей, относящихся к данному периоду истории [6, с. 333-341].

Тем не менее Память о ВОВ продолжает активно влиять на современное право, формируя специальные правовые режимы, уникальные составы преступлений и международно-правовые стандарты отношения к нацизму и военным преступлениям. Этот правовой массив служит не только охране исторической правды, но и профилактике повторения трагедий прошлого.

Таким образом, преемственность права через историческую память о ВОВ представляет собой важный инструмент сохранения коллективной идентичности и правовых традиций в виде сложной системы взаимодействия национальных и международных правовых норм в динамичном процессе их действия, требующего постоянной правовой актуализации для борьбы с новыми вызовами.

Представляется, что перспективными направлениями развития правовой преемственности памяти о ВОВ может стать: во-первых, уточнение составов правонарушений, связанных с фальсификацией истории; во-вторых, введение обязательных модулей по историко-правовой памяти и создание междисциплинарных исследовательских центров; в-третьих, создание международного органа по мониторингу соблюдения исторической правды и памяти, а также построения диалога между государствами по проблемам фальсификации истории. В таких условиях историческая память о ВОВ и других ключевых событиях может и дальше обеспечивать неразрывную связь между прошлым, настоящим и будущим общества, права и государства. Её сохранение и осмысление является необходимым условием для развития справедливого и устойчивого правопорядка в XXI веке.

Список литературы

1. Сергачев, Д.М. Право и ценности в процессе формирования социально-исторической памяти // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2(46). С. 260-264.
2. Сидорова, Л.О. Концептуальные подходы к понятию «Историческая память» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 4(48). С. 81-86.
3. Воскобойников, С.Г., Щукина, Т.В. Образы истории и историческая память как основание национальной гордости российского населения // История. Культурология. Политология. 2024. № 1. С. 23-27.
4. Власов, В.А. Влияние результатов второй мировой войны на совершенствование международных отношений и развитие внутригосударственных отношений // Аграрное и земельное право. 2020. № 6(186). С. 72-75.
5. Багдасарян, С.Д., Каширина, Т.В. История международного трибунала // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 2 (259). С. 15-21.
6. Болотов, Н.А. Против фальсификации истории России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 4. С. 333-341.

**СОВЕТСКИЙ МИКРОБИОЛОГ З.В. ЕРМОЛЬЕВА:
ГЕРОИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНОГО
ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
SOVIET MICROBIOLOGIST Z.V. ERMOLYEVA:
THE HEROIC IMAGE OF A FEMALE SCIENTIST DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR**

А.В. Горшенин
Медицинский университет «Реавиз», г. Самара
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН,
г. Москва
A.V. Gorshenin
Medical University «Reaviz»;
S.I. Vavilov Institute of the History of Natural Sciences and Technology of the
Russian Academy of Sciences, Moscow

Рассматривается формирование героического образа советского учёного З.В. Ермольевой периода Великой Отечественной войны. Характеризуются основные направления в формировании данного образа, его специфика, а также особенности репрезентации в СССР и современной России.

The article considers the formation of the heroic image of the Soviet scientist Z.V. Ermolyeva during the Great Patriotic War. The main directions of the formation of this image, its specifics, as well as the peculiarities of representation in the USSR and modern Russia are characterized.

Ключевые слова: образ ученого, советская наука, научное сообщество, Великая Отечественная война, Зинаида Ермольева.

Keywords: image of a scientist, Soviet science, scientific community, the Great Patriotic War, Zinaida Ermolyeva.

Исследование формирования образа учёного вызывает интерес у специалистов разных направлений: историков, культурологов и социологов. Изучение образа советских учёных нередко находится на стыке этих научных дисциплин. Ряд отечественных исследователей изучали разнообразные аспекты данной исследовательской проблемы: образ учёного, формируемый продуктами массовой культуры [1], а также являющийся частью культуры [2], образ советского учёного в отечественном кинематографе конца 1940 – начала 1950-х гг. [3]. Ряд исследователей обращается к анализу восприятия учёного в постсоветском отечественном кино [4], а также к образу учёных у современных российских подростков [5].

В условиях геополитических трудностей современной эпохи Россия все больше нуждается в повышении конкурентоспособности отечественной науки, а также возможности обеспечить ею все нужды государства. С этим связана и попытка повышения престижа российской науки, и привлечение в неё всё большего числа учащейся молодёжи. Для этого проводится профориентационная работа, внедряется предметная направленность старших классов, создаются дома научной коллаборации.

Немаловажную роль в этом играет популяризация науки через просветительскую работу, а также коммеморация имён отечественных учёных и воспитание на примере их биографий патриотизма и формирование интереса к науке. Это очень тесно связано с образом Великой Отечественной войны. Ведь наиболее рельефно вклад учёных становится заметен в экстремальные периоды истории государства.

Образ учёного периода Великой Отечественной войны – это возможность формирования патриотизма, основанного на привитии гордости за свою страну, и в то же время – возбуждение интереса к различным отраслям науки.

Одним из наиболее известных примеров таких отечественных учёных является советский микробиолог З.В. Ермольева (1897/1898-1974). В годы Великой Отечественной войны отдел биохимии микробов Всесоюзного

института экспериментальной медицины им. М. Горького производил различные бактериофаги (вирусы микроорганизмов) для нужд фронта и тыла. Сама учёная выезжала в прифронтовой Сталинград для проведения там различных противоэпидемических мероприятий, которые позволили не допустить возникновения эпидемии холеры. З.В. Ермольевой и её сотрудниками в период войны был получен первый отечественный антибиотик пенициллин, проведены его клинические исследования и организовано производство данного препарата.

Формирование героического образа учёного в лице З.В. Ермольевой имело свои особенности в советский и постсоветский периоды.

В советский период фигура З.В. Ермольевой была широко известна и за пределами научного мира. Ещё при жизни она стала идеальным образом советской женщины-учёной с идеологически выверенной биографией. Во второй половине 1940-х-1950-е гг. она стала упоминаться в ракурсе т.н. «охотников за микробами», «победителей болезни» и «искателей новых лекарств» [6].

Окончательно образ бесстрашной женщины-учёной, рискующей своей жизнью, был сформирован В.А. Кавериным в его романе «Открытая книга». Роман публиковался частями в разных литературных журналах в конце 1940-х – первой половине 1950-х гг. З.В. Ермольева стала прототипом главной героини романа – доктора Татьяны Власенковой. В своём романе писатель показывает читателю всю жизнь своей героини – её студенческие годы и вступление на профессиональный путь, её научные победы и трудности. Так как писатель был несколько десятков лет знаком с З.В. Ермольевой, дружил с ней и советовался в деталях изображения научных исследований, его героиня, особенно в период своей активной исследовательской деятельности, очень точно демонстрировала фигуру З.В. Ермольевой. В романе, как и в жизни, показан путь учёной полный трудностей, включая те, что ей искусственно создавали. Несмотря на всё это, Татьяна Власенкова, как и З.В. Ермольева, самоотверженно отстаивала свои идеи и добивалась возможности их реализации. Рисковала своей жизнью и отдавала все свои силы на благо развития науки.

Роман «Открытая книга» дважды экранизировался в СССР. В первый раз это был двухсерийный фильм, снятый режиссёром В.А. Фетиним в 1973 г. Во второй раз экранизация была представлена десятисерийным фильмом режиссёра В.А. Титова, снимавшимся в 1977-1979 гг. В первом фильме доктору Татьяну Власенкову сыграла Л.А. Чурсина, а во втором – И.С. Саввина. Благодаря этим фильмам личность учёной З.В. Ермольевой

визуализировалась у советских граждан сквозь призму образов, созданных двумя вышеназванными артистками.

В постсоветской период имя и образ З.В. Ермольевой тоже активно ассоциируются, в первую очередь, с историей Великой Отечественной войны. В 2020 г. по железным дорогам России начал курсировать передвижной интерактивный музейный комплекс «Поезд Победы». Он состоит из 8 вагонов, в каждом из которых представлена тематическая экспозиция, освещающая определенный аспект истории Великой Отечественной войны. В вагоне, посвящённом развитию науки в военные годы, визуализирован образ З.В. Ермольевой в виде ростовой фигуры в лаборатории. Здесь посетителям раскрывается сюжет, связанный с получением пенициллина [7].

Для студентов, обучающихся по медицинским и биологическим специальностям, на базе Волгоградского медицинского университета с 2023 г. проводится всероссийская олимпиада по медицинской микробиологии им. З.В. Ермольевой, благодаря чему еще раз подчеркивается образ ученой для студентов профильных специальностей.

Для подростков образ З.В. Ермольевой сформирован в книге комиксов, где доступно рассказывается о биографиях известных российских женщин науки, искусства, философии и авиации [8].

За последние десятилетия было снято несколько документальных фильмов об учёной: «Зинаида Ермольева – госпожа Пенициллин» (ОАО «Первый канал», 2005 г.), «Лекарство для Победы» (ТРК «Звезда», 2018 г.), «Легенды науки. Зинаида Ермольева» (т/к Звезда, 2023 г.). Документальный фильм «Больше чем любовь. Лев Зильбер и Зинаида Ермольева» (ГТРК «Культура», 2010 г.) показывает образ учёной сквозь призму её непростых взаимоотношений с мужем – талантливым вирусологом Л.А. Зильбером. Тут наблюдается явное отличие от образа учёной советской эпохи: показывается её личная жизнь – как ученой, и супруги.

Для ребят школьного возраста образ З.В. Ермольевой раскрывается в разнообразных небольших видеосюжетах. Например, один из 50 коротких видеороликов о выдающихся соотечественниках в рамках анимационного образовательного проект «Минутная биография», посвящён З.В. Ермольевой.

Можно констатировать, что героический образ учёного-микробиолога З.В. Ермольевой, чья научная и организаторская деятельность внесла значительный вклад в Победу в Великой Отечественной войне, начал формироваться в советский период. В современной России образ учёной продолжает формироваться, в частности у молодёжи, современными средствами анимации, графиками и визуализацией, показывая не только

научное направление её деятельности, но также человеческие качества и личную жизнь.

Список литературы

1. Искандерова, Р.Э. Образ ученого, формируемый продуктами массовой культуры // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2018. № 1. С. 71-73.
2. Звонова, Е.Е. Образ ученого в культуре как фактор формирования представлений о научных работниках // Исследователь. 2023. № 4. С. 19-29.
3. Кныш, Н.А. Образ ученого в художественном кинематографе конца 1940-х – начала 1950-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 18. С. 119-136.
4. Медведева, С.М. Российская наука и государство: образ ученого в современном российском кино // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 184-192.
5. Разина, Т.В., Володарская, Е.А. Образ ученого в представлениях современных подростков // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 2: Биология. Геология. Химия. Экология. 2019. № 3. С. 46-62.
6. Кассирский, И.А. Искатели новых лекарств. – М.: Центральный институт санитарного просвещения, 1949. 48 с.
7. Горшенин, А.В. Историческая память об академике медицины З.В. Ермольевой: опыт коммеморации советского ученого-микробиолога // Манускрипт. 2024. Т. 17, № 4. С. 532-541.
8. Алфёрова, О.И. Сильные и независимые: истории выдающихся русских женщин в комиксах. – М.: Комильфо-КомФедерация, 2022. 140 с.

**ОТ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ
К САМООРГАНИЗУЮЩИМСЯ КОМАНДАМ:
УПРАВЛЕНИЕ ТАЛАНТАМИ И МОТИВАЦИЯ
В УСЛОВИЯХ ТОТАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ
FROM PEOPLE'S MILITIA TO SELF-ORGANIZING TEAMS:
TALENT MANAGEMENT AND MOTIVATION
IN THE FACE OF TOTAL CHALLENGES**

Сайкат Гочхайт
Международный Университет Симбиоза, Индия
Saikat Gochhait
Symbiosis International University, India

В эпоху, характеризующуюся нестабильностью, неопределенностью, сложностью и неоднозначностью (VUCA), организации по всему миру сталкиваются с тотальными вызовами, которые проверяют их устойчивость и адаптивность. Исследуется эволюция

моделей коллективных действий – от исторической концепции «народного ополчения» до современных гибких самоорганизующихся команд, рассматриваются последствия для управления талантами и мотивации. Проводя параллели между этими моделями, мы можем выявить вневременные принципы мобилизации и применить их в современных организационных контекстах для вовлеченности, устойчивости и производительности перед лицом повсеместных вызовов.

In an era characterized by volatility, uncertainty, complexity, and ambiguity (VUCA), organizations worldwide face total challenges that test their resilience and adaptability. This paper explores the evolution of collective action models – from the historical concept of a «people's militia» to modern, agile, self-organizing teams – and examines the implications for talent management and motivation. By drawing parallels between these models, we can identify timeless principles of mobilization and apply them to contemporary organizational contexts to foster engagement, resilience, and performance in the face of pervasive challenges.

Ключевые слова: управление талантами, мотивация, самоорганизующиеся команды, VUCA, устойчивость, лидерство.

Keywords: talent management, motivation, self-organizing teams, VUCA, resilience, leadership.

Современная деловая среда, отмеченная глобальными пандемиями, геополитической нестабильностью и технологическими деструкциями, создает «тотальные вызовы», которые требуют от организаций беспрецедентного уровня гибкости и коллективной сплоченности. Исторической аналогией такой мобилизации может служить народное ополчение – добровольческое формирование, возникающее в моменты экзистенциальной угрозы, движимое общей целью, глубокой личной вовлеченностью и чувством ответственности перед сообществом [1]. Аналогичным образом современные организации для выживания и процветания должны культивировать подобный дух, трансформируя традиционные иерархические структуры в сети самоорганизующихся команд.

Самоорганизующиеся команды представляют собой эволюционный шаг в организационном дизайне. Эти команды характеризуются высокой степенью автономии, коллективной ответственностью за результат и способностью самостоятельно адаптироваться в ответ на изменения внешней среды [2]. Однако, их эффективность напрямую зависит от грамотного управления талантами и продуманной системы мотивации, которые выходят за рамки традиционных материальных стимулов.

Основной вызов для управления талантами в таких условиях смещается с поиска и отбора «звездных» сотрудников на создание экосистемы, где обычные люди могут демонстрировать экстраординарные результаты. Это

требует развития у сотрудников так называемой «организационной устойчивости» (organizational resilience) – способности не просто восстанавливаться после неудач, но и proactively адаптироваться и расти в условиях нестабильности [3]. Ключевыми становятся такие компетенции, как эмоциональный интеллект, адаптивное мышление, способность к сотрудничеству и обучению.

Мотивация в самоорганизующихся командах все больше основывается на внутренних факторах. Если народное ополчение мотивировалось защитой своего дома и ценностей, то современные профессионалы движимы стремлением к автономии, мастерству и осмысленности своей деятельности (теория самодетерминации) [4]. Руководители, таким образом, должны трансформироваться из контролеров в фасилитаторов и коучей, чья задача — создавать условия для проявления инициативы, обеспечивать команды необходимыми ресурсами и устранять организационные барьеры.

Современные исследования указывают на необходимость многоуровневого подхода к мотивации, который включает:

1. Индивидуальный уровень: Применение методов когнитивно-поведенческого коучинга для помощи сотрудникам в рефрейминге негативных установок, связанных со стрессом и неопределенностью [5]. Техники осознанности и управления стрессом способствуют эмоциональной регуляции и поддержанию психологического благополучия.

2. Командный уровень: Создание программ взаимного наставничества (peer mentoring) и развития коллаборативной культуры. Важно формировать психологическую безопасность, чтобы члены команды могли без страха высказывать идеи и признавать ошибки.

3. Организационный уровень: Адаптация кадровой политики, включая внедрение гибких систем вознаграждения, признающих коллективные достижения, и создание карьерных траекторий, учитывающих горизонтальный рост и развитие новых компетенций. Культура организации должна открыто признавать и принимать неопределенность как данность, а не как угрозу.

Трансформация от иерархической модели к сети самоорганизующихся команд сопряжена с трудностями. Сопротивление изменениям, недостаток доверия со стороны руководства, неразвитые навыки самоуправления у сотрудников — все это может свести на нет усилия по реорганизации. Как и в случае с ополчением, которое требовало обучения и дисциплины, современные команды нуждаются в целенаправленном развитии новых навыков и организационной культуры, которая поддерживает эксперименты и учится на неудачах.

В заключение, парадигма управления талантами и мотивации должна эволюционировать, чтобы отвечать требованиям эпохи тотальных вызовов. Заимствуя принципы сплоченности, общей цели и личной ответственности у модели народного ополчения и применяя их через призму современных самоорганизующихся команд, организации могут создать высокоадаптивную и устойчивую человеческую систему. Успех в будущем будет принадлежать не тем, у кого больше ресурсов, а тем, кто способен мобилизовать коллективный интеллект и внутреннюю мотивацию своих людей для навигации в условиях перманентной неопределенности.

Список литературы

1. Yin, H. (2015). The effect of teachers' emotional labour on teaching satisfaction: Moderation of emotional intelligence. *Teachers and Teaching: Theory and Practice*, 21(7), 789–810. <https://doi.org/10.1080/13540602.2014.995482>.
2. Barbieri, B., Sulis, I., Porcu, M. & Toland, M.D. (2019). Italian teachers' well-being within the high school context: Evidence from a large-scale survey. *Frontiers in Psychology*, 10, 1926. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01926>.
3. Alves, R.F., Lopes, T.F.F. & Precioso, J. (2020). Teachers' well-being in times of Covid-19 pandemic: Factors that explain professional well-being. *International Journal of Educational Research and Innovation*, 15, 203-218. <https://doi.org/10.46661/ijeri.5120>.
4. Seidman, S. & Zager, J. (1991). A study of coping behaviours and teacher burnout. *Work and Stress*, 5(3), 205-216. <https://doi.org/10.1080/02678379108257019>.
5. Alonso, C., Fernández-Salineró, S. & Topa, G. (2019). The impact of both individual and collaborative job crafting on Spanish teachers' well-being. *Education Sciences*, 9(2), 74. <https://doi.org/10.3390/educsci9020074>.
6. Kazantzis, N. (2018). Introduction to the special issue on processes of cognitive behavioral therapy: Does “Necessary, but not sufficient” still capture it? *Cognitive Therapy and Research*, 42, 115-120. <https://doi.org/10.1007/s10608-018-9891-z>.

**НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОГО: СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
PRESENT OF THE PAST: STUDENT YOUTH
ON THE GREAT PATRIOTIC WAR**

И.А. Грошева

Филиал АНО ВО «ИДК» в Тюменской области, г. Тюмень

И.Л. Грошев

*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени
маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень*

I.A. Grosheva

Branch of ANO VO «IDK» in Tyumen Oblast, Tyumen

I.L. Groshev

*Tyumen Higher Military Engineering Command School of the Order of Kutuzov
named after Marshal of Engineering Troops A.I. Proshlyakov, Tyumen*

Рассмотрены особенности восприятия молодежью событий Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. на основе анализа эмпирических данных двух масштабных социологических исследований. Выявлены проблемные ответы, касающиеся вклада различных стран в победу над фашизмом, неоднозначные оценки отдельных событий. Выдвинуты предположения о причинах сложившейся ситуации.

The article examines the peculiarities of youth perception of the events of the Great Patriotic War of 1941-1945 based on the analysis of empirical data from two large-scale sociological studies. Problematic answers concerning the contribution of various countries to the victory over fascism, ambiguous assessments of individual events are identified. Assumptions are made about the reasons for the current situation.

Ключевые слова: студенческая молодежь, Великая Отечественная война, историческая память, мониторинг, поколение, сравнительный анализ.

Keywords: student youth, Great Patriotic War, historical memory, monitoring, generation, comparative analysis.

Изучение исторической памяти молодёжи в условиях современного общества риска имеет особую значимость, поскольку информационный плюрализм оказывает существенное влияние на процесс формирования представлений о ключевых событиях прошлого, при этом в качестве побочных эффектов возможны различного рода искажения. В результате формируется новая реальность, трансформирующая представление о наиболее значимых событиях, к которым в том числе относится Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Социализация современных молодых людей пришлась на расцвет мультикультурализма, углубившего

мировоззренческий разрыв между поколениями, который в условиях неопределенности создал благоприятную почву для возникновения экзистенциального кризиса, изменившего механизм восприятия отдельных исторических фактов представителями молодого поколения.

С целью исследования восприятия отдельных событий Великой Отечественной войны Всероссийский центр изучения общественного мнения в апреле 2025 г. провёл опрос, приуроченный к 80-летию Победы (N=1600). В ходе опроса оказалось, что около половины респондентов в возрасте 18-24 года (47%) полагали, что СССР не смог бы победить в войне без союзников. Среди представителей старшей возрастной группы (60+) уверенность в этом была не столь высокой – всего лишь 16%. Выяснилось, что российская молодежь слабо ориентируется в отдельных событиях и не может их адекватно оценить [1].

Выявлению особенностей восприятия отдельных событий Великой Отечественной войны в молодежной среде посвящен масштабный научно-исследовательский проект Российского общества социологов (РОС) «Студенчество о Великой Отечественной войне», имеющий двадцатилетнюю историю. Основой для эмпирического анализа послужили результаты онлайн опроса, осуществленного в рамках пятой волны федерального мониторингового исследования «Студенчество о Великой Отечественной Войне» (N=19232), проведенного под эгидой РОС среди студенческой молодежи с декабря 2024 г. по февраль 2025 г. Использованы данные об исследовании тюменской молодежи, полученные в ходе онлайн исследования «Историческая память студентов о Великой Отечественной войне» (по инициативе социологов Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (ННГУ)), проведенном весной 2025 г. Среди опрошенных (N=247) большинство составили юноши в возрасте от 19 до 26 лет, обучающиеся в учреждении закрытого типа (N=203). Отдельные вопросы в двух исследованиях были идентичны, что делает возможным осуществление сравнительного анализа полученных данных.

В ходе изучения ответов об оценке вклада в победу над фашизмом четырех стран (СССР, США, Англия и Франция) оказалось, что, по итогам опроса РОС, вклад СССР оценили как значительный 91% респондентов из 21 вуза, где было опрошено более 200 человек. Это самый низкий показатель за время проведения мониторинга с 2005 г. Наибольшее количество затруднившихся с ответом (каждый третий) и оценку вклада в 60,6% мы находим у студентов Чеченского государственного университета имени

А.А. Кадырова (N=497). Оценки вклада СССР студентами других вузов варьировали от 89 до 96%. Среди учащихся военного вуза оказался самый высокий показатель – 98,8%. Безусловно возникают вопросы о причинах столь низких оценок и значительного разброса в процентном соотношении среди затруднившихся с ответом респондентов различных вузов (от 3,5 до 33,4%).

Можно предположить, что в отдельных случаях имеет место наличие культурной травмы. Некоторые авторы полагают, что в сознании молодежи в значительной степени могут отражаться взгляды старшего поколения, связанные с репрессиями [2]. Историческая память народов Кавказа сохраняет события, связанные с насильственной депортацией. В северокавказских республиках созданы мемориалы, посвященные жертвам депортации: в 1992 г. мемориал установлен в Грозном, в 2005 г. – в Карачаевске, в 2014 г. – в селе Учкекен Малокарачаевского района Карачаево-Черкесской республики. Существуют иные коммеморативные практики, например, 3 мая объявлен Днем возрождения карачаевского народа. Возникает ряд вопросов, подлежащих изучению: влияют ли подобные практики на формирование ценностной картины мира молодежи; каким образом преподносится молодым людям эта болезненная часть истории, кто доводит до них эту информацию. Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что по итогам проведенного исследования под эгидой РОС наиболее значимыми источниками получения информации о Великой Отечественной войне стали учителя и школьные учебники. В условиях беспрецедентной войны за историю роль трансляторов информации возрастает многократно.

В ходе изучения реакции молодежи на отдельные события вызывает беспокойство толерантное отношение части молодых людей к отдельным спорным событиям. Например, каждый третий представитель гражданской молодежи готов обсуждать факт, что «освобождение Прибалтики, Восточной Европы в 1944-1945 гг. было оккупацией» (преимущественно девушки), в отличие от военной молодежи, которая не приемлет данный факт. Однако тот факт, что среди молодых людей, обучающихся в учреждении закрытого типа, нет однозначного мнения по поводу согласия с вопросом о виновности в войне СССР и Германии (отвергают и готовы обсуждать (44%) данный вопрос в равной степени) вызывает вопросы.

К сожалению, в эпоху постмодерна не существует строгих правил, формы самовыражения индивида весьма многолики и мозаичны. В этих условиях мы наблюдаем ожесточенные «войны памяти», возникающие по

различным причинам: 1) события удалены по времени; 2) естественная смена поколений, уход очевидцев событий; 3) политические изменения на постсоветском пространстве. Противоречивость ситуации заключается в определенной двойственности. С одной стороны, предпринимаются усилия со стороны государственных органов, направленные на поддержания исторической памяти (создание мемориальных комплексов, показ художественных фильмов о войне, телевизионные репортажи о Бессмертном полке, о волонтерах Победы и т.д.). С другой – в отдельных ток-шоу, а также на платформе Youtube можно встретить высказывания о бессмысленности жертв русского народа, в новых фильмах о войне могут содержаться неоднозначные факты отталкивающего содержания. Стоит согласиться с мнением Н.В. Шалаевой и Г.В. Лобачевой в том, что отказ от существовавшей ранее концепции подачи информации разрушает консолидирующие основы общества, и в образовавшемся вакууме легко происходит подмена образов и смыслов [3, с. 217].

В итоге формирование исторической памяти в перспективе может реализовываться в рамках трех принципиально различных сценариев: 1) полноценное усвоение только тех сведений, которые имеют отношение к личным целям, а также ценностям семьи; 2) отказ от восприятия каких-либо фактов и сведений в целом по причине отсутствия их инструментальной составляющей; 3) присоединение к референтным группам с высокой степенью социальной эксклюзии с целью отражения собственного существования и дисфункциональной связи с социальным окружением.

Список литературы

1. Историческая память россиян о Великой Отечественной войне // Валерий Фёдоров. Презентации. URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/istoricheskaja-pamjat-rossijan-o-velikoi-otechestvennoi-voine> (дата обращения: 28.08.2025).

2. Касьянов, В.В., Самыгина, Л.В., Чупрыников, С.А. Историческая память современной российской молодежи: особенности формирования и роль в системе патриотического воспитания // История. Культурология. Политология. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-sovremennoy-rossiyskoy-molodezhi-osobennosti-formirovaniya-i-rol-v-sisteme-patrioticheskogo-vozpitanija> (дата обращения: 31.08.2025)

3. Шалаева, Н.В., Лобачева, Г.В. Социально-политическая мифология о Великой Отечественной войне и «войны памяти» // Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия: материалы международной научно-практической конференции «Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия», Саратов, 10–11 ноября 2021 г. / отв. ред. Наумов С.Ю. – СПб: Скифия-принт, 2022. С. 212-219.

**СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И ЦИФРОВАЯ ПАМЯТЬ
ГЛАЗАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ В РОССИИ
SOCIAL VALUES AND DIGITAL MEMORY THROUGH THE EYES
OF FOREIGN SCHOLARS IN RUSSIA**

И. Дадзи (Гана)

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород*

I. Dadzie (Ghana)

*Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod*

**Научный руководитель: И.С. Леонова, д.с.н, доцент, профессор кафедры
отраслевой и прикладной социологии ФСН
ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород**

*Scientific supervisor: I.S. Leonova, PhD, Associate Professor, Professor of the
Department of Branch and Applied Sociology,
Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod*

Рассматривается, как разработанные в России цифровые платформы трансформируют интерес иностранных аспирантов к памяти о Великой Отечественной войне. Используя призму внедрения социологических технологий, авторы анализируют алгоритмическое кураторство, культурную близость и цифровой суверенитет, показывая, что мобильные интерфейсы переосмысливают ценности памяти, способствуют взаимодействию и межкультурной рефлексии.

The paper examines how Russia's domestically developed digital platforms transform foreign postgraduate students' engagement with Great Patriotic War memory. Using a sociological technology-adoption lens, it analyses algorithmic curation, cultural proximity and digital sovereignty, showing that mobile interfaces recast commemorative values, foster interactive and gives cross-cultural reflection.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, социальные ценности, цифровая память, иностранные студенты, Россия, экосистема платформы.

Keywords: Great Patriotic War, Social values, digital memory, foreign students, Russia, platform ecosystem.

Introduction

Russia's wartime victory in 1945 was won with steel, radio and typewritten orders [1]. Eight decades later the same state commemorates that victory through livestreamed parades, AI-curated archives and a public-service "super-app" that

logs more than two million transactions a day [2]. Digitalisation has altered both the medium and the message of patriotic memory [3]. The national programme “Digital Economy of the Russian Federation” and the 2030 development decree have prioritised technological sovereignty, accelerating domestic spending on ICT despite successive waves of export-control sanctions [4].

This policy thrust has produced a dense ecosystem of home-grown platforms. Gosuslugi, the e-government portal, claims over 112 million registered users and serves as a gateway to 1 600 public services, embedding state–citizen interaction in everyday smartphone routines [4]. Yandex dominates domestic search with roughly three-quarters of the market and posted record revenues above one trillion roubles in 2024, reinforcing Russia’s ability to monetise data locally [5]. VK and Telegram together mediate the majority of social discourse; half of all Russian citizens had Telegram installed by 2024, a forty-percent rise since 2019, turning private chat feeds into conduits of anniversary content and wartime imagery [6]. Sanctions have paradoxically deepened this inward digital turn. The Mir card network, now standard for domestic payments, and the forthcoming WeChat-style super-app illustrate accelerated import substitution in fintech and mobile services [7].

Artificial-intelligence capacity is advancing under similar constraints: Sberbank’s GigaChat, launched in 2023 and already used by fifteen thousand firms, is slated for deployment aboard the International Space Station, while Moscow leads a BRICS-centric AI alliance to diversify hardware and training data. Commemorative practice has evolved in step [7]. The Presidential Library’s multimedia “Memory of the Great Victory” exhibitions, virtual museums and digitised archives invite global audiences to explore primary sources that were once accessible only in reading rooms. Such initiatives refract the canonical values of sacrifice, resilience and collective duty through algorithms, notifications and user analytics, ensuring that foreigners studying in today’s highly digitalised Russia encounter the war not through static monuments but through interactive screens. Against this backdrop, examining how international postgraduate students interpret and internalise these digital memory environments lets us read Russia’s broader journey. That is, from analogue victory to platform-powered remembrance, from externally sourced technology to sanction-driven innovation and from localised commemoration to globally networked historical storytelling.

Digital Memory.

Russian remembrance is now mediated by smartphones and cloud servers rather than marble statues [7]. Digitised archives place wartime letters and maps within a single click for any user worldwide. Livestreams of the Victory Parade blend ceremony with interactive comment threads. Artificial intelligence curates personalised playlists of veteran interviews and battlefield diaries [2]. The past

becomes searchable remixable and endlessly shareable which alters its authority. Foreign scholars meet 1945 on screens where algorithms guide their first impression. *Domestic Platform Ecosystem.*

Gosuslugi acts as the national portal through which citizens complete routine tasks and view memorial content [8]. Yandex search results amplify official wartime narratives and push them to the top of query lists. Telegram channels circulate memes documentaries and live reports to millions of subscribers [5]. VK offers long form videos and community forums for collaborative curation of memory [9]. Together these services form a closed loop set of gateways that shape information intake. Foreign students inside Russia inevitably rely on this ecosystem for coursework and social life. Platform design choices therefore guide both exposure and interpretation of Great Patriotic War content.

Cultural Proximity and Value Alignment.

Students from culturally similar states often read Russian victory stories as part of shared heritage. Others from distant contexts may feel emotional dissonance or scepticism toward heroic tropes [10]. Consider the St George ribbon as a symbol that acquiring a contextual cultural background enables its misinterpretation. The groups for peer discussions and briefings for faculty can bridge these gaps in interpretation. Such digital memory tools are increasingly adapted when values of resilience and duty parallel existing beliefs. Misalignment may lead to avoidance fatigue or selective engagement with war related content. Mapping these responses clarifies how culture filters the reception of patriotic education online.

Russia has been forced, through export controls, to develop chips, software, and payment rails within the country. Transactions and data storage at the national scale are performed by Mir cards and domestic cloud services [11]. Sber has created large language models and chat services to maintain local control of AI infrastructure [12].

Rapid import substitution has protected commemorative platforms from external disruption. It also concentrates curation power in the hands of state-aligned companies and agencies. Foreign students are left to negotiate a memory space that is technologically advanced and politically insulated. A close analysis of sovereignty dynamics explains how sanctions unwittingly fast-tracked Russia's leadership position in digital culture.

Conclusion.

Victory Day remembrance has been relocated from streets and archives into smartphones and the cloud portals. Foreign scholars access wartime footage and various interactive exhibits via platforms like Gosuslugi, Yandex, VK and Telegram. Multilingual interface and algorithmic curation get rid of language, geography and bureaucratic obstacles, turning commemoration into a daily digital

activity. Thus, this change very much empowers the user now becoming an active co-interpreter of historical narratives, searching, sharing and critiquing them in real time. Such a gain in Russian memory culture's visibility cross-fertilizes dialogue and reflection on a professional level.

References

1. Prlib. The Day of Military Glory of Russia – the Victory Day of the Soviet people in the Great Patriotic War of 1941-1945 [Electronic resource] // Presidential Library. 2024. URL: <https://www.prlib.ru/en/history/619229> (date of request: 16.07.2025).
2. Golovashina, O.V. Trial of Memory: Legal Regulation as a Tool of Memory Politics in Contemporary Russia // *Changing Societies & Personalities*. 2024. Vol. 8, № 2. P. 399.
3. Zemtsov, V.N. The Politics of Memory at the Turn of the XXth – XXIst Centuries: The Main Trends Against the Backdrop of Digitalization of the Information Space // *Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020)*. 2020.
4. Barari Reykandeh, K., Shokri, S.A. Russian Digital Economy and Cybersecurity: An Overview of Recent Developments // *Journal of World Sociopolitical Studies*. 2022. Vol. 6, № 3. P. 439-498.
5. Stolyarov, G., Marrow, A. Russia’s Yandex reports record annual revenues for 2024 // *Reuters*. 2025.
6. Walt, V. With Telegram, A Reclusive Social Media Star Rises Again [Electronic resource] // *Fortune*. 2016. URL: <https://fortune.com/longform/telegram-pavel-durov-mobile-world-congress/> (accessed: 16.07.2025).
7. Kishkovich, Y.P. Widespread implementation of domestic information technologies is the main vector of import substitution in the field of FinTech // *Vestnik Universiteta. Saint Petersburg State University*, 2025. № 4. P. 20-28.
8. Petrova, E. Common Government Services Portal of Russian Federation: How do People Use It? What is the Attitude Towards It? // *Communications in computer and information science*. Springer Science+Business Media, 2017. P. 209–218.
9. Knockel, J. et al. Not OK on VK: An Analysis of In-Platform Censorship on Russia’s VKontakte [Electronic resource] // *Scholaris.ca*. 2023. URL: <https://utoronto.scholaris.ca/items/81627f1c-9645-4ec3-bcfd-53bb01d2889a> (date of request: 05.03.2025).
10. Erss, M. Comparing student agency in an ethnically and culturally segregated society: How Estonian and Russian speaking adolescents achieve agency in school // *Pedagogy, Culture and Society*. Taylor & Francis, 2023. P. 1-23.
11. Smorodinskaya, N.V., Katukov, D.D. MOVING TOWARDS TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY: A NEW GLOBAL TREND AND THE RUSSIAN SPECIFICS // *Baltic Region. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта»*, 2024. Vol. 16, № 3.
12. Gleb Bryanski, Fabrichnaya E. Russia’s Sberbank plans to unveil LLM with reasoning capacity // *Reuters*. 2025.

**ОБРАЗЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В ПРЕЕМСТВЕННОЙ СВЯЗИ ПОКОЛЕНИЙ
IMAGES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
IN THE SUCCESSION OF GENERATIONS**

Г.А. Дудин

Независимый исследователь, г. Самара

G.A. Dudin

Independent Researcher, g. Samara

Образы Великой Отечественной войны, как часть коллективной памяти выступают в роли важнейшего фактора преемственности поколений и мощного мировоззренческого ориентира. В условиях Специальной военной операции происходит усиление гражданственно-патриотических настроений россиян. Однако, необходимо искать новые подходы к патриотическому воспитанию молодежи, укреплять и развивать гражданственно-патриотический дискурс с творческим учетом и мемориального дискурса, и современных реалий.

Images of the Great Patriotic War, as part of the collective memory, also act as an important factor in the continuity of generations and a powerful ideological guideline. In the context of a Special military operation, the civic and patriotic sentiments of Russians are intensifying. However, it is necessary to look for new approaches to the patriotic education of young people, to strengthen and develop civic-patriotic discourse with creative consideration of both memorial discourse and modern realities.

Ключевые слова: молодежь, патриотическое воспитание, преемственность поколений, Великая Отечественная война, коллективная память, мемориальный дискурс.

Keywords: youth, patriotic education, continuity of generations, the Great Patriotic War, collective memory, memorial discourse.

Память о Великой Отечественной войне – «мировоззренческий ориентир» [1, с. 48]. И образы Великой Отечественной войны – фактор преемственной связи поколений. В том числе «важна сопряжённость истории семьи и рода с историей малой родины, а через историю малой родины – с историей всей страны» [2, с. 259]. При этом, для перспектив преемственности поколений важно, «какой формируется в обществе молодежь» [3, с. 246].

Проблема патриотизма и защиты Отечества в аспекте преемственности поколений прямо и тесно связана с проблемой социальной сплоченности и интеграции общества [4, с. 125]. Вместе с этим, как показывают разные исследования, «коллективная память о войне может фрагментироваться и трансформироваться» [1, с. 48]. Это, по оценке А.А. Линченко и её соавторов, наиболее существенно проявляется в региональном измерении. В связи с этим, вряд ли следует сомневаться в том, что существуют локальные

мемориальные дискурсы. Здесь приходится поспорить с тезисом А.А. Линченко и её соавторов: «утверждение о существовании локальных мемориальных дискурсов представляется недостаточно обоснованным» [1, с. 48].

Попутно отметим, что требуется в определенной мере уточнение и самого понятия «локальные мемориальные дискурсы». Обратимся к тексту упомянутой выше статьи, где, в частности, ссылаясь на анализ онлайн-СМИ, авторы признают наличие и некоторое различие «официального дискурса памяти» и «вариантов локальной памяти» («локальных мемориальных дискурсов»). На наш взгляд, проблема в том, насколько существенны эти различия.

В отношении «памяти о войне» нельзя не отдать должное научным изысканиям историков-краеведов. Например, в Самарской области хотелось бы выделить династию историков Храмковых: Ленера Васильевича, Нину Петровну и Елену Ленаровну и сослаться, хотя бы на некоторые их труды (а также их соавторов). Например, именно благодаря внимательному и кропотливому поиску были обнародованы имена и подвиги студентов Куйбышевского государственного педагогического института – Героев Советского Союза [5]; многие актуальные документальные источники по Самаре и Самарской области в годы Великой Отечественной войны [6; 7].

«Локальные мемориальные дискурсы» сложились практически во всех регионах и освещаются в краеведческой исторической науке и отражаются в практике «коммеморации». Другое дело, что многие памятные места и сооружения, например, мемориальный комплекс «Сталинградская битва» со скульптурным памятником «Родина-мать» («Родина-мать зовет!»), непосредственно связанный с конкретным местом (является локальным), вместе с этим имеет и обобщённый (официального характера) смысл символа всей Великой Отечественной войны.

Нельзя недооценивать некоторые проблемы в области патриотического воспитания молодёжи. По оценке Л.Г. Лебедевой, «подтверждается вывод о ментальной автономности и отдалённости младшей от старшей возрастной группы» [8, с. 290]. В опросе Л.Г. Лебедевой в 2020 г. из 11-ти положительных черт людей своего поколения пункт «Патриотизм» вышел лишь на 9-е место, а у возрастной группы 16–24 лет – на 11-е (последнее) место по всей выборке [8, с. 288-289]. В то же время в условиях СВО, начатой в феврале 2022 г., происходит непростая «переделка» общественного сознания всех поколенческих групп россиян в сторону усиления гражданственно-патриотических настроений.

Используем данные опросов по вопросам патриотизма и патриотического воспитания молодёжи, проведённых в 2022 г. и в 2024 г. под руководством В.С. Калинича [9]. Из десяти конкретных вариантов ответов (не считая ответов «Другое» и «Не вижу никаких проблем») в опросе на первом месте оказалась такая проблема патриотического воспитания: «его трансляцию сводят только к историческому и военному (55,3% выбора респондентов в 2024 году, 54,1% выбора респондентов в 2022 году)» [9, с. 17].

Как отмечают Н.В. Дулина и её соавторы, «необходима разработка нового комплексного подхода к патриотическому воспитанию молодежи, которая учитывала бы реалии сегодняшнего дня» [10, с. 44]. Действительно, требуется поиск новых подходов и объединение усилий родителей и педагогов, научного и журналистского сообществ, государственных и волонтерских организаций по патриотическому воспитанию молодежи, которые творчески учитывали бы и мемориальный дискурс, и современные реалии. При этом важно, чтобы связанный с Великой Отечественной войной мемориальный дискурс органически входил в связанный со Специальной военной операцией гражданственно-патриотический дискурс.

Наполнение «локальных мемориальных дискурсов» новыми (открываемыми и вводимыми в научный оборот) материалами вместе с современными актуальными материалами на гражданственно-патриотические темы, в том числе, социологического характера, призвано укреплять связь поколений и социальное единство общества. Важно также определённое расширение дискурса патриотического воспитания за пределы «исторического и военного», охватывая активно и трудовую сферу, и другие социальные сферы.

Список литературы

1. Линченко, А.А., Головашина, О.В., Аникин, Д.А., Сысоев, А.С., Калитвин, В.А. Память о Великой Отечественной войне в комментариях к региональным интернет-СМИ: опыт комбинации машинного обучения и критического дискурс-анализа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – М.: АО «ВЦИОМ», 2025. № 2 (186). 265 с. С. 45-65.
2. Баландин, Д.Н. Социально-нравственное развитие детей и молодежи в «цифровую эпоху»: станут ли современные подростки истинными патриотами своей страны? // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2023. № 3-4 (58-59). С. 247-263.
3. Лебедева, Л.Г. О социокультурных характеристиках старших и младших поколений современных россиян. НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. 2023. Т. 48, № 2. С. 244-254.

4. Лебедева, Л.Г. Преемственность поколений как аспект интеграции и дезинтеграции в социальном пространстве современного российского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 1 (37). С. 122-129.
5. Храмкова, Е.Л., Храмкова, Н.П. Восемь Героев Советского Союза Куйбышевского государственного педагогического института // Память о прошлом – 2020. Сборник докладов и сообщений IX историко-архивного форума. составители О.Н. Солдатова, Г.С. Пашковская. – Самара, 2020. С. 230-236.
6. Храмков, Л.В., Храмкова, Н.П. Самара и Самарская область в годы Великой Отечественной войны. Очерк истории, хроника событий / (2-е изд., испр.) – Самара, 2008.
7. Храмков, Л.В., Храмкова, Н.П. Самарская земля в годы военного лихолетья, 1941–1945 гг. // Очерк истории. Документы. Воспоминания. Хроника событий / Самара, 2003. 371 с.
8. Лебедева, Л.Г. Ментально-поведенческие особенности поколений россиян (по социологическим материалам) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, № 3. С. 286-294.
9. Калинин, В.С. Динамика представления российской молодёжи о патриотах, патриотизме и патриотическом воспитании в 2022–2024 гг. // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 10. С. 13-20.
10. Дулина, Н.В., Петрунева, Р.М., Васильева, В.Д., Любцов, А.А., Петрунева, Ю.В. Патриотом быть обязан? (Об отношении к событиям и фактам истории Великой Отечественной войны современных российских студентов и соотечественников, проживающих за рубежом: сопоставительный анализ) // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 3. С. 35-45.

**РОЛЬ ЦЕННОСТНОЙ ГОТОВНОСТИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
В ПЕРЕДАЧЕ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ
ИЗ ПОКОЛЕНИЯ В ПОКОЛЕНИЕ СРЕДИ СТУДЕНТОВ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ НИГЕРИИ И РОССИИ
THE ROLE OF VALUE READINESS AND HISTORICAL MEMORY
IN THE INTERGENERATIONAL TRANSMISSION
OF PATRIOTIC ORIENTATIONS AMONG STUDENTS
OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS
IN NIGERIA AND RUSSIA**

Д.Г. Дуроджайе (Нигерия)

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

D.G. Durojaiye (Nigeria)

***Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod***

***Научный руководитель: И.С. Леонова, д.с.н, доцент, профессор кафедры
отраслевой и прикладной социологии
ФСН ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород***

***Scientific supervisor: I.S. Leonova, PhD, Associate Professor, Professor of the
Department of Branch and Applied Sociology,
Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod***

This paper examines intergenerational transmission of patriotic orientations among students in Russia (1991–2025) and Nigeria (1960–2025). Russian centralized governance sustains Great Patriotic War memory through coordinated institutions, while Nigerian federal pluralism fosters family-centered pathways. Findings extend value-change theory beyond Western democratic contexts.

Статья исследует межпоколенческую передачу патриотических ориентаций среди студентов России (1991–2025) и Нигерии (1960–2025). Российское централизованное управление обеспечивает сохранение памяти о Великой Отечественной войне через институциональную координацию, тогда как нигерийский федерализм формирует семейные механизмы. Результаты уточняют теории ценностных изменений вне западных демократических контекстов.

Ключевые слова: ценностная готовность; историческая память; патриотизм; передача из поколения в поколение; высшее образование; Россия; Нигерия.

Keywords: value readiness; historical memory; patriotism; intergenerational transmission; higher education; Russia; Nigeria.

Introduction

Intergenerational transmission of patriotic orientations constitutes a crucial dimension of social integration. This paper situates the analysis within theories of value change (Inglehart, 2018), cultural reproduction (Bourdieu, 1977), and collective memory (Halbwachs, 1992). While most scholarship emphasizes Western democracies, this comparative focus on Russia and Nigeria demonstrates how differing institutional logics shape value readiness and historical memory in higher education contexts.

Theoretical Framework

Patriotism is mediated through both value readiness, which is the preparedness of individuals to adopt socially endorsed orientations (Shweder et al., 1997) and historical memory, understood as the socially institutionalized recall of key national events (Assmann, 2011). Previous research indicates that intergenerational transmission operates through family, education, and state institutions (Nora, 2001; Erll, 2020).

Centralized Institutional Mediation in Russia (1991–2025)

Since the 1990s, Russia has prioritized patriotic education as an integrative policy tool. Programs such as the “Strategy for Patriotic Education of Citizens” (2001, 2016, 2020) institutionalize patriotic values within schools and universities. The memory of the Great Patriotic War remains a focal point, reinforced by public commemorations, curricular mandates, and integration across media channels [1]. Empirical surveys (Levada Center, 2019; VTsIOM, 2023) confirm that younger cohorts consistently rank national pride and memory of victory as central to identity.

Federal and Familial Mediation in Nigeria (1960–2025)

In Nigeria, patriotic orientations evolved under conditions of political pluralism, ethnic diversity, and regionalism. Unlike Russia’s centralized approach, the Nigerian context relies heavily on family and local community structures. The memory of independence (1960) and the Civil War (1967–1970) serve as key symbolic resources, though their salience is uneven across groups [2].

Comparative Analysis

The Russian model demonstrates the effectiveness of centralized institutional frameworks in sustaining shared patriotic memory. Nigeria illustrates how familial and regional channels compensate for weaker state-led initiatives. In both cases, higher education serves as a mediating space, though the balance between state-driven and family-driven mechanisms diverges.

Conclusion

The intergenerational transmission of patriotic orientations among students is conditioned by the interplay of value readiness and historical memory. Russia’s

centralized system ensures continuity through state-orchestrated educational programs, while Nigeria demonstrates the resilience of family-centered transmission under federal and plural conditions. The comparative evidence highlights the necessity of moving beyond Western paradigms in theorizing patriotic reproduction.

References

1. Malinova, O. (2020). Constructing the collective past: Historical memory and national identity in contemporary Russia. *Problems of Post-Communism*, 67(6), 431–444.
2. Adebani, W. (2017). *Nation as Grand Narrative: The Nigerian Press and the Politics of Meaning*. Rochester: University of Rochester Press.
3. Assmann, J. (2011). *Cultural Memory and Early Civilization*. Cambridge: Cambridge University Press.
4. Bourdieu, P. (1977). *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Erll, A. (2020). *Memory in Culture*. Palgrave Macmillan.
6. Falola, T. (2004). *Nationalism and African Intellectuals*. Rochester: University of Rochester Press.
7. Halbwachs, M. (1992). *On Collective Memory*. Chicago: University of Chicago Press.
8. Inglehart, R. (2018). *Cultural Evolution: People's Motivations Are Changing, and Reshaping the World*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Shweder, R., et al. (1997). *Cultural Psychology: Essays on Comparative Human Development*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Zubov, A. (2005). Historical memory and patriotic education in modern Russia. *Voprosy Filosofii*, 7, 3–15.

**МУЗЕЙ ШАРИФА КАМАЛА
КАК ОБРАЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
SHARIF KAMAL MUSEUM – AS AN IMAGE OF HISTORICAL
MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Г.Р. Зигангирова
Национальный музей Республики Татарстан, г. Казань
G.R. Zigangirova
National Museum of the Republic of Tatarstan, Russia, Kazan

Рассматриваются аспекты формирования, изучения и демонстрации объектов музейного значения как опыт и результат музееологической деятельности в интерпретации и демонстрации многообразия и уникальности культурно-интеллектуальных ценностей.

Музейные собрания в современном обществе являются институтом, сохраняющим, изучающим и через предметы воспитывающим уважение к истории страны. В этом ключе представлен опыт создания музейного образа татарского писателя Шарифа Камал в процессе формирования тематических, структурных особенностей музея в представлении исторической памяти.

The article examines aspects of the formation, study, and demonstration of objects of museum significance as an experience and result of museological activity in the interpretation and presentation of the diversity and uniqueness of cultural and intellectual values. In modern society museum collections serve as institutions that preserve, study, and, through objects, foster respect for the history of the country. In this context, the experience of creating a museum representation of the Tatar writer Sharif Kamal is demonstrated, focusing on the thematic and structural features of the museum in the presentation of historical memory.

Ключевые слова: историческая память, музей региона, память о Великой Отечественной войне, музей Шарифа Камала, музеи Татарстана.

Keywords: historical memory, regional museum, memory of the Great Patriotic War, Sharif Kamal Museum, museums of Tatarstan.

Сохранение, изучение исторической памяти и ее осмысление имеет огромное значение в формировании единого гражданского общества, в обеспечении связи поколений, в сопричастности каждого человека к героической истории страны. В этом ключе музейные пространства как институты общества, которые исследуют, собирают, сохраняют и демонстрируют материальное и нематериальное наследие, являются важнейшими учреждениями в формировании образа героического подвига народа.

Великая Отечественная война стала периодом испытаний и самоотверженной работы и в истории Национального музея РТ. Происходят серьезные изменения в характере деятельности музея. Во многих залах была демонтирована экспозиция и залы были переданы для размещения эвакуированных, под госпиталь, использовались как склады. Значительно сократились штаты музея, многие ведущие работники ушли на фронт. Несмотря на это, летом в 1942 г. музеем была организована выставка, посвященная войне и фронту. Вот как вспоминает об это директор музея В.М. Дьяконов: «В Казань доставили несколько танков, самоходных орудий, самолет, штабную автомашину, снаряды, бомбы, миномёты, автоматы и другое. Совет выставки возглавил академик А.М. Деборин. В состав Совета вошли академик – О.Ю. Шмидт, Е.С. Варга, Е.В. Тарле и другие... В четырёх больших залах была развёрнута экспозиция. Первый был вводным. Он посвящался героическому прошлому нашего народа и открывался... портретом Александра Невского с его вещими словами «Кто с мечом к нам

придёт, от меча и погибнет» ... Экспонировались русское оружие и боевые знамёна. Второй раздел рассказывал о стране социализма перед войной: нам есть, за что воевать. Далее следовали разделы, посвященные уже первым периодам войны, битве под Москвой, героической обороне Ленинграда, другим сражениям, первым героям, гвардейцам, народным мстителям партизанам. Специальные стенды рассказывали о зверином лице фашизма, о злодеяниях гитлеровцев на временно захваченных территориях. Заканчивалась выставка отделом, посвященном героическому тылу. Через несколько дней «Правда» поместила заметку о выставке, назвав её «первой большой выставкой об Отечественной войне». Позднее заметки о нашей выставке появились в английской и американской печати» [1; с. 239].

А в 1944 году распоряжением Совета Народных комиссаров РСФСР как литературный филиал центрального музея организуется музей Шарифа Камала.

Шариф Камалетдинович Байгильдеев (Камал) – татарский писатель, драматург, публицист и переводчик, общественный деятель, один из крупнейших представителей татарской литературы начала XX века и основоположников социалистического реализма в татарском национальном искусстве. Заслуженный деятель искусств ТАССР. Первым из татарских писателей был награждён орденом Ленина.

С первых же дней Великой Отечественной войны Шариф Камал наравне с другими татарскими писателями начинает создавать и печатать произведения призывающие на защиту родины от врагов. Уже в 7-ом номере главного литературного журнала республики была напечатана его патриотическая статья «Без жиңәрбез!» («Мы победим»). В августе в отчете Союза писателей Татарской республики отмечалось «...Для обслуживания частей и мобилизационных пунктов Красной Армии создано 14 писательских бригад... Ведётся сбор средств в Фонд обороны (Т. Гиззат и Ш. Камал сдали – по 1000 рублей, Г. Кутуй – 650 рублей)» Действительно, к 1 сентября 1941 г. от трудящихся Татарии в фонд обороны страны поступило 2.053.578 рублей, а к 1942 г. 16.286.462 рублей.

В июле 1941 г. в Казань были эвакуированы многие советские писатели. Уже 19 октября на страницах газеты «Красная Татария» напечатана статья «Враг угрожает Москве» А. Толстого, который жил в Казани. В октябре на собрании союза писателей А. Фадеев выступил с докладом «Советские писатели в Отечественной войне». В январе 1942 г. эвакуированный из Москвы итальянский поэт Дж. Джерманетто проводит встречу с татарскими писателями и рассказывает о своих встречах В.И. Лениным.

Шариф Камал не только принимал участия в этих встречах, совещаниях, но многие из этих писателей приходили в дом к именитому казанскому писателю. В дом к Шариф Камалау как к известному писателю, как к наставнику приходили многие татарские писатели, и значимо еще и то, что многие из них приходили прощаться, получить благословление, мудрые наставления и благие пожелания перед уходом на фронт, на войну с врагом, и многим из них не суждено было вернуться после победы.

Дом Шарифа Камала в годы войны стал добрым и теплым местом общения и приема не только именитых писателей, деятелей культуры. Семья Шарифа Камала приняла и разместила в своем доме семью эвакуированных жителей из блокадного Ленинграда. В фондах нашего музея хранятся воспоминание Л.Шардиной об этих днях: «Мы с мамой были эвакуированы в 1941 г. в Казань. Мама искала работу и жилье... Когда мы пришли в квартиру, я увидела уже пожилого человека с приятным добрым лицом. Хорошо нас встретил, познакомил со своей семьей... Я хочу сказать еще о Шариф Камале, каким он был хорошим наставником, советчиком, собеседником» [2; с. 261].

В семье писателя все стремились служить всеми силами для победы. Младший сын писателя Юсуф Байгильдеев добровольно уходит на фронт, был ранен, но после госпиталя опять возвращается на линию фронта. Юсуф Байгильдеев погиб в августе 1943 г.

Несмотря тяжелые утраты, сложные условия работы творческая деятельность писателя продолжалась. В 1942 г. Татарский государственный академический театр поставил спектакль «Габбас Галин» по пьесе Ш. Камала. В августовском номере журнала «Совет эдэбияты» («Советская литература») был напечатан рассказ писателя «Марат». Он работал над новой пьесой «Сафура» на тему о патриотической работе татарского народа в тылу, об этом сообщала «Вечерняя Москва» (1942, № 283, 2 декабря).

22 декабря 1942 г. жизнь татарского писателя Шарифа Камала прервалась. И символично, что 24 декабря на страницах газеты «Кызыл Татарстан» («Красная Татария») была напечатана статья Ш. Камала «Дошман юк ителергә тиеш!» («Враг должен быть уничтожен»), где он пишет: «Мы твердо верим, что наше дело правое. На нашей стороне справедливость, на нашей стороне правда. У нас есть все условия, чтобы сокрушить врага и стереть его с лица земли. Конечно, мы победим!».

2 июля 1944 г. распоряжением Совета Народных комиссаров РСФСР был организован музей Шарифа Камала. «При Государственном музее Татарии открывается литературный филиал. Под филиал отводится здание, где жил и работал известный татарский писатель Шариф Камал...» сообщалось в центральной прессе [3; с. 3].

Музей и экспозиция писателя Шарифа Камала с первых дней своего образования стала значимым общественным местом сохранения и трансляции достоверного, подлинного героического образа народа в Великой Отечественной войны. Сохранение героической памяти о войне как важнейший компонент в формировании исторической идентичности, национального сознания граждан через призму музейных направлений деятельности, в том числе и создание, функционирование музея Шарифа Камала, способствуют формированию образа доблестного интеллектуального и духовно-нравственного опыта и достойной культурной памяти общества.

Список литературы

1. Дьяконов, В.М. Моя жизнь в музее. Сорок лет участия в музейном строительстве. – Казань: «Kazan-Kazan», 2006. 504 с.
2. Шариф Камал: научно-популярный сборник. / Сост.: А.Р. Шайхин, Г.Р. Зигангирова – Казань, 2023. 406 с.
3. Литературный филиал музея Татарии // Литература и искусство. 1944. № 4. 4 с.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА: СМЕНА ОЦЕНОК И ИНТЕРПРЕТАЦИЙ THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE HISTORY OF KAZAKHSTAN: CHANGING ASSESSMENTS AND INTERPRETATIONS

Л.Н. Игнатьева

*Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород*

L.N. Ignatieva

*Nizhny Novgorod State Linguistic
University named after N.A. Dobrolyubov, Nizhniy Novgorod*

Интерпретация событий Великой Отечественной войны стала претерпевать изменения на всем постсоветском пространстве. Не избежал этих тенденций и Казахстан. Если в 1990-е годы это была общая тенденция по открытию белых пятен истории, то с 2000-х годов начинается отказ от понятия «Великая Отечественная война», изменение интерпретаций и оценок многих военных событий.

The interpretation of the events of the Great Patriotic War on the territory of the USSR began to undergo changes throughout the post-Soviet space. Kazakhstan has not escaped these trends either. While the 1990s saw a general trend towards uncovering the blank spots in history,

the 2000s saw the beginning of a rejection of the concept of the 'Great Patriotic War' and a change in the interpretation and assessment of many military events.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, Туркестанский легион, героизм казахстанцев, военная экономика.

Keywords: Great Patriotic War on the territory of the USSR, Second World War, Turkestan Legion, heroism of the Kazakh people, military economy.

Казахстан в советский период являлся частью единой многонациональной страны, соответственно оценки и интерпретации событий Великой Отечественной войны были в общей канве советской историографии. Изменения начались с обретением независимости. Постепенно начинается пересмотр оценок и интерпретаций не только событий Великой Отечественной войны, но и в целом событий советского периода, а в дальнейшем и всей истории Казахстана.

Источником «новых» оценок и методологических подходов выступала и выступает власть. Все это в 90-е гг. XX века было обличено в государственные программы по обновлению исторического знания. [1] Советский казахстанский историк М.К. Козыбаев, автор таких работ, как «Коммунистическая партия Казахстана в период Великой Отечественной войны», «Казахстан – арсенал фронта», а также руководитель республиканской «Книги памяти» стал говорить, что историю войны следует изучать «с точки зрения сегодняшней независимости» [2, с. 9-10]. А современный казахстанский историк Т. Балакаев отмечал, что этот период оценивался в рамках «советской тоталитарной коммунистической идеологии», а это обусловило умолчание «теневых сторон» народной жизни, современность же ставит новые задачи в освещении военного периода [2, с. 10].

Отходом от советской и российской интерпретации военных событий можно назвать отказ от понятия «Великая Отечественная война» с 2012 г. При написании многотомника «История Казахстана с древнейших времен до наших дней» название части, посвященной событиям войны, звучит как «Казахстан накануне и в период второй мировой войны», а внутри неё глава «Казахстан в советско-германской войне» [3, с. 170].

Все эти изменения коснулись прежде всего «Истории Казахстана» как учебной дисциплины в школах и высших учебных заведениях. В «Типовой программе по Истории Казахстана для 5-9 классов» 2017 г. [4] ещё присутствует понятие «Великая Отечественная» и традиционные темы: начало войны, мобилизация, героизм казахстанцев, культура, наука и депортация. Кардинальные изменения произошли в 2018 г. В типовой программе «Современная история Казахстана» для вузов исчезает понятие

«Великая Отечественная война», вместо этого вводятся понятия «Вторая мировая война» и «Отечественная война» [5]. Практически идентична программе «Современная история Казахстана» «Типовая программа по Истории Казахстана для вузов» 2022 г. [6]. Обе программы содержат ряд новых разделов: «судьба военнопленных; история «Туркестанского легиона»; деятельность М. Шокая в годы войны; результаты и уроки Второй мировой войны». Еще один раздел, который присутствует только в «Современной истории Казахстана», – «непризнанные подвиги казахстанцев – наглядный пример несправедливости советской власти» [6]. В то же время необходимо отметить, что в 2022 г. в Типовой программе по Истории Казахстана для школ происходит возвращение понятия «Великая Отечественная война» [7].

Перечисленные в программах темы достаточно активно рассматриваются как в серьезной исторической литературе, так и в публицистике. Одна из самых спорных тем – история «Туркестанского легиона». Для советской и российской историографии это коллаборационисты. В казахстанской историографии оценки легиона кардинально изменились. История Туркестанского легиона трактуется «как продолжение туркестанцами идеи борьбы Мустафы Чокая за независимость своей родины». [2, с. 13] По мнению историка Б. Садыковой, перебежчики происходили в том числе из потомков именитых людей, надуманно обвиненных в национализме и целенаправленно уничтожавшихся, а Чокай, якобы разработавший идеологию будущего государства, настаивал на использовании легиона «только при подходе к границам Туркестана». [2, с. 13] Она приходит к выводу, что «впервые в истории Туркестана ядро будущего правительства независимого Туркестана было сформировано за пределами Туркестана в условиях войны, пусть даже при формальной поддержке сильного государства-союзника», хотя туркестанцам не доверяли «ни русские, ни немцы», а война была противостоянием двух тоталитарных режимов. [2, с. 13] Здесь четко просматривается изменение оценок и интерпретаций роли Туркестанского легиона, теперь это не коллаборационисты, а борцы за независимость, а их союзник – нацистская Германия.

В ряде учебных пособий по «Истории Казахстана» также стали превалировать новые интерпретации событий Великой Отечественной войны и предвоенных лет. В учебнике «История Республики Казахстан» предвоенные события трактуются как «агрессивная политика СССР в отношении своих соседей – Финляндии, Литвы, Латвии, Эстонии, Польши, Румынии» [8, с. 303] Участие Казахстана в войне объясняется только тем, что он был лишен возможности осуществлять какие-либо международные

контакты. [8, с. 304] Что касается героизма казахстанцев в период Великой Отечественной войны, то здесь четко просматривается тенденция сведения к минимуму освещения подвигов представителей нетитульного этноса.

В пособии по «Истории Казахстана» автора Ж.О. Артыкбаева заявляется, что в военные годы большинство промышленных предприятий республики пользовались исключительно подневольным трудом – «огромным контингентом концлагерей, трудовых армий, репрессированных народов» [9, с. 304].

Достаточно предвзятое отношение в целом к советскому периоду встречается в пособии «История Казахстана: народы и культуры». В нем советский период называется «Казахстан в советском тоталитарном пространстве: историческая динамика». [10, с. 282] Что касается военной экономики, то, по мнению авторов пособия, «в значительной степени потенциал военной экономики создавался за счет каторжного труда заключенных ГУЛАГа. На территории республики с её гигантскими аридными бесплодными пространствами и жестким климатом находилась целая сеть таких лагерей. Труд узников использовался на рудниках, шахтах, в строительстве железных дорог и т.п.» [10, с. 307].

В целом следует отметить, что интерпретация событий Великой Отечественной войны в казахстанской историографии отражает дистанцирование от общей картины военных событий. Великие битвы рассматриваются только в контексте участия в них героев-казахстанцев, без описания самих битв. При рассмотрении событий Великой Отечественной войны в основном акцент делается на негативных аспектах: депортации, неудачи начального периода войны, тяжелая работа в тылу. Активно продвигаются «новые» темы, связанные с переоценкой деятельности коллаборационистов. Но при этом сохраняется и общая с российской оценка персоналий и событий Великой Отечественной войны, хотя все зависит от позиции, которую занимают власти и, соответственно, транслируется через обязательные программы по Истории Казахстана.

Список литературы

1. Народ в потоке истории. URL: <https://e-history.kz/ru/e-resources/show/13321> (дата обращения: 31.07.2025).
2. Аманжолова, Д.А. Память о Великой Отечественной войне в Казахстане – особенности интерпретации // Великая Отечественная война в исторической памяти народа: изучение, интерпретация, уроки прошлого: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / редкол.: А.А. Николаев (отв. ред.), М.А. Семёнов (отв. секр.) [и др.]; Ин-т истории СО РАН. – Новосибирск:

Изд-во «Параллель». 2020. С. 8 – 19 URL: <http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/Books/vovmemori.pdf> (дата обращения: 31.07.2025).

3. Структура многотомника «История Казахстана с древнейших времен до наших дней» // Отечественная история. Алматы, 2012, № 3 (59). С. 120-173.

4. Типовая учебная программа по учебному предмету «История Казахстана» для 5-9 классов уровня основного среднего образования по обновленному содержанию. 2017. URL: <https://znanio.ru/media/tipovayauchebnaya-programma-po-uchebnomu-predmetu-istoriya-kazahstana-dlya-5-9-klassov-2549926> (дата обращения: 31.07.2025).

5. Типовая учебная программа общеобразовательной дисциплины «Современная история Казахстана» для организаций высшего и (или) послевузовского образования. 2018 URL: <https://ksu.edu.kz/files/educational-program/tup/1rus.pdf> (дата обращения: 31.07.2025).

6. Об утверждении типовых учебных программ цикла общеобразовательных дисциплин для организаций высшего и (или) послевузовского образования. 2018 URL: <https://www.ektu.kz/files/law/MonRk/3.v1800017651.04-05-2024.rus.pdf> (дата обращения: 31.07.2025).

7. Типовая учебная программа по учебному предмету «История Казахстана» для 5-9 классов уровня основного среднего образования. 2022. URL: <https://2leningrad-om-sko.edu.kz/ru/programma-obucheniya-v-7-11-klassah-276168> (дата обращения: 31.07.2025).

8. Кузембайулы, А., Абиль, Е. История Республики Казахстан. Алматы, 1998.

9. Артыкбаев, Ж.О. История Казахстана. Костанай, 2007.

10. История Казахстана: народы и культуры. Алматы, 2001.

ВОЙНА В МОЕМ ТВОРЧЕСТВЕ – ПО СЕМЕЙНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ THE WAR IN MY WORK – BASED ON FAMILY MEMORIES

В.Ф. Исайчиков

Журнал «Просвещение», г. Москва

V.F. Isaichikov

The magazine «Enlightenment», Moscow

Проведен авторский анализ своего художественного творчества, посвященного Великой Отечественной войне.

The work contains the author's analysis of his artistic dedicated to the Great Patriotic War work.

Ключевые слова: В.Ф. Исайчиков, военная тематика; поэзия, проза.

Keywords: V.F. Isaychikov, military themes; poetry, prose.

Поскольку автор доклада одновременно является и автором художественных произведений, он решил не доверять будущим литературоведам трактовку своего художественного творчества, связанного с

военной тематикой, и сделает это сам (и преимущественно по истории Великой Отечественной войны советского народа). Так как автор родился через полтора года после окончания войны, то никаких личных воспоминаний о войне у него нет, поэтому стихотворения и рассказы основаны преимущественно на семейных воспоминаниях о войне её участников и очевидцев-современников. Хотя работу над очерком о семейных воспоминаниях о войне автор начал только весной нынешнего года, и он будет доложен на нашей конференции (причем окончательный вариант, наверное, еще не создан), но в художественных произведениях военная тема появилась намного раньше.

В процессе работы над очерком возникло желание взять его в качестве эпизодов (тем) для будущего романа (повести) и, возможно, включить в каком-то виде мои военные стихи и рассказы. Проблема не только в том, что я никогда не писал объемных произведений, и поэтому есть сомнения, что такая форма окажется мне по плечу, но и в том, что другие виды творчества – научное и общественно-политическое привлекают меня не в меньшей степени.

Например, физика при громадных практических успехах более сотни лет находится в идейном кризисе, который, по мнению автора, она не сможет преодолеть, не обратившись к философии (материалистической диалектике). Но физики не владеют материалистической диалектикой на современном уровне. В свою очередь, материалистическая диалектика, слабо подкрепляемая развитием современных естественных и общественных наук, требует своей существенной доработки от уровня Гегеля и классиков марксизма до уровня начала XXI века. Но философы не владеют естественными и общественными науками в должной мере и на современном уровне. Немало нерешённых проблем и в общественных науках, например, в политэкономии (но не только). Часть нерешенных вопросов науки изложена в работе [1], но уже после неё поставлен ещё ряд важнейших вопросов, требующих научного ответа [См.: 2].

Главное, автора занимает задача предотвращения Третьей мировой войны. Кого после такой войны будет интересовать роман о судьбах десятков советских человек во времена Великой Отечественной войны, если от этого Отечества, в лучшем случае, останутся лишь памятники, так же непонятные победителям, как нам – истуканы с острова Пасхи?

Но, с другой стороны, известно, что хуже смерти – это ожидание смерти. Поэтому автор делает то, что считает необходимым и на будущее, и на нынешний момент – и в данном случае возвращается к чисто историко-литературной работе. Если подходить к моей военной теме количественно, то стихотворений в два раза больше, чем рассказов (8 против 4), поэтому мы

начнём с поэзии, хотя 2 невыдуманные истории были написаны лет на 10 раньше [3; 4].

Несмотря на то, что по жизни мне пришлось встречаться и с героями войны, Героем Советского Союза А.А. Воскресенским (мельком) и трижды кавалером ордена Славы К.М. Калининным (вместе работали в одном главке), особых разговоров о войне с ними вести не довелось, и прямого воздействия на моё творчество эти встречи не произвели. Тем не менее, первое военное стихотворение было посвящено А.А. Воскресенскому [3, с. 72]. Оно завершалось словами: «Держать окоп и красной крови стяг – Нет выше для бойцов отваг!», и оказалось, что после того, как сборничек стихов был подарен Александру Андреевичу именно за то, что его взвод в одном из последних боёв удерживал под огнём превосходящих сил противника занятые позиции, ему и было присвоено звание Героя Советского Союза. Ему понравилось и стихотворение «Хорошо иметь в доме кошку...» [3, с. 83].

Следующие военные стихотворения («Майская гроза», «Военно-антивоенный сонет», «9 мая» и ещё «9 мая» [3, с. 110, 154, 174, 252] не основаны на конкретных воспоминаниях о войне; они отражают её восприятие через десятки лет после неё – и чувство опасности от будущей войны. Они писались обычно для митинга 9 мая на братских могилах в селе Жижица на Псковщине (там я купил себе дом сначала для летнего отдыха, а теперь – почти для постоянного проживания).

Обращение к военной истории, связанной с семейными воспоминаниями, было непосредственной попыткой написать историю семьи как часть автобиографии. Хотя эти попытки пока не завершились, и автобиографические заметки не закончены и не сведены воедино, два стихотворения посвящены погибшим на войне членам нашей семьи: моему деду Михайлову Василию Ивановичу и двум дядям Иванам, Исайчикову и Михайлову («Дед», «Два Ивана» [3, с. 282, 281]). При этом десять лет назад я еще не знал многих фактов из их биографии; сейчас они отражены в моем очерке «Война в семейной памяти», который я буду еще дорабатывать, ибо некоторые истории всплывают из памяти (личной и семейной) не сразу (некоторые факты выясняются и из архивных материалов), поэтому первоначальный текст очерка дополнялся и исправлялся несколько раз.

А вот стихотворение «Дети войны и мира» [3, с. 275] одновременно питалось и воспоминаниями моих тёток и дядьки, которых война застала детьми, и личными воспоминаниями послевоенного времени. Но заканчивается оно печальным предостережением об опасности новой войны – и это уже результат тех научных работ, которые последние десятилетия автор проводит как историк и политэконом [См.: 5].

Военные рассказы в прозе, в отличие от стихотворений, не содержат общих впечатлений, они все из раздела «Невыдуманные рассказы». При этом рассказик «Каюк» к самой войне не относится, но это история военного времени [4, с. 151.]

Собственно, к настоящим военным рассказам можно отнести рассказ моего дяди Исайчикова Александра Степановича, присланный в одном из писем в конце 90-х годов. Возможно, что он где-то и был опубликован, но найти публикацию невозможно. А поскольку дядя Саша войну прошёл в зенитной артиллерии, то, скорее всего, его рассказ – тоже пересказ истории, рассказанной пехотинцем («Рассказ фронтовика», [4, с. 145])

Историю «Тетя Ваня и дядя Катя» рассказала моя тетка Катя, и думаю, что такой случай невозможно выдумать. Мамин брат Иван проучился кое-как полгода в педагогическом институте в Сызрани (кое-как, потому что их привлекали регулярно на строительство железной дороги). В начале января 1942 года Иван был призван в армию; момент, когда перед отправкой на фронт его отпустили проститься с семьей, на всю жизнь запомнила его младшая сестра Катя, которой было тогда три года. Поскольку к началу 1942 г. в семье и в селе почти пропали взрослые мужчины, а в дом приходили только тётки-соседки, то, когда в дом неожиданно вошел в военной форме брат Иван, то растерявшаяся и обрадованная Катя сказала по привычке: «Здравствуйте, тётя Ваня!» Иван засмеялся, взял сестру на руки и ответил: «Здравствуй, дядя Катя!» [4, с. 162].

Но самый памятный рассказ о войне в нашей семейной памяти – рассказ жены офицера, не успевшей эвакуироваться из Львова, бывшей соседки моей жены...

Обыкновенный фашизм

Июль 1941 г. Оккупированный фашистами Львов. Эвакуироваться из города практически никто не успел. Надя, вышедшая на работу по приказу оккупационных властей, возвращается домой. Впереди идет немецкий офицер, навстречу – молодая еврейка с младенцем на руках (по приказу фашистов – с желтой шестиконечной звездой на платье). Офицер, поравнявшись с женщиной, вырывает у нее младенца из рук и, схватив за ножку, разбивает голову об угол дома. Трупик бросает матери [4, с. 163].

Список литературы

1. Исайчиков, В.Ф. Что не сделано марксистами в СССР? / Просвещение. №1-2. 2023. С. 5-14.
2. Исайчиков, В.Ф. О тенденциях развития истории по спирали / Просвещение, №1-2. 2025. С. 37-39.

3. Исайчиков, В.Ф. Избранные художественные произведения в двух томах. Т. 1. Стихотворения. – М.: Изд. БФРГТЗ «СЛОВО». 2023. 336 с.
4. Исайчиков, В.Ф. Избранные художественные произведения в двух томах. Т. 2. Проза. Сатира политическая, юмор эротический и прочие выдуманные и невыдуманные чепуховинки. – М.: Изд. БФРГТЗ «СЛОВО». 2023. 272 с.
5. Исайчиков, В.Ф. Ноосферно-коммунистический мир невозможен без перемены тенденции роста численности населения мира / Материалы VIII Международной научной конференции «Ноосферное образование в евразийском пространстве», 6-7 декабря 2018, Смольный институт РАО – СПб.: Астерион. 2018. С. 126-134.

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
В СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ
КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)
THE HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
IN THE MINDS OF FIRST-YEAR STUDENTS
OF THE KOSTROMA REGION
(BASED ON THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL STUDY)**

И.Д. Лопатин

Костромская государственная сельскохозяйственная-академия,

г. Кострома

I.D. Lopatin

Kostroma State Agricultural Academy, Kostroma

Представлен краткий анализ результатов подробного социологического исследования «80 лет Победы. Историческая память».

A brief analysis of the results of a detailed sociological study «80 years of Victory. Historical memory».

Ключевые слова: социологическое исследование, Великая Отечественная война, студенты, первокурсники, фильм.

Keywords: sociological research, the Great Patriotic War, students, first-year students, film.

С 10 марта до 15 апреля 2025 г. проходил полевой этап социологического исследования «80 лет Победы. Историческая память студентов», посвященного Году защитников Отечества. Костромская ГСХА принимала в нем активное участие, более 340 студентов ответили на вопросы анкеты.

При проведении исследования преподаватели кафедры философии, истории и социально-гуманитарных дисциплин находились в аудиториях со студентами и могли наблюдать сам процесс. Так, обычной стандартной ситуацией было желание у студентов найти ответы в Интернете, но, поскольку изначально договаривались, что пытаемся ответить самостоятельно, приходилось помогать наводящими вопросами. Вследствие такой практики, появилась идея дополнить данное социологическое исследование собственной отдельной анкетой с рабочим названием «Восприятие Великой Отечественной войны через произведения искусства». Её содержание:

1. Какие современные (давностью до 25 лет) фильмы о ВОВ вы смотрели?

7 вариантов ответов, возможен свой вариант.

2. Какие советские фильмы о ВОВ вы смотрели?

8 вариантов ответов, возможен свой вариант.

3. Какие сериалы о ВОВ вы смотрели?

8 вариантов ответов, возможен свой вариант.

4. Какие художественные книги о ВОВ вы читали?

8 вариантов ответов, возможен свой вариант.

5. Какие воспоминания о ВОВ вы читали (запишите имя/фамилию автора).

Целью данного исследования является выявление глубины погружения современной учащейся молодежи в киноискусство и литературу о ВОВ, так как это может помочь в выработке рекомендаций по воспитательной работе. Однако, данная выборка в любом случае носит прикидочный характер, так как опрошен был только 71 человек в связи с окончанием семестра. Тем не менее, с сентября работа будет продолжена, с охватом большей части аудитории 1-2 курсов КГСХА. Итак, статистика участников исследования представлена ниже.

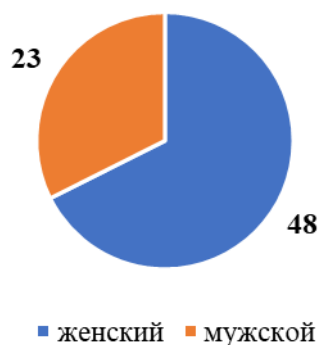

Рис. 1. Пол участников

Данное соотношение логично, так как отражает в целом половой состав на факультетах ветеринарной медицины и архитектурно-строительном [1].

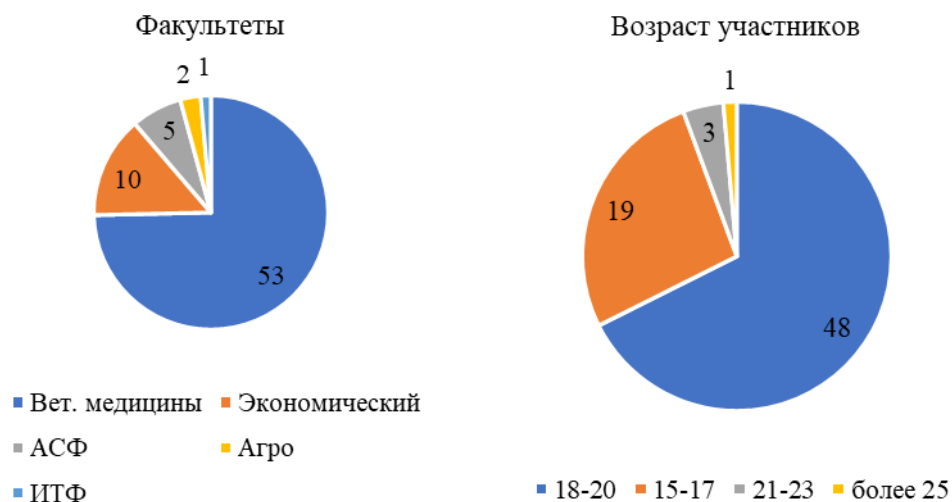

Рис. 2. Факультеты и возраст участников

Очевидно, что большинство опрошенных будет с факультета ветеринарной медицины, так как у них длиннее семестр. Возраст тоже очевиден – из опрошенных – 61 первокурсник и 10 – со второго курса. Четверо более старшего возраста – студенты 2 курса, поступившие после окончания программ СПО (в анкете опроса есть пункт «курс, на котором учитесь»).

Статистика по основным вопросам выглядит следующим образом:

Рис. 3. Какие современные (давностью до 25 лет) фильмы и ВОВ вы смотрели?

Рис. 4. Какие советские фильмы о ВОВ вы смотрели?

Рис. 5. Какие сериалы о ВОВ вы смотрели?

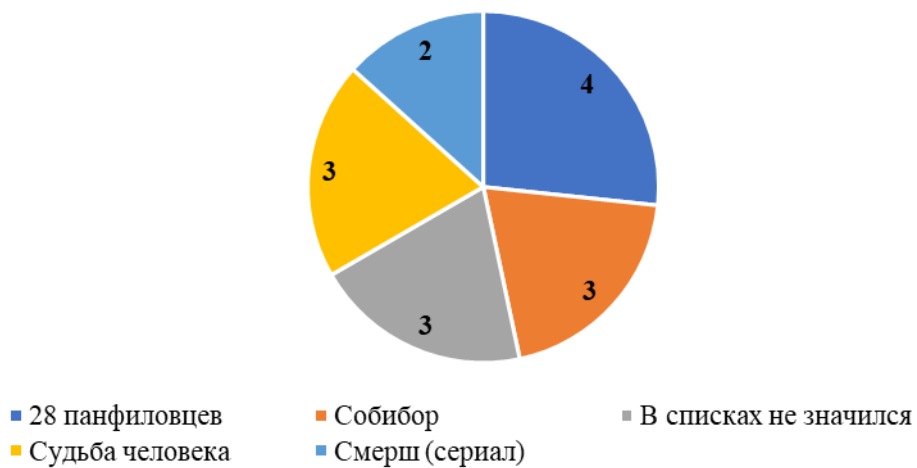

Рис. 6. Из дополнительных ответов (по всем 3 вопросам)

Таким образом, напрашиваются следующие выводы:

1. Осведомленность о киноискусстве на военную тему у аудитории 100%, однако степень её крайне неоднородна. Большинство отметили не более одной позиции в каждом вопросе, что говорит, скорее всего, об эпизодическом интересе к теме, возникающем по поводу памятных дат, праздников.

2. Практически одинаковое количество просмотренных советских и современных российских фильмов в данной выборке. Говорить об устойчивой тенденции, наверное, не стоит, так как выборка слишком мала, но, в целом, подтверждает факт успешной конкуренции советской кинопродукции даже в молодежной среде с современной российской.

3. Субъективно, но ответы в целом говорят в пользу того, что эстетические предпочтения студентов, а также их патриотическая позиция вполне адекватны: сериал «Штрафбат» и фильм «Девятаев» не являются лидерами просмотров; не было ни одного упоминания таких одиозных произведений, как «Зоя» (фильм 2020 года), «Утомленные солнцем-2», «Сволочи» и т.д. В то же время, хорошее современное кино («Подольские курсанты», «28 панфиловцев») занимают определенное место в предпочтениях студентов [2].

4. Литературные произведения, а тем более, мемуары о Великой Отечественной войне студенты, как и ожидалось, читают очень мало. Из художественных произведений можно выделить только «Василия Теркина» (8 упоминаний) и «А зори здесь тихие» (5 упоминаний); из мемуаров – «Воспоминания и размышления» Г.К. Жукова (3 упоминания).

Вышеприведенные соображения показывают, на наш взгляд, необходимость модифицировать опросник по литературным произведениям и мемуарам, сделать его с выбором вопросов, так как возможна ситуация, как и во время исследования «80 лет Победы. Историческая память студентов», когда студенты забывают, что они прочитали по той же школьной программе.

Список литературы

1. Официальный сайт ФГБОУ ВО Костромской ГСХА. URL: <https://kgsxa.ru/abit/prikazy-na-zachislenie/12027-prikaz-2-722-ot-2025-08-07> (дата обращения: 31.08.2025)
2. Новые российские фильмы про Великую Отечественную войну. URL: https://kino.mail.ru/cinema/selection/811_zenitchitsa_asmus_tankist_petrov_novie_rossiiskie_filmi_o_voine/?ysclid=mezm9wd1mt866985284 (дата обращения: 31.08.2025)

**ПАТРИОТИЧЕСКАЯ СТОЙКОСТЬ:
КАК ГЕРОИЗМ ВРЕМЕН ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
ФОРМИРУЕТ СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ
АНТИКРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
PATRIOTIC FORTITUDE: HOW THE HEROISM
OF THE SECOND WORLD WAR SHAPED MODERN
RUSSIAN CRISIS MANAGEMENT**

Я. Мнасри (Тунис)

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород*

Y. Mnassri (Tunisia)

*Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod*

**Научный руководитель: И.С. Леонова, д.с.н, доцент, профессор кафедры
отраслевой и прикладной социологии
ФСН ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород**

*Scientific supervisor: I.S. Leonova, PhD, Associate Professor, Professor of the
Department of Branch and Applied Sociology,
Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod*

Утверждается, что мифологические архетипы лидеров Второй мировой войны служат когнитивной основой для современного российского антикризисного управления. В наше время произошло много изменений, в том числе в политическом дискурсе и политике, что говорит о том, что некоторые черты передаются из поколения в поколение и по-прежнему влияют на стиль управления. У нас есть героические черты, мифологизированные в таких фигурах, как Жуков, который обладал стратегическим талантом, стоицизмом перед лицом невзгод и готовностью к коллективным жертвам, которые используются для легитимизации политики и мобилизации общественной поддержки в решении современных задач. В качестве примеров современных вызовов можно привести пандемию COVID-19 и экономические санкции. В данном исследовании рассматривается процесс распространения таких мифов в рамках теорий социальной идентичности, институционализации и активации черт характера. Кроме того, в нем подробно рассматриваются последствия модели "патриотической устойчивости". Установлено, что эта модель имеет двусторонний характер. С одной стороны, она представляет собой мощный инструмент для объединения и действий. С другой стороны, она ограничивает инновации и упрощает решение сложных современных проблем. Это утверждение дает важнейшую точку зрения на то, как преобладает историческая память и

как ее важность и влияние сохраняются в современном управлении и управленческих процессах.

Taking the context of the Russian Great Patriotic War, this conceptual paper argues that the mythological archetypes of WWII leadership serve as a cognitive frame for modern Russian crisis management. Contemporary times witnessed many changes, including ones in political discourse and policy, suggesting that some traits pass through generations and still influence the management style. We have heroic traits mythologised in figures like Zhukov, who had strategic brilliance, stoicism in the face of adversity, and willingness for collective sacrifice, come into play to legitimise policies and rally public support for present-day challenges. Some examples of current challenges were the COVID-19 pandemic and the economic sanctions. This study examines the process of such transfers of myths under the framework of social identity, institutional, and trait-activation theories. Furthermore, it elaborates on the implications of the "patriotic resilience" model. This model is found to have a double-sided nature. On one hand it presents a powerful script for unity and action. On one hand, it poses constraints on innovation and simplification of complex modern-day issues on the other. This contention provides a crucial viewpoint in uncovering how historical memory prevails and its importance and influence continue in nowadays governance and management processes.

Ключевые слова: патриотическая стойкость, историческая память, мифы о лидерстве, антикризисное управление, Россия, Великая Отечественная война.

Keywords: patriotic resilience, historical memory, leadership myths, crisis management, Russia, Great Patriotic War.

Introduction

There are two working tracks of national crisis management: logistical and symbolic. While the former is concerned with material resource allocation, these are, for the most part, secondary considerations in creating a social cohesion narrative to legitimise extraordinary measures and to steer public response. There is no stronger narrative in Russia than that of the Great Patriotic War (1941-1945). Accordingly, this paper supposes that leadership profiles that had emerged in the period have actually transcended their historical referents to emerge as a resilient cognitive framework for crisis management in the present day. We further argue that the mythic attributes placed upon WWII leaders, with themes of supreme strategic ingenuity, stoic defiance, and an ethos of collective sacrifice, are increasingly called up in contemporary political and business discourse to frame challenges and orchestrate responses. This, which we call "patriotic resilience", has therefore posed a splendid harness for mobilisation politics yet at the same time a very binding asset in allowing any real innovation or adaptive governance in the presence of non-linearly emerging complex threats.

Theoretical Framework: The Myth-to-Management Model

To analyse the mechanics of "patriotic resilience", I combine three theoretical perspectives:

- Social Identity Theory [1] gives the basic explanation about the ways in which groups work to increase in-group cohesion and distinctiveness by mobilising themselves around certain historical narratives. The victory in the Great Patriotic War becomes thus the greatest cornerstone of the contemporary Russian national identity, a unifying myth that overrides any individual difference

- Institutional Theory [2] describes the process by which this myth crystallises and becomes institutionalised. In state-subsidised education, the media, and through the yearly ritual of the Victory Day parade, the myth transforms from history into a taken-for-granted script that dictates appropriate organisational and national behaviour

- Trait-Activation Theory [3] affords the vital link between context and activity, inconsistent synthesis. It proposes contextual cues such as a crisis said to be an existential threat or a modern-day siege activate those particular leader traits that are socially accepted as appropriate. The WWII myth provides the definitive and emotionally resonant

The synthesised model is therefore entailing that we have an external crisis that triggers institutionalised mythological frameworks, which in turn activate specific leadership behaviours. These behaviours are designed to reinforce social identity and collective action, but this often comes at the expense of alternative strategies.

Deconstructing the WWII Leadership Archetype

Russian historical memory has condensed complex wartime leadership into several powerful, simplified archetypes:

- The Strategic Genius: Here we have the figure of Marshal Georgy Zhukov. He is known for his brutal pragmatism and an unparalleled ability to turn certain defeat into victory through sheer will and skill [4]. This archetype values decisive, top-down action

- The Stoic Defender: Represented by the defenders of Stalingrad and Leningrad? They symbolise the ultimate sacrifice and resilience against a seemingly invincible enemy [5]. This archetype normalises suffering and unwavering defiance

- The Collective Hero: The entire "home front", where every citizen's personal sacrifice was vital to the collective outcome, erasing the line between soldier and civilian [6]. This archetype prioritises the group over the individual

Mechanisms of Myth Transfer to Modern Crisis Management

The transfer of these archetypes is facilitated by specific, state-supported channels:

1. *Educational Indoctrination:* The state-prescribed history curriculum emphasizes a singular, patriotic narrative of the war, shaping the worldview of future citizens and managers from a young age [7].

2. *Political Discourse*: Modern leadership directly invokes WWII parallels. President Vladimir Putin's rhetoric consistently frames challenges, from NATO expansion to internal dissent, as existential battles akin to 1941, requiring the same unity and sacrifice [8;9].

3. *Cultural Permeation*: The archetypes are constantly reinforced through media, film, and public monuments [10], ensuring their emotional resonance and accessibility as behavioural models.

Case Analysis: Modern Crises Through a Mythological Lens

- *The COVID-19 Pandemic*: The state's response was framed not merely as public health but as a patriotic mobilisation. The rapid development of the Sputnik V vaccine was presented as a modern-day feat of Soviet-style scientific ingenuity, a "front-line" breakthrough against a foreign threat. Public compliance with lockdowns was framed as a civic duty, directly echoing the sacrifices of the home front [11; 12].

- *Economic Sanctions (2014-Present)*: The policy of "import substitution" (импортозамещение) is the clearest example. It is rhetorically framed as a modern-day industrial siege, requiring the same traits of ingenuity, self-sufficiency, and stoic endurance mythologized from the war. The narrative is not of economic hardship but of a nation rallying to overcome an external stranglehold, much like the WWII effort [13].

Discussion: The Double-Edged Sword of Mythological Resilience

The use of this mythological framework offers strengths: it provides a pre-made script for action, fosters rapid social cohesion, and simplifies complex crises into a familiar "us vs. them" paradigm, reducing uncertainty.

However, it presents significant risks that impact modern management:

- *Stifling Innovation*: True innovation often requires questioning established paradigms. A management culture overly reliant on a historical script may penalize dissenting voices or unconventional solutions as "unpatriotic" or a threat to unity.

- *Oversimplification*: Modern globalized crises are multifaceted and rarely mirror a wartime siege. Applying a WWII lens can lead to inappropriate policies that fail to address the nuances of economic, technological, or biological challenges.

- *The Expectation of Suffering*: The myth normalizes extreme sacrifice and hardship as a necessary path to victory, potentially leading to the acceptance of lower living standards and the suppression of legitimate public grievance.

Conclusion and Avenues for Future Research

The leadership myth of World War II is still a powerful idea in the Russian managerial and political toolkit and is very much active when applied toward working through contemporary crises. This paper has put forth the theoretical

mechanisms of transfer and has been able to illustrate some very recent examples of its application. "Patriotic resilience" is a key vantage point for looking at the challenges modern Russia has to face. Future work will want to put this model to an empirical test through content analysis of political speeches, ethnographic studies of corporate culture under sanctions, and surveys measuring the internalisation of these archetypes among Russian managers, with the goal of understanding where the practical limits for the memory of history lie as a tool in management.

References

1. Tajfel, H., & Turner, J.C. (1979). An integrative theory of intergroup conflict. In W.G. Austin, & S. Worchel (Eds.), *The social psychology of intergroup relations* (pp. 33-37). Monterey, CA: Brooks/Cole.
2. Powell, W., & Bromley, P. (2015). New Institutionalism in the Analysis of Complex Organizations. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.32181-X>
3. Tett, R. P., & Guterman, H. A. (2000). Situation trait relevance, trait expression, and cross-situational consistency: Testing a principle of trait activation. *Journal of Research in Personality*, 34, 397-423.
4. Bellamy, C. (avec Internet Archive). (2007). *Absolute war: Soviet Russia in the Second World War: a modern history*. London: Pan Books. URL: <http://archive.org/details/absolutewarsovie0000bell> (date of request: 26.09.2025)
5. Merridale, C. (s. d.). *Ivan's War: Life and Death in the Red Army, 1939-1945*. Goodreads. Consulté 26 septembre 2025, à l'adresse. URL: https://www.goodreads.com/book/show/84571.Ivan_s_War (date of request: 26.09.2025)
6. Barber, J. (s. d.). *The Soviet Home Front, 1941-1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II* 0582009642, 9780582009646. Dokumen.Pub. Consulté 26 septembre 2025, à l'adresse. URL: <https://dokumen.pub/the-soviet-home-front-1941-1945-a-social-and-economic-history-of-the-ussr-in-world-war-ii-0582009642-9780582009646.html> (date of request: 26.09.2025)
7. Zajda, J., & Zajda, R. (2003). The Politics of Rewriting History: New History Textbooks and Curriculum Materials in Russia. *International Review of Education*, 49, 363-384. <https://doi.org/10.1023/A:1025311605062>
8. Hutcheson S., D., & Bo, P. (s. d.). *Shortcut to Legitimacy: Popularity in Putin's Russia: Europe-Asia Studies: Vol 68. No 7*. Get Access. Consulté 26 septembre 2025, à l'adresse URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09668136.2016.1216949> (date of request: 26.09.2025)
9. Kuzmenko, H. (2025). Conceptualization of Russia's Strategic Narratives in the Full-Scale Russo-Ukrainian War. *Scientific notes of the Institute of Journalism*, 86, 35-47. <https://doi.org/10.17721/2522-1272.2025.86.3>
10. Tumarkin, N. (c1994). *The living & the dead: The rise and fall of the cult of World War II in Russia*. Basic Books. URL: <https://hdl.handle.net/2027/heb05302.0001.001> (date of request: 26.09.2025)

11. Khokhlov, N. (2025). The Political Economy of the COVID-19 Response in Autocracies: Evidence from the Russian Regions. *Europe-Asia Studies*, 77(6), 977-999. <https://doi.org/10.1080/09668136.2025.2512121>

12. Iwasaki, I. (2022). How Do Economic Activities Spur the COVID-19 Pandemic in Russia? A Dynamic Panel Data Analysis.

13. Connolly, R. (2018). Russia's Response to Sanctions: How Western Economic Statecraft is Reshaping Political Economy in Russia. <https://doi.org/10.1017/9781108227346>

**НАРОДНЫЕ ОПОЛЧЕНИЯ ЛЕНИНГРАДА
И СТАЛИНГРАДА В ПАМЯТИ НАРОДА
THE PEOPLE'S MILITIAS OF LENINGRAD AND STALINGRAD
IN THE MEMORY OF THE PEOPLE**

Л.П. Муромцева

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, г. Москва*

В.Б. Перхавко

Институт российской истории РАН, г. Москва

L.P. Muromtseva

Lomonosov Moscow State University, Moscow

V.B. Perkhavko

Institute of Russian History

of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Уже в конце июня 1941 г. ленинградцы выступили с инициативой создания массовых добровольческих формирований, за которыми со 2–3 июля закрепилось наименование «дивизии народного ополчения» (ДНО). В начале июля 1941 г. в столице СССР были сформированы 12 дивизий ДНО, в состав которых вошли преимущественно добровольцы из 160 тысяч представителей интеллигенции, рабочих и служащих Москвы и Московской области. В Ленинградской армии народного ополчения еще в июле, то есть задолго до сражения под Ельней, появились даже первые гвардейские дивизии. Соединения московских и ленинградских ополченцев, преобразованные в сентябре 1941 г. в регулярные части РККА, не посрамили славу своих предков, защищая Родину. Резервом для Красной Армии стал и Сталинградский корпус народного ополчения 1941–1942 гг. Однако, до сих пор недостаточно изученным остается процесс формирования памяти о самопожертвовании и героизме ополченцев начального периода Великой Отечественной войны как столицы, так и других городов России (прежде всего, Ленинграда и Сталинграда) с 1942 г. и по настоящее время.

Leningraders took the initiative to create mass volunteer units, which were designated as “People's Militia Divisions” (PMD) from July 2-3. In early July 1941, 12 PMD were formed in

the capital of the USSR, consisting primarily of volunteers from 160,000 intellectuals, workers, and employees from Moscow and the Moscow region. Even the first Guards divisions appeared in the Leningrad People's Militia Army in July, long before the Battle of Yelnya. The formations of the Moscow and Leningrad militias, which were later transformed into regular units of the Red Army in September 1941, did not shame the glory of their ancestors by defending their homeland. The Stalingrad People's Militia Corps of 1941-1942 also served as a reserve for the Red Army. However, the process of forming the memory of the self-sacrifice and heroism of the militia during the initial period of the Great Patriotic War, both in the capital and in other Russian cities (primarily Leningrad and Stalingrad), from 1942 to the present, remains insufficiently studied.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, дивизии народного ополчения, ветераны войны, встречи, молодежь, воспоминания, памятники.

Keywords: Great Patriotic War, People's Militia Divisions, war veterans, meetings, youth, memories, monuments.

Обратившись к истокам увековечения памяти о частях народного ополчения начального периода Великой Отечественной войны, мы обнаружили, что первые шаги в данном направлении сделали сами ополченцы, а также историки еще в 1942 г., когда до Победы было так далеко. В Научном архиве Института российской истории РАН хранятся материалы Комиссии по истории Великой Отечественной войны под руководством И.И. Минца. Эта Комиссия была создана при Президиуме АН СССР уже в декабре 1941 г. К концу 1942 г. была отработана методика интервьюирования при создании истории боевых частей и соединений Красной Армии, которая содержалась в обобщенном виде в специальной Инструкции. В ней рекомендовалось: «Необходимо записать живые рассказы отдельных командиров, политработников, бойцов об отдельных боевых эпизодах, целых периодах жизни, встречах, мыслях, чувствах и т.д.» [1, с. 355, 357; 2].

В стенографических записях воспоминаний ополченцев, сделанных в 1942-1945 гг. сотрудниками Комиссии И.И. Минца, обычно присутствуют следующие сюжеты: 1) формирование и комплектование дивизии в одном из районов Москвы; 2) командный состав дивизии; 3) материально-техническое снабжение; 4) военная подготовка; 5) участие в боевых действиях осенью 1941 г.; 6) вражеское окружение части и выход из него.

В блокадном Ленинграде в конце лета 1942 г. Госполитиздатом была выпущена брошюра С.М. Бардина и В.Л. Мольво «Бойцы Московской заставы» [3]. С.М. Бардин являлся членом комиссии по отбору ополченцев на заводе «Скороход», а затем комиссаром стрелкового батальона одного из пехотных полков 2-й дивизии народного ополчения ЛАНО. В.Л. Мольво был редактором дивизионной газеты «За победу».

Сотрудники Комиссии по истории Великой Отечественной войны (Э.Б. Генкина и др.) в конце 1942 – начале 1943 г. дважды выезжали в Сталинград для встреч и бесед с бойцами, командирами, партийными и советскими работниками, представителями населения города [4, с. 132–135, 140]. 26 марта 1943 г. ими было взято интервью у Михаила Александровича Водолагина, секретаря Сталинградского обкома партии по агитации и пропаганде, являвшегося в 1941–1942 гг. комиссаром Сталинградского корпуса народного ополчения [Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Разд. III. Оп. 5. Д. 22. Л. 1-14]. Очевидно, эти поездки и встречи послужили импульсом для создания в 1943 г. Сталинградской областной комиссии по истории Отечественной войны, благодаря которой, вскоре была издана книга «Героический Сталинград» [5, с. 28–34; 6; 4, с. 157, 181–182, 191].

18 июня 1942 г. начальник Музейно-краеведческого отдела Наркомпроса РСФСР А.Д. Маневский и директор НИИ краеведческой и музейной работы И.П. Кряжин разослали методические указания музеям «О сборе вещественных и документальных материалов Великой Отечественной войны» [7]. Они рекомендовали собирать разноплановые документальные материалы, в том числе «записки, воспоминания, письма, записи показаний и рассказов очевидцев».

В Отделе редкой книги Государственной публичной исторической библиотеки (ГПИБ) России хранится 4-й машинописный экземпляр рукописи И.М. Айзенштадта «В боях под Ленинградом (Воспоминания о 86-ой С/Д, бывшей 4-ой дивизии народного ополчения)» [8, ОИК-71563]. Они были написаны инвалидом войны 1-й группы, старшим лейтенантом И.М. Айзенштадтом в основном еще в 1947 г., но впоследствии дорабатывались в Ленинграде по 1960 г. [8].

В сентябре 1956 г. был создан Советский комитет ветеранов войны, одной из задач которого стало героико-патриотическое воспитание молодежи. Ленинградец Н.С. Кудрин, бывший в июле 1941 г. заместителем начальника штаба по тылу 2-й дивизии ЛАНО, опубликовал свои воспоминания в 1960 г. Встречи ветеранов войны, в том числе ополченцев, стали часто проводиться во время и после торжественного празднования 20-летия Победы над фашистской Германией в 1965 г., а также в 1971 и 1975 гг. В них участвовали комсомольцы – студенты и аспиранты Московского государственного университета имени М.В. Ломоносов, занимавшиеся под руководством профессора-фронтовика М.Т. Белявского поисками могил павших героев, в том числе и авторы данной публикации. Нам на всю жизнь запомнилось общение с такими необыкновенными людьми, прошедшими через

неимоверные испытания Великой Отечественной войны, как: Г.Г. Пушкин, правнук великого поэта; выдающийся драматург В.С. Розов; профессор-историк В.А. Дунаевский.

О самоотверженности и героизме участников народных ополчений Москвы, Ленинграда, Сталинграда и других городов России помнят их потомки – дети, внуки и правнуки. Ведь Великая Отечественная война отразилась и в судьбах людей, и в семейной памяти. С 2021 г. функционирует Автономная некоммерческая организация «Сообщество потомков московских ополченцев Великой Отечественной войны». В планах работы Сообщества – организация передвижных и стационарных выставок, посвященных дивизиям Народного ополчения, издательская деятельность, мемориально-патронатные акции, поездки по местам боев и местам расположения лагерей военнопленных ополченцев. Сообщество продолжает формирование поименной базы данных бойцов и командиров дивизий народного ополчения и пополнение фондов школьных музеев. В местах боев ополченцев 1941 г. в Ленинградской, Московской и Смоленской областях активно работают поисковые отряды, в результате деятельности которых удастся обнаружить и останки павших бойцов, и предметы их вооружения, и бытовые вещи, которые передаются на хранение в музеи. В Москве, Московской и Смоленской областях, в Санкт-Петербурге и его окрестностях установлено немало памятников и мемориальных досок народным ополченцам Великой Отечественной войны, которые жертвовали собой во имя защиты Родины [9; 10]. Мы должны не только всегда помнить об их подвиге, но и передавать свои впечатления от общения с народными ополченцами представителям молодого поколения россиян.

Список литературы

1. Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941-1945 гг. / А.Г. Гуськов, К.С. Дроздов, С.В. Журавлев, В.Н. Круглов, Д.Д. Лотарева, В.В. Тихонов; отв. ред. С.В. Журавлев. – М.; СПб., 2015. 383 с.
2. Курносов, А.А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны (Организация и методика собирания) // Археографический ежегодник. 1973 г. – М., 1974. С. 11–132.
3. Бардин, С., Мольво, В. Бойцы Московской заставы. – Л., 1942. 48 с.
4. Сталинградская битва: свидетельства участников и очевидцев. По материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг. / Отв. ред. Й. Хелльбек. М., 2015. 672 с.
5. Водолагин, М.А. Народное сталинградское ополчение // Исторический журнал. 1945. № 3. С. 28-34.

6. Народный подвиг Сталинграда: добровольческие формирования гражданского населения 1941-1945 гг.: документы и материалы / под ред. М.М. Загорулько. Волгоград, 2007. 352 с.
7. О сборе вещественных и документальных материалов Великой Отечественной войны. – М., 1942. 10 с.
8. Государственная публичная историческая библиотека (ГПИБ), ОИК-71563.
9. Гусаров, А.Ю. Памятники воинской славы Петербурга. – СПб.: «Паритет», 2010. 400 с.
10. Павленко, П.П. Они отстояли Москву. Навечно в памяти. Изд. 2-е, изм. и доп. – М., 2023. 192 с.

**РОЛЬ НКО В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**
**THE ROLE OF NGOs IN PRESERVING THE HISTORICAL MEMORY
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Т.Ю. Петрова

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород*

T.Y. Petrova

*Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University,
Nizhniy Novgorod*

Посвящено важной теме: роли некоммерческого сектора в сохранении и трансляции исторической памяти о Великой Отечественной войне. В контексте актуальной общественной дискуссии о интерпретациях прошлого и повышенного внимания к историческому наследию, рассмотрена деятельность «непрофильных» НКО, вовлеченных в этот процесс, показана их роль и перспективы взаимодействия с другими акторами.

This study addresses a crucial topic: the role of the non-profit sector in preserving and transmitting historical memory of the Great Patriotic War. Against the backdrop of ongoing public debate surrounding interpretations of the past and heightened attention to historical heritage, the activities of "non-core" NGOs involved in this process are examined. The paper highlights their role and explores the potential for interaction with other actors in the field.

Ключевые слова: некоммерческий сектор, историческая память, Великая Отечественная Война, НКО.

Keywords: Non-profit sector, historical memory, Great Patriotic War

На фоне возрастающего интереса к вопросам сохранения исторической памяти и в условиях активных дискуссий о трактовке событий прошлого

данная работа посвящена исследованию роли некоторых некоммерческих организаций (НКО) в поддержании и трансляции знаний о Великой Отечественной войне.

Прежде чем приступить к эмпирическому анализу роли некоммерческих организаций в контексте Великой Отечественной войны, необходимо определить ключевые понятия, лежащие в основе исследования.

В условиях стремительного технологического развития и социально-экономических потрясений последних лет новые поколения сталкиваются с вызовами, затрагивающими как индивидуальную, так и коллективную идентичность, усиливается тенденция к ослаблению исторической памяти и традиционных ценностных ориентиров. Быстрые и часто непредсказуемые изменения во всех сферах жизни современной России создают предпосылки для возникновения социальной аномии и ослабления связи с культурным наследием.

В рамках данного исследования мы будем понимать историческую память как «коллективно разделяемые и транслируемые представления о прошлом, формирующиеся на основе как фактических событий, так и их интерпретаций, символов и мифов, влияющих на идентичность, ценности и поведение социальных групп» [1]. Таким образом, историческая память – не просто список фактов, она включает интерпретации этих фактов, моральные оценки исторических событий и фигур, а также чувства (гордость, стыд, скорбь), связанные с прошлым. Историческая память играет важную роль в формировании чувства принадлежности к определенной группе, понимания своего места в мире и определения целей и ценностей. Это не просто знание истории, а то, как общество и отдельные его члены используют прошлое для понимания настоящего и конструирования будущего, это основа для некоего общего культурного кода, который служит фундаментом для построения консолидированного общества. Поскольку историческая память формируется и поддерживается через социальные институты – образование, культура, искусство, СМИ, структурные изменения последних лет привели к ослаблению традиционных каналов трансляции исторического опыта. Это, в свою очередь, способствовало к увеличению восприимчивости к альтернативным, часто искаженным, интерпретациям прошлого, что в конечном итоге подрывает социальную солидарность и может провоцировать конфликты, основанные на разном понимании и оценке исторических событий.

В годовщину празднования победы значимым становится вопрос о поддержании и трансляции исторической памяти об этом периоде. С одной стороны, в современной России сложно найти человека, который бы ничего

не знал о Великой Отечественной войне. Этот исторический период глубоко вошел в нашу коллективную память. Практически каждая семья хранит истории о войне, передаваемые из поколения в поколение. По данным ВЦИОМ [2], россияне по отношению к Великой Отечественной Войне проявляют потрясающее единство: 98% уверены, что память о войне важно сохранять. Память о Победе меняется от поколения к поколению: для самого старшего поколения, детей войны и детей участников войны победа является личной историей. Среднее поколение (1968-1981 годов рождения) воспринимает Победу, сочетая элементы и коллективного, и личного – национальной гордости с акцентом на памяти и истории. Молодое поколение, родившиеся в конце XX века и позже, чаще ощущают значимость Победы как части национальной идентичности и единства.

В связи с уменьшением числа ветеранов и непосредственных участников событий, возрастает роль последующих поколений в качестве хранителей исторического наследия. Ответственность за сохранение памяти о подвиге участников боевых действий, тружеников тыла и всех граждан Советского Союза, внесших вклад в победу над фашизмом и нацизмом, все больше переходит к потомкам и институтам гражданского общества. Особую роль в этом процессе играют некоммерческие организации и низовые гражданские инициативы, действующие как в пределах Российской Федерации, так и за рубежом, выступая в качестве ключевых агентов сохранения и распространения исторической памяти о Великой Отечественной войне.

Некоммерческие организации (НКО) играют важную роль в поддержании и развитии исторической памяти.

1. Государство выступает главным и влиятельным субъектом формирования и поддержания исторической памяти, но в силу своей многоуровневой структуры и большого количества взаимодействующих институтов, государственным органам, ответственным за сохранение исторической памяти, свойственна определенная инертность и ограниченная оперативность в реагировании на возникающие потребности и вызовы. НКО, обладая большей гибкостью и независимостью, могут заполнять ниши, которые остаются вне зоны внимания государства, например, исследование малоизвестных аспектов истории, поддержка инициатив "снизу". Примером может служить акция «Бессмертный полк».

2. НКО, особенно те, которые основаны на волонтерских началах, способствуют вовлечению граждан в процесс сохранения истории. Это повышает осведомленность об историческом наследии, формирует чувство

ответственности за его сохранение и укрепляет социальные связи между людьми, объединенными общими историческими интересами.

3. НКО часто фокусируются на сохранении локальной истории и памяти, которая может быть упущена из виду в общенациональном контексте. Они занимаются сбором устных свидетельств, восстановлением местных памятников, организацией краеведческих исследований, тем самым укрепляя связь между людьми и их малой родиной и способствуя формированию локальной идентичности.

4. НКО часто более открыты к использованию инновационных методов и технологий в своей работе по сохранению исторической памяти. Они активно используют социальные сети, онлайн-платформы, интерактивные выставки и другие современные инструменты для привлечения внимания к историческим проблемам и вовлечения молодежи в процесс изучения прошлого.

Таким образом, НКО выступают в качестве важного социального института, способствующего диверсификации каналов трансляции исторической памяти, расширению круга заинтересованных лиц и развитию критического мышления в отношении прошлого, что, в конечном итоге, укрепляет социальную стабильность и способствует формированию более зрелого и ответственного гражданского общества.

Основные направления деятельности НКО в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне:

- поисковая работа и увековечение памяти погибших: поисковые экспедиции, установление имен, создание мемориалов и памятников;
- образовательная и просветительская деятельность: организация выставок, лекций, конференций, конкурсов, исторических реконструкций;
- военно-патриотическое воспитание молодежи: организация военно-исторических клубов, проведение военно-спортивных игр;
- противодействие фальсификации истории: мониторинг СМИ и интернет-ресурсов, публикация материалов, опровергающих ложные утверждения.

В контексте деятельности НКО по сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне можно выделить две ключевые категории:

1. «Профильные» НКО – это организации, в чьих учредительных документах и миссии явно прописаны цели, связанные с сохранением исторической памяти о Великой Отечественной войне, увековечиванием подвига советского народа, противодействием фальсификации истории. Их деятельность целенаправленно сфокусирована на реализации проектов и инициатив, направленных на достижение этих целей.

2. «Непрофильные» НКО – это организации, чья основная деятельность направлена на решение других социальных проблем (например, помощь семьям), но которые в рамках своей деятельности тоже реализуют проекты или инициативы, связанные с Великой Отечественной войной.

В рамках настоящего исследования особое внимание уделяется деятельности неспециализированных некоммерческих организаций, в первую очередь тех, чья основная миссия связана с оказанием помощи семьям. Одна из черт исторической памяти – это индивидуальная память. С момента победы прошло 80 лет, конечно, боевые действия и эхо войны продолжалось еще несколько лет, но живых участников той войны практически не осталось, да и поколение детей войны тоже уходит от нас. У молодежи, как правило, нет уже живых родственников – участников и свидетелей войны. Формирование индивидуальной памяти о войне для них все чаще происходит опосредованно, через рассказы бабушек и дедушек, представителей поколения «детей войны», а также через родительское поколение – внуков «детей войны». Таким образом, историческая память все больше трансформируется из «пережитой» в «конструируемую» через семейные нарративы и социальные институты.

Одна из задач исследования заключается в выявлении степени и форм вовлеченности неспециализированных НКО в процесс передачи исторической памяти. Нами было проведено интервью с руководителями НООО «Ассоциация многодетных семей» и НРОО «Некоммерческий союз многодетных семей «Мы вместе». Анализ деятельности обеих организаций выявил их активную роль в поддержании исторической памяти о Великой Отечественной войне. Эта деятельность проявляется в активном участии в партнерских инициативах с другими НКО. Кроме того, волонтеры обеих организаций принимают непосредственное участие в различных гражданских инициативах, направленных на сохранение и популяризацию исторического наследия, связанных с событиями Великой Отечественной войны. Такой комплексный подход позволяет им вносить существенный вклад в поддержание связи поколений и сохранение памяти о войне в обществе.

Список литературы

1. Ягодка, Н.Н. Роль некоммерческих организаций и гражданских инициатив в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 1. С. 93-101.
2. ВЦИОМ. Новости. Великой Победе – 80 лет// URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikoi-pobede-80-let>. (дата обращения: 05.09.2025).

**АКТУАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПЕРЕДАЧИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ
CURRENT MECHANISMS OF HISTORICAL MEMORY
TRANSMISSION AMONG YOUNG PEOPLE**

Е.А. Полякова

Южно-Российский филиал ФНИСЦ РАН

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

E.A. Polyakova

South-Russian branch of the FNSC RAS

Southern Federal University

Rostov-on-Don

В последние годы сложилось понимание значимости исторической памяти как инструмента социального влияния. Возникла потребность в разработке национальной стратегии, направленной на укрепление исторического сознания молодого поколения. Её ценность заключается в содействии консолидации российского общества. В рамках представленной работы будет проведен анализ примеров эффективных способов сохранения исторической памяти в молодёжной среде.

In recent years, an understanding of the importance of historical memory as a tool for social influence has emerged. There is a need to develop a national strategy aimed at strengthening the historical consciousness of the younger generation. Its value lies in promoting the consolidation of Russian society. And within the framework of the presented work, an analysis of examples of effective ways to preserve historical memory among young people will be conducted.

Ключевые слова: историческая память, механизмы передачи, молодёжь, студенческая молодёжь, Великая Отечественная война.

Keywords: historical memory, transmission mechanisms, youth, student youth, the Great Patriotic War.

В настоящее время вопросы сохранения и трансляции исторической памяти приобретают исключительную значимость. Она является не просто хранилищем знаний о прошлом, но и служит инструментом формирования национальной идентичности, гражданской ответственности и преемственности поколений, о чём достаточно часто говорят эксперты.

В этой сложной системе координат особая роль отводится молодежи – поколению, которое должно унаследовать и осмыслить накопленный исторический опыт. Однако, современная молодёжь растёт в условиях, существенно отличающихся от тех, в которых формировались представления о прошлом у предыдущих поколений. Цифровое пространство, насыщенное

разнообразной и зачастую противоречивой информацией, создает новые вызовы для трансляции исторической памяти. Традиционные каналы, такие как семья, школа и музеи, конкурируют с социальными сетями, онлайн-играми и видеохостингами, где история нередко предстает в упрощенном, искаженном или даже фальсифицированном виде. Необходимо выявление этих механизмов и факторов, а также разработка рекомендаций по оптимизации процесса передачи исторической памяти в молодежной среде. В качестве главного объекта для рассмотрения восприятие и трансляция памяти о Великой Отечественной войне, трансляция молодому поколению.

Сохранение исторической памяти и национально-культурной идентичности является направляющим направлением работы российской государственной политики. В контексте этих усилий создание Национального центра исторической памяти при Президенте РФ (Указ Президента РФ от 02.11.2023 г. № 817) [1] свидетельствует о стремлении государства к активной защите и продвижению традиционных российских ценностей. Не менее важным направлением является укрепление роли исторической науки в образовательном процессе. Обязательное изучение дисциплины «История России» и «Основы российской государственности», закрепленное в федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования [2], призвано обеспечить формирование у будущих поколений чувства национальной принадлежности и глубокого понимания исторического пути страны. На примере именно студенческой молодежи исследуем вопрос влияния разных каналов трансляции исторической памяти и их эффективности в представленной среде.

Определение «исторической памяти» остается дискуссионным, не имея общепринятой формулировки, фигурируя в исследованиях, охватывающих широкий спектр дисциплин: от философии и истории до лингвистики, социологии, педагогики и психологии. Особое внимание в контексте изучения исторической памяти заслуживают работы социолога Ж.Т. Тощенко, который определяет историческую память как «специфическую структуру сознания, в которой прошлое наделяется исключительной значимостью». Это – одна из наиболее общих интерпретаций рассматриваемого феномена [3].

Онтологические и ценностные основания исторической памяти стали предметом углубленного философского анализа в кандидатской диссертации С. Ю. Анисимовой, где раскрывается социально-онтологическая природа исторической памяти, оцениваются социально-философские и ценностные измерения исторической памяти, что особенно актуально в контексте

современных усилий российского государства и общества по воспитанию патриотизма [4].

Историческая память проявляется в многообразии форм – от непосредственных личных воспоминаний до масштабных культурных конструкторов. О.Б. Леонтьева выделяет «коммуникативную память», охватывающую опыт нескольких поколений современников, и «культурную память», связующую настоящее с далеким прошлым. Она также различает "мягкую" память, воплощенную в субъективных переживаниях и личных записях, и "жесткую" память, зафиксированную в «местах памяти» – музеях, мемориалах, официальных памятных датах [5]. Несмотря на это разнообразие, истоки исторической памяти обнаруживаются в индивидуальном опыте и ближайшем окружении, прежде всего, в семейной памяти, основанной на кровном родстве. Хотя у большинства современных людей эта память обычно не простирается далее третьего-четвертого поколения, для многих народов сохранение памяти о предках имеет глубокое символическое значение.

В рамках проведённого нами исследования указанная выше типология берётся за основу, но выделяются конкретные агенты, которые историческую память могут транслировать и передавать. Отметим, что для получения результатов был реализован ряд фокус-групп, участниками которых стали студенты Южного федерального университета в возрасте от 17 до 21 года. В ходе изучения, среди прочего, в одном из тематических блоков внимание было уделено наиболее важным общественным институтам, которые повлияли на восприятие важного для России события – Великой Отечественной войны.

Данное пилотажное исследование позволило провести анализ роли семьи в передаче исторической памяти, влияния образовательных институтов (школы, вуза) на формирование исторического сознания молодежи, роли медиа (телевидение, кино, интернет, социальные сети) в трансляции исторической информации, а также определение значения культурных институтов (музеи, архивы, библиотеки, памятники) в сохранении и передаче исторической памяти.

Из ряда наиболее значимых институтов, которые оказывают большее влияние на восприятие событий ВОВ, а также наиболее эффективно транслируют память о тех событиях и мировоззренческие установки, касающиеся этой темы, были выделены: семья, включая родителей и родственников. На втором месте по значимости отмечаются средства медиа для трансляции исторических событий. И в меньшей степени молодые

респонденты ссылались на образовательные институты, с которыми тесно связана жизнь студенческой молодежи.

Нам удалось выявить, что наиболее эффективным средством трансляции памяти о Великой Отечественной войне, её событиях, важных датах, героях и доле советских граждан в тяжелые для страны времена являются опыт и модели восприятия данных явлений, перенятые у родителей и родственников опрошенных нами студентов. Наиболее осведомлёнными о военных событиях оказались те участники исследования, которые хранят семейную память о воевавших родственниках, о семейных воспоминаниях и реликвиях, которые хранятся с тех времён. Такие практики достаточно актуальны, как и празднование Дня Победы в кругу семьи, встречи и поездки к старшим родственникам. Большую роль играют практики семейных рассказов и реликвий в формировании личной и коллективной памяти, именно семейные ценности и традиции влияют на восприятие истории.

В современных социокультурных условиях происходит трансформация каналов и способов передачи исторической памяти. Наряду с традиционными механизмами (семья, образование, культурные институты) все большее значение приобретают медиа (телевидение, кино, интернет, социальные сети).

Определено, что семья играет важную роль в передаче исторической памяти, формируя личную и коллективную память через семейные рассказы, реликвии и традиции. Однако, в современном обществе влияние семьи на формирование исторического сознания молодежи может ослабевать из-за различных факторов. Медиа оказывают мощное воздействие на формирование образов прошлого, распространяя историческую информацию и формируя определенные нарративы.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 02.11.2023 г. № 817. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49912> (дата обращения: 15.03.2025)
2. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования по направлениям бакалавриата. Образование и педагогические науки. URL: <https://fgosvo.ru/fgosvo/index/24/94> (Дата обращения: 15.03.2025)
3. Тощенко, Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4.
4. Анисимова, С.Ю. Историческая память: онтологические и ценностные основания: автореф. дисс. ... к. фи-лос. н. Саратов, 2021.
5. Леонтьева, О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара, 2011. С. 8-9.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ: РОЛЬ ВОЛОНТЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ* THE HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AMONG UNIVERSITY STUDENTS: THE ROLE OF THE VOLUNTEER MOVEMENT

Е.И. Початкова

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

E.I. Pochatkova

Ural Federal University, Yekaterinburg

На материалах федерального опроса российских студентов анализируется связь волонтерской деятельности с исторической памятью о Великой Отечественной войне. Установлено, что студенты-волонтеры демонстрируют более позитивное восприятие наследия Великой Победы, высоко оценивают свои знания о событиях тех времен, чаще стремятся их совершенствовать в сравнении со сверстниками, не имеющими опыта волонтерства.

The connection between volunteer activity and historical memory of the Great Patriotic War is analyzed using materials from a federal survey of Russian students. It has been established that student volunteers demonstrate a more positive perception of the legacy of the Great Victory, highly evaluate their knowledge of the events of those times, and more often strive to improve it, in comparison with their peers who do not have volunteer experience.

Ключевые слова: историческая память, российское студенчество, Великая Отечественная война, волонтерство, добровольчество.

Keywords: historical memory, Russian students, Great Patriotic War, volunteering.

Волонтерское движение является одним из ключевых инструментов формирования гражданственности молодого поколения [1]. Ранее исследователями уже фиксировалась связь добровольческой активности с формированием более качественно и содержательно наполненной исторической памяти студентов [2]. В год 80-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне особую актуальность приобретает поиск эффективных практик сохранения исторической памяти о данном событии в молодежной среде. Важно понять, продолжает ли участие в волонтерской деятельности связываться с более глубоким восприятием исторического наследия Великой Победы.

Эмпирические данные были собраны в ходе V-ой волны мониторингового исследования Российского общества социологов

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (№ 25-28-00900, rscf.ru/project/25-28-00900/)

«Российское студенчество о Великой Отечественной войне», опрос проводился в формате онлайн. Выборочная совокупность – стихийная. Для целей данной работы из общего массива были отобраны граждане РФ, получающие образование в нашей стране, обучающиеся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, сумевшие однозначно ответить на вопрос об участии в волонтерском движении. Для обеспечения большей репрезентативности выводов, представленных в работе, нами была проведена процедура взвешивания для приведения выборки ближе к структуре генеральной совокупности. В качестве квот были выбраны такие характеристики, как пол, уровень получаемого образования (бакалавриат, специалитет, магистратура). Информация о пропорциональном распределении девушек и юношей по данным ступеням образования была взята из официальной статистики, предоставляемой Министерством науки и высшего образования Российской Федерации [3]. Отметим, что респонденты, обучающиеся по образовательным программам аспирантуры и докторантуры, были исключены из анализа, поэтому приведенные в данной работе выводы нельзя экстраполировать на них.

Объем анализируемой выборки составил 16 674 респондентов, среди которых 51% девушек и 49% юношей. Из общей базы были выделены две группы для сравнения:

- 1) студенты, участвующие в волонтерском движении;
- 2) студенты, не участвующие в волонтерском движении.

Респондентам, прежде всего, предлагалось выразить свое мнение по следующему вопросу: «Приближается 80-летие Победы. Какие мысли и чувства вызывает у Вас эта дата?». Ответ был получен от 98% опрошенных студентов (табл. 1).

Подавляющее большинство студентов, как вовлеченные в волонтерскую деятельность (60%), так и не имеющие такого опыта (53%), уверены, что героизм старших поколений продолжает оставаться примером для новых поколений. Практически одинаковые доли респондентов в обеих категориях (23% и 21% соответственно) уверены, что память о событиях тех лет продолжает жить в сознании их сверстников. Крайне малое число опрошенных – 5% среди волонтеров и 6% среди не вовлеченных – считают, что ценности и идеалы, которые несет в себе этот праздник, становятся чужды современной молодежи. Однако каждый пятый студент (20%), не являющийся частью добровольческого движения, отметил постепенное стирание памяти о войне, ее вытеснение другими событиями и проблемами. Среди студентов-волонтеров такой пессимистичный взгляд встречается почти вдвое реже (12%).

Таблица 1

Распределение ответов студентов, участвующих в волонтерском движении, и студентов, которые не имеют такого опыта, на вопрос: «Приближается 80-летие Победы. Какие мысли и чувства вызывает у Вас эта дата?» (% от ответивших)*

Альтернативы	Волонтеры	Не участвующие в волонтерстве
Подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут примером для новых поколений	60	53
Память о минувшей войне сохраняется в сознании моих сверстников	23	21
С годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют иные события и проблемы	12	20
Героизм и самопожертвования во время Великой Отечественной войны становятся чуждыми значительной части молодежи	5	6
Всего	100	100

Студентам предлагалось самостоятельно оценить достаточность их знаний о Великой Отечественной войне, ответив на вопрос: «Считаете ли Вы, что у Вас достаточно знаний о Великой Отечественной войне?». Своим мнением оказались готовы поделиться 98% респондентов (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов студентов, участвующих в волонтерском движении, и студентов, которые не имеют такого опыта, на вопрос: «Считаете ли Вы, что у Вас достаточно знаний о Великой Отечественной войне?» (% от ответивших)*

Альтернативы	Волонтеры	Не участвующие
Да	42	34
Не совсем, надо бы больше, но...	38	34
Не совсем, но мне хватает	17	27
Нет	3	5
Всего	100	100

Нельзя не отметить более высокую уверенность в полноте своих знаний о событиях времен Великой Отечественной войны среди студентов-волонтеров: 42% считают свои знания достаточными, в то время как в другой группе такую позицию разделяет лишь каждый третий (34%). Одновременно

* χ^2 – 124,77, коэф. Крамера – 0,087, при p-value <0,001.

* χ^2 – 190,876, коэф. Крамера – 0,108, при p-value <0,001.

обе группы демонстрируют, в целом, сопоставимую потребность в углублении знаний (38% и 34% соответственно). Важным представляется, что 27% студентов, не занятых в волонтерской деятельности, ограничиваются имеющимися знаниями, в то время как среди волонтеров пассивную позицию «не совсем, но мне хватает» разделяют лишь 17% опрошенных.

Выявленные различия демонстрируют, что волонтерское движение продолжает оставаться значимым фактором формирования более содержательно насыщенной и позитивной исторической памяти у студенческой молодежи. Студенты-волонтеры в большей степени ощущают личную сопричастность к героическому наследию тех времен. Полученные результаты свидетельствуют и о более ответственной позиции студентов-волонтеров в вопросах сохранения исторической памяти, что проявляется как в высокой самооценке знаний, так и в выраженной потребности в их совершенствовании.

Результаты исследования могут быть полезны образовательным и общественным организациям, а также органам власти, занимающимся сохранением исторической памяти в студенческой среде.

Список литературы

1. Певная, М.В., Тарасова, А.Н., Телепаева, Д.Ф., Протасов, Д.С. Трансформирующая агентность учащейся молодежи как ресурс формирования гражданской ответственности в сфере образования // Образование и наука. 2024. № 4. С. 169-200.
2. Спасибо прадеду за Победу...: монография по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005–2010–2015– 2020 гг.) / под общей редакцией Ю.Р. Вишневого. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. 352 с.
3. Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 30.08.2025).

**ОБРАЗЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СТРУКТУРЕ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЯХ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ**
**IMAGES OF THE SECOND WORLD WAR IN THE STRUCTURE
OF REGIONAL IDENTITY AND MASS COMMUNICATIONS
IN THE RUSSIAN FAR EAST**

П.Ю. Самойленко

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

P.Y. Samoylenko

Far Eastern Federal University, Vladivostok

Рассматривается специфика процессов формирования региональной идентичности и воспитания патриотизма и гражданственности на современном Дальнем Востоке России. В качестве базы используется категория исторической памяти, образы и идеологемы, связанные со Второй мировой войной и вовлеченностью региона и его населения в события тех лет.

The article examines the specifics of the processes of formation of regional identity and education of patriotism and citizenship in the modern Russian Far East. Historical memory, images and ideologemes associated with the Second World War and the involvement of the region and its population in the events of those years can be used as a basis for such current processes.

Ключевые слова: идентичность, Дальний Восток, массовые коммуникации, патриотизм, Вторая мировая война, бренд территории, медиа, гражданственность, историческая память, идеологемы.

Keywords: identity, Far East, mass communications, patriotism, World War II, territorial brand, media, citizenship, historical memory, ideologemes.

Дальний Восток России в период Второй Мировой войны, с одной стороны, был «крепким тылом» для запада страны, где шли все активные военные действия, но, с другой стороны, выполнял важнейшую роль «плацдарма сдерживания» по отношению к милитаристской Японии [1]. Образы Второй мировой войны в этом крупнейшем мегарегионе России сегодня имеют свою специфику, но в то же время крайне важны для современных процессов сохранения исторической памяти и воспитания патриотизма [2; 3]. Для Дальнего Востока России того периода были характерны следующие основные стратегические задачи, решение которых напрямую повлияло на общий результат войны и, соответственно, отражается в образах, региональной идентичности и массовых коммуникациях:

– Обеспечение резервов для фронта, создание системы пополнения личного состава и вооружений для фронтов Великой Отечественной войны.

Существует точка зрения, что в битве за Москву перелома помогли добиться сибирские дивизии. В действительности это были сибирские и во многом дальневосточные военные соединения. Например, только во Владивостоке и в Приморском крае было сформировано и отправлено на фронты Великой Отечественной несколько десятков дивизий и бригад – от флотских и общевойсковых до соединений курсантов, резервистов и НКВД.

– Осуществление тыловой поддержки фронта, производство обмундирования и боеприпасов. Важнейшая роль Владивостока как базы формирования стратегических резервов и активной работы на нужды фронта. Здесь работало огромное количество предприятий, например, Океанский Фанзавод, где производили боеприпасы и дельта-древесину, из которой делали самолеты. Дальзавод производил мины, снаряды, различное военное оборудование. Были и десятки других предприятий, которые были прямо переориентированы на производство продукции для армейского снабжения.

– Обеспечение поставок союзного характера – ленд-лиза. Это значимый момент истории региона, который трудно переоценить. Через Дальний Восток шло сразу два канала поставок – торговыми судами Дальневосточного морского пароходства (ДВМП) через торговый порт Владивостока и воздушный коридор по перегону самолетов через Аляску, Чукотку, Якутию – и далее через Сибирь. При этом только через торговый порт Владивостока было перевезено почти 60% всех поставок таких грузов.

Важнейшую роль Дальний Восток сыграл в окончании Второй Мировой войны – победе над милитаристской Японией в августе-сентябре 1945 г. В результате наземной военной операции были освобождены север Китая и Манчжурия, Корея. Была проведена беспрецедентная по сложности операция по освобождению Южного Сахалина и Курильских островов, которые оставались занятыми Японией по итогам Русско-Японской войны 1904-1905 гг. Активно задействованы были как общевойсковые соединения, так и силы Тихоокеанского флота, дислоцированные на территории современных Приморского, Камчатского и Хабаровского краев, Амурской и Сахалинской областей.

Основные образы Второй мировой войны, которые сегодня отражаются в медиа Дальнего Востока и имеют достаточно устойчивый характер в массовом сознании и структуре региональной идентичности, можно условно разделить на несколько видов.

– Образы армии и военной техники. Например, гвардейская подводная лодка «С-56» – мемориальный корабль Тихоокеанского флота;

– Образы, связанные с материальными объектами культуры – объектами культурного наследия (памятниками истории и культуры) [4]. Во Владивостоке это мемориал «Боевая слава» Тихоокеанского флота;

– Имидж различных объектов, которые несут в себе потенциал памяти о тех событиях – Владивостокская крепость, откуда в том числе осуществлялось боевое управление силами Тихоокеанского флота во время боевых действий против Японии в 1945 году [5];

– Образы людей – героев Великой Отечественной войны и Второй мировой войны на Тихом океане, так и тружеников тыла. Яркий пример Василий Зайцев, который прославился во время Сталинградской битвы. Будучи морским пехотинцем Тихоокеанского флота, в 1942 году он отправился на фронт и стал высокорезультативным снайпером. Или Мария Цуканова – военнотруженица морской пехоты, героически погибшая во время освобождения Курил.

– Топонимика – имена событий и героев войны, которыми названы географические объекты, улицы. В современном Владивостоке это, в частности, улицы Воропаева, Борисенко, Приходько, Баляева, Вилкова, Ильичева, Острякова, Шепеткова.

Рассуждая о сохранении исторической памяти и развитии патриотизма, отражении в текущей современной информационной повестке и деятельности медиа данных аспектов, можно выделить следующие наиболее показательные и значимые направления такой деятельности:

– Проведение мероприятий, посвященных памяти об указанных событиях с широким освещением в прессе [6];

– Активное изучение данной проблематики, придание гласности новых значимых и интересных фактов о событиях тех лет, которые связаны с регионом, что позволило бы существенно повысить интерес населения и гостей региона к данной теме [7];

– Популяризация фактов, связанных с окончанием Второй мировой войны на Тихом океане, которое традиционно отмечается на Дальнем Востоке 2 сентября.

– Активное вовлечение школьников, учащихся, студентов и молодежи как в научный, так и историко-популярный дискурс относительно роли Дальнего Востока и его населения в победе нашей страны во Второй мировой войны.

– Использование инновационных для медиа-системы подходов в продвижении указанной проблематики, к примеру, появление популярных региональных блогеров, специализирующихся на вопросах сохранения

исторической памяти о Второй мировой войне и роли регионов современного Дальневосточного федерального округа в Великой Победе [8].

Список литературы

1. Былин, С.Н. Вторая мировая война на Тихом океане // В сборнике: Инновации и научно-техническое творчество молодежи. Материалы Российской научно-технической конференции. Новосибирск, 2022. С. 231-233.
2. Васильева, Л.А. Самойленко, П.Ю. Дискредитация исторической памяти как вызов современному российскому обществу // История отечественных СМИ. 2022-2024, №1(7). М.: Факультет журналистики МГУ, 2024. 180 с. С. 5-15.
3. Лубский, А.В. Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // Гуманитарий Юга России. 2019. Том 8. №2. С. 47-66.
4. Обертас, В.А., Моор, В.К., Ерышева, Е.А. Памятники истории и культуры города Владивостока: материалы к своду. // Администрация г. Владивостока, Российская акад. архитектуры и строит. наук, Дальневосточный федеральный ун-т. - Владивосток: Изд. «Светлана», 2012. С. 25-27.
5. Калинин, В.И., Иванов, Ю.В., Гаврилкин, Н.В. «Железнодорожная эскадра» Тихоокеанского Флота: железнодорожная артиллерия в береговой обороне Владивостока и Порт-Артура (1932-1960 гг.). О-во изучения Амур. края – Примор. краевое отд-ние Рус. геогр. о-ва. Владивосток, Изд. «Лит», 2022. С. 22.
6. Чередняков, А.М. Историческая память и политика памяти в системе формирования исторического сознания и идентичности нации в России // Экономика и право – 2024. сборник статей II Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2024. С. 98-102.
7. Самойленко, П.Ю. Историческое архитектурное наследие и современная застройка Владивостока как ресурс интеграции в АТР и формирования бренда территории в рамках политики «Разворота на Восток»: тренды и проблемы // «Известия Восточного института», 2024, №3, С. 162-173.
8. Агапов, В.Л., Кириллова, Л.Е. Распутная, Л.И., Самойленко, П.Ю. Актуальные проблемы общества и государства в представлениях выпускников российских школ (по материалам вступительных эссе абитуриентов ДВФУ) // «ЗНАК. Проблемное поле медиаобразования». Научный журнал. № 1 (51) 2024. С. 12-25.

**К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ СТУДЕНТОВ МЭИ
К ИСТОРИЧЕСКИМ СОБЫТИЯМ, СВЯЗАННЫМИ С РОССИЕЙ**
**ON THE ISSUE OF STUDENTS' ATTITUDE
TO HISTORICAL EVENTS RELATED TO RUSSIA**

З.К. Селиванова

*Национальный исследовательский университет «Московский
энергетический институт», г. Москва*

Z.K. Selivanova

National Research University Moscow Power Engineering Institute, Moscow

Выявлено отношение студентов к историческим событиям, связанным с Российским государством.

The purpose of the study was to identify students' attitudes towards historical events related to the Russian state.

Ключевые слова: Россия, исторические события, студенты, исследования, опрос, война.

Keywords: Russia, historical events, students, research, survey, war.

В годовщину празднования победы советского народа в Великой Отечественной войне и в сложный период развития российской государственности необходимо понять, в каком ракурсе нужна корректировка деятельности государства в воспитании новых поколений. Понять, как же студенты относятся к историческим событиям и что знают о них? Насколько эффективно введение для студентов вузов таких дисциплин как «История России» и «Основы российской государственности»?

Анализируются исследования студентов МЭИ, проведенные в разные годы по вопросам, связанным с историей Российского государства.

Вначале проанализируем, что означает история в понимании студентов? На вопрос, чем в большей степени является история вообще: на первом месте среди вариантов ответов оказался вариант «в истории представлены и элементы научного знания, и мифы, и субъективное восприятие той или иной эпохи» – с 35% выборов; на втором – в целом история является наукой, основанной на объективных фактах – (30%); на третьем – история – это субъективная точка зрения на людей и события. Конечно, многое зависит от качества преподнесения молодежи исторических фактов и, следовательно, формирования у нее исторической памяти. Имеет место быть, что различные общественные и политические организации эти знания могут использовать и используют в своих целях и для политических спекуляций

[1, с. 4-5; 2, с. 5-12]. В связи с этим для повышения процента восприятия студентами истории как науки необходима грамотно разработанная и качественно изложенная программа дисциплины, посвященная истории развития российского государства.

Тем более, что на вопрос, в какой степени важно изучать, знать и понимать историю своей страны, были получены следующие ответы: более половины опрошенных студентов считают, что всем надо расширять эрудицию в этой области и уметь разбираться в произошедших событиях; треть считает, что обычным гражданам достаточно общих исторических сведений из школы. История страны интересует более трети респондентов; интересует, но не очень сильно – 56% и для 10% опрошенных не представляет никакого интереса. Зададимся вопросом: что же интересует студентов и какие гуманитарные дисциплины предпочитают изучать? Обратимся к результатам экспресс-опроса*: более 76% хотели бы в первую очередь изучать иностранный язык, более четверти правоведение (причем студентов больше интересуют конкретные правовые вопросы) и историю. Следовательно, история как учебная дисциплина, которую хотели бы изучать студенты, входит в тройку лидеров.

Проанализируем, откуда в основном студенты черпают исторические знания. Опрос студентов МЭИ позволил сделать выводы: 71% опрошенных студентов основные знания по истории Российского государства получили в рамках школьного образования (причем учеба осуществлялась в разных регионах страны); 36% – из Интернета; почти треть (27%) приобрели эти знания после из исторических книг; другие источники, такие как занятия в вузе, родители, телевидение, друзья тоже поспособствовали приобретению знаний об исторических событиях, но в меньшей степени [3, с. 461-464].

Стоит отметить, что 59% опрошенных студентов оценивают свои знания по истории своей страны на среднем уровне и хуже товарищей по учебе, еще 20% считают знания скудными и недостаточными, и только 15% считают, что уровень исторических знаний выше среднего.

В качестве величайших событий в истории Российского государства около 70% респондентов-студентов называют такие исторические события как Октябрьская революция 1917 года; победа в ВОВ в 1945 году. При этом две трети респондентов хотели бы участвовать в мероприятии «Бессмертный полк», но очень мало знают о деятельности своих предков в период Великой Отечественной войны и вообще об истории своей семьи.

*В 2025 году опрошено более 350 студентов университета, проходящих обучение по различным направлениям подготовки.

На вопрос, кто из исторических деятелей сыграл в истории России наиболее важную позитивную роль, 44% выбрали Петра Великого (из 28 возможных вариантов можно было выбрать 5); 28% – В.В. Путина; 22% – И.В. Сталина; 19% – Владимира Киевского (Крещение Руси).*

Как предмет национальной гордости студенты рассматривают Победу в Великой отечественной войне (57% выборов); духовную силу россиян – 39%; достижения в области техники (полеты в космос, атомная энергетика и др.) – 33%; по 32% выборов набрали варианты: художественные ценности (в том числе литература, музыка, балет) и достижения отечественной науки. Все это тоже подчеркивает важность исторического аспекта для студентов вузов. Дополним вышесказанное многолетними исследованиями Института социологии, которые показали, что большинство россиян победу советского народа в ВОВ* и полеты в космос тоже считают самыми великими историческими событиями XX в. [4, с. 138]. Как утверждает профессор А.Л. Андреев: пресловутого «раскола между поколениями» не существует. У 70% молодежи и стариков совпадают жизненные ценности, они гордятся одними и теми же фактами, персонами российской истории [5; с. 137].

На вопрос, какая эпоха отечественной истории Вам нравится более других, какую Вы могли бы назвать «золотым веком»? (допускался выбор не более 3-х вариантов)* ответы таковы: периоды отечественной истории наибольшей привлекательности для студентов – это этап развития российского государства при Петре Великом – 57% выборов, годы «серебряного века» русской культуры (конец 19 – начало 20 в.) – 41%; современный период (с начала 2000-х гг.) и Пушкинская эпоха – по 39%.

В 2023 г. как обязательная дисциплина был введен курс «Основы российской государственности». В конце 2023-2024 гг. после завершения изучения этой дисциплины был проведен опрос среди студентов-первокурсников о значимости этой дисциплины. Почти у половины опрошенных дисциплина вызвала большой интерес; треть респондентов

* Это результаты 2022 года, ранее в 2017 году ответ Петр Великий набрал 29%; Владимир Киевский – также 19%; А. Невский – 11%, вариант ответа В.В. Путин был введен в 2022 г.

* Более подробно об отношении студентов России к ВОВ можно посмотреть в публикациях 5 этапов мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне», начавшегося в 2005 году и проводимого Российским обществом социологов. Напр., «Спасибо прадеду за Победу» ... Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне»: коллективная монография / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого: Мин-во науки и высшего образования РФ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 352 с.

* 2018 год – 2139 респондентов.

заявили, что есть плюсы, минусы; а одной шестой части от общего числа опрошенных было не очень интересно на занятиях. 80% респондентов утверждают важность изучения дисциплины для понимания современного российского общества. Подтверждается актуальность введения дисциплины «Основы российской государственности» в обязательную программу, которая оказывает воздействие на мировоззрение студентов-первокурсников, частично трансформируя его и повышая уровень их патриотизма.

В настоящее время в достаточно сложный период развития государства очень важно формировать у молодежи, в том числе у студентов память о важнейших событиях отечественной истории для обеспечения национальной безопасности и в дальнейшем возможного использования ими исторического опыта для стратегического планирования деятельности государства.

Список литературы

1. Саралиева, З.Х., Балабанов, С.С., Куконков, П.И. Великая Отечественная война в памяти поколений. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2010. С. 4-5.
2. Саралиева, З.Х., Широкалова, Г.С., Куконков, П.И. Учащиеся о Великой Отечественной войне. – Н. Новгород: Изд-во НИСОУ, 2015. С. 5-12.
3. Черкасов, М., Яшкин, А. Восприятие и осмысление событий в России 1917 года современным поколением // Лефортовские чтения. 100 лет Российской революции. Одиннадцатая гуманитарная научно-практическая студенческая конференция: доклады (20-21 апреля 2017 г., Москва) / под ред. А.Б. Родина. – М.: Издательство МЭИ, 2017. С. 461-464.
4. Горшков, М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). В 2 томах. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Новый хронограф, 2016. Т. 1. С. 138.
5. Андреев, А.Л. XX век в историческом самосознании россиян // Россия на рубеже веков. – М., 2000. С. 137.

**СУДЬБА МЕСХЕТИНСКИХ ТУРОК В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
THE FATE OF THE MESKHETIAN TURKS DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR**

В.А. Силантьева

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород*

V.A. Silantieva

*Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod*

Посвящено изучению депортации месхетинских турок в период Великой Отечественной войны, определен их правовой статус, показаны масштабы мероприятий по принудительному переселению. Выявлено, что основными особенностями депортации стали внезапность, внесудебный характер, перемещение огромных людских масс, разобщение народа, крайне сложные условия проживания на новых территориях.

This article examines the deportation of Meskhetian Turks during the Great Patriotic War, defining their legal status and demonstrating the scale of forced resettlement. It reveals that the deportation's key characteristics were its suddenness, extrajudicial nature, the displacement of vast numbers of people, the disunity of the people, and the extremely difficult living conditions in the new territories.

Ключевые слова: депортация, принудительное переселение, Великая Отечественная война, спецпереселенцы, турки-месхетинцы.

Keywords: deportation, forced resettlement, the Great Patriotic War, special settlers, Meskhetian Turks.

В 1990-х гг. в России появилась возможность для исследования таких ранее закрытых проблем, как принудительное переселение народов и этнических меньшинств. Мировая история знает немало примеров применения депортационных мер по отношению к народам или группам населения.

В годы ВОВ, в основном в 1943-1944 гг., принудительному переселению подверглись следующие народы: калмыки, ингуши, чеченцы, карачаевцы, курды, балкарцы, греки, крымские татары, месхетинские турки, болгары. Всего по подсчетам Н.Ф. Бугай [1] были насильно переселены народы и групп населения 61 национальности.

Начало войны с Германией не предвещало мусульманскому краю Грузии особой угрозы. Мусульмане Южной Грузии, как и другие граждане Советского Союза, отправились на фронты ВОВ. По разным оценкам в рядах

Советской Армии состояло около 30-40 тыс. месхетинских турок [2], многие из которых были удостоены боевыми наградами.

Месхетинские турки подверглись вынужденному переселению в 1944 г. Одной из основных причин исследователи называют наличие мусульман-суннитов на территории Южной Грузии, представляющих опасность в случае начала военных действий с Турцией. Турция, занимавшая позицию нейтралитета, с началом ВОВ провела частичную мобилизацию в провинциях, расположенных на границах с СССР. В результате численность турецкой армии достигла 1 млн. чел., из которых 750 тыс. находились на советско-турецкой границе [3]. Кроме того, с лета 1941 г. на советскую территорию турецкие власти регулярно засылали диверсионно-разведывательные группы, что вело к вооруженным конфликтам. Это вызвало серьезную озабоченность советского руководства. Однако, стоит отметить, что 2 августа 1944 г. Турция разорвала экономические и дипломатические отношения с Германией, поэтому ряд ученых рассматривают депортацию как природу тоталитарной системы, призванную решить как политические, так и экономические задачи.

Под предлогом усиления пограничного режима командование Закавказским Военным округом обратилось в Государственный Комитет Обороны с предложением переселить мусульманское население не только из Южной Грузии, но и из Аджарии. 24 июля 1944 г. Л. Берия направил И. Сталину докладную записку под грифом «совершенно секретно» с предложением выселить из Южной Грузии (Ахалцихского, Ахалкалакского, Адигенского, Аспиндзского, Богдановского районов, а также с территории некоторых сельсоветов Аджарской АССР) все мусульманское население, а именно, турок, курдов, хемшилов (16 700 хозяйств) «в целях улучшения охраны государственной границы СССР на участке Грузинской ССР». Одновременно он заверил, что все действия предварительно согласованы с руководством республики. Однако аджарцы избежали этой меры: их как этническую группу грузин исключили из «спецконтингента».

31 июля 1944 г. Сталин подписал Постановление ГКО № 6279сс о депортации названных народов с территории Грузии. Как отмечалось в документах Отдела спецпоселений НКВД СССР, выселению подвергались 46516 месхетинских турок и 29505 человек, значившихся под другими национальностями, однако принадлежавшие ранее также к туркам (в 1949 г. при проведении учета спецпоселенцев 24304 человек из переселившихся в 1944 г. из Грузинской ССР называли себя азербайджанцами).

Депортация началась в ноябре 1944 г. и завершилась в январе 1945 г. 11 ноября 1944 г. во всех предполагаемых районах на дорогах поставили

шлагбаумы, перекрывающие выезды из сел. Никого не впускали и не выпускали, не разрешали выгонять скот на пастбища. 12 ноября председатели колхозов вместе с представителями сельсоветов обходили дворы с информацией о начале военных маневров. Однако, передвижение по селам запрещалось. 13 ноября всех жителей сел собрали на сходы, где люди в форме НКВД зачитывали приказ Президиума Верховного Совета СССР и СНК СССР за № 104. Согласно этому приказу, все пограничные районы Грузии объявлялись закрытой зоной, а население подлежало немедленной эвакуации. В инструкции было сказано, что выселению подлежат все лица данных национальностей, независимо от занимаемой должности. Отсутствующие в момент переселения члены семьи брались на учет и переселяли дополнительно (так, все вернувшиеся с фронта были доставлены в места депортации). В случае если женщины этих национальностей состояли в браке с представителями других национальностей, их не переселяли. Для проведения операции задействовали 20 тыс. войск НКВД.

После объявленного военного положения в регионе 15 ноября 1944 г. началась акция по переселению, которую объясняли нуждами обороны. Для приема имущества спецпоселенцев были сформированы 259 комиссий, из них 9 районных. В комиссиях состояло 589 партийных и советских работников и 300 сельских учителей. Деятельность комиссий оказалась малоэффективной из-за несогласованности с военным руководством. Всего комиссиям удалось оформить 10502 обменные квитанции на сданное имущество. 6575 квитанций не были вручены, остальные вообще не составлялись.

С первыми эшелонами предполагалось подвергнуть депортации 76021 чел. Однако, к 16 часам 17 ноября уже были отправлены из Грузинской ССР 25 эшелонов, увозивших на восток 81 324 турок, курдов и хемшинов. В научной литературе приводят различные цифры подвергнутых депортации. Азербайджанский историк и конфликтолог А.С. Юнусов считал, что из 220 сел планировалось выселить 86 тыс. мусульман, на самом деле было депортировано 96 367 человек [4]. Грузинский активист М. Бараташвили предполагал, что из Месхетии было депортировано 125 тыс. человек, среди них 7 тыс. курдов и 3 тыс. таракама, остальные – турки-месхетинцы [5]. Подобные данные приводили исследователи Э.Х. Панеш и Л.Б. Ермолов: 115,5 тыс. человек, проживающих в 212 селах [6]. Историк и грузинский правозащитник Г.С. Мамулия полагал, что всего из Самцхе-Джавахети было выселено до 90 тыс. человек, из Аджарии – до 5 тыс., всего же приблизительно 110 тыс. мусульман [7]. В справке отдела спецпоселений МВД СССР, датируемой январем 1949 г., говорилось о 94 955 высланных в 1944 г. [8]. В докладе начальника Отдела спецпоселений НКВД СССР

М. Кузнецова и заместителя наркома внутренних дел Союза ССР Л. Берию итоги депортации народов Грузии выглядели следующим образом: всего было перевезено 92 307 человек, из них мужчин – 18 923, женщин – 27 399, детей до 16 лет – 45 985. Они направлены в Узбекскую ССР – 53 133 человек, в Казахскую ССР – 28 598 человек, в Киргизскую ССР – 10 546 чел. [9, с. 18].

Депортация продолжалась и в январе 1945 г., в основном за счет служивших в Советской Армии: дополнительно подверглись депортации 2 665 солдат и офицеров, среди которых 2 517 турок (24 – офицеры), 141 курд (4 – офицеры), 7 хемшилов [9, с. 70].

Прибывших размещали в колхозах, совхозах, на промышленных предприятиях. Установленные нормы жилплощади 3 м² на человека не соблюдались [10]. Местные власти обязаны были принимать и обустраивать переселяемые семьи, однако в силу разных причин (от нехватки материальных ресурсов до просто халатного отношения) реализовать должным образом не получилось. В результате от холода, голода и антисанитарии быта ослабленные переселенцы погибали. По мнению М. Бараташвили, во время высылки и в первые месяцы жительства на новых местах погибло 37 тыс. человек; А.С. Юнусов – 15 432 чел. (16% выселенных); Н. Бугай – 14 895 чел. (11,8%); М. Лурье и П. Студеникин – 17 тыс. советских турок (подобные цифры называет Н. Алиев).

Высланные мусульмане из Южной Грузии получили статус спецпереселенцев. Они находились под надзором спецкомендатур, не могли без разрешения покидать местожительство далее, чем на пять километров, в окружности от места спецпоселения. За самовольное посещение родственника в соседнем селении арестовывали на 5 лет, появление в районном или областном центре каралось 25 годами ссылки в Сибирь вместе с семьей. Каждые 15 дней все переселенцы, достигшие 16-летнего возраста, были обязаны являться в комендатуру. Там вручали специальные карточки, где проставлялись отметки о явке. За опоздание на два часа строго наказывали.

Спецпоселенцы официально сохраняли статус граждан страны, могли участвовать в выборах в Верховный Совет СССР, постепенно вовлекались в общественную жизнь в местах спецпоселения, а их права определялись порядком военного времени [10].

28 апреля 1956 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР переселенцы из Южной Грузии вместе с крымскими татарами и балкарцами были освобождены от административного надзора, сняли с них и часть административных ограничений. Однако, ссыльные из Южной Грузии не могли претендовать на возмещение при депортации имущества, и им

позволили поселение в пределах определенных территорий при сохранении запрета на возвращение в Месхетию: местные власти ограничили режим прописки. Данное решение мотивировали тем, что Ахалцихский край является пограничной зоной, куда невозможно было въехать без специального разрешения (режим пограничной зоны был распространен в 1956 г. на весь Ахалцихский регион).

Список литературы

1. Бугай, Н.Ф. Депортация народов / Война и общество, 1941-1945. Кн.2. – М.: Наука, 2004.
2. см. Бараташвили, М. Правовое положение месхов-репатриантов в Грузии. – Тбилиси, 1998; Алиев Н.А. Я видел своими глазами / Так это было. Национальные репрессии в СССР 1919-1952 гг. – М., 1993. Т. 3. С. 164; Лурье М., Студеникин П. Запах гари и горя. Фергана, тревожный июнь 1989-го. М., – 1990. С. 36; Юнусов А. Месхетинские турки: дважды депортированный народ. – Баку, 2000. С. 141; Бугай Н.Ф., Берия Л. – И. Сталину «Согласно Вашему указанию...». – М., 1995. С. 166.
3. Князев, С. Области противоречия: что стояло за территориальными претензиями СССР к Турции. [Электронный ресурс] — URL: <https://russian.rt.com/science/article/518051-istoriya-sssr-turciya-pretenzii>
4. Юнусов, А. Ахыскинские (месхетинские) турки: дважды депортированный народ. // Центральная Азия и Кавказ. 1999. №1(2).
5. Бараташвили, М. Правовое положение месхов – репатриантов в Грузии. – Тбилиси, 1998. С. 12.
6. Панеш, Э.Х., Ермолов, Л.Б. Месхетинские турки // Вопросы истории. 1991. № 9-10.
7. Мамулия, Г.С. Концепция государственной политики Грузии в отношении депортированных и репатриированных в Грузию месхов // Центральная Азия и Кавказ. № 1(2).
8. Депортация народов СССР (1930- 1950 гг.). – М., 1992. Ч. 1. С. 115.
9. Бугай, Н.Ф. Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации. – М., 1994.
10. Исакиева, З.С. К вопросу о депортации народов СССР в годы Великой Отечественной войны // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 7. Ч.4. С. 174.

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В ПРЕДСТАВЛЕНИИ КУРСАНТОВ СТАВРОПОЛЬСКОГО ФИЛИАЛА
КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ
THE GREAT PATRIOTIC WAR AS PRESENTED BY THE CADETS
OF THE STAVROPOL BRANCH OF THE KRASNODAR UNIVERSITY
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA**

И.А. Уваров

*Ставропольский филиал Краснодарского университета
Министерства внутренних дел России, г. Ставрополь*

I.A. Uvarov

*Stavropol branch of Krasnodar University Ministry
of Internal Affairs of Russia, Stavropol*

Любое социальное образование формируется на основе тех представлений, которые имеют значение для его консолидации. Одним из таких условий, является историческая память. В статье рассматривается значение представления курсантов ведомственного учебного заведения о Великой Отечественной войне, в части формирования их как будущих сотрудников правоохранительных органов.

Any social education is formed on the basis of those concepts that are important for its consolidation. One of these conditions is historical memory. The article examines the importance of teaching cadets of a departmental educational institution about the Great Patriotic War, in terms of their formation as future law enforcement officers.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; курсанты; патриотизм; гражданственность.

Keywords: The Great Patriotic War; cadets; patriotism; citizenship.

Современные реалии вновь ставят нас перед выбором в определении качественной оценки нашего прошлого. В фокусе наиболее обсуждаемого события нашей истории – Великая Отечественная война. Споры об её причинах, течении и итогах не утихали практически с момента развала Советского Союза. Однако, в связи с празднованием восьмидесятилетней годовщины ее победного окончания, вызвали бурю негодования в так называемой либеральной среде. Представители этого течения в социально-политической сфере традиционно в качестве объекта своего идеологического воздействия определяют несовершеннолетних и молодежь. Они, как никто другой понимают, что фиксация в памяти молодого поколения героического прошлого своего народа обладает высоким воспитательным потенциалом. Поэтому изменение подхода к оценке тех или иных исторических событий существенно снижает уровень восприятия патриотического порыва

значительной части населения нашей страны в связи с последними событиями.

Чрезвычайно важно установить не только уровень тех исторических знаний, о нашем героическом прошлом, которым обладают представители молодого поколения, но и определить перспективные направления улучшения их качества. В сфере научно-педагогической деятельности, которую я представляю, объектами такого воздействия являются курсанты специализированного ВУЗа Министерства Внутренних дел Российской Федерации. В ходе преподавания дисциплины «История Отечества», педагоги сталкиваются с фактами, когда обучающиеся не обладают элементарными представлениями о многих событиях Великой Отечественной войны, зачастую демонстрируют слабое знание не только ключевых моментов этого грандиозного события или знаковых дат, но и непонимание социально-политического значения для нашего народа и государства как самой войны, так и её результатов.

Опрос педагогов показывает, что в представлении курсантов о Великой Отечественной войне превалирует своеобразная трансформация в ее качественной историко-социальной оценке. Как правило это является следствием изменения механизма формирования общественного сознания на коллективном и индивидуальном уровнях. Отмечается, что, если ранее с помощью таких же механизмов в сознании населения и, прежде всего, молодежи, фиксировалась непосредственная связь с прошлым, то в настоящее время, её наличие нивелируется. Это объясняется тем, что ранее в процессе образовательной деятельности связь с прошлым рассматривалась как некий важный элемент, позволяющий зафиксировать в сознании молодого человека позитивную связь с изменениями в жизни народа, показывая тем самым, что память о таких жизненно важных событиях обладает только позитивной динамикой. Любые изменения в системе социально-экономических отношений, рассматривались через призму прямых причинно-следственных связей с этим важным событием.

«Разрыв» в представлениях о Великой Отечественной войне показывает, как каждое новое поколение ставится перед выбором в оценке его значения в жизни государства. Такой подход чреват тем, что «наследие отцов» начинает терять свою практическую ценность для новых поколений. Отсюда и поиск иных качественных императивов в оценке не только непосредственно связанного с Великой Отечественной войной периода, но и всего времени существования Советского государства. Опрос обучающихся показывает, что лишь незначительная часть, воспринимает это событие как позитивное в истории нашей страны – 22,9%. Несколько больше

рассматривают его в отрицательном значении для нашей страны – 24,4%. Подавляющее же большинство оценивают его нейтрально – 52,7%. Обращаем внимание на то, что это мнение курсантов ведомственного учебного заведения. Это будущие сотрудники правоохранительных органов, призванные решать важнейшие задачи охраны внутренней безопасности нашего государства.

В литературе традиционно в качестве деструктивного фактора, детерминирующего механизм исторической памяти, называют качество преподавания в различных учебных заведениях [1; 2]. В целом соглашаясь с мнением, необходимо учитывать и формирование отношения к исторической памяти о Великой Отечественной войне в семье. Полагаем, что большинство негативно оценивающих этот период нашей истории курсантов сформировали его именно в семейной среде. Учитывая, что довольно значительное количество обучающихся являются представителями различных Северо-Кавказских народов и совершенно по-иному рассматривают события того периода нашей истории. В частности, в сознании многих обучающихся прослеживается тенденция к негативной оценке этого исторического периода. Например, качественная оценка этих событий рассматривается исключительно с точки зрения тех негативных последствий, которые «испытал их народ» в ходе переселения в другие регионы Советского Союза. При этом, в их национальной среде считается табуируемым вопрос о причинах такого решения руководства страны. За основу берется только непосредственные последствия такого решения. И здесь важно отметить, что эти события гиперболизируются с точки зрения последствий для демографии этих этнических групп. Такого рода подход определяется и характером преподавания этого исторического периода нашей страны только через призму состоявшегося переселения народов.

Другим, наиболее распространенным в это курсантской среде представлением о Великой Отечественной войне является отношение к Верховному Главнокомандующему. На уровне даже школьного образования его фигура умышленно демонизируется, исключая полностью какие-либо вариации, кроме негативных. Например, в отдельных случаях педагоги фиксируют откровенно нежелание обучающихся даже упоминать имя И.В. Сталина. Это мы не рассматриваем в контексте общего незнания обучающимися имен советских полководцев, прославившихся в период Великой Отечественной войны. В лучшем случае курсанты знают маршала Г.К. Жукова, при этом затрудняясь ответить на вопрос о его роли в рассматриваемых событиях. Никто не знает, кто такие – «пионеры-герои», не говоря уже об их именах и подвигах.

Похожая ситуация складывается и в оценке различных знаковых событий в истории Великой Отечественной войны. Например, «Оборона Брестской крепости», «Победа под Москвой», «Сталинградская битва», «Битва на Курской дуге» и другие. На протяжении нескольких лет в своей преподавательской работе практикую перед началом занятия тестировать курсантов на знание того события, которое произошло в этот день в нашей стране. Первое время это вызывает недоумение – какая связь «прорыва блокады Ленинграда» (крайне редко обучающиеся знают, что сейчас это – Санкт-Петербург) с преподаванием криминологии. Со временем курсанты привыкают к такой форме, и уже сами в начале занятия называют знаковые исторические события. К необходимости такого методического подхода пришел практически случайно. В день очередной годовщины освобождения г. Ставрополя от немецко-фашистских захватчиков на протяжении трех пар задавал вопрос о том, «какое событие отмечает наш город сегодня?». Никто не смог ответить на этот вопрос. И это при наличии такого большого вспомогательного аппарата в виде «отдела по работе с личным составом».

В современных реалиях, по нашему мнению, необходимо, чтобы историческая память о Великой Отечественной войне наряду с её общенаучным значением имела бы и социально-практическое значение, учитывая контингент обучающихся ведомственных образовательных учреждений. Имея ведомственную принадлежность к правоохранительным органам, обучающиеся должны прежде всего акцентировать внимание на так называемом ценностном аспекте. На его основе осуществляется индивидуальное и общественное понимание значения Великой Отечественной войны как одного из ключевых периодов в существовании нашего государства.

Список литературы

1. Ларионов, А.Э. Роль информационных факторов формировании исторического сознания молодёжи. Исследование представлений о Великой Отечественной войне // Образ Советского Союза в современной актуальной повестке: историческое наследие, мифы и войны памяти: Материалы международной научной конференции, Москва, 22 июня 2022 года. – СПб.: Издательство «Наукоемкие технологии», 2022. С. 79-91.

2. Яковлева, И.П. Проблема формирования представлений молодежи о героизме в период великой отечественной войны как фактор информационной безопасности // Человечество против фашизма: люди, народы, государства: материалы II Международной научно-практической конференции, Омск, 05 мая 2017 года / Под общ. ред. С.Д. Коровина. Омск: Филиал Военной академии материально-технического обеспечения им. А.В. Хрулева Министерства обороны Российской Федерации в г. Омске, 2017. С. 178-181.

**ЦИФРОВАЯ ПАМЯТЬ:
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ И ТЕХНОЛОГИЙ
ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЙ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ
DIGITAL MEMORY: USING SOCIAL MEDIA AND TECHNOLOGY
TO PRESERVE WWII STORIES**

С.З. Хайдер (Пакистан)

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

S.Z. Haider (Pakistan)

Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University,

Nizhniy Novgorod

Научный руководитель: И.С. Леонова, д.с.н, доцент, профессор кафедры

отраслевой и прикладной социологии

ФСН ННГУ им. Н.И. Лобачевского,

г. Нижний Новгород

Scientific supervisor: I.S. Leonova, PhD, Associate Professor, Professor of the

Department of Branch and Applied Sociology,

Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University,

Nizhniy Novgorod

Посвящено исследованию роли цифровых технологий и социальных сетей в сохранении памяти о событиях Второй мировой войны. Рассматриваются современные практики и инструменты, используемые для фиксации воспоминаний ветеранов, передачи исторической информации молодому поколению и популяризации истории Великой Отечественной войны среди широкой аудитории. Особое внимание уделяется проектам, направленным на создание виртуальных архивов, интерактивных музеев и онлайн-платформ, позволяющих сохранять личные свидетельства участников военных действий и жертв войны. Автор подчеркивает важность интеграции новых медиа в процесс сохранения исторического наследия, подчеркивая необходимость бережного отношения к цифровому наследию и разработку эффективных методов его защиты и продвижения. Статья также поднимает вопросы этики, конфиденциальности и доступности цифрового архива, предлагая рекомендации по формированию эффективной стратегии сохранения цифровой памяти о трагических страницах прошлого.

The article is devoted to the study of the role of digital technologies and social networks in preserving the memory of the events of the Second World War. The article examines modern practices and tools used to record the memories of veterans, transmit historical information to the younger generation and popularize the history of the Great Patriotic War among a wide audience. Special attention is paid to projects aimed at creating virtual archives, interactive museums and online platforms that allow preserving personal testimonies of participants in military operations and victims of war. The author emphasizes the importance of integrating new media into the process of preserving historical heritage, emphasizing the need to take care of digital heritage and develop effective methods for its protection and promotion. The article

also raises issues of ethics, confidentiality and accessibility of the digital archive, offering recommendations on the formation of an effective strategy for preserving the digital memory of the tragic pages of the past.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровая память, сохранение памяти, Вторая мировая война, медиа, социальные сети.

Keywords: digital technologies, digital memory, memory preservation, World War II, media, social networks.

As the living memory of World War II fades with each passing generation, the urgency to preserve personal narratives, testimonies, and artifacts has never been greater. This paper explores how digital technologies and social media platforms are revolutionizing the way World War II stories are recorded, preserved, and shared. It examines the role of digital archives, oral history initiatives, social media campaigns, and emerging technologies such as artificial intelligence, augmented reality, and virtual reality in safeguarding these historical accounts. The study also addresses the ethical considerations, challenges of digital preservation, and the implications of democratizing historical memory through user-generated content. This study investigates how digital technologies and social media platforms are being used to collect, preserve, and disseminate WWII narratives in the 21st century. The research employs a qualitative methodology, combining content analysis of digital archives and social media platforms with semi-structured interviews conducted with archivists, digital curators, and public history professionals. By analyzing case studies and current initiatives, this research highlights the potential of technology to create a more inclusive, accessible, and enduring memory of the Second World War for future generations.

Findings reveal that social media significantly broadens the reach of WWII stories, particularly among younger audiences, and encourages participatory memory through user-generated content. Technologies such as AI-driven image restoration, virtual reality experiences, and mobile apps further enhance emotional engagement and historical understanding. However, the study also highlights challenges related to data authenticity, digital sustainability, and the ethical curation of personal narratives.

This research contributes to the growing field of digital humanities and public history by demonstrating how digital platforms can act not only as repositories but as dynamic tools for education and remembrance. It underscores the importance of interdisciplinary collaboration in preserving historical memory in a digital age.

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
ГЛАЗАМИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИИ:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРИМЕР ПАКИСТАНА
THE GREAT PATRIOTIC WAR THROUGH THE EYES
OF THE FOREIGN STUDENTS IN RUSSIA:
SOCIOCULTURAL CASE OF PAKISTAN**

Достдар Хуссейн (Пакистан)

***Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,***

г. Нижний Новгород

Dostdar Hussain (Pakistan)

Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,

Nizhniy Novgorod

***Научный руководитель: И.С. Леонова, д.с.н, доцент, профессор кафедры
отраслевой и прикладной социологии***

ФСН ННГУ им. Н.И. Лобачевского,

г. Нижний Новгород

Scientific supervisor: I.S. Leonova, PhD, Associate Professor,

Professor of the Department of Branch and Applied Sociology,

Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,

Nizhniy Novgorod

В исследовании изучается восприятие пакистанскими иностранными студентами, обучающимися в России, Великой Отечественной войны. Каждый год 9 мая люди отмечают День Победы, который отмечается в честь победы России над нацистской Германией в 1945 году. Пакистанским иностранным студентам, обучающимся в России, эта история может показаться далекой по целому ряду причин, в том числе культурных и исторических, связанных с постколониальным прошлым страны. В этом исследовании исследуются способы, с помощью которых пакистанские студенты в России взаимодействуют с памятью о Великой Отечественной войне, подчеркивая, как они соотносятся с российской историей, отмежевываются от нее или приспосабливаются к ней. 18 пакистанских аспирантов и докторантов, обучающихся в разных городах России, приняли участие в полуструктурированных интервью в рамках качественного исследования, чтобы определить, насколько они принимают или отвергают российские исторические нарративы, особенно те, которые связаны с войной. Хотя многие студенты с уважением относятся к жертвам, принесенным советским народом, результаты показывают, что память о войне вызывает у студентов самые разные чувства. Некоторые участники были тронуты личными и коллективными страданиями, связанными с историей России, что углубило их межкультурную эмпатию. Другие, однако, испытали отчуждение и им было трудно приобщиться к российскому опыту из-за их собственной национальной

истории, особенно из-за наследия колониализма, раздела и постколониальных конфликтов в Пакистане. В исследовании также подчеркивается влияние академического опыта на взгляды учащихся. Участники, которые познакомились с историей России в классе, как правило, более эмоционально воспринимали конфликт, что указывает на то, что образование является ключевым фактором в преодолении культурных различий. Это исследование способствует расширению объема знаний о транснациональной памяти и межкультурных отношениях, освещая пути, с помощью которых общие исторические повествования, даже те, которые происходят из отдаленных культурных контекстов, могут способствовать сопереживанию и взаимопониманию между людьми. Также подчеркивается важность культурной дипломатии в продвижении межкультурной коммуникации и содействии интеграции иностранных студентов. Анализ взаимодействия пакистанских студентов с российской исторической памятью проливает свет на сложные способы, с помощью которых культурные нарративы усваиваются, оспариваются и обсуждаются через национальные границы.

The study investigates the perception of Pakistani international students studying in Russia about Great Patriotic war. Every year on May 9, people celebrate Victory Day, which honors the Russian victory over Nazi Germany in 1945. This story may seem far away to Pakistani international students studying in Russia for a variety of reasons, including cultural and historical ones because of the country's post-colonial past. This study explores the ways in which Pakistani students in Russia interact with the Great Patriotic War's memory, emphasizing how they relate to, disassociate from, or adjust to the Russian story. 18 Pakistani graduate and doctoral students studying in different Russian cities participated in semi-structured interviews as part of a qualitative study to determine how much they accept or reject Russian historical narratives, particularly those related to the war. Although many students respect the sacrifices made by the Soviet people, the results indicate that there is a wide range in the students' emotional engagement with the memory of the war. Some participants found themselves moved by the personal and collective suffering embedded in the Russian story, which deepened their intercultural empathy. Others, however, experienced a disconnection and found it difficult to connect with the Russian experience because of their own national histories, especially the legacy of colonialism, partition, and post-colonial conflicts in Pakistan. The study also emphasizes the impact of academic exposure on students' viewpoints. Participants who were exposed to the Russian story in class tended to have a more emotional comprehension of the conflict, indicating that education is a key factor in overcoming cultural differences. This study contributes to the expanding body of knowledge on transnational memory and intercultural relations by illuminating the ways in which shared historical narratives even those that come from far-flung cultural contexts can promote empathy and understanding between people. The significance of cultural diplomacy in promoting intercultural communication and aiding international students' integration is also emphasized. Through an analysis of Pakistani students' engagement with Russian historical memory, this research sheds light on the complex ways that cultural narratives are absorbed, contested, and negotiated across national boundaries.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, культурный диссонанс, межкультурная эмпатия, транснациональная память, историческое повествование, культурная дипломатия, политика памяти.

Keywords: Great Patriotic War, cultural dissonance, intercultural empathy, transnational memory, historical narration, cultural diplomacy, memory politics.

Introduction

Victory in the Great Patriotic War is not only a date in history but a living cultural event in Russia. Each year on May 9th, Victory Day commemorates the Soviet Union's triumph over Nazi Germany in 1945. More than a parade or festival, it represents a deep cultural ritual, stirring collective memories of sacrifice, resilience, and patriotism (Tumarkin, 1994; Etkind, 2013). For Russians, this story is central to nationhood. Yet for Pakistani students, who encounter this narrative as outsiders, it often feels distant tied to another nation's historical trajectory. Pakistan has a very distinct history of wars and colonial legacies, the partition of India, and regional conflicts in its post-colonial journey. These distinct historical pathways mean that when Pakistani students in Russia encounter Victory Day, they may feel curiosity, respect, or even empathy—but rarely the same visceral connection Russians express. This cultural and historical distance provides fertile ground for asking: how do Pakistani students engage with Russia's most defining war memory? Do they embrace, adapt, or remain detached from it.

The paper examine how Pakistani students interpret and emotionally respond to the memory of the Great Patriotic War. We are particularly interested in how their cultural background, educational experiences, and personal interactions mediate their engagement with Russian war commemoration. What does it mean, in other words, to discover someone else's intensely patriotic past when your own national story is based on different struggles?

Scholars remind us that memory is not fixed but socially constructed—both by national narratives and by cross-cultural encounters (Olick, 2007). For international students, adjusting to a host nation's memory culture often feels like an act of translation: sometimes enriching, sometimes disorienting, and occasionally resisted altogether. The case of the Great Patriotic War is especially illuminating because it sits at the very heart of Russian collective identity, providing an ideal site for exploring how memory is received across cultural boundaries.

For Pakistani students, exposure to this war memory often comes through classrooms, textbooks, or public commemorations. But processing these encounters requires filtering them through their own cultural lens. The result can be empathy, distance, or confusion sometimes all at once. These responses reveal how intercultural empathy is formed and highlight the complexity of connecting to another nation's past.

Beyond the personal, there is also a diplomatic angle. When foreign students engage with host country narratives, they contribute consciously or not to cultural

diplomacy. Shared remembrance, even when rooted in another nation's history, can create bridges of understanding and strengthen intercultural respect.

This study, then, adds to ongoing discussions of transnational memory, cross-cultural exchange, and international student integration. By focusing on Pakistani students' subjective experiences, it sheds light on how memory shapes, and is shaped by, intercultural encounters.

Research Objectives:

1. To explore how Pakistani students view the Great Patriotic War.
2. To analyze how cultural, educational, and interpersonal experiences influence their perceptions.
3. To assess the emotional, national, and cultural responses elicited by Russian wartime narratives.

Literature Review

2.1. Historical Memory and National Identity in Russia

The Great Patriotic War is perhaps the most powerful cornerstone of modern Russian identity. Each May 9th, Victory Day reaffirms the collective memory of wartime sacrifice and national pride. As Etkind (2013) notes, the Russian state's framing of the war reinforces a singular national memory, ensuring that the story of suffering and triumph remains central to the Federation's self-image.

This "memory politics," as Browning (2006) calls it, is not merely about history—it is about shaping national unity. Miller (2003) similarly argues that wartime memory has become an instrument of nationalism, a means of consolidating patriotism and reaffirming collective resilience. The war is thus not only remembered but continuously re-narrated to bind the nation together.

2.2. Cultural Adaptation Among Foreign Students

For international students particularly those from historically and culturally different nations engaging with a host country's dominant historical narrative can be daunting. Maringe and Carter (2007) describe how such students often struggle with cultural adaptation, especially when the host country's memory culture feels alien. Pakistani students, carrying the weight of colonial history and post-colonial struggles, may find themselves experiencing cultural dissonance when confronted with Russia's heroic wartime story.

Liu (2009) further highlights that cultural adaptation is often accompanied by acculturation stress, particularly when a student's home nation's history contrasts sharply with the host nation's. In such cases, adopting or even understanding a host country's memory culture can become a challenge in itself.

2.3. Intercultural Empathy and Transmission

Intercultural empathy plays a vital role in bridging such divides. Zhai (2014) argues that empathy across cultures can foster mutual understanding and deeper

cooperation. In the case of historical memory, empathy allows students to connect even partially with experiences that are not their own.

Anderson (2011) similarly notes that historical empathy contributes to international relations by cultivating respect and understanding. Yet she also cautions that empathy depends on individual emotional engagement; for some, distant wars may feel abstract, while for others, narratives of sacrifice resonate deeply.

2.4. Transnational Memory and Identity Formation

Memory does not remain confined within borders. Rothberg (2009) introduces the idea of multidirectional memory, where different national memories intersect and reshape one another. For Pakistani students, learning about the Great Patriotic War means negotiating between their own historical narratives and the Russian memory culture they now inhabit.

Cohen (2010) reminds us that memory is fluid, continually reshaped by new cultural experiences. Thus, exposure to Russia's war memory may subtly reshape Pakistani students' own identity, creating hybrid understandings that blend home and host perspectives.

2.5. Cultural Diplomacy and Shared Remembrance

Finally, memory practices among international students can have diplomatic implications. Gerasimov (2015) emphasizes how shared historical memories can serve as tools for intercultural communication and diplomacy. Even when histories are not shared in origin, their commemoration can foster empathy and open space for mutual respect.

3. Methodology

This study set out to explore how Pakistani students in Russia perceive and respond to the memory of the Great Patriotic War, with particular attention to emotional resonance, cultural dissonance, and intercultural empathy.

3.1. Research Design

A qualitative, descriptive research design was chosen to capture the subjective experiences of Pakistani students. Semi-structured interviews allowed participants to share personal reflections while ensuring that key themes cultural adaptation, emotional reactions, and empathy remained central.

3.2. Participants

The study included 18 Pakistani students enrolled in graduate or PhD programs in Moscow, Kazan, Nizhny Novgorod, and St. Petersburg. Participants were selected purposively based on the following criteria:

- Enrolled in a degree program in Russia for at least one year.

- Exposure to Russian historical narratives through coursework, media, or social interaction.

- Willingness to discuss perceptions of the Great Patriotic War.

Ages ranged from 23 to 35, and participants represented diverse academic fields, including engineering, social sciences, and business.

3.3. Data Collection

Semi-structured interviews, conducted in Urdu and English, lasted between 15 and 25 minutes. Questions focused on four areas:

- Cultural Adaptation: How do students engage with Russian war commemorations?

- Emotional Resonance: What feelings arise when learning about the Great Patriotic War?

- National Identification: How does Pakistan's historical experience shape their responses?

- Intercultural Empathy: Do students feel empathy, detachment, or confusion?

All interviews were audio-recorded with consent and transcribed verbatim.

3.4. Data Analysis

Thematic analysis guided the interpretation of data. Steps included:

1. Familiarisation: Reading transcripts multiple times for overall understanding.

2. Coding: Identifying recurring ideas such as cultural dissonance, empathy, and emotional resonance.

3. Theme Development: Grouping codes into broader themes, including:

- Empathetic Responses to Russian War Memory
- Cultural Dissonance versus Empathy
- National Identity and Historical Context

3.5. Interpretation

Themes were then linked to existing literature on memory, adaptation, and international students, allowing the study to situate individual experiences within broader theoretical frameworks such as transnational memory and cultural diplomacy.

3.6. Ethical Considerations

- Informed Consent: Participants were fully briefed on the study and their rights.

- Confidentiality: All identities were anonymized.

- Right to Withdraw: Participants could leave the study at any stage.

- Data Security: Transcripts and recordings were securely stored, accessible only to the researcher.

Conclusion

This study offers important new perspectives on how Pakistani students in Russia interact with the Great Patriotic War and how their academic experiences, cultural backgrounds, and personal histories influence how they remember Russia. While emotional detachment and cultural dissonance were prevalent, many students also gained intercultural empathy as they interacted with the memory of the war. These results underline how difficult it can be to adapt to different cultures and how shared historical narratives can promote empathy and understanding across cultural boundaries.

References

1. Alkatiri, Z., & De Archellie, R. (2021). National patriotic day parade: the politics of historical memory and reconstruction of the Russian identity during Putin era. *Cogent Arts & Humanities*, 8(1), 1992081.
2. Allen, H., Adhikari, D., Khramtsova, I., Kuo, Y. H., Shorter Young, A., Bond, C., ... & Fields, E. C. (2011). Journal of International Students. *Journal of International Students* (November 11, 2011). *Journal of International Students*, 1(2).
3. Allen, H., Adhikari, D., Khramtsova, I., Kuo, Y.H., Shorter Young, A., Bond, C., ... & Fields, E.C. (2011). *Journal of International Students*. *Journal of International Students* (November 11, 2011). *Journal of International Students*, 1(2).
4. Bachleitner, K. (2023). Memory in international diplomacy. In *Handbook on the Politics of Memory* (pp. 246-257). Edward Elgar Publishing.
5. Barber, J., & Harrison, M. (2006). Patriotic War, 1941–1945. *Cambridge History of Russia*, 3, 217-42.
6. Browning, C.S., & Joenniemi, P. (2014). Karelia as a Finnish-Russian issue: renegotiating the relationship between national identity, territory and sovereignty.
7. Cohen, H.L., Meek, K., & Lieberman, M. (2010). Memory and resilience. *Journal of Human Behavior in the Social Environment*, 20(4), 525-541.
8. Doerr, N. (2014). Memory and culture in social movements. In *Conceptualizing culture in social movement research* (pp. 206-226). London: Palgrave Macmillan UK.
9. Etkind, A. (2013). *War and Memory in Russia: The Great Patriotic War and its Aftermath*. Cambridge University Press.
10. Fortier, A.M. (2020). *Migrant belongings: Memory, space, identity*. Routledge.
11. Greenwood, J.T. (2019). The Great Patriotic War, 1941–1945. In *Soviet Aviation And Air Power* (pp. 69-136). Routledge.
12. Hoffmann, D.L. (Ed.). (2022). *The Memory of the Second World War in Soviet and Post-Soviet Russia*. New York: Routledge.
13. Howard-Hassmann, R.E. (2000). Identity, Empathy and International Relations.
14. McGlynn, J., & Đureinović, J. (2023). The alliance of victory: Russo-Serbian memory diplomacy. *Memory Studies*, 16(2), 227-242.

15. Merenkov, A., & Antonova, N. (2015). Problems of social adaptation of international students in Russia. *The New Educational Review*, 41, 122-132.
16. Ouedraogo, S.V. (2021). Intercultural understanding and pedagogy of empathy: a cultural experiential learning from an interdisciplinary dialogue project. *Journal of Intercultural Studies*, 42(3), 317-331.
17. Rothberg, M. (2009). *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*. Stanford University Press.

**РАЗВИТИЕ ОБЩИН И ДОБЫЧА ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ:
КАК МОЛОДЕЖЬ БЕЛУДЖИСТАНА МОЖЕТ СПОСОБСТВОВАТЬ
МЕСТНОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РОСТУ
COMMUNITY DEVELOPMENT AND MINING:
HOW BALUCHISTAN'S YOUTH CAN DRIVE
LOCAL ECONOMIC GROWTH**

Хани (Пакистан), Достдар Хуссейн (Пакистан)
*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород*
Hani, Dostdar Hussain (Pakistan)
*Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod*

**Научный руководитель: И.С. Леонова, д.с.н, доцент, профессор кафедры
отраслевой и прикладной социологии
ФСН ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород**
*Scientific supervisor: I.S. Leonova, PhD, Associate Professor, Professor of the
Department of Branch and Applied Sociology,
Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod*

Белуджистан, самая богатая природными ресурсами, но слаборазвитая провинция Пакистана, представляет собой парадоксальное сочетание богатства и бедности. Несмотря на обильные запасы природного газа, золота, меди и угля, он страдает от экономической стагнации, безработицы и недоиспользования человеческого капитала, особенно молодежи. В этой исследовательской работе исследуется связь между развитием общин и добычей полезных ископаемых, особое внимание уделяется тому, как молодежь Белуджистана может стать катализатором инклюзивного и устойчивого местного экономического роста. На основе всестороннего анализа социально-экономической

динамики, структурных барьеров и передовой международной практики в документе предлагаются практические рекомендации по интеграции молодежи в горнодобывающий и смежные секторы для долгосрочного развития.

Balochistan, the most resource-rich yet underdeveloped province of Pakistan, presents a paradox of wealth and poverty. Despite its abundant reserves of natural gas, gold, copper, and coal, it suffers from economic stagnation, unemployment, and underutilization of human capital—especially its youth. This research paper explores the nexus between community development and mining, focusing on how Balochistan's youth can catalyze inclusive and sustainable local economic growth. Through a comprehensive analysis of socio-economic dynamics, structural barriers, and international best practices, the paper proposes actionable recommendations to integrate youth into mining and allied sectors for long-term development.

Ключевые слова: молодежь, Белуджистан, экономический рост, экономика.

Keywords: youth, Balochistan, economic growth, economy.

Introduction

Balochistan spans nearly 44% of Pakistan's land area and is endowed with substantial mineral resources.

The province houses major mining projects such as Saindak (gold and copper) and Reko Diq, one of the world's largest undeveloped copper-gold mines.

However, the socio-economic landscape remains bleak.

Local communities, particularly the youth, face systemic exclusion from development processes.

Unemployment, lack of technical education, and limited participation in decision-making hinder community prosperity.

Problem Statement

Despite the mining boom, economic benefits rarely trickle down to local populations.

Youth, who make up over 60% of Balochistan's population, remain marginalized.

This disconnect calls for reimagining the province's development strategy by integrating youth into mining value chains and community development frameworks.

Objectives

- To analyze how mining activities impact local communities in Balochistan
- To explore the socio-economic status and potential of Balochistan's youth
- To propose models through which youth can contribute to local economic growth via mining and related sectors

Literature Review

The Resource Curse and Balochistan

The “resource curse” suggests that resource-rich regions often suffer from poor economic outcomes due to governance failures and external exploitation (Sachs & Warner, 2001). Balochistan exhibits this pattern, where external actors dominate mining and local participation is minimal (Khan, 2019).

Youth as Catalysts for Development

Globally, youth engagement in natural resource governance has led to sustainable economic outcomes. According to the ILO (2019), youth entrepreneurship and technical education in resource sectors reduce poverty and increase innovation.

Community-Based Resource Management

The concept of community-based resource management emphasizes local participation in managing and benefiting from natural resources. Examples from Canada and Australia show that integrating indigenous youth into mining operations improves both social and economic outcomes (Natural Resources Canada, 2020).

Socio-Economic Landscape of Balochistan

Demographics

Balochistan’s population is approximately 14 million, with over 60% under the age of 30 (PILDAT, 2021). However, the youth literacy rate is below 50%, and access to higher education is significantly limited, especially in rural areas.

Unemployment and Skill Deficit

Youth unemployment exceeds 35%, one of the highest rates in the country. The absence of vocational and technical training institutions in mining-related fields exacerbates the problem (UNDP, 2020).

Political and Social Exclusion

The youth often feel politically alienated due to inadequate representation in policymaking. Social unrest and security concerns further restrict their mobility and economic participation.

Mining Sector in Balochistan: Potential and Pitfalls

Mineral Resources

Balochistan has deposits of gold, copper, iron, marble, chromite, and coal. Major sites include:

- Reko Diq: Copper and gold
- Saindak: Copper-gold
- Duki & Mach: Coal
- Lasbela: Marble

Foreign Exploitation and Local Disempowerment

Most mining contracts are held by federal or foreign entities, such as Barrick Gold in Reko Diq. Local communities often receive minimal benefits and have limited say in environmental and labor regulations (Ahmed & Baloch, 2018).

Environmental and Social Impacts

Mining without local accountability has led to environmental degradation, water shortages, and displacement of communities.

The Role of Youth in Driving Economic Growth

Skills Development and Technical Training

Youth can be trained in areas such as:

- Geology and mineral surveying
- Environmental management
- Mining engineering
- Machinery operations and safety protocols

Establishing technical institutes in Khuzdar, Quetta, and Chagai could revolutionize local participation.

Entrepreneurship Opportunities

Youth can start businesses in:

- Equipment leasing
- Mineral transportation and logistics
- Environmental monitoring services
- Construction and housing for mining workers

Innovation and Digital Integration

Youth-led tech startups can develop apps for real-time environmental monitoring, mineral tracking, and worker safety. Blockchain and AI can be integrated into mineral logistics and contract transparency.

Comparative Case Studies

South Africa

Community development agreements require mining companies to invest in local training programs. Youth employment in mining-related sectors has reduced rural poverty (Chamber of Mines SA, 2017).

Canada

Indigenous youth are engaged in environmental monitoring and given equity shares in mining projects. Education and healthcare initiatives are tied to mining profits (Natural Resources Canada, 2020).

Afghanistan

In regions like Bamyan, local youth are trained in small-scale mining and gemstone value addition. The government offers micro-loans and legal protections to youth cooperatives (World Bank, 2021).

Methodology

This study adopts a qualitative research methodology, suitable for exploring complex social, economic, and developmental issues where human behavior, institutional dynamics, and contextual factors play a central role.

Research Design

The research follows a descriptive and exploratory design, aiming to describe the current state of youth involvement in Balochistan's mining sector, explore the opportunities for integrating youth in community-based mining development, and assess policy gaps to suggest actionable interventions.

Data Collection

Due to limitations in direct fieldwork, the study relies on secondary data sources, including academic literature on community development, youth engagement, and resource economics; government reports and policy documents from the Ministry of Energy and Mineral Resources, Balochistan Development Authority, and youth affairs departments; NGO reports (e.g., Pakistan Poverty Alleviation Fund, UNDP, World Bank); media articles; and interviews reflecting local perspectives.

Case studies from countries with similar mining challenges and youth demographics were also reviewed.

Data Analysis

Thematic analysis was used to identify patterns such as youth exclusion, lack of skills, and limited participation in policymaking.

Comparative case study analysis highlighted successful strategies from other regions.

Policy documents were reviewed to identify institutional gaps and areas for youth-focused reform.

Case Study Approach

Case studies were selected from South Africa, Canada, and Afghanistan.

These examples demonstrate how youth engagement in mining-related development led to improved socio-economic outcomes, especially in marginalized or post-conflict regions.

Limitations

This study does not include primary data such as interviews or surveys due to resource and time constraints.

Additionally, the applicability of international models to Balochistan must be contextualized, as local cultural, political, and economic dynamics differ.

Findings

Youth Exclusion from the Mining Sector

Despite being over 60% of the population, Balochistan's youth are largely excluded from the formal mining economy.

There is minimal participation in decision-making, operations, or ownership structures.

Most employment in the sector goes to outsiders due to the local skill gap.

Lack of Skills and Education

A significant mismatch exists between the demands of the mining industry and the educational qualifications or technical skills of local youth.

Vocational and technical institutes are either underdeveloped or inaccessible in most mining districts.

Economic Inequality and Social Discontent

Communities in mining-rich regions remain impoverished and underdeveloped.

The absence of youth-centered development policies has led to increased frustration, migration, and in some cases, vulnerability to exploitation and violence.

Untapped Entrepreneurial Potential

There is a growing interest among youth in business opportunities related to mining, such as logistics, machinery services, environmental consulting, and housing.

However, access to finance and mentoring remains a major barrier.

Environmental and Health Concerns

Youth and communities living near mining sites report growing environmental degradation, lack of healthcare, and displacement issues.

This has contributed to community mistrust of government and mining companies.

International Models Provide Relevant Lessons

Case studies from Canada, South Africa, and Afghanistan show that integrating youth through training, equity ownership, and partnership models can lead to more sustainable and inclusive growth.

These models also help reduce conflict and build long-term community trust.

Policy Gaps Identified

There is a lack of specific provincial or national policies that promote youth engagement in mining.

Most mining policies are investor-centric and do not include clear frameworks for local community or youth benefit-sharing.

Policy Recommendations

- Establish Mining and Technical Institutes in Chagai, Dera Bugti, and Lasbela districts.
- Introduce Youth Quotas in employment contracts of mining companies.

- Create a Provincial Mining Youth Fund to support education and startups.
- Develop Local Content Policies mandating procurement from youth-run businesses.
- Strengthen Governance Mechanisms for transparency in revenue sharing.
- Encourage Public-Private Partnerships (PPP) to co-fund youth training programs.

Conclusion

Balochistan stands on a goldmine—literally and metaphorically. Its mineral wealth and vibrant youth population can together shape a prosperous future. However, this potential can only be unlocked through inclusive, transparent, and youth-centered development strategies. The path forward must blend technical education, entrepreneurial support, and participatory governance to ensure that mining fuels not only national revenues but also community resilience and youth empowerment.

References

1. Ahmed, F., & Baloch, G. (2018). Insurgency and Development in Balochistan: The Root Causes. *Pakistan Journal of Social Sciences*, 38(1), 45–60.
2. Chamber of Mines South Africa. (2017). Annual Report. Retrieved from URL: <https://www.mineralscouncil.org.za> (date of request: 10.03.2025).
3. Green, G.P., & Haines, A. (2015). *Asset Building and Community Development* (4th ed.). Sage Publications.
4. ILO. (2019). *Youth Employment in the Mining Sector: Unlocking Opportunities*. URL: <https://www.ilo.org> (date of request: 10.03.2025)
5. Khan, M. (2019). Resource Extraction and Marginalization: A Study of Balochistan. *South Asian Studies*, 34(2), 134-150.
6. Natural Resources Canada. (2020). *Indigenous Participation in Mining Projects*. URL: <https://www.nrcan.gc.ca> (date of request: 10.03.2025)
7. PILDAT. (2021). *Youth in Pakistan: A Review of National Policies*. <https://www.pildat.org>
8. Sachs, J.D., & Warner, A.M. (2001). The curse of natural resources. *European Economic Review*, 45(4–6), 827–838.
9. UNDP. (2020). *Human Development Report Pakistan: Youth as a Resource*. URL: <https://www.pk.undp.org> (date of request: 10.03.2025).
10. USAID. (2022). *Skills for Youth Program – Balochistan*. URL: <https://www.usaid.gov/pakistan> (date of request: 10.03.2025).
11. World Bank. (2021). *Youth Entrepreneurship in Resource-Rich Economies*. URL: <https://www.worldbank.org> (date of request: 10.03.2025).

**КНИГИ ПАМЯТИ «ПРИЗНАНЫ ПОГИБШИМИ»:
ПО МАТЕРИАЛАМ ОБРАЩЕНИЙ
В МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РФ
MEMORY BOOKS "RECOGNIZED AS DEAD":
BASED ON THE MATERIALS OF APPEALS TO THE MINISTRY
OF DEFENSE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

В.Г. Щекотилев
Тверской государственный технический университет, г. Тверь
V.G. Shchekotilov
Tver State Technical University, Tver

Предложен подход исследований формирования обращений в МО РФ, получения решений о признании погибшими пропавших без вести воинов. В 2015 г. переучтено с пропавших на погибших всего 81 воин. По материалам авторов в 2019-2021 гг. переучтено 111 воинов. На начало 2025 г. признано погибшими более 1400 воинов, издано 8 «Книг памяти».

A research approach has been proposed, the formation of appeals to the Ministry of Defense of the Russian Federation, obtaining decisions on recognizing missing soldiers as dead. In 2015, only 81 soldiers were counted from missing to dead. Based on the author's materials in 2019-2021. 111 soldiers were re-counted. At the beginning of 2025, more than 1,400 soldiers were recognized as dead, 8 «Books of Memory» were published.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, «Книга памяти», пропал без вести, признан погибшим, Центральный архив, военкомат, Главное управление кадров, переучтен с пропавшего на погибшего, офицер.

Keywords: The Great Patriotic War, a book of memory, went missing, recognized as dead, Central Archive, military registration and enlistment office, Main Directorate of Personnel, re-registered from missing to deceased, officer.

По данным «Книг памяти» России более 40% не вернувшихся с войны считаются пропавшими без вести. Центральным архивом (ЦА) Министерства обороны (МО) России ежегодно производится переучет воинов с пропавших без вести на погибших, в частности, в 2015 г. – 81 воин, в 2023 г. – 177 воинов. Решения принимаются по обращениям потомков воинов с указанием обнаруженных архивных документов.

Развитие Интернета, технологий БД, оцифровка архивных документов создали среду для широкомасштабных военно-исторических исследований [1]. Частью исследований стала историческая геоинформатика, которая позволяет автоматизировать анализ разновременных геокодированных данных [2].

Результативная часть настоящих исследований началась в 2016 г. установлением по архивным данным ЦА МО перезахороненного 22.06.2013 г. в г. Ржев Поисковым движением России (ПДР) воина с фамилией Щекотилов. Установление имени воина, дивизии, даты гибели продолжалось до 2019 г. [3] – Щекотилов Василий Иванович, 1908 г.р., уроженец д. Щекотилово Шахунского р-на, Горьковской обл., гв. красноармеец 3 сб 46 гв. сп 16 гв. сд, погиб с 14 по 19 августа 1942 г. на северной окраине д. Полунино, Ржевского р-на.

За 5 лет накопились данные по однополчанам воина и по информативности архивных документов. Сформировалась документальная база и уверенность в возможности признания погибшими многих воинов, которые считаются пропавшими без вести.

Фактически в 2015-2025 гг. предложен и апробирован подход исследований архивных документов военного и послевоенного периода, подачи обращений в структуры МО РФ, получения решений о признании погибшими пропавших без вести воинов.

При архивных исследованиях выявляются данные о пропаже воина без вести (извещение, донесение части, анкета, подворовой обход, Книга памяти и др.) и документ о гибели воина (донесение части, документ о захоронении), а также их комплексный анализ на непротиворечивость.

В документах часты ошибки и опiski в фамилии, имени, отчестве воина и родственников, наименовании географических объектов рождения, призыва, гибели воина.

Для признания воинов погибшими материалы подаются в:

- районные (РВК), городские, областные военные комиссариаты (ОВК);
- Центральный архив МО РФ;
- Департамент по увековечению памяти погибших при защите Отечества;
- Главное управление кадров МО РФ.

Данные по воинам и решения опубликованы в серии Книга памяти «Признаны погибшими»: «16 Гв. сд», «243 сд», «222 сд», «Тверская область», «Город воинской славы Колпино», «Ленинградская область», «Дополнения по материалам 2019-2023 гг.», «Дополнения по материалам 2023-2024 гг.» (приведен общий список воинов) [4]. Готовятся материалы 9-й части Книги памяти о 233 воинах по материалам решений ЦА и ГУК МО РФ 2024-2025 гг.

Результативность исследований привела к созданию поискового отряда «Возвращение» при Тверском государственном техническом университете (ТвГТУ) [5]. В исследованиях и подаче материалов принимают участие

педагоги и активисты Народного музея боевой славы 16 Гвардейской стрелковой дивизии, СОШ №8 г. Сергиев Посад (рук-ль Журенкова Е.Д.).

На начало 2025 г. по обращениям признано погибшими более 1400 воинов [4, 6]. В 2025 г. поданы обращения по 254 воинам.

Для примера, данные из 4-х дел ЦА МО 2022-2023 гг. (тома 5, 2, 6, 9, еще не оцифрованные в систему «Память народа», 1258 воинов, из них 392 воина ПО «Возвращение»).

В делах переучтено с пропавших без вести на погибших 239 воинов. Из них 208 (87.0%) воинов из обращений авторов, которые отправлялись на основе архивных данных. Признано погибшими 593 воинов, из них 184 (31%) по обращениям ПО «Возвращение».

Обращения 2019-2024 гг. были основаны на донесениях о потерях – книгах погребения 34-х дивизий. Соответствующие решения о признании погибшим или переучете с пропавшего без вести воинов рядового и сержантского состава приняты ЦА МО. В части офицеров первые 3 решения по 17 воинам приняты МО РФ только в 2025 г. – Главное управление кадров МО РФ издало приказы об отмене приказов военного периода о пропаже без вести офицеров и признании их погибшими [5].

В 2025 г. начато исследование новой группы донесений о безвозвратных потерях – списков погибших бойцов и командиров Красной Армии, похороненных военными комиссариатами на местах боев. Подано 12 обращений на 109 воинов, захороненных в районах Московской, Тверской, Волгоградской областей, а также Луганской Народной Республике.

Отметим – к 80-летию Победы готовились электронные Книги памяти.

В научной электронной библиотеке России elibrary.ru занесены Книги памяти:

– 9 изданных в 2022–2023 гг.: «Том 19. Курск», «МО "Заостровское" Приморского р-на Архангельской области» и 7 частей «Признаны погибшими».

– 2 изданные в 2024–2025 гг.: «Бойцов, командиров, политработников Железнодорожных войск» и «Признаны погибшими. Часть 8».

За 4 года 2022–2025 гг. 11 Книг памяти, в т.ч. 8 – «Пропавшие без вести».

Высокая результативность исследований во многом обусловлена сформированной ранее методической и инструментальной базой в области ИТ, БД, ГИС при использовании архивных карт XIX–XX вв. и геокодируемых данных в прикладных задачах исторической информатики, которые были поддержаны грантами РГНФ и РФФИ в 2009–2015 гг.

Итак, небольшая группа исследователей (математики, ИТ специалисты, географы, юрист, медик, педагог, школьники) по существенной выборке, в частности, из 4-х дел ЦА МО, в 2022–2023 гг. инициировали переучет пропавших без вести воинов на погибших в 6 раз больше (208 и 31) чем все иные заявители вместе (90-й отдельный специальный поисковый батальон МО РФ, Департамент по увековечению памяти погибших при защите Отечества МО РФ, районные и областные военкоматы, сотни поисковых отрядов ПДР, родственники воинов, историки, исследователи, краеведы).

Практика показала, что в предложенных исследованиях могут участвовать не только студенты, но и учащиеся школ. Сформированный подход безусловно должен шире тиражироваться с участием молодежи.

Особая важность привлечения молодежи к установлению судеб воинов в настоящие годы обусловлена тем, что сейчас уже мало здравствующих детей воинов, но есть внуки воинов, которые могут помочь в поисках и рассказать об общении со своими бабушками – вдовами воинов.

Авторы выражают благодарность за совместную деятельность и помощь в процессе увековечения памяти о считавшихся пропавшими без вести воинов Великой Отечественной войны: сотрудникам МО – ЦА, ГУК, РВК, ОВК; сотрудникам местных администраций; историкам, поисковикам, краеведам; Императорскому Православному Палестинскому обществу; духовенству Русской Православной Церкви.

Список литературы

1. Букреев, А.И. Информационное обеспечение военно-исторических исследований: цифровые информационные ресурсы по истории мировых войн / А.И. Букреев, Е.Д. Жабко // Военно-исторический журнал. 2025. № 2. С. 82-94.
2. Владимиров, В.Н. Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2005. 192 с.
3. ЦА МО: Ф. 6237, оп. 288200с, д. 1, Книга погребения, 46 гв. сп 16 гв. сд 20.10.41–19.7.44, 102 л.
4. Книга Памяти. Признаны погибшими. Часть 8. По материалам 2023–2024 гг.: монография / Щекотилов В.Г. Авторы-составители: Щекотилов В.Г., Епишкина И.В., Журенкова Е.Д., Лазарев О.Е., Щекотилов А.В., Щекотилова С.Н., Юрс М.В. – Тверь: Заповедник Времени, 2024. 223 с.
5. Поисковый отряд «Возвращение», страница ВКонтакте. URL: <https://vk.com/povozvrashchenie> (дата обращения: 23.08.2025).
6. Тверские поисковики в 2022 году установили судьбу 558 пропавших без вести красноармейцев. ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16589679> (дата обращения: 23.08.2025).

**АНТИГЕРОИ ПРОШЛОГО
В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЕЖИ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**
**ANTI-HEROES OF THE PAST
IN THE CULTURAL MEMORY OF THE YOUTH
OF THE KALININGRAD REGION**

А.В. Щекотуров

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
г. Калининград*

A.V. Shchekoturov

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

Анализируется роль негативных исторических фигур в культурной памяти молодежи Калининградской области. На основе опроса и сетевого анализа выявлены кластеры антигероев и их связь с коммеморативными практиками, источниками информации и отношением к установке памятников. Показана функция «отрицательных образов» в поддержании символической целостности памяти.

The article examines the role of negative historical figures in the cultural memory of young people in the Kaliningrad region. Based on survey data and network analysis, clusters of anti-heroes and their links to commemorative practices, information sources, and attitudes toward monuments are identified. The study highlights the function of «negative images» in maintaining the symbolic integrity of memory.

Ключевые слова: культурная память, отрицательные исторические деятели, молодежь, Калининградская область, коммеморативные практики.

Keywords: cultural memory, negative historical figures, youth, Kaliningrad region, commemorative practices.

В условиях современного геополитического противостояния «войны памяти» становятся одной из ключевых арен символической борьбы [1]. Конкурирующие интерпретации прошлого формируют различные модели исторического сознания и коллективной идентичности [2]. Калининградская область занимает особое место в этом процессе: ее историческое наследие включает древнепрусский, немецкий, советский и современный российский пласты, что делает регион уникальной лабораторией исследования процессов памяти.

Если в предыдущей публикации автор сосредоточился на положительных фигурах прошлого [3], то целью данной работы является выявление роли негативно воспринимаемых исторических деятелей («антигероев») в культурной памяти молодежи Калининградской области.

В качестве теоретической рамки используется концепция культурной памяти Я. Ассмана, согласно которой общества формируют институционализированные образы прошлого, закрепленные в источниках информации, ритуалах и символах [4]. Отрицательные фигуры в этой системе не менее значимы, чем героические, так как они задают «границы допустимого» и выполняют функцию антагонистического сплочения, объединяя общество через отрицание определённых фигур и событий.

Эмпирической базой послужили данные уличного опроса населения Калининградской области (n=1006) по квотной выборке, проведенного в октябре 2024 г., из которых 271 респондент – молодежь в возрасте 18-35 лет (51,1% мужчин и 48,9% женщин).

В исследовании использовались открытые и закрытые вопросы, отражающие различные компоненты культурной памяти, которые послужили соответствующими индикаторами:

- Антигерои: «Какие отечественные исторические деятели, на Ваш взгляд, сыграли преимущественно отрицательную роль в истории России?»;
- Миметическая память: серия вопросов о практиках проведения Дня Победы (например, «Возлагаю цветы к памятникам, посвященным Великой Отечественной войне», да/нет);
- Предметная память: «Какие памятники, по Вашему мнению, обязательно должны быть в Калининградской области?»;
- Коммуникативная память: «Откуда Вы преимущественно получаете информацию об истории России?».

Методический дизайн включал: 1) построение графа исторических деятелей в Gephi; 2) кластеризацию антигероев по принципу Modularity (объединение деятелей, которых чаще всего упоминали вместе); 3) классификацию респондентов по принадлежности к кластерам (IBM SPSS Statistics); 4) статистический анализ взаимосвязей между кластерами и компонентами культурной памяти.

Результаты

Большинство молодых респондентов (70,4%) не смогли назвать ни одного антигероя. Среди названных выделились два кластера:

1. В. Ленин и И. Сталин (5,2%);
2. Б. Ельцин, М. Горбачев и Н. Хрущев (24,4%).

Респонденты кластера Ельцина-Горбачева-Хрущева чаще выступали за установку памятников военным деятелям и событиям (48,1% против 10% в первом кластере). В то же время в обеих группах около 30% поддерживали памятники руководителям страны или представителям науки и культуры. Различия в установках относительно памятников отражают конкурирующие

репертуары памяти. Сторонники кластера Ельцина-Горбачева-Хрущева консолидируются вокруг традиционного образа военной истории, что усиливает значимость героического дискурса. Представители кластера Ленина-Сталина демонстрируют более равномерное распределение предпочтений, что указывает на плюрализацию символов прошлого.

Молодежь, отнесенная к кластеру Ленина-Сталина, чаще ориентировалась на интернет-ресурсы, учебники по истории и научную литературу (40,0%). Для кластера Ельцина-Горбачева-Хрущева более значимыми источниками стали не только интернет и учебники по истории, но и туристические поездки, включая посещение музеев (33,3%). Это свидетельствует о двух стратегиях культурной памяти: рационализированной (через тексты и интернет-ресурсы) и эмпирически переживаемой (через музеи и путешествия).

Уровень вовлеченности в празднование Дня Победы варьировался от 0 (2,6% опрошенных) до 7 практик (12,9% респондентов). В первом кластере среднее значение составило 4 практики, во втором – 5, что указывает на несколько более высокую степень ритуальной активности у последней группы.

Результаты исследования демонстрируют, во-первых, большинство молодежи (70,4%) не смогли назвать ни одного антигероя. Это может говорить как о недостаточной исторической осведомленности, так и о культурной специфике памяти о прошлом. В массовом сознании акцент чаще делается на «героях» и победах (особенно в Великой Отечественной войне), тогда как негативные фигуры маргинализируются. Молодёжь воспитывается в логике символической героизации, где «герой» – это обязательный элемент культурного кода, а «антигерой» – вторичный. Во-вторых, заметим доминирование респондентов, включивших в число антигероев Б. Ельцина, М. Горбачева и Н. Хрущева. В отличие от В. Ленина и И. Сталина, которые, вероятно, ассоциируются с эпохами мобилизационного развития, индустриализации и победы в Великой Отечественной войне (несмотря на масштабные репрессии), фигуры Б. Ельцина (социально-экономический кризис 1990-х годов, резкое падение уровня жизни и утрата статуса сверхдержавы), М. Горбачева (перестройка и распад СССР) и Н. Хрущева (руководитель, принявший решение о передаче Крыма Украинской ССР, что в контексте современного политического дискурса усиливает его негативную оценку), прочно связаны с процессами геополитической дезинтеграции. Именно эти фигуры стали для молодежи «символами утраты» – территориальной, политической и статусной. Их объединение в один кластер

антигероев отражает восприятие ответственности за кризисные события новейшей истории России и СССР.

Однако, даже несмотря на низкую частоту упоминаний, фиксация антигероев в культурной памяти молодежи имеет концептуальное значение. По Ассману, культурная память формируется не только через позитивные образы, но и через отрицательные, которые задают «нормативные границы» и обозначают, какие фигуры не должны быть символами коллективного наследия.

Таким образом, негативные образы выполняют двойную функцию: во-первых, они выступают инструментом разграничения «своего» и «чужого» в культурной памяти, во-вторых, они способствуют сохранению символической целостности общества, формируя консенсус вокруг неприятия определенных исторических фигур. Для молодежи Калининградской области антигерои становятся не столько элементом конфликта, сколько маркером культурных границ, внутри которых возможно символическое согласие.

Список литературы

1. Давиденко, А.А. Понятие «войны памяти» в современных исследованиях коллективной памяти // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 3. С. 85–95.
2. Манкевич, Д.В., Мегем, М.Е., Щекотуров, А.В. Деятели отечественной и региональной истории в культурной памяти калининградцев // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2025. №2. С. 88-103.
3. Щекотуров, А.В. Герои прошлого в культурной памяти молодежи Калининградской области // Молодежь, образование и общественная память. XXIV уральские социологические чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Екатеринбург, 22-23 мая 2025 года) / под ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2025. С. 144-146.
4. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры. 2004.

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ**

ДОКЛАДЫ

**ПОКОЛЕНИЕ ДЕЛЬТА В ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЕКЦИИ
THE DELTA GENERATION IN DEMOGRAPHIC PROJECTION**

А.А. Бесчасная

*Северо-Западный институт управления
РАНХиГС при Президенте РФ, г. Санкт-Петербург*

*A.A. Beschasnaya
North-Western Institute
of Management of the RANEPA, St. Petersburg*

Дается обзор демографических показателей поколения современных детей, приходящего на смену поколению Z. Поколение Дельта характеризуется, во-первых, сокращением численности, которое при определенных усилиях государства и общества имеет потенциал роста, и, во-вторых, увеличением продолжительности периода детского возрастного периода.

These abstracts of the conference presentation are devoted to an overview of the demographic indicators of the generation of modern children – the generation coming to replace generation Z. The Delta generation is characterized by a decrease in numbers, which, with certain efforts by the state and society, has the potential to grow, and an increase in the length of childhood.

Ключевые слова: поколение, Дельта, выбор, демография, численность, рождаемость, возраст.

Keywords: generation, Delta, choice, demography, population, birth rate, age.

Поколение Дельта – это авторский подход к характеристике нынешнего поколения детей, который является альтернативным теории поколения Альфа [1]. Согласно общепринятому подходу, обозначение и характеристика поколения складывается из специфичных событий, сопровождающих становление «лица поколения». Образ поколения формируется в юношеском возрасте его представителей и с каждой эпохой наблюдается «омоложение» момента кристаллизации поколения. По мнению автора, значимой характеристикой поколения пост-Z являются не цифровые технологии, сопровождающие рождение детей (на что указывают многие исследователи, в том числе автор концепции поколения Альфа), а ситуация выбора, которая

приобретает для поколения Дельта перманентный характер – от повседневного, например, в интернет-маркете или морально-нравственного до глобального и политического. Как отмечают исследователи, выделение поколений имеет не только исторически обусловленный характер, но также зависит от принадлежности к определенной стране или региону внутри одной страны [2, с. 39; 3].

Демографическое описание поколения включает определение численности и возрастные параметры его представителей.

Историческое расположение поколения Дельты на ленте времени начинается с 2010 г. и условно ограничено 2030-2035 гг. Другими словами на текущий момент сформирован поколенческий шаг от 17 до 25 лет [2, с. 38] (усредненно 20 лет). Именно в этот возрастной период происходит «форматирование» личности и поколения.

В настоящее время в России детей как представителей поколения Дельта, рожденных начиная с 2010 г., около 26 800 000 чел., то есть 17,2% от всего населения [4]. Из них более 75% проживают в городах. Вовлеченность этих детей в урбанизированный образ жизни детерминирует формирование установок на простое воспроизводство, характерное для городов.

Формирование демографического контура поколения Дельта имеет начало в истории предков и страны. Поколение современных детей отделяет от событий Второй мировой войны, как минимум, четыре поколения (военно-послевоенное, беби-бумеры (X), Y, Z). Но даже они не смогли нивелировать демографическое эхо убийственного события XX в. Поколение Дельта, начавшее свой отсчет в 2010 г., до 2015 г. испытало состояние кратковременного подъема рождаемости, и далее вновь наблюдался его спад (рис. 1).

Как прогнозирует Росстат, численность населения в России в 2030 г. может составить от 131 862 200 чел. (низкий прогноз) до 151 229 100 чел. (высокий прогноз) [5]. Если текущее состояние дел сохранится, доля поколения Дельта в общей численности российского населения будет сокращаться. Следствием этой тенденции станет поколение депопуляции.

Поколение Дельта застанет *увеличение продолжительности (duration)* периода детства и периода жизни в целом. Обогащение образовательного контента знаниями и умениями в области цифровых и интеллектуальных технологий востребует увеличение периода детства как периода подготовки к вступлению во «взрослую жизнь» (в самостоятельную, наделенную ответственностью). С другой стороны, современные дети особенно отличаются ускоренным биологическим ростом благодаря регулярному и полноценному питанию и медицинскому обслуживанию [6; 7].

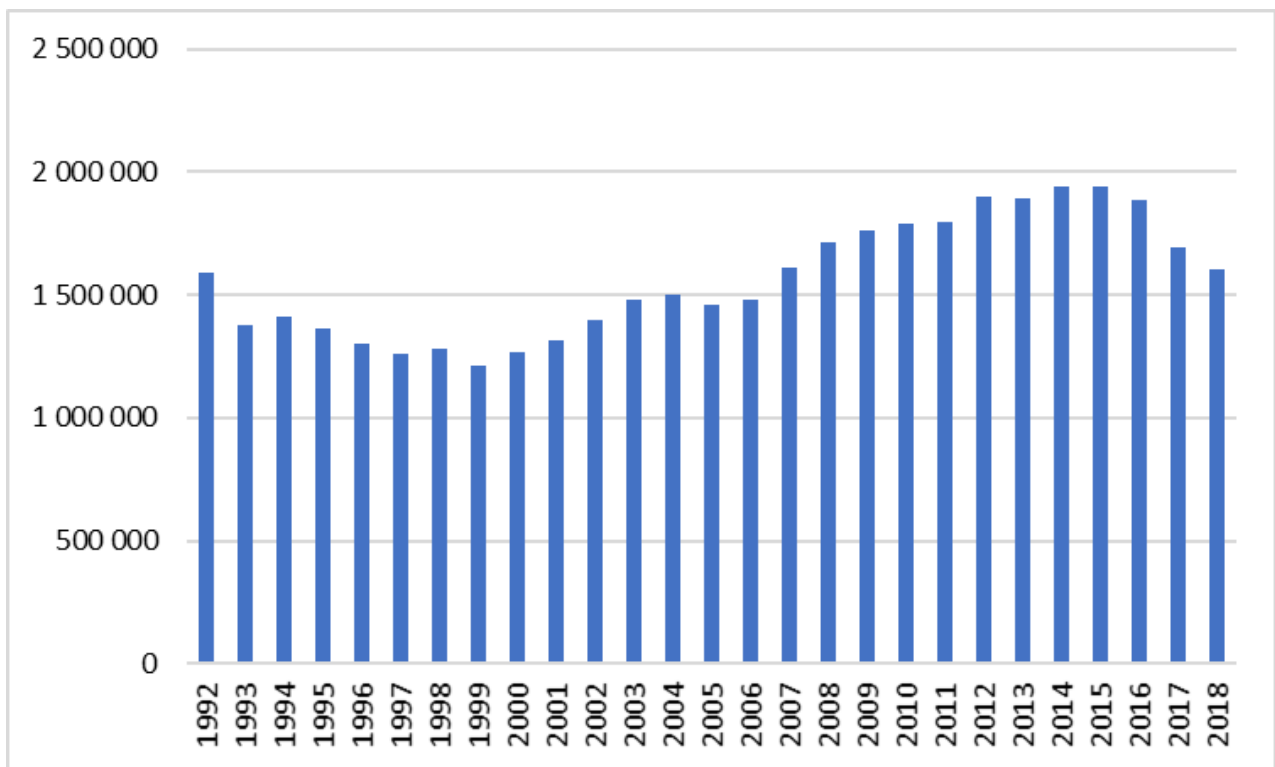

Рис. 1. Динамика абсолютной рождаемости в РФ (млн.чел.)

По этой причине формируется *двойственность* в отношениях к ребенку. С одной стороны, он еще социально незрелый, а с другой – биологический потенциальный. С точки зрения этнометодологии, это выражается в противоречивых обращениях к ребенку, когда для родителей он одновременно «ты уже большой» и «ты еще маленький» в зависимости от масштаба деятельности и решаемых задач. Представители поколения Дельта являются носителями противоречий, проявляющихся в увеличении периода заботы и отсроченного взросления одновременно с ускоренной биологической зрелостью и завышенными ожиданиями со стороны общества.

Следовательно, поколение Дельта, пребывая в ситуации *депопуляции* (*depopulation*) и *увеличения продолжительности* (*duration*) периода детства, находится в противоречивом социально-демографическом статусе с соответствующими дуальными (*double standard*) ожиданиями к их социальной роли в обществе.

Список литературы

1. Бесчасная, А.А. Поколение «Дельта»: в поисках характеристик российского поколения настоящего-будущего // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 4. С. 7-39.
2. Радаев, В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд.дом ВШЭ, 2020. 224 с.

3. Vyugina, D. Generation, Z in Russia // Scholz C., Rennig A. (ed.) Generations Z in Europe (The Changing Context of Managing People). Emerald Publishing Limited Bingley, 2019. P. 253-274.

4. Щербакова, Е. Демографические итоги I полугодия 2024 года в России. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01043/barom03.php> (дата обращения: 10.09.2025)

5. Архангельский, В.Н., Елизаров, В.В. Демографические прогнозы в современной России: Анализ результатов и выбор гипотез // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 524-545. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0717/analit01.php> (дата обращения: 10.09.2025)

6. Салдан, И.П., Филиппова, С.П., Жукова, О.В., Швед, О.И., Пашков, А.П., Поцелуев, Н.Ю., Шульц, К.В., Нагорняк, А.С. Современные тенденции в изменениях показателей физического развития детей и подростков (обзорная статья) // Бюллетень медицинской науки. 2019. № 1 (13). С. 14-20.

7. Степанова, А.В., Година, Е.З., Хомякова, И.А., Задорожная, Л.В. Мониторинг ростовых процессов у детей и подростков с высокорослостью // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2012. № 4. С. 84-97.

ЖЕНЩИНЫ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ WOMEN OF THE GREAT VICTORY

В.Г. Доброхлеб

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,

Институт социально-экономических

проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, г. Москва

V.G. Dobrokhleb

Institute of Demographic Research

of the National Research Research Center

of the Russian Academy of Sciences,

Institute of Socio-Economic Problems of Population, FNIC RAS, Moscow

Чем дальше от нас события Второй мировой войны, тем острее политические и интеллектуальные споры о значении и результатах победы СССР. Значительным фактором стратегического успеха в победе над фашизмом стало активное участие женщин, защищавших свою Родину на фронтах, оккупированных территориях, в тылу. В составе бойцов Красной армии женщины и девушки овладели практически всеми военными специальностями, всех родов войск. Кроме фронта существенный вклад в Победу внесло партизанское движение. На плечи женщин легла значительная нагрузка в тылу. Доля занятых женщин в промышленности выросла до 52%. В последний год войны из 15 920 тыс. женщин (рабочих и служащих) 11 млн было занято в народном хозяйстве РСФСР. Новый характер социальных взаимодействий требовал изменения привычных гендерных ролей, с которыми они уже знакомы, но и формировать новые.

The further away the events of World War II are from us, the more intense the political and intellectual debates about the significance and results of the USSR's victory become. The active participation of women in defending their homeland on the front lines, in occupied territories, and in the rear was a significant factor in the strategic success of the victory over fascism. Women and girls in the Red Army mastered almost all military specialties and branches of the armed forces. In addition to the front lines, the partisan movement made a significant contribution to the victory. Women bore a significant burden in the rear. The share of women employed in industry increased to 52%. In the last year of the war, out of 15,920,000 women (workers and employees), 11 million were employed in the national economy of the RSFSR. The new nature of social interactions required a change in the familiar gender roles that they were already familiar with, as well as the formation of new ones.

Ключевые слова: Женщины, фронт, тыл, партизанское движение, гендерные роли.

Keywords: Women, the front, the rear, the guerrilla movement, and gender roles.

Чем дальше от нас события Второй мировой войны, тем острее политические и интеллектуальные споры о значении и результатах победы СССР. Возрождению нацистских идей и движений привели к острому военно-политическому противостоянию стран НАТО и Российской Федерации. В этих условиях идеологии, которая одержит верх в информационной войне, принадлежит будущее. Происходит формирование новых смыслов о роли и вкладе различных слоев общества в Победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Стратегия Гитлера состояла в ликвидации нашей страны и уничтожении значительной части ее населения, превращении оставшихся жителей в рабов. Победить или умереть, другого выбора не было. «Знаменитые слова: «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой с фашистской силой темною, с немецкою ордой» – стали объединяющим девизом представителей разных возрастов и национальностей, мужчин и женщин. Значительным фактором стратегического успеха в победе над фашизмом стало активное участие женщин, защищавших свою Родину на фронтах, оккупированных территориях, в тылу» [1].

В составе бойцов Красной армии женщины и девушки овладели практически всеми военными специальностями, всех родов войск. Следует отметить три сферы, где женщины -фронтовики были в большинстве:

- в госпиталях (61% среднего медперсонала составляли женщины);
- в подразделениях связи (80%);
- дорожных войсках (почти половина состава).

Легендарными за годы войны стали три авиационных полка, в том числе Женский авиационный полк «Ночные ведьмы». При этом наиболее высокая доля раненых женщин приходилась на служивших в не боевых

войсках. Примером этого может наглядно стать доля женщин из числа всех раненых женского госпиталя Ленинградского фронта: было связисток – 24,7%, минеров – 13,8%, поваров – 7,4%, разведчиц – 1,5%, регулировщиц – 1,3%. Для сравнения: ранения рядовых стрелков составляли – 4,3%, снайперов – 1,8%, зенитчиц – 1,2% [2].

Кроме фронта, существенный вклад в Победу внесло партизанское движение. Партизаны активно действовали Белоруссии, Крыму, в Орловской, Смоленской, Калининской, Ленинградской областях и Краснодарском крае. Почти каждым десятым партизаном являлась женщина.

За годы войны 96 женщин удостоены звания Героя Советского Союза. Более 150 тыс. – представлены к наградам боевыми орденами и медалями. [3]

На плечи женщин легла значительная нагрузка в тылу. Доля занятых женщин в промышленности выросла до 52%. В последний год войны из 15 920 тыс. женщин (рабочих и служащих) 11 млн было занято в народном хозяйстве РСФСР [4].

Изменение социальной роли женщин в военный и послевоенный периоды, их вклад в Победу в Великой Отечественной войне обусловлены общим стремлением победить. Это требовало напряжения народных сил. Демографические потери связаны с высоким числом погибших, умерших от ран, голода, тяжелейшего труда. Изменение половозрастной структуры населения привело к значительным переменам во всех сферах жизнедеятельности населения: семейной, производственной, уровне квалификации и распределению ролей на производстве. Новый характер социальных взаимодействий требовал изменения привычных гендерных ролей, с которыми они уже знакомы, но и формировать новые. Социально значимой становится работающая женщина-мать, занятая в различных отраслях народного хозяйства, а также студентка.

Список литературы

1. Доброхлеб, В.Г. Победа в Великой Отечественной войне: гендерный аспект / Великая Победа советского народа: социально-политические и демографические аспекты: [монография] / С.В. Рязанцев, В.Н. Иванов [и др.]; Отв. ред. С.В. Рязанцев, В.Н. Иванов; ИСПИ ФНИСЦ РАН. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 291 с.
2. История Великой Отечественной войны в Советском Союзе. 1941–1945 гг. В 6 т. М., 1960–1965 гг. см. также Иванова, Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах. М., 2002. С. 143. Будко, А.А., Грибовская, Г.А. Женщина – воин, женщина – жертва. Организация медицинской помощи и лечения женщин, вставших на защиту Родины // Военно-исторический журнал. 2004. № 3. С. 15.
3. Барсукова, Н.В. Женщины в Вооруженных силах СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // ОНВ. 2012. № 5 (112). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/zhenschinyv-vooruzhennyh-silah-sssr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg> (дата обращения: 20.08.2025); Мурманцева, В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. URL: www.a-z.ru/women/texts/murman1r-1.htm (дата обращения 20.08.2025); Иванова, Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М.: РОССПЭН, 2002. С. 172.

4. Вознесенский, Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. – М.: Госполитиздат, 1948. 192 с. URL: http://militera.lib.ru/h/0/one/voznensky_n.rar (дата обращения 10.08.2025).

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ В СОЦИОЛОГИИ **LIFE PATH OF CHILDREN OF WAR IN SOCIOLOGY**

Е.Н. Икингрин

Центр изучения регионов России ИС ФНИСЦ РАН, г. Москва

E.N. Ikingrin

Center for the Study of Russian Regions IS FNISC RAS, Moscow

В 2025 г. отметили свой 90-летний юбилей в активной рабочей форме известные социологи – Ж.Т. Тощенко (г. Москва), Р.И. Ирназаров (г. Уфа) и З.Х. Саралиева (г. Нижний Новгород). Эти ученые – дети войны связали свою жизнь с социологической наукой, основали направления в её изучении, сформировали свои научные школы.

In 2025, well-known sociologists Y.T. Toschenko (Moscow), R.I. Irnazarov (Ufa) and Z.M. Saraleeva (Nizhny Novgorod) celebrated their 90th anniversary in an active working form. These scientists, children of the war, connected their lives with sociological science, founded directions in its study and formed their own scientific schools.

Ключевые слова: Закон, дети войны, доктор, профессор, оккупация, бомбоубежище, работа в поле.

Keywords: Law, children of war, doctor, professor, occupation, bomb shelter, field work.

Для известных социологов – детей войны 2025 год стал юбилейным. В январе отметил свое 90-летие Жан Терентьевич Тощенко, член-корреспондент Российской академии наук, доктор философских наук, специалист в области теории и методологии социологии, социологии труда и управления, политической социологии, основатель социологического факультета РГГУ, который широко известен в научном сообществе по монографиям, учебникам, многочисленным научным статьям, по журналу «Социологические исследования» (возглавлял его более 25 лет), по докладам на конференциях, публичным выступлениям в СМИ. Ж.Т. Тощенко родился 3 января 1935 г. в деревне Павловка Климовского района Брянской области.

В 1957 г. окончил исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, в 1967 г. защитил кандидатскую, а в 1973 г. – докторскую диссертацию по философским наукам. [1, с. 5]

В сентябре в Уфе поздравили с 90-летием Рашита Исмагиловича Ирназарова, доктор социологических наук, профессора. Жизненный путь его уже более полувека тесно связан с наукой [2, с. 82]. Ирназаров Рашит Исмагилович родился 6 сентября 1935 г. в с. Темясово Баймакского района Башкирской АССР. В родном селе окончил школу, а затем и Темясовское педагогическое училище (1954 г.). Отслужив в рядах Советской Армии, поступил на историко-филологический факультет Башкирского государственного университета. После успешного окончания БашГУ (1963 г.) работал в школе, советских и партийных органах гг. Уфы и Сибая. В 1973 г. защитил кандидатскую, а в 1999 г. – докторскую диссертацию по социологическим наукам. В 2002 г. избирается профессором.

Ирназаров Р.И. является автором более 200 научных работ, в т.ч. авторских и коллективных монографий, учебников и учебных пособий. Наибольшую известность получили его труды: «Равенство этносов в Республике Башкортостан» (1997) [3] и «История развития социологической мысли Башкортостана» (2010) [4].

16 сентября 2025 г. исполнилось 90 лет Зарэтхан Хаджи Мурзаевне Саралиевой или, как её чаще называют, Заре Михайловне, ведущему ученому в области социальных наук, доктору исторических наук, профессору, которая посвятила более полувека исследованию социальных процессов современности, социальной политики, теории и методологии социальной работы, а также проблемам современной семьи. З.М. Саралиева родилась в Москве 16 сентября 1935 г. В 1958 г. окончила исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Сегодня Зара Михайловна обладает следующими регалиями: доктор исторических наук (1982), профессор (1985), профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук, Заслуженный профессор Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации; член диссертационного совета Д 063.77.08 по философии и социологии ННГУ, председатель диссертационного совета 24.2.340.13 по социологическим наукам по специальностям 5.4.4, 5.4.7, 5.4.2. (по июль 2025 г.). Член редакционных советов журналов, включенных в список изданий, рекомендуемых ВАК РФ.

Преподавательская и научная деятельность в ННГУ им. Н.И. Лобачевского З.Х. Саралиевой началась в 1967 г. Ее научно-

педагогический стаж работы в ННГУ составляет 58 лет! С 1996 г. по 2019 г. заведовала кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского [5]. По её инициативе и при её непосредственном участии кафедра Нижегородского государственного университета ведет подготовку социологов и социальных работников с 1992 г., менеджеров в социальной сфере с 1996 г.

По мнению С.Н. Майоровой и А.Г. Филиповой, «деятельность научной школы ННГУ им. Н.И. Лобачевского под руководством З.Х. Саралиевой вносит серьезный вклад в динамичный процесс институционализации социологии детства в России. Консолидируя исследователей, находящихся в поиске, Зара Михайловна и её соратники смогли объединить различные уровни науки: студенческую и академическую науку, обобщения практиков-специалистов» [6].

На федеральном уровне такой категории льготников как «дети войны» нет. В федеральном законодательстве термин «дети войны» используют только для статистического наблюдения. Но на сегодняшний день она действует в 55 регионах РФ [7]. Число регионов, в которых есть льготы для «детей войны» постоянно растет. Жители Ханты-Мансийского округа-Югры стали получать статус «дети войны» с 1 января 2025 г. [8]. В определении категории «дети войны» нет единообразия: в одних регионах определены периоды рождения для получения льгот с 1927 или 1928 годов по сентябрь или декабрь 1945-го. В других регионах льготы полагаются всем пенсионерам, которым к моменту окончания войны не исполнилось 18 лет. В некоторых субъектах, чтобы стать льготником, нужно иметь определённый трудовой стаж (Амурская область) или стаж работы в регионе (Ненецкий автономный округ) [9].

Депутатами фракции ЛДПР в мае 2025 г. в Госдуму был внесен законопроект, предусматривающий установление статуса детей Великой Победы и предоставление им мер социальной поддержки. Предлагается устанавливать статус детей Великой Победы гражданам, которые родились в период с 22 июня 1928 г. по 9 мая 1945 г. и в годы Великой Отечественной войны были несовершеннолетними [10]. Принятие закона об установлении статуса детей Великой победы приведет к единообразию определения этой категории во всех регионах России, будут назначены одинаковые льготы, а главное, этот закон устранил несправедливость по отношению к жителям регионов, в которых такого статуса еще нет.

Наши юбиляры проживают в регионах, в которых установлен статус «дети войны»: Ж.Т. Тощенко в Москве, Р.И. Ирнараров в Башкортостане и З.Х. Саралиева в Нижегородской области.

Серьезные тяготы и лишения военного времени выпали на наших социологов. Хотя на начало войны им было 5-6 лет, они очень хорошо помнят войну. Жан Терентьевич, по его собственному выражению, живет с фантомными болями. Первой его фантомной болью стала расправа и мучительная смерть отца, сельского учителя, на глазах семьи. Второй – расправа над жителями трех соседних деревень – Важица, Парасочки и название третьей он не помнит, которую учинили венгерские фашисты – их дивизию бросили на подавление партизан (у нас их называли мадьярами) в июле 1943 г. Только в Парасочках были убиты 83 человека – от стариков до маленьких детей, даже грудных. Еще одна фантомная боль. В конце августа 1943 г. началось массовое отступление немцев – это было следствием орловско-курско-белгородской битвы. Отступая, немцы осуществляли принцип выжженной земли, – уничтожали все и вся. Ими были образованы команды поджигателей, которые специально создавались для нанесения ущерба оставляемой ими земле. Одновременно жестоко расправляясь с теми, кто мог препятствовать этому или на кого падало малейшее подозрение. Огромной фантомной болью стало известие после освобождения Брянщины в сентябре 1943 г. о гибели многих односельчан – бойцов и партизан. Всего из 127 мужчин, старшего возраста и молодых, в деревню возвратились 21, если считать и увечных и покалеченных. [1, с. 56.]

Р.И. Ирназаров родился в селе Темясово Баймакского района четвертым ребенком в семье. Родители, Исмагил Уильданович (1878 г.р.) и Хаерниса Зиганшевна (1898 г.р.) создали дружную многодетную семью. В строгости и любви они воспитали пятерых сыновей. Между всеми братьями была разница в три года. К началу войны самому старшему, Акраму, исполнилось 15 лет, Агзаму и Ахтяму – по 12 и 9, Рашиту – 6 лет, младшему брату Шагиту – 3 года. Рашит вместе со своими братьями занимался самой разнообразной работой по хозяйству, в подворье, огороде: носил воду, ухаживал за домашней скотиной, копал картошку, заготавливал сено, дрова. «Мы знали и умели делать всю необходимую для села работу. В этом отношении мы были разносторонними детьми», – говорит Рашит Исмагилович. О своем детстве, о жизни в дружной многодетной семье Рашит Исмагилович вспоминает с ностальгией, как о самом счастливом времени своей жизни, несмотря на то что жили и в голоде, и в холоде. Труднее семье стало, когда заболел отец.

Работая в детстве и юности в домашнем крестьянском хозяйстве, в колхозе, стройкомбинате, Рашит Исмагилович видел жизнь простых людей, жизнь села во всем её многообразии, «сталкивался с жизненными процессами», как он говорит сам [2, с. 82-83].

На Международной научно-практической конференции «Великая Отечественная война в памяти молодого поколения» (18-19.09.2025) З.Х. Саралиева рассказала о своем военном детстве, учебе в школе и первой своей работе. Заре Михайловне было 5 лет, когда началась война. В июле 1941 г. ее маму (студентку Московского медицинского училища) и отца призвали в армию. Москву бомбили. Каждый день в 8 часов вечера она с бабушкой, как и все жильцы дома, выходили во двор. Выла сирена, и диктор радио Левитан объявлял «Граждане, воздушная тревога!», и все шли в бомбоубежище в подвале дома. Дом на Чистых прудах строился знаменитым булочником Филипповым как доходный. Добротная кладка подвала изолировала от внешнего мира, и они не слышали, как попала бомба в кинотеатр «Колизей» в 200 метрах от их дома. Сейчас там театр «Современник».

В конце октября 1941 г. Зара Михайловна с бабушкой уехали в эвакуацию в Хабаровск, где жили две дочери бабушки. Стояли часами в открытом поле, пропуская эшелоны сибиряков, спешащих под Москву. Ехали три недели. В Хабаровске она ходила в детский сад. Еще она хорошо помнит набережную Амура. Вернулись в Москву весной 1942 г. Теперь ехали меньше, но Зара Михайловна сумела переболеть воспалением легких, что обернулось 6 месяцами в туберкулезном диспансере. Здесь она пережила две близкие ей смерти – девочки, которая её опекала, и мальчика Сережи, которого выписали, но он вернулся в диспансер через несколько недель, у него шла кровь горлом. Всего в семье Зары Михайловны было 5 участников ВОВ, дядя пропал на Курской дуге. 1941-1942 гг. страна в школе не училась. В 1943 г. Зара Михайловна пошла учиться в школу. После университета работала в Архиве Советской Армии. Руководила группой, которая приводила в порядок дела участников Первой мировой войны 1914-1918 гг.

Нашим юбилярах – «детям войны» хотелось бы посвятить еще много строк, рассказать поподробнее об их жизненном пути, достижениях, но мы ограничены размером публикации. Наши юбиляры активно работают в науке, участвуют в общественной жизни страны, поэтому о них и в будущем будет, что рассказать. Пожелаем им всяческого благополучия и долголетия!

Список литературы

1. Тощенко, Ж.Т.: Биобиблиографический указатель / Минобрнауки России, Федер. гос. автон. образоват. учреждение высш. образования «Рос. гос. гуманитарный ун-т» (ФГАОУ ВО «РГГУ»); Сост. Н.В. Краснова, при участии А.В. Кученковой. 3-е изд., испр. и доп. М.: РГГУ, 2024. 420 с. (Ученые РГГУ).

2. Ахметова, Г.Ф. Беззаветное служение науке // Ватандаш. 2025. № 9. С. 82-91.

3. Ирназаров, Р.И. Равенство этносов в Республике Башкортостан. Уфа: Гилем, 1997. 160 с.
4. Ирназаров, Р.И. История развития социологической мысли Башкортостана. Уфа: Гилем, 2010. 304 с.
5. Ростовская, Т.К. 58 лет на службе в ННГУ им Н.И. Лобачевского // Ректор вуза. 2025. № 8. С. 42-44.
6. Майорова-Щеглова, С.Н., Филипова, А.Г. О роли научной школы ННГУ им. Н.И. Лобачевского в становлении российской социологии детства (к юбилею руководителя З.Х. Саралиевой) // Научный результат. Социология и управление. 2025. Т. 11, № 3. С. 5-17.
7. Радов, В. Какие льготы есть у детей войны в 2025 году. И как их получить. URL: https://t-j.ru/guide/children-of-war/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 10.10.2025).
8. «Дети войны» – такая новая льготная категория введена в Югре с 1 января 2025 года. Служба новостей «ЗН». 25 января 2025. URL: <https://znpress.ru/news/society/deti-voyny-takaya-novaya-lgotnaya-kategoriya-vvedena-v-yugre-s-1-yanvary-2025-goda/> (дата обращения: 10.10.2025).
9. Дети войны: как получить статус и какие положены льготы. Сайт Сбербанк. URL: https://www.sberbank.ru/ru/aktivniy_vozrast/blog/finance/deti-voyni-kak-polichit-status-i-kakie-polozheni-lgoti (дата обращения: 10.10.2025).
10. Сайт Государственной Думы URL: <https://www.mk.ru/social/2025/05/07/gosduma-predlozhit-detyam-voyny-pyat-lgot.html> (дата обращения: 10.10.2025).

ШАХТИНСКИЕ ДЕТИ: 1943 г. SHAKHTY CHILDREN: 1943

В.Ю. Мартыненко
ГКУ Ростовской области
«Центр хранения архивных документов
в г. Шахты Ростовской области», г. Шахты
V.Y. Martynenko
«Center for the Storage of Archival Documents
in Shakhty, Rostov region», Shakhty

21 июля 1942 г. гитлеровцы ворвались в город Шахты. Был введен так называемый «новый порядок», который сопровождался массовыми казнями жителей города и военнопленных. Много трудностей, лишений и невзгод пришлось пережить и детям города. Именно на их хрупкие плечи легло и восстановление города.

On July 21, 1942, the Nazis stormed the city of Shakhty. The so-called "new order" was introduced, which was accompanied by mass executions of city residents and prisoners of war. The children of the city also had to go through many difficulties, hardships and hardships. It was on their fragile shoulders that the restoration of the city fell.

Ключевые слова: оккупация, восстановление, угольная промышленность, комсомольцы и пионеры, учебный год, государственное обеспечение, трудоустройство, семьи военнослужащих, детские ясли, письма бойцам.

Keywords: occupation, restoration, coal industry, Komsomol members and pioneers, school year, government support, employment, military families, kindergartens, letters to soldiers.

В 1943 г. исполнилось два года с того дня, как гитлеровская Германия вероломно напала на СССР. Два года героическая Красная Армия, весь советский народ, в том числе и жители города Шахты, беззаветно сражались за честь и независимость своей страны. На фронте и в тылу неустанно ковалась победа над ненавистным врагом.

1943 г. – это и год освобождения города Шахты от немецко-фашистских захватчиков. 206 долгих «черных дней» город задыхался во вражеских тисках. 13854 человека были расстреляны в противотанковых рвах и сброшены в ствол шахты им. Красина, более 9 тысяч – угнаны на принудительные работы [1]. Но город выстоял.

Когда мы вспоминаем об этом нелегком периоде, захлестывает горячая волна скорби: так живо чувствуется восприятие людских страданий, душевных ран, перенесенных шахтинцами во время оккупации родного города. И в то же время ощущается радость победы над злейшим врагом.

В адрес освободителей молодежью города в мае 1943 г. было направлено письмо следующего содержания: «Дорогие фронтовики, наши освободители! Примите пламенный привет от молодой горняцкой гвардии города Шахты, освобожденного вами от немецко-фашистских извергов. Шахты живы! Тысячекратное спасибо вам, дорогие товарищи, освободители шахтерского города!» [2].

Город жил, город трудился и был восстановлен самоотверженным трудом его замечательных жителей, истинных патриотов.

Сразу же после освобождения шахтинцы энергично принялись за восстановление разрушенного города: шахт, промышленных предприятий, социально-культурных объектов, жилого фонда. Воодушевленные великими победами Советской Армии горожане проявили небывалый героизм на трудовом фронте. «<...> А так – мужиков никого не было. Причем, где они были? Либо сидели, ну, например, вот здесь вот жил Курнаков, дезертир, его расстреляли, а семью отправили. Либо в полиции служили, сбежали, либо погибли. То есть поселок и город был – женский коллектив, и детвора вшивая, в цыпках. Вот такое было время. Но выжили, и вообще-то говоря, шахты начали восстанавливать. Кто начинал? Да женщины начинали! И дети!

Ну, может, мне так кажется, я не знаю», – вспоминал очевидец событий В.М. Бочаров [3].

В особенно тяжелых условиях пришлось возрождать угольную промышленность. Вдохновленные решениями Государственного Комитета обороны от 30 января 1943 г. о восстановлении шахт в освобожденных от немецких оккупантов угольных районах и городского партийно-хозяйственного актива от 12 марта 1943 г. горняки развернули работу по скорейшему введению в строй угольных предприятий. Они восстанавливали шахтные копры, клетки, откачивали воду, наводили порядок в паросиловом хозяйстве, ремонтировали лебедки, подъемно-транспортное устройство, организовали сбор шахтерских ламп и инструментов [4].

Активно включилась в восстановительные работы молодежь. «При участии молодежи наши шахты, с каждым днем набирая темпы, снова дают уголь на-гора, дают стране и фронту необходимое топливо. На пять дней раньше срока нами выполнено правительственное задание по угледобыче в апреле. 25 мая все шахты нашего треста выполнили майское задание угледобычи. Комсомольцы и молодежь, не покладая рук, работают в забоях и лавах, отлично и быстро осваивают горняцкие профессии. На всех шахтах работают комсомольско-молодежные бригады, которые являются передовиками социалистического соревнования. Многие комсомольцы и молодежь за трудовые подвиги отмечены правительственными наградами», – рапортуют фронтовикам-освободителям комсомольцы-старшеклассники города [1]. Именно на подростков города, многие из которых были комсомольцами, легла вся тяжесть ответственности в восстановлении шахт, разрушенных в период оккупации. В своем докладе на собрании комсомольского актива города секретарь шахтинского горкома ВКП (б) Шибаетов призвал комсомольцев работать не покладая рук, помогать Красной Армии сверхплановыми тоннами угля и самоотверженным трудом на шахтах и предприятиях ускорить час суровой кары над гитлеровскими разбойниками [5].

Не отставали от своих старших товарищей и пионеры. В школах города и рабочих поселков организовывались пионерские отряды, назначались и приступали к работе вожатые отрядов. Стараниями комсомольцев и пионеров школа №2 была приведена в образцовое состояние. Классы и комнаты содержались в чистоте, регулярно выходила школьная стенная газета «Боевые листки» [6].

Силами пионеров и школьников проводились сборы утиля, железного лома и бутылок. Эти сборы давали хорошие результаты. «<...> Мы знаем, что наш собранный лом пойдет на заводы, откуда выйдут мощные танки,

самолеты и другое боевое вооружение для нашей доблестной Красной Армии! Товарищи ученики и жители г. Шахты! Берите с нас пример, собирайте больше черного лома. Знайте, что каждая тонна лома – удар по врагу, приближающий час окончательного освобождения нашей земли от немецко-фашистских поработителей», – обратились к школьникам и всем жителям города ученики школы ФЗО № 3 через газету «Красный шахтер» [7].

Пионеры занимались выявлением и обследованием детей, пострадавших от немецко-фашистских оккупантов. Этим детям оказывалась помощь. Уже в мае 1943 г. 300 детей были прикреплены и получали питание из детской столовой, 20 детей были выделены для поездки в санатории и дома отдыха. Многим детям была оказана денежная помощь [6].

В мае 1943 г. готовился к открытию детприемник. Для него было выделено и приведено в надлежащее состояние помещение, организован сбор продуктов в сельских районах. В этом большом деле пионеры и школьники тоже принимали живейшее участие [6].

Оккупация города отменила учебный год в школах. Многие ребята из-за ненависти к фашистским поработителям не посещали школу в эти тяжелые для города дни. Программы, построенные на принципах коммунистического воспитания, были нарушены и «онемечены». Снова став советскими, школы, прежде всего, принялись за вовлечение в свои ряды отсеявшихся за период оккупации школьников. Половина учебного года была сорвана, и надо было как-то подтягивать знания учащихся, поэтому в мае-июне 1943 г. учебный год не заканчивался, а делался перерыв на лето с тем, чтобы в сентябре, октябре и ноябре продолжать нормальные занятия и закончить годовую программу к декабрю [8]. «Чтобы подтянуть знания отставших и вовсе не посещавших в этом году школы, в летний период будут работать 83 класса, в которых будут заниматься школьники со 2 до 9 класса включительно», – была опубликована информация гороно в городской газете [8]. На период первых летних каникул после оккупации гороно направило в мастерские и цеха Шахтинского промкомбината 180 учащихся старших классов для производственного обучения. Учащиеся осваивали мастерство ремонта и пошива новой обуви, изготовления детских игрушек. 30 учащихся работали в спичечном цехе. 50 учащихся старших классов отправились на курсы апробаторов для колхозов [9].

Работу по государственному обеспечению и трудоустройству семей военнослужащих Шахтинский горсовет начал с того, что взял на учет семьи военнослужащих города и рабочих поселков. Наиболее нуждающимся членам семей фронтовиков уже оказана первая помощь. Семья красноармейца Жмайлова получила 250 рублей единовременного пособия и две пары

детской обуви [10]. «Дети Жмайлова питаются в детской столовой. Семья красноармейца Семенкова получила 500 рублей. Семья красноармейца Сметюшенко (жена и дети) обслуживается магазином для многосемейных военнослужащих. Кроме того, этой семье выдано 250 рублей», – отчитывается через городскую газету о проделанной работе заместитель председателя городского совета по государственному обеспечению семей военнослужащих Кравченко [10]. Проводились проверки работы всех детских учреждений, обслуживающих детей фронтовиков. «Пробная проверка показала, что некоторые детские учреждения работали хорошо. К примеру, в детских яслях 1-го мая всегда чисто вымытые полы, на столиках – чистые скатерти, опрятно выглядят кровати с чистыми постельками. Здоровье детей проверяется здесь каждое утро. Воспитатели систематически устраивают с ребятами разнообразные игры, в распоряжении детей много красивых игрушек. Но есть и явления отрицательного характера. В детском саду шахты им. Красненькая, например, ребята не имеют ни коек, ни постельных принадлежностей. Руководителями детского сада не приобретена даже мебель», – информирует горожан городской совет по государственному обеспечению семей военнослужащих [10].

Через шахтинскую городскую газету «Красный шахтер» школьники города переписывались с воинами Красной Армии – земляками.

Ученик 2-го класса школы № 42 Габриель Жора в своем письме к бойцам написал: «Дорогие бойцы и командиры! Ваше желание выполним – будем учиться только на «хорошо» и «отлично». Отец погиб за Родину. Настанет время, я отомщу врагу за отца. Я буду стойко защищать Родину, как и отец. От всего нашего класса шлю привет и пожелания наилучших успехов в борьбе с врагом...» [11]. Школьники получали и обратную связь: «Спасибо вам, наши юные друзья! Ваше письмо и подарки получили, за которые выражаем свою боевую благодарность. Спасибо вам, ребята, что вы нас, своих отцов и братьев, не забываете и проявляете свою детскую заботу! <...>» [12].

Вместе со взрослыми дети, шаг за шагом, своим самоотверженным трудом в тылу приближали час окончательного разгрома ненавистного врага. У них не было беззаботного детства – они ковали Победу!

Список литературы

1. Центр хранения архивных документов в городе Шахты Ростовской области (далее-ЦХАД). Ф.Р-1044.Оп.1. Д.69. Л.23.
2. Бойцам, освободившим наш город // Красный шахтер.1943. 29 мая. С. 110.
3. ЦХАД. Ф.Р-1195 л/п.Оп.1л/п. Д.1.Л.13.

4. Легендарное поколение // Сост. Еремина Г.А., Шерстнева Т.С. Шахты: типография ИП Зубков О.П., 2013. С. 40.
5. Моисеев, П., Комсомольцы, на передовую линию борьбы за уголь! // Красный шахтер. 1943. 23 мая. С. 98.
6. Пионеры за работой // Красный шахтер. 1943. 23 мая. С. 98.
7. Савченко, Н., Попова, Н., Карлова, Н., Мастерова, Л. Соберем больше черного металла // Красный шахтер. 1943. 20 августа. С. 239.
8. Учеба в школах продолжается // Красный шахтер. 1943. 27 июня. С. 162.
9. Производственное обучение учащихся // Красный шахтер. 1943. 27 июня. С. 162.
10. Забота о семьях фронтовиков // Красный шахтер. 1943. 27 июня. С. 163.
11. Габриель, Ж. Я отомщу за отца // Красный шахтер. 1943. 23 июня. С. 158.
12. Семенов, М., Соловьев, А. Спасибо вам, ребята! // Красный шахтер. 1943. 23 июня. С. 158.

**СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВАЯ АДАПТАЦИЯ
УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ
КАК ФАКТОР ИХ РОДИТЕЛЬСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ¹⁰
SOCIAL AND LABOR ADAPTATION OF COMBATANTS
AS A FACTOR OF THEIR PARENTAL WELL-BEING**

Т.Л. Маркова
*Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург*
T.L. Markova
*Ural State University of Economics,
Yekaterinburg*

Представлены промежуточные результаты глубинных интервью с ветеранами боевых действий в Специальной военной операции. Исследование направлено на выявление степени удовлетворённости реализуемыми государственными мерами социально-трудовой реабилитации. Выявлено, что необходимы дополнительные меры по регулированию мер социально-психологической реабилитации ветеранов СВО как основного фактора интеграции ветеранов боевых действий СВО в мирную жизнь и роста их родительского благополучия.

This article presents the interim results of in-depth interviews with combat veterans of the Special Military Operation. The study aims to determine the level of satisfaction with the state's social and labor rehabilitation measures. It is concluded that additional measures are needed to

¹⁰ Статья подготовлена на основе исследования, поддержанного грантом Российского научного фонда №22-18-00614. <https://rscf.ru/project/22-18-00614-П/>

regulate the social and psychological rehabilitation of SMO veterans, as they are key to integrating SMO combat veterans into civilian life and improving their parental well-being.

Ключевые слова: ветераны боевых действий СВО, глубинные интервью, качественное исследование, социально-психологическая реабилитация, социально-трудовая реабилитация, психологическая помощь, семейные ценности, родительское благополучие.

Keywords: Combat veterans of SMO, in-depth interviews, qualitative research, social and psychological rehabilitation, social and labor rehabilitation, psychological assistance, family values, parental well-being.

Социально-трудовая реабилитация – это комплекс мероприятий, направленных на восстановление или формирование у людей с ограниченными возможностями, в том числе инвалидов, трудовых навыков и социальной адаптации, чтобы они могли успешно интегрироваться в общество и вести активную жизнь [1].

В рамках комплексной реабилитации особое внимание уделяется качеству жизни, социальной и экономической адаптации участников боевых действий, нацеленных на улучшение их материального положения, обеспечение экономической независимости и создание условий для профессиональной реализации (получение профессиональных навыков, трудоустройство, карьерный рост и развитие предпринимательской инициативы) [2-4].

Ключевую роль в достижении целей комплексной реабилитации играет социально-психологическая адаптация, включающая формирование позитивной самооценки, развитие уверенности в собственных силах и психологическую поддержку в преодолении посттравматического стрессового синдрома и психологических барьеров [5-7].

Представлены промежуточные результаты качественного исследования, направленного на выявление уровня информированности и удовлетворённости ветеранов боевых действий СВО реализуемыми государственными мерами их социально-трудовой реабилитации.

Информанты исследования – участники и ветераны боевых действий в Специальной военной операции.

Основной метод сбора эмпирических данных – проведение глубинных интервью, позволяющих получить развёрнутую качественную информацию от респондентов.

Для формирования выборочной совокупности были определены следующие параметры: семейный статус (наличие/отсутствие супруга/партнёра), детность (наличие / отсутствие детей в семье);

территориальная локализация (место проживания участников исследования); трудовой статус (занятость / незанятость в трудовой деятельности).

Для проведения интервью разработан гайд, состоящий из нескольких блоков: опыт участия в СВО; потребность в социальной реабилитации, трудовой опыт до участия в СВО; потребность в трудоустройстве и планы на будущее, государственные меры социально-трудовой реабилитации.

Адаптация к условиям мирной жизни невозможна без решения задач социально-психологической реабилитации, в основном связанных со снятием синдрома посттравматического стрессового расстройства. Анализ нарративов участников интервью выявил недостаточность мер по оказанию социально-психологической помощи участникам СВО. Проблема заключается в том, что в первые месяцы после возвращения из зоны боевых действий участники СВО не имеют полной информации о возможности получения психологической помощи и вынуждены справляться с психологическими проблемами самостоятельно, с помощью близких или знакомых. Складывается впечатление, успех психологической адаптации зависит исключительно от индивидуальных личностных характеристик участников СВО, их умения справляться с травмирующими воспоминаниями и преодолевать чувство тревожности и эмоционального напряжения. По мнению многих респондентов, после демобилизации все участники СВО должны проходить полную диагностику своего психического и физического здоровья для своевременного выявления психологических проблем. Важно, чтобы в первые три месяца после возвращения из зоны СВО психологическая помощь имела обязательный, а не рекомендательный характер. Респонденты убеждены, что отсутствие регулярной психологической поддержки становится причиной асоциального поведения (алкоголизм, преступность) демобилизованных участников СВО, что не может не оказывать негативного влияния на качество их жизни и родительское благополучие.

Отвечая на вопрос, «Как изменился Ваш круг общения после возвращения из зоны СВО? Как Вы можете это объяснить?», респонденты зачастую отмечали, что перестали общаться с бывшими друзьями и знакомыми из-за отсутствия общих интересов. Более комфортно они чувствуют себя со своими сослуживцами, с которыми у них есть общие воспоминания, ценности и объединяющее чувство «братства».

Респондентам было предложено ответить на вопрос: «На Ваш взгляд, Ваше участие в СВО повлияло на Ваши отношения с членами семьи, друзьями и знакомыми?». По свидетельству ветеранов боевых действий, участие в СВО стало причиной глубоких трансформаций в их отношении к ценности семьи и детей. Все участники исследования говорят об улучшении

отношений со своими родственниками и членами семьи, характеризуя их как «тёплые» и «доверительные». Сейчас они остро чувствуют, что семья – это их надёжный тыл и стремятся больше времени проводить в кругу семьи.

Анализ нарративов респондентов, связанных с вопросами трудоустройства после демобилизации, показывает, что в основном участники СВО либо возвращаются на прежнее место работы, либо ищут работу через знакомых и друзей. Случаи обращения в центры занятости не так многочисленны. Нередки случаи, когда работодатели отказываются принимать на работу демобилизованных участников СВО, опасаясь возможных психологических срывов и асоциального поведения. Такие проявления имеют ярко выраженную территориальную специфику.

При поиске работы демобилизованные участники боевых действий обращают особое внимание на условия и режим работы, особенно привлекательными становятся формы занятости, не предполагающие плавающего графика, ночных смен, длительных командировок или работы вахтовым методом. Респонденты особенно подчёркивали, что уже поменяли или готовы поменять формат занятости и график работы в ближайшее время, чтобы значительно больше времени проводить с семьёй и уделять необходимое внимание воспитанию подрастающих детей.

В заключение, социально-трудовая реабилитация – это комплексный подход, направленный на всестороннюю интеграцию участников боевых действий в жизни общества. Последовательная реализация программ социально-трудовой реабилитации будет способствовать неуклонному росту качества жизни, семейному благополучию и удовлетворённости родительством участников СВО.

Список литературы

1. Герасимова, Л.А. Ключевые проблемы и механизмы воздействия на процесс ресоциализации участников боевых действий // Концепт. 2024. №. 11. С. 411-420.
2. Гирфанова, А.Р. Трудовая адаптация и профессиональная подготовка как направления социальной поддержки участников специальной военной операции // Административное и муниципальное право. 2023. №. 5. С. 67-79.
3. Боровкова, Ю.О., Рыжов, Д.А., Омельченко, И.Б. Особенности организации содействия занятости инвалидов-участников СВО в России и ее регионах //Journal of Monetary Economics and Management. 2024. №. 8. С. 264-272.
4. Сальникова, О.Д., Борозинец, Н.М., Кухлеева, А.В. Организационно-методические аспекты профессиональной реабилитации инвалидов боевых действий Специальной военной операции //Проблемы современного педагогического образования. 2025. №. 87-4. С. 319-323.

5. Крюков, Д.О. Социально-психологическая реабилитация как составляющая общей реабилитации участника СВО // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Т. 19. №. 7. С. 4291.

6. Инок, К.Б. Психолого-психотерапевтическая и духовно-психологическая помощь участникам и ветеранам СВО и их семьям // Современная христианская психология и антропология: актуальные вопросы. Материалы Всероссийской конференции. – АНО ЦХПА, 2023. Т. 4. С. 74-80.

7. Кадиева, Р.И., Давудова, А.Р. Современные подходы и технологии психологического сопровождения семей участников (ветеранов) Специальной военной операции // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Т. 15. №. 6-2. С. 205-232.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ИСТОРИИ ОДНОЙ ЯКУТСКОЙ СЕМЬИ THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE HISTORY OF A YAKUT FAMILY

О.Д. Романова, К.Д. Барашкова
*Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск*
O.D. Romanova, K.D. Barashkova
North-Eastern Federal University, Yakutsk

Изложена история одной семьи из Якутии, в которой родители были детьми в годы Великой отечественной войны. Материал основан на воспоминаниях наших родителей, которые, несомненно, представляют собой исторические факты и являются ценным первоисточником того, как война влияет на детство и последующую взрослую жизнь.

This article describes the story of a family from Yakutia, in which the parents were children during the Great Patriotic War. The material is based on the memories of our parents, which undoubtedly represent historical facts and are a valuable primary source of how the war affects childhood and subsequent adulthood.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Чурапчинская трагедия, насильственное переселение населения, история семьи.

Keywords: The Great Patriotic War, the Churapcha tragedy, forced resettlement of the population, family history.

Методология исследования Второй мировой войны включает изучение первоисточников, в том числе семейные архивы, дневники, воспоминания, применение различных исторических подходов для анализа причин, хода и последствий военных событий.

Отметим, что нарративный метод, примененный в данном исследовании, позволяет дополнить бесценный архив военных времен нашей страны.

События того времени очень четко сохранились в памяти наших родителей, хотя отцу к началу войны было 6 лет, а маме не было и 3-х лет.

Наш отец, Барашков Дмитрий Филиппович, родился в 1935 г. в Бахсытском наслеге Чурапчинского района в семье Акулины и Филиппа Барашковых. Его как второго сына у своих родителей отдали на воспитание бездетной семье Барашкова Дмитрия Петровича, старшего брата родного отца, как было принято тогда в якутских семьях, если у одного из братьев не было детей. У маленького Мити было счастливое беззаботное детство, в любви и заботе двух семей, которые жили одним двором. Оба отца трудились бригадирами в колхозах «Коминтерн» и «Островский», были признанными тружениками и организаторами всех работ, выполняемых в колхозе.

Когда началась война, приемный отец Дмитрий Петрович с первым призывом 1941 г. ушел на войну. Участвовал в жестоких сражениях Сталинградской битвы, в 1942 г. был награжден медалью «За отвагу», в 1943 г. был тяжело ранен и умер в военном госпитале города Саратова.

В это время в глубоком тылу, в Якутии разворачивались другие тяжелые события. Так в 1942 г., в связи с тяжелым продовольственным положением в стране и на фронте вышло постановление ЦК ВКП (б) и СМ СССР «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока». На основании этого документа было принято постановление Якутского бюро обкома ВКП(б) «О мероприятиях по колхозам Чурапчинского района», согласно которому население 41 колхоза этого района было переселено в Кобяйский, Жиганский и Булунский районы для, с одной стороны, спасения от голодной смерти, а с другой стороны, для участия в выполнении резко повышенных планов по рыбодобыче.

В постановлении указывалось, что переселению подлежат все работающие и члены их семей, не зависимо от возраста. Каждый переселенец должен был взять с собой груза не больше 16 кг, включая продукты. Руководство республики обещало не призывать в армию мужчин переселенцев, создавать нормальные жилищные условия работы и охраны здоровья. В постановлении также говорилось, что каждый переселенец будет ежемесячно получать по 16 кг хлеба. Отдельным пунктом говорилось об усилении трудовой дисциплины, согласно закону военного времени [1].

С Бахсытского наслега Чурапчинского района переселению были определены два колхоза «Коминтерн» и «Киров». Наш родной дедушка

Барашков Филипп Петрович в это время с бригадой, состоящей из совсем молодых ребят, косил сено на островах реки Лены, откуда был срочно отозван и, приехав домой, застал свою семью и колхозников в страшном состоянии: всем, включая женщин, грудных детей, пожилых стариков, дали на сборы для отправки на неведомый суровый север всего 3 дня. Никто не хотел ехать, но приехавший из района комиссар, размахивая пистолетом, угрожал всем тюрьмой.

В Якутии уже наступила осень, когда из родных аласов плачущие колонны людей в последних числах августа 1942 г. выдвинулись в далекий путь на Крайний Север.

Насильственному переселению подверглись в составе колхоза «Киров» 64 человека, в том числе 40 взрослых, 23 ребенка, и колхоз «Коминтерн» в составе 194 человек, из них 124 взрослых и 70 детей.

Маленький Митя остался с приемной матерью в составе колхоза «Островский», который не был отправлен на переселение. Но его ждала своя трагедия. После получения извещения о смерти мужа на фронте приемная мать Маайа, наверняка, безвыходности положения, решила выйти снова замуж, но этот человек не был согласен воспитывать и содержать мальчика. И следующим летом 1943 г. Митю отправили с одним взрослым мужчиной к своим родителям, которые к тому времени жили и рыбачили для фронта в селе Жиганск Жиганского района, в местности «Уолба». Попутчик оказался картежником, и Митя целый месяц оставался и питался, чем добрые люди покормят в постоянном дворе города Якутска. Наконец, они сели на баржу, которая медленно шла на Север. Дрова для топлива вырубались на берегах, к которым можно было пристать, и однажды на территории Кобяйского района чуть не оставили играющего на берегу Митю, хорошо, женщины с баржи заметили и закричали.

Он отчетливо помнит, как сойдя на берег Жиганска, увидел маму, которую тогда звал «Старшая сестра», и как женщины радостно кричали: «Дайте Акулине сегодня одну лишнюю рыбу, к ней сын приехал!». Его отца не было в Жиганске в это время, т.к. Филипп Петрович со своей бригадой был призван на трудовой фронт – на добычу рыбы еще дальше на север, в местности «Быков мыс» Булунского района (здесь река Лена впадает в море Лаптевых, далее побережье Северного Ледовитого океана).

К тому времени чурапчинцы научились жить и работать в местных условиях, мужчины добывали рыбу, женщины её солили и укладывали в бочки. Наша бабушка Акулина Васильевна работала в мастерской, где шили теплую одежду для фронта.

В Жиганске Митя в первую зиму тяжело заболел и очень долго пролежал в больнице, в 1944 г. пошел в первый класс. Вскоре и отец вернулся в Жиганск, семья воссоединилась.

Став взрослыми, наши родители часто слышали слова благодарности в адрес бригадира Ф.П. Барашкова, что многие Бахсытские переселенцы выжили и смогли вернуться домой в 1946 г. благодаря лично ему. Филипп Петрович был, действительно, великим тружеником, сумевшим организовать быт и работу своих земляков в самых тяжелых условиях того времени и в обстоятельствах, в которых они оказались.

В Жиганский район были переселены жители 13 колхозов Чурапчинского района, всего 1 736 человек. По прибытию их ждал каменистый берег, покрытый глубоким снегом, на котором должны были обустроиться переселенцы, обещанное жилье не было предоставлено. Людям, которые перенесли тяжелое и скорое прощание с родными местами, теряли родных на холодном берегу Нижнего Бестяха в ожидании барж и во время долгого пути под открытым небом. Пришлось наспех осваивать новые навыки: нужно было сооружать жилье до сильных холодов, осваивать речное рыболовство без специальных инструментов, снастей, подготовки. Это привело к тому, что в первую зиму нормы по лову рыбы не выполнялись, поэтому продуктовые карточки не выдавались, и люди начали гибнуть от холода и голода.

Каждая семья, подвергшаяся насильственному переселению, перенесла свою личную трагедию, если не в потерях членов семьи, то в том, что пришлось оставить свои дома, нажитое хозяйство, попрощаться с родными местами, ехать в неизвестность и не знать, вернутся ли назад. Смерть сопровождала переселенцев всю дорогу от родных мест до районов, в которые их перевозили: умирали от болезней на берегу, некоторым приходилось ждать прибытия баржи до 26 дней под открытым небом, под дождем, по дороге на север.

Всего были переселены 41 колхоз, 1655 хозяйств, 4988 человек, в том числе 990 детей. В 1939 г. численность жителей Чурапчинского улуса составляла около 17 тысяч человек, в колхозах насчитывалось более 50 тысяч голов крупного рогатого скота и лошадей. К 1944 г. в районе осталось всего около 8 тысяч жителей и примерно 13 тысяч голов скота [2].

В силу поспешности и неорганизованности переселения колхозников в целом по району 1 тысяча 377 коров и лошадей остались просто в чистом поле, 9 тысяч 932 коровы и лошадей были сданы в закуп за 32 копейки за кг живого веса.

Несмотря на трудности и лишения, чурапчинцы внесли значительный вклад в дело Победы. В итоге из 41 переселенного колхоза всего лишь 15 смогли возобновить хозяйствование на своей территории. В демографическом плане Чурапчинский район получил огромный урон: численность жителей района сократилась с 16 964 до 7 939 человек в 1943 г. В других районах республики такого огромного количества потерь не наблюдалось. Достичь демографических показателей довоенного уровня Чурапчинский район смог лишь в 1985 г., спустя четыре с лишним десятилетия после трагедии. Это означает, что переселение отбросило развитие района почти на полвека назад.

Наша мама Барашкова Марфа Афанасьевна (в девичестве Алексеева) родилась в 1939 г. в Усть-Алданском районе. К началу войны ей исполнилось 2 года. В начале войны, когда в деревнях начался голод, отца матери, который был тяжело болен, сородичи уговорили взять на себя вину за ими съеденную скотину, и его, и нашу бабушку Ирину Николаевну отправили в тюрьму. Он скоро скончался в тюрьме, а бабушка отсидела весь срок. Старшие сестры были подростками, и их распределили по семьям. Маленькую Марфу ее бабушка, мамина мама, приписав целый год, пристроила в детский дом. До сих пор наша мама отчетливо помнит свое пребывание в детском доме: как порой жестоко обращались с совсем маленькими детьми, считая их детьми врагов народа, как переживали невыносимый голод. Малыши от голода летом ели траву во дворе детского дома, в то время как дети работников ели досыта. Доходило до того, что от голода малыши не могли вставать с постели, а утром рядом лежащую девочку, с которой она пыталась играть пальчиками, нашли умершей.

Когда бабушку Ирину освободили, она очень переживала, считая, что дочерей уже нет в живых. Была счастлива, увидев их живыми. Нашу маму она успела забрать с телеги, которая увозила ее в детдом. Забрав старших детей из других семей, они, наконец, все воссоединились и вернулись в родные места. Но надолго за их семьей закрепился статус «семьи врага народа», наша мама очень остро переживает, когда вспоминает события тех лет.

Истории военного детства наших родителей являются ценным источником тех событий, которые дополняют общую трагедию всего советского народа.

Список литературы

1. Павлов, А.А., Никифоров, А.А. Судьбы чурапчинцев на кобьяйской земле: трагедия войны. URL: <https://mr-kobjajskij.sakha.gov.ru/pavlov-aa-nikiforov-aa-sudby-churapchintsev-na-kobjajskoj-zemle-tragedija-vojny> (дата обращения 13 августа 2025 г.).

2. Чурапчинская трагедия – Е. Борисов. URL: <https://web.archive.org/web/20180919083713/http://egorborisov.ru> (дата обращения 15.08.2025).
3. Переселение чурапчинцев: массовая гибель на северной земле в военные годы – YakutiaMedia. (дата обращения: 15.08.2025).
4. Степанов, А.Г. Памяти чурапчинских переселенцев / Молодой ученый. 2016. № 29.1 (133.1). С. 52-55. – URL: <https://moluch.ru/archive/133/37274/> (дата обращения: 17.08.2025).
5. Чурапчинцы отметят День памяти и скорби жертв насильственного переселения | Государственное Собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия). iltumen.ru (18 сентября 2012). (дата обращения: 15.08.2025).
6. Ытык, Бахсы / Барашков Д.Ф., Егоров Т.Т., Протодияконова Е.Н. и др. – Якутск: изд-во Сайдам, 2020. 732 с.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

ПИСЬМА С ФРОНТА ВО ВРЕМЕНА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

FRONTLINE LETTERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

А.В. Вишинская, А.А. Шилыева

Западный филиал РАНХиГС, г. Калининград

A.V. Vishinskaya, A.A. Shilyaeva

Western Branch of RANEPA, Kaliningrad

Научный руководитель: В.В. Бурдейный, к.ф.н., доцент кафедры

гуманитарных и естественнонаучных дисциплин,

Западный филиал РАНХиГС, г. Калининград

Scientific supervisor: V.V. Burdeiny, Associate Professor of the Department

of Humanities and Natural Sciences, PhD,

Western Branch of the RANEPA, Kaliningrad

Фронтовые письма времён Великой Отечественной войны раскрывают эмоциональную, языковую и культурную составляющие жизни солдат, демонстрируя влияние цензуры и личных переживаний. Письма рассматриваются как средство коммуникации, исторический источник и форма сохранения памяти.

Frontline letters from the Great Patriotic War reveal the emotional, linguistic, and cultural aspects of soldiers' lives, showing the influence of censorship and personal experiences. The article explores these letters as a means of communication, a historical source, and a form of memory preservation.

Ключевые слова: фронтовые письма, Великая Отечественная война, цензура, память, солдаты, тыл, эпистолярный жанр, язык, эмоции, архив.

Keywords: frontline letters, Great Patriotic War, censorship, memory, soldiers, home front, epistolary genre, language, emotions, archive.

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. стала не только временем невиданных испытаний, но и эпохой, когда человеческие чувства обострились до предела. За каждой сводкой с фронта – судьбы тех, кто сражался и ждал, верил и терял. В это суровое время письма стали единственным мостом между передовой и тылом, способом напомнить о себе, передать тепло через бумагу, вселить надежду. С фронта уходили миллионы писем. Их писали под обстрелами, в окопах, между боями и в редкие минуты затишья. Почерк дрожал от холода и усталости, чернила растекались, а бумага была дефицитом. Но несмотря ни на что солдаты писали о себе, о войне, о мечтах. [1, с. 59]. Это были настоящие письма жизни – искренние, наполненные чувствами, совсем не похожие на пропаганду или официальные письма. Сегодня фронтовая переписка — это не просто часть истории, это отражение внутреннего мира поколения, которое прошло через самую жестокую войну XX века. Именно эти строки помогают увидеть войну глазами её участников: почувствовать страх и веру, боль и привязанность. И пусть часть писем не дошла до адресатов, они остались – в архивах, в музеях, в семьях – как живые свидетельства времени. Настоящая работа посвящена осмыслению этого уникального эпистолярного наследия. Письма помогали справляться с ужасами войны, в них формировался особый язык общения между фронтом и домом. В этих простых посланиях проявилась душевная сила народа и, даже спустя десятилетия они продолжают трогать до глубины души.

Письма, написанные на фронте, вобрали в себя язык эпохи, особенности народной речи, влияния идеологии и внутреннюю лирику. Они не подчинялись строгим нормам литературного жанра, но в этом и была их ценность – в искренности, в спонтанности, в живой эмоции. Фразы «Привет с фронта», «Жив и цел, чего и вам желаю» становились знаком жизни, а не банальной формальностью. Фронтовики часто писали так, как говорили в жизни. Просторечия, диалектизмы, эмоционально окрашенные эпитеты, уменьшительные формы вроде «дочурка», «мамочка», «сестренка» создавали теплый, домашний контекст. [2, с. 64] Даже простейшие обороты могли растрогать до слёз. Нередки были сравнения и метафоры: «снаряды воют, как звери», «душа рвётся домой, как птица к солнцу». Рядом с этим – обязательные идеологические формулы: «За Родину, за Сталина!», «Бьем

фашистов, не щадя себя!». Это не всегда было формальностью – вера в правоту войны жила в сердцах многих. Но даже в самых патетичных фразах проскальзывало человеческое – тревога, тоска, нежность. Короткие предложения, обрывочные мысли, отсутствие знаков препинания – это не ошибка, а отражение реальности: письмо писалось на коленке, в грязи, при свете коптилки. Иногда между строк – прямой страх, слезы, но чаще – бодрость и оптимизм, нужный не только адресату, но и самому пишущему. Большинство писем были обращены к самым близким: матери, жене, детям, братьям и сёстрам. В этих обращениях звучало всё: и тоска по дому, и гордость за семью, и чувство долга. Даже к детям писали так, словно они взрослые, – с уважением, с наставлениями: «Учись хорошо, слушай маму, жди папу с Победой». Были письма любимым женщинам. В них – нежность, обещания, мечты о встрече. Иногда — признания, сделанные в первый и последний раз. Эти строки сохраняли тепло отношений, даже если людей разделяли тысячи километров и линия фронта. Нередко письма с фронта становились последними: у некоторых в семьях хранятся такие послания, пришедшие уже после похоронки. В результате формировалась уникальная эпистолярная связь между фронтом и тылом, объединявшая нацию. Фронтовые письма можно условно разделить на несколько типов: Личные – это основная масса. В них солдаты делились новостями, мыслями, воспоминаниями. Коллективные – от имени всего взвода или роты, часто писались в ответ на письма поддержки с «большой земли». Официальные – например, отчёты командиров или благодарности за посылки от предприятий. Последние письма – отдельная категория. Эти послания писались в преддверии боя, когда человек понимал, что может не вернуться. В них нет ни паники, ни жалоб – только спокойное прощание, напутствие, вера в семью. Письма выполняли не только коммуникативную, но и важнейшую психологическую функцию. Это была форма внутреннего диалога, самоподдержки. Написать письмо – значило почувствовать, что ты жив, что ты часть семьи и общества. Получить ответ – значило вернуть себе частичку мира. Все письма, проходившие через полевую почту, проверялись цензорами. [3, с. 52] Запрещалось упоминание точного места, потерь, оценок действий командования. Из-за этого развился целый пласт фронтового языка. Вместо фразы «был бой, много погибших» писали: «были тяжёлые дни, но мы держались», или: «скоро у нас будут хорошие новости – чувствуется по настроению бойцов» – намек на наступление. Часто письма шифровались личными знаками. Описание погоды или цветущих берёз могло означать местность. Солдаты просили: «если письмо пришло быстро – все спокойно», или «если треугольник перевернут – не жди ответа». Это была своя кодовая

система, в которой цензор ничего не видел, а родные понимали всё. Иногда самоцензура становилась сильнее внешней. Солдаты не хотели пугать родных и потому приуменьшали трудности: вместо «обморожены ноги» – «чуть подстудился», вместо «голодно» – «питаемся нормально, иногда балуют кашей». Это была форма заботы: не ранить словом, не нагнетать. Многие письма сохранились до наших дней – в семьях, музеях, архивах. Их публикуют в сборниках, посвящают им выставки. По фронтовым письмам можно проследить судьбу поколения. Это история не через сводки, а через живое слово. Именно в письмах – неподдельная правда. В отличие от газетных текстов, они писались не для публики, а для самых близких. Это делает их не только ценнейшим источником, но и этическим ориентиром. Люди, находясь в аду, сохраняли душу и фиксировали это на бумаге. Письма используются в литературе, театре, кино. Их цитируют, по ним пишут монологи. Но важнее всего – личная память. Ветхие листки, сохранённые в шкатулках и конвертах, – это связующая нить между поколениями. Пока хранятся письма, жива и память о тех, кто писал их на войне.

Письма с фронта – это голос поколения, прошедшего через самые страшные испытания XX века. [4, с. 5] Это голос человека, который боялся, страдал, надеялся – и писал. Эти строки не просто рассказывают о войне, они передают настроение эпохи, человеческие чувства, отношения между родными. Письма стали терапией, способом сохранить разум и человечность. Люди, находясь на грани, не теряли способность мечтать, любить, утешать. Они находили нужные слова даже тогда, когда вокруг было слишком много боли. Сегодня, когда живых свидетелей становится все меньше, фронтовые письма остаются документами, которым невозможно не верить. Их нельзя переписать, невозможно подделать. И потому именно они должны стать основой памяти о войне. Сохранять эти письма, читать их, делиться ими – значит сохранять ниточку живой связи между теми, кто сражался, и теми, кто живет сейчас.

Список литературы

1. Кузнецов, А.С. Фронтовые письма как источник для изучения антропологического содержания Великой Отечественной войны // СибСкрипт. 2016. №4 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frontovye-pisma-kak-istochnik-dlya-izucheniya-antropologicheskogo-soderzhaniya-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 05.05.2025).
2. Петровичева, Е.М., Тряхов, И.С. Цензура в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (по материалам Владимирского края) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина.

2015. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsenzura-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg-po-materialam-vladimirskogo-kрая> (дата обращения: 05.05.2025).
3. Ольга Маркова. Письма с фронта как документ военной эпохи // INTER. 2016. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pisma-s-fronta-kak-dokument-voennoy-epohi> (дата обращения: 05.05.2025).
4. Платонов, А.П. Письма с фронта. «Я видел страшный лик войны». Изд. – Родина, 2021. 240 с.

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ НАУКА И ВУЗЫ В НАРРАТИВАХ
СЕМЕЙНЫХ ИСТОРИЙ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ
DOMESTIC SCIENCE AND UNIVERSITIES IN THE NARRATIVES
OF WARTIME FAMILY HISTORIES**

О.В. Епархина

*Российский научно-исследовательский институт экономики,
политики и права в научно-технической сфере, г. Москва*

O.V. Eparchina

*Russian Research Institute of Economics,
Politics and Law in the Scientific and Technical Field, Moscow*

Целью исследования выступает изучение индивидуального опыта осмысления молодыми информантами достижений академической и вузовской науки в дискурсе Великой отечественной войны в рамках реконструкции семейных историй. Методологической основой является ряд постструктуралистских теорий, методом сбора информации – нарративное интервью, исследовательским методом – реконструктивный перекрестный анализ, основной техникой работы с текстом – метод Ф. Шютце.

The aim of the research is to study the individual experience of young informants' understanding of the achievements of academic and university science in the discourse of the Great Patriotic War within the framework of reconstructing family histories. The methodological basis is a number of poststructuralist theories, the method of information collection is the narrative interview, the research method is reconstructive cross-analysis, and the main technique of working with the text is the method of F. Schütze.

Ключевые слова: нарратив, дискурс, информация, фрейм, семейная история, ВОВ.

Keywords: narrative, discourse, information, frame, family history, Great Patriotic War.

Актуальность проблемы обусловлена множественностью источников информации об исторических событиях и необходимостью на индивидуальном уровне реконструировать опыт прошлого. Периодически возникающие сложности оценки событий прошлого разрешаются индивидом

в соответствии с ранее накопленным опытом или социальными практиками, диктуемыми культурой и семейным окружением. В нашем случае выбран дискурс «семейной истории», представленный как нарратив, интенсивно окрашенный эмоциями и предполагающий сложный комплекс фреймирующих социальных факторов, исходящих от общества, от референтных групп и социального окружения, зачастую транслируемых и поддерживаемых СМИ и институтами образования [1; 2; 3; 4; 5].

Целью исследования выступает изучение индивидуального опыта осмысления молодыми информантами достижений академической и вузовской науки в дискурсе Великой отечественной войны в рамках реконструкции семейных историй.

Задачами исследования стали изучение нарратива восприятия ВОВ как комплексное коммуникативное явление, в том числе скрытых дискурсов; выявление трансформирующей, темпоральной, репрезентирующей, идентификационной и иных функций нарратива, в том числе соотнесение этих функций с хронотопом (-ами) событий; выявление этнографического компонента (всестороннее описание феномена в контексте его существования) и основных фреймов восприятия ВОВ, а также событийной культуры, интегрирующей личное и общественное.

В качестве методологической основы выступает ряд постструктуралистских теорий (Ж. Лакан, Ж. Лиотар, Р. Барт, М. Фуко) [1; 5-8], в качестве методической основы наиболее полно использовались работы Е.Р. Ярской-Смирновой, Р. Францози, Ф. Шютце [9-11]. Согласно указанным методологическим основаниям, авторами рассмотрены феномены человеческого сознания как текста и видение общества как единства размытых децентрированных структур [9]. Действительность конструируется посредством языка, и действительность, и информант, и интервьюеры, реконструирующие текст в своем восприятии, являются субъектами создания текста. Факты рассмотрены как репрезентации дискурсивных механизмов, а посредством нарратива рассказчик интерпретирует собственную субъективность [5]. Нарратив выступает не как онтологическая сущность, а механизм, позволяющий интегрировать любой индивидуальный случай в обобщенный и культурно установленный формат [5].

Исследование проводилось в апреле 2024 г. с использованием техники нарративного интервью. Опрошен 21 информант в возрасте 18-24 лет, 10 мужчин и 11 женщин, проживающих в Ярославской и Костромской областях. Дополнительным критерием отбора стал опыт подготовки нарратива. Так, все опрошенные принимали участие в 2023 г. во Всероссийской молодежной акции «Наши семейные книги памяти». Организаторами акции выступили

Минпросвещения России, Российское движение детей и молодежи «Движение Первых» и ЯГПУ им. К.Д. Ушинского.

Основной метод исследования – реконструктивный перекрестный анализ, где устные свидетельства становятся основой для построения моделей поведения людей [8; 9]. Основная техника сбора информации – трехчленная структура интервью по Ф. Щютце [11]. Техники и методы обработки материала можно свести к следующим: реконструктивный анализ П. Томпсона [12], многоступенчатые техники анализа В. Лабова и К. Риссмен [13; 14], тематизация по Е.Р. Ярской-Смирновой [9], процедуры последовательного кодирования А. Страусса и Дж. Корбина [15].

Всего в результате анализа выделено 32 секвенции, выстроенные впоследствии в соответствии с тремя основными фреймами [5]:

Фрейм 1: «опыт преодоления трудностей»

Изложение/восприятие материала было связано с нарративом преодоления трудностей (голод, смерти близких, распад семей, физические увечья и психологические травмы, крушение карьеры/сложная карьера)

Фрейм 2: «опыт героизма»

Изложение/восприятие материала было связано с нарративом подвига и альтруистической модели поведения (риск собственной жизнью и здоровьем и жизнью близких во имя Великой Победы, храбрость и самоотверженность, сознательный отказ от ситуации комфорта ради других, более высоких целей)

Фрейм 3: «опыт причастности»

Изложение/восприятие материала было организовано как нарратив включения семейной истории в историю страны или мира (освобождение других стран от нацизма, альтруизм советских солдат, участие в знаковых событиях мировой истории).

В рамках проведенного исследования третий фрейм позволил респондентам выявить информацию, которая не была ранее известна, в частности, о причастности семьи и родственников, живших во время ВОВ, к научным достижениям.

В рамках трех указанных фреймов молодыми информантами производилась оценка достижений академической и вузовской науки в годы войны, в частности, научно-исследовательская работа Ярославского государственного политехнического университета (ранее – Ярославского технологического института резиновой промышленности), Костромского государственного университета (ранее – Костромского текстильного института), Ярославской государственной медицинской академии (с 1943 г. – эвакуированный из Белоруссии медицинский институт, сформированный на базе Минского и Витебского медицинских институтов), Ярославского

государственного педагогического института. Кроме того, информантами реконструированы более 10 биографических и семейных историй, связанных с вузовской наукой в годы войны (почти все в рамках третьего фрейма).

Список литературы

1. Абельс, Х. Интеракция, идентификация, презентация: введение в интерпретативную социологию / Пер. с нем. под общ. ред. Н.А. Головина, В.В. Козловского. СПб.: Алетейя. 1999. 272 с.
2. Квале, С. Исследовательское интервью. М.: Смысл. 2009. 301 с.
3. Семенова, В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию: Учеб. пособие для студентов вузов / Ин-т социологии РАН. М.: Добросвет. 1998. 289 с.
4. Троцук, И. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках// Вестник РУДН. Сер. социология. 2004. № 6/7. С. 56-74.
5. Троцук, И. Теория и практика нарративного анализа в социологии. М.: Изд-во РУДН, 2006. 207 с.
6. Барт, Р. Мифологии / Зенкин С. (пер. с фр.). М.: Изд-во им. Сабашниковых. 2000. 320 с.
7. Фуко, М. Порядок дискурса // Рус. пер. в сборнике: Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: ИД "Касталь" Школы культурной политики. 1996. С. 47-96.
8. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. В.П. Визгин, Н.С. Автономова. СПб.: А-сac, 1994. 408 с.
9. Ярская-Смирнова, Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. Том № 3. С. 38-61.
10. Franzosi, R. Narrative analysis - or why and how sociologists should be interested in narrative // Annual review of sociology. 1998. Vol. 24:517-554.
11. Шютце, Ф. Смысловая структура повседневного мира. М.: Институт Фонда Общественное мнение. 2003. 336 с.
12. Томпсон, П. Голос прошлого. Устная история. М.: Изд-во «Весь мир». 2003. 366 с.
13. Labov, W. Some further steps in narrative analysis//Special issue of the journal of narrative and life history. 1997. No.7:1-4. P. 395-415.
14. Riessman, C.K. Performing identities in illness narrative// Qualitative Research. 2003. 2003. Vol. 3(1). P. 5-33.
15. Страусс, А., Корбин, Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры, техники/ пер. с англ. Т. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС. 2001. 256 с.

РОДИТЕЛЬСТВО В ВОЕННЫЕ ГОДЫ* PARENTING DURING THE WAR YEARS

Т.А. Камарова, В.М. Кокшарова
*Уральский государственный
экономический университет, г. Екатеринбург*
V.M. Koksharova, T.A. Kamarova
*Ural State University of Economics,
Yekaterinburg*

Важным подвигом советского гражданина в период Великой Отечественной войны является сохранение и воспитание нового поколения. Анализируется героический опыт советских родителей во время ВОВ, роль государственных институтов в сохранении семьи и воспитании поколения. Исследуются правовые акты и их влияние на материнство, отцовство и детство в условиях военного времени.

An important feat of the Soviet citizen during the Great Patriotic War is the preservation and upbringing of the new generation. The article analyzes the heroic experience of Soviet parents during the Great Patriotic War, the role of state institutions in preserving the family and raising the generation. Legal acts and their impact on motherhood, fatherhood and childhood in wartime conditions are studied.

Ключевые слова: родительство, детство, материнство, отцовство, военные годы.

Keywords: parenthood, childhood, motherhood, fatherhood, war years.

В Советском Союзе вопросам семьи, брака и материнства уделялось большое внимание. Государство продвигало равноправие полов, закрепляя за женщинами роль, сочетающую профессиональную деятельность и материнство [1]. Особое внимание уделялось вопросам совмещения труда и воспитания детей, особенно матерями-одиночками, матерям, воспитывающими малолетних детей. Ведущие программы охраны труда женщин и поддержки материнства способствовали реализации этих целей. В 1920-1930 гг. активизировалась кампания по контролю демографической ситуации в стране.

Аспекты отцовства в советское время характеризовались признанием отцовства на основании заявления матери, чего было достаточно для юридического оформления статуса. В судебных разбирательствах и при выявлении участия третьих лиц во взаимоотношениях с матерью ребенка эти лица привлекались к участию в материальных аспектах подготовки к

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00614-П: <https://rscf.ru/project/22-18-00614/>

рождению и воспитанию ребенка. Основное внимание государственной политики вопросом родительства было сосредоточено на сохранении роли матери в жизни ребенка, при этом политика равноправия, предусматривающая активное участие женщины в трудовой деятельности, увеличивала нагрузку на матерей и сопровождалась низким уровнем поддержки отцовства.

Согласно переписи населения 1939 г., количество граждан возрастом до 18 лет в СССР составляло 74 146 365 человек. Общая численность населения оценивалась в 170 557 093 человека, что означает, что количество детей среди населения составляло 43,5%. Количество людей, находящихся в браке, насчитывало 68 420 045 человек [1]. После начала военных действий в СССР был введен налог на бездетность указом Президиума Верховного Совета от 21.11.1941 [2], целью которого было не стимулирование брачно-семейных отношений, а увеличение материальной поддержки многодетных и одиноких матерей в условиях войны и послевоенного периода. Роль матери значительно усилилась, поскольку ответственность за пропитание и воспитание детей полностью ложилась на женщин. Исследователи отмечают, что в этот период происходили изменения в гендерных порядках общества, обусловленные необходимостью замещения ушедших на фронт мужчин на производстве и в других сферах [3; 4]. Женщинам приходилось оставлять младших детей на попечение старших или самостоятельно обеспечивать уход за ними. Участие отцов в воспитании и материальном обеспечении семьи ограничивалось письмами и посылками, которые, несмотря на их важность для детей, не могли полностью заменить присутствие обоих родителей.

Несмотря на тяжелую ситуацию, связанную с выполнением родительских обязанностей в условиях военного времени, государство предприняло меры поддержки семей и матерей-одиночек. В частности, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении звания «Мать-героиня», а также учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» регламентировал предоставление пособий, закреплял право размещения ребенка в детском учреждении и его последующего возвращения матери, а также вводил льготы, отпуска по беременности, медали и ордена [5].

Несмотря на направленность Указа на стимулирование материнства, в его реализации выявлялись и негативные последствия. Э. Россман отмечала,

что решения, принятые во время и после Второй мировой войны в рамках «семейного права» и пронаталистской политики, способствовали формированию общества с высоким уровнем несостоятельных браков, «безотцовщины» и развитой культуры аборт [6]. Критика Указа была обусловлена его ограничениями, которые вынуждали граждан действовать нелегально в интересах собственных целей. Особенно остро воспринимался аспект, освобождающий мужчин от ответственности в случае беременности вне брака. Государственная политика, взявшая на себя заботу о матерях-одиночках, зачастую не могла обеспечить им необходимый уровень материального и эмоционального благополучия, а также защитить их от общественного осуждения. В то же время для мужчин открывались более широкие возможности вести безответственный образ жизни, сохраняя при этом брак. Изменение общественной морали, проявлявшееся в росте терпимости к мужчинам, безразличным к судьбе потомства, способствовало усугублению проблемы безотцовщины. Этот эффект стал «побочным результатом» радикальных реформ семейного законодательства и изменений в нормах социального обеспечения граждан [2].

Годы Великой Отечественной войны стали тяжелым испытанием для всех поколений, вынужденных столкнуться с масштабными потерями и психологическим давлением. В настоящее время продолжаются исследования, направленные на изучение воздействия войны на психологическое состояние детей, выросших в тот период. Несмотря на неоднозначность результатов демографической политики государства и мер, предпринятых для поддержки родительства, можно отметить, что многие из принятых решений способствовали сохранению семейных структур, особенно многодетных, а также обеспечивали им дополнительную государственную помощь в виде пособий и льгот [7; 8]. Совместные усилия органов власти и граждан, осознающих свою ответственность за Отечество и его будущее, позволили советскому обществу выстоять и обеспечить продолжение рода. Одним из наиболее значимых положительных аспектов проводимой в годы войны политики, касающейся материнства и детства, стало резкое увеличение рождаемости сразу после завершения военных действий. Принятые постановления и указы стали первыми шагами в направлении установления равноправия полов и регулирования института семьи с учетом прав родителей и детей. На основе опыта, полученного в ходе реализации этих правовых актов, необходимо формировать более продуманную и эффективную демографическую политику, учитывающую особенности современного общества и условия его развития.

Список литературы

1. Всесоюзная перепись населения // Демоскоп Weekly URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения: 16.06.2025).
2. Хасбулатова, О.А., Смирнова, И.Н. Семейная политика в СССР (1936-1955): историко-социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2024. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynaya-politika-v-sssr-1936-1955-istoriko-sotsiologicheskii-analiz> (дата обращения: 17.06.2025).
3. Болдырев, В.А. Советская семейно-демографическая политика в памятниках права периода Великой Отечественной войны / В.А. Болдырев, Д.Н. Кархалев // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 3. С. 162-179.
4. Савичева, Ю.О. Родительство в годы Великой Отечественной войны: гендерный аспект (на материалах Челябинской области) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2023. № 1(45). С. 154-165.
5. Гаевская, И.И. Письма с фронта как источник изучения отношений родительства в годы Великой Отечественной войны / И.И. Гаевская, М.А. Лаврентьева // Вектор гуманитарной мысли. 2024. № 2. С. 13-24.
6. Указ Президиума ВС СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» от 08.07.1944 // Официальный интернет-портал правовой информации.
7. Россман, Э. Мобилизуя одиноких матерей: демографическая политика в послевоенном СССР / Демографическое обозрение. 2022. Т. 9. № 2. С. 119-122.
8. Володина, Н.А. Основные направления советской демографической политики во время великой отечественной войны // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. С. 1630.
9. Сулейманова, Р.Н. «Многодетным матерям – должное внимание». Как в Башкирии выполнялся Указ Президиума Верховного Совета СССР 1944 г. // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 93-102.
10. Околотин, В.С. О мерах по охране материнства и детства в Ивановской области в 1941-1943 гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 3. С. 116-128.

**ЖИЗНЬ ЖЕНЩИН, МУЖЧИН И ДЕТЕЙ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
THE LIFE OF WOMEN, MEN AND CHILDREN DURING
THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Е.В. Ковалевская

*Институт социально-экономических проблем
народонаселения им. Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН, г. Москва*

E.V. Kovalevskaya

*N.M. Rimashevskaya Institute of Socio-Economic Problems
of Population of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

Рассмотрено, как изменилась жизнь советских людей после начала Великой Отечественной войны, какие меры предпринимало руководство страны, чтобы правильно распределить и использовать все имеющиеся в стране производственные и продовольственные ресурсы для сохранения населения в условиях войны, как все население страны участвовало в жизни фронта и тыла, объединилось и мобилизовало все силы для достижения победы над врагом.

The article examines how the lives of Soviet people changed after the start of the Great Patriotic War, what measures the country's leadership took to correctly distribute and use all the country's production and food resources to preserve the population during the war, how the entire population of the country participated in the life of the front and the rear, united and mobilized all forces to achieve victory over the enemy.

Ключевые слова: женщины, мужчины, дети, экстремальные условия жизни, патриотизм населения, женщины освоившие мужские профессии, карточная система.

Keywords: women, men, children, extreme living conditions, patriotism of the population, women who have mastered male professions, rationing system.

Великая Отечественная война отличалась от предшествующих войн тем особым состоянием общества, которое потребовало существенно изменить все сферы жизни, чтобы превратить страну в единый военный лагерь для борьбы с фашистской Германией. Ранним воскресным утром 22 июня 1941 г. 190 дивизий, более 4000 самолетов, до 200 кораблей, более 5 млн человек фашистской Германии и ее союзников одновременно вторглись на территорию нашей страны. Агрессивные захватчики пытались уничтожить не только советский строй, но и государство, которое существовало на территории исторической России. Народам, населяющим Россию, грозило полное уничтожение, поэтому поражения в этой войне нельзя было допустить. Вся деятельность государственных и общественных организаций, экономики, науки, духовной сферы, вся жизнь народа страны была подчинена

интересам ведения справедливой войны для защиты Родины, общественных и семейных ценностей, духовной и материальной культуры, самого права народа на жизнь [1, с. 5].

Одной из особенностей этой войны является то, что в вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз участвовали и её союзники, среди которых были и разделявшие идеологию фашизма, и те, кто просто хотел поживиться за счёт Советского Союза. Кроме того, фашистам помогали испытывающие ненависть к советской стране, а после начала войны ещё и предатели Родины. На стороне Германии в качестве ее союзников в войне участвовали армии Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии, Словакии, Хорватии, то есть Советский союз в Великой Отечественной войне противостоял против людских и экономических ресурсов не только Германии, но и всех остальных стран Европы, кроме Великобритании. Другая особенность этой войны в том, что протяженность линии фронта и обширные пространства, на которых происходили сражения, никогда не наблюдались в предыдущих войнах. Даже если рассматривать только Европейскую часть Советского Союза, она в то время была больше половины всей остальной Европы. Поэтому завоевателям надо было иметь войска не только на линии фронта, но и оставлять некоторую часть из них для борьбы с партизанами, присмотром за населением и охраной коммуникаций на оккупированных территориях. По данным последних исследований демографов, общая численность населения, оказавшегося на оккупированных территориях в начале 1941 г., составляла примерно 46-47% от общей численности населения Советского Союза. Это имеет очень важное значение для понимания того, какими физическими и духовными силами должен был обладать советский народ, который, несмотря на большие человеческие потери, сокращение человеческого потенциала страны на такую огромную величину, все же смог противостоять и победить врага, который располагал и использовал людские и экономические ресурсы почти всей Европы, был хорошо подготовлен и организован для ведения своей захватнической войны [2, с. 231].

Война изменила всё в жизни советских людей и затронула все стороны их жизни, нарушив привычный бытовой уклад всего населения страны. Материальные трудности военного времени испытывало всё население нашей страны. В первые дни войны самые тяжелые бедствия и лишения обрушились на жителей приграничных районов Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, которые сразу же стали ареной военных действий, где велась жестокая вооруженная борьба. Пытаясь спастись от фашистских захватчиков, мирные жители покидали родные дома и через пылающие

деревни, села и города переезжали на восток, в тыл страны, и часто не успевали захватить с собой даже самого необходимого. [3, с. 546].

Выжить в таких условиях было очень сложно, так как враг всеми доступными средствами пытался помешать эвакуации мирного населения: самолёты фашистов гонялись за эшелонами, за речным транспортом. При эвакуации через Ладожское озеро рабочих Кировского завода и их семей пароход «Конструктор», на котором они находились, подвергся бомбовым ударам с воздуха. Затонули несколько переполненных людьми барж. Часто самолеты врага бомбили железнодорожные составы с эвакуированным ленинградцами, преследуя их почти до Вологды [3, с. 548].

Вопреки всем сложностям и экстремальным ситуациям до 1 февраля 1942 года в тыловые районы страны были эвакуированы, то есть спасены от врага, миллионы советских людей. По железным дорогам из прифронтовых районов перевезли 9400 тысяч человек в специальных эшелонах из 192 тысяч вагонов (в двухосном исчислении). Пассажирскими поездами был перевезен еще 1 миллион человек. [3, с. 548].

Во время войны для сохранения населения в условиях, когда невозможно полномасштабное воспроизводство всего того, что производилось и было доступно и привычно для людей в мирное время, требовалось правильно организовать распределение всех имевшихся в наличии ресурсов (продуктов питания и промышленных товаров). Для этого сначала были установлены нормы распределения продуктов питания, а затем и промышленных товаров. В августе 1941 г. в Москве и Московской области и в Ленинграде было выдано 8 870 тысяч продовольственных карточек. Уже в декабре 1941 г. в порядке нормированного снабжения распределяли около половины всего фонда хлеба, который был предназначен для продажи населению. В декабре 1942 г. 15 337 тысяч человек снабжались продовольственными товарами по городским нормам, а 39 миллионов человек получали хлеб по городским нормам. К концу апреля 1942 г. карточки на промышленные товары были введены во всех городах и рабочих поселках [3, с. 549].

В военное время вся работа в тылу была направлена на помощь фронту для достижения победы. На новых местах в кратчайшие сроки нужно было организовать работу эвакуированных заводов, наладить производство военной техники и различного рода оружия, обустроить жизнь эвакуированных людей. Всё это делали люди, которые должны были не просто выживать, а еще и ударно работать в экстремальных условиях. От условий труда и характера выполняемой работы каждым трудящимся человеком зависела норма выдачи основных продуктов для рабочих и служащих. Повышенные и особо повышенные нормы были установлены для

рабочих, которые были заняты на подземных работах в угольной и других отраслях горнодобывающей промышленности, для литейщиков, сталеваров. Многие предприятия ежедневно выдавали дополнительное горячее питание рабочим, которые выполняли и перевыполняли нормы. Для рабочих горячих цехов, шахтеров, для молодых рабочих, окончивших ремесленные училища и школы фабрично-заводского ученичества, были установлены различные виды государственного снабжения. Дополнительное снабжение имели научные работники, писатели и деятели искусства [3, с. 549].

Карточная система помогала регулировать распределения имеющихся в распоряжении государства ресурсов. Для рабочих и служащих была введена карточная система двух категорий. В зависимости от характера и условий труда нормы выдачи хлеба на одного работника в день по первой категории были от 800 граммов до 1-1,2 килограмма. Рабочие и инженерно-технические работники угольной промышленности, занятые на подземных работах, трубопрокатных заводов чёрной металлургии и нефтяной промышленности получали хлеба больше всех. Рабочим и инженерно-техническим работникам по второй категории выдавалось 500 граммов хлеба. От 400 до 450 граммов хлеба получали служащие различных отраслей народного хозяйства, а иждивенцы и дети получали 300-400 граммов хлеба в день. Эти установленные нормы для отдельных групп и категорий населения, организация дополнительных видов питания, первоочередное и преимущественное выделение товаров для снабжения рабочих и инженерно-технических работников ведущих отраслей промышленности были важным стимулом в борьбе за повышение производительности труда в условиях военного времени [3, с. 549].

Во время войны государство продолжало заботиться о подрастающем поколении. Обучение в школах продолжалось, но в районах, куда эвакуировали значительную часть населения европейской части страны, было сложно организовать процесс обучения в привычном режиме. Учащимся приходилось учиться в две-три смены, так как школы отдавались под госпитали и другие ведомства. Учащимся младших классов выдавали в школах завтрак. Позже, летом 1942 г. значительно улучшился ассортимент продуктов, которые отпускались по детским карточкам. Для кормящих матерей были установлены дополнительные нормы, и по более высоким нормам снабжались доноры и больные, которым нужно было специальное питание. Увеличение доли общественного питания в годы войны было вызвано не только недостатком продуктов и трудностями получения топлива для приготовления пищи, но и тем, что в промышленность пришло очень

большое число молодежи и женщин, которых нужно было освободить от забот домашнего хозяйства [3, с. 552].

В годы войны в работу тыла большой и важный вклад внесли советские женщины, которые заменили ушедших на фронт мужчин. Женщины стали осваивать мужские профессии и рабочие специальности, и это патриотическое движение за овладение мужскими профессиями приобрело массовый характер. За годы войны значительно возросла доля труда женщин в составе рабочих и служащих страны. В 1940 г. число женщин среди рабочих и служащих было 13190 тысяч, что составляло 39%, а в 1945 г. число женщин среди рабочих и служащих увеличилось до 15920 тысяч, то есть увеличилось до 56% [4, с. 47].

Во время войны школьники принимали активное участие в общественно-полезном труде. Школьники участвовали в работе пожарных и санитарных команд, военных кружков, их привлекали к охране связи, электро- и радиосети. Развернули активную деятельность тимуровские команды. В Татарской АССР школьники-пионеры: Витя Кривошеев, Коля Матвеев, Володя Покровский, Шура Парамонова, Поля Шагаева, Сережа Кольцов, Дуня Тихонова, Нина Новикова, Маша Глухова, Коля Цыбинев из села Белогорского, Чистопольского района, уже 29 июня 1941 г. обратились к своим товарищам с призывом заменить ушедших на фронт отцов и старших братьев: «...Докажем подлым фашистам, что у нас в Советском государстве весь народ от мала до велика на защите Родины. Если нас не берут на фронт, будем полезны в тылу...Встанем же рядом с матерями и сестрами на место ушедших отцов и братьев и будем активно участвовать в колхозном производстве...» [5].

В военное время тысячи подростков, учащихся школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ, начальных и средних школ стали работать на фабриках, заводах, в мастерских. В дни войны школы уделяли большое внимание подготовке квалифицированных рабочих для МТС и совхозов. Учащиеся многих школ начали осваивать сельскохозяйственные машины, а в 37 автономных республиках, краях и областях РСФСР к июлю 1942 г. 1 млн школьников успешно окончили курс механизаторов, в том числе 158122 школьников получили специальность тракториста, а 31240 – стали комбайнерами. Все население страны стремилось внести свой посильный вклад для победы над врагом [3, с. 552].

Список литературы

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 1. Основные события войны. – Изд. доп. и испр. – М.: Кучково поле, 2015. 976 с., 22 л. ил., ил.

2. Рыбаковский, Л.Л., Рыбаковский, О.Л. Людские потери советского народа в Великой Отечественной войне: масштабы и причины // Великая Победа советского народа: социально-политические и демографические аспекты. 2020. С. 227-243. С. 231.

3. История Великой Отечественной войны в Советском Союзе. 1941–1945 гг. В 6 т. М., 1960-1965 гг.

4. Мурманцева, В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. – Мысль, 1974.

5. Электронная библиотека исторических документов (ЭБИД) | Замечательный почин колхозных ребят (Письмо пионеров и школьников Белогорской неполной средней школы ко всем пионерам и школьникам орденоносной Татарии) URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/301364#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения: 30.04.2025).

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ

THE GREAT PATRIOTIC WAR IN FAMILY HISTORY

С.В. Ковалева, Д.В. Гаранин
*Костромская государственная
сельскохозяйственная академия, г. Кострома*
S.V. Kovaleva, D.V. Garanin
Kostroma State Agricultural Academy, Kostroma

Представлен анализ военного пути Маркова Петра Ивановича, участника Великой Отечественной войны, через призму семейной памяти. Рассматриваются его боевые заслуги, награды, участие в ключевых операциях и роль в формировании исторической идентичности в рамках семейной традиции.

The article presents an analysis of the military path of Pyotr Ivanovich Markov, a participant in the Great Patriotic War, through the prism of family memory. His military achievements, awards, participation in key operations and his role in the formation of historical identity within the family tradition are considered.

Ключевые слова: семейная история, Великая Отечественная война, память, фронтовик, Восточная Пруссия, Кенигсберг, героизм, патриотизм, награды, связь поколений.

Keywords: family history, World War II, memory, veteran, East Prussia, Königsberg, heroism, patriotism, awards, intergenerational link.

История Великой Отечественной войны, как и всякое масштабное историческое явление, раскрывается не только в генеральных сражениях и дипломатических сводках, но и в судьбах рядовых участников, чьи

биографии наделяют военные хроники человеческим измерением. Одной из таких фигур в семейной памяти семьи Гараниных остается Марков Петр Иванович – участник ключевых боевых операций, чья военная служба и личное мужество отразили уникальный ракурс драматизма и героизма той эпохи. Призванный в действующую армию в августе 1941 г., Петр Иванович вступил в войну, уже имея определенный армейский опыт: его первоначальное обучение и служба начались еще в довоенное десятилетие, в 1936 г. В годы войны он исполнял обязанности командира минометного расчета в составе 1126-го стрелкового полка 334-й стрелковой дивизии, входившей в 2-ю гвардейскую армию 3-го Белорусского фронта – одного из ударных соединений, участвовавших в крупнейших наступательных операциях завершающего этапа войны.

Особую известность в нашей семье приобрел его боевой путь в Восточной Пруссии в январе 1945 г. – именно за проявленную в тот период храбрость он был удостоен ордена Красной Звезды. В ходе штурма немецких позиций в районе деревни Муришкен 22 января 1945 г. сержант Марков, действуя решительно и с исключительным профессионализмом, уничтожил две вражеские пулеметные точки, препятствовавшие продвижению нашей пехоты. Благодаря его действиям рота под командованием лейтенанта Кувшинова смогла прорвать линию обороны противника и значительно продвинуться вперед, что в совокупности с успехами на соседних участках привело к стратегическому перелому в данной операции. Позднее, в ходе прорыва оборонительных рубежей в районе Мазурских озер (24–26 января 1945 г.), Петр Иванович вновь подтвердил свою боевую квалификацию, обеспечив эффективное ведение огня и тем самым способствуя подавлению сопротивления противника [1].

Не менее значимыми были его действия на подступах к Кенигсбергу и в боях на Земландском полуострове весной 1945 г. В период с 13 по 21 марта, а затем с 7 по 17 апреля он выполнял функцию корректировщика огня батареи, демонстрируя высокий уровень тактической грамотности. Его точные указания позволили артиллерии своевременно и эффективно подавлять вражеские огневые точки, тем самым создавая условия для продвижения пехотных подразделений. За этот вклад он был награжден медалью «За отвагу», что в условиях строгой иерархии советских боевых наград свидетельствовало о его личной доблести и профессионализме.

Символическим завершением его фронтового пути стало получение медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», однако для нашей семьи – это не просто формальный знак участия в сражениях, но и напоминание о том, какой ценой была достигнута победа.

После окончания войны Петр Иванович вернулся в родную деревню Сонино Костромской области, в которой началась его мирная жизнь. Оставаясь верным служению обществу, он активно участвовал в патриотическом воспитании молодежи: выступал в школах, в которых училась его дочь, делился воспоминаниями о фронтовой жизни, сохраняя в устной традиции живую ткань исторической памяти [2].

Память о Петре Ивановиче сохраняется и в современной культурной практике. 9 февраля 2015 г. в газете «Костромские ведомости» была опубликована статья, подготовленная его внучкой Юлией Гончаровой, в которой была восстановлена хроника его боевого пути. Ежегодно члены нашей семьи участвуют в акции «Бессмертный полк», придавая личностное измерение коллективной траурно-триумфальной памяти. Мы бережно храним воспоминания о нем в школьных проектах, таких как «Книга памяти», благодаря которым его подвиг продолжает звучать в диалоге поколений.

Фигура Петра Ивановича Маркова – не просто один из миллионов солдат Великой Отечественной войны, но и часть нашей семейной идентичности, связующей прошлое и настоящее. Его личный путь – это свидетельство о силе духа, стойкости и самопожертвовании, составляющих фундамент исторической памяти народа, пережившего самую страшную войну в истории XX века. История, связанная с семейными традициями, в которых чтится память предков, оставивших свой след в жизни страны, является важным аспектом в процессе формирования образа будущего [3].

Список литературы

1. Память народа / Интернет-ресурс. Режим доступа: https://m.pamyat-naroda.ru/heroes/person-hero123531995?last_name=Марков+&first_name=Петр+&middle_name=Иванович+&place_birth=деревня+Монино+Апраксинский+сельсовет+Костромской+район+Костромской+области+&date_birth_from=01.01.1918&date_birth_to=01.01.1971&date_birth_period=on&page=1 (дата обращения: 1.06.2025).
2. Семейный архив.
3. Kovaleva, S., Kizilova, N., Kashirina, O., Isaenko, A., Odnoprienko, V. Adaptation of foreign students in the educational and sociocultural system of an agricultural university / В сборнике: Innovations in Sustainable Agricultural Systems (ISAS 2024) (Lecture Notes in Networks and Systems). Conference proceedings. Cham, Switzerland, 2024. С. 399-405.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ THE GREAT PATRIOTIC WAR IN FAMILY HISTORY

С.В. Ковалева, К.И. Разгуляева

Костромская государственная сельскохозяйственная академия,

г. Кострома

S.V. Kovaleva, K.I. Razgulyaeva

Kostroma State Agricultural Academy, Kostroma

Посвящена воспоминаниям – Зобниной Нины Ивановны, которая в годы Великой Отечественной войны служила шофером в 25-м отдельном автомобильном полку. Раскрывается её непростой путь от работы в тылу до службы на фронте, рассказывается о наградах. Личные воспоминания о войне в семейном контексте способствуют укреплению связи времен и воспитанию любви к Родине.

The article is devoted to the memoirs of my great—grandmother, Nina Ivanovna Zobnina, who served as a driver in the 25th separate automobile regiment during the Great Patriotic War. The article reveals her difficult path from working in the rear to serving at the front, and awards are being considered. Personal memories of the war in a family context contribute to strengthening the connection between the times and fostering patriotism.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Семейная история, Память, Шофер, Героизм, Фронт, Женщины на войне, Патриотизм.

Keywords: Great Patriotic War, Family history, Memory, Chauffeur, Heroism, Front, Women at war, Patriotism.

Великая Отечественная война – одно из самых значимых и трагических событий в истории нашей страны. Она оставила глубокий след в судьбах миллионов людей и навсегда изменила ход истории человечества. В этом году мы отмечаем 80-летие Великой Победы, которая связана с памятью тех лет. В каждой семье есть свои герои, чьи подвиги достойны уважения, благодарности и памяти потомков, рассказы о фронтовых буднях, о трудностях и радостях войны живут. Через семейные рассказы мы понимаем, как много пришлось пережить нашим предкам, и насколько велика была их самоотверженность. История, связанная с экзистенциальным аспектом бытия личности, судьба которой вплетена в общую ткань жизни, определяет не только отношение к прошлому, но и формирует образ будущего [1].

В честь юбилея Великой Победы расскажем историю прабабушки из семейного архива Разгуляевых – Киселевой (Зобниной) Нины Ивановны. Родилась она 9 июля 1925 г. в селе Рожки, Малмыжского района, Кировской области. Её семья состояла из 7 человек, трое из которых служили: старший брат – Иван был летчиком, выполнял боевые задания, связанные с вылетом к

партизанам, впоследствии стал командиром летного полка; другой брат – Михаил был десантником, выполнял задания в тылу врага; третий брат – Анатолий был командиром артиллерийского полка. Именно поэтому Нина Ивановна тоже рвалась на фронт. До того, как попасть в армию, работала в тылу: вязала носки и варежки для фронта. Прабабушка была призвана в действующую армию в 1944 г. В учебке изначально училась на снайпера, но так как в 1943 г. уже не было большой потребности в снайперах, ее переучили на шофера.

Полтора года по военным маршрутам проехала Нина Ивановна, именно проехала, потому что служила в 25-м отдельном автомобильном полку, место дислокации которого было в районе города Чернигова, и осуществляла перевозку всего, что было необходимо, до линии фронта, тем самым приближая Победу. Прабабушка рассказывала много историй из будней шофера: «Утром встаешь ни свет ни заря, берешь сухой паек и садишься за руль. И целый день разъезжаешь туда, куда прикажут. Где-то машина застрянет, бензин закончится, заблудишься в неизвестной местности и сообщаем по радиации, чтобы приехала подмога». Мне всегда было интересно слушать рассказы прабабушки, но в основном я задавала каждый раз один и тот же вопрос: «Что для тебя на войне было самым трудным?», потому что через воспоминания родного человека хотелось хоть чуть-чуть представить ужасы войны.

А бабушка рассказывала про обстрелы, нехватку еды, обморожения и множество смертей, которые приходилось видеть каждый день. «Очень часто на Западной Украине машины обстреливали бэндеровцы. Были случаи, что приходилось менять колесо. А если заморозки? Зима, мороз минус тридцать, машина встала, помощь далеко, шла и меняла самостоятельно. Холод донимал. Теплой одежды не хватало. Из обмундирования – фуфайка, ватные штаны, кирзовые сапоги, шапка-ушанка. Полушубков у нас не было. Физическое напряжение и усталость снижали способность организма бороться с переохлаждением. Но мы понимали, что не одним нам так тяжело, есть кому и хуже. А если каждый себя пожалеет, как войну выиграем?» Замена колес была сложным и трудоемким процессом, ведь хрупким девушкам необходимо было заменять их у машины Студебеккер¹¹ весом 4,5 тонны, вес одного колеса составлял 50-60 килограммов. Он производился в США и тогда был самым популярным транспортом, поставляемым в СССР по программе «ленд-лиз».

¹¹ Студебеккер – грузовик Победы. Подробнее на сайте: <https://perevozka24.ru/pages/studebekker-gruzovik-pobedy>

Машина отличалась хорошими вездеходными качествами и повышенной грузоподъемностью, примерно 2,5-4 тонны. «В тяжелых зимних условиях, чтобы завести машину, одна из девушек, сидя за рулем, одной ногой выжимала педаль сцепления, включая при этом кнопку стартера, а другой ногой управляла акселератором и руками управляла кнопками воздушной и дроссельной заслонок. Другая девушка при этом крутила неудобную и высоко расположенную заводную ручку. Крутить ручку приходилось долго, на ладонях появлялась некрасивая мозоль. Так я себе и застудила руки и ноги. Отвезя боеприпасы на линию фронта, обратно автомобиль не ехал пустым, в него загружали убитых и раненых на поле боя бойцов». В эти моменты понимаешь, что война – это тяжелая, грязная работа.

По окончании военной службы была награждена медалями: медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», также награждали медалями в честь юбилея Победы. Для нашей семьи это не просто награды; они представляют собой символы памяти, гордости и связи с историей, которые объединяют мою семью. Медали являются важным элементом семейных традиций. Их можно передавать из поколения в поколение, рассказывая истории о том, как прабабушка получила каждую из них, и поддерживать память о ее жизни и подвигах.

Каждый год в честь 9 мая наша семья собирается вместе, чтобы отметить День Победы. Это время, когда мы вспоминаем о наших предках, которые отдали свои жизни за мирное небо над головой. Начиная с 2022 г., мы принимаем участие в акции «Бессмертный полк», это стало для нас важной традицией. Прнося портреты прабабушек и прадедов в колонне «Бессмертного полка», мы чувствуем, что они идут рядом с нами, а их истории и подвиги оживают в наших сердцах, передаваясь молодому поколению. Учась в школе №31 города Костромы, мы с братом ежегодно участвовали в военно-патриотическом мероприятии «Смотр строя и песни», которое организовывали учителя нашей школы перед 9 мая. Каждый раз мы учили разные песни, надевали военную форму, прикалывали к груди георгиевские ленты.

«Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой...» – эти строки известной песни «От героев былых времен...» очень правдивы. Слова напоминают о необходимости хранить память о тех, кто отдал свои жизни в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Именно благодаря этим людям, их подвигам и труду мы сегодня живем в мире, учимся, строим будущее. Наша святая обязанность – помнить о них и передавать историю их жизни следующим поколениям с трепетом и уважением.

Список литературы

1. Kovaleva, S., Kizilova, N., Kashirina, O., Isaenko, A., Odnoprienko, V. Adaptation of foreign students in the educational and sociocultural system of an agricultural university / В сборнике: Innovations in Sustainable Agricultural Systems (ISAS 2024) (Lecture Notes in Networks and Systems). Conference proceedings. Cham, Switzerland, 2024. С. 399-405.

МИГРАЦИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ **MIGRATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

А.А. Лакомова

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород*

A.A. Lakomova

*Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University,
Nizhniy Novgorod*

Рассматривается эвакуация населения в качестве миграционного процесса в годы Великой Отечественной войны, её роль и влияние на демографическую ситуацию и структуру в стране.

The author examines in the article the evacuation of the population as a migration process during the Great Patriotic War, its role and influence on the demographic situation and structure in the country.

Ключевые слова: миграция, война, демография, эвакуация, население.

Keywords: migration, war, demographics, evacuation, population.

Демографические процессы в период Великой Отечественной войны имеют серьезные последствия. Среди демографов и социологов не существует единого мнения и точных статистических сведений о количестве населения в стране накануне Великой Отечественной войны, данные примерно варьируются от 195 до 197 млн. чел. [1]. Большие демографические потери произошли в годы Великой Отечественной войны по разным причинам: погибшие в боях, умершие от болезней, пропавшие без вести, не вернувшиеся из плена, замученные в результате геноцида.

На оккупированных территориях массовое истребление населения породило аномалию в демографической структуре населения, в особенности это проявилось в гендерном соотношении. На данную гендерную диспропорцию повлияла не только массовая мобилизация мужского

населения, но и уничтожение мужского трудоспособного населения в период оккупации [2, с. 280].

Эвакуация, а в дальнейшем реэвакуация населения, изменили характер миграционных потоков в период Великой Отечественной войны на территории СССР и сказались в дальнейшем на показателях естественного движения населения. Эвакуация, в свою очередь, понималась как организованное перемещение людей и материальных ресурсов из регионов, в которых происходили боевые действия, в восточные регионы страны с 1941 по 1942 гг. [3, с. 277]. В данной статье эвакуация населения СССР рассматривается в качестве миграции.

План эвакуации был создан на третий день Великой Отечественной войны. Эвакуация проводилась в условиях боевых действий и в два этапа.

На первом этапе, в 1941 г., были перемещены люди с западных территорий: Прибалтики, Украины, Крыма, Беларуси, Молдавии, а также из Карелии, Ленинграда, Ленинградской и Мурманской областей, Москвы и ее пригородов и Центрально-Европейских районов. Основные предприятия и население в основном мигрировали в Сибирь, Поволжье и на Урал. В регионах боевых действий происходило внеплановое переселение жителей на небольшое расстояние (на несколько десятков километров) от зоны военных столкновений.

Фашистские немецкие войска достаточно быстро наступали и занимали территорию Прибалтики. Латвию успело покинуть 2% населения, Эстонию – 5%. Эвакуация из Украины, Крыма и Приднестровья прошла успешнее (к концу 1941 г. было эвакуировано 4 млн. чел.), как и из Белоруссии (удалось вывезти 1,5 млн. чел.), несмотря на непрерывный обстрел и бомбежку. Из Карелии вывезли около 90% населения, из Мурманской области эвакуировали больше 30%, а из Ленинграда вывезли в тыл около 1 млн. чел., из Москвы – примерно 2 млн. [4, с. 70-72].

Вторая эвакуация населения проводилась в 1942 г. Основная её причина состояла в наступлении фашистских немецких войск на южные районы европейской части СССР. В период с мая по октябрь 1942 г. проходила миграция населения с территории Северного Кавказа, Кубани и Поволжья и охватила от 1 млн. до 1,5 млн. чел. [3, с. 279].

В результате данных этапов эвакуации удалось вывезти в тыл примерно от 17 млн. до 25 млн. человек [3, с. 280]. В первую очередь из данных районов вывозили детские учреждения, женщин с детьми и людей пожилого возраста. Эвакуировались в восточные территории страны рабочие и служащие вместе со своими предприятиями и учреждениями.

Несмотря на героизм, усилия армии и населения, смертность среди эвакуированных лиц была высокой. Это происходило по разным причинам:

- экстремальные условия эвакуации;
- сложности со снабжением и товарами первой необходимости в эвакуационных пунктах;
- голод, истощение организма;
- ранения;
- сложная санитарно-эпидемиологическая обстановка (быстрое распространение инфекционных заболеваний из-за скученности проживания), в том числе нехватка медицинского персонала.

Необходимо отметить положительные особенности миграции, благотворно влияющие на демографическую ситуацию на территориях вселения.

Количество дееспособных мужчин и женщин среди эвакуированного населения было не ниже, чем среди местных жителей. Например, на Урале и в Сибири потоки приезжих лиц вместе с притоком местного сельского населения были значительны и практически компенсировали отток мужчин на фронт. Демографические показатели по данным территориям эвакуации в период с 1941 г. по 1942 г. показывают более благоприятную ситуацию, чем по Центрально-Европейской части страны. Эвакуация сыграла заметную роль и в перераспределении населения между городом и деревней.

Развитие предприятий, перемещенных на восток, продолжалось и после окончания Великой Отечественной войны. Они послужили основой для формирования новых индустриальных центров, в отдельных случаях вокруг предприятий формировались новые поселки городского типа.

Таким образом, процессы эвакуации населения в годы Великой Отечественной войны способствовали сокращению человеческих и материальных потерь, ускорению процесса восстановления страны после ее освобождения от фашистских захватчиков и формированию передовых индустриальных и научных центров в городах Урала и Сибири.

Список литературы

1. Кожурин, В.С. О численности населения СССР накануне Великой Отечественной войны (неизвестные документы) / Военно-исторический журнал. 1991. № 2. С. 21-26.
2. Репинецкий, А.И. Демографическая ситуация в России в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. // Известия Самарского научного центра РАН. 2005. №2. С. 279-288. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/demograficheskaya-situatsiya-v-rossii-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg> (дата обращения: 12.08.2025).

3. Великая Победа советского народа: социально-политические и демографические аспекты: [монография] / С.В. Рязанцев, В.Н. Иванов [и др.]; Отв. ред. С.В. Рязанцев, В.Н. Иванов; ИСПИ ФНИСЦ РАН. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2020. 450 с.

4. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х т. Т. 2. 1940–1959. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 416 с.

ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ GENDER ROLES OF THE PARTICIPANTS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

О.В. Лылова

*Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н.М. Римашевской Российской академии наук, г. Москва*

O.V. Lylova

*N.M. Rimashevskaya Institute of Socio-Economic
Problems of Population of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

Женская часть нашего советского народа вместе с мужчинами вынесла на своих плечах все тяготы Великой Отечественной войны. Время суровых военных испытаний привело к деформации гендерных ролей. Женщины успешно проявили себя в традиционно мужских военных специальностях, становились летчицами, снайперами, связистками, разведчицами, шофёрами, активно участвовали в подполье и в партизанском движении.

The women of our multinational nation, alongside men, shouldered the full hardships of the Great Patriotic War. The period of severe military trials brought about a transformation of gender roles. Women successfully proved themselves in traditionally male military professions, serving as pilots, snipers, signal operators, scouts, drivers, and actively participating in the underground resistance and partisan movement.

Ключевые слова: Гендерные роли, военные специальности, партизанское движение, работа в тылу.

Keywords: gender roles, military professions, partisan movement, rear-line work.

Отличительной особенностью Великой отечественной войны 1941–1945 гг. является глобальное участие мирного населения, в том числе женщин, в военных действиях. Женщины в годы войны заменили мужчин на всех направлениях – участвовали в боевом сопротивлении, организовывали производство в тылу, работали в госпиталях, входили в партизанские отряды, формировали общественные организации по поддержке бойцов на фронте.

Массовому участию женщин в военных действиях способствовала довоенная военно-патриотическая подготовка молодежи, в частности курсы «Осоавиахим» (Союз Обществ содействия обороне, авиации и химической промышленности). Кроме того, в предвоенный период при заводах, фабриках, учреждениях, учебных институтах активно организовывались курсы первоначальной военной подготовки. В нормативно-правовом поле возможность участия женщин в военных действиях была отражена в законе «О всеобщей воинской обязанности», принятом 1 сентября 1939 г. Согласно данному закону, женщины, имеющие медицинскую, ветеринарную, а также специальную техническую подготовку, могли быть призваны в действующую армию и на флот для несения вспомогательной и срочной военной службы [1].

Таким образом, в межвоенный период было сформировано идеологически и эмоционально подготовленное поколение, имеющее ярко выраженное патриотическое настроение и идентифицирующее себя с монолитным советским обществом, с советской страной, которую в случае необходимости, они будут защищать с оружием в руках. Среди морально-нравственных ценностей молодежи превалировали любовь к Родине, самоотверженность, патриотизм, чувство долга, коллективное самосознание. Воспитанные на идеях патриотизма и равных прав с мужчинами, с началом Великой Отечественной войны сотни тысяч женщин создали добровольческое движение (около 50% заявок было от женщин), а также активно пополняли ряды мобилизованных в вооруженные силы.

В начале Великой Отечественной войны, 30 июня 1941 г., был создан Государственный комитет обороны (ГКО), который, в частности, принял ряд постановлений о мобилизации женщин для несения службы в войсках ПВО, связи, внутренней охраны, на военно-автомобильных дорогах [2].

По оценке военных историков, на фронтах Великой Отечественной войны в разные периоды сражалось от 600 тыс. до 1 миллиона женщин, при этом 80 тыс. имели звание советских офицеров. Советский опыт уникален тем, что в военной практике впервые были сформированы сугубо женские военные формирования. Из женщин-добровольцев были сформированы авиационные полки, стрелковые бригады, снайперские подразделения, существовала отдельная рота моряков. Создавались женские отряды, не имевшие аналогов ни в одной стране мира.

Среди призванных по мобилизации наибольшую часть составляли медработники, санинструкторы, связисты, специалисты внутренней охраны. Военные историки отмечают, что благодаря героическим усилиям женщин-медработников удалось вернуть в строй до 70% раненых бойцов. Работа в

тылу по производству продукции военного и гражданского назначения, сельскохозяйственной продукции и продовольствия в основном легла на плечи женщин. Только в 1941 г. в сельском хозяйстве было занято 19 млн. женщин, в промышленности – 5 млн. женщин, причем многие из них заняли руководящие должности, женщины становились начальниками цехов, руководили эвакуационными работами и организацией производства в тылу. Отдельного внимания заслуживает героическое поведение советских женщин в партизанских отрядах на оккупированной врагом территории. Женщины занимались не только вспомогательной работой и обеспечением медицинского ухода, бойцов, но и участвовали в диверсиях против вражеских подразделений, разрушали военные объекты и инженерную инфраструктуру противника, активно включались в агитационную работу среди мирного населения. По данным военной историографии, в партизанских отрядах до 10% составляли женщины. Женщины, находящиеся в тылу, не ограничивались самоотверженной работой на предприятиях, в медицинских центрах, на объектах социальной инфраструктуры и научных лабораториях. Женщины активно занимались общественной деятельностью, которая проявлялась в сборе средств в фонд обороны страны, формировании и отправке посылок и подарков войнам на передовую, заботе о семьях, потерявших своих близких на фронтах, сдачи донорской крови, отправке патристических писем со словами поддержки на фронт, шефских поездках, концертах и многом другом. Труженицы тыла демонстрировали единство, оказывали моральную поддержку и вдохновляли на новые подвиги воинов Советской Армии.

Можно отметить, что феномену женского активного участия в ВОВ способствовали идеи создания советской идентичности, в рамках которой подразумевалось преодоление традиционалистских гендерных представлений, а также система военно-патристического обучения гражданского населения, созданная в довоенный период. Под влиянием множества факторов в условиях военного конфликта трансформировались модели гендерного поведения, произошел слом некоторые гендерных стереотипов, господствующих в довоенном обществе. Женщины стали выполнять большее количество социальных ролей, отвечая на вызовы, военного времени. Активными действиями на фронте и в тылу советские женщины сломали устоявшийся гендерный стереотип, о роли женщины, реализующей себя преимущественно в приватной сфере, работающей на второстепенных должностях, во вторичных, обслуживающих сферах национального хозяйства.

Принимая на себя «мужские» роли защитника, воина, общественного деятеля, руководителя производства, женщины осуществили стремительный переход от феминности к маскулинности, проявляя отвагу, бесстрашие, демонстрируя способность быстро принимать стратегически важные решения. Под влиянием событий Отечественной войны были сформированы несколько новых гендерных ролей, характерных для военного поколения советских женщин.

Наибольшее значение приобрели следующие модели поведения:

1. Выступление в роли бойца, который наравне с мужчинами сражался на передовой. Многие девушки проходили «школу молодого бойца», участвовали в мобилизации, добровольно отправлялись на фронт или в партизанские отряды.

2. Полевые врачи и медицинские сестры, которые зачастую вместо врачей проводили операции в сложнейших полевых условиях при отсутствии элементарных санитарных условий, под обстрелами, в непригодных помещениях.

3. Женщины становились «руководителями» тыла, организуя работу по восстановлению заводов и запуску промышленного производства, организовывали производство продовольствия и необходимого сырья в сельской местности.

4. Женщины активно участвовали в деятельности партизанских и диверсионных отрядов на территории, оккупированной немецкими войсками, некоторые из них являлись организаторами таких отрядов.

Таким образом, женщины достойно проявили себя в традиционно «мужских» ролях, смогли реализовать патриотический настрой, проявили гражданскую самореализацию, расширили спектр гендерных ролей, изменили представление об участии в военном конфликте как исключительно мужском виде деятельности.

Список литературы

1. Роль женщин в Великой Отечественной Войне: цифры и факты. URL: <https://www.oboznik.ru/?p=63315> (дата обращения: 10.08.2025).

2. Мурманцева, В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне: 1941–1945. – М.: Мысль. 1979. С. 150.

МЕЖПОКОЛЕННАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: СЕМЕЙНЫЙ КОНТЕКСТ INTERGENERATIONAL TRANSMISSION OF TRADITIONAL VALUES: THE FAMILY CONTEXT

Е.В. Михайлова, А.Г. Смирнова

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
г. Ярославль*

E.V. Mikhailova, A.G. Smirnova

*Yaroslavl State University named after P.G. Demidova,
Yaroslavl*

На материалах качественного социологического исследования, участниками которого стали семьи студентов ЯрГУ, анализируется содержание ценностей, передающихся от старшего поколения конкретной семьи к младшему. Выделено 4 типа нарративов, раскрывающих направления концептуализации истории семьи и опыта предков в транслируемые ценности: «героический», «достижения и успеха», «честная жизнь без выдающихся достижений», «тяжелое и беспросветное прошлое, негативный опыт предков».

Based on the materials of a qualitative sociological study, which involved the families of YarSU students, the content of values transmitted from the older generation of a particular family to the younger is analyzed. There are 4 types of narratives that reveal the directions of conceptualizing family history and ancestral experience into translated values: «heroic», «achievements and success», «honest life without outstanding achievements», «difficult and hopeless past, negative ancestral experience».

Ключевые слова: традиционные ценности, семья, нарратив, межпоколенные отношения, передача ценностей.

Keywords: traditional values, family, narrative, intergenerational relations, value transfer.

Рост общественного внимания к традиционным ценностям российского народа, государственная политика поддержки и укрепления таких ценностей [1] помещают в фокус внимания исследователей вопросы содержательной интерпретации традиционных ценностей, а также конкретных механизмов формирования и передачи ценностей внутри ведущих институтов социализации – семьи и института образования.

Как основной институт и агент социализации семья играет ведущую роль в формировании и передаче ценностей новым поколениям. Ценности, сформированные опытом старших поколений собственной семьи, очевидно, и есть первичное, базовое проявление традиции. У традиционных семейных ценностей – сложное и нередко эклектичное содержание. Ценности отдельно

взятой семьи специфичны. Вместе с тем, семья как социальный институт обеспечивает социализацию индивида на основе наиндивидуальных ценностей и норм, то есть тех, которые являются результатом общественного консенсуса. Основная задача нашего исследования – выявить общее и особенное в корпусе традиционных семейных ценностей, попытаться найти содержательную основу «консенсуса в отношении ценностей» [2]. Центральный поисковый вопрос – как жизненный опыт старших поколений и семейная история концептуализируются в качестве ценностей.

Исследование межпоколенной трансляции традиционных семейных ценностей проведено в марте-апреле 2025 г. Сбор данных осуществлялся студентами 3 и 4 курсов ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Студенты брали полуструктурированные глубинные интервью у собственных бабушек и дедушек. Проведено 32 интервью с информантами в возрасте 64 до 88 лет, из них – 13 мужчин и 19 женщин. Все – неработающие пенсионеры с различным уровнем образования и брачным статусом. Для исследования взято самое старшее по отношению к нынешним студентам поколение их семьи, поскольку самими студентами бабушки и дедушки воспринимаются как носители семейной традиции.

Для получения обратной связи и рефлексии младшего поколения на втором этапе исследования проинтервьюированы сами студенты. С представителями поколения внуков проведено 15 глубинных интервью, возраст – 21-22 года, 6 юношей, 9 девушек.

Процедура глубинного интервью предполагала «раскручивание» содержания ценностей на основе разговора о семейных реликвиях, значимых предках, истории семьи, семейных традициях, предметах согласия и конфликта между поколениями. Содержащиеся в путеводителе вопросы были направлены на то, чтобы информанты сами проговорили те идеи, сюжеты, представления о желательном, правильном и полезном, которые являются итогом осмысления и концептуализации опыта собственной жизни и семейной истории, то есть сформулировали содержание традиционных семейных ценностей самостоятельно. Традиционные ценности трактовались в исследовании как идеи, принципы, идеалы, являющиеся итогом обобщения опыта прошлого и служащие ориентиром в настоящем. Исследование было сосредоточено на выявлении содержания ценностей, которые передаются внутри конкретной семьи от поколения к поколению. Разговор о ценностях не ограничивался ценностями просемейной направленности, обсуждался весь комплекс ценностей, в том числе общечеловеческие, трудовые, религиозные. Обработка и анализ результатов исследования производились путем номинации и классификации данных [3]; далее проведен нарративный анализ

целостных фрагментов интервью, содержащих концептуализацию ценностей [4].

На основе результатов интервью выделено 4 типа нарративов, обобщающих историю семьи и жизнь предков. Нарративы не являлись взаимоисключающими, разные их типы могли воспроизводиться одним информантом. Первый нарратив – «героический» – упоминание тех предков, которыми гордятся. Гордость и безусловное восхищение у информантов обоих поколений вызывают участники Великой отечественной войны, мамы и бабушки – труженицы тыла. *«А, дядя Саша, это человек великий. Так вот он воевал, его вешали, он висел в петле, наши спасли. И он живой остался за счет маскулатуры своей, напрягся, и не сдавило ему горло, и позвоночник выдержал»* (м., 70 лет, высшее образование, в браке).

Ценности, которые актуализирует первый нарратив – героизм и любовь к Родине, вера в способность человека преодолевать любые трудности и невзгоды, жизненная сила и жизнелюбие. Значение героического нарратива – опыт предков как ресурс, залог выживания и стойкости, «несмотря ни на что».

Второй тип нарратива – «достижения и успех» – отражает представления о жизненном успехе, выдающихся качествах, способностях, которые проявились у старших родственников. Смысл нарратива – если у кого-то из моих родственников получилось чего-то достичь, у меня тоже получится, если я буду поступать так же, как они. *«Ну да, ты знаешь их. Казанские, зеленодольские у нас очень хорошие. Они же, вот видишь, как раскрутились, открыли свое дело. У них все получилось. Все они имеют все, о чем человек мечтает. Ты этого свидетель. Опять же, это вот все трудолюбие, все труд, труд. Не лентяйничай, вот и цель. И идут к этой цели и выполняют все»* (ж., 64 года, начальное профессиональное образование, вдова).

Третий тип нарратива – «честная жизнь без выдающихся достижений», «все, как у всех» – обычно начинается с констатации того, что никаких выдающихся людей, на которых можно было бы ориентироваться, в семье нет. Однако в дальнейшем этот нарратив раскрывается через ценности трудолюбия, честности, скромности, следования долгу, альтруизм. *«Восхищаться-то было особо-то и нечем, и некем. Ну жили, ну очень так, бедно, можно сказать. Все уже покойные там: тетки, дядьки, бабка, я уж не говорю о родителях. Все стремились, как говорится, работали, тунеядцев не было. Каждый знал свое дело... Я вот опять про мамку говорю, царство ей небесное. Она до 79 лет дожила, работала дояркой всю жизнь. Шесть человек семья была, вот они и четверо детей. Она вставала в 4 утра, надо было 12 коров отдоить. Придет домой, надо затопить печку, надо че-то наготовить. В летнее время еще и в обед надо на ферму, опять доить надо.*

Вечер, да это ужас, ведь и постирать надо, и прочее, и прочее. Да, это надо при жизни было памятник ставить таким-то людям» (м., 78 лет, среднее общее образование, в браке).

Четвертый тип нарратива – «тяжелое и беспросветное прошлое, негативный опыт предков». *«Ну вообще, я хочу сказать, что семьи, вот наша семья по маминой линии, они все, как это сказать, несчастные, все неустроенные семьи, все кончили плохо. Все пять сестер бабушкиных, все остались одни, и все воспитывали одни детей... И там все, вот которые пороки возможны, они все были. Выпивали... Я этого не принимала, я потому что была другим поколением. Я уехала. И больше я ничего не знаю. И с этими родственниками я ни с кем не встречалась» (ж., 84 года, высшее образование, в браке).* Сила нарратива последнего типа – не в идеализации прошлого, а, наоборот, в противопоставлении ему настоящего, в осознании преодоления негативного сценария.

Обобщая, можно констатировать, что информанты – представители разных поколений и разных семей проявили удивительное единодушие в формулировке универсальных общечеловеческих ценностей и базовых семейных. Это ценности патриотизма, доброты, честности, жизнестойкости и любви к жизни, ответственности, взаимоуважения, семьи и семейного благополучия. *«Вот в плане семьи, семья должна быть, это очень ценно, очень» (м., 79 лет, высшее образование, в браке).* *«Главное – это жизнелюбие и жизнерадостность, это общительность. Никто из всех членов семьи, ни одного отстраненного от всех людей человека. Мне кажется, это хорошо» (м., 77 лет, высшее образование, в браке).* *«...То есть, быть каким-то страдающим и чувствующим по отношению к другим людям. Не быть черствым. Не обязательно там всех любить, но я считаю, что обязательно просто уважать человека за то, что он есть, вот он такой человек, неважно, как он к тебе относится. Просто оставаться человечным» (ж., 22 года, студентка 4 курса).*

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 21.08.2025).
2. Парсонс Т. Социальная система. М.: Академический проект, 2018. 530 с.
3. Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. Санкт-Петербург: Алетейя, 2009. 352 с.
4. Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. № 3. С. 38-61.

**МОИ РОДНЫЕ И БЛИЗКИЕ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
MY FAMILY AND FRIENDS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

М.Р. Насыбулина

Костромская государственная сельскохозяйственная академия,

г. Кострома

M.R. Nasybulina

Kostroma State Agricultural Academy,

Kostroma

**Научный руководитель: И.Д. Лопатин, к.п.н., доцент, заведующий
кафедрой философии, истории и социально-гуманитарных дисциплин,**

Костромская государственная сельскохозяйственная академия,

г. Кострома

*Scientific supervisor: I.D. Lopatin, PhD, Associate Professor, Head of the
Department of Philosophy, History and Social and Humanitarian Disciplines,
Kostroma State Agricultural Academy, Kostroma*

Данный доклад представляет собой результат тщательного изучения семейных архивов и воспоминаний, позволяющих увидеть Великую Отечественную войну через судьбы родных. Работа воспитывает патриотизм, сохранив правду о подвиге поколения победителей для будущего.

This report is the result of a thorough study of family archives and personal memories, offering a perspective on the Great Patriotic War through the lives of loved ones. The work fosters patriotism by preserving the truth about the heroism of the victorious generation for future generations.

Ключевые слова: родные, близкие, Великая Отечественная война.

Keywords: relatives, friends, the Great Patriotic War.

Великая Отечественная война затронула судьбу почти каждой семьи в нашей стране. Через судьбы моих предков я прикоснулась к живой истории и смогла оценить значимость подвига каждого солдата и каждого жителя великой страны – Советского Союза. Речь пойдет о жизни прадедов и деда, участвовавших в ключевых сражениях Второй мировой войны, а также о судьбах женщин моей семьи, которые, как и миллионы других, проявили стойкость, выдержку, самоотверженность и силу духа – все лучшие качества, свойственные нашему народу.

Прадед Латыпов Кавей Бактеевич, 1910 г.р.; начал военную службу в 1939 г. Прошёл Финскую войну, затем всю Великую Отечественную в

составе 856 стрелкового полка 283 стрелковой дивизии и завершил боевой путь в воинском звании старшего лейтенанта в сентябре 1945 г. в Японской кампании. Награждён медалями «За взятие Кёнигсберга», «За взятие Берлина» и орденом Красной Звезды.

Моя прабабушка (по материнской линии) Латыпова Магмура Абдулимовна, 1910 г.р., осталась в начале войны в тылу Башкирской АССР с четырьмя маленькими детьми, пока прадед сражался на фронте. На хрупкие плечи прабабушки легла тяжёлая задача – выстоять, вырастить детей, сохранить семью в условиях жесточайших лишений. Её сила, терпение и забота стали той опорой, которая помогла нашей семье пережить самые страшные годы. После возвращения прадеда, еще родилось четверо детей, в том числе и моя бабушка. В 1954 г. моя прабабушка была награждена орденом «Материнская слава» 2 степени.

Прадед Новгородцев Николай Иванович, 1914 г.р.: воевал с 1941 по 1943 гг. После тяжёлого ранения был демобилизован. За мужество награждён орденом Отечественной войны II степени.

Дед Насыбулин Ибрагим, 1923 г.р.; призван в 1943 г. Участвовал в обороне Сталинграда. Награжден медалями «За отвагу» и «За оборону Советского Заполярья».

Насыбулин Ахтан Насыпович – старший брат моего деда, 1910 г.р. С началом войны призван на фронт. Всю войну прослужил шофером в составе 253 отдельного батальона аэродромного обслуживания. За боевые заслуги награжден Орденом Отечественной Войны 2 степени, медалями «За отвагу» и «За оборону Москвы».

Тетушка моей мамы Луферова (Атапина) Зинаида Алексеевна, 1925 г.р., уроженка города Кант Киргизской ССР: в 1943 г. окончила курсы медсестер и была призвана на фронт в 1944 г. Два года служила медсестрой в звании старшего сержанта в составе Третьего Белорусского Фронта. Награждена медалью «За боевые заслуги» в апреле 1945 г.

В работе использованы семейные архивы: фотографии, наградные документы, устные воспоминания моих родственников – папы и мамы, а также данные с сайтов «Память народа» и «Подвиг народа».

Истории жизни моих родных помогают осознать, какой ценой была достигнута Победа. Эти истории не должны быть забыты – они часть общей великой истории нашей страны!

**ПАТНЫЕ ПОДВИГИ МОЕГО ДЕДА
ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА А.Г. ФИЛОНОВА
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 ГГ.
MILITARY EXPLOITS OF MY GRANDFATHER,
HERO OF THE SOVIET UNION A.G. FILONOV
IN THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945**

С.А. Пахомчик

*Тюменский техникум индустрии питания, коммерции и сервиса,
г. Тюмень*

S.A. Pakhomchik

*Tyumen Technical College of Food Industry, Commerce and Service,
Tyumen*

Содержатся сведения о героических подвигах моего родственника – Александра Григорьевича Филонова, Героя Советского Союза. Уйдя на фронт молодым человеком в возрасте 20 лет, он с честью прошел фронтовой путь до Победы 9 мая 1945 г. Трижды был ранен. После войны у него отняли ногу, вследствие одного из фронтовых ранений. Его подвиги, как и подвиги тысяч бойцов Красной Армии, приближали нашу общую победу над фашистскими захватчиками. За свои многочисленные подвиги он в 1945 г. был удостоен высокого звания Герой Советского Союза.

The article contains information about the heroic deeds of my relative – Alexander Grigorievich Filonov, Hero of the Soviet Union. Having gone to the front as a young man at the age of 20, he honorably went through the front line until the Victory on May 9, 1945. He was wounded three times. After the war, his leg was amputated due to one of his front-line wounds. His exploits, like the exploits of thousands of Red Army soldiers, brought our common victory over the fascist invaders closer. For his numerous exploits, he was awarded the high title of Hero of the Soviet Union in 1945.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Филонов А.Г., победа, подвиг, ранения, награды, Герой Советского Союза, сибиряки, память.

Keywords: Great Patriotic War, Filonov A.G., victory, feat, wounds, awards, Hero of the Soviet Union, Siberians, memory.

В Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. многие воинские подразделения, сформированные в Сибири, овеяли себя славой своих подвигов. Сибиряки мужественно сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Они приближали победу Красной Армии над фашистскими захватчиками. Широко известны подвиги сибирских дивизий, сыгравших решающую роль в битве под Москвой, в Сталинградской операции, на Курской дуге и других местах. Широко известны имена героев

сибиряков – Д. Карбышев. Л. Гуртьев, М. Цуканова, и многие другие. В их числе и мой родственник А. Филонов.

У моей бабушки по материнской линии Елизаветы Григорьевны Филиновой (урожденной Филоновой) – участницы трудового фронта и погибшей во время войны был младший брат Александр (1920 г. рождения), который был призван на фронт в 1941 г. после краткосрочной двухгодичной подготовки в Омском пехотном училище в звании лейтенанта. В последствии за ратные подвиги его удостоили звания Героя Советского Союза, и он также был награжден многими боевыми орденами и медалями, в том числе двумя орденами Ленина, Боевого Красного Знамени, Великой Отечественной Войны и др. наградами [1, с. 44-45].

Он уроженец деревни Слободское Омутинского района нынешней Тюменской области. В годы ВОВ эта территория относилась к Омской области. Ему в момент начала ВОВ исполнилось 20 лет. После окончания молочного техникума в г. Ялуторовске он работал в локомотивном депо станции Ишим. Комитетом комсомола был направлен в Омское пехотное, имени М.В. Фрунзе, военное училище, после окончания которого время бросило его в горнило войны [2, с. 120].

На фронте с июля 1941 г. Им совершено немало подвигов. Например, 7 ноября 1941 г. в районе деревни Рябиниха, ныне Торжокского района Тверской области, командир 139-й разведывательной роты 178-стрелковой дивизии Калининского фронта Александр Филонов во главе группы шести автоматчиков поджег дом, где находился штаб батальона противника уничтожив при этом 6-х фашистов. 13 ноября 1941 г в районе деревни Жагреево, ныне Старицкого района Тверской области, находясь в засаде со своей группой уничтожил 11 немецких солдат и 7 повозок со снаряжением врага. 9 января 1942 г. во главе группы из 15-ти автоматчиков захватил деревню Воротово Мошенского района Новгородской области, лично уничтожил 9 солдат противника, захватив при этом 2 автомобиля, 1 мотоцикл, 2 пулемета и 5 автоматов. В декабре 1941 г. получил пулевое ранение в правую ногу.

28 января 1942 г. в Тверской области А. Филонов захватил в плен немецкого обер-ефрейтора, который сообщил ценные сведения о противнике.

6 февраля 1942 г. в районе разъезда Махерово Оленинского района Тверской области во главе группы автоматчиков из девяти человек взорвал железнодорожное полотно в трех местах, в результате задержал движение эшелонов противника на сутки. За вышеперечисленные боевые отличия командованием 178 стрелковой дивизии был представлен к ордену Боевого Красного Знамени, однако командующий 30-й армией генерал-лейтенант

Лелюшенко повысил награду до ордена Ленина, которым А.Г. Филонов был награждён приказом по войскам Калининского фронта № 0267 от 28 июля 1942 г.

В ноябре 1942 г. в районе деревни Погорелое, ныне Фирсовского района Тверской области, А.Г. Филонов получает осколочное ранение в бок.

В 1943 г. он заканчивает трехмесячные курсы комбатов при Военной академии имени М.В. Фрунзе и направляется для прохождения дальнейшей службы на Западный фронт в 139-ю стрелковую дивизию.

С августа по сентябрь 1943 г. он помощник начальника оперативного отдела штаба 139 стрелковой дивизии. А. Филонов находится на НП командира дивизии, обеспечивая оперативную работу, лично участвует в боях на территории ныне Куйбышевского района Калужской области в составе стрелковых подразделений 609-го стрелкового полка при форсировании рек Снопонь и Десна и овладении деревнями Осиновка и Лисеевка.

12 октября 1943 г. Приказом по войскам 10-й № 0549 А.Г. Филонов награждён орденом Отечественной войны второй степени.

24 июня 1944 г. при прорыве обороны противника в районе населённых пунктов Гировцы и Городец, севернее города Чауса Могилевской области 1-й батальон 364-го стрелкового полка 139-й стрелковой дивизии 50-й армии 2-го Белорусского фронта под командованием капитана А. Филонова в наступательных боях продвинулся на 12 километров, уничтожил 120 немецких солдат и офицеров и 10 захватил в плен, захвачено также 11 орудий, 80 автоматов и винтовок, 10 пулемётов. 25–26 июня батальон А.Г. Филонова форсировал реки Бася и Реста, уничтожив при этом 250 вражеских солдат и офицеров и захватив 40 пленных, 105-мм артиллерийскую батарею вместе с её личным составом, 16 орудий разных калибров, 7 автомобилей, 17 пулемётов и много другого военного имущества противника. 27 июня Филонов во главе передовой группы из шести человек под сильным огнём противника преодолел Днепр и закрепился на противоположном берегу, обеспечив тем самым успешное форсирование реки его батальоном. 3 июля 1943 г. командиром 364-го стрелкового полка подполковником Петровым капитан А.Г. Филонов был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза. 24 марта 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм капитану Филонову Александру Григорьевичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

С 11 по 14 августа 1944 г. в боях за город Осовец (Польша) батальон 609-го стрелкового полка 139-й стрелковой дивизии 49-й армии 2-го Белорусского фронта под командованием капитана А. Филонова, преследуя врага, занял ряд деревень – опорных пунктов обороны противника, чем способствовал овладению городом. В этих боях Филонов был ранен, но поля боя не покинул. Командиром 609-го стрелкового полка полковником Гришаевым был представлен к ордену Суворова третьей степени, командир 139-й стрелковой дивизии генерал – майор Кириллов повысил награду до ордена Красного Знамени, которым Филонов был награждён приказом по войскам 49-й армии № 0103 от 19 сентября 1944 г.

С 1947 г. майор Филонов в запасе. В 1955 г. окончил Всесоюзный заочный юридический институт. Жил в г. Сочи Краснодарского края, работал юристом.

Умер 6 сентября в 1995 г., похоронен в Сочи на Центральном Успенском кладбище.

Семейная память родственников героя сохраняется его потомками, которые и по праву гордятся его подвигами, совершенными им в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Список литературы

1. Пахомчик, С.А. Воспоминания о Великой Отечественной Войне (ВОВ) в моей семье / Сборник статей и творческих работ «Тюмень тыловая. Моя семейная память». – Тюмень: ТюмГУ. 2025. С. 44-46.

2. Пахомчик, С.А. Выпускник Омского военного училища имени М.В. Фрунзе Герой Советского Союза Александр Григорьевич Филонов / Сибирь: Вклад в Победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг: материалы 6-й Всероссийской научной конференции (Омск, 15-16 мая 2025 г.) / отв. ред. И.А. Селезнева. – Москва–Омск: Институт Наследия. 2025. С. 120-121.

**ЖИЗНЕННЫЕ ТРАЕКТОРИИ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРВЬЮ С ЖИТЕЛЯМИ КАРЕЛЬСКИХ СЕЛ)
THE LIFE TRAJECTORIES OF WAR CHILDREN
(BASED ON INTERVIEWS WITH RESIDENTS
OF KARELIAN VILLAGES)**

И.С. Петухова

*Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН,
г. Санкт-Петербург*

I.S. Petukhova

*Sociological Institute of the
Russian Academy of Sciences – branch of the
Federal Research Research Center of the Russian Academy
of Sciences, St. Petersburg*

Анализируются жизненные траектории детей войны. Материалами анализа выступают интервью с пожилыми жителями карельских сел. Результаты исследования показывают, что жизненные траектории информантов демонстрируют полноту исторического и социального опыта поколения, включают переходы от активной трудовой и социальной жизни к периоду адаптации к старению с сохранением привязанности к родным местам и устоявшимся ценностям.

The article is devoted to the analysis of life trajectories of children of war. The materials of the analysis are interviews with elderly residents of Karelian villages. The results of the study show that the life trajectories of the informants demonstrate the fullness of the historical and social experience of the generation, including transitions from active labor and social life to the period of adaptation to aging, while maintaining attachment to their native places and established values.

Ключевые слова: жизненные траектории, пожилые, дети войны, жизненный путь.

Keywords: life trajectories, the elderly, children of war, life path.

Понятие детей войны относится к поколению, родившемуся в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы, чье детство пришлось на военный и послевоенный период – сложный этап экономических и социальных испытаний. В социологической литературе это поколение принято называть поколением «бумеров» [1]. Российских бумеров можно считать носителями архетипа «простого советского человека» [2]. Опросы демонстрируют особые ценности, характерные для старшего поколения, такие как крепкая семья, историческая память, преемственность поколений, уважение со стороны окружающих, жизнь по правде, совести и справедливости, уверенность в завтрашнем дне [3; 4].

Не имея однозначных трактовок в социологической литературе, поколение как аналитическая категория может пониматься и трактоваться по-разному, в зависимости от целей исследования [5; 6]. Карл Мангейм, основоположник социологии поколений как отдельного направления, отмечал, что поколению «свойственно общее местоположение в исторической протяженности социального процесса» [7]. Очень важно, что для формирования поколения необходима социальная близость и социальное взаимодействие, что в конечном счете формирует общее чувство идентичности [8]. Развитие идей социального конструктивизма привело к пониманию того, что поколения конструируются в реакциях и ожиданиях, формируемых друг к другу [9]. Таким образом поколенческую идентичность формирует осознание того, чем индивид похож на представителей того или иного поколения или чем он отличается от них.

В своем исследовании мы остановились на анализе того, каким образом сложились жизненные траектории наших информантов – детей войны, и того, как они описывают послевоенное время – время социального и экономического восстановления, которое пришлось на период детства наших информантов. Материалами анализа послужили 8 глубинных полуструктурированных интервью с пожилыми жителями карельских сел (75-86 лет). Интервью с информантами были выстроены в хронологическом и тематическом ключе: от прошлого к настоящему с акцентом на изменениях и адаптации. Все материалы были собраны в 2024-2025 гг. и проанализированы с помощью метода тематического анализа. Небольшое количество информантов объясняется сложностью их рекрутирования, в том числе связанной со страхом перед мошенниками.

Рассказ о себе все наши информанты начали с того, что они относятся к детям войны, выросшим в деревнях и поселках в условиях послевоенного времени, с характерными трудностями, но общим сплочением и коллективизмом. Молодость и активную трудовую деятельность связывают с получением формального образования, работой на заводах и предприятиях, занятием сельским хозяйством. Периоды молодости и ранней взрослости совпадают с началом семейной жизни, появлением детей. Этот же период информанты связывают с развитием сел – наличием производства, открытием школ, строительством больниц. Период зрелости, со слов наших информантов, был связан с активным участием в общественной жизни, работе, культурных мероприятиях, благоустройстве села. Переход к пожилому возрасту сопровождался уменьшением физической нагрузки, связанной с выполнением профессиональных обязанностей, но при этом высокой нагрузкой, связанной с выполнением домашнего хозяйства. Сам этап

старости связан с адаптацией к новым условиям, сохранением традиций и связи с родными местами, рефлексией о прошлом, потребностью в поддержке, переосмыслении приоритетов и ценностей. При этом информанты отдельно отмечают собственную высокую самостоятельность и умение решать многие бытовые вопросы. Интересно, что информанты отмечают некоторую схожесть событий, пришедших как на этапы их детства, так и на этапы их старения. Хотя мы намеренно не спрашивали их о внешнеполитических событиях, они сами приводили примеры и аналогии, высказывали сожаления о том, что их поколение переживает многие события повторно.

Социальные и эмоциональные аспекты жизненного пути наших информантов связаны с тем, что рассказы нередко сопровождаются ностальгией и меланхолией по утраченной молодости, более сплоченному и утраченному прошлому. Информанты глубоко переживают социальные и экономические перемены: закрытие заводов и упадок инфраструктуры, начавшиеся в 90-е и продолжающийся до сих пор, что ведет к чувству изоляции. Нарративы интервью включают сюжеты личной и коллективной памяти, стойкости и переосмысления собственной жизни. Результаты анализа показывают сдвиг в жизни наших информантов от более активного участия в социальной, трудовой и культурной жизни к наблюдательным и пассивным установкам. На протяжении жизни информантов происходит переосмысление духовности, семейных и личных ценностей. При этом все принимают ограничения, связанные с возрастом и здоровьем с определенным сохранением внутренней силы.

Жизненные траектории информантов демонстрируют полноту исторического и социального опыта поколения пожилых селян, для которых важны семья, труд и традиции. Эти траектории включают переходы от активной трудовой и социальной жизни к периоду адаптации к старению с сохранением привязанности к родным местам и устоявшимся ценностям. Результаты анализа демонстрируют влияние социальных, экономических и технологических изменений на личную и социальную жизнь.

Список литературы

1. Strauss, W., Howe, N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069, 1992.
2. Левада, Ю. Координаты человека к итогам изучения "человека советского" // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 1. С. 7-15.
3. Яковлева, М.Н. Динамика ценностных ориентаций современной молодежи // Смыслы жизни российской интеллигенции / РГГУ, Социолог. фак-т, Центр социолог.

исследований. Под общей ред. Ж.Т. Тощенко. Редактор-составитель Д.Т. Цибилова. – М.: РГГУ. 2018. С. 212-219.

4. ВЦИОМ. 2018. Проблемы и трудности: к кому россияне обращаются за поддержкой. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/problemy-i-trudnosti-k-komu-rossiyane-obrashhayutsya-za-podderzhkoj>. (дата обращения: 28.09.2025).

5. Popescu, A. The brief history of generation—defining the concept of generation. An analysis of literature review // Journal of Comparative Research in Anthropology and Sociology. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 15-30.

6. Парфенова, О.А., Петухова, И.С. Зумеры и бумеры: межпоколенная солидарность в современном российском обществе // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2024. Т. 30. № 3. С. 312-339.

7. Мангейм, К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции / Пер. Е.Я. Додиной. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, 2000. С. 1-164.

8. Aboim, S., Vasconcelos, P. From political to social generations: A critical reappraisal of Mannheim's classical approach // European Journal of Social Theory. 2014. Vol. 2. No. 17. P. 165-183.

9. Cugin, J. Are generational differences in work values fact or fiction? Multi-country evidence and implications // The International Journal of Human Resource Management. 2012. No. 23. P. 2268–2294.

ПРОБЛЕМЫ БЛАГОПОЛУЧИЯ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

PROBLEMS OF THE WELFARE OF THE RUSSIAN FAMILY IN THE POST-WAR YEARS THE GREAT PATRIOTIC WAR

Н.В. Тонких, А.В. Вербенская
*Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург*
N.V. Tonkikh, A.V. Verbenskaya
Ural State University of Economics, Yekaterinburg

Анализируются проблемы благополучия семьи в РСФСР после Великой Отечественной войны. На основе исследований (Т.А. Абракова, А. Вишневский, И.А. Усольцев и др.) рассматриваются ключевые социально-демографические последствия: потери населения, гендерный дисбаланс, кризис института семьи. Показано

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00614-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00614/>

влияние государственной политики, демографических сдвигов и новых форм социальной адаптации на послевоенный семейный уклад.

The article analyzes the problems of family well-being in the RSFSR after the Great Patriotic War. Based on research (T.A. Abrakova, A. Vishnevsky, I.A. Usoltsev, and others), the key socio-demographic consequences are considered: population losses, gender imbalance, and the crisis of the family institution. The influence of state policy, demographic shifts, and new forms of social adaptation on the post-war family structure is shown.

Ключевые слова: послевоенный период, демографические последствия, социальные последствия, гендерный дисбаланс, дефицит мужского населения, снижение рождаемости, кризис семьи, региональные исследования.

Keywords: post-war period, demographic consequences, social consequences, gender imbalance, male population deficit, decline in birth rate, family crisis, regional studies.

Великая Отечественная война представляет собой ключевое событие в исторической трансформации советского социума, оказавшее детерминирующее воздействие на демографическую структуру и институт семьи. Несмотря на решающий вклад гражданского населения в достижение победы, военные действия повлекли за собой значительные демографические потери, что привело к фундаментальным изменениям в социальной организации семейных структур. Война вызвала системные демографические изменения, повлиявшие на развитие советского общества на десятилетия. Потери превысили 26 млн. человек, что привело к: 1) массовому вдовству и росту неполных семей; 2) увеличению сиротства; 3) критическому дисбалансу половозрастной структуры населения, особенно среди мужчин трудоспособного возраста, что демонстрирует сравнение данных предвоенной и послевоенной структуры населения РСФСР [1]. Анализ данных возрастно-половых пирамид наглядно отражает масштабы «провала» в мужских когортах 17-50 лет, соотношение полов 1:2-1:3 и выше в репродуктивных возрастах [2; 3], подобные последствия, с точки зрения демографии, подробно описаны в работе А. Вишневого [4].

Военные потери привели к массовой феминизации домохозяйств, когда женщины были вынуждены самостоятельно воспитывать детей в условиях отсутствия мужского населения. Значительное число детей, лишившихся обоих родителей, попало в государственные детские учреждения или находилось на иждивении родственников. Повсеместная разруха, разрушенные города и села, нехватка жилья, продовольствия и одежды стали нормой для послевоенного общества [5]. Люди жили в тяжелых условиях, часто в полуразрушенных домах, страдали от голода и нехватки самых необходимых товаров. Продовольственные карточки сохранялись ещё несколько лет после войны, а многие семьи испытывали

хроническое недоедание – эти и подобные факты отразились в памяти современников [5; 7].

Среди наиболее серьезных социальных последствий демографического дисбаланса можно выявить:

1) Кризис института семьи:

- массовая неполнота семей, вдовство [2; 8];
- падение брачности, рост внебрачных рождений [8];
- «Девушки 40-х»: трагедия поколения женщин, оставшихся без мужей и шансов создать семью [9];

2) Так называемая «катастрофа детства»:

- резкий рост беспризорности и сиротства [8; 10];
- истощение, болезни, повышенная смертность детей [11];
- проблемы социального сиротства (дети при живых, но неспособных их содержать родителях), на чем прямо фокусируются в своих исследованиях Е.Д. Гордина [10] и И.А. Усольцев [8] в контексте детской беспризорности и сиротства в 1940-1950-е годы;

3) Женское бремя. Колоссальная нагрузка на женщин как единственных кормильцев и воспитателей детей в условиях разрухи [9; 12; 13].

Государство и общество столкнулись с масштабными вызовами, потребовавшими разработки стратегий адаптации, стабилизации и последующего социально-экономического восстановления. Среди государственных мер поддержки тех времен можно выделить пенсии, льготы семьям погибших военнослужащих [13; 14]. Для борьбы с беспризорностью функционировали детдома, трудовые колонии [10]; кроме этого, Р.Н. Сулейманова на примере Башкирии показывает опыт по снижению детской смертности, поддержки рождаемости, где предпринятые меры (государственная поддержка системы ОМиД) способствовали снижению детской смертности в послевоенной Башкирии, несмотря на огромные объективные трудности (разруха, нехватка кадров, продовольственный кризис).

Несмотря на значительный вклад современных исследователей в понимание послевоенной демографической катастрофы и ее социальных последствий в РСФСР, ряд перспективных направлений требует дальнейшей разработки. Во-первых, углубленное региональное и локальное измерение (на примере отдельных населенных пунктов и областей) позволит выявить вариативность опыта преодоления послевоенного демографического кризиса в зависимости от степени разрушений, этнокультурного контекста и политики местных властей, выходя за рамки общереспубликанской статистики. Во-

вторых, активный сбор и анализ устных историй, личных архивов и источников позволяет реконструировать стратегии выживания, практики повседневности и долгосрочное влияние травмы на индивидуальные и семейные биографии. В-третьих, необходим комплексный анализ долгосрочных последствий “демографического эха” войны: как малолюдные когорты 1940-х гг. и сохраняющийся гендерный дисбаланс влияли на социально-экономическое развитие, миграцию, семейную структуру и систему соцобеспечения в последующие десятилетия (1950-е-1970-е гг.). Наконец, междисциплинарные подходы, объединяющие демографический анализ [1], социальную историю позволят создать более целостную картину адаптации общества к масштабным и структурно сложным вызовам послевоенного времени.

Список литературы

1. Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник «Цифры Победы»: Стат. сб. / Росстат. – М., 2025.
2. Хасянов, О.Р. Социально-демографическая характеристика Ульяновской области во второй половине 1940-х годов: постановка проблемы в отечественной исторической науке // Научный диалог. 2019. №. 2. С. 338-349.
3. Гончаров, Г.А. Влияние Великой Отечественной войны 1941-1945 годов на демографические процессы (на материалах Кировской области) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2017. №. 1 (54). С. 44-54.
4. Вишневский, А. Демографические последствия Великой отечественной войны // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. №. 2. С. 6-42.
5. Великая Отечественная война в истории моей семьи: сборник эссе / сост. А.В. Андреев, Е.Г. Булдакова. – Ухта, 2020. 194 с.
6. Моя семья в годы Великой Отечественной войны: исследовательский проект. URL: https://pobeda.vif2.ru/upload/files/article_6743.pdf (дата обращения: 18.06.2025).
7. Рейхман, Г.К. «И рассказал сыну своему...». Опыт пережитого в годы Великой отечественной войны // Наука. Общество. Оборона. 2017. №. 1 (10). С. 3.
8. Усольцев, И.А. проблема материнства и сиротства в 40–50-е года XX века // Теория и практика современной науки. 2017. №. 1 (19). С. 948-950.
9. Никонова, С.И. «Идут по войне девчата, похожие на парней...» (по воспоминаниям женщин-ветеранов Великой Отечественной войны) // Гасырлар авазы-Эхо веков. 2020. №. 1. С. 6-16.
10. Гордина, Е.Д. Проблема детской беспризорности и методы ее решения в первый послевоенный год (на материалах Горьковской области) // 70-летие победы в Великой Отечественной войне: современное осмысление. 2015. С. 22-24.
11. Suleimanova, R.N. Охрана здоровья женщины-матери и ребенка в послевоенной Башкирии // Женщина в российском обществе. 2025. №. 1. С. 112-119.
12. Абракова, Т.А., Шляхов, М.Ю. Человек в контексте послевоенной повседневности: 1945-1948 годы (по материалам города Горького) // Современная научная мысль. 2021. №. 4. С. 121-129.

13. Volkova, E.J. Решение повседневных проблем женщин в годы Великой Отечественной войны // Женщина в российском обществе. 2008. №. 3. С. 72-81.

14. Липатов, А.В., Меркурьева, В.С., Такташева, Ф.А. Государственная и общественная поддержка семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны: на материалах Сталинградской области // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. №. 2 (115). С. 192-198.

**50 ЛЕТ БОЕВОГО И ТРУДОВОГО ПУТИ:
СЕМЬЯ ЧЕКАЛОВЫХ В ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ
И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**
**50 YEARS OF MILITARY AND LABOR PATH:
THE CHEKALOV FAMILY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR
AND THE POST-WAR YEARS**

П.Р. Чекалова

*Костромская государственная сельскохозяйственная академия,
г. Кострома*

P.R. Chekalova

Kostroma State Agricultural Academy, Kostroma

Говорится о боевом и жизненном пути предков автора, об их боевых и трудовых заслугах, вводятся в научный оборот фотоматериалы из личного архива.

The article talks about the combat and life path of the author's ancestors, about their military and labor achievements, and introduces photographic materials from the personal archive into scientific circulation.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 18-ая стрелковая дивизия, остров Борнхольм, Костромская область.

Keywords: Great Patriotic War, 18th Infantry Division, Bornholm Island, Kostroma region.

Великая Отечественная война затронула все семьи Советского Союза. Мои предки, как и у подавляющего большинства других граждан нашей страны, воевали на фронте, приближали победу в тылу. Я хочу рассказать о своих прабабушке и прадедушке, их боевом пути и судьбе после войны.

Моя прабабушка Смирнова Екатерина Николаевна родилась в 1923 г. в селе Печенкино Ивановского района Горьковской области, теперь – Костромской области. Перед войной закончила Ветлужскую фельдшерско-акушерскую школу. В феврале 1942 г. была призвана в действующую армию

как медработник (специальность – фельдшер). Попала в 18 стрелковую дивизию, в будущем Мгинскую Краснознаменную Орденов Суворова и Кутузова, 419 стрелковый полк. Вместе с дивизией прошла все этапы её боевого пути, так как, к счастью, не имела серьёзных ранений. Участвовала в сражении на Дону в июле-августе 1942 г., после реформирования в декабре 1942 г. дивизия отправилась на Волховский фронт, успев, таким образом, к началу операции «Искра» по прорыву блокады Ленинграда. Здесь дивизия участвовала в ожесточенных боях за Рабочий посёлок №5, в которых решался вопрос успеха операции. Потери дивизии в ходе прорыва блокады были очень велики и составили 1455 убитыми и 2306 ранеными [1]. Моя прабабушка круглосуточно оказывала помощь раненым, выносила их с поля боя, делала перевязки и операции. Успешный прорыв блокады стал возможен благодаря отваге и общей работе всех, кто участвовал в сражении, в том числе и благодаря труду моей прабабушки.

В течение весны-лета 1943 г. дивизия участвовала в кровопролитных сражениях под Синявино и Мгой, в которых Екатерина Николаевна тоже принимала непосредственное участие. После была Свирско-Петрозаводская наступательная операция и бои за освобождение Карелии. В 1945 г. дивизия участвовала в Восточно-Померанской наступательной операции, после войны до июня 1946 г. дислоцировалась в Дании, на острове Борнхольм [2]. За героизм Екатерина Николаевна была награждена 2 орденами Красной звезды, орденом Отечественной войны 2-ой степени и многими другими наградами [3].

Мой прадед Чекалов Сергей Васильевич родился в 1922 г. в д. Семениха Шарьинского района Горьковской области, теперь – Костромской области. По гражданской специальности был механиком лесной промышленности. В 1940 г. был призван для прохождения срочной военной службы и попал в 147 истребительный авиационный полк, в 1941 г. в 507 – стрелковый полк, а в 1942 г. – в 11 отдельный гвардейский танковый полк прорыва, в составе которого мой прадед участвовал в Невельской наступательной операции, после чего полк был реформирован [4].

С августа 1942 г. Сергей Васильевич воевал в составе 70 танковой Рижской бригады ордена Суворова и в декабре 1943 г. был тяжело ранен в правую руку.

После выздоровления с апреля по ноябрь 1944 г. воевал в составе 159 танковой бригады, участвовал в Белорусской, Прибалтийской и Полоцкой наступательных операциях, в Витебско-Оршанской и Мемельской операциях.

Сергею Васильевичу довелось пройти через многое на войне. Несколько раз его танк охватывало пламя, однажды он едва не попал в плен,

но благодаря удаче и помощи сослуживцев смог спастись. За героизм он был награжден орденом Красной Звезды и множеством медалей.

Несмотря на то, что до войны мои прабабушка и прадедушка жили неподалеку, друг друга они не знали. Во время войны, однако, судьба несколько раз сводила их вместе. Познакомились под Сталинградом, разговаривались и выяснив, что земляки. Снова встретились во время прорыва блокады Ленинграда совсем ненадолго, даже поговорить не успели. Третий раз судьба дала возможность повидаться уже на острове Борнхольм, сразу после войны, где прабабушка и прадедушка уже получше узнали друг друга. После войны Екатерина Николаевна и Сергей Васильевич вернулись в родные села, а встретились уже через год в деревне Пустошка, куда прабабушка и прадедушка были направлены работать по специальности, и поженились. А в 1951 г. семья Чекаловых переехала в Шарью, где Екатерина Николаевна работала в Шарьинской ЦРБ, а Сергей Николаевич – начальником леспромхоза. Воспитали 3 детей.

У меня есть все основания гордиться своими предками. Их судьба, с одной стороны, типична для миллионов советских людей, которые вынесли на своих плечах войну, а затем, не менее героически, восстанавливали разрушенную страну. Но в их истории есть и своя уникальность: их долгая совместная жизнь началась на войне, и вопреки всем ужасам, она не сломила их, а, наоборот, сформировала из них сильных духом людей, принесших огромную пользу своей Родине в мирное время.

Список литературы

1. Сайт, посвященный соединениям РККА в годы Великой Отечественной войны. URL: <https://www.rkkawwii.ru/division/18sdf3> (дата обращения 30.08.2025).
2. Там же.
3. Семейный архив автора.
4. Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/warunit/id9739/?ysclid=mf0wao972z490667869> (дата обращения 31.08.2025).

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНЫ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ
И ЗА РУБЕЖОМ**

ДОКЛАДЫ

**ЗНАНИЕВАЯ ОСНОВА ПОДДЕРЖАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
(НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ ВСЕРОССИЙСКОГО ОПРОСА
СТУДЕНТОВ 2025 Г.)**
**KNOWLEDGE BASIS FOR MAINTAINING HISTORICAL MEMORY
(BASED ON THE RESULTS OF THE ALL-RUSSIAN
STUDENT SURVEY IN 2025)**

И.С. Карпикова, А.А. Соломеин, В.Д. Торопов
Байкальский государственный университет, г. Иркутск
I.S. Karpikova, A.A. Solomein, V.D. Toropov
Baikal State University, Irkutsk

Определена роль исторического знания в процессе формирования и сохранения исторической памяти. На основе данных онлайн опроса студентов выделены особенности, характеризующие процесс формирования исторической памяти у молодежи о Великой Отечественной войне. Сделан вывод о необходимости и своевременности предпринимаемых государством усилий в сфере исторического образования, опирающихся на интерес и уважение учащейся молодежи к историческому прошлому нашей страны.

The article defines the role of historical knowledge in the process of forming and preserving historical memory. Based on the data from an online survey of students, the article highlights the features that characterize the process of forming historical memory about the Great Patriotic War among young people. The article concludes that it is necessary and timely for the government to take measures in the field of historical education, based on the interest and respect of young people for the historical past of their country.

Ключевые слова: историческая память, Великая Отечественная война, фальсификация истории, знание истории, студенческая молодежь.

Key words: historical memory, the Great Patriotic War, falsification of history, knowledge of history, student youth.

Невозможно забыть то, чего не знаешь – эта азбучная истина в полной мере отражает роль знания истории в процессе формирования и сохранения исторической памяти. В свою очередь, значимость исторической памяти для общества в качестве одной из нормативно-ценностных основ его функционирования предопределяет ряд требований к историческому знанию, в числе которых его объективность и правдивость. Особую важность данные требования приобретают в ситуации формирования и поддержания исторической памяти относительно масштабных событий, оказавших значительное влияние на траекторию развития государств, личный опыт множества людей. К числу таких исторических событий для нашей страны, несомненно, относится Великая Отечественная война.

Тема сохранения исторической памяти об этом событии актуализировалась в последнее время не только в связи с широко отмечаемым 80-летним юбилеем победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Попытки принизить роль и значимость в послевоенном мироустройстве победы, одержанной нашей страной, предпринимались неоднократно уже с момента окончания Второй мировой войны, но в последние десятилетия процесс фальсификации военной истории недружественными государствами принял лавинообразный характер [1; 2]. Основным объектом, на который направлены усилия разрушителей исторической правды, является молодежь, которая наиболее восприимчива к информации подобного рода, а в условиях нарушения нормального функционирования механизмов исторической преемственности и передачи социального опыта усвоение молодыми людьми недостоверных исторических знаний приводит к серьезным деформациям общественного сознания [3; 4].

В свете рассматриваемой темы значимости исторических знаний в формировании исторической памяти проанализируем некоторые данные онлайн исследования, организованного и проведенного весной 2025 г. рабочей группой социологов из ННГУ, ФНИСЦ РАН и УРФУ, предметом которого стали вопросы исторической памяти студентов о Великой Отечественной войне. В анкетировании приняли участие более 10 тыс. студентов из всех федеральных округов России. В данной работе представлены результаты авторского анализа ответов студентов Байкальского государственного университета (г. Иркутск). Количество участников опроса в вузе составило 215 чел., обучающихся на всех курсах, но более половины респондентов (55,6%) – студенты первого курса. Количественное преобладание первокурсников среди опрошенных обосновано организационными особенностями формирования исторических знаний в

системе российского образования, основная часть которых дается в старших классах школы и на первом курсе вуза.

Обзор и систематизация ответов участников онлайн исследования позволили выделить ряд особенностей, характеризующих процесс формирования исторической памяти.

1. *Интерес студенческой молодежи к событиям Великой Отечественной войны.* Подавляющее большинство респондентов (78,6%) отметили, что тема Великой Отечественной войны для них «интересна» либо «очень интересна», тогда как вовсе не интересуются данным периодом истории нашей страны всего 2,3% из числа опрошенных студентов. Отвечая на вопрос «Как часто, общаясь с друзьями, сверстниками, родственниками Вы обсуждаете события Великой Отечественной войны?», лишь 14% респондентов вообще в разговорах не касаются этой темы, остальные же участники опроса указали на то, что они время от времени либо даже часто включаются в обсуждение истории Великой Отечественной войны.

2. *Поверхностный характер знаний истории Великой Отечественной войны.* Значительное количество вопросов об исторических фактах, заданных в ходе опроса, позволило увидеть отсутствие у большинства студентов глубоких исторических знаний. В ответах на вопросы прослеживалась следующая закономерность: большей частью правильные ответы давались в случае общеизвестных или медийно «раскрученных» фактов. Например, на вопрос о продолжительности блокады Ленинграда правильный ответ дали 70% опрошенных, а на вопрос об операции «Багратион» – более половины. В то же время ответы студентов показали, что самые значительные пробелы в знаниях касаются конкретных исторических личностей, внесших значительный вклад в победу. Отметим, что и сами опрошенные критически оценивают уровень собственных исторических познаний – всего 23,3% оценили свои знания о Великой Отечественной войне как достаточные, тогда как остальные в той или иной степени обозначили их недостаток и желание восполнить.

3. *Отсутствие четко выраженной личной позиции относительно дискуссионных и неочевидных фактов из истории Великой Отечественной войны.* Наличие в структуре онлайн опросника вопросов, требующих выражения личностно окрашенной позиции по отношению к тем или иным историческим фактам, показало как высокую долю затруднившихся с ответом, так и расхождения высказываемых студентами позиций с классической советской историографией событий Великой Отечественной войны. Подобные разночтения наблюдаются, например, в ответах на вопросы, связанные с оккупацией ряда территорий и процессами декоммунизации. В

данной ситуации мы имеем дело со следствием как недостатка у студентов исторических знаний, так и их фальсифицированного изложения.

Таким образом, мы наблюдаем, что недостаток достоверных и объективных знаний становится одной из важнейших причин деформаций исторической памяти о Великой Отечественной войне, что в полной мере осознается государством, предпринимающим в последнее время значительные усилия в области исторического образования. Увеличивается количество часов для изучения истории на всех уровнях образования, расширяется спектр дисциплин со значимой долей исторического компонента (например, «Основы российской государственности»), разрабатывается единая линейка учебников по истории. При этом, как свидетельствуют данные опроса, проводимая работа фундаментально опирается на существующий интерес учащихся к истории Великой Отечественной войны, на проявляемое ими уважение к подвигу предков, одним из подтверждений которого является отношение студенческой молодежи ко Дню Победы. Лишь 6,5% участников опроса считают, что для них и их семей этот праздник является обычным выходным днем, а для остальных он продолжает быть днем памяти о прошедших войну родных, «праздником со слезами на глазах» и поводом для гордости за свою страну.

Список литературы

1. Шерпаев, В.И. К вопросу научного противодействия фальсификации исторической памяти / В.И. Шерпаев, Е.С. Уматова // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2022. № 4. С. 68-74.
2. Вершилов, С.А. Историческая память о войне: особенности и проблемы сохранения / Военно-исторический журнал. 2021. № 5. С. 35-38.
3. Стрелецкий, Я.И. «Было такое поколение, которое не создало коллективной памяти». Искажение правды о Великой Отечественной войне / Военно-исторический журнал. 2015. № 6. С. 3–6.
4. Широкалова, Г.С. Историческая память о Великой Отечественной войне: причины плюрализма / Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 19-35.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ THE GREAT PATRIOTIC WAR AND THE SECOND WORLD WAR IN THE EDUCATIONAL SPACE OF RUSSIA

Г.Ю. Колева

Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

G.Yu. Koleva

Tyumen Industrial University, Tyumen

Автор отталкивается от политизации истории и её использования в информационном противостоянии с западным миром. Считает сердцевиной политической истории историю Второй мировой войны. Анализирует новые содержательные подходы к изучению Великой Отечественной и Второй мировой войн в системе высшего образования неисторических специальностей, исходящие из рекомендаций Концепции преподавания истории России (2023 г.) и нового учебника «Истории России» (2024 г.). Делает вывод, что новации, являясь несколько запоздалыми, могут быть значимыми в развитии исторического самосознания.

The author starts from the politicization of history and its use in the information confrontation with the Western world. Considers the history of World War II to be the core of political history. Analyzes new substantive approaches to the study of the Great Patriotic War and World War II in the system of higher education of non-historical specialties, based on the recommendations of the Concept of Teaching the History of Russia (2023) and the new textbook "History of Russia" (2024). Concludes that the innovations, although somewhat belated, have become significant in historical self-awareness.

Ключевые слова: история, образование, Концепция, учебник, новые подходы.

Keywords: history, education, concept, textbook, new approaches.

Проблема Второй мировой войны, занимая одно из центральных мест в историческом процессе XX в., в рамках развернувшегося в Европе после распада СССР формирования «истории памяти» с идеями проработки прошлого «для успешного развития европейского общества и его консолидации», стала основой идеологического и информационного противостояния нашей страны и западного мира. Начав с покаяния за Холокост, история памяти двинулась к уравниванию его с репрессиями в СССР, а коммунистических практик – с нацизмом. Усиливалось стремление пересмотра исторического прошлого. Нарративы о Второй мировой войне сопровождались отрицанием решающего вклада СССР в победу в войне, превращали историю памяти в политический процесс, в использование прошлого в политических целях [1], привели к борьбе с памятниками героям войны. Ответные шаги на эти выпады более заметно Россия стала

предпринимать с 2009 г., когда была создана Комиссия при Президенте РФ по противодействию фальсификации истории, просуществовавшая до 2016 г. В 2012 г. были созданы Российское историческое и Российское военно-историческое общества, что также отражало курс на усиление внимания к историческому знанию населения страны. Однако, поступавшие в вузы все менее обладали способностью назвать даже общие даты Второй мировой, Великой Отечественной, путались в том, с какой страной воевала Россия (СССР), не могли назвать ключевые сражения Великой Отечественной, 2 сентября 1945 г. связывали с победой США во Второй мировой войне после бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. При этом в преподавании истории в системе высшего образования распространялись массовые онлайн-курсы с ограничением форм контактной работы «преподаватель-студент», исключением преподавателя из контроля за знаниями студентов, передачей права на выставление оценки в зачетную книжку методистам «территориальных отделов». Появились «индивидуальные образовательные траектории», с сокращением курса истории России на 30%, передаваемых на авторские курсы преподавателей истории, включаемые в курс истории России, практически никем не проверяемые ни по проблематике, ни по содержанию. Все это отражало полное пренебрежение к историческому знанию и его составляющим.

Наконец-то в 2023 г. Минобрнауки РФ порадовал Концепцией преподавания истории, в 2024 г. – учебником для вузов по истории России. Изучение Второй мировой войны, в соответствии с новым учебником и Концепцией преподавания истории для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования от 20 февраля 2023 г. [2], доведенной до вузов, отразило значительное внимание ко Второй мировой войне и её «ключевой составляющей» – Великой Отечественной войне. Обращали внимание следующие акценты: 1. Вторая мировая война – результат «незавершенной Первой мировой войны и неудовлетворенности ее результатами со стороны ряда государств»; 2. «Фактическое начало Второй мировой войны» связывалось с 7 июля 1937 г., с массированным вторжением японских войск на территорию Китая», а 1 сентября 1939 г. определялось «окончательным приобретением мирового характера войной» [2, с. 80-81], при этом на странице 82 с. Концепции рамки Второй мировой войны давались в традиционных пределах – 1 сентября 1939 г. – 2 сентября 1945 г.; 3. Указывалось «на несостоятельность обвинений СССР в разделении ответственности с Германией за развязывание войны», подчеркивалась необходимость видеть «принципиальные различия между стратегией СССР и

стратегией Гитлеровского Рейха». Новыми блоками, рекомендованными для изучения стали: «Нацистский оккупационный режим и политика и практика геноцида советского народа нацистами и их пособниками», «Генеральный план «Ост» и замыслы гитлеровского руководства относительно населения СССР»; «Попытки украинских националистов наладить сотрудничество с гитлеровской администрацией» [2, с. 83]; «Сотрудничество с гитлеровцами различных коллаборантов», указание на «национальные формирования ОУН – УПА» [2, с. 85], что отсутствовало в учебном материале в предшествующий период. Концепция нацеливала на изучение как фактов фальсификации истории, связанных «с освободительной миссией Красной армии в Европе», так и проблем Второго фронта, сути Ленд-лиза и его значения, операции Андертоун, действий иностранных формирований в составе советских войск, взаимодействия Красной армии с болгарскими, румынскими, югославскими войсками в борьбе с гитлеровцами, взаимоотношениями с армиями Крайова, Людова [2, с. 86]. Окончание Второй мировой, не очень внятно даваемое в учебниках предыдущего периода, теперь включило события советско-японской войны августа-сентября 1945 г., американские бомбардировки городов Японии, факт капитуляции Японии. Были обозначены для изучения решения Тегеранской, Ялтинской, Потсдамской конференций, судебные процессы над главными военными преступниками – Нюрнбергский, Токийский, Хабаровский, итоги Великой Отечественной и Второй мировой войн, вклад СССР в победу антигитлеровской коалиции, потери в войне, изменения политической карты Европы.

В новом учебнике «История России» под ред. директора Института российской истории РАН Ю.А. Петрова [3] проблемы внешней политики 1920-1930-х гг., Второй Мировой, Великой Отечественной войн отражены в главах 15, 16, §§79-85, написанных М.Ю. Мухиным, и содержали современные оценки событий в лаконичной и сдержанной форме. Относительно одного из сложных событий – Договоре о ненападении 1939 г. между СССР и Германией подчеркивается, что СССР «не совершил ничего, чего не сделали бы другие европейские страны» [3, с. 339]. Расширение территории СССР в 1939-1941 гг. оценивается с точки зрения значимости подготовки к войне. В рамках рассмотрения Великой Отечественной войны появился параграф «Оккупационный режим» [3, с. 349-351], раскрывающий действия гитлеровцев на завоеванных территориях в соответствии с планами Германии по освоению «жизненного пространства на Востоке», дается отсылка к Федеральному проекту «Без срока давности», указывается на выявленные факты геноцида мирного населения, уничтожения военнопленных, рассмотрение уже в современных условиях уголовных дел в

ряде субъектов РФ по установленным фактам нацистских преступлений. Изложена суть политики и практики Холокоста, участия в казнях мирного населения украинских и прибалтийских коллаборационистов в рамках геноцида населения на территории СССР, разъясняются такие понятия, как «бандеровцы», «ОУН», указывается на связь бандероцев и оуновцев с нацистами, показана суть действий сил вермахта на восточных территориях СССР. Действия Красной Армии по освобождению стран Европы учитывают присоединение к нашей армии сил Румынии, Болгарии, Югославии, раскрывается суть операции «Оверлорд», дано основное содержание Тегеранской, Ялтинской, Потсдамской конференций по выработке мер денационализации и демилитаризации Германии, отражена практика наказаний военных преступников, показаны действия Красной армии в советской-японской войне, роль СССР в завершении Второй мировой войны [3, с. 362]. Подчеркивается «решающая роль СССР во Второй мировой войне», доказательство этого дается в очень лаконичной форме, но очень убедительно: 1. В 1941 г. против СССР гитлеровцы направили 95% своих сухопутных сил, в 1944 г. против СССР действовали 74% сил Германии; 2. На советско-германском фронте были «перемолоты» 607 дивизий вермахта на других фронтах – 174 дивизии [3, с. 363]. Не менее важным является еще один факт, что кроме Германии, против нашей страны действовали силы Венгрии, Румынии, Финляндии, марионеточного правительства Словакии, добровольческих соединений Бельгии, Дании, Испании, Нидерландов, Норвегии, Франции, Хорватии, Швеции.

Эти явления, ранее замалчиваемые в изучении Второй мировой войны, могут иметь очень значимое место в осознании обучающимися всей сложности положения нашего народа в Великой Отечественной и Второй мировой войнах. При этом преподавателю необходима очень большая работа над самообразованием по этим проблемам для убедительного и аргументированного объяснения причин Второй мировой войны в контексте положений о «незавершенности Первой мировой войны, неудовлетворенности ее результатами со стороны ряда государств», так и углубления понимания сути и последствий для СССР исхода Второй мировой войны, как и того, что события Второй мировой войны не потеряли своей остроты и актуальности, теснейшим образом переплетаются с современностью [4].

Список литературы

1. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. – СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб., 2020. 632 с.

2. Концепция преподавания истории для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях Высшего образования. URL: <https://mail.google.com/mail/u/0/?tab=rm&ogbl#inbox/FMfcgzGrcjTftNwGvxgmjJchLTzzfqV?projector=1&messagePartId=0.1> (дата обращения: 05.05.2025).

3. История России: учебник для вузов / Под ред. Ю.А. Петрова. – М.: Наука, 2024. 521 с.

4. Широкопад, А.Б. Кто победил во Второй мировой войне? Факты против пропаганды – Москва: Вече, 2025. 416 с. Гл. 1, 2, 5, 8, 10.

**СОВРЕМЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ
В КАДЕТСКОМ КЛАССЕ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНИНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
MODERN VALUES OF EDUCATION IN THE CADET CLASS
AS THE BASIS FOR THE FORMATION OF A CITIZEN
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

С.В. Фролова

Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва

S.V. Frolova

Moscow University named after S.Yu. Witte, Moscow

Анализируются процессы реформирования системы образования, связанные с реализацией Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина Российской Федерации. Рассмотрены особенности организации учебно-воспитательного процесса в кадетских классах. Анализ проведенного исследования среди кадет позволил ответить на вопросы о понимании патриотизма и сформированности гражданско-патриотических чувств обучающихся кадетских классов.

This article analyzes the reform processes in the education system related to the implementation of the Concept of Spiritual and Moral Development and Education of the Individual Citizen of the Russian Federation. It examines the organization of the educational process in cadet classes. An analysis of the conducted research among cadets allowed us to answer questions about the understanding of patriotism and the development of civic and patriotic feelings among students in cadet classes.

Ключевые слова: ценности воспитания, формирование гражданина, кадетский класс.

Keywords: educational values, development of citizenship, cadet class.

Первостепенной задачей современной системы образования в РФ является духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся. Именно образованию отводится ключевая роль в духовно-нравственной

консолидации современного российского общества, которое способно ставить перед собой и решать столь глобальные задачи, только если есть четкая система нравственных ориентиров, ценностей. Эти ориентиры могут быть там, где сохраняется уважение к родному языку, самобытной культуре, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории.

Методологической основой ФГОС ОО является Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина РФ [1]. В данном документе прописано, что национальным приоритетом, важнейшей национальной задачей является преумножение многонационального народа Российской Федерации в численности, повышение качества его жизни, труда и творчества, укрепление духовности и нравственности, гражданской солидарности и государственности, развитие национальной культуры... «Также представлен современный национальный воспитательный идеал, под которым понимается «высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укорененный в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации» [1, с.11].

В Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина РФ формирование гражданственности, нравственности, уважения к правам и свободе человека, любви к Родине признается одним из приоритетных направлений государственной политики в области образования [2]. Нарастающие по масштабам и расширяющиеся по формам экстремистские проявления в молодежной среде требуют постоянного совершенствования технологии историко-патриотического просвещения. Многие ученые, общественные деятели отмечают, что возрождение России возможно только на основе преодоления старых способов мышления и действия, на базе новой методологии и иного мировоззрения [2; 3]. Ключевую роль в процессе патриотического воспитания играет модернизация историко-патриотического просвещения.

Одним из приоритетных и эффективных путей формирования гражданской позиции современного молодого поколения является обучение в кадетском классе. По наблюдениям педагогов, попадая в кадетский класс, дети меняются: «Форма обязывает, звание кадета обязывает», причем это дисциплинирует не только самих cadетов, но и других детей в школе [4]. Чтобы стать кадетом, ребенок должен быть здоров и неплохо учиться – нагрузки в классах огромные, и физические, и образовательные. Обязательной для обучающихся кадетских классов является ношение военной формы. Но самое главное – это патриотическое воспитание, формирование

четкой и ясной гражданской позиции, соответствующей современному воспитательному идеалу, прописанному в нормативно-правовых документах РФ.

В рамках исследования был проведен анализ степени информированности и готовности к участию обучающихся кадетских классов в гражданско-патриотических мероприятиях, профилактических мероприятиях по противодействию молодежному экстремизму, изучены ожидания молодых людей от службы в армии.

Ключевой вопрос исследования: «В чем должен выражаться патриотизм?» – показал, что патриотизм в понимании всех опрошенных респондентов – это, во-первых, «забота о благополучии страны, добросовестное выполнение своего долга» (59,2%); «желание и умение трудиться на благо Отечества» (30,0%) и «готовность защищать Родину с оружием в руках» (23,9%). Второе место разделяют, с небольшими различиями: «служба в Вооруженных Силах» (16,2%); «любовь к народу, людям» (17,8%).

Кадеты выражают желание служить в Вооруженных Силах после обучения в образовательной организации (58%). Мотивом службы является «воинский долг», «карьерный рост в силовых структурах», «освоение дополнительных военных специальностей».

На современном этапе социальная ответственность образовательных организаций заключается в том, чтобы обеспечить адекватное понимание, признание и поддержку современным поколением движения России к новому, прогрессивному облику.

Список литературы

1. Данилюк, А.Я., Кондаков, А.М., Тишков, В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2009.
2. Вырщиков, А.Н., Кусмарцев, М.Б. Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе. Волгоград, 2006.
3. Мерзлякова, Г.В., Даньшина, С.А. Формирование гражданственности и патриотизма (из опыта работы в Удмуртской Республике). Ижевск, 2009.
4. Юдин, В.В. Кадетское образование: понятие, содержание, значение / Вестник ОГУ. 2011. №11 (130). С. 247-254.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ **THE GREAT PATRIOTIC WAR AND THE SECOND WORLD WAR IN THE EDUCATIONAL SPACE OF RUSSIA**

А.Ф. Гарифуллина, Е.Н. Крайнова
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа
A.F. Garifullina, E.N. Krainova
Ufa University of Science and Technology, Ufa

Анализируется репрезентация Великой Отечественной и Второй мировой войн в российском образовательном пространстве. Рассматриваются эволюция подходов, современные практики преподавания, противоречия и перспективы развития исторического образования в контексте государственной политики памяти. Выявлены противоречия между патриотической направленностью учебных нарративов и задачами формирования критического мышления. Сделан вывод о необходимости сбалансированного подхода к преподаванию исторически значимых тем.

The article analyzes the representation of the Great Patriotic War and World War II in the educational space of modern Russia. It examines the evolution of approaches, current teaching practices, contradictions, and prospects for the development of history education in the context of state memory policy. The study identifies tensions between the patriotic orientation of educational narratives and the goals of fostering critical thinking. It concludes that a balanced approach to teaching historically significant topics is essential.

Ключевые слова: историческая память, образование, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, учебники, патриотизм, нарратив, критическое мышление.

Keywords: historical memory, education, Great Patriotic War, World War II, textbooks, patriotism, narrative, critical thinking.

Тематизация Великой Отечественной и Второй мировой войн в образовательном пространстве современной России представляет собой многогранный феномен, находящийся на пересечении исторической памяти, государственной идеологии, образовательной политики и культурной идентичности. На протяжении десятилетий память о Великой Отечественной войне занимала центральное место в советской и постсоветской системе образования, становясь не только объектом исторического изучения, но и инструментом формирования патриотического сознания. Однако с течением времени, в условиях глобализации, цифровизации знаний и активизации политико-исторических споров на международной арене, встаёт вопрос о том, каким образом сегодня интерпретируются эти войны в школьной и вузовской

образовательной среде, какие нарративы преобладают и какие ценностные ориентиры они транслируют молодому поколению.

Историография вопроса насчитывает обширный пласт исследований, начиная с советского периода, когда героизация событий 1941-1945 гг. была встроена в официальную идеологию, и заканчивая современными работами, акцентирующими внимание на проблеме исторической правды, противодействия фальсификации и важности сохранения памяти. В постсоветское время учёные. А.Н. Медушевский [1], А.В. Барсенков [2], А.М. Антипов [3] анализировали трансформацию исторических нарративов о Второй мировой войне, а также их отражение в учебниках, образовательных стандартах и государственной политике в сфере исторического просвещения.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, это нарастающее значение исторической политики в контексте международных отношений, где интерпретация событий Второй мировой войны становится предметом идеологических и дипломатических конфликтов. Во-вторых, происходящие реформы в российской системе образования – внедрение единых учебников, цифровых платформ, новые подходы к патриотическому воспитанию – требуют анализа содержания исторического образования, с точки зрения сбалансированности, научной достоверности и ценностного наполнения. В-третьих, растущий интерес молодёжи к альтернативным источникам информации (социальные сети, неформальные образовательные площадки) ставит под сомнение эффективность традиционных форм исторического образования.

Целью настоящего исследования является анализ репрезентации Великой Отечественной и Второй мировой войн в образовательном пространстве России, выявление тенденций, проблем и перспектив в преподавании этой темы. Основные исследовательские вопросы включают: Как изменялось содержание образовательных программ и учебников, связанных с Великой Отечественной и Второй мировой войнами, в постсоветский период? Какие нарративы и ценности доминируют в современном школьном и вузовском преподавании истории? Какие вызовы и противоречия сопровождают интеграцию исторической памяти в образовательный процесс?

В качестве гипотезы выдвигается предположение о том, что в современном образовательном пространстве России происходит усиление идеологизированного подхода к теме войны, при этом сохраняется противоречие между стремлением к научной объективности и необходимостью транслировать государственную интерпретацию прошлого.

Изучение репрезентации Великой Отечественной и Второй мировой войн в образовательном пространстве требует обращения к междисциплинарному подходу, сочетающему методики исторической науки, педагогики, культурологии и политологии. В теоретическом плане исследование опирается на концепции исторической памяти [4], культурной травмы [5] и наработки отечественных исследователей в сфере патриотического воспитания и образовательной политики [6; 7].

Память о войне в массовом сознании формируется не только через академическое знание, но и посредством ритуалов, символов, медианарративов и образовательных практик. Именно поэтому анализ включает как формальное содержание учебников, стандартов и нормативных актов, так и исследование неформальных каналов трансляции исторического знания – от школьных мероприятий до онлайн-курсов и социальных сетей.

Методологически работа базируется на качественном контент-анализе учебно-методических материалов (учебников, рабочих программ, методических рекомендаций), а также нормативных документов, регламентирующих историческое образование в РФ. Кроме того, применяются элементы дискурс-анализа, направленного на выявление доминирующих нарративов и смысловых акцентов, и сравнительный подход, позволяющий сопоставить разные версии учебных материалов в исторической динамике.

В советский период репрезентация Великой Отечественной войны носила исключительно героический и мобилизующий характер. Военная тематика была встроена в общую идеологическую парадигму, где события 1941–1945 гг. рассматривались как вершина национального подвига и проявление морального превосходства социалистического строя. Учебники по истории не допускали альтернативных трактовок, всячески подчеркивали роль КПСС и лично И.В. Сталина в победе, формируя единый, однозначный образ прошлого.

С распадом СССР в 1990-е годы в образовательной системе начался процесс переосмысления исторического материала. Учебники стали демонстрировать большую открытость к многообразию точек зрения, в том числе к международным оценкам событий Второй мировой войны. Появились элементы критического анализа, внимание к человеческому измерению войны, к жертвам, к трагическим страницам истории (например, к теме репрессий, блокады Ленинграда, Холокоста).

Однако, уже в 2000-е годы начался обратный процесс консолидации нарратива. В контексте укрепления государственной вертикали и формирования патриотической идеологии тема войны вновь приобрела статус

центральной в системе ценностного воспитания. Внедрение концепции «единого учебника истории», а также подписание соответствующих указов и стратегий (например, «Стратегия государственной национальной политики», «Основы государственной культурной политики РФ») повлекли за собой формализацию «правильного» исторического знания.

Особое внимание в этот период стало уделяться борьбе с фальсификациями истории и сохранению «исторической правды», под которой понимается прежде всего доминирующий государственный нарратив, в котором ключевые акценты – это роль СССР в освобождении Европы, героизм советского народа, оправдание некоторых спорных решений военного руководства.

Сегодня преподавание темы Великой Отечественной и Второй мировой войн осуществляется в рамках федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), которые предусматривают обязательное изучение ключевых этапов XX века в курсах истории России и всеобщей истории. Центральное место занимает героико-патриотическая линия, акцентирующая внимание на массовом подвиге, военной мощи Советского Союза и решающем вкладе советского народа в разгром нацизма.

Особенностью современной образовательной политики является внедрение концепции «единой линейки учебников», ориентированных на единообразную трактовку исторических событий. В утверждённых Министерством просвещения РФ учебниках темы войны подаются сквозь призму национального единства, преемственности поколений и нравственного долга по отношению к памяти павших. События Второй мировой войны трактуются в основном с позиций отечественной историографии, тогда как альтернативные взгляды (например, западноевропейские или польские) присутствуют крайне ограниченно или вовсе игнорируются.

Методические рекомендации по организации учебного процесса подчёркивают важность использования визуальных и медийных материалов – фильмов, видеохроники, мультимедийных презентаций. Вместе с тем отмечается тенденция к снижению доли самостоятельной исследовательской деятельности учащихся, особенно в школьном звене. Формы работы, такие как написание эссе, участие в конкурсах сочинений и викторинах («Без срока давности», «Большая история» и др.), зачастую носят характер репродуктивного пересказа заданного нарратива, а не анализа исторических источников или формирования критического мышления.

Опросы учащихся, проведённые в рамках проекта (например, мониторинги ВЦИОМ, ФИОКО, региональные социологические замеры),

свидетельствуют о высоком уровне идентификации с образом «победы» как важнейшего элемента национальной гордости, однако при этом наблюдается поверхностное знание фактического материала: точных дат, названий операций, имен командующих. Это указывает на разрыв между эмоционально-ценностным и содержательно-познавательным уровнями усвоения темы.

Учителя истории тоже сталкиваются с рядом вызовов. С одной стороны, они обязаны строго следовать утверждённым программам и учебникам, с другой – оказываются в ситуации, когда учащиеся задают вопросы, вдохновлённые альтернативными источниками (например, RuTube-каналами, блогами, зарубежными сайтами). В таких условиях педагоги либо уклоняются от обсуждения спорных тем, либо трактуют их в духе «официальной версии», что зачастую не способствует углублению исторического интереса и формированию самостоятельной позиции у учеников.

Несмотря на очевидную значимость темы Великой Отечественной и Второй мировой войн для исторического и гражданского воспитания, в современном образовательном пространстве России сохраняется ряд методологических, содержательных и идеологических противоречий, существенно влияющих на качество исторического образования и восприятие учащимися прошлого.

Во-первых, доминирующая героико-патриотическая интерпретация событий, хотя и выполняет мобилизующую и воспитательную функции, зачастую не оставляет пространства для исторической рефлексии и критического анализа. Учащиеся сталкиваются с образом войны как исключительно справедливой и победоносной, в то время как её трагизм, цена победы, внутренние противоречия и неоднозначные решения командования (например, вопросы репрессий, депортаций, политических соглашений) остаются в тени или преподносятся в оправдательной тональности. Это ограничивает развитие исторического мышления как способности анализировать сложные и противоречивые явления прошлого.

Во-вторых, сохраняется несоответствие между официальной риторикой о важности «защиты исторической правды» и фактической закрытостью ряда архивных материалов и тем. Так, ограниченный доступ к ряду документов периода войны, отсутствие в школьных учебниках упоминаний об операциях союзников, альтернативных взглядах на пакт Молотова - Риббентропа, о роли Красной армии в Восточной Европе, обостряют проблему одностороннего освещения истории и, как следствие, вызывают у части молодёжи сомнение в достоверности официальных источников.

В-третьих, политизация образовательного дискурса приводит к тому, что историческое знание всё чаще используется как инструмент актуальной государственной идеологии. Понятия «патриотизм», «историческая правда», «память о подвиге» встраиваются в контекст идеологической мобилизации, а не научного познания. Это вызывает риск подмены исторического анализа идеологическими установками и препятствует развитию у обучающихся навыков аргументированного суждения.

Наконец, особое противоречие возникает между развитием цифровых форм обучения и традиционным содержанием преподавания. Учащиеся активно взаимодействуют с цифровыми платформами, онлайн-энциклопедиями, историческими видеоблогами и форумами, где нередко сталкиваются с иными трактовками войны – от ревизионистских до откровенно провокационных. Официальная школа пока не готова в полной мере конкурировать с этими источниками, так как не предлагает достаточного уровня интерактивности, гибкости подачи и открытости к дискуссии.

Следовательно, образовательное пространство России оказывается в ситуации напряжённого баланса между необходимостью воспитывать граждан в духе национальной идентичности и патриотизма и требованием соответствовать принципам научной объективности и критического мышления. В этом контексте особенно важной становится задача выработки подходов, позволяющих интегрировать память о войне в образовательный процесс таким образом, чтобы она была не только символом гордости, но и источником понимания исторической сложности и человеческой трагедии.

Проведённый анализ позволяет сделать несколько ключевых выводов о характере репрезентации Великой Отечественной и Второй мировой войн в образовательном пространстве России. Современное преподавание истории, несмотря на значительные изменения в формах и средствах подачи материала, остаётся в значительной степени ориентированным на воспроизводство героико-патриотического нарратива. Эта модель, укоренённая в советской традиции, адаптирована к реалиям государственной политики начала XXI века, где историческая память выступает элементом формирования коллективной идентичности и легитимации текущего политического курса.

В то же время, на фоне стремительных социокультурных изменений и информационной открытости становится очевидным, что односторонний подход к теме войны сталкивается с ограничениями. Молодёжь, активно взаимодействующая с альтернативными источниками информации, требует не только фактологической достоверности, но и признания исторической

многозначности, способности к диалогу и аналитическому осмыслению прошлого.

Выдвинутая гипотеза о наличии противоречия между идеологизированной моделью преподавания и стремлением к научной объективности получила подтверждение в ходе анализа учебных материалов, практик преподавания и реакции образовательной среды. Это противоречие особенно остро проявляется в школьном звене, где от учителя требуется одновременно следовать официальной линии и выстраивать доверительные, диалоговые отношения с обучающимися.

В перспективе развитие образовательной политики в данной сфере должно учитывать необходимость:

1. Развития критического исторического мышления, предполагающего работу с разнообразными источниками, анализ противоречивых фактов, обсуждение спорных вопросов без страха «отклониться» от официальной версии.

2. Интеграции цифровых и интерактивных форм подачи исторического материала, позволяющих сделать обучение более содержательным и интересным, а не сводящимся к повторению заданного набора героических образов.

3. Сохранения баланса между патриотическим воспитанием и академической свободой, предполагающего отказ от инструментализации истории и признание её сложности, в том числе через включение международных взглядов и историко-культурного контекста.

4. Повышения профессиональной подготовки педагогов, особенно в части владения современными методами историко-образовательной работы, навыками медиации исторической памяти и ведения дискуссий.

Таким образом, задача не сводится к отказу от патриотического содержания, а заключается в его переосмыслении в рамках современного образовательного подхода, способного воспитывать не только лояльных граждан, но и осознанных, мыслящих участников исторического процесса. Лишь в этом случае память о Великой Отечественной и Второй мировой войнах будет по-настоящему живой, содержательной и способной соединить прошлое с настоящим на основе уважения к истине, а не только к символам.

Список литературы

1. Медушевский, А.Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (Часть 1) // ВТЭ. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnaya-voyna-sotsialnyy-kontrol-upravlenie-soznaniem-i-instrument-globalnogo-dominirovaniya-chast-1> (дата обращения: 03.05.2025).

2. Барсенков, А.С. Советская историческая наука в послевоенные годы (1945-1955). – Москва: Изд-во МГУ, 1988. 139 с.
3. Антипов, А.М. Отражение Великой Отечественной войны в российских учебниках истории в фокусе историографии // Вестник БГУ. 2023. №2 (56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-velikoy-otechestvennoy-voyny-v-rossiyskih-uchebnikah-istorii-v-fokuse-istoriografii> (дата обращения: 03.05.2025).
4. Мунько, А.В., Хазанов, О.В. Теория культурной памяти я. Ассмана и формирование образа Чингисхана на примере «Сокровенного сказания монголов» и «Романа о Чингисхане» Францисканской миссии П. Карпини // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-kulturnoy-pamyati-ya-assmana-i-formirovanie-obraza-chingishana-na-primere-sokrovennogo-skazaniya-mongolov-i-romana-o> (дата обращения: 03.05.2025).
5. Александер, Дж. С. Формальный и содержательный волюнтаризм в работах Талкотта Парсонса: теоретическое и идеологическое переосмысление. *American Sociological Review*, 43: 177-198, 1978.
6. Сенатор, С.Ю., Сокольникова, Э.И., Емельянова, М.В. Анализ современных подходов к реализации патриотического воспитания как составляющей высшего образования // Педагогика и психология образования. 2023. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sovremennyh-podhodov-k-realizatsii-patrioticheskogo-vospitaniya-kak-sostavlyayuschey-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 03.05.2025).
7. Тишков, В.А. Нация наций. О подходах к пониманию России. М., 2022. 69 с.

**ОТРАЖЕНИЕ ПРИЧИН НЕУДАЧ КРАСНОЙ АРМИИ
В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В РОССИЙСКИХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ
REFLECTION OF THE REASONS FOR THE FAILURES
OF THE RED ARMY IN THE EARLY PERIOD OF THE GREAT
PATRIOTIC WAR IN RUSSIAN HISTORY TEXTBOOKS**

А.А. Гусев

Московский педагогический государственный университет, г. Москва

A.A. Gusev

Moscow State Pedagogical University, Moscow

Анализируется эволюция трактовки причин поражений Красной Армии на начальном этапе войны в российских школьных учебниках истории, изданных в период с 1996 по 2023 гг. Выявлена тенденция перехода от обвинения Сталинских репрессий к смягчению критики и фокусу на предвоенных трудностях, что отражает изменения исторической политики в России.

The study analyzes the evolution of the interpretation of the causes of the defeats of the Red Army in 1941 in Russian school history textbooks. The article reveals a tendency to shift from an emphasis on Stalin's guilt and repression in the 1990s–2000s to a softening of criticism and a focus on pre-war difficulties in the 2010s–2020s, reflecting changes in historical policy.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, СССР, нацистская Германия, Красная Армия, учебники истории, стратегические ошибки, репрессии, Сталин.

Keywords: The Great Patriotic War, the USSR, Nazi Germany, the Red Army, history textbooks, strategic mistakes, repression, Stalin.

«Тексты учебников истории интересны тем, что они, как и любые другие образцы педагогического дискурса, призваны легитимировать ценности, институционализированные в данном обществе на текущий момент его развития» [1, с. 76].

Актуальность исследования состоит в том, что учебники формируют историческую память молодого поколения. Наша цель в данном исследовании – проследить, как менялась интерпретация событий первого этапа Великой Отечественной войны (июнь 1941 – ноябрь 1942 гг.) в образовательном дискурсе. Это поможет осмыслить историческую политику государства последних 30 лет на примере такой непростой для преподавания темы.

Были выбраны 7 российских учебников по истории XX века в хронологическом диапазоне 1996–2023 гг. из Федерального перечня. Они отбирались по принципу хронологического охвата (один учебник из каждого пятилетия). Учебники представлены разными крупными издательствами («Дрофа», «Русское слово», «Просвещение» и т.д.), что позволяет минимизировать возможную предвзятость отдельного издательства. К ним был применён метод качественного и сравнительного анализа.

Важно отметить общие черты учебников: все они отмечают героизм советских солдат, самоотверженно сражавшихся с немецкими оккупантами, подчёркивают, что СССР активно готовился к войне заранее, усиливая военную промышленность. В качестве неудач первого периода все учебники подчёркивают недостаточную материальную оснащённость Красной Армии, превосходство немецких войск в техническом плане, недостаток компетенции у командиров, запоздалое развёртывание войск в канун войны.

Но есть существенные отличия в описании неудач первого периода Великой Отечественной войны, которые следует рассмотреть подробнее, в основном они касаются репрессий, роли И.В. Сталина и высшего руководства.

– *Пятецкий Л.М. История России для абитуриентов и старшеклассников. XX век. 1996 г.*

Одной из коренных причин поражения на первых этапах войны называются репрессии: «Многочисленные признаки указывают на то, что основные причины, обусловившие кризисное состояние экономики накануне войны, восходят к репрессиям 1937-1938 гг.» [2, с. 202]. «Репрессии причинили огромный вред советской военной науке, которая в предыдущие годы быстро и интенсивно развивалась» [2, с. 204].

«Первые месяцы войны показали, что опоздание с приведением войск приграничных военных округов в военное положение, «чистки» в Красной Армии 1937-1939 гг. (среди репрессированных крупнейшие опытные военачальники...) и другие преступления сталинского режима не прошли бесследно» [2, с. 216].

Главный акцент делается на ошибках руководства СССР, в особенности, И.В. Сталина, которому даётся крайне негативная оценка: «Сейчас уже хорошо известно, что Сталина предупреждали о готовящемся нападении... В то же время Сталин словно специально закрывал глаза на реальность, утверждая, что Гитлер не пойдёт на нарушение договора» [2, с. 206].

Приводятся воспоминания маршала Г.К. Жукова, признающего ошибки высшего командования: «Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б.М. Шапошников, К.А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день...» [2, с. 211].

В завершение приводятся слова советского историка-эмигранта А.М. Некрича: «Вся ответственность за военные поражения СССР в 1941 г. лежит на руководстве ВКП(б) и лично на И.В. Сталине» [2, с. 223].

– *Дмитренко В.П., Есаков В.Д., Шестаков В.А. История Отечества: XX век. 2002 г.*

В данном учебнике в качестве причин поражения СССР на первом этапе войны указываются «шапкозакидательные» настроения [3; с. 272], как и в предыдущем учебнике, репрессии в РККА, просчёты Сталина и его окружения, которые считали, что Германия нападёт на СССР только после войны с Англией [3, с. 275].

Фигура Верховного Главнокомандующего изображается как главный негативный фактор внутри страны: «Огромный ущерб подготовке советского народа к войне, дееспособности армии был нанесён военно-стратегическими ошибками Сталина, репрессиями в отношении командного состава». «Сталин,

более всех виновный в катастрофическом начале войны, продолжал политику репрессий против военачальников, ставших, по существу, жертвами его просчётов» [3, с. 282].

– Загладин Н.В., Козленко С.И., Минаков С.Т., Петров Ю.А. *История России. XX – начало XXI века. Учебник для 11 класса для общеобразовательных учреждений. 2007.*

Выделяются следующие проблемы: репрессии командного состава, чехарда с расформированием (после Гражданской войны в Испании и Зимней войны) и воссозданием (после Франции) танковых и механизированных корпусов, так и не законченных к лету 1941 г. [4, с. 216-217].

«Имея поступавшую из разных источников информацию о возможности германского вторжения в СССР, И. В. Сталин сомневался в её достоверности.»

Иосиф Виссарионович, в отличие от предыдущих учебников, уже не изображается главным виновником поражений. Тем не менее, указывается, что: «Аресты и казни, поиск виновников – типичная политика советского руководства того времени... начался поиск виновников неудач» [4, с. 226]. Приводятся и воспоминания Г.К. Жукова о катастрофе в Вязьме, которую можно было бы предотвратить [4, с. 217].

– Измозик В.С., Рудник С.Н. *История России. 11 класс. 2013.*

В данном учебнике упоминается о «колоссальных просчётах». Желая оттянуть начало войны, «советские средства пропаганды всячески пытались сгладить остроту момента. 14 июня 1941 г. было опубликовано заявление ТАСС... слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы... Сталин наивно рассчитывал на ответное заявление Германии. Отмечаются репрессии в качестве негативного фактора [5, с. 195-196].

При описании неудачного контрнаступления весной 1942 г. причиной поражений приводится «недостаточная подготовка и ошибки командиров, а также самоуверенность Сталина» [5, с. 209].

– Горинов М.М., Данилов А.А., Моруков М.Ю. *История России. 10 класс. 2017.*

В данном учебнике при описании неудач первого этапа войны используется более нейтральный тон текста: недостатки уже не расписываются так ярко и подробно, как в ранних учебниках. Главные проблемы, которые отмечаются, это: недостаток командиров с хорошим уровнем военной подготовки из-за репрессий 1937-1938 гг., просчёты в организации танковых войск, незавершённая реорганизация: «в полной мере мирная передышка 1939–1941 гг. использована так и не была [6, с. 7-9].

В отличие от вышеупомянутых учебников, уже не критикуется высшее руководство и Сталин.

– Шубин А.В., Мягков М.Ю., Никифоров Ю.А. *История России. Начало XX – начало XXI века. 10 класс. 2021.*

Если в предыдущих учебниках Сталин обвинялся в том, что игнорировал предупреждения о нападении на СССР, здесь упоминается, что он опасался дезинформации вследствие того, что к нему поступала противоречивая информация: «Советское руководство узнало о существовании плана «Барбаросса» вскоре после его подписания... Однако информация, которая приходила, была противоречивой. Сталин опасался, что это могло оказаться дезинформацией с целью спровоцировать советско–германский конфликт, к которому СССР ещё не был готов». «Отлично понимая неизбежность в будущем большой войны с Германией, Сталин не верил в то, что Гитлер решится начать войну на два фронта уже весной 1941 г.» [7, с. 165].

Отмечаются недостатки в промышленности и нехватка квалифицированных командиров: «Большинство танков и самолётов были устаревших типов, многие требовали ремонта, имелась значительная нехватка транспортных средств и радиостанций, а самое главное – подготовленных командиров высшего и среднего звена». Но уже не указываются в качестве причины нехватки командиров репрессии в Красной Армии [7, с. 166].

– Мединский В.Р., Торкунов А.В. *История России 1914-1945 годы. 10 класс. 2023.*

В вышеупомянутых материалах до 2014 г. подчёркивалась негативная роль Сталина в поражении контрнаступления весной 1942 г. Данный учебник кратко указывает, что она произошла из-за «переоценки возможностей, недостатка боеприпасов и тактических ошибок» [8, с. 334].

Не упоминаются и репрессии в качестве фактора нехватки командующих.

В учебнике пишется: «Причинами поражений были: незавершённость программы реорганизации и перевооружения Красной Армии, отсутствие опыта у командного состава и, главное, – запоздалое решение о развёртывании и сосредоточении войск для отражения нападения. Это привело к крайне тяжёлому для Красной Армии развитию событий в самом начале войны, а затем долгое время сказывалось в ходе последующих сражений, поскольку немецкой армии удалось захватить стратегическую инициативу» [8, с. 312].

Обобщая вышесказанное, анализ российских учебников 1996-2023 гг. обнаружил, что они делают разный акцент на неудачах Красной армии в

1941-1942 гг. Более ранние учебники развёрнуто рассказывают о неподготовленности Советского Союза к войне, репрессиях командного состава, о прямой вине Сталина, который хотел переложить вину с себя за неудачи первых дней на командование [2, с. 213], другие, более поздние, достаточно немного уделяют внимания неудачам, а делают акцент на героизме оборонявшихся частей [8, с. 312], меняя акцент с неподготовленности к войне на подчеркивание массового героизма советского народа.

Мы можем выявить тенденцию микширования негативной роли И.В. Сталина, и это коррелирует с увеличивающейся популярностью этой исторической фигуры. Если в 90-е годы XX века доминировали антисталинские настроения, с 00-х годов по наше время одобрение его фигуры существенно выросло [9, с. 51; 10]. На наш взгляд, изменившаяся позиция в учебниках отражает запрос государства и общества на консолидирующую историческую политику.

Список литературы

1. Колмогорова, А.В., Колмогорова, П.А., Куликова, Е.Р. О прошлом, но в разное время: компьютерный анализ текстов учебников по истории СССР / России для шести поколений студентов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 89. С. 73-103.
2. Пятецкий, Л.М. История России для абитуриентов и старшеклассников. XX век. – М.: «Московский лицей». 1996. 360 с.
3. Дмитренко, В.П., Есаков, В.Д., Шестаков, В.А. История Отечества: XX век: 11 кл. – М.: Дрофа, 2002. 635 с.
4. Загладин, Н.В., Козленко, С.И., Минаков, С.Т., Петров, Ю.А. История России. XX – начало XXI века. Учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений. – М.: Русское слово, 2007. 479 с.
5. Измозик, В.С., Рудник, С.Н. История России. 11 класс. – М.: Вентана-Граф, 2013. 383 с.
6. Горинов, М.М., Данилов, А.А., Моруков, М.Ю. История России. 10 класс. – М.: Просвещение, 2017. 177 с.
7. Шубин, А.В., Мягков, М.Ю., Никифоров, Ю.А. История России. Начало XX — начало XXI века. 10 класс. – М.: Просвещение, 2021. 435 с.
8. Мединский, В.Р., Торкунов, А.В. История России 1914–1945 годы. 10 класс. Базовый уровень. – М.: Просвещение, 2023. 496 с.
9. Мартюшов, Л.Н. И.В. Сталин: его место в истории // Вестник экономики, управления и права. 2018. №3 (44). С. 42-54.
10. «Уровень одобрения Сталина россиянами побил исторический рекорд» // РБК. 16 апреля 2019. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/04/2019/5cb0bb979a794780a4592d0c> (дата обращения: 19.08.2025).

**ПРИМЕНЕНИЕ ВОЕННО-СИМВОЛИЧЕСКОГО
ИНСТРУМЕНТАРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
THE USE OF MILITARY SYMBOLIC TOOLS
FOR THE FORMATION OF POLITICAL IDENTITY**

Е.В. Дроздова

*Орловский государственный университет
имени И.С. Тургенева, г. Орел*

E.V. Drozdova

I.S. Turgenev Oryol State University, Orel

В фокус рассмотрения попадает применение военно-символического инструментария в символической политике. Внимание уделяется данному инструментарии в формировании политической идентичности.

The focus of the review is on the use of military symbolic tools in symbolic politics. Attention is paid to these tools in the formation of political identity.

Ключевые слова: национальная идентичность, символическая политика, политическая идентичность, военно-символический инструментарий.

Keywords: national identity, symbolic politics, political identity, military symbolic tools.

Процесс выстраивания политической реальности (в том числе, формирования различных политических сообществ, обладающих соответствующими идентификационными признаками) содержит в себе определенную совокупность компонентов, одно из важных мест, среди которых следовало бы отвести символическому инструментарии, который применяется политическими акторами как довольно эффективный символический механизм.

В современной политической науке существуют разноречивые толкования, касающиеся оценки роли символической политики в части используемого инструментария и особенностей применения символических практик.

В политологическом дискурсе уже сложилось определение государственной политической идентичности – как результат целенаправленного конструирования со стороны институтов государства и гражданского общества, политических элит и групп интересов; и национальной политической идентичности как представления о своей стране и народе, разделяемое всеми гражданами, чувство принадлежности к родной стране и народу.

В этой связи формирование государственной и национальной политической идентичности со своими разными основами требует не только исследования символа как символического инструмента формирования политической идентичности, но и понимания эволюционных закономерностей развития символических политтехнологических методов воздействия на социальную реальность, осмысления исторических примеров использования политико-символических практик, а также комплексного анализа механизмов применения символических политтехнологий, накопленных современным российским и зарубежным опытом.

В связи с вышесказанным отдельное значение приобретают задачи рассмотрения информационно-коммуникационного сегмента в символических политтехнологических практиках, используемых для формирования политической идентичности, а также выявления современных тенденций развития символического политтехнологического инструментария в сфере конструирования политической идентичности.

Особую актуальность рассматриваемая проблематика приобретает для Российской Федерации в условиях современных цивилизационных и геополитических вызовов. Исследование под таким углом направлено на научное политологическое осмысление механизмов формирования политической идентичности в современной России путем применения символических политтехнологических практик (использование официальной символики; проведение политики сохранения исторической памяти со всеми соответствующими символическими элементами; осуществление символических акций в рамках праздничных и памятных мероприятий; реализация иных символических действий, приуроченных к знаковым событиям; внедрении в обществе через СМИ различных символосодержащих идей, изображений, знаков, брендов). Отдельно следует упомянуть и более древний пласт символических практик, использовавшихся в политических целях в рамках конструирования социальной реальности (мифы, ритуалы, архетипы, всё те же государственные праздники и религиозные действия, культовое поклонение историческим местам, визуальная символика, в том числе, гербы и флаги).

Проблемами использования политико-символических практик, развития и применения символического инструментария занимаются такие исследователи как С.П. Поцелуев, Д.А. Мисюров, О.Ю. Малинова, А.Н. Ефремова [1].

Предметом многочисленных межотраслевых дискуссий уже давно стали символ и символический акт. У. Химмельштрэнд рассматривал

символический акт как действия, направленные исключительно на символы [см.: 2].

Д.И. Гигаури и А.А. Сорокин анализируют роль символов и символических актов в формировании политической идентичности в рамках «символических средств», обозначая это как особый ресурс [3; 4].

Углубленное изучение и анализ символического политтехнологического инструментария в сфере конструирования политической идентичности выявляет тенденцию актуализации военного фактора с указанием на разнообразные субъекты, которые отнесены к «военизированной сфере» или признаны относящимися к данной категории субъектов, согласно нормативному закреплению и разъяснению. Военизация (на уровне реальных действий, ценностных ориентиров, мировоззренческих установок, политической риторики, государственной повестки) современных сообществ в России и за рубежом выносит на поверхность научность исследования данного процесса.

В ходе изучения военно-символического инструментария используются символические практики, а военно-символический инструментарий примеряется к системе политтехнологических механизмов формирования политической идентичности.

Понятия военно-символического инструментария на современном этапе проявляет современные тенденции развития символического политтехнологического инструментария в сфере конструирования политической идентичности.

Список литературы

1. Поцелуев, С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. Политические исследования. 1999. № 5. С. 62.
2. См.: Поцелуев, С.П. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика. 2012. №1. С. 17-53.
3. Гигаури, Д.И. Символические измерения политики идентичности // Теория и практика общественного развития. 2015. № 15. С. 83-87.
4. Сорокин, А.А. Политическая идентичность в структуре и содержании символической политики // Беларусь и Европа: историко-культурное наследие и современность: материалы междунар. науч.-практ. онлайн-конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. – Минск. 2021. С. 224-227.

**ИЗУЧЕНИЕ КУРСА
«ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»
В ОЦЕНКАХ МОЛОДЕЖИ
THE STUDYING OF THE COURSE «FUNDAMENTALS
OF RUSSIAN STATEHOOD»
IN THE ASSESSMENTS OF YOUTH**

В.А. Кузнецов, С.Ю. Митрофанова
*Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева, г. Самара*

V.A. Kuznetsov, S.Y. Mitrofanova
*Samara National Research University named after academician S.P. Korolev,
Samara*

Доказывается значимость курса «Основы российской государственности» в сохранении и трансляции исторической памяти. Подчеркивается, что курс следовало вводить гораздо раньше в ОПОПы вузов. При его реализации не стоит избегать в обсуждениях с обучающимися «острых» проблем.

The article proves the importance of the course "Fundamentals of Russian Statehood" in the preservation and transmission of historical memory. It is emphasized that the course should have been introduced much earlier in the higher education institutions and during the implementation of this course, "acute" problems should not be avoided in discussions with students.

Ключевые слова: курс «Основы российской государственности», данные ВЦИОМ, молодежь России, историческая память.

Keywords: course «Fundamentals of Russian statehood», VCIOM data, youth of Russia, historical memory.

Современная ситуация в мире характеризуется сменой геополитического порядка. Россия, выступив его инициатором, совершает свой исторический выбор, который во многом продиктован нашим прошлым, традициями. В этих условиях особенно важной становится задача сохранения и трансляции последующим поколениям исторической памяти о значимых событиях, которые пережил наш народ. Как отмечает эксперт ВЦИОМ М. Мамонов, «В условиях сильных патриотических настроений и общественной мобилизации усиливается запрос населения на идеологию», курс «Основы российской государственности» «соответствует этому запросу» [1]. Данный курс является важным подспорьем для осознания молодыми людьми своей цивилизационной идентичности, самобытного исторического пути России, формирования традиционных российских ценностей, чувства патриотизма, сохранения и трансляции исторической памяти, обеспечивающей межпоколенную преемственность [2].

Эту позицию о значимости курса «Основы российской государственности» в нашей стране подтверждают данные о том, что у чуть более 2/3 опрошенных (72%) россиян есть желание того, чтобы их дети/внуки прослушали этот курс¹². Практически столько же респондентов (68%) отмечают, что курс нужен студентам.

Таблица 1

Мнение о необходимости внедрения курса «Основы российской государственности» в вузы по всей выборке и в группе молодежи, по данным ВЦИОМ, и среди студентов Самарского университета (в%)

Варианты ответов \ Группы, даты	Все население, 03.09.2023 – 10.09.2023 ¹³ , в%	18-24, 03.09.2023 – 10.09.2023 ¹⁴ , в%	Студенты Самарского университета, 20.09.2024-31.10.2024, в% ¹⁵
Скорее нужен	68	42	36,1
Трудно сказать	16	20	33,1
Скорее не нужен	16	38	30,8
Итого	100	100	100

¹² Вы бы хотели, чтобы Ваши дети/внуки прослушали курс «Основы российской государственности» или нет? (закрытый вопрос, один ответ) URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mozhno-li-nauchit-gosudarstvennosti> (дата обращения: 16.05.2025)

¹³ Сменим тему. Поговорим об образовании. В российских вузах с 1 сентября введен новый курс «Основы российской государственности». Как Вы думаете, такой курс студентам нужен или не нужен? (закрытый вопрос, один ответ), (24.09.2023 – 01.10.2023, N = 1600, погрешность, 2,5%) – URL: <https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/853f6584-8433-41bd-ada6-3b636c87668b/cross/509520e9-58ab-45d3-b146-7c910cb73e77> (дата обращения: 16.05.2025)

¹⁴ Сменим тему. Поговорим об образовании. В российских вузах с 1 сентября введен новый курс «Основы российской государственности». Как Вы думаете, такой курс студентам нужен или не нужен? (закрытый вопрос, один ответ), (03.09.2023 – 10.09.2023, N = 1600, погрешность, 2,5%) – URL: <https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/853f6584-8433-41bd-ada6-3b636c87668b/cross/2ab8b944-2921-43d3-b4ae-3683497047f0> (дата обращения: 16.05.2025)

¹⁵ По итогам количественного этапа исследования, реализованного коллективом авторов социологического факультета Самарского университета при поддержке Губернского гранта в области науки и техники: «Смыслы и виды патриотизма современной молодежи: региональный аспект» (2024г.), метод – анкетный онлайн опрос студентов Самарского университета (выборка: квотная, (квотируемый признак – институт обучения), N= 922, сроки проведения: сентябрь-октябрь 2024 г.). Состав коллектива: исполнители: А.В. Богомолова, Л.В. Вандышева, Ю.В. Васькина, О.А. Малаканова, А.А. Пустарнакова, руководитель проекта С.Ю. Митрофанова.

Отметим, хотя большинство опрошенных считают, что курс скорее нужен, молодежь России и студенты Самарского университета, в частности, критичнее настроены в отношении необходимости курса. Связываем это с тем, что молодежь в целом и студенчество, в частности, получают противоречивую и рассогласованную информацию из разных источников, в то время как критическое мировоззрение в том числе и в отношении оценки текущей ситуации, у них еще полностью не сформировано. Идет борьба представлений, борьба за умы молодого поколения россиян. В этих условиях и происходит выбор вектора самоопределения российской молодежью.

Были проанализированы ответы, полученные ВЦИОМ о причинах, по которым стоит и не стоит вводить курс «Основы российской государственности» в вузы страны. На вопрос о причинах, по которым необходимо вводить курс «Основы российской государственности», отвечали 68% тех, кто отметили, что курс скорее нужен¹⁶. Причины, связанные со знанием истории нашей страны и патриотизмом выходят на первые позиции в обосновании необходимости данного курса. На вопрос о причинах, по которым курс «Основы российской государственности» не нужен в российских вузах, отвечали 16% тех, кто отметили, что курс скорее не нужен¹⁷. Причины, связанные с отсутствием полезности, идеологичностью, дублированием других областей, снижением внимания к предметам профессионального цикла указаны в качестве обоснования отсутствия потребности в данном курсе, по мнению респондентов ВЦИОМа.

На основе анализа ответов ВЦИОМ о причинах, по которым стоит или не стоит вводить курс «Основы российской государственности» в вузы, личного опыта преподавания этого курса в рамках реализации проекта «Смыслы и виды патриотизма современной молодежи: региональный аспект» [3] разработана шкала Лайкерта для выявления отношения студентов к данному курсу. Обозначены три основания или критерия, на каждое из которых сформулировано положительное и отрицательное суждение: 1) польза от курса; 2) роль в формировании мировоззренческих установок и

¹⁶ Почему Вы думаете, что курс «Основы российской государственности» нужен в российских вузах? Вы можете дать несколько ответов (открытый вопрос, до трех ответов, от тех, кто считает, что курс нужен) (03.09.2023 – 10.09.2023, N = 1600, погрешность, 2,5%) – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mozhno-li-nauchit-gosudarstvennosti> (дата обращения: 16.05.2025)

¹⁷ Почему Вы думаете, что курс «Основы российской государственности» не нужен в российских вузах? Вы можете дать несколько ответов (открытый вопрос, до трех ответов, от тех, кто считает, что курс НЕ нужен) (03.09.2023 – 10.09.2023, N = 1600, погрешность, 2,5%) – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mozhno-li-nauchit-gosudarstvennosti> (дата обращения: 16.05.2025)

ценностей; 3) роль курса в формировании представлений обучающихся о вызовах, стоящих перед Россией. На каждое из оснований сформулировано по одному положительному и отрицательному суждению. При согласии с положительными суждениями и несогласии с отрицательными присваивается по 5 баллов за каждое суждение, и это свидетельствует о положительном отношении к курсу. При несогласии с положительными и согласии с отрицательными присваивается по 1 баллу за каждое суждение, и это свидетельствует об отрицательном отношении к курсу. Всем вариантам ответа присваиваются соответствующие баллы от 1 до 5. Таким образом, возможно в итоге минимум 6 баллов и максимум 30 баллов у каждого обучающегося. Анализируя ответы каждого, студенты по всем суждениям, выявляли группы студентов со схожим отношением к курсу «Основы российской государственности»: положительным (26-30 баллов), скорее положительным (21-25 балла), нейтральным (16-20 баллов), скорее отрицательным (11-15 баллов) и отрицательным (6-10 баллов).

Таблица 2

Отношение к курсу «Основы российской государственности» (в%)

Варианты ответов	Доли ответов
Положительное	19,6
Скорее положительное	30,1
Нейтральное	29,4
Скорее отрицательное	12,0
Отрицательное	8,9
Итого	100,0

Практически у половины студентов Самарского университета сформировалось положительное отношение к курсу (49,7%), отрицательное – у каждого пятого (20,9%), и менее, чем у трети (29,4%), – нейтральное. Необходимо принимать во внимание тот факт, что эти данные получены, когда курс реализуется только второй год.

На наш взгляд, полученные результаты убеждают в том, что рассматриваемый курс следовало вводить гораздо раньше в основные профессиональные образовательные программы вузов. Вместе с тем, с нашей точки зрения, при реализации данного курса не стоит избегать в обсуждениях со студентами «острых» проблем, например, таких, как коррупция, диспропорции в развитии регионов, снижение рождаемости и другие. Скорее имеет смысл в работе с обучающимися не просто указывать на те или иные

проблемы, но концентрироваться на конкретных способах их решения. В этом случае считаем, что курс будет эффективнее работать на формирование гражданского мировоззрения и чувства патриотизма у современной российской молодежи, служить важным средством сохранения и трансляции исторической памяти нашего народа.

Список литературы

1. Комментарии. Михаил Мамонов – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mozhno-li-nauchit-gosudarstvennosti> (дата обращения: 16.02.2025)
2. Шляпина, С.Ф., Помазкина, В.М., Грязных, А.Д. Курс «Основы российской государственности» как способ сохранения исторической памяти // Мир инноваций. 2023. № 4 (27). С. 111-118.
3. Кузнецов, В.А., Митрофанова, С.Ю. Патриотическая самоидентификация современной российской молодежи // Семиотические исследования. Semiotic studies. 2025. Т. 5, № 1. С. 77-89.

ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИЙ ФРОНТ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ THE EASTERN EUROPEAN FRONT OF THE SECOND WORLD WAR IN MODERN EUROPEAN HISTORIOGRAPHY

Б.А. Ночвина

***Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород***

***B.A. Nochvina
Nizhny Novgorod State Linguistic University
named after N.A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod***

Анализируются причины фальсификации истории Второй мировой войны в современной европейской историографии. Автор предпринимает попытку оценки новой волны популярности прежней парадигмы европейского ревизионизма как общеевропейской стратегии русофобии в условиях формирования многополярного мира, а также проблемы сохранения коллективной памяти о войне в общественно-политическом пространстве стран ЕС.

The article analyzes the causes of falsification of World War II history in contemporary European historiography. The author attempts to assess the new wave of popularity of the former

paradigm of European revisionism as a pan-European strategy of Russophobia in the context of a multipolar world formation, as well as the problems of preserving collective memory of the war in the socio-political space of EU countries

Ключевые слова: Вторая мировая война, ревизионизм, коллаборация, фальсификация истории, политический миф.

Keywords: World War II, revisionism, collaboration, falsification of history, political myth.

Современная европейская историография Восточно-европейского фронта Второй мировой войны в целом характеризуется двумя направлениями: исследование причин и предпосылок мирового конфликта в традициях концепции «двух тоталитаризмов» и объяснение специфики действий нацистской Германии и ее союзников в войне против СССР с точки зрения западногерманского ревизионизма 1960-х годов.

Несмотря на появление благодаря доступу к архивным материалам стран ЦВЕ ряда глубоких исследований, прежде всего в ФРГ [1], которые аргументированно доказали несостоятельность таких популярных в конце 1980-х гг. идей, как «превентивный удар», «чистый вермахт», большинство европейских исторических исследований Второй мировой войны продолжают интерпретировать события и процессы «войны на Востоке» как сопротивление «большему злу» (сталинизму). «Партнерство и пособничество Сталина и Гитлера проявилось не только в том, что Советский Союз был активным соучастником Восточной Европы, но и в том, что он оказал активную политическую, экономическую и военную поддержку Германскому рейху в его борьбе с западными державами. Помощь немцам в ведении морской войны против Англии, саботаж военных усилий Франции, предпринятый по указке Москвы Французской коммунистической партией» [2, с. 21]. Объяснением данного подхода является изменение не только геополитических реалий мирового порядка, но и социально-политическая трансформация национальной элиты стран ЕС. На смену национальной независимой стратегии в Европе пришла общеевропейская мультикультурная концепция глобализма, для которой необходим поиск «общего цивилизационного врага» – им неизменно становится Россия. В рамках данной концепции идеально сочетаются идеи западногерманского ревизионизма нацизма, традиции британской историографии, доказывающей «невозможность» иного пути чем «политика умиротворения», попытки французского коллаборационизма объявить себя главной антифашистской силой, стремление избавиться от клейма «сателлитов» стран Восточной Европы.

Процесс фальсификации событий на Восточно-европейском фронте Второй мировой войны, начатый еще западногерманскими историками в 1960-е годы сейчас лишь усиливается. Показателен факт ограничения экспозиций знаменитой передвижной выставки «Война на уничтожение. Преступления Вермахта 1941-1944 гг.», организованной Гамбургским институтом социальных исследований, как результат действий со стороны не только консервативных и праворадикальных политических сил ФРГ, но и со стороны ряда именитых немецких историков [3].

Концепции «Другого Холокоста» в немецком ревизионизме истории Второй мировой войны противопоставлена идея «чистой коллаборации»: единение целей армии Третьего Рейха и советских коллаборантов, прославление как главной антифашистской силы высшего генералитета Вермахта вместе с РОА, а не левых партий, отрицание геноцида в отношении народов Советского союза. В работах таких немецких историков, как Й. Хоффман [2], Г. Кноп [4], К. Хартманн [5]. С разной степенью интенсивности демонстрируется: «сопротивление вермахта зверствам СС», «спасение Германией Европы от азиатского коммунизма», «стремление Сталина завоевать весь мир», и главное принижение подвига советских солдат в борьбе с фашизмом.

Британская историография истории Второй мировой войны оценивает действия Красной Армии на Восточно-европейском фронте как мало значимые в процессе «коренного перелома» войны в сравнении, например, со сражениями в Северной Африке [6]. Традиции теории «поворотных пунктов» остаются господствующими в англо-американской историографии. Сталинградская битва в работе британского историка Э. Бивора представлена как «случайная победа» СССР над мастерством немецкого военного командования. Опираясь на весьма спорные источники, он заявляет: «В этих донесениях описываются не только героические подвиги, но и «чрезвычайные события» (на языке комиссаров иносказательное выражение для обозначения предательства), такие как дезертирство, переход на сторону врага, трусость, некомпетентность, самострелы, «антисоветская агитация» и даже пьянство. Под Сталинградом было расстреляно около 13 500 советских солдат и офицеров – больше, чем целая дивизия» [7, с. 76].

Похожие выводы можно найти и в немецкой историографии событий Второй мировой войны: влияние советской пропаганды на «мнимое количество» зверств немецкой армии на Востоке, умолчание российскими историками о большом количестве «чистых коллаборантов» среди всех народов СССР, стремление Германии возродить роль РПЦ и т.д. «Дискредитация немецкого противника по войне – являлась, конечно, лишь

отчасти юридической, а в первую очередь пропагандистской задачей, которая была поручена испытанному специалисту, писателю Толстому как члену «Чрезвычайной государственной комиссии»... Толстой использовал осужденные в Харькове преступления оперативной группы СС как повод, чтобы полными ненависти выражениями заклеить не только германский Вермахт, но и весь немецкий народ» [2, s. 100].

Общими тенденциями в освещении событий Восточно-европейского фронта Второй мировой войны в европейской историографии на текущий момент являются: стремление показать советского солдата не как освободителя, а как завоевателя, преступника (политические мифы об «изнасилованной Германии», о зверствах солдат Красной Армии в Восточной Европе); противопоставление жертвам нацистского геноцида на территории СССР «огромное количество» жертв советской оккупации и террора; русофобская трактовка оправдания собственного коллаборационизма. «О жертвах Ленинграда написаны книги, на Ленинградском кладбище (Пискаревское мемориальное кладбище) торжественно возлагаются венки и проводятся памятные торжества, а жертвы Кёнигсберга, в большинстве своем старики, женщины и дети, зарыты и забыты. При этом, согласно тщательным исследованиям кёнигсбергских профессоров медицины Шуберта и Штарлингера, из 120000 гражданских лиц, попавших в руки Советов в апреле 1945 г., от голода или эпидемий умерли 90000» [2, s. 92].

Сегодня лишь немногочисленные историки стран ЕС в своих исследованиях, посвященных Восточно-европейскому фронту Второй мировой войны, пытаются дать объективный анализ данных событий. К сожалению, их мнение не учитывается или замалчивается в контексте политики формирования коллективной исторической памяти о войне в общественно-политическом пространстве европейских стран. Напротив, новые «псевдоисторическое» политическое мифотворчество стало фундаментом современной европейской историографии истории Второй мировой войны.

Список литературы

1. Rass Ch. "Menschenmaterial". Deutsche Soldaten an der Ostfront. Innenansichten einer Infanteriedivision 1939-1945. – Paderborn, 2003. 486 s.
2. Hoffmann, J. Stalins Vernichtungskrieg 1941-1945, München: Herbig Verlag, 1995. 336 s.
3. Борозняк, А.И. «Я хочу знать всю правду» дискуссии в ФРГ вокруг выставки «Преступления вермахта». // Диалог со временем. № 35, 2011. С. 135-152
4. Кноп, Г. История Вермахта. Итоги: пер. – СПб.: Питер, 2009. 268 с.

5. Hartmann, Ch. Operation Barbarossa: Nazi Germany's War in the East, 1941-1945. Oxford: Oxford University Press, 2013. 423 p.
6. Маслова, В.А. Феномен Алана Тэйлора в британской историографии истоков Второй мировой войны. // Вестник Омского университета, N. 1 (51). 2009, Омск. С. 81-86.
7. Бивор, Энтони. Сталинград. / перевод с английского А. Жеребилова и др. – М.: АСТ, ВЗОИ, 2004. 446 с.

**РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЖУРНАЛИСТСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В ВОПРОСАХ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ
ЗАЩИТЫ ОТЕЧЕСТВА И ПАТРИОТИЗМА**
**THE ROLE OF PROFESSIONAL JOURNALISTIC EDUCATION
IN THE FORMATION OF VALUES FOR THE PROTECTION
OF THE FATHERLAND AND PATRIOTISM**

Л.И. Распутная
*Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток*
L.I. Rasputnaya
Far Eastern Federal University, Vladivostok

В статье рассматриваются актуальные вопросы развития современного образования по направлению подготовки «Мультимедийная журналистика» в разрезе проблемы формирования ценностей защиты Отечества, патриотизма и сохранения исторической памяти. Современное информационное общество ставит на повестку дня вопрос об усилении влияния на общество СМИ и медийных коммуникаций, поэтому подготовка профильных специалистов с высшим образованием имеет важнейшее государственное системообразующее значение.

The article discusses topical issues of the development of modern education in the field of preparation «Mudimedia journalism» in the context of the problem of the formation of the values of the protection of the Fatherland, patriotism and preserving historical memory. The modern information society raises on the agenda the question of strengthening the influence on the society of the media and media communications, therefore, the training of specialized specialists with higher education is of the most important state system -forming importance.

Ключевые слова: Защита Отечества, патриотизм, журналистское образование, средства массовой информации, информационное общество, историческая память, медийные коммуникации, ценности.

Keywords: Protection of the Fatherland, patriotism, journalistic education, media, information society, historical memory, media communications, values.

80-летие Великой Победы ставит на повестку дня вопрос о важности медиа в вопросах сохранения исторической памяти, поддержания и развития ценности защиты Отечества, развития патриотизма, формировании соответствующего общественного дискурса. Существенную роль в

формировании общественного мнения в обществе традиционно играют средства массовой информации, при этом в условиях современного информационного общества роль медиа многократно возрастает [1]. В силу общей внешнеполитической конъюнктуры Россия в настоящее время фактически находится в состоянии информационной войны, объявленной ей коллективным Западом, поэтому формирование адекватной и идейно проработанной информационной повестки по вышеуказанным вопросам имеет стратегическое значение для страны, вопросов развития внутренней политики и единения общества на основании четко выстроенной идентичности [2].

Важнейшим аспектом является подготовка специалистов для медиаотрасли, и ключевую роль здесь играют выпускники программ бакалавриата по направлению «Мультимедийная журналистика» [3]. От того, в какой степени современный выпускник такого профильного направления подготовки уровня высшего образования будет профессионально и морально подготовлен к работе по указанным темам, в конечном счете будет зависеть и формируемый в обществе «градус патриотизма» [4; 5]. При этом, естественно, речь идет о сознательной гражданской позиции работников медиаотрасли, которая формируется под воздействием большого количества разнообразных факторов.

Ключевыми факторами, влияющими на вопросы подготовки качественного кадрового состава для медиаотрасли, по мнению автора, в настоящее время являются следующие:

- Уровень общего морального духа абитуриентов, имеющаяся в их сознании «матрица моральных, общечеловеческих и гуманитарных ценностей», среди которых важное место занимают как раз аспекты патриотизма, исторической памяти и защиты Отечества [6, 7];

- Соответствующий «багаж знаний», полученный абитуриентами на уровне полного среднего образования. Важнейшими аспектами являются потенциал информации и понимания по таким гуманитарным дисциплинам, как «История», «Русский язык и литература», «Обществознание»;

- Степень интеграции молодежи в важные патриотические мероприятия, в том числе посвященные исторической памяти [8; 9];

- Уровень погруженности молодежи в общую текущую информационную повестку, активность в получении информации о текущей политической обстановке в стране и мире, ее критическое восприятие с учетом имеющегося базового багажа знаний [10; 11].

Рассуждая о важности журналистского образования, нельзя не отметить необходимость выработки у студентов-журналистов соответствующих компетенций, прежде всего общепрофессиональных и профессиональных, которые будут напрямую влиять на работу будущих специалистов по указанным тематическим направлениям [12; 13]. К числу последних можно отнесли следующие:

- Интеграция студентов в вопросы формирования патриотической медийной повестки, изучение эффективных практик и знакомство со специалистами-практиками отрасли, которые активно занимаются изучением проблематики защиты Отечества, патриотизма и исторической памяти;

- Акцент на указанной проблематике в учебных курсах, входящих в состав основной образовательной программы и имеющих отношение к изучаемой проблематике, например, «История Отечества», «История журналистики»;

- Использование баз практик и тематик Научно-исследовательских работ (НИР), которые тематически связаны с указанными вопросами – прохождение практик в пресс-службах учреждений культуры разных уровней и органах управления указанного профиля, военных и патриотических изданиях и медиа, общественных и ветеранских организациях;

- Стимулирование профессионального исследовательского интереса у студентов направления «Мультимедийная журналистика» и других медийных специальностей в области патриотизма, гражданственности, исторической памяти, защиты Отечества и по схожим тематикам с учетом особенностей современной медиасистемы [14];

- Активная работа со студентами в вопросах изучения региональных историй патриотизма и защиты Отечества, что, например, для Дальнего Востока России будет играть особую роль, поскольку, несмотря на относительно короткую историю освоения региона, с ним связано довольно много значимых событий, повлиявших на судьбу нашей страны в целом – Дальневосточная республика и вхождение Дальнего Востока в состав РСФСР, война на Халхин-Голе, окончание Второй мировой войны на Тихом океане и разгром милитаристской Японии в 1945 году, участие в Корейской войне 1950-1953 гг.

Список литературы

1. Аргылов, Н.А. Высшее журналистское образование на Дальнем Востоке: история ДВГУ – ДВФУ // Журналистика и общественные коммуникации в цифровом пространстве: создавая смыслы. Владивосток, 2021. С. 7-16.
2. Вартанова, Е.Л. Медиапотребление на современном этапе нуждается в исследованиях // Медиатренды. 2020. № 1. 16 марта. URL: https://www.journ.msu.ru/downloads/2020/MediaTrendi_73.pdf (дата обращения 20.09.2025).
3. Липатова, А.В. Медиапотребление молодёжи в социальных сетях: обзор мировых и российских практик // Казанский социально-гуманитарный вестник. №2 2023(59). С. 20-23.
4. Медиапотребление «цифровой молодежи» в России: монография / под ред. Д.В. Дунаса. Москва: Издательство Московского университета, 2021. 406 с.
5. Смирнова, О.В., Шкондин, М.В. Исследования медиа и журналистики в контексте конфликтологии: системно-теоретические аспекты // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 1. С. 5-21.
6. Зарубина, Н.К., Овчинкин, О.В., Пыхтин, А.И. Оценка качества подготовки абитуриентов при приеме в вуз по результатам ЕГЭ и итоговому сочинению // Фундаментальные исследования. 2015. № 8 (ч. 3). С. 481-485.
7. Тулупов, В.В. Подготовка медиаспециалистов в вузах современной России: проблемы и перспективы // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2022. № 1. С. 4–9.
8. Агапов, В.Л. Кто вы? Акулы пера или дятлы клавиатуры: Учебное пособие / В.Л. Агапов, К.В. Барина, Л.А. Васильева, П.Ю. Самойленко, И.С. Гладкова, Григорьева Л.Ю., Захаркин Р.А., Кириллова Л.Е., Лыкова Т.Д., Олейникова Е.Ю., Т.В. Прудкогляд, Л.И. Распутная, Е.В. Федорова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2020. 134 с.
9. Пятова, А.В. Роль масс-медиа в формировании ценностных ориентаций молодежи // Общество: философия, история, культура. 2022. № 10. С. 114-118.
10. Будолак, М.С. Понятие «социальные медиа» // Петербургская школа PR: от теории к практике / отв. ред. А.Д. Кривоносов. – СПб., 2009. Вып. 7. С. 15-23.
11. Вартанова, Е.Л. К вопросу о последствиях цифровой трансформации медиасреды // Медиаальманах. 2022. № 2. С. 8-13.
12. Назаров, М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. – 2-е изд., испр. – М.: УРСС, 2002. 239 с.
13. Якова, Т.С., Янглева, М.М. Лидерство в гуманитарной сфере: интерес к журналистике в регионах мира в условиях «академического капитализма» // Вопросы теории и практики журналистики. 2023. Т. 12, № 2. С. 278–295.
14. Jenkins, H., Purushotma, R., Clinton, K., Weigel, M. & Robinson, A.J. Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century / H. Jenkins, R. Purushotma, K. Clinton, M. Weigel & A.J. Robinson [Electronic resource]. – URL: <http://www.newmedialiteracies.org/files/working/NMLWhitePaper.pdf>. (дата обращения: 27.02.2025).

**ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА КАК ЦЕННОСТЬ
В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ МОЛОДЕЖИ**

ДОКЛАДЫ

**ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
ЖИТЕЛЯМИ ПРИГРАНИЧНОГО С УКРАИНОЙ
РЕГИОНА РОССИИ**

**PECULIARITIES OF THE PERCEPTION OF EVERYDAY LIFE
BY RESIDENTS OF THE RUSSIAN REGION BORDERING UKRAINE**

В.П. Бабинцев

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород*

V.P. Babintsev

*Belgorod State National
Research University, Belgorod*

Рассматривается специфическая кризисная ситуация в приграничных с Украиной регионах России. Обосновывается понятие региона-фронтира. Определяются трудности проведения в таких регионах социологических исследований. Интерпретируются результаты социологической диагностики восприятия повседневности жителями Белгородской области в условиях специальной военной операции на Украине.

A specific crisis situation in the regions bordering Ukraine in Russia is being considered. The concept of the frontier region is substantiated. The difficulties of conducting sociological research in such regions are determined. The results of the sociological diagnosis of the perception of everyday life by residents of the Belgorod region in the context of a special military operation in Ukraine are interpreted.

Ключевые слова: регион, приграничный регион, фронтир, повседневная реальность, безопасность

Keywords: region, border region, frontier, everyday reality, security

Жители четырех субъектов Российской Федерации (Белгородской, Брянской, Курской – в большей степени; Воронежской – в меньшей), а это 6-7% населения страны почти четыре года живут в экстремальных условиях, ощущая на себе последствия прямого и постоянного воздействия военных действий, осуществляемых в рамках специальной военной операции на Украине. Фактически на их территории сформировалась

ситуация специфического российского фронта. Особенность использования этого многозначного понятия, традиционного для культурной традиции США [1-3], в отношении приграничных с Украиной субъектов в том, что оно прежде всего указывает на исключительность, ненормальность и трагичность сложившейся здесь ситуации и выступает как метафора. Преимущество использования его для характеристики состояния этих российских территорий России, в пределах которых произошли радикальные изменение взаимоотношений двух частей прежде единой культурно-цивилизационной общности, заключается в двух основных положениях. Во-первых, выпадая из общей культурно-семантической отечественной традиции, она подчеркивает необычность происходящего. Во-вторых, метафора, хотя бы косвенно, дает понять, что происходящее – это не только военный конфликт, но и цепь событий, существенно меняющих мировосприятие проживающих на территории фронта людей.

В каком направлении происходят эти изменения и каковы будут их последствия, сказать сложно, в том числе по причине дефицита эмпирических данных, полученных строгими социологическими методами. Социология в ее академическом понимании в условиях фронта имеет свою специфику, которую можно свести к следующим позициям:

- не востребованность адекватной реальности социологической информации основными акторами, каждый из которых в предельно жесткой форме отстаивает свою «правду» и обоснованно рассматривает любую информацию как один из видов оружия;
- вполне понятные ограничения на сбор и распространение информации, необходимость ее цензурирования, обусловленные задачей соблюдения секретности в условиях близости к зоне военных действий;
- ограниченная доступность объектов исследований, в том числе, по соображениям безопасности их участников;
- высокий уровень информационных шумов, возникающих вследствие активной пропаганды и контрпропаганды сторон.

Тем не менее, проведение более или менее релевантных, с одной стороны, ситуации, с другой стороны, требованиям науки исследований, как показал опыт, все же возможно. В 2023-2025 гг. социологами Белгородского государственного университета были реализованы три исследовательских проекта «Мониторинг благополучия населения Белгородской области» (2023 год; анкетный опрос населения; n = 6800); экспертный опрос по проблеме изменений в жизни белгородского сообщества в условиях специальной военной операции (2023 г.; n = 37) и «Проблемы формирования и

перспективы развития учительских сообществ» (2024-2025 гг.; n = 442). Первый предполагал оценку социального самочувствия белгородцев; – профессиональную оценку изменений социума приграничного региона в условиях СВО. Третий – диагностику мнения учителей об изменениях в системе школьного образования области за период операции. Акцентирование внимания на образовании было связано с тем, что в условиях близости военных действий дети оказались одной из наиболее уязвимых групп, и забота об их безопасности и развитии во многом предопределила мышление и поведение людей. Судьба детей приграничья вызывает особую тревогу, в связи с разбалансированностью системы образования и воспитания. Показательно, что 26% учителей обеспокоены интеллектуальной деградацией детей.

В число многих задач, решаемых в ходе проведенных исследований, входила оценка особенностей восприятия белгородцами повседневной реальности. В условиях гибридной войны она приобрела ряд специфических черт, придавших ей «квазивоенный» характер. В их числе: наличие постоянной угрозы нападения силами регулярной армии; непрекращающиеся удары по мирному населению и инфраструктуре посредством малой авиации и артиллерийских обстрелов; рейды диверсионных групп и диверсионные акты; системная психологическая война, основные события которой перенесены в виртуальную реальность; нагнетание атмосферы нестабильности и подогревание фобий.

Эти характеристики, очевидно, могут быть дополнены в ходе системных исследований, поскольку наши проекты дают о них лишь общее представление. Многие из утверждений являются результатом социологической реконструкции полученных, довольно фрагментарных, эмпирических данных на основе опыта включенного наблюдения автора за ними. Отсутствует возможность обсудить их с другими специалистами, поскольку на данном этапе российская социология предпочитает «не замечать» глубочайший кризис в российско-украинском приграничье. Это в полной мере проявилось при подготовке VII Всероссийского социологического конгресса. Нельзя не согласиться с А.М. Осиповым, А.В. Скоробогатько и В.В. Ковалевым, которые пишут: «В общественной памяти и истории науки, увы, останется тот факт, что ВСК-7 2025 г. обошел молчанием идущие четвертый год военные действия страны против гибридного жестокого неонацизма объединенного Запада и сопряженные с ними социальные проблемы. В этом, по нашему мнению, выражается определенная идейная и ценностная позиция» [4].

Тем не менее, полученные нами результаты дают некоторое представление об особенностях восприятия населением регионов аномальной повседневной реальности. К ним относятся следующие.

1. Глубокие изменения в психоэмоциональном состоянии людей (отметили 83% экспертов). Как показал опрос школьных учителей, в основе изменений лежит тревога за безопасность, прежде всего, за безопасность детей (67% из них отмечают рост ответственности за ее обеспечение). Можно довольно уверенно утверждать: большинство населения области воспринимает социальные процессы через призму безопасности и так же оценивает деятельность социальных институтов.

2. Свертывание индивидуального субъективно воспринимаемого жизненного пространства до уровня своего жилища. Только в нем большинство белгородцев (75%) чувствуют себя в безопасности, в то время как на улице – 69%; в населенном пункте в целом – 46%; в регионе в целом – 21%. В результате повседневная среда за пределами соседско-родственного окружения все чаще рассматривается как агрессивная или, по меньшей мере, не комплементарная человеку.

3. Ощущение небезопасности и тревожности, тем не менее, довольно быстро «опривычивается» и не выражается в протестах по отношению к СВО. Если исключить фактор безопасности, то оно определяется чувством патриотизма (40%) и солидарностью (37%), только 8% респондентов ставят его в зависимость от личного благополучия.

4. Повседневные отношения между людьми, как полагают сами респонденты, определяются в настоящее время двумя главными тенденциями: повышением уровня взаимной поддержки и взаимопомощи (86%) и усилением интенции к консолидации (40%), но при этом остается низким показатель социальной ответственности. О том, что он проявляется в межличностных отношениях, заявляют лишь 27% участников опроса. Таким образом, можно утверждать, что солидарные практики белгородцев чаще всего не предусматривают обязательств в отношении контрагента. Наблюдения показывают: несмотря на развитие волонтерства и добровольчества, многие белгородцы, которым предоставлена возможность отвечать за себя самим, полагают, что они оставлены на произвол судьбы.

Таким образом, проведенные исследования дают основание считать, что в основе восприятия жителями приграничного региона повседневной реальности лежит установка на привыкание к экстремальности и небезопасности жизненных условий, дополненная стремлением компенсировать очевидные опасности и угрозы за счет актуализации микропрактик солидарности и поддержки, распространяемой, в том числе, и на государственную политику.

Список литературы

1. Андреева, А.А. Фронт как понятие и исследовательская концепция // Вестник Калмыцкого университета. 2025. № 1 (65). С. 140-145.
2. Панарина, Д.С. Граница и фронт как фактор развития региона и/или страны / История и современность. 2015. № 1. С. 15-41. URL: https://www.isras.ru/files/File/Istoriya_i_sovremen/2015_1/Istor_i_sovr_1_2015.pdf (дата обращения 24.09.2025).
3. Романова, А.П., Якушенков, С.Н. Фронтальная теория: новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на Юге России / А.П. Романова, С.Н. Якушенков // Инноватика и экспертиза. 2012. Выпуск 2 (9). С. 74-80.
4. Осипов, А.М., Скоробогатько, А.В., Kovalev, V.V. Цивилизационные приоритеты России // Caucasian Science Bridge. Т. 8. Вып. 3 (29). С. 98-105.

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE SYSTEM OF SOCIAL VALUES OF CONTEMPORARY RUSSIAN YOUTH

С.П. Барматова

МИРЭА – Российский технологический университет, г. Москва

S.P. Barmatova,

MIREA – Russian Technological University, Moscow

Основное внимание уделено системе социальных ценностей современной российской молодежи, роли и месте в формировании этой системы памяти о Великой Отечественной войне. Сформулирован и обоснован ряд утверждений и рекомендаций, способствующих дальнейшему сохранению этой памяти и активированию ее значимости в системе жизненных ценностей современной российской молодежи.

The theses focus on the issue of the system of social values of modern Russian youth and the role and place in the formation of this system of memory of the Great Patriotic War. The author of the theses formulated and substantiated a number of statements and recommendations that contribute to the further preservation of this memory and the activation of its significance in the system of life values of modern Russian youth.

Ключевые слова: молодежь, социальные ценности, патриотизм, память о Великой Отечественной войне.

Keywords: youth, social values, patriotism, memory of the Great Patriotic War.

Память о Великой Отечественной войне является одним из самым показательных и достоверных «смысловых измерений» [1] ценностного

отношения к этому историческому событию, выступая не только «необходимой компонентой культурной и гражданской социализации молодых поколений» [1], но и частью системы ее жизненных ценностей.

И, судя по данным ВЦИОМ, российском обществе в этом вопросе есть чем гордиться: с 2016 по 2025 год «...доля патриотов среди молодежи 18-24 лет выросла на 16% и достигла 99%, а среди людей 25-34 лет – на 13%, до 92%» [2]. Патриотизм проявляется, в первую очередь, в готовности молодых людей «...встать на защиту Родины» [2].

Приведенные данные значимы и очень показательны, но все-таки при работе с ними должен присутствовать рациональный (или даже – взвешенный) оптимизм, так как, по нашему мнению, необходимо помнить и о следующем: при оценке жизненных ценностей молодежи исследователи [см., например, 3] отмечают синтетический характер жизненных ценностей молодежи, который проявляется следующим образом: система ценностей этой социальной группы не является цельной и устойчивой, а представляет собой смесь различных, порой противоречивых, установок, взятых из разных источников и не всегда интегрированных в единое целое. А именно: несмотря на «...высокую значимость семьи, воспитания детей, значимость интересной работы, достаточно высокой популярностью... пользуется свобода (66%), материальное благополучие (63%), индивидуальность (66%)» [3].

Таким образом, «...значимость семьи по системе альтернативных ценностных суждений достигает 70%, разрыв между полюсами традиционных ценностей, где ядром является семья, и либеральных, где ядром является свобода и индивидуальность, оказывается незначительным».

В свою очередь, высокая оценка значимости материального благополучия у молодежи «...опирается на риск потерять достаток. По оценкам молодежи это самый значимый риск (54%). Разрыв данного риска с другими (проблема устроиться на работу – 23%, проблема остаться без друзей – 22%, не встретить любимого человека – 14%) остается значительным» [3].

Исходя из этого материала, в представленном перечне ценностных ориентиров «повседневности» патриотизм не определяется молодежью как базовый и «системообразующий».

Это, с одной стороны, вполне объяснимо, так как проявление патриотических настроений и установок в процессе повседневной жизнедеятельности молодежи не требует какого-то особенного «проявления», и его «весомость» во многом была усилена начавшейся в 2022 г. Специальной Военной операцией, которая, действительно, стала для россиян «моментом истины».

Следует отметить, что российское общество в целом проверку Специальной Военной операцией выдержало: больше половины россиян (59%) уже в 2022 г. на вопрос о ценности для развития нашей цивилизации западной цивилизации, демократии и западной культуры ответили, что этой ценности и пользы от западной цивилизации, демократии и западной культуры не видят: «...33% считают, что они не подходят нам, а 26% называют их разрушительными. Доля считающих, что от западной цивилизации, демократии и культуры можно взять много полезного, сократилась с 55% в 2000 г. до 30% в 2022 г. [4].

Такая же позиция демонстрируется и молодежью. Политолог А. Ярошенко, оценивая настроения российской молодежи, констатирует: «Сегодняшняя российская молодежь демонстрирует принципиально иное восприятие страны. Если для поколения 1990-х ключевыми вопросами были утрата доверия к государству и поиск новых идентификационных оснований, то подростки и молодые люди 12-18 лет формируются в условиях, когда Россия уже выступает в качестве самостоятельного и влиятельного мирового игрока» [5].

Но, по нашему мнению, в работе с молодежью очень важным остается постоянное, очень профессиональное и очень экспертное сопровождение вопроса патриотизма и «непатриотизма» как полюсов социальных умонастроений в российском обществе, в первую очередь, при оценки этих умонастроений по вопросу памяти о Великой отечественной войне среди молодежи как особой социальной группы. Это связано, например, с тем, что за последние два десятилетия «...мы стали чаще говорить о Дне Победы как о дне памяти и скорби, сегодня так считают четверть россиян (25%, +7 п.п. к 2005 г.). Эта позиция особенно близка тем, кто родился после 1992 г. (младшие миллениалы и зумеры) – 41-42%» [6]. То есть, у достаточно большой доли молодых россиян при формировании памяти о Великой Отечественной войне ведущими мотивами этого формирования выступают, в первую очередь, мотивы сопереживания эмоциональным настроениям старших поколений.

И еще: Да, «...большая часть россиян (67%, – 9 п.п. к 2005 г.) по-прежнему воспринимают 9 Мая как праздник, как самую большую победу на протяжении всей истории России» [6]. Но! «...Чаще об этом говорят рожденные до 1981 г. (74-78%), те, кто хорошо помнит многих фронтовиков и, вероятно, кто успел пообщаться лично с участниками тех событий». Для представителей поколений, рожденных позже, пообщаться с бывшими фронтовиками лично становится все сложнее в силу естественного

сокращения их количества, что, естественно, влияет на степень личной эмоциональной «привязки» к этой великой Победе.

Да, представители молодого поколения не считают, что Великая Отечественная война – это уже далекая история, которая не слишком волнует их поколение, но и в перечне референтов молодежи имен героев, связанных с этой войной, встречается не так много, так как для поколения альфа и, тем более, для уже вступающего в мир поколения бета характерно «главенство ценностей цифрового мира» [7].

Необходимо отметить, что цифры и утверждения о подъеме патриотических настроений российской молодежи, приведенные в первой части тезисов, и констатация факта, согласно которому среди «повседневных» жизненных ценностей молодежи патриотизм не представлен в числе ведущих в целом не противоречат друг другу, но дают возможность сформулировать ряд размышлений:

1. Устойчивости и развитию патриотизма представителей молодого поколения во многом способствуют семейные традиции памяти о Великой Отечественной войне. Очень показательным в этом отношении может быть рассказ студента-первокурсника РТУ МИРЭА о том, что его прадедущка, уходя на фронт, поклялся вернуться и посадить деревья. Прадедущка исполнил свое обещание – вернулся, и посадил дерево. И по сей день вся семья, включая рассказчика-студента, сохраняет традицию не просто поливать это дерево, но и собираться в день рождения прадеда возле дерева, читать его военные письма и отдавать дань памяти всем воинам, приближавшим Великую Победу.

2. Для представителей молодого поколения одним из самых «работающих» механизмов формирования патриотизма как установки, участвующей в формировании поведенческого репертуара, является личностный опыт. Дети в Луганской и Донецкой республиках, которые с 2014 г. до момента освобождения территорий этих республик российскими воинами, прячась в подвалах при налетах украинских нацистов уже после того, как эти республики вернулись в Российскую Федерацию, громко пели «Я – русский», чтобы меньше слышать звуки взрывов. Речь ни в коем случае не идет о том, что молодежь должна получать личностный опыт, находясь «на передовой», но, на наш взгляд, необходимо развивать систему более тесного молодежного взаимодействия между новыми и всеми остальными регионами Российской Федерации, которое может реализовываться как в программах волонтерской направленности, так и в любых других форматах – культурных, научных, спортивных.

3. Нужно еще больше внимания уделять культивированию героизма и служения Отчизне и Родине, проявляемого нашими воинами на полях Специальной военной операции, которые являются прямыми продолжателями дела своих прадедов и дедов, сражавшихся на полях Великой Отечественной войны. Именно через эту преемственность память о той войне в сознании молодежи наполняется современным, живым, референтным и личностно переживаемым «смысловым» содержанием и «смысловым измерением» патриотизма.

Список литературы

1. Лебедев, С.Д., Шаповалова, И.С., Рощупкина, Н.А., Шкапенко, А.А. Социальная травма и ценности поколений: Великая Отечественная война в исторической памяти студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. Т. 6. № 2. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-travma-i-tsennosti-pokoleniy-velikaya-otechestvennaya-voyna-v-istoricheskoy-pamyati-studencheskoy-molodezhi> (дата обращения: 05.05.2025).
2. Патриотизм как тренд: почему молодежь становится патриотичнее? <https://www.gazeta.ru/social/2025/08/20/21563654.shtml> (дата обращения: 05.05.2025).
3. Волков, И.В., Валлис, И. Молодежь 2024: система ценностей и жизненные ориентиры // Академическое издательство «Научная артель. Научный журнал «IN SITU». №8.2024. С. 48-49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezh-2024-sistema-tsennostey-i-zhiznennye-orientiry/viewer> (дата обращения: 05.05.2025).
4. Влияние Запада и российская культура. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vlijanie-zapada-i-rossiiskaja-kultura> (дата обращения: 05.05.2025).
5. ВЦИОМ назвал долю патриотов среди молодежи в России. URL: <https://lenta.ru/news/2025/08/19/vtsiom-nazval-dolyu-patriotov-sredi-molodezhi-v-rossii/> (дата обращения: 05.05.2025).
6. 9 мая и память о Великой войне. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/9-maja-i-pamjat-o-velikoi-voine> (дата обращения: 05.05.2025).
7. Теория поколений: кто идет на смену альфам и в чем их особенность. URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/453557-teoria-pokolenij-kto-idet-na-smenu-al-fam-i-v-chem-ih-osobennost> (дата обращения: 05.05.2025).

ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА КАК ЦЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ МОЛОДЕЖИ DEFENSE OF THE FATHERLAND AS A VALUE IN THE SYSTEM OF LIFE GUIDELINES OF YOUNG PEOPLE

И.Ю. Киселев, В.В. Загребин

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,

г. Ярославль

Е.В. Ясюченя

Управление по молодежной политике Мэрии города Ярославля,

г. Ярославль

I.Y. Kiselev, V.V. Zagrebin

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl

E.V. Yasyuchenya

Department of youth policy of Yaroslavl city administration, Yaroslavl

На основе результатов социологических исследований показано, что у молодежи сформировано представление о защите Отечества как составляющей патриотической идентичности. Однако ориентация молодежи на обеспеченную и спокойную жизнь, приоритет заботы о семье приводят к готовности защищать Отечество не только посредством противодействия внешним угрозам, но и обеспечения социально-экономического развития, заботы о благополучии граждан.

Based on the results of sociological research, it has been shown that young people have formed an idea of the defense of the Fatherland as a component of patriotic identity. However, the youth's focus on a secure and peaceful life and the priority of caring for the family lead to a readiness to defend the Fatherland not only by countering external threats, but also by ensuring socio-economic development and caring for the well-being of citizens.

Ключевые слова: Защита Отечества, гражданская идентичность, патриотизм, служба в армии, ценности, молодежь.

Keywords: Defense of the Fatherland, civil identity, patriotism, military service, values, youth

Россияне хранят память о Великой Отечественной войне. Согласно результатам опросов ВЦИОМ, они считают День Победы – 9 мая, самым важным праздником, а победу в Великой Отечественной Войне – самой большой победой России на протяжении всей её истории [1]. При этом респонденты рассматривают события Великой Отечественной войны как пример героизма, мужества, подвига народа, защищающего свою Родину [1].

Отмеченные представления о победе в Великой Отечественной войне разделяют разные поколения россиян. Согласно результатам опросов

ВЦИОМ, молодежь* реже, чем респонденты по выборке в целом, оценивают победу в Великой Отечественной войне как самую большую победу России на протяжении всей ее истории (49%, 47% и 67% соответственно). Они реже хорошо осведомлены об участии своих родственников в Великой Отечественной войне и их жизни в этот период (27%, 34% и 45% соответственно) [1].

В связи с этим обретает актуальность вопрос, как современная молодежь воспринимает необходимость защищать Отечество?

С целью поиска ответа на поставленный вопрос проанализируем результаты авторского социологического исследования, проведенного в Ярославской области в феврале 2025 г. Объем выборки – 1764 человека. Выборка – целевая. Опрошены респонденты в возрасте 14-35 лет. Распределение по возрасту: 14-17 лет (43,9%), 18-22 года (35,8%), 23-30 лет (9,1%), 31-35 лет (11,1%). Среди респондентов 59,2% – женщины, 40,8% – мужчины. Сбор данных осуществлен методом онлайн-опроса с использованием структурированной анкеты, размещённой на платформе Yandex Forms.

Согласно результатам проведенного опроса, 64,8% респондентов полностью согласны (33,4%) и скорее согласны (31,4%) с тем, что настоящий мужчина должен служить в армии. При этом служба в армии рассматривается респондентами в качестве базовой характеристики образа патриота. 56,4% опрошенных убеждены, что служба в армии в полной мере соответствует образу патриота, 16,2% – скорее соответствует ему. Образу патриота соответствует и готовность защищать свою страну: 71,7% респондентов полагают, что подобное поведение полностью соответствует образу патриота, 14,2% – скорее соответствует. Более того, защита народа и территории страны от агрессии находится в числе наиболее часто упоминаемых смысловых категорий патриотизма (48,5%) наряду с проявлением гордости за страну (63,8%) и уважением традиций (40,1%).

Респонденты могли одновременно выбрать до 3 категорий из 11 вариантов ответа на вопрос: «В чем, на Ваш взгляд, наиболее ярко проявляется истинный патриотизм?» 1. В гордости за свою страну; 2. В защите народа и территории страны от агрессии; 3. В разговорах и беседах со знакомыми на патриотические темы; 4. В голосовании на выборах за патриотические партии и политиков-патриотов; 5. В участии в

* По возрастной периодизации (14-35 лет) российская «молодежь» совпадает с представителями поколений цифры (2001 г. и позднее) и младших миллениалов (1992-2000 гг.).

патриотических организациях; 6. В праздновании исторических событий и юбилеев; 7. В конструктивной критике недостатков своей страны; 8. В работе с полной отдачей на благо страны; 9. В укреплении семьи и воспитании детей; 10. В уважении традиций; 11. В чем-то другом (укажите). Кроме того, респондент мог выбрать вариант «Затрудняюсь ответить».

Большинство участников исследования с уважением относится к участникам военных действий. Сказанное, прежде всего, справедливо в отношении ветеранов Великой Отечественной войны. Данный вариант ответа выбирает 89,7% опрошенных. Молодежь с уважением относится и к участникам локальных конфликтов (в Афганистане, в Чечне) – 74,4%, а также к участникам специальной военной операции на Украине – 72,7%.

Согласно результатам исследования, у молодежи сформировано представление о защите Отечества в качестве составляющей патриотической идентичности. Вместе с тем, можем заметить, что доли тех, кто убежден в необходимости защищать свою страну и служить в армии не совпадают. Иначе говоря, молодежь готова защищать свою страну, но не всегда с оружием в руках. Более того, служба в армии реже других характеристик рассматривается как в полной мере соответствующая образу патриота или скорее соответствующая ему. Лишь каждый пятый (20,5%) полагает, что человека, который уклоняется от службы в армии, нельзя считать патриотом.

Сделанные выводы в целом соответствуют результатам всероссийского опроса ВЦИОМ. Россияне чаще всего понимают словосочетание «защита Родины» как защиту страны (защита границ и интересов страны, ее целостности, готовность встать с оружием на защиту, готовность умереть за Родину) – 50%. Однако, респонденты приводят и другие трактовки. Защита Родины понимается и как «защита семьи» (дома, близких, места, в котором живешь или родился) – 26%; «ответственность за страну» (развитие страны, повышение благосостояния населения, стабильность, забота о людях) – 22%; «любовь к Родине» – 19% [3]. Фактически, в восприятии россиян речь идет о расширительной трактовке понятия «защита Отечества», которая предполагает не только обеспечение безопасности страны и народа, но и создание условий для социально-экономического развития, роста благосостояния людей.

Подобное понимание защиты Отечества в целом согласуется с ценностными ориентирами современной российской молодежи. Согласно результатам исследования, проведенного ВЦИОМ, 83% опрошенных молодых людей идентифицируют себя в качестве граждан Российской Федерации. Более того, 56,4% называют эту идентичность в первую очередь. Они полагают, что законы, нормы и правила, установленные Уголовным Кодексом РФ (78%) и

Конституцией РФ (74%), должны соблюдаться всегда, даже если кажутся не совсем справедливыми или устаревшими. Согласно статье 59 Конституции РФ, «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации» [4]. Сформированная гражданская идентичность и установка на соблюдение норм российского законодательства создают у молодежи фундамент готовности защищать Отечество.

Вместе с тем, ценностные приоритеты молодежи способствуют трансформации понимания сущности защиты Отечества. Отвечая на вопрос, «Как бы Вы хотели прожить свою жизнь?»,* молодые респонденты чаще других отмечали желание «добиться высокого уровня благополучия» – 58%; «жить спокойно, работая и заботясь о своей семье» – 54%; «приносить пользу своему народу, обществу, активно участвуя в общественной, политической жизни» – 26% [5]. Желание вести обеспеченную, спокойную и размеренную жизнь, ориентированную, прежде всего, на себя и свое ближайшее окружение, и только потом – на благополучие общества, обуславливает специфику понимания молодежью сущности защиты Отечества. Можно ожидать, что молодежь будет демонстрировать установку на защиту Отечество не только посредством защиты территории страны и населения от внешних угроз, но и обеспечения социально-экономического развития и заботы о благополучии граждан, то есть в русле расширительной трактовки безопасности.

Список литературы

1. 9 мая и память о Великой войне // ВЦИОМ. 2024. 07 мая – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/9-maja-i-pamjat-o-velikoi-voine> (дата обращения: 25.07.2025).
2. Великая победа – главное событие в истории нашей страны в XX веке // ВЦИОМ. 2020. 23 июня – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikaya-pobeda-glavnoe-sobytie-v-istorii-nashej-strany-v-xx-veke> (дата обращения: 25.07.2025).
3. Герои нашего времени // ВЦИОМ. 2025. 19 февраля – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/geroi-nashego-vremeni> (дата обращения: 26.07.2025).
4. Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации – URL: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution> (дата обращения: 27.07.2025).
5. Ценности молодежи // ВЦИОМ. 2022. 14 декабря – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 27.07.2025).

*Респонденты могли выбрать не более 2 вариантов ответа.

**ЗНАЧЕНИЕ ИТОГОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
ДЛЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**
**THE SIGNIFICANCE OF THE RESULTS
OF THE SECOND WORLD WAR FOR THE DEVELOPMENT
OF THE MODERN SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS**

О.А. Колобов, О.О. Хохлышева
*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород*
О.А. Kolobov, O.O. Khokhlysheva
*Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod*

Анализируются итоги Второй мировой войны согласно результатам Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов. Авторами рассматриваются Нюрнбергские принципы и их роль в современной мировой политике и международных отношениях. Уделено внимание роли СССР/России как одной из великих держав современности по итогам Второй мировой войны. Авторы рассматривают процесс становления и развития универсальной международной коллективной неделимой безопасности.

The results of the Second World War are analyzed according to the results of the Nuremberg and Tokyo International military tribunals. The authors consider the Nuremberg Principles and their role in modern world politics and international relations. Attention is paid to the role of the USSR/Russia as one of the great powers of our time following the results of the Second World War. The authors consider the process of formation and development of universal international collective indivisible security.

Ключевые слова: итоги Второй мировой войны и их историко-политическое значение, Устав ООН, мировая политика, внешняя политика и международные отношения, роль СССР/России в международных отношениях согласно итогам Второй мировой войны, система международной безопасности, всеобщий запрет на ведение войны.

Keywords: the results of the Second World War and their historical and political significance, the UN Charter, world politics, foreign policy and international relations, the role of the USSR/Russia's role in international relations according to the results of the Second World War, the international security system, and the universal prohibition of war.

Historia magistra vitae*

*Historia magistra vitae. История – учительница жизни // Цицерон «Об ораторе», II, 9, 36: Historia vero testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae, nuntiavetustatis, qua voce alia nisi oratoris immortalitati commendatur? «А история – свидетель времен, свет истины, жизнь памяти, учительница жизни, вестница старины – в чем, как не в речи

Вопрос о Второй мировой войне и ее итогах продолжает сохранять остроту и актуальность, требуя более тщательного подхода в исследованиях, особенно в истории, политических и общественных науках. Актуальность итогов Второй мировой войны и возможность их пересмотра остаются на повестке дня и требуют пристального внимания и анализа. В первую очередь к итогам Второй мировой войны следует отнести создание современной системы международной универсальной коллективной неделимой безопасности, основы которой закреплены Уставом Организации Объединенных Наций. В создание Организации и ее Устава значительный, если не решающий вклад, внес СССР, а Российская Федерация как государство-продолжатель сохраняет свое исключительное влияние в рамках самой организации. В настоящее время система ООН и её практика обеспечения международной коллективной универсальной системы международной безопасности подвергаются критике. Кроме того, критике подвергается и Устав Организации, в то время как именно его положения призваны служить основой международного мира и безопасности, опираясь на действующее международное право. Устав ООН является международным договором, положения которого должны выполняться. Кроме того, пересмотр значения деятельности и факта ее существования и развития ООН и ее Устава как источника международного права часто связывается с необоснованным требованием и необходимостью пересмотра итогов Второй мировой войны.

Насколько необходимо выполнение таких требований, может дать ответ только анализ системы универсальной коллективной международной безопасности, заложенной и содержащейся в Уставе ООН, и его оценка не только с точки зрения исторической ретроспективы, но сквозь призму действующего международного права и в качестве одного из его источников.

Устав ООН, явившийся одним из результатов Второй мировой войны, – это универсальный открытый международный договор, учреждающий международную межправительственную организацию. Согласно международному праву, это один из его источников, положения которого обладают преимущественной силой.

Устав ООН содержит основополагающие принципы, получившие развитие в последующий период, создав основу для всех форм развития и

оратора, находит бессмертие?» *Ne quid falsi audeat, ne quid veri non audeat historia* «Да убоится история какой бы то ни было лжи, да не убоится она какой бы то ни было правды» // Цицерон «Об ораторе», II, 15, 62: *Quis nescit primam esse historiae legem, ne quid falsi dicere audeat? Deinde ne quid veri non audeat?* «Кто не знает, что первый закон истории – бояться какой бы то ни было лжи? А затем – не бояться какой бы то ни было правды?»

сотрудничества на международном уровне. В Уставе определяется одна из основных целей Организации и государств-членов, состоящая в обеспечении международного мира и безопасности, и формулирует принципы и нормы, обеспечивающие систему международной универсальной коллективной международной безопасности. Устав ООН, чьи положения сохраняют преимущественную силу в случае коллизии с другими договорами, согласно положениям ст. 103, содержит оговорку или обязательство о всеобщем (*erga omnes*) запрете войны как явления международной жизни со всей сопутствующей этому явлению правовой атрибутикой. Кроме того, в документе содержится основополагающий принцип о запрете применения силы или угрозы силой в международных отношениях [1, ст. 103]. Применение силы остается в настоящее время крайней мерой в международных отношениях и мировой политике, возможной к реализации лишь после того, когда исчерпаны все остальные меры, определенные действующим международным правом или в случае реализации права на индивидуальную или коллективную самооборону, согласно ст. 51 Устава ООН [1, ст. 51].

Что представляет собой универсальная неделимая система международной коллективной безопасности? Насколько важно сохранить в настоящее время ее назначение и реализацию? Какова связь системы, сложившейся в результате и по итогам Второй мировой войны, и насколько успешна и возможна ли ее реализация в настоящее время? На этот и ряд других вопросов следует найти точный ответ.

Следует считать, что основным следствием Второй мировой войны стали усилия по обеспечению международного мира и безопасности¹⁸. Союзники, державы-победительницы создали Организацию Объединенных Наций (ООН), которая начала свое существование 24 октября 1945 г. ООН стала международной универсальной межправительственной организацией – правопреемницей Лиги Наций. Лига Наций формально прекратила свое существование 20 апреля 1946 г. Обычно прекращение деятельности Лиги Наций связывают с невозможностью предотвратить Вторую мировую войну. Сложилось мнение, что Статут Лиги Наций не содержал нормативного всеобщего (*erga omnes*) запрета ведения военных действий, что не является исключительно верным. Скорее, речь должна идти о невозможности или неспособности практически реализовать сложившиеся механизмы, в правовом и практическом смысле ограничивающие возможность ведения

¹⁸ См.: Устав ООН (eng.): to maintain international peace and security, (fr.) maintenir la paix et la sécurité internationales.

войны. Например, положение ст. 11 Статута Лиги Наций содержит положение о том, что: «1. Определенно объявляется, что всякая война или угроза войны, затрагивает ли она прямо или нет кого-либо из Членов Лиги, интересует Лигу в целом и что последняя должна принять меры, способные действительным образом оградить мир Наций» (то есть *государств. – Авт.*). В подобном случае Генеральный Секретарь немедленно созывает Совет по требованию всякого Члена Лиги. 2. Кроме того, объявляется, что всякий Член Лиги имеет право дружественным образом обратить внимание Собрания или Совета на *всякое* обстоятельство, способное затронуть международные отношения и, следовательно, грозящее поколебать мир или доброе согласие между нациями, от которого мир зависит [2, ст. 11]. Или положение ст. 16, гласящее: «Если Член Лиги прибегает к войне в противность обязательствам, принятым в статьях 12, 13 или 15, то он *ipso facto* рассматривается как совершивший акт войны против всех других Членов Лиги. Последние обязуются немедленно порвать с ним все торговые или финансовые отношения, запретить все сношения между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего Статут, и прекратить всякие финансовые, торговые или личные сношения между гражданами этого государства и гражданами всякого другого государства, является ли оно Членом Лиги или нет. В этом случае Совет обязан предложить различным заинтересованным Правительствам тот численный состав военной, морской или воздушной силы, посредством которого члены Лиги будут по принадлежности участвовать в вооружённых силах, предназначенных для поддержания уважения к обязательствам Лиги. Члены Лиги соглашаются, кроме того, оказывать друг другу взаимную поддержку при применении экономических и финансовых мер, которые должны быть приняты в силу настоящей статьи, чтобы сократить до минимума могущие проистечь из них потери и неудобства. Они равным образом оказывают взаимную поддержку для противостояния всякой специальной мере, направленной против одного из государств, нарушивших Статут. Они принимают необходимые постановления для облегчения прохода через их территорию сил всякого Члена Лиги, участвующего в общем действии для поддержания и уважения к обязательствам Лиги. Может быть исключен из Лиги всякий Член, оказавшийся виновным в нарушении одного из обязательств, вытекающих из Статута. Исключение выносится голосами всех остальных Членов Лиги, представленных в Совете» [2; 16].

Статут Лиги Наций содержал механизмы мирного разрешения споров, считавшиеся предпочтительными для преодоления и разногласий в международной жизни. Кроме того, в 1933 г. в рамках Лиги Наций было

принято Определение агрессии, содержащееся в Конвенции об определении агрессии от 3 июля 1933 г. [3], замененное впоследствии Определением агрессии 1974 г. (утверждено резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеей от 14 декабря 1974 г.) [4], потому полностью отрицать наличие запретов ведения военных действий в системе Лиги Наций не вполне верно. Вопрос, скорее, связан с практикой применения норм и принципов международного права, сложившихся в довоенный период. Кроме того, известны факты отрицания международного права, оцениваемых зачастую как правила международной морали, а потому не требующие выполнения и следования им. Такой подход может быть означен как международно-правовой нигилизм, и его тенденции наиболее четко прослеживались в период 20–30-х гг. XX в. в Германии, что довольно часто оценивается как одна из причин-катализаторов Второй мировой войны [5, с. 134].

С окончанием Второй мировой войны ООН в целом продолжила работу Лиги Наций, унаследовав в том числе Международную Организацию Труда (МОТ) и развив другие структуры. Система мандатов Лиги Наций перешла в ведение ООН, за исключением Юго-Западной Африки. ООН сохранила функцию наблюдения за территориями с несамоуправляющимся статусом даже после ликвидации системы колониализма в 1960 г. с принятием декларации, упразднившей систему колониализма, что также явилось следствием послевоенной организации системы международных отношений.

По итогам Второй мировой войны именно в рамках ООН зародился механизм универсальной международной защиты прав человека. В частности, принята Всеобщая декларация по правам человека 1948 г., положившая начало практики обеспечения прав человека и основных свобод, несмотря на идеологические и политические разногласия, сказывавшиеся на остальных сторонах международной жизни, и «излишне социальный характер» документа, по мнению представителей капиталистических государств. Она заложила универсальный международный стандарт к пониманию явления, введенный в сферу внутригосударственного регулирования и требующий дальнейшего развития и реализации.

С созданием ООН трансформировалось понимание дефиниции «великие державы»¹⁹, которых в настоящее время пять. Зачастую их статус

¹⁹ Общепринятое клише в сфере международных отношений – the Great powers (eng.), les grandes puissances (fr.) (Российская Федерация как государство-продолжатель СССР (СССР являлся государством-продолжателем Российской империи), Франция (аналогичный пример государства-продолжателя в международных отношениях с точки зрения международного права), США, Великобритания, Китайская Народная Республика (после 1945 г.). В истории известны случаи отказа от подобного статуса (Королевство

связывают с обладанием права вето в Совете безопасности ООН (СБ ООН) или со статусом ядерной державы, хотя в действительности статус «великой державы» предполагает несколько иные критерии. Кроме того, за КНР статус «великой державы» окончательно закрепился в 1971 г.

Одним из важных итогов Второй мировой войны является организация Международного военного трибунала по соглашению, заключенному в Лондоне 8 августа 1945 г. между СССР, Великобританией, США, Францией, чаще известного как Нюрнбергский трибунал [6]. 19 октября 1946 г. был создан Международный военный трибунал для Дальнего Востока, известный как Токийский трибунал, с учетом того обстоятельства, что чрезвычайные суды запрещены международным правом, но, учитывая обстоятельства, роль и результаты военных трибуналов в сфере международного права и международных отношений оцениваются как значительные. В результате были сформулированы Нюрнбергские принципы, позволившие развивать сотрудничество государств в сфере борьбы с международной преступностью и формировать международную уголовную юстицию. Этот процесс в настоящее время еще не завершен по объективным причинам. Юрисдикции Международного военного трибунала подлежали преступления, влекущие индивидуальную ответственность, в том числе преступления против мира, безопасности и человечества и преступления против мира, безопасности и человечности. Статья 6 Устава Международного военного трибунала относит к преступлениям следующие действия (любые из них являются преступлениями, подлежащими юрисдикции Трибунала и влекущими за собой индивидуальную ответственность):

а) преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий;

б) военные преступления, а именно: нарушения законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень; разорение, не оправданное

Швеция, например). В настоящее время пять великих держав составляют основу Совета Безопасности ООН, органа, ответственного за обеспечение универсальной международной коллективной безопасности.

военной необходимостью, и другие преступления; преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам в целях осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет [5, ст. 6]. Трибунал, учрежденный Соглашением союзников для суда и наказания лиц, которые, действуя в интересах европейских стран, Оси индивидуально или в качестве членов организации совершили любое преступление из упомянутых в Уставе Международного военного трибунала. Согласно документу, руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых перечисленных преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами в целях осуществления такого плана. Должностное положение не рассматривается как основание для освобождения от ответственности [6, ст. 7]. Согласно ст. 8 Устава Международного военного трибунала, тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности, но рассматривается как довод для смягчения наказания, если Трибунал признает, что этого потребовали интересы правосудия [6, ст. 8].

Последующие (Малые) Нюрнбергские процессы, включавшие 12 судебных процессов (1946-1949) над нацистскими деятелями, а также Хабаровский процесс, проведенный в СССР, над группой бывших военнослужащих японской Квантунской армии, обвинявшихся в создании и применении бактериологического оружия в период Второй мировой войны в нарушение Женевского протокола 1925 г., и их результаты следует также отнести к итогам Второй мировой войны.

К числу важных итогов Второй мировой войны следует отнести конвенционное определение и международно-правовое определение такого явления, как геноцид. Этот термин приобрел международно- правовое определение в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятой резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 260 (III) 9 декабря 1948 г., которая вступила в силу в 1951 г. Геноцид был определен как тягчайшее преступление против человечества. В 1933 г. термин «геноцид» был введен в обращение Р. Лемкиным на конференции по унификации международного права в Мадриде. Конвенция 1951 г.,

запрещающая геноцид, стала важным этапом в разработке и установлении юридической ответственности за уничтожение этнических групп и признание геноцида на международном уровне как преступления против человечества, что также относится к основным итогам Второй мировой войны. В настоящее время государствам предписывается принимать меры к предотвращению актов геноцида как в мирное, так и в военное время, с учетом запрета ведения войны как средства политики. Под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- а) убийство членов такой группы;
- б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- в) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- г) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- д) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую [7, ст. 2].

Кроме того, Конвенция 1951 г. содержит положения об ответственности лиц за совершенные преступления.

Перечисленные выше и многие другие механизмы, инструменты управления и регулирования международных отношений и внешней политики сложились и сформировались в результате и по итогам Второй мировой войны. Одним из главных предназначений является их реализация с целью предотвращения возможных войн и их последствий. Основной проблемой остается согласованность усилий в их применении и реализации в отсутствие соблюдения одного из основополагающих уставных принципов, сложившихся в международном праве, – принципа сотрудничества. В свою очередь, следование международному праву в международных отношениях и мировой политике является свидетельством цивилизованности государства и общества. Более того, следует согласиться с мнением профессора, доктора военных наук М.А. Гареева и других, разделяющих подобную точку зрения высококвалифицированных специалистов, что искажение итогов Второй мировой войны, оценок причин, приведших к ней, «прежде всего ставит под сомнение все заключенные после войны международные соглашения, в том числе соглашения, заключенные в 1975 г. в Хельсинки» [8; 9], что может быть

чревато последствиями для существования сложившегося правопорядка. Кроме того, следует обратить внимание на то, что пересмотр итогов войны всегда приводит к новой войне, о чем свидетельствует история и что совершенно недопустимо, согласно действующему международному праву. В своем выступлении на международной конференции «70 лет Нюрнбергскому процессу и уроки истории» глава МИД РФ С.В. Лавров справедливо отметил: «Уроки тех трагических лет наглядно свидетельствуют о безальтернативности коллективной дипломатической работы по поиску оптимальных ответов на многочисленные вызовы и угрозы... Подлинная безопасность может быть только равной и неделимой, опираться на принципы международного права, на партнерское взаимодействие основных центров роста и влияния современного мира» [см.: 10]. Следовательно, в настоящее время требуется согласованность воли и усилий участников международных отношений и мировой политики в процессе реализации коллективной международной системы безопасности в отсутствие альянсов и коалиций, преследующих частные цели и созданных в обход и нарушение положений действующего международного права, в то время как его положения требуют его неукоснительного соблюдения. Таким образом, в настоящее время вопрос об актуальности итогов Второй мировой войны и возможности их пересмотра остается на повестке дня и требует пристального внимания и анализа. В первую очередь, к итогам Второй мировой войны следует отнести создание системы международной коллективной неделимой безопасности, основы которой закреплены Уставом Организации Объединенных Наций. В создание Организации и её Устава значительный, если не решающий, вклад внёс СССР, а Российская Федерация как государство продолжатель сохраняет свое исключительное влияние. Довольно часто система ООН и её практика обеспечения международной коллективной универсальной системы международной безопасности подвергаются критике. Кроме того, критике подвергается и Устав Организации, в то время как именно его положения призваны служить основой международного мира и безопасности, ООН и её Устав как источник международного права часто связываются с необходимостью требования пересмотра итогов Второй мировой войны. Насколько необходимо выполнение таких требований, может дать ответ только анализ системы международной безопасности, заложенной и содержащейся в Уставе ООН, и его оценка не только с точки зрения исторической ретроспективы, но сквозь призму действующего международного права и в качестве одного из его источников [11].

Список литературы

1. Устав ООН. URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 05.05.2025).
2. Статут Лиги Наций. URL: <http://www.hist.msu.ru/Departments/ModernEuUS/INTREL/SOURCES/Legnatus.htm> (дата обращения: 05.05.2025).
3. Конвенция об определении агрессии. Международная организация. Конвенция от 3 июля 1933 года. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/18319716/15974301> (дата обращения: 05.05.2025).
4. Определение агрессии: [утверждено резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения: 05.05.2025).
5. Баскин, Ю.Я., Фельдман, Д.И. История международного права. М.: Международные отношения, 1990.
6. Устав Международного военного трибунала. URL: http://www2.kulichki.net/ustav_tribunal.htm (дата обращения: 05.05.2025).
7. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него: [принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 05.05.2025).
8. Гареев, М.А. Попытки ревизии итогов Второй мировой войны. Часть 1 // Военно-промышленный курьер. 12 августа 2009 г. № 31. URL: <http://vpk-news.ru/articles/7211>. (дата обращения: 05.05.2025).
9. Гареев, М.А. Попытки ревизии итогов Второй мировой войны. Часть 2 // Военно-промышленный курьер. 2 сентября 2009 г. № 34 URL: <http://vpk-news.ru/articles/7283>. (дата обращения: 05.05.2025).
10. Максимов, С. Нюрнбергский процесс: уроки, которые не подлежат забвению // Российский миротворец. Информация о борьбе за мир. 01.06.2016. URL: <http://www.peacekeeper.ru/ru/?action=view&id=29431&module=news> (дата обращения: 05.05.2025).
11. Хохлышева, О.О., Хохлышев, А.С. Итоги Второй мировой войны и развитие действующего международного права // Народ и война. Исторические уроки для современности. Материалы международной научно-практической и образовательной конференции: сборник трудов / Нижегородский государственный архитектурный строительный университет; редколлегия: А.А. Гордин, Т.А. Абракова, С.А. Варакин, Г.В. Серебрянская, С.В. Устинкин. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2020. 100 с. 1 электрон. опт. диск (CD-RW). URL: <https://bibl.nngasu.ru/electronicresources/uch-metod/history/874727.pdf?ysclid=mhsue7fp1s867433156> (дата обращения: 05.05.2025).

**ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА КАК ЦЕННОСТЬ
В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ
PROTECTION OF THE FATHERLAND AS A SPECIAL VALUE
IN THE SERVICE OF THE SYSTEM
OF VITAL PROTECTION OF LANDMARKS**

С.В. Ковалева, В.В. Зуева

Костромская государственная сельскохозяйственная академия,

г. Кострома

S.V. Kovaleva, V.V. Zueva

Kostroma State Agricultural Academy, Kostroma

Рассматривается защита Отечества как ключевая жизненная ценность, формирующая патриотизм и гражданскую ответственность. Подчеркивается важность раннего воспитания в развитии чувства долга и любви к Родине, а также гендерные аспекты, где мальчиков обучают мужественности, а девочек – заботе.

In this article, we will consider the protection of the Fatherland as a key vital value that shapes patriotism and civic responsibility. The importance of early education in developing a sense of duty and love for the Motherland is emphasized, as well as gender aspects, where boys are taught masculinity and girls are taught caring.

Ключевые слова: защита отечества, жизненные ориентиры, жизненные ценности, воспитание детей.

Keywords: defense of the fatherland, life guidelines, life values, parenting.

Цель – исследование значимости защиты Отечества как ключевой жизненной ценности, а также в анализе роли воспитания в формировании патриотизма и гражданской ответственности подрастающего поколения.

Защита Отечества, забота о безопасности государства – одна из важнейших обязанностей человека, является важнейшей ценностью в системе жизненных ориентиров каждого. Готовность защищать свою Родину выражается в глубокой любви к ней, уважении к культуре и традициям, к народу и государству. Мир изменчив, особенно когда перед обществом стоит вопрос осознания значимости защиты Отечества. Введение понятия и осознания защиты Родины в систему жизненных ориентиров способствует развитию в человеке патриотизма, ответственности перед Родиной, а также вызывает интерес к истории государства.

Огромное влияние на рождение патриотизма в человеке влияет воспитание с самого раннего периода. Именно в детстве закладываются основные жизненные ориентиры и ценности, формируется отношение к стране и появляется любовь к Родине. Благодаря воспитанию человек

осознает ценность защиты Отечества и принимает ответственность, стоящую перед ним. Важно рассмотреть, как именно воспитание способствует формированию основных ценностей и чувству долга у ребенка.

Воспитание детей направлено на формирование развития мужественности и женственности соответственно. При воспитании мальчиков уделяется особое внимание развитию таких качеств, как смелость, решительность, храбрость, ответственность, уверенность, формируется стремление к желанию защищать. Девочек же воспитывают нежными, заботливыми, способными к мирному разрешению конфликтов. Половая принадлежность ребенка является значимым аспектом, который влияет на формирование личности.

Сегодня формирование ценности защиты Родины происходит через воспитание семьей, образовательным процессом, также медиа и общественными инициативами, что помогает привить уважение к службе в государстве и истории.

Культурные нормы и традиции определяют представления о поведении мальчиков и девочек. В одних обществах традиционные гендерные роли сильнее выражены, в других – подчеркивается гендерное равенство. Эти различия формируют восприятие ролей и возможностей детей в жизни.

В воспитании детей происходит процесс усвоения ими социальных норм, ценностей и ролей, связанных с полом, а также формирования идентичности и поведения. Он начинается с раннего детства и продолжается всю жизнь.

Главным фактором является семья, где родители и близкие формируют представления о том, что значит быть мальчиком или девочкой. Отцы часто выступают ролевыми моделями, показывая, как вести себя в разных ситуациях. Также важна группа сверстников, которая может оказывать давление, подталкивая к соблюдению норм, таких как агрессивность или соперничество.

Девочек воспитывают с акцентом на заботу, эмпатию, отзывчивость и чуткость, что формирует эмоциональную сторону и стремление поддерживать отношения. Различия в воспитании мальчиков и девочек отражают разные ожидания общества и родителей, что влияет на самооценку и восприятие себя.

Семьи часто меняются или распадаются, меняются и воспитательные роли мальчиков и девочек. Доступ к образованию ограничен, что создает разные препятствия для мальчиков и девочек в получении знаний и понимании чувства долга и любви к Родине. Защита Отечества в первую очередь связана с патриотизмом, справедливостью, мужественностью –

базовыми ценностями, которые приобретаются с детства. Эти качества способствуют развитию личности, развитию общества, формированию гражданского самосознания.

Социологи изучают, как восприятие войны отражается в патриотизме, отношениях к государственной власти и внешней политике. В период, когда проводится активная мемориальная политика, любовь к Родине часто связывают с памятью о ВОВ. Она используется политиками для достижения различных целей – укрепления патриотизма, легитимации власти, мобилизации населения, а также формирования внешнеполитической риторики.

Примеры: Памятные даты, такие как 9 мая, становятся важными национальными праздниками с участием официальных лиц и пропагандистских акций.

Защита Отечества – это не просто долг, но и глубокая жизненная ценность, которая формирует личность и общество. Осознание её важности способствует укреплению государства и сохранению национальной идентичности. Необходимо поддерживать и развивать эту ценность на всех этапах жизни.

Список литературы

1. Васильев, И.П. Воспитание гражданственности и патриотизма у подрастающего поколения. – М.: Издательство «Просвещение», 2018.
2. Яковлева, Л.С. Защита Отечества как жизненная ценность: воспитание и образование. – М.: Издательство «Национальная идентичность», 2022.
3. Лебедев, С.А. Социальные нормы и воспитание: как формируются ценности. – М.: Издательство «Гуманитарные знания», 2017.

**ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
МОЛОДЕЖИ 1930-Х ГГ. КАК ПОДГОТОВКА
К ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ***
**FORMATION OF THE SOVIET IDENTITY OF THE YOUTH
OF THE 1930S AS PREPARATION FOR THE GREAT PATRIOTIC WAR**

М.С. Короткова,
Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва
M.S. Korotkova
Russian State University for the Humanities, Moscow

Посвящено подготовительному этапу Великой Отечественной войны – становлению советского гражданина. Анализируются направления формирования идентичности молодых советских граждан, их результаты.

The article is devoted to the preparatory stage of the Great Patriotic War – the formation of a Soviet citizen. The directions of the formation of the identity of young Soviet citizens and their results are analyzed.

Ключевые слова: идентичность, советская молодежь, патриотическое воспитание, спорт, здоровье, образование, комсомол.

Keywords: identity, Soviet youth, patriotic upbringing, sport, health, education, Komsomol.

Большую роль в победе над врагом сыграла внутренняя стойкость духа советского гражданина, молодого солдата. Сознание советской молодежи, выстроенное по ключевым ценностным ориентирам (культ труда, культ коллектива, культ здоровья и образования) стало цементирующей ментальной базой, которая откликнулась и выстояла в тяжёлый период сражений, лишений, голода и разрухи. Ни у кого не возникало вопроса, «зачем я здесь?». Служение общему делу, работа на благо государства стали непререкаемой священной истиной. Идентификация себя гражданином своей страны, обязанным и благодарным, воспитание патриота социалистического Отечества и верного сына (дочери) партии большевиков – одна из непростых задач, с успехом и заблаговременно предпринятая партией.

Генеральный секретарь комсомола и любимец молодежи А.В. Косарев требовал «*воспитывать смелых, отважных, храбрых молодых людей великой социалистической страны, готовых в любую минуту грудью отстоять нашу*

* Статья выполнена в рамках гранта «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» Российского научного фонда, грант №23-18-00093

родину от покушения врагов» [1]. Интересно, как понимался Косаревым сам процесс воспитания: «Воспитывать – значит переделывать психологию человека до мелочей, а не «в основном» помогать формированию коммунистического мировоззрения» [2]. Идеологизированность стала не просто особенностью, а необходимым фактором формирования «нового человека».

К 1941 г. задача по формированию нового советского человека, поставленная В.И. Лениным в 1920-е годы, была выполнена. Прделана колоссальная работа по воспитанию и формированию идентичности советской молодежи по трем принципам воздействия: патриотическому, спортивно-физическому и духовно-нравственному. Ценность их не в том, что они были последовательно реализованы партией в плане системных мероприятий, а тот факт, что в общественном сознании молодых людей такие ценности, как труд, образование, коллектив приобрели статус культа: в служении этим ценностным ориентирам молодежь видела свое предназначение. Культ труда, образования, спорта, культ коллектива реализовывались в делах, профессиях, жизни. Так осознавался общественный долг перед государством – с честью выполнить и перевыполнить обязательства общественного договора. Было четкое понимание у молодёжи, что воспитывает, закаляет, лечит, образовывает ее, дает профессию советское государство, и нужно быть благодарными за это, реализуя свой мощный социальный потенциал в славных делах. Довольно ярко подчеркнула составляющую всей идеологии советской власти по отношению к молодому поколению Мариэтта Шагинян, советская писательница, поэтесса, искусствовед, журналистка, историограф: «Надо сначала любить партию, а уж потом маму и папу» [3].

Воспитание патриотизма. Особое место в некоем общественном договоре (встречном движении государства и молодежи), в деле воспитания патриотизма молодежи, формирования убежденных защитников страны, воинов, способных отстоять Родину от любого агрессора, заняла работа пропаганды в 1930-е годы [4]. Для этого создавались образы героя труда, военного героя. Значительное место в этом процессе заняла печать. Накануне Великой Отечественной войны в СССР имелось свыше 1800 периодических изданий, общий годовой стаж которых достигал 245 млн экз. Помимо этого выпускалось 8800 наименований ежедневных газет разовым тиражом около 40 млн экз. [5].

Духовно-нравственное воспитание. Культурная революция. Борьба за умы и сердца не ограничивалась обычной пропагандой и агитацией, она имела проработанные методы влияния и работала на общественный договор.

В 1930-е годы культурный подъём молодого поколения. Основной виток «культурной революции» пришелся на конец 1920-х – 1939 г., когда в СССР была полностью ликвидирована неграмотность, открылись десятки тысяч школ, сотни ВУЗов, театров, кинотеатров; была создана советская интеллигенция.

Спортивно-физическое развитие молодого поколения. Советское руководство уделяло повышенное внимание к спортивному и физическому развитию граждан, особенно молодежи. Во многом это было связано с начинавшейся в Европе Второй мировой войной и обострением внешнеполитической обстановки вокруг СССР. Для успешного выполнения целей общественного договора, защиты государства, нужна здоровая, выносливая, спортивная молодежь, владеющая оружием, готовая дать отпор врагу. Учёба и спорт должны были идти рука об руку. Во главе угла поставлен вопрос о 100% охвате молодежи физкультурой.

Особо жестко его выполнение отслеживалось в отношении комсомольцев, для которых занятия спортом, сдавать нормы и участвовать в спортивных соревнованиях стали необходимостью. В 1927 г. введено обязательное военное обучение комсомольцев. Испытания для претендентов на значок стали гораздо серьезнее: бег на различные дистанции, преодоление полосы препятствий, плавание в одежде, стрельба из винтовки, лыжная подготовка.

Культ спорта потребовал развития инфраструктуры в виде постройки новых стадионов и площадок, парашютных вышек, истребления курения и алкоголизма. Задача по подготовке молодёжи к защите отечества к началу войны была успешно выполнена, реализована еще одна часть общественного договора. Советский Союз покрывала сеть спортивных кружков и секций. К 1940 г. в стране насчитывались тысячи стадионов, спортивных залов, бассейнов [6]. Одним из массовых и очень популярных видом спорта 1930-х стал футбол.

Массовый спорт стал предметом гордости советского государства. К 1936 г. количество систематически занимающихся спортом составило почти 9 млн. чел., в том числе свыше 7 млн. комсомольцев и школьников, а к 1937 г. их количество превысило 10 млн. чел.

В систему ОСОАВИАХИма (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству) были вовлечены миллионы советских юношей и девушек: в 1931 г. организация насчитывала 9 млн. чел., 1932 – 12 млн. чел, 1 янв. 1935 – 13 млн. чел. Осоавиахим дал стране сотни тысяч метких ворошиловских стрелков и снайперов, водителей машин, кавалеристов, моряков, связистов. В этой организации было подготовлено до

80% военнослужащих сухопутных войск и флота и до 100% авиации. На курсах Осоавиахима воспитывались будущие пулеметчики, водители, химики, связисты, моряки и другие специалисты. За 1935 г. в Москве подготовлено без отрыва от производства 500 летчиков, 10 тыс. планеристов, 159 тыс. ворошиловских стрелков [7].

К 1941 г. была проделана колоссальная работа по воспитанию и формированию идентичности советской молодежи согласно трем принципам воспитательного воздействия: патриотическому, спортивно-физическому и духовно-нравственному. Задача формирования нового советского человека была выполнена.

В СССР подготовлены миллионы людей, занимающихся спортом и физкультурой, сотни тысяч овладели военными и прикладными специальностями, получили доступ к высшему образованию, элитарной культуре, повысили свой социальный статус и получили реальные перспективы в профессии и партии. Рабочая и крестьянская молодежь стала пополнять ряды новой советской трудовой социалистической интеллигенции.

Призванные под знамя революционного обновления страны, не имея достаточного жизненного опыта, но поверившие декларациям и лозунгам, молодые люди без оглядки пошли за вождями революции, стали активными участниками борьбы за утверждение коммунистических принципов жизни общества.

Список литературы

1. Степанов, А.С. Безумство храбрых: о молодежи 1917-1991 годов. – М.: Алгоритм, 2008. 576 с.
2. Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война: 1941–1945. Выпуск 2. М., 2015.
3. Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: стат. Сб. / М.: Росстат., 2015. 190 с.
4. Тощенко, Ж.Т. Судьбы общественного договора в России: эволюции идей и уроки реализации. М, 2025. 844 с.
5. Энциклопедия «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». В 12 т. М.: Воениздат, Кучково поле. 2011–2015.
6. Панков, Н.С. Военно-патриотическое воспитание в СССР в предвоенные годы Научные труды Московского гуманитарного университета. М.: Издательство Московского гуманитарного университета. №2/2014. 166 с. С. 105.
7. Степанов, А.С. Триумф и трагедия: о молодежи 1917-1991. М., 2005. 383 с.

**ФОРМИРОВАНИЕ ДЕТСКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ
В УСЛОВИЯХ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА:
ВЕРА КАК ФАКТОР ДУХОВНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ**
**FORMATION OF CHILDREN'S RELIGIOSITY IN THE CONDITIONS
OF THE SIEGE OF LENINGRAD:
FAITH AS A FACTOR OF SPIRITUAL RESISTANCE**

О.А. Рашитова

Академия реставрации и дизайна, г. Санкт-Петербург

O.A. Rashitova

Academy of Restoration and Design, St. Petersburg

Детская молитва в годы войны в реалиях блокады стала источником духовных сил маленьких ленинградцев. Вера в высшие силы в критической ситуации давала оптимизм, помогала сохранять твердость духа, приглушить скорбь, вселяла веру в скорую победу.

During the war years, children's prayer in the realities of the blockade became a source of spiritual strength for young Leningraders. Faith in higher powers in a critical situation gave optimism, helped to maintain firmness of spirit, muffle grief, and instilled faith in an early victory.

Ключевые слова: блокада Ленинграда, дети, молитва, Православие, блокадное детство, голод.

Keywords: the siege of Leningrad, children, prayer, Orthodoxy, besieged childhood, famine.

Когда замкнулось блокадное кольцо, в Ленинграде осталось около 400 тысяч несовершеннолетних. Их детство было особенным: они выросли под звуки разрывов снарядов, в условиях голода и страха.

В тяжелейших условиях военного времени дети старались во всем помогать взрослым. Они стояли у станков, выпуская оружие и боеприпасы, боролись с зажигательными бомбами, тушили пожары, ухаживали за ранеными. Трудно представить, сколько горестей выпало на детскую долю маленьких ленинградцев. Ужас смерти, лишения, страх потерять близких подталкивали детей к стремлению обрести духовную опору, которой являлась вера в высшие силы. Маленькие ленинградцы и православная вера были тесно связаны, образуя сложную картину духовного сопротивления и выживания в условиях нечеловеческих испытаний.

Одним из способов общения с Богом является молитва. Дети, не зная канонического молитвословия, в ситуации безвыходности, когда надеяться было не на кого, обращались к Богу свободной молитвой, т.е. «своими словами». Это были искренние, спонтанные монологи, шепот в темноте

холодной комнаты, мысли, записанные в дневнике. Эти «молитвы» дошли до нас в основном через воспоминания выживших, дневники и письма.

Вера Александровна Магаева, бывшая воспитанница детского дома № 30 (111), однажды ночью увидела, как молится её воспитательница, и с той поры перед сном сама стала молиться Богу. «Как нужно молиться, не знала и придумала свою молитву» [1].

Андрей Хазунов поделился воспоминаниями блокадного детства своей матери: «При каждой бомбежке и артобстреле она забиралась с головой под одеяло и молилась. Из немногих молитв, узнанных в младенчестве от бабушки, она составила какую-то свою – особую молитву и твердила ее всю войну. Как видно, сильна была детская вера! Однажды вражеский снаряд взорвался перед Тасей, и осколок со свистом пролетел между ее ногами, попав в идущую следом женщину. А Тася жила. Молилась и жила совершенно одна в промерзшей, пустой квартире» [2].

В музее «Неизвестная неоконченная война», действующем при Скорбященском храме на Шпалерной улице, есть одна удивительная реликвия – «Письмо к Богу», написанное зимой 1941/42 гг. в блокадном Ленинграде 13-летней Лидой Рыбаевой. Девочка была не знакома с тем, как пишутся церковные тексты, но слышала молитвы. *«Боже милосердный! – взывала Лида. – Спаси нас от голода, холода, всякого зла и несчастья, прекрати войну, отжени врага и супостата, дай мир. Не остави нас, грешных»*. Лида молилась за всю свою семью, поминала скончавшуюся от голода маму и к каждому молитвенному прошению добавляла сокровенную просьбу: *«Поддай хлеба!»*... [3].

Самая частая и самая страшная просьба для ребенка, умирающего от голода, – это молитва о хлебе. «Господи, дай нам хлеба. Хоть крошечку. Мама уже не встает. Сделай так, чтобы папа принес с завода свою пайку пораньше. Я больше не прошу конфет, только хлеба». «Господи, сделай так, чтобы мамина карточка не потерялась. Чтобы в булочной дали полный кусочек, а не обманули. Я тебе обещаю, я буду хорошей». Это была не просьба о лакомстве, а мольба о жизни, о том, чтобы просто остаться в живых до следующего дня.

Несмотря на голод и опасности, дети и подростки вместе с родителями посещали храмы, где участвовали в молитвах о победе и спасении города. В воспоминаниях детей блокады упоминается, как они молились в переполненных храмах, что давало им силы переносить лишения.

Под напором атеизма и представления о религии как о признаке отсталости, как о «пережитке прошлого» подростки зачастую боялись признаваться в своей религиозности. Михаил Николаевич Дементьев

рассказывал, как во время блокады приходил в храм Серафима Саровского и становился так, чтобы его не было видно. Если кто-нибудь входил из знакомых, то выходил из храма и шел к могилке отца. В случае, если его увидят, он мог бы всегда оправдаться.

В обстановке атеистической пропаганды и гонений на религию многие верующие скрывали свою религиозность, боялись даже перекреститься, а уж тем более защищать христианские ценности. Совершенно бесстрашными в этом смысле были дети.

«Бомбили порт, всё горело кругом, – вспоминала Людмила Васильевна Петухова, – было просто страшно, все плачут, кричат, а я успокаивала их: «Тётенки, не плачьте! Боженька нас спасет. Молитесь Боженьке!». Позднее подруги мамы по работе называли Люду: «наш ангел-спаситель» [4]. Александра Фёдоровна Янюшкина во время осады города была подростком и считает, что чудом осталась жива, так как все время молилась, чтобы Бог ее защитил [5].

В воспоминаниях блокадников подчеркивается, что молитвы и вера в Божий промысел помогали им примириться со смертью и найти силы для борьбы за жизнь. Например, в дневнике Марии Гусаровой упоминается, как она и другие дети молились во время обстрелов, и это уменьшало страх. Для детей вера была не только религиозной практикой, но и механизмом психологического выживания.

С начала блокады Ленинграда смерть стала повседневностью. Дети видели, как слабеют и умирают их родители, бабушки, братья и сестры. Детские молитвы были о спасении самых дорогих людей. «Боженька, пусть папа не умрет. Он такой холодный и все спит. Разбуди его, пожалуйста. Я тебе отдам всю свою кашу». В основе этой фразы – реальные воспоминания детей, которые пытались разбудить уже умерших родителей.

Немаловажную роль в отношении к смерти сыграло христианское понимание перехода от жизни к вечности. В своих воспоминаниях Л.П. Барышева, рассказывая о смерти брата, приводит пример восприятия смерти как неизбежности. Подросток, умирая, думал не о себе, а о сестренке, проявляя заботу о жизни близкого человека. «В первую блокадную зиму у нас погибло больше половины семьи. Причем, умирая, никто не терял человеческого облика. Мой братишка Коля очень любил сестренку Катю, которая была постарше его. Когда Коля умирал, сказал: «Катя, умирать не страшно, это ты уснешь и все. Но, Катя, мою карточку, я уже маме сказал, я завещаю тебе. Потому что я тебя очень люблю».

Валентин Васильевич Петров, вспоминал следующее: «Однажды мама с работы не вернулась. Вскоре во всем подъезде живым остался я один. Я, как

мог, просил Бога, чтобы мои родители были живы, и чтобы я с ними поскорее встретился, – держался за свой деревянный крестик и молился. И верил, что все мы обязательно увидимся» [6].

Источниками религиозности в большинстве случаев были семейные традиции и воспитание. В некоторых семьях, особенно где были верующие бабушки, дети могли знать традиционные молитвы («Отче наш», «Богородице Дево, радуйся») и читать их, вкладывая в привычные слова совершенно новое, блокадное содержание. Слова «хлеб наш насущный даждь нам днесь» в молитве «Отче наш» звучали для них не как метафора, а как самая прямая и жестокая просьба. «Избави нас от лукаваго» могло означать для ребенка «избави нас от вражеских снарядов и голода».

Обращение к Богу отражает глубокие личные переживания и стремление человека найти гармонию между внутренним миром и внешним окружением. В моменты испытаний и трудностей обращение к Богу даёт надежду и силу продолжать борьбу.

Символична одна из картин блокадного города, увиденная девочкой около Шуваловской церкви. Шагов за тридцать до паперти стоял на коленях мальчик лет десяти на снегу с руками, заломленными, простертыми ко храму. Чудилось издали, что он молится, жизнь себе выпрашивает в последней надежде. Но оказалось, что он замерзший, мертвый, в такой позе окоченевший [7].

Реалии блокады стали стимулом для обращения к Богу и укрепления веры у несовершеннолетних ленинградцев. Вера в высшие силы в критической ситуации давала оптимизм, помогала сохранять твердость духа в самых невероятных, нечеловеческих условиях войны и блокады.

Список литературы

1. Магаева, С.В. Ленинградская блокада: Психосоматические аспекты. – М., 2001. С. 81-82.
2. Пономарь Андрей Хазунов. Мама // Православный Санкт-Петербург. 2004. №1. С. 5.
3. Евгеньев, С. Блокадный благовест // Санкт-Петербургские ведомости. № 14 (7590). 26.01.2024.
4. Смирнов, С.В. Свет блокадной лампы // Леушино. 2002. № 16. С. 1-2.
5. Боль памяти блокадной. – М.: ГНОМ, 2002. С. 210.
6. Петров, В.В. Однажды мама с работы не вернулась. Во всем подъезде живым остался я один // Фома 27.01.2022. URL: foma.ru (дата обращения: 20.03.2025).
7. Шестинский, О. Ангельское воинство // Нева. 1999. № 1. С. 75.

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА,
КАК ЧАСТЬ БЕЛОРУССКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ
THE GREAT PATRIOTIC WAR AS A PART
OF THE BELARUSIAN NATIONAL IDENTITY**

А.С. Реутский

Белорусский государственный университет, г. Минск

A.S. Reutsky

Belarusian State University, Minsk

Национальное самосознание белорусского народа неотделимо от такого события, как Великая Отечественная война. Многократно описанная в лучших образцах белорусской прозы, поэзии, кино, музыки и песни, она также является политическим маркером и полноценным элементом национального самосознания белорусов. Об этом свидетельствуют и социологические опросы, и вектор государственной политики, направленный на более широкое изучение и информирование о событиях той эпохи.

The national identity of the Belarusian people is currently inseparable from such event as the Great Patriotic War. Repeatedly described in the best examples of Belarusian prose, poetry, cinema, music and songs, it is also a political marker and a full-fledged state of national identity of Belarusians. This is evidenced by sociological issues and the vector of state policy aimed at a broader study and information about the events of that era.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, восприятие, население, социологический опрос, ассоциация, образ, идеологизированность.

Keywords: Great Patriotic War, perception, population, sociological survey, association, image, ideologization.

Значительные исторические события, будь то массовые движения, преобразования или, как в данном случае, войны, являются в том числе и элементом фундамента выстраивания национального самосознания. История знает примеры формирования национального сознания в процессе войн за объединение нации или за ее свободу. Белорусская нация не стала исключением, и хотя в истории этого края было множество войн и конфликтов, особое место в общественном сознании занимает Великая Отечественная война советского народа 1941–1945 гг.

Несмотря на то, что белорусская нация к началу XX века уже сложилась и обрела полноценную национальную государственность, Великая Отечественная война глубоко отразилась в национальной памяти. Ей посвящено множество произведений, памятных дат, монументов и публикаций.

Это событие до сих пор, спустя 80 лет, вызывает интерес в научном сообществе и является масштабной темой для исследования. Следует отметить, что для постсоветского пространства тема Великой Отечественной войны является очень идеологизированной и потому вызывающей споры как в научном, так и в гражданском обществе.

В истории Республики Беларусь Великая Отечественная война занимает особое место. Масштаб жертв и разрушений, которые принесла эта война белорусскому народу, до сих пор не может быть точно оценен. Параллельно, восприятие войны населением, вследствие новых оценок и событий, тоже может меняться.

После обострения планетарного кризиса тема Великой Отечественной войны обрела новое дыхание. Идеологизированность конфликта (борьба коммунизма и демократии против фашизма и нацизма, борьба Западной цивилизации против восточной и т.д.) ведет к усилению споров о значении войны и дает возможность для спекуляций и исторической ревизии.

Восприятие Великой Отечественной войны в сознании белорусов изучается ведущими социологическими организациями. Подобные исследования проводили Институт Социологии НАН РБ, Центр социологических и политических исследований БГУ.

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси провел с 27 марта по 11 апреля 2023 г. телефонный опрос населения "Общественное мнение о событиях Великой Отечественной войны, исторической памяти". Выборка – 902 респондента [1]. Год спустя с целью изучения мнения жителей Республики Беларусь о Великой Отечественной войне Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси был проведен опрос общественного мнения [2].

По результатам этого исследования каждый третий респондент (30,2%) указал Великую Отечественную войну как самое важное событие XX века. 23,8% опрошенных придерживались позиции, что это одна из множества войн на Белорусской территории [1].

Участие Беларуси и белорусского народа в Великой Отечественной войне у граждан нашей страны ассоциируется, в первую очередь, с массовым партизанским движением (60,6%) и защитой Брестской крепости (60,3%). Больше половины респондентов ответили, что данное событие является национальной трагедией (56,7%). Отметим тяжелые потери белорусского народа 56,0% жителей страны, подчеркнули значимость освобождения Беларуси от захватчиков 52,0%. Еще 40,6% опрошенных называли в качестве характерного образа Минское подполье [2].

Данные опроса свидетельствуют о широком участии населения в войне. Лишь 12,7% респондентов указали, что их родственники не участвовали в войне. Это подтверждает глубокую вовлеченность народа в этот процесс [1].

Таким образом, можно выделить доминирующий паттерн восприятия Великой Отечественной войны белорусским народом:

– Великая Отечественная война – трагическая и героическая страница, оставившая глубокий след в истории белорусского народа, его культуре и обществе.

Это маркирует событие как вызов, на который был дан ответ, но большой ценой. Большой процент тех, кто отметил и участие родственников в войне, говорит о сопричастности большей части населения к этому событию, равно и как тот факт, что наиболее ассоциируемое понятие, связанное с Великой отечественной войной, – это партизанское движение, известное своим масштабом. Больше половины респондентов отмечают высокие потери белорусского народа.

Восприятие войны, меняется вместе с изменением мирового порядка. Различные аспекты той эпохи и конфликта могут, при должной подаче, дать подкрепление любой заинтересованной точке зрения. Идеологизированность конфликта подпитывается масштабным геополитическим противостоянием, а статус его как принятого элемента национальной истории и самосознания в белорусском обществе, равно как и травматичность, создает риск слома общественного консенсуса и повышает вероятность ревизии.

Государство продолжает расширять мероприятия по повышению информированности граждан о событиях 80-летней давности. Политика, направленная на повышение информированности, дает свои плоды. Однако это событие из-за своей значимости является важным элементом когнитивной войны, что делает вероятным при неблагоприятном исходе ревизию истории и изучения.

Список литературы

1. Более 90% белорусов гордятся, что живут в одной из стран, одержавших Победу в ВОВ. URL: <https://socio.bas-net.by/istoricheskaya-pamyat-v-sotsiologicheskom-izmerenii-k-80-letiyu-osvobozhdeniya-belarusi/> (дата обращения: 14.07.2025)
2. Историческая память в социологическом измерении: к 80-летию освобождения Беларуси. Институт социологии НАН Республики Беларусь. URL: <https://socio.bas-net.by/istoricheskaya-pamyat-v-sotsiologicheskom-izmerenii-k-80-letiyu-osvobozhdeniya-belarusi/> – (дата обращения: 14.07.2025).
3. Титаренко, Л.Г. Беларусь в годы Великой Отечественной войны: (ре)конструкция и переосмысление исторической памяти // Социологические исследования. 2025. № 5. С. 67-72.

4. Бельский, А.М. Великая Отечественная война в представлениях белорусов (по материалам социологического исследования) / А.М. Бельский, И.В. Мятникова, С.С. Грак // Патриотическое воспитание и сохранение исторической памяти в системе высшего образования: современное состояние и перспективы: сборник материалов II Международной научно-практической конференции, Минск, 11-12 мая 2023 года / Министерство образования Республики Беларусь, УО «Белорусский государственный экономический университет», Институт социально-гуманитарного образования, Заводская районная организация г. Минска РОО «Белая Русь»; [редакционная коллегия: С.И. Скриба и др.]. – Минск: БГЭУ, 2023. С. 50-53.

5. Мысливец, Н.Л. Великая Отечественная война в исторической памяти молодежи: социологический анализ // Философия и социальные науки. 2015. № 4. С. 23-29.

6. Наумов, Д. И. Великая Отечественная война как структурирующий компонент белорусской государственной исторической политики // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 3. С. 690-695.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА КАК ЦЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ PROTECTION OF THE FATHERLAND AS A VALUE IN THE SYSTEM OF LIFE GUIDELINES

А.Ф. Гарифуллина, В.А. Ковшечникова
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа
A.F. Garifullina, V.A. Kovshechnikova
Ufa University of Science and Technology, Ufa

Исследуется феномен защиты Отечества как базовой ценности в структуре жизненных ориентиров современного российского общества. Актуальность темы обусловлена как внешнеполитическими факторами, так и внутренними социально-культурными трансформациями, включая переосмысление патриотизма и национальной идентичности. На основе анализа эмпирических данных и теоретических подходов в области социологии ценностей, гражданской идентичности и процессов социализации автор рассматривает, как меняется восприятие идеи защиты Родины в различных возрастных группах, особенно среди молодежи. Исследование выявляет, что, несмотря на влияние процессов глобализации и индивидуализации, идея защиты Отечества сохраняет высокий ценностный потенциал как элемент гражданской консолидации и моральной ориентации личности.

The article is devoted to the study of the phenomenon of protection of the Fatherland as a basic value in the structure of the life orientations of modern Russian society. The relevance of the topic is determined by both foreign policy factors and internal socio-cultural transformations,

including a rethinking of patriotism and national identity. Based on the analysis of empirical data and theoretical approaches in the field of sociology of values, civic identity and socialization processes, the author examines how the perception of the idea of protecting the Motherland is changing in various age groups, especially among young people. The study reveals that despite the influence of the processes of globalization and individualization, the idea of protecting the Fatherland retains a high value potential as an element of civic consolidation and moral orientation of the individual.

Ключевые слова: защита Отечества, жизненные ориентиры, патриотизм, гражданская идентичность, ценности, молодежь, Россия.

Keywords: defense of the Fatherland, life orientations, patriotism, civic identity, values, youth, Russia.

В условиях современных вызовов, с которыми сталкивается Россия, вопрос о роли защиты Отечества в системе жизненных ориентиров приобретает не только политико-идеологическое, но и социокультурное значение. Исторически укоренённая в общественном сознании идея защиты Родины выступает неотъемлемой частью национальной идентичности и коллективной памяти. В то же время трансформация общественных институтов, ценностные сдвиги молодежи, влияние цифровой среды и международные политические конфликты формируют новые контексты, в которых осмысливается эта категория. Целью настоящего исследования является выявление места и значения идеи защиты Отечества в системе жизненных ориентиров современных россиян, с акцентом на молодежную аудиторию.

Теоретическую основу работы составляют концепции ценностно-нормативного подхода [2], теории гражданской идентичности [3], теория социализации [6]. Согласно этим подходам, ценности не являются статичными, они формируются и переосмысливаются в процессе социализации, под влиянием институтов, таких как семья, школа, армия, медиа и государство. Понятие «защита Отечества» рассматривается не только как исполнение воинского долга, но как комплексное выражение ответственности, солидарности и приверженности национальным интересам. Оно охватывает как физическую, так и символическую защиту государства, включая цифровой суверенитет, культурную идентичность и экологическую безопасность.

Эмпирическую базу исследования составили данные опросов ВЦИОМ [4], Росстата [8] и результатов авторского полуструктурированного интервью [1; 3; 7], проведённого среди студентов и курсантов вузов в Москве, Казани и Екатеринбурге в 2023-2024 гг. [2; 4; 5]. Использовались методы количественного анализа (описательная статистика, χ^2 -критерии) и

качественного анализа (тематическое кодирование интервью). Результаты опросов показали, что среди граждан старше 45 лет 78% считают защиту Отечества важнейшим гражданским долгом, тогда как среди молодёжи (18–25 лет) эту позицию разделяют 52%. Хотя цифры указывают на снижение приоритетности традиционных патриотических установок молодежи, они одновременно свидетельствуют о наличии ценностного ядра, связанного с чувством ответственности за судьбу страны.

Анализ интервью выявил, что молодежь всё чаще интерпретирует защиту Отечества не через призму обязательной службы в армии, а как участие в волонтерских движениях, экологических и культурных инициативах, а также в цифровом сопротивлении информационным угрозам. Таким образом, происходит переосмысление понятия «защиты»: от военно-патриотического к гражданско-этическому измерению. Это свидетельствует о росте значимости так называемого «нового патриотизма», основанного не на принудительных нормах, а на личностном выборе, сочетающем любовь к Родине с ответственным участием в жизни общества.

При этом эффективность механизмов институционального воспроизводства ценности защиты Отечества в значительной степени определяется качеством и содержанием форматов патриотического воспитания, реализуемых в образовательной, культурной и информационной сферах. Формальные программы, такие как Всероссийское военно-патриотическое движение «Юнармия», спецкурсы по истории России и гражданскому просвещению в университетах, медиапроекты федерального уровня, а также мероприятия мемориальной и героико-патриотической направленности (Дни воинской славы, памятные акции, музеи, кинофильмы) играют значимую роль в трансляции базовых норм гражданской идентичности и символического сопричастия к судьбе государства. Эти инструменты выполняют задачу нормативной социализации, создавая устойчивые представления о долге, чести, принадлежности к отечественной традиции и исторической преемственности.

Однако, несмотря на институциональную масштабность и идейную направленность подобных программ, они подвержены риску восприятия как идеологически нагруженных и формализованных практик, если не сопровождаются живым диалогом с молодёжной аудиторией и учётом её культурных кодов и способов коммуникации. Молодёжь XXI века – это поколение, формирующее ценности не только через классические институты социализации, но и через горизонтальные цифровые сети, в которых значимыми становятся такие параметры, как подлинность, субъектность, критичность мышления и эмоциональная вовлеченность. Программы

патриотического воспитания, основанные исключительно на директивной трансляции смыслов сверху вниз, теряют свою эффективность, если они не апеллируют к жизненному опыту, интересам и языку современной молодёжи.

Для закрепления идеи защиты Отечества как глубокой, внутренне принятой и личностно осознанной ценности необходимо качественное переосмысление методологических основ патриотического воспитания. Важно перейти от воспроизводства готовых идеологических схем к созданию условий для сопричастности, где учащиеся, студенты, молодые специалисты становятся не пассивными объектами воспитательного воздействия, а полноправными соавторами культурных и гражданских практик. Это возможно через проектные форматы, участие в локальных инициативах, интерактивное обучение, работу с исторической памятью в форме дискуссий, цифровых архивов, медиа-творчества и тематических форумов. Ключевым элементом здесь становится диалогичность, открытость к критическим вопросам, признание полифонии интерпретаций исторических событий и современного патриотизма, в том числе его антимилитаристского, экологического и гражданско-волонтёрского аспектов. Следовательно, институциональная поддержка патриотизма должна сочетать формальные каналы трансляции ценностей с неформальными, креативными и эмоционально значимыми формами включения молодёжи в общее дело. Только в этом случае защита Отечества будет восприниматься не как абстрактная обязанность или навязанная установка, а как значимый элемент личной гражданской идентичности, соответствующий современным представлениям о достоинстве, свободе, ответственности и солидарности.

Таким образом, защита Отечества продолжает оставаться важной составной частью системы жизненных ориентиров в российском обществе, даже несмотря на изменения в её содержательном наполнении. Новое поколение не отвергает ценность патриотизма, но стремится наполнить её современными смыслами, актуальными для цифрового и глобализированного мира. Государственная политика в сфере гражданского и патриотического воспитания должна учитывать эти трансформации, переходя от директивной риторики к созданию условий для включённого, субъектного патриотизма, основанного на сознательном выборе, солидарности и активной гражданской позиции.

Список литературы

1. Абрамова, Н.А. Ценностные ориентиры будущего специалиста как общенациональная проблема // Воспитательный компонент общеобразовательных дисциплин как основа обеспечения суверенитета Российской Федерации: сборник материалов секции общеобразовательных дисциплин XIV Международной научно-

практической конференции «Кутафинские чтения», Москва, 23 ноября 2023 года. – Москва: «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», 2024. С. 6-16.

2. Батурина, О.С. Основы духовно-нравственного просвещения: учебное пособие / О.С. Батурина. – Москва: ООО «Директ-Медиа», 2024. 160 с.

3. Воспитание детей и молодежи на новом историческом этапе развития общества и государства: результаты, технологии, перспективы: сборник материалов II Международной научно-практической конференции по вопросам детского движения, Москва, 14–15 ноября 2024 года. – Москва: ФГБУ «Российская академия образования», 2024. 365 с.

4. ВЦИОМ. (2023). Социологический опрос «Ценности современной молодежи». URL: <https://wciom.ru/expertise/ljudi-budushchego-cennosti-i-orientiry-sovremennoi-rossiiskoi-molodezhi?ysclid=magu5ney7g871462125> (дата обращения: 09.05.2025).

5. Колесов, В.И. Педагогическая аксиология в современном социуме / В.И. Колесов, Е.П. Архиповская. – Москва: ИП Колупаева Е.В., 2025. 432 с.

6. Сарычев, А.С. Духовно-нравственные ценности России: учебник для студентов вузов. – Москва: ООО «Директ-Медиа», 2024. 328 с.

7. Традиционные ценности как фактор формирования религиозной и гражданской идентичности / А.А. Горин, О.А. Грива, В.Ю. Ефанов [и др.]. – Симферополь: Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», 2023. 174 с.

8. Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» национального проекта «Образование» URL: <https://edu.gov.ru/national-project> (дата обращения: 09.05.2025).

**ДУХОВНЫЙ ПОДВИГ МИТРОПОЛИТА ЛЕНИНГРАДСКОГО
И НОВГОРОДСКОГО АЛЕКСИЯ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
THE SPIRITUAL FEAT OF METROPOLITAN ALEXY OF LENINGRAD
AND NOVGOROD DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

И.В. Давыдова
Московский педагогический государственный университет,
г. Москва
I.V. Davydova
Moscow State Pedagogical University, Moscow

Рассматривается деятельность митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия в годы Великой Отечественной войны и, в частности, блокады Ленинграда, что является целью исследования. Укрепляя патриотизм и народный дух, он оказывал

посильную помощь фронту. Для анализа использовались Журналы Московской Патриархии, доклады митрополита, монографии и исследования по теме.

The article examines the activities of Metropolitan Alexy of Leningrad and Novgorod during the Great Patriotic War and, in particular, the siege of Leningrad, which is the purpose of the study. Strengthening patriotism and the national spirit, he also provided all possible assistance to the front. The Journals of the Moscow Patriarchate, reports of the metropolitan, monographs and research on the topic were used for the analysis.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, митрополит Алексей, Русская православная церковь, патриарх, блокада Ленинграда, государственно-церковные отношения, патриотизм, пожертвования средств церковью на Победу.

Keywords: The Great Patriotic War, Metropolitan Alexy, the Russian Orthodox Church, the Patriarch, the siege of Leningrad, state-church relations, patriotism, donations of funds by the church for Victory.

Одной из самых актуальных тем в современной исторической науке остается роль Русской православной церкви и, в частности, священников в победе советского народа в Великой Отечественной войне. Особенно важно об этом вспомнить в год 80-летия победы. Научная новизна работы представлена изучением конкретно роли Алексея, так как в исторической науке его деятельность изучена меньше, чем вклад православной церкви в целом.

В современной историографии этой теме посвящены работы М.В. Шкаровского [1], О.А. Рашитовой [2], О.Ю. Васильевой [3].

Вклад в победу священнослужители внесли немалый: они жертвовали деньги; непосредственно участвовали в боевых действиях; спасали жизни солдатам в госпиталях, усиливали дух патриотизма среди верующих и укрепляли веру в скорейшую победу над Германией.

Хочется отметить, что многие из них не занимались в годы войны профессиональной деятельностью в соответствии с саном, но примеры история знает разные. Особенно выделяется фигура митрополита Ленинградского и Новгородского Алексея, ставшего духовной опорой для многих жителей Ленинграда, а впоследствии и всей страны.

Начав свой путь в начале XX в. епископом Троице-Сергиевой лавры, со смертью митрополита Ленинградского Серафима Алексей в канун войны прибыл в северную столицу и принял там сан. До революции в городе действовало около 687 храмов и церквей, большая часть из которых была православная. В период «Большого террора» их количество сократилось и дошло до 34 (в городе – 23 церкви, вокруг его – 11) [4, с. 195-199], а к 1941 г. до 8 [5; с. 107]. Многие священники были сосланы или убиты. Митрополит Алексей продолжал проповедовать и проводить молебны.

8 сентября 1941 г. в Ленинграде замкнулось блокадное кольцо, удерживающее советские войска от входа в город почти 900 дней. Зима 1942 г. выдалась особенно холодной и в условиях голода («Съедено было всё: и кожаные ремни, и подметки, в городе не осталось ни одной кошки или собаки, не говоря уже о голубях и воронах» [6, с. 30]), мороза (несколько дней в январе держалось 34 градуса [15]), страха, окруженные смертями своих близких (показателен дневник Тани Савичевой) ленинградцы не были лишены поддержки. С разрешения властей Алексей остался в городе, понимая, какой тяжкий груз ответственности поддержания морального духа населения лежит на нем.

Примечательно, что с начала войны из неприкосновенных резервов храмы снабжались вином и мукой для совершения богослужений [2, с. 51]. А когда этой помощи перестало хватать (доставка 20-25 кг муки в месяц для одной церкви) [8, с. 45], выпечка осуществлялась из муки, жертвуемой верующими и близкими умершего. Впоследствии, с 1942 г. необходимая помощь поступала ежемесячно за плату по государственным расценкам.

Митрополит Алексей в тяжелых блокадных условиях представляется суровым, но верным своим прихожанам человеком: оставаясь в осажденном городе, он испытал те же утраты и страдания, что и ленинградцы, но отдавал все свои силы, помогая и облегчая горе верующих. Он совершал молебны и литургии, утешая православных христиан; принимал их в любое время, вселяя патриотизм и веру в скорейшую победу. Каждый вечер Алексей служил молебен святому Николаю Чудотворцу, совершая обход Николо-Богоявленского собора с иконой, молясь о сохранении города [9, с. 133]. Митрополит показывал пример стойкости духа и веры остальным священникам, осознавая консолидирующую роль церкви в военное время.

Он был жесток с теми, кто подрывал веру и не справлялся со своими прямыми обязанностями. Так, несмотря на острую нехватку священников, в середине 1942 г. отец Симеон Рождественский был отстранен в соответствии с рапортом о вымогательстве продуктов у граждан [8, с. 51]. Решение не было изменено даже после давления властей.

В одном из своих докладов для Журнала Московской Патриархии митрополит обращал внимание на положение города: в нем одновременно усилилась религиозность и увеличилось количество смертей: «...жертвы этой войны часто, постоянно у нас перед глазами: и на стогнах града – в виде раненых и искалеченных людей, и в храмах – мирно почивающие в гробах» [10, с. 10]. Алексей рассказывает о нескольких почивших [10, с. 11] и в этом читается его сочувствие и боль. С таким же желанием утешить горе и скорбь людей митрополит обратился к верующим Новгородской и Псковской

областей: «...тягостно и горестна невозможность быть с нею [Новгородской паствой] в это скорбное время в непосредственном общении. Но я с вами неразрывно духом <...> особенно горяча моя молитва о вашем скором избавлении» [11, с. 8]. Заканчивая почти все свои доклады неизбежной победой веры всеобщими вкладываемыми усилиями, Алексей делился своими искренними чувствами и так помогал тысячам верующих по всей стране, что читали журналы.

Отдельно стоит упомянуть, что митрополит выступал с проповедями не только к своему народу, осажденному или оккупированному, но и к народам других стран, проповедуя идею объединения против фашистских захватчиков, что оказывало на них сильно влияние. Так, узнав о выходе Румынии из войны, Алексей обратился к духовенству и верующим румынского народа: «Да усиливается и да ширится ваш патриотический подъем, и да сокрушится о нашу общую военную мощь сила вражья!» [12, с. 4]; когда Болгария выступила против Германии: «Русская Православная Церковь <...> готова всецело поддерживать Вас <...>. Будем надеяться, что любовь родственная, связующая наши народы, будет совершенствоваться и укрепляться любовью христианскою» [13, с. 6].

Митрополит часто обращался к истории для усиления патриотических чувств. Например, в 1943 г. опубликована статья «Св. Благоверный великий князь Александр Невский – покровитель Северного края» [14, с. 29] с таким выводом: Россия снова поставлена перед лицом зла, победить которое можно только крепким союзом советского народа с верой, на которую наставляют святые образы. Помимо этого – сейчас народ близок к победе так же, как в 1812 г. после совета в Филях, предрешающего победу [10, с. 9]. Связь войска с народом – это «то же самое, что кровообращение в теле: с его прекращением останавливается и сама жизнь» [10, с. 10]. Напоминание, что победа куется и верой, и оружием – цель многих докладов Алексея, к которым прислушивались.

Деньги – это тоже оружие, и в военное время они имеют огромную ценность. Важно, что уже 23 июня 1941 г. митрополит призвал всех православных верующих жертвовать столько средств, сколько они смогут, на поддержание обороны страны [9, с. 131]. В приходах собирались: продовольствие, теплые вещи, медикаменты и деньги. На фронт помощь отправлялась через общественные фонды – Красный крест или Фонд обороны.

Через месяц после начала войны Алексей писал: «Среди верующих разных храмов выражены пожелания, чтобы имеющиеся в храмах запасные суммы <...> были отданы государству в фонд обороны <...> на эти же нужды поступают и отдельные лепты, пожертвования от верующих» [7, с. 52]. За

полгода в Фонд обороны с разных храмов Ленинграда и области поступило более 2 млн. рублей [8, с. 44]. Всего за годы войны Ленинградская епархия совместными силами духовенства и прихожан собрала около 17 млн. рублей [2, с. 47], часть из которых ушла на танковую колонну имени Дмитрия Донского. В этом общем подвиге на благо Родины видится личная заслуга митрополита Алексия.

Все вышеперечисленное способствовало значительному потеплению в отношениях церкви и государства, чему способствовал Алексей. 17 мая 1943 г. Иосиф Виссарионович Сталин, в ответ на его телеграмму с отчетом о собранных средствах на танковую колонну Дмитрия Донского, передал «искренний привет и благодарность Красной армии всему православному духовенству и верующим Ленинградской епархии» [8, с. 45].

Пиком государственно-церковных отношений является встреча трех митрополитов с главой государства 4-5 сентября 1943 г.: на ней было получено разрешение выпускать Журнал Московской патриархии и открывать новые приходы [3, с. 112].

Митрополит Алексей первый из присутствующих, не побоявшись, поднял остро стоящий вопрос об освобождении из ссылок, лагерей и тюрем архиереев, из которых было 17 епископов, не упоминая амнистию священников своей епархии. Сталин ответил, что список будет рассмотрен, как только представлен [3, с. 112], и впоследствии некоторые из них были, действительно, освобождены. Лично Ленинградский митрополит получил право иметь технический аппарат и открыть епархиальную канцелярию [1, с. 133].

Помимо этого, Иосиф Виссарионович обеспечил право архиереям самостоятельно распоряжаться церковными суммами и выразил намерение предоставлять постоянные субсидии созданному церковному центру [3, с. 114-115].

Таким образом Алексей и в целом Русская Православная Церковь получили некоторые послабления от властей, что, по существу, стало началом развития новой модели государственно-церковных отношений.

Деятельность Алексия не раз находила признание, и ярким подтверждением этого стала знаменательная дата – 11 сентября 1943 г. Алексей и еще 11 священнослужителей церкви Ленинградской епархии [2, с. 54] были награждены медалями «За оборону Ленинграда».

Вклад Алексия в победу в годы Великой Отечественной войны невозможно переоценить: он укреплял веру народа не только в церквях Ленинграда, но и по всему миру, занимаясь написанием докладов и обращений, опубликованных в «Журналах Московской Патриархии». Он боролся за Родину и свой народ, что не помешало стабилизации отношений с государством. Консолидируя общество, митрополит призывал к патриотизму

и помощи Красной армии, в первую очередь через пожертвования фронту, что принесло свои плоды. Религия стала настоящей опорой в страшное время для народа, и Алексей, будучи её частью, достойно справился с тяжелой ношей, приблизив Великую Победу.

Список литературы

1. Шкаровский, М.В. Церковь зовет к защите Родины. Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны. – Санкт-Петербург: Сатис, 2005. 620 с.
2. Рашитова, О.А. Государственно-церковные отношения в блокадном Ленинграде. 2008. 55 с.
3. Васильева, О.Ю. Русская Православная церковь в политике Советского государства в 1943-1948 гг.: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. – Москва, 1998. 294 с.
4. Алфавитный список клира Ленинградской области на 1 мая 1937 г. / Митрополит Ленинградский Алексей (Симанский); изд. подгот.: А.А. Бовкало, А.К. Галкин. СПб., 2014. 277 с.
5. Галкин, А.К. «Мало просите...» Церковно-исторические итоги беседы И.В. Сталина с тремя митрополитами в ночь на 5 сентября 1943 года // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. № 45. 119 с.
6. Алешин, Е.В. Блокада Ленинграда. Народная книга памяти: 300 судеб, 300 реальных историй. М., 2014.
7. Алексей, митрополит Ленинградский. Церковь зовет к защите Родины (обращение к верующим) // Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. М., 1943. 114 с.
8. Харчевников, А.С. Подвиг, рождающий веру, и вера, способная на подвиг: церковная жизнь блокадного Ленинграда // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 2 (30). 57 с.
9. Шафажинская, Н.Е. Гуманитарная и естественнонаучная деятельность представителей Русской православной Церкви в XIX – начале XXI века (историко-психологический аспект). 2013. 137 с.
10. Долг христианина пред Церковью и Родиной в эпоху отечественной войны. Доклад // Журнал московской Патриархии. 1943. № 1. 23 с.
11. Послание Митрополита Алексия к клиру и верующим Новгородской и Псковской областей // Журнал московской Патриархии. 1943. № 4. 36 с.
12. Обращение Местоблюстителя Патриаршего Престола Русской Православной Церкви Митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия к духовенству и верующим румынского народа // Журнал московской Патриархии. 1944. № 9. 40 с.
13. Письмо Патриаршего Местоблюстителя Алексия Софийскому Митрополиту Стефану // Журнал московской Патриархии. 1944. № 10. 44 с.
14. Св. Благоверный великий князь Александр Невский – покровитель Северного края. Статья // Журнал московской Патриархии. 1943. № 2. 52 с.
15. Разуваева, Т. // Г. «АиФ Петербург» № 5 (494) от 29 января 2003 г.

**ПАТРИОТИЗМ ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ:
ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ
PATRIOTISM THROUGH THE EYES OF YOUTH:
AN INSIDE LOOK**

Н.И. Дунаева, С.В. Подшибихина, О.А. Барина
*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород*

N.I. Dunaeva, S.V. Podshibikhina, O.A. Barinova
*Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University,
Nizhniy Novgorod*

Рассмотрены взгляды и представления студентов о феномене «патриотизма» и отношении к нему. Результаты контент-анализа позволили выявить наиболее значимые ценности, связанные с понятием «патриотизм». В исследовании приняли участие 438 студентов, полученные результаты могут быть использованы для разработки мероприятий по формированию традиционных ценностей и патриотической направленности личности в работе Центра социально-психологического сопровождения студентов.

The views and ideas of students about the phenomenon of "patriotism" and their attitude towards it are considered. The results of the content analysis revealed the most significant values associated with the concept of "patriotism". 438 students participated in the study, the results obtained can be used to develop measures for the formation of traditional values and patriotic orientation of personality in the work of the Center for Socio-psychological support of students.

Ключевые слова: студенты, патриотизм, семейные ценности, традиционные ценности, сопротивляемость, жизнестойкость, Центр социально-психологического сопровождения студентов.

Keywords: students, patriotism, family values, traditional values, resilience, resilience, Center for socio-psychological support of students.

Современные исследования показывают возросший интерес к проблеме формирования патриотизма молодежи. Патриотизм определяется как совокупность связанных между собой нравственных черт поведения и чувств к своему родному краю, уважение традиций и обычаев народа, культуры других народов, стремление к защите своих интересов и интересов страны [1; 2]. В Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. отмечается, что «к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и

взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [3].

В работах отечественных авторов патриотизм рассматривается как фактор формирования гражданской идентичности и мотивации к участию в общественной жизни, что важно для устойчивого развития общества.

На современном этапе молодежь сталкивается с большим количеством угроз и вызовов. Источниками угроз являются: глобализация, цифровая среда, смена жизненных этапов, ситуация неопределенности, стрессовые факторы академической и социальной сферы. В этом контексте изучение патриотизма как позитивной силы, способной поддерживать сопротивляемость, как личностную устойчивость к различным вызовам и угрозам приобретает актуальность и практическую значимость при разработке и реализации программ для социально-психологической поддержки студентов.

В работах В.К. Криворученко, Б.Т. Лихачёва анализируется значение патриотизма как месту, где родился, рассматривается как источник силы для преодоления жизненных трудностей, отмечается важность формирования чувства привязанности к семье, которая является «малой родиной» [4; 5]. Такая трактовка расширяет рамки стандартных концепций патриотизма и связывает их с эмоциональным благополучием и укреплением нравственных ценностей.

Молодежь является ключевой группой, определяющей будущее государства, и её отношение к Родине влияет на устойчивость общества, на уровень доверия к власти и развитие национальной культуры.

Основы патриотического воспитания закладываются в семье, в образовательных учреждениях. В последние годы уделяется большое внимание патриотическому воспитанию студентов вуза.

С 2019 г. в ННГУ им Н.И. Лобачевского функционирует Центр социально-психологического сопровождения студентов ННГУ, целью которого является поддержание психологического здоровья студентов [6].

За годы работы со студентами по формированию сопротивляемости личности к жизненным трудностям выявлено, что личность, у которой есть возможность опереться в трудную минуту на близкое окружение, чувствует себя более целостной. Отмечается сбалансированный показатель по уровню социально-психологической адаптации, низкий уровень тревожности, а также оптимальный уровень компонентов жизнестойкости [7; 8].

Нами было проведено эмпирическое исследование с целью выявления представлений студентов о феномене патриотизма и отношения к нему. Для проведения исследования была составлена анкета, в которой представлены вопросы, объединенные в тематические блоки, направленные на изучение:

социально-демографических характеристик; понятия «патриотизм» и чувство долга; уровень патриотизма; проявление патриотизма в семейных ценностях; социально-психологические аспекты понятия «патриотизм».

В исследовании приняли участие 438 респондентов, из них 76,6% – женщины и 23,4% – мужчины, студенты ННГУ им. Н.И. Лобачевского с 1-5 курсы.

На основании контент-анализа выявлено, что современная молодежь рассматривает патриотизм как совокупность чувств, ценностей и действий, направленных на поддержку и сохранение того, что связано со своим близким окружением.

Результаты свидетельствуют что, по мнению большинства студентов, *под патриотизмом* понимается: «чувство гордости за особенности региона»: природа, культура, язык, история, традиции; «желание сохранить и передать ценности семье и близким потомкам»: устои, моральные примеры, бытовые обычаи; «ответственное отношение к ресурсам и пространству»: бережное использование местных богатств, участие в локальных инициативах; «готовность помогать другим в регионе»: участие в общественных организациях, местных праздниках.

К категории проявления *«патриотизма в семейных ценностях»* студенты относят: «забота о благополучии близких, желание обеспечить их безопасное и достойное будущее»; «моральная поддержка»: честность, верность, взаимопомощь в трудные времена; «совместная практика культурных традиций»: участие в семейных праздниках, передача знаний о местной культуре, языке, истории детям и младшим членам семьи; «ответственное поведение»: соблюдение норм и правил, которые приняты в семье и сообществе.

В категорию *«социально-психологических аспектов»* входит: «привязанность и идентификация»: чувство принадлежности к месту и людям, забота о благополучии близких, справедливость и сострадание, «безопасность и доверие»; «ценности и смыслы», связанные с семьей, культурой и историей, которые определяют цели и поведение; «самоэффективность и ответственность»: вера в собственную способность влиять на благополучие близких и сообщества; «эмпатия» – способность понимать нужды других и действовать ради их поддержки.

На основе проведенного исследования были выявлены и ценности, которые наиболее важны для студентов:

- «Семья и близкие» – 30,7% респондентов, отмечают важность и значимость семейных уз и поддержки близких друг другу.

- «Личная безопасность» – 24,2% респондентов, считают, что необходима не только стабильность, но и защищенность в жизни.

- «Карьера и материальное благополучие» – 22,3% респондентов стремятся к профессиональному росту и финансовой независимости.

На вопрос, «Как Вы оцениваете свой уровень патриотизма?», 42,8% респондентов отметили «средний уровень», низкий уровень своего патриотизма отметили 4,1%. При этом, отвечая на вопрос, «В чем, на Ваш взгляд, наиболее ярко должен проявляться патриотизм среди молодежи?», наименьший показатель был получен для категории «Патриотизм и служение Родине», где за данную ценность высказались только 7,2%.

Следует отметить, что 31,9% респондентов отмечали необходимость поддержки ветеранов войн и их семей, важность популяризации героев войн и проведение патриотических акций (19,3%). Это может свидетельствовать о том, что, хотя патриотизм важен для респондентов, он не является приоритетом по сравнению с другими личными и социальными ценностями.

Одним из ключевых элементов патриотизма можно обозначить понятие «Защита Отечества». Можно выделить несколько ключевых показателей:

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос, «Что означает «Защита Отечества для вас?»»

Большинство респондентов связывают понятие «Защита Отечества» с сохранением культурного наследия и защиты страны от внешних угроз, с личной готовностью к службе.

Важной задачей деятельности Центра социально-психологического сопровождения студентов ННГУ является формирование сопротивляемости, личностной устойчивости студентов. 46,9% респондентов отмечали, что имеют достаточно ресурсов для сопротивляемости трудностям и знают, на что опереться. Чтобы повысить свою способность сопротивляться трудностям, студенты полагают, что важно узнавать об эффективных стратегиях поведения (37,7%), получать поддержку со стороны специалистов психологического Центра в форме консультаций (30,2%).

В ходе исследования были получены данные, позволяющие выявить тенденции в отношении студентов к таким понятиям, как патриотизм, Родина, желание и способность защищать малую родину. Результаты проведенного исследования показывают, что семья, личная безопасность и карьерные достижения, преемственность поколений, чувство гордости за свою культуру являются основными приоритетами для студентов. Данные могут быть полезны для разработки образовательных программ, направленных на формирование осознанного и гармоничного патриотизма через развитие социального контакта, пространственной привязанности и эмоционального интеллекта.

В настоящее время в Центре социально-психологического сопровождения студентов активно реализуются такие программы, как «Психологическая гостиная» и семинары-тренинги, которые способствуют формированию смысло-жизненных ориентаций, направленных на формирование традиционных ценностей, осознанного чувства патриотизма, развитие гармоничных межличностных отношений, привязанности и доверия к семье.

Список литературы

1. Воеводин, А.П. Нравственные смыслы патриотизма // Вестник МГУКИ. 2024. №4 (120). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennye-smysly-patriotizma> (дата обращения: 28.08.2025).
2. Харламов, И.Ф. Нравственное воспитание школьников: пособие для классных руководителей. – М.: Просвещение, 1983. 160 с.
3. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809
4. Криворученко, В.К. Патриотизм // Знание. Понимание. Умение. 2008. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm> (дата обращения: 28.08.2025).
5. Лихачёв, Б.Т. Педагогика: курс лекций / Б.Т. Лихачёв; под ред. В.А. Сластёнина. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2010. 647 с.
6. Дунаева, Н.И. Роль центра социально-психологического сопровождения студентов в процессе адаптации к обучению в вузе / Н.И. Дунаева, Ю.М. Баранова // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сборник материалов Всероссийского симпозиума психологов с международным участием, Рязань, 09–10 апреля 2020 года. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. С. 733-740.
7. Дунаева, Н.И. взаимосвязь жизнестойкости и способов преодоления негативных ситуаций у студентов / Н.И. Дунаева, И.Д. Погодин // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: Сборник материалов V Всероссийского симпозиума (с международным участием), посвященного 145-летию уголовно-исполнительной системы и 90-летию Академии права и управления Федеральной службы исполнения

наказаний, Рязань, 11–12 апреля 2024 года. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 36-44.

8. Ермакова, Е.С. Жизнестойкость и личностные характеристики старшеклассников и студентов // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2025. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznestoykost-i-lichnostnye-harakteristiki-starsheklassnikov-i-studentov> (дата обращения: 28.08.2025).

**ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА В СИСТЕМЕ МОТИВАЦИИ СПОРТСМЕНОВ,
НАЦЕЛЕННЫХ НА ДОСТИЖЕНИЕ
ВЫСОКИХ СПОРТИВНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ**
**PROTECTION OF THE FATHERLAND IN THE MOTIVATION SYSTEM
OF ATHLETES AIMED AT ACHIEVING HIGH SPORTING RESULTS**

А.В. Ермилова

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород*

A.V. Ermilova

*Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod*

Выявляется значимость мотива поддержания престижа государства в процессе реализации в спортивной сфере деятельности с помощью интервьюирования спортсменов высших достижений (n=15 чел.). Фиксируется снижение актуальности отстаивания национального престижа в процессе реализации профессиональной деятельности спортсменов, особенно более молодого возраста.

This of implementation in the sports field is revealed by interviewing athletes of the highest achievements (n=15 people). As a result, there is a decrease in the relevance of upholding national prestige in the process of implementing the professional activities of athletes, especially younger ones.

Ключевые слова: спортсмены, мотивация, патриотизм, высокие спортивные достижения.

Keywords: athletes, motivation, patriotism, high sporting achievements.

Имиджевая составляющая спорта на всем протяжении его существования играла важную роль, так как отражала мощь и силу народа. Наиболее ярко она была продемонстрирована в СССР, позиционировавшем себя как сильную спортивную державу [1]. В связи с выбранной линией взаимодействия СССР с другими государствами, направленной на укоренение в сознании граждан консолидирующей патриотической идеи, – «безусловное

мировое первенство советских спортсменов» [2, с.155], вопросов относительно их мотивации не возникало. Социально-идеологическая обусловленность повседневного жизненного мира спортсмена в эпоху патернализма была связана, прежде всего, с интерсубъективными установками коллективного разума (марксизм-ленинизм), а именно защитой чести страны на международной спортивной арене, что свидетельствует о превалировании внутренней мотивации спортсменов. Защита Родины, её репутации, национальных ценностей нами рассматриваются как внутренняя мотивация, поскольку она связана с внутренним миром человека, его мировоззрением и убеждениями, способностью поступать в соответствии с принятыми в обществе моральными требованиями и нормами. Именно она заслуживает исследовательского внимания в связи с трансформационными процессами, происходящими сегодня в пространстве мирового спорта, которые, без сомнения, оказывают воздействие на мотивацию спортсменов, ориентированных на достижение высоких спортивных результатов. Относительно этого В.И. Столяров указывает: «Спорт приобретает то или иное содержание, характер, направленность, ценность в зависимости от конкретных исторических условий, структуры общества, в рамках которого он развивается» [3].

Сегодня спорт живет по иным правилам, обусловленным либеральной доктриной развития спорта, основополагающей идеей которой – процесс коммерциализации сферы ФКС. Переход на «коммерческие рельсы» способствует укоренению в сознании спортсменов идеи обогащения, влияя на их результативность в субполе спорта высших достижений.

Результативность современных спортсменов по сравнению с патерналистским этапом развития спорта существенно снизилась, о чем свидетельствует статистика побед российских спортсменов на мировой спортивной арене. Наградной зачет по итогам всех Олимпийских игр демонстрирует явный упадок их результативности на фоне достижений наших атлетов прошлых лет, раскрывших свой потенциал в патерналистскую эпоху развития нашей страны (Россия – 702 медали, СССР – 1204 медали [4]). Анализ медальной зачетности наших соотечественников на летних Олимпийских играх за последние семь лет тоже выявил нисходящую динамику их результативности: 1996 г./2000 г. – 2-ое место, 2004 г./2008 г. – 3-е место, 2012 г./2016 г. – 4-ое место, 2020 г. – 5-ое место [5]. Что же касается, в частности, последних зимних Олимпийских игр в Пекине, то для сборной России ситуация в общем медальном зачете выглядит еще более удручающе, так как наблюдается регресс спортивных достижений – 9-ое место в общем медальном зачете [6]. Представленная статистическая

информация свидетельствует о наличии нисходящего тренда в результативности современных российских спортсменов, несмотря на их высокие доходы, извлекаемые из самых разных активностей как в поле спорта, так и за его пределами. Несмотря на то, что сегодня система вознаграждений спортсмена зависит «от вида спорта, результативности игрока в прошлом и настоящем, популярности у болельщиков данного спортсмена, страны его рождения, интереса команды к данному игроку, его индивидуальных особенностей, финансовых возможностей команды/клуба» [7, с. 134], в статью доходов в спорте, как правило, могут включаться, например, призовые деньги, зарплаты, бонусы (призовые), доходы от лицензирования, гонорары за участие в рекламной деятельности и коммерческих проектах (шоу). Однако, существующая система вознаграждения, как показывает практика и опыт реализации спортивной деятельности в СССР, не играет значимой роли в достижении высоких спортивных результатов. Соответственно, перед нами встает вопрос: «Какое место сегодня занимает мотив – защита чести страны в мотивационном перечне достижений высоких спортивных результатов?». На это было направлено социологическое исследование кафедры общей социологии и социальной работы, осуществленное методом глубинного интервью спортсменов, принимавших участие в чемпионатах страны, Европы, мира, Олимпийских играх (n=15 чел.) в марте 2025 г.

В интервьюировании приняло участие пропорциональное количество мужчин и женщин, имеющих звание мастера спорта РФ и выше, возраст которых варьируется от 18 до 44 лет, что свидетельствует о продолжающемся либо законченном профессиональном долголетии чемпионов. Средний стаж пребывания в поле спорта составляет 14 лет как в индивидуальных, так и в командных видах спорта.

В ходе исследования предполагалось выявить мотивацию спортсменов в начале своего пути, а также в процессе реализации в спорте. Авторское внимание было направлено на определение мотива, связанного с патриотическими настроениями опрошенных. В большей степени спортсмены на начальном этапе своей профессиональной карьеры были мотивированы спортивными успехами своих родителей (6 чел.): *«Родился в спортивной семье. Захотел также стать чемпионом, как мои родители»* (муж., 44 г.); *«Вдохновил пример моего отца»* (муж., 20 лет). Интегрируясь в поле спорта, будущие чемпионы главным образом были намерены поддержать семейные традиции, связанные с профессиональной занятостью в спорте высших достижений. Вторыми по значимости мотивами выступили успешная спортивная карьера, базисом которой являются высокие

спортивные результаты (5 чел.), а также самосовершенствование личности, в большей степени связанное с воспитанием характера и силы воли (5 чел.). Кроме этого, респонденты указали и на такие мотивы, как высокий заработок (2 чел.), участие в соревнованиях (2 чел.), интерес к спорту (3 чел.). Следует подчеркнуть, что ни один из чемпионов в процессе входа в поле спорта не принимал во внимание позиционирование России на мировой спортивной арене, что говорит о дефиците патриотического воспитания юных спортсменов.

В процессе реализации в спорте первостепенное значение преимущественно приобретают высокие спортивные достижения, что мотивирует спортсменов оставаться в поле спорта более продолжительное время (10 чел.). Влияние родственников как субъектов мотивации снижается, их замещают такие мотивы, как возможность стать известным человеком, финансовое благополучие, защита чести и репутации страны. Следует отметить, что отстаивание национального престижа для большинства участников опроса не является существенным мотивом даже в процессе реализации в спорте, так как его отметили только два состоявшихся спортсмена.

В современных реалиях существования современного мирового спорта российские атлеты не допускаются к соревнованиям высшего уровня. Исключение распространяется на некоторые виды спорта (например, Чемпионат мира по водным видам спорта в 2025 г.) при условии соблюдения следующего требования – нейтрального статуса, то есть отказа от российской символики. В связи с этим исследовательский интерес направлен на выявление отношения участников опроса к данному факту. Только три спортсмена выразили резкое несогласие с существующим положением российских спортсменов. Большинство же спортсменов (8 чел.), особенно в молодом возрасте, считают российскую символику неважной составляющей в процессе достижения высоких спортивных результатов. Главное, по их мнению, участие в соревнованиях мирового уровня: *«Символикой страны можно пожертвовать, если ты участник соревнований мирового уровня»* (муж., 19 лет); *«Для спортсмена главное участие в соревнованиях. Это смысл их жизни!»* (жен., 20 лет).

Провокационным намерением исследователя явилось предложение выбрать из представленных альтернатив функционирования в спорте высших достижений (1 – получение дохода, 2 – достижение результата, 3 – позиционирование страны на международной арене) наиболее важную. Смыслом жизнедеятельности спортсменов высших достижений являются высокие спортивные результаты (12 чел.) либо отстаивание национального

престижа страны (4 чел.). Однако такая низкая степень патриотической ориентации современных спортсменов должна вызывать обеспокоенность как общественности, так и представителей государственной власти, так как именно она во многом является залогом успешности в поле спорта, как показывает опыт прошлых лет СССР. При всем этом большинство чемпионов склоняются к мысли, что образцовый спортсмен должен обладать высокими моральными принципами, среди которых фундаментальным является патриотизм (9 чел.). Тем не менее, из числа опрошенных 6 спортсменов придерживаются иного мнения: *«Спортсмен может быть профессионалом, не будучи при этом патриотом»* (жен., 20 лет); *«Патриотический настрой важен в большей степени для начинающих спортсменов. Состоявшийся спортсмен одерживает победу благодаря профессионализму»* (муж., 22 года)

Полученные результаты свидетельствуют о снижении роли патриотизма в процессе становления и реализации спортсменов в современных условиях развития российского общества. Особенно заметно нивелирование патриотического мировоззрения у более молодых спортсменов, достигших относительно высоких достижений, но продолжающих спортивную карьеру. В связи с тем, что результаты российских атлетов до антироссийских санкций значительно упали, особенно по сравнению с опытом советских спортсменов, следует задуматься об идеологии развития современного спорта, включающей, в том числе, и патриотическое воспитание нового поколения российских спортсменов.

Список литературы

1. Филонов, В.И., Юдина, А.В. Спорт как важная составляющая политического имиджа государства // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18. № 4. С. 105. 103-111.
2. Ливцов В.А., Пожидаев, А.С. Эволюция понятия «патриотизм»: через прошлое к будущему // Свободная мысль. 2016. № 6 (1660). С. 151-162.
3. Столяров, В.И. Спорт и культура: методологический и теоретический аспекты – URL: <http://lib.sportedu.ru/GetText.idc?TxtID=722> (дата обращения: 09.01.2021).
4. Медальный зачет по итогам всех Олимпийских Игр. [Электронный ресурс]. URL: <https://olympdeka.ru/olymp/different/medals/all.html> (дата обращения: 20.07.2025).
5. Инфографика: сравниваем медальные зачеты семи последних олимпиад. [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ZRPQQlCnGSVHhhyu> (дата обращения: 20.07.2025).
6. Olympic Winter Games Beijing 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://olympics.com/ru/olympic-games/beijing-2022/medals> (дата обращения: 20.07.2025)
7. Шавандина, О.А., Коваленко, Е.Ю. Заработная плата спортсменов: особенности формирования и регулирования // Экономика. Профессия. Бизнес. 2021. № 3. С. 134-141.

**«ЗНАЧИМЫЙ ДРУГОЙ» КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛИЗАЦИИ:
ПРОЕКТЫ ГОРОДЕЦКОЙ ЕПАРХИИ В ФОРМИРОВАНИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ МОЛОДЕЖИ**
**THE «SIGNIFICANT OTHER» AS A SOCIALIZATION TOOL:
PROJECTS OF THE GORODETSKY DIOCESE IN SHAPING THE
HISTORICAL MEMORY OF YOUTH**

Ю.А. Кудасова (Монахиня Фекла)

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород*

Kudasova Y.A. (Nun Fekla)

*Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod*

**Научный руководитель: З.Х. Саралиева, д.и.н, профессор, профессор
кафедры общей социологии и социальной работы**

ФСН ННГУ им. Н.И. Лобачевского,

г. Нижний Новгород

*Scientific supervisor: Z.H. Saralievа, Doctor of Historical Sciences, Professor,
Professor of the Department of General Sociology and Social Work,
Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod*

Исследование посвящено роли церковных проектов в социализации молодежи через механизм «значимого другого». На примере инициатив Городецкой епархии показано, как персонифицированные герои истории страны, края и собственной семьи способствуют усвоению патриотизма, эмоциональной связи с историей ВОВ и гражданской идентичности. Анализируется эффективность «живых» примеров в отличие от абстрактных нарративов. Данные: опросы (2019-2024) и контент-анализ мероприятий.

The research is devoted to the role of church projects in the socialization of youth through the mechanism of the "significant other". Using the example of the initiatives of the Gorodetsky diocese, it is shown how the personified heroes of the history of the country, the region and their own family contribute to the assimilation of patriotism, emotional connection with the history of the Great Patriotic War and civic identity. The effectiveness of "live" examples in contrast to abstract narratives is analyzed. Data: surveys (2019-2024) and content analysis of events.

Ключевые слова: социализация, историческая память, значимый другой, патриотическое воспитание, Русская Православная Церковь, молодежь, Городецкая епархия.

Keywords: socialization, historical memory, significant other, patriotic education, Russian Orthodox Church, youth, Gorodetsky diocese.

В условиях доминирования глобальных трендов актуальным становится вопрос вовлечения молодежи в сохранение национального культурного наследия. Поскольку социализация происходит через неосознанное заимствование групповых практик, ключевая задача — создание привлекательных форматов (диджитал-проекты, интерактивные акции), способных конкурировать с западными и восточными тенденциями и формировать осознанный интерес к традиционным ценностям.

В череде реализуемых Городецкой епархией социальных проектов, выделим три особо эффективных, чтобы рассмотреть механику социализации, предпочитаемую институтом церкви в этом вопросе.

Отчетливо видно, что в основе программ «Наследники Победы», «Моя Родина» и «Кто твой герой?» лежит концепция «значимого другого» (Дж.Г. Мид) [1], раскрывающая механизм социализации через усвоение ценностей референтных групп. Исследования Мида показали, что интериоризация норм происходит через взаимодействие с авторитетными акторами — ветеранами, предками, наставниками, что формирует коллективную идентичность и трансляцию традиционных ценностей.

Церковь, выступая агентом социализации, использует педагогические и социокультурные практики для легитимации традиционных ценностей и продвижения концепции «духовных скреп».

Проект «Молодежный веломарафон «Наследники Победы» [2] представляет собой пример коллективной социализации молодежи через патриотическую деятельность. Участие в веломарафоне способствует усвоению исторических ценностей и формированию гражданской идентичности. В роли значимых других выступают ветераны, организаторы и сверстники, чьи взаимодействия укрепляют групповую сплоченность. Конкурсные задания и квесты выступают как агенты вторичной социализации, транслируя нормы памяти и уважения к прошлому. Межмуниципальный формат [3] усиливает интеграцию участников в региональное сообщество. Особое внимание уделяется методике создания «живых» примеров для подражания и их эффективности по сравнению с абстрактными патриотическими нарративами.

Молодежный проект «Кто твой герой?» [4] выступает инструментом социализации молодежи через изучение семейной истории, формируя преемственность поколений. Герои рода становятся значимыми другими, чьи ценности и практики усваиваются участниками, чей пример станет агентом социализации в специфической форме — через культурные механизмы передачи памяти, ценностей и моделей поведения. Исследовательская деятельность и конкурсные элементы стимулируют рефлексию семейной

идентичности, укрепляя эмоциональные связи. Проект также выполняет функцию культурной трансляции, передавая нормы служения семье и Отечеству.

«Моя Родина» [5] – краеведческий проект, основной целью которого является изучение значимых личностей, событий и мест своего родного края или района. Процесс социализации участников опосредуется через феномен «мест памяти» (*lieux de mémoire*) – историко-культурную концепцию, разработанную Пьером Нора. [6; 7] Проект выступает важным агентом социализации, формируя у молодежи патриотическую идентичность через краеведческую деятельность, в которой памятники, музеи, названия улиц превращают умерших в символических агентов социализации. В роли значимых других выступают наставники, педагоги и местные жители, передающие историко-культурные ценности. Интерактивные форматы (чтения, игры, экспедиции) создают коллективные практики, укрепляющие связь с малой Родиной. Проект развивает социальный капитал, объединяя Церковь, государство и общество в воспитательном процессе.

Для контент-анализа данных социологических опросов собрано суммарно 1217 анкет участников по окончании проектов.

Анкетирование участников (Кто Твой Герой – 128 респондентов, Наследники Побед – 417, Моя Родина – 672) показало, что для 63,7% представителей молодого поколения было полезным и важным узнать имена и истории подвигов героев своей страны, края и семьи, 19,2% – отметили интерес к данным личностям, но не уверены, что они станут для них эталоном поведения, 17,1% выразили мнение, что истории этих людей никак не влияют на их жизненные принципы.

В процессе контент-анализа материалов проектов были изучены официальные описания на сайте епархии, грантовая заявка, публикаций в официальных каналах каждого из тринадцати муниципальных округов. Рассматривали отчеты и отзывы участников в формате эссе ($n = 120$), видеоинтервью ($n = 30$), постов в соцсети ВКонтакте и Telegram с хештегами проектов ($n = 300$).

Отмечено, что основной всех изменений личности, мотивационных примеров и осмыслений являются значимые другие в разных контекстах, таковыми стали не только ветераны (26,2%) и иные замечательные личности районов (19,4%), истории страны и края (49,8%), но и священники (2,7%) и специалисты Управления Городецкой епархии (1,9%), которые проводили образовательные, катехизационные и спортивно-патриотические занятия с участниками.

В ходе анализа программ выявлено, что персонифицированные образы героев (современных носителей традиционных ценностей, хранителей локальной истории и собственных семей) способствуют усвоению патриотических ценностей, формированию эмоциональной связи с историей Великой Отечественной войны и развитию гражданской идентичности.

Можно сказать, что проекты работают как механизмы мягкой социализации: ценности усваиваются через личный опыт, а не назидание. При этом роль Церкви – это не доминирование, а служение «моральным каркасом» для светских активностей.

Как результат, 78% участников отметили влияние личных встреч с героями на их ценностные ориентации. Индивидуальное погружение подростка в реальную обстановку помогает обновить систему ценностей, смыслов и представлений о реальности, которая конкурирует с доминирующей в обществе картиной мира и предлагает иную интерпретацию социального порядка.

Отмечен рост интереса к локальной истории молодежи (на 42% по сравнению с 2019 г., когда проводился аналогичный опрос участников веломарафона «Наследники Побед»).

Стоит отметить, что, в отличие от традиционных патриотических программ, проект «Кто твой герой» полностью построен на персонифицированном контенте. Это проявляется в трех ключевых аспектах:

1. Контент-анализ выявил 100% доминирование индивидуальных семейных нарративов над абстрактными установками в ключе выбора значимого другого из представителей своего рода, а не сторонних героев.

2. Все участники (n=128) прошли полный цикл социализации:

- самостоятельный выбор ролевой модели в семейной истории;
- исследовательская работа с биографическими материалами;
- публичная презентация перед экспертами и сверстниками.

3. Эффективность методики подтверждается:

- феноменом эмоционального вовлечения (отсутствие «отказников» от изучения представителей своего рода);
- механизмом «двойной рефлексии» (осмысление ценностей рода и их защита перед аудиторией)

Данный подход трансформирует традиционную социализацию из процесса усвоения готовых норм в практику осознанного выбора и обоснования личных ценностных ориентиров.

Данные программы своей эффективностью и обширным социальным откликом привлекли внимание и заручились ежегодным содействием с

органами власти окружных муниципалитетов всех 13 районов севера области, входящих в территориальный состав Городецкой епархии, представителями некоммерческих организаций, благотворительных фондов и местных жителей. Молодежный веломарафон «Наследники Побед» является неотъемлемой частью программ отделов образования каждого муниципального округа и значимым событием для населения районов.

Проект «Моя Родина» получил поддержку Фонда Президентских грантов в 2022 г. в категории «Сохранение исторической памяти», обозначив заинтересованность федерального уровня в деятельности Епархии [8].

Состоялось формирование устойчивых сообществ вокруг проектов на основании межинституционального взаимодействия и синергии их деятельности.

Проведённый анализ выявляет значимую роль церковных проектов в процессе социализации молодёжи, где механизм "значимого другого" выступает ключевым агентом трансляции ценностей. Реализованные программы Городецкой епархии демонстрируют эффективность данного подхода к формированию нравственных ориентиров и актуализации исторической памяти как элементов коллективной идентичности.

Персонифицированный подход демонстрирует высокую эффективность в патриотическом воспитании молодёжи, поскольку обеспечивает:

1. эмоциональную вовлеченность через идентификацию с конкретными историческими личностями;
2. формирование альтернативного символического универсума, основанного на героических примерах, а не абстрактных концептах.

Данный метод способствует более глубокому усвоению ценностей, так как опирается на механизм социализации через «значимого другого» (Дж.Г. Мид) и «места памяти» (П. Нора).

Результаты исследования позволяют рассматривать данные программы в качестве эффективной социокультурной технологии, рекомендуемой для внедрения в практику образовательных и религиозных институтов как инструмент конструирования коллективной идентичности и трансляции ценностных ориентаций.

В ходе исследования обнаружился неожиданный, но важный результат: сотрудничество между разными организациями развивалось в три этапа:

1. отправной точкой стала автономная инициатива церкви «сверху» как институционального актора (проектная деятельность епархии),
2. ключевым катализатором – стихийно мобилизованный социальный интерес «снизу»,

3. системообразующим элементом – персонифицированные взаимодействия представителей власти, НКО и локальных сообществ на уровне как официальных, так и неформальных коммуникативных практик (trust-building между лидерами).

Данный механизм, не являвшийся предметом первоначального изучения, оказался критически значимым для понимания динамики социального партнёрства в религиозно-гражданском контексте.

Список литературы

1. Mead, G.H. Mind, self and society from the standpoint of a social behaviorist / G.H. Mead. – Chicago: University of Chicago Press, 1934. 401p.

2. Проект «Молодежный веломарафон «Наследники Победы». URL: https://vk.com/nasledniki_pobed52 (дата обращения: 02.06.2025).

3. В Городецкой епархии завершён десятый юбилейный молодежный веломарафон «Наследники Победы» // Официальный сайт Городецкой Епархии. URL: <https://egiv.ru/news/22104/> (дата обращения: 02.06.2025).

4. Проект «Кто твой герой?». URL: https://vk.com/kto_tvoi_geroi (дата обращения: 02.06.2025).

5. Проект «Моя Родина» // Фонд президентских грантов. 2022. URL: https://vk.com/moya_rodina_gorodec (дата обращения: 04.06.2025).

6. Прусакова, О.П. Историческая память и «места памяти»: подход социолога Хальбвакса и концепция историка Пьера Нора // Молодой ученый. 2022. № 33 (428). С. 73-75. URL: <https://moluch.ru/archive/428/94535/> (дата обращения: 04.06.2025).

7. Пьер Нора, Всемирное торжество памяти, пер. с фр. Марии Сокольской // Неприкосновенный запас 2005/2 (40-41) URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvopamyati.html?ysclid=mbi5pxzrwb755067152> (дата обращения: 04.06.2025).

8. Проект «Моя Родина» // Фонд президентских грантов. 2022. URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=17fd0849-4450-4e83-bbd4-bffb7147d5fa> (дата обращения: 02.06.2025).

РОЛЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

THE ROLE OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN THE CONDITIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR AND IN THE POST-WAR PERIOD

Е.С. Куляй, М.В. Сысоева

*Центр социологических и политических исследований
Белорусского государственного университета, г. Минск*

E.S. Kulyai, M.V. Sysoeva

*Center for Sociological and Political Research
Belarusian State University, Minsk*

Рассматривается роль религиозных организаций в условиях Великой Отечественной войны и в послевоенный период в Советском Союзе. Подчеркивается значимость войны как трагического и важного события в истории страны, а также духовная поддержка, моральное укрепление и социальную помощь, оказываемую церковью в условиях боевых действий и гуманитарных кризисов.

The article examines the role of religious organizations during the Great Patriotic War and the post-war period in the Soviet Union. Emphasized the significance of the war as a tragic and important event in the history of the country, and also highlights the spiritual support, moral strengthening and social assistance provided by the church in the context of military operations and humanitarian crises.

Ключевые слова: религия, война, политика государства в отношении церкви.

Keywords: religion, war, state policy towards the church.

Великая Отечественная война (1941-1945 гг.) является одним из самых трагичных и значимых событий в истории Советского Союза. В условиях масштабных боевых действий и разрушений религиозные организации имели особую важность, выступая как источник духовной поддержки и социальной помощи. В послевоенное время, несмотря на официальную атеистическую политику государства, религиозные организации продолжали оказывать значительное влияние на общественную жизнь, способствуя восстановлению духовных ценностей.

В военное время религиозные организации активно участвовали в духовной поддержке населения и военнослужащих. Священнослужители проводили богослужения, молебны за победу и здоровье солдат. 22 июня 1941 г., в день начала Великой Отечественной войны, патриарший местоблюститель митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский), возглавлявший в тот период Русскую православную церковь (РПЦ), выступил с посланием «Пастырям и пасомым Христовой Православной церкви». В нем он заявил: «Православная наша Церковь всегда

разделяла судьбу народа... Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг... благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины» [1]. В годы войны было проведено более 10 тысяч молебнов за победу, что свидетельствует о значительной роли церкви как института духовной поддержки.

Религиозные организации оказывали и гуманитарную помощь пострадавшим – организовывали сбор средств, продовольствия, одежды. Особое значение в заключительный период войны имел начатый в октябре 1944 г. сбор средств в фонд помощи детям и семьям бойцов Красной Армии.

Несмотря на репрессивную политику советского государства по отношению к религии с 1920-х годов, во время войны церковные лидеры находили способы сохранять свою деятельность. Многие священники продолжали служить тайно или в подполье.

После окончания войны советское руководство продолжало проводить антирелигиозную политику, однако необходимость духовной поддержки населения способствовала некоторому смягчению репрессий против религии. В 1943 г. было восстановлено Московское управление патриархии Русской Православной Церкви после его ликвидации в 1920-х годах. После войны была разрешена деятельность части религиозных организаций, открывались некоторые храмы и монастыри, но их число оставалось значительно меньше довоенного. Церковь использовалась государством как инструмент патриотического воспитания и моральной поддержки населения.

Религиозные организации сыграли важную роль как во время Великой Отечественной войны, так и в послевоенный период. Во время войны они выступали источником духовной поддержки, морального сопротивления репрессиям и социальной помощи пострадавшим. В послевоенные годы их деятельность способствовала восстановлению духовных ценностей, развитию культуры и гражданского общества. Церковь является значимым социальным институтом, который объединяет людей.

Список литературы

1. Васильева, О.В. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов / Составители: Васильева О.В., Кудрявцев И.И., Лыкова Л.А. – М., 2009. С. 38-39.
2. Девина, И.В. Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. 1996. №4. С. 160-174.
3. Палеолог, М.В. Религиозные конфессии СССР в годы Великой Отечественной войны // Постсоветский материк. 2015. № 2 (6). С. 117-136.

**СМЫСЛЫ И ЦЕННОСТИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В ГЛАЗАХ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ:
ВОСПРИЯТИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ**
**MEANINGS AND VALUES OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
IN THE EYES OF THE YOUNGER GENERATION:
PERCEPTION AND INTERPRETATION**

Н.А. Латышева, И.В. Охотников

Российский университет транспорта, г. Москва

N.A. Latysheva, I.V. Okhotnikov

Russian University of Transport, Moscow

Речь идет о динамике понятия войны и ее присутствии в социальных сообществах. Восприятие и отношение к конкретным военным событиям тесно связаны со смыслами и ценностями поколений. Зачастую это оказывается связующим началом между ними. Восприятие событий ВОВ молодыми людьми нашей страны показывает необходимость серьезной государственной политики в этом направлении.

We are talking about the dynamics of the concept of war and its presence in social communities. The perception and attitude to specific military events is closely linked to the meanings and values of generations. This often turns out to be the connecting principle between them. The perception of the events of the Second World War by the young people of our country shows the need for a serious state policy in this direction.

Ключевые слова: война, Великая отечественная война, смыслы и ценности.

Keywords: war, the Great Patriotic War, meanings and values.

Чем дальше от нас Великая Отечественная война (далее – ВОВ), тем многовекторнее и многосущностнее становятся её восприятие и понимание. Из сугубо тождественного своему названию она возросла до явления вселенского масштаба, приобрела сакральное осмысление. Чем меньше остается на Земле людей, непосредственно переживших войну (как правило, самым «молодым» из них уже под 90 и за 90), тем большая иерархия смыслов и понятий для мыслящих личностей ассоциируется со словом ВОВ.

Тема войны, её природы и сущности, несмотря на свою практическую распространенность в человеческих сообществах, по-прежнему остается актуальной и дискуссионной. В публикациях и диссертационных исследованиях по философии войны, появившихся в последнее время, авторы указывают на сложность и дискуссионность понимания войны [1-5]. В самом широком подходе к пониманию природы войны философские позиции делятся на рассмотрении войны чисто на социальное (Н. Макиавелли, К. Клайзевиц О. Тоффлер) или на биологическое (К. Лоренц, З. Фрейд, Т. Мальтус), или на социально-природное явление с экономическим и

культурным подтекстом (С. Хантингтон, Й. Хейзинга, К. Маркс). Но при любом подходе все равно получается, что война:

- есть инструмент, возникающий из неравенства и противоречий человеческой расы и стремления ее к справедливости;
- разновидность конкуренции и соперничества;
- игровой вариант иррациональности мышления.

Война является катализатором социализации и усиления социальных связующих в процессах отношений и взаимодействия. Значение коллектива и «своей» группы на полях сражений трудно переоценить, как показывает опыт СВО.

Война является не только одной из вечных и глобальных проблем человечества. Динамика и трансформация войн отражает изменения в структурах человеческих сообществ (например, технологические), одновременно фиксируя и закрепляя архаические черты характера и поведения человека (склонность к насилию, агрессии, разрушению) [6]. Эпоха постмодерна расширила пространство войны, переведя ее из плоскости классической, чисто и только технической возможности и «полководческого» искусства, в плоскость «неклассическую» [7], например, когнитивную; в зону коммуникационных интеракций, где доминируют статусы и роли, правила, образы, посредники, нарративы и восприятия, кризисные урегулирования и миротворчество.

Современный мир дает множество примеров гибридности войн, прокси-противоборств, но при всей многовариантности современной войны и ревизионистских попыток интерпретации специалистами ее эсхатологическая сущность остается неизменной. А значит, с точки зрения гуманитарной реальности, здравого смысла, логики, необходимо не размывать грань между состоянием войны и мира [2], не маскировать её смысл при помощи новояза, а формировать и укреплять представление о войне как античеловеческого, антиприродного, катастрофического феномена [8].

В этом аспекте мероприятия и торжества, связанные с празднованием 80-летия Победы в Великой Отечественной войне, которые прошли и проходят не только в России, но и во многих бывших советских республиках, дают прекрасную и мощную возможность через воспроизведение ее событий и напоминаний через разные коммуникационные каналы о подвигах наших отцов, дедов, прадедов не просто сохранения исторической памяти, а укрепления национальной идентичности, воспроизводства чувства единения и взаимосвязи поколений, формирования патриотизма, гордости за свою страну, социальной и национальной солидарности. Современное молодое поколение получило серьезный стимул для формирования чувства

идентичности и идентификации со своей страной, со своим народом на основе исторической памяти, и этот стимул дает весьма позитивные результаты в мировоззренческом плане молодых людей.

Восприятие Великой Отечественной войны современной молодежью имеет специфику и зависит от социально-семейных, образовательных, культурных и других факторов. Современные молодые люди, не являясь прямыми свидетелями той эпохи, осваивают её и осознают значимость событий ВОВ посредством различных каналов. Восприятие формируется различными коммуникационными источниками и участием в соответствующих мероприятиях.

Данные анкетного и устного опроса студентов бакалавриата Российской открытой академии транспорта в Москве, проведенного в апреле-июне 2025 г., дали весьма содержательную и позитивную информацию о некоторых смыслах и ценностях современного молодого человека. В опросе участвовали 150 студентов нескольких специальностей экономико-гуманитарного профиля. Результаты исследования показали:

1. 100% опрошенных правильно отметили в анкетах имя Верховного главнокомандующего Красной Армии в годы войны (И.В. Сталин).

2. 96% показали вполне приличные знания о важнейших этапах и героях ВОВ. Называют имена таких полководцев, как Жуков, Рокоссовский, Багрямян, Ватутин, Василевский, Конев, Берзарин. Среди героев чаще всего называются (Космодемьянская, Матросов, Маресьев), но также встречаются имена Кожедуба, Карбышева, Гастелло, Талалихина, имена некоторых пионеров-героев и комсомольцев. Некоторые называли в числе героев своих прадедов – 5%).

Среди ключевых военных операций знают о Курской битве, битве за Сталинград, битве за Москву, битва за Ленинград, битва за Берлин, – 98%, операция «Багратион», Висло-Одерская операция – 25%.

3. Гордятся такими историческими событиями нашей страны:

- Великая Отечественная война (100%);
- Освоение космоса и полет Юрия Гагарина (96%);
- Достижения в науке и техники, культурное и социальное строительство в период СССР (98%);

4. Информация о ВОВ получена в основном из семьи (96%), школы, детского сада (56%). Многие опрошенные отмечают нестандартное знание о войне из рассказов своих близких родственников, имеют семейные архивы (фото, письма, награды – 89%), чувствуют уважение и гордость за участие своих родственников в событиях ВОВ. Причем большинство, имеющих данные семейные архивы непосредственно участвуют в патриотических

мероприятиях (Бессмертный полк, выступления с рассказами в различных коллективах).

5. Помимо семейных преданий влияние на восприятие и интерпретацию событий ВОВ оказали художественные фильмы о войне. Чаше всего называли:

– из так называемых классических – «В бой идут одни старики», «А зори здесь тихие», «Офицеры», «Летят журавли», «Они сражались за родину», «Семнадцать мгновений весны» (80%);

– из нового кино «Брестская крепость», «Т-34», «Битва за Севастополь», «28 панфиловцев» (76%),

– среди других фильмов названы «Иди и смотри», «Баллада о солдате», «Аты-баты шли солдаты», «Судьба человека», «Иваново детство» (5%).

6. Интересно эмоциональное восприятие событий ВОВ – это чувства гордости, патриотизма, благодарности, уважения к проявленной силе духа, но при этом и боли, страха, горечи, скорби, печали, ощущения трагедии (100%).

7. В процессе опроса выяснилось, что более детальное знакомство с событиями ВОВ помогло глубже понять своих прадедов и прабабушек, которые пережили это время, и психологически приблизиться к ним. Результатом стало понимание ценности семейно-родственных связей и необходимость продолжать их традиции (70%).

Такие интересные, неожиданные данные говорят о важности исследований ценностно-смысловых предпочтений молодого поколения и серьезной педагогической деятельности в этом направлении.

Список литературы

1. Агапов, П.В. Война в социально-философской традиции: опыт научного анализа // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 6А. С. 162-175.
2. Бельков, О.А. Война как явление и понятие // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2024. Т. 6. № 1. С. 63-70.
3. Герасимов, Н.Н. Философский анализ образа войны в эпоху глобализации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Уфа, 2019. URL: <https://volsu.ru/upload/iblock/2d/2d3e3c3e3c3e3c3e3c3e3c3e3c3e3c3e.pdf> <https://www.dissercat.com/content/filosofskii-analiz-obraza-voiny-v-epokhu-globalizatsii> (дата обращения: 05.05.2025).
4. Образцов, И.В. Война как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 106-116.
5. Черепанов, А.Ю. Гибридность как универсальное свойство войны (сущность и исторические формы). Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Уфа, 2022. URL: <https://www.dissercat.com/content/gibridnost-kak-universalnoe-svoistvo-voiny-sushchnost-i-istoricheskie-formy/read> (дата обращения: 05.05.2025).
6. Савельев, С.В. Нищета мозга, 6-е издание. М.: Веди, 2025.

7. Курочко, М.М. Неклассические войны современной эпохи: к постановке проблемы // Проблемы безопасности: Бюллетень научно-исследовательского центра «Наука-XXI». 2008. № 3. С. 35.

8. Толстой, Л.Н. Война и мир. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3, 4. – М.: «Лексика», 1996.

**ПАТРИОТИЗМ И ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА
В ЖИЗНЕННЫХ СМЫСЛАХ МОЛОДЕЖИ
PATRIOTISM AND DEFENSE OF THE FATHERLAND
IN THE LIFE MEANINGS OF YOUTH**

Л.Г. Лебедева

Самарский государственный экономический университет, Самара

L.G. Lebedeva

Samara State University of Economics, Samara

Проблема патриотизма и защиты Отечества тесно связана с проблемой социальной сплоченности. Опыт единства фронта и тыла в Великой Отечественной войне важен и в контексте Специальной военной операции. Все аспекты патриотизма и защиты Отечества, особенно в отношении молодежи, требуют внимания научного сообщества, политиков, педагогов на всех уровнях образования и общественной деятельности.

The problem of patriotism and the defense of the Fatherland is closely related to the problem of social cohesion. The experience of the unity of the front and rear in the Great Patriotic War is also important in the context of a Special military operation. All aspects of patriotism and the defense of the Fatherland, especially in relation to youth, require the attention of the scientific community, politicians, educators at all levels of education and public activities.

Ключевые слова: жизненные смыслы, молодёжь, защита Отечества, патриотизм, преемственность поколений.

Keywords: life meanings, youth, defense of the Fatherland, patriotism, continuity of generations.

Сама по себе тема конференции – «Великая Отечественная война в памяти молодого поколения» важна для привлечения внимания исследователей и общественности не только к историческим аспектам жизни и борьбы наших старших поколений в прошедшей в 1941–1945 гг., войне. Речь и об актуальности и непреходящей важности сохранения и продолжения преемственной связи поколений в условиях современности, особенно в связи со Специальной военной операцией (СВО). Является своего рода аксиомой,

что «постулаты о любви к Родине» играют «ключевую роль в мероприятиях по изучению <...> опыта Великой Отечественной войны» [1, с. 240].

Обращение к памяти и образам Великой Отечественной войны, конечно, специфично для разных возрастно-поколенческих групп. И это обращение возможно не только в форме «разговоров», но и некоторых практических дел и мероприятий. И накоплен уже на практике значительный и разнообразный «арсенал» форм и средств, этот арсенал требует внимательного отношения к себе для дальнейшего творческого его использования в педагогической и журналистско-пропагандистской деятельности. Вместе с этим, необходимы и поиски новых, адекватных современным условиям, форм и средств обращения к образам Великой Отечественной войны, прежде всего, в аспекте патриотического воспитания новых поколений.

Например, уже в дошкольных образовательных учреждениях (ДОУ) многое можно сделать в плане «воспитания гражданина и патриота» [2]. И для решения этой задачи педагогами предложены «интерактивные формы (виртуальные экскурсии, презентации, интерактивные игры краеведческого содержания); <...> составление “Генеалогического дерева”, участие в конкурсах на разных уровнях» [2, с. 66]. Разумеется, многое из перечисленного вполне может использоваться и в условиях начальной и средней школы, а также в рамках детско-юношеского туризма, исследования родного края [3].

Одно из важных конкретных направлений практических дел, связывающих разные поколения, приобщающих к историческим событиям, в частности к событиям Великой Отечественной войны, ремонт, восстановление и поддержание в аккуратном состоянии памятников погибшим воинам [3, с. 75]. Такая деятельность может осуществляться, например, в связи с разработкой и выполнением социальных проектов «Память» («Памяти павших будьте достойны!» и других подобных проектов) школьниками и студентами.

Важным подспорьем в поисках информации о земляках, погибших и без вести пропавших в годы Великой Отечественной войны, стала «Книга Памяти», изданная в разных регионах России, в том числе, в Самаре [4].

Но проблему патриотизма нельзя «сводить» только к событиям на фронтах. Ведь Победа ковалась и тружениками тыла – в экстремальных условиях гигантской войны, о чём свидетельствуют и опубликованные архивные материалы, а также работы историков, основанные на этих материалах [5; 6; 7]. Патриотизм стал основой единства фронта и тыла,

условием преодоления жесточайших трудностей повседневной жизни людей военного периода.

Опыт единства фронта и тыла в Великой Отечественной войне бесценно важен и в условиях современной СВО – «ощущение общего дела и единства привносит в жизнь людей уверенность и смелость перед лицом современных вызовов и угроз» [8, с. 11].

Важной и знаменательной стала постановка проблемы конференции: «Великая Отечественная война и СВО: диалог поколений в зеркале времени» [9]. Как отмечено на этой конференции в отношении СВО, она «стала вызовом и проверкой на прочность не только для российской армии, но и для всей страны» [9, с. 144]. Речь, в том числе, о мощном давлении на нашу страну с помощью разных санкций и информационных атак, чтобы ослабить нас и заставить отказаться от целей СВО.

В сложившихся в последние годы условиях особого внимания требуют и изучение имеющихся в реальности жизненных смыслов и ценностей молодежи (прежде всего, с использованием социологических исследований), и формирование таких смыслов и ценностей, которые отвечают духу времени и потребностям современного российского общества. В частности, это означает объективную необходимость продолжения духа патриотизма и защиты Отечества в преемственных связях поколений. При этом важно учитывать, что, прежде всего, «семья является первоосновой патриотического воспитания молодого поколения» [9, с. 145].

Заслуживают поддержки попытки научного изучения «облика современного российского патриота в условиях специальной военной операции, включая субъектов волонтерского движения» [10, с. 13], которые на деле проявляют патриотизм в своих жизненных смыслах.

Таким образом, поскольку «сохранение памяти о подвиге народа в годы войны является основой воспитания патриотизма и сплоченности в обществе» [8, с. 11], то ко всем, самым разным аспектам патриотизма и защиты Отечества, всех возрастно-поколенческих групп, но, в особенности, молодежи, требуется внимание научной общественности, как и внимание действующих политиков и педагогов на всех уровнях образования и общественной деятельности.

Список литературы

1. Осерская, Э.В. О влиянии исторического наследия Великой Отечественной войны на формирование современной концепции воспитания гражданина и патриота в

Республике Адыгея // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14. № 6. С. 234-243.

2. Сорокина, М.И. Краеведческая работа в ДОУ, как инструмент воспитания гражданина и патриота // Научный альманах. 2024. № 7-1 (117). С. 64-66.

3. Сушенцова, М.П. Формирование человека – патриота малой родины, своего Отечества средствами комплексного исследования родного края // Вестник Академии детско-юношеского туризма и краеведения. 2022. № 1. С. 73-77.

4. Книга Памяти: Рос. Федерация, Самар. обл.: [В 19 т / Сост. Абаев В.В. и др.; Ред. совет: Ю.М. Бородулин (пред.) и др.]. – Самара. 1993-1995.

5. Кабилова, А., Храмкова Е. Рец. на: М.С. Зинич. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. – М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2019. 349 с. // Российская история. 2020. № 3. С. 205-209.

6. Храмкова, Е.Л. Рец.: Малышева Е.М. Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941-1945 гг. М.: ВЕЧЕ, 2011. 492 с. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 5. С. 297-298.

7. Храмкова, Е.Л. Ленар Васильевич Храмков – историк Великой Отечественной войны (к 80-летию со дня рождения) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 3-2. С. 649-658.

8. Мацкевич, И.М. Сохранение памяти о подвиге народа – основа воспитания патриотизма и сплоченности в обществе // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 1 (105). С. 8-11.

9. Бурлакова, И.И. Заметки о Всероссийской научно-практической конференции «Великая Отечественная война и СВО: диалог поколений в зеркале времени» // Вестник Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). Серия прикладных научных дисциплин. 2025. № 1. С. 141-146.

10. Алёхин, И.А., Богданов, И.В. Идеал современного патриота в контексте прошлого, настоящего, будущего // Мир образования – образование в мире. 2024. № 3 (95). С. 13-21.

**РОЛЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В ФОРМИРОВАНИИ САМОСОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ**
**THE ROLE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN
THE FORMATION OF YOUTH SELF-AWARENESS**

Т.В. Точилина

Московский международный университет, г. Москва

С.В. Фролова

*Первый Московский государственный медицинский
университет имени И.М. Сеченова, г. Москва*

T.V. Tochilina

Moscow International University, Moscow

S.V. Frolova

*I.M. Sechenov First Moscow State Medical
University, Moscow*

Раскрывается вопрос о роли Великой Отечественной войны в формировании современной молодежи, рассматриваются ценности молодежи, связанные с ВОВ, анализируются анкетные данные о влиянии событий ВОВ на самосознание молодых людей.

The article reveals the question of the role of the Great Patriotic War in the formation of modern youth, examines the values of youth associated with the Second World War, analyzes the questionnaire data on the impact of the events of the Second World War on the self-awareness of young people.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, самосознание молодежи, гражданская идентичность.

Keywords: The Great Patriotic War, youth self-awareness, civic identity.

Великая Отечественная война (ВОВ) – это не просто историческое событие, это фундаментальная веха в истории нашей страны, оказавшая колоссальное влияние на формирование национального самосознания, особенно молодежи. Великая Отечественная война оказала определяющее влияние на формирование самосознания молодежи в нашей стране. Она стала источником патриотизма, гражданской ответственности и духовно-нравственных ориентиров.

Прошло 80 лет с момента окончания войны, но её отголоски по-прежнему ощутимы в ценностях, идеалах и мировоззрении подрастающего поколения. Великая Отечественная война стала символом героизма, стойкости и единства народа. Для молодежи она служит важным источником исторической памяти, укрепляющей чувство принадлежности к своей стране

и культуре. Через изучение событий войны молодое поколение осознает свою историческую ответственность и важность сохранения памяти о героическом прошлом.

Память о победе и жертвах войны способствует развитию у молодежи патриотических ценностей: любви к Родине, уважения к ветеранам, готовности защищать свою страну. Эти ценности активно внедряются в сознание молодежи через занятия в школе, фильмы, литературу и мемориальные мероприятия. Молодежь активно участвует в виртуальных проектах, мемориальных акциях и образовательных программах. Они помогают формировать моральные основы и гражданскую идентичность.

Особенно это становится актуальным в эпоху цифровых технологий. В современном мире, когда наблюдаются попытки пересмотра истории и искажения правды о ВОВ, особенно важно сохранять историческую память и передавать её молодому поколению. Это необходимо для укрепления единства общества и формирования национального самосознания. Молодежь должна знать и помнить, что именно благодаря подвигу советского народа мир был спасен от фашистской угрозы.

Нами было проведено исследование о роли ВОВ в формировании самосознания молодежи. Всего участвовало 218 человек (студентов высших учебных заведений). Возраст испытуемых от 18 до 21 года. Участвовало 162 девушки и 56 юношей. Респондентам была предложена авторская анкета. Данные опроса представлены ниже.

Таблица 1

Анкета

№	Содержание вопроса	Результат
1	Как Вы считаете, насколько важна память о Великой Отечественной войне для современной молодежи?	Очень важна 19% Важна 48% Не очень важна 18% Не важна 15%
2	Как часто Вы слышите рассказы о событиях ВОВ в семье, в СМИ?	Очень часто 15% Часто 24% Редко 46% Никогда 15%
3	Какие источники информации о ВОВ Вы используете? (несколько вариантов ответа)	СМИ (телевидение, Интернет, газеты) 69% Художественные и документальные фильмы 28% Книги 3% Музеи и памятные мероприятия 17% Семья и родственники 19% Другое: 2%

4	Есть ли у Вас родственники, принимавшие участие в ВОВ?	Да 85% Нет 3% Не знаю 12%
5	Как часто Вы задумываетесь о событиях ВОВ?	Очень часто 0 Часто 5% Только в памятные даты 69% Редко 22% Никогда 4%
6	Посещаете ли Вы музеи, памятники, связанные с ВОВ?	Очень часто 3% Часто 11% Только в памятные даты 32% Редко 33% Никогда 21%
7	Считаете ли Вы, что память о ВОВ важна для современной молодежи?	Очень важна 12% Важна 66% Не уверен(а) 20%
8	Какие чувства вызывают у Вас события ВОВ? (несколько вариантов ответа)	Гордость за героизм предков 44% Грусть и скорбь по погибшим 62% Несправедливость и злость 37% Вдохновение на добрые дела 41% Благодарность и признательность 47% Безразличие 13% Другое: 12%
9	Как Вы считаете, какие ценности формируют события ВОВ? (несколько вариантов ответа)	Патриотическое чувство 33% Принадлежности к родной истории 45% Ответственности за Родину 37% Высокие нравственные идеалы 21% Гуманизм 78% Приоритет духовного над материальным 43% Верность Родине 38% Гордость за достижения своей страны 32%
10	Как Вы считаете, влияет ли ВОВ на формирование гражданской позиции?	Да 80% Нет 8% Не задумывался(лась) 12%
11	Какие эмоции вызывают события ВОВ у современной молодёжи (несколько вариантов ответа)	Чувство гордости 68% Радость 21% Скорбь 67% Интерес 31% Печаль 27% Другое: 15%
12	Чувствуете ли Вы личную ответственность за сохранение памяти о ВОВ?	Да 37% Нет 27% Не задумывался(лась) 36%

Важно отметить, что для молодежи значимы события Великой Отечественной войны, она вызывает у них чувства гордости и скорби. События ВОВ влияют на формирование гражданской позиции молодежи, развивают чувство принадлежности к Родине, ответственности за нее, благодарность и признательность. Чаще всего информацию о ВОВ молодежь узнает из СМИ и Интернета, но недостаточно проводится бесед о ВОВ в семье. Большинство студентов считают память о ВОВ важной для современной молодежи.

Сохранение исторической памяти о ВОВ является важнейшей задачей формирования сильного, единого и процветающего общества, которое чтит свою историю и гордится своими героями. Активная работа с молодежью в области истории, культуры и патриотического воспитания – это залог того, что подвиг советского народа никогда не будет забыт, а уроки ВОВ останутся актуальными для будущих поколений.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ RELIGIOUS ORGANIZATIONS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR AND IN THE POST-WAR YEARS

Е.Д. Третьякова

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород*

E.D. Tretyakova

*Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod*

Анализируются взаимоотношения религиозных организаций и государства в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. Особое внимание уделяется изменению государственной политики в отношении религии, вкладу Русской православной церкви и других конфессий в поддержку армии и населения. Делается вывод о значимости религиозных организаций как источника духовной консолидации общества в экстремальных исторических условиях.

The article analyzes the mutual relations of religious organizations and the state during the Great Patriotic War and in the post-war period. Special attention is paid to the change in state policy regarding religion, the contribution of the Russian Orthodox Church and other faiths to the support of the army and the population. The conclusion is made about the importance of religious organizations as a source of spiritual consolidation of society in extreme historical conditions.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, религиозные организации, Русская православная церковь, антирелигиозная политика, советское государство, послевоенные годы, религиозная политика.

Keywords: The Great Patriotic War, religious organizations, the Russian Orthodox Church, anti-religious policy, the Soviet state, the post-war years, religious policy.

Великая Отечественная война стала переломным моментом не только в истории СССР, но и в отношениях государства с религиозными организациями. До войны советская власть проводила жёсткую антирелигиозную политику, направленную на ликвидацию влияния церкви и других конфессий, однако военные испытания потребовали переосмысления этого курса. Война заставила государство признать важность духовного и морального единства народа, в чём религиозные организации могли сыграть значительную роль.

В 1920-1930-е гг. советская власть проводила систематические репрессии против религиозных организаций, особенно против Русской православной церкви. Закрывались тысячи храмов, духовенство подвергалось арестам и казням, религиозная деятельность сводилась к минимуму и ограничивалась стенами культовых зданий. В 1937 г. было закрыто более 8 тысяч православных храмов, ликвидировано 70 епархий, а десятки тысяч священнослужителей и верующих подверглись репрессиям [1].

С началом войны в июне 1941 г. ситуация резко изменилась. В условиях угрозы национальной безопасности государство стало искать пути мобилизации всех ресурсов общества, включая духовные и моральные. Уже в июле 1941 г. И.В. Сталин обратился к народу с речью, в которой использовал обращение «братья и сестры», что символизировало попытку объединить верующих и атеистов против общего врага [2].

Религиозные организации, несмотря на прежние гонения, стали активно поддерживать советскую армию и народ. Христианские, мусульманские и буддийские конфессии организовывали сбор материальной помощи, проводили молитвы за победу, призывали верующих к участию в защите Родины. Мусульманские духовные лидеры, например, активно сотрудничали с советской властью, поддерживая мобилизацию и патриотизм среди верующих [3].

Война вынудила государство частично смягчить репрессии и даже возобновить деятельность некоторых религиозных учреждений. Это было связано с необходимостью укрепления морального духа населения и армии, а также с попытками использовать религию как фактор национального единства и патриотизма.

На оккупированных нацистами территориях религиозные организации подвергались двойному давлению. С одной стороны, нацисты использовали религию в пропагандистских целях, разрешая деятельность лояльных религиозных групп и требуя от священнослужителей выражать верноподданнические чувства по отношению к германской администрации. С другой стороны, религиозные общины сталкивались с ограничениями и контролем, а также с попытками «переформатировать» религиозную деятельность в интересах оккупантов [4].

В годы Великой Отечественной войны и сразу после неё советское руководство осознало необходимость использования религии для поддержания морального духа населения и армии. В 1943 г. была разрешена деятельность Русской православной церкви, избран патриарх, а церковь получила ограниченную юридическую и организационную самостоятельность [5]. Массовое закрытие храмов было запрещено, а церковные структуры получили право владеть имуществом и вести хозяйственную деятельность в ограниченных рамках.

Несмотря на ослабление репрессий, государство сохраняло строгий контроль над религиозными организациями, ограничивало их влияние и деятельность. Религия оставалась под надзором спецслужб и партийных органов, а антирелигиозная пропаганда не прекращалась, хотя и стала менее агрессивной, чем в 1930-е гг. В послевоенный период возобновились кампании по закрытию некоторых храмов, ограничению религиозных праздников и церковной благотворительности, особенно в 1950-1960-х гг. при Хрущёве [6].

Однако, в позднесоветский период в 1980-е годы, с началом перестройки, начался постепенный пересмотр отношения государства к религии, что привело к расширению прав религиозных организаций и росту их роли в общественной жизни.

С отменой в 1988-1990 гг. норм, ограничивавших деятельность религиозных организаций, и принятием законов о свободе вероисповедания религия получила возможность открыто развиваться и расширять свое влияние.

В 1990-е гг. Русская православная церковь и другие конфессии активно восстанавливали разрушенные храмы, открывали новые приходы и расширяли социальную деятельность. В армии и государственных структурах начала формироваться новая политика взаимодействия с религиозными организациями, что стало важным элементом духовного возрождения страны [7].

Великая Отечественная война стала катализатором изменения отношения СССР к религиозным организациям. Государство было вынуждено смягчить антирелигиозную политику и использовать религию для мобилизации народа. Несмотря на то, что послевоенный период ознаменовался возвращением к строгому контролю и ограничениям, религия уже не могла быть полностью устранена из общественной жизни. Опыт войны показал, что религия остаётся важным элементом духовной жизни народа.

Список литературы

1. Федотова, И.Ю. Государственная религиозная политика и возрождение Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны. URL: <https://www.permgaspi.ru/deyatelnost/stati/gosudarstvennaya-religioznaya-politika-i-vozrozhdenie-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny-na-primere-molotovskoj-oblasti.html> (дата обращения: 05.05.2025).
2. Бабюх, В. Как Великая Отечественная война повлияла на религиозную политику большевиков. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/295113-velikaya-otechestvennaya-voyna-povliyala-na-religioznuyu-politiku-bolshevikov> (дата обращения: 05.05.2025).
3. Палеолог, М.В. Религиозные конфессии СССР в годы Великой Отечественной войны / Постсоветский материк. 2015. 2(6) С. 129-130 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznye-konfessii-sssr-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny/viewer> (дата обращения: 05.05.2025).
4. Одинцов, М.И. Великая Отечественная война (1941-1945) и религиозные организации в СССР. URL: <https://www.pravenc.ru/text/150063.html> (дата обращения: 05.05.2025).
5. Шкаровский, М. Сталинская религиозная политика и Русская Православная Церковь в 1943–1953 годах. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/stalinskaja-religioznaja-politika-i-russkaja-pravoslavnaja-tserkov-v-1943-1953-godah/ (дата обращения: 05.05.2025).
6. Белякова, Н.А. Государственная власть и религиозные институты в послевоенном СССР: российские правовые традиции и новые идеологические установки // Вестник СПбГУ. 2012. № 4. С. 208. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-vlast-i-religioznye-instituty-v-poslevoennom-sssr-rossiyskie-pravovye-traditsii-i-novye-ideologich> (дата обращения: 05.05.2025).
7. Мозговой, С. Взаимоотношения армии и церкви в Российской Федерации. URL: <https://journals.openedition.org/pipss/390> (дата обращения: 05.05.2025).

**ПАТРИОТИЗМ И СЛУЖЕНИЕ РОДИНЕ КАК ЦЕННОСТЬ:
МОЛОДЕЖЬ И СТАРШЕЕ ПОКОЛЕНИЕ
PATRIOTISM AND SERVICE
TO THE MOTHERLAND AS A VALUE:
YOUTH AND THE OLDER GENERATION**

Д.Н. Филиппова

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск*

D.N. Filippova

*Institute of Humanitarian Studies and Problems
of Indigenous Peoples of the North SB RAS, Yakutsk*

Патриотизм – одна из основных традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества. Представлен поколенческий анализ восприятия ценности патриотизма и служения Родине. Для большинства опрошенных высока значимость («скорее важно» (36,8%) и «очень важно» (47,3%) патриотизма и служения Родине. Выявлено, что чем старше респондент, тем выше для него ценность данных категорий. Наиболее высока ценность данных категорий у старшего поколения (55+).

Patriotism is one of the main traditional spiritual and moral values of Russian society. The paper presents a generational analysis of the perception of the value of patriotism and service to the Motherland. In general, for the majority of all respondents, patriotism and service to the Motherland are highly important («rather important» (36.8%) and «very important» (47.3%)). It was revealed that the older the respondent, the higher the value of these categories. The older generation (55+) has the highest value of these categories.

Ключевые слова: патриотизм, патриотизм как ценность, служение Родине, поколенческий анализ.

Keywords: patriotism, patriotism as a value, service to the Motherland, generational analysis.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» к традиционным ценностям российского общества относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [1].

Патриотизм является одной из ведущих духовно-нравственных ценностей российского общества, передающейся из поколения в поколение. В научном обороте понятие «патриотизм» имеет несколько трактовок, и объединяющим началом является «любовь к Родине», включает смыслы «малая родина», «историческая память», «традиции», «семья». Отмечается, что патриотизм как стимулятор индивидуальной и коллективной идентичности особенно актуален и выступает как идеологическая активно формирующаяся традиционная ценностная установка [2].

Мониторинги последних лет показывают, что уровень патриотизма в России растет. «Поколения российских граждан существенно различаются по уровню приверженности патриотическим ценностям и установкам. Наибольший уровень патриотизма отмечается среди пожилого поколения, следующего традиционным ценностям и общественным установкам, а наименьший – у молодого, ориентированного на постматериалистические ценности и индивидуалистские установки» [3, с. 27].

Описание эмпирической части исследования. Выполнено в рамках реализации госзадания ИГИиПМНС СО РАН на 2024-2026 гг. НИР «Социальное самочувствие и стратегии адаптации населения Республики Саха (Якутия) в условиях трансформации российского общества: индикаторы, факторы, динамика» (FWRS-2024-0063) (рук., зав. отделом этносоциологии, глав. науч. сотр., д-р социол.н. Е.Г. Маклашова). Массовый социологический опрос охватывает население Республики Саха (Якутии), сгруппированного по пяти зонам проживания: Центральная, Южная, Восточная, Западная и Арктическая Якутия. Генеральная совокупность по данным за 2024 г. составляет – 1 001 664 чел. [4].

Плановая выборочная совокупность составляет 1318 респондентов из расчета доверительного интервала 97%, погрешность 3%. Процедура: несплошное обследование, многоступенчатая выборка (территориальная (по зоне) и месту проживания (город/село), квотная выборка респондентов (половозрастная). Опрос по смешанной процедуре проведения «полевых» исследований: интернет-опрос (онлайн опрос); классический опрос «face-to-face»; опрос с привлечением «общественных корреспондентов».

Ввод и компьютерная обработка анкетных данных производились в программе SPSS. Соотношение обследованных респондентов по возрастным категориям и их выборочное распределение в соответствии с теорией поколений В.В. Радаева [5, с. 49] представлено в таблице 1.

Таблица 1

Соотношение респондентов по возрастным категориям и их выборочное распределение в соответствии с теорией поколений В.В. Радаева

Периодизация по В.В. Радаеву	Возраст опрошенных по выборке	Доля
Поколение Z	15-24 лет	18,5
Поколение миллениалов	25-39 лет	34,2
Реформенное поколение	40-54 лет	27,2
Поколение застоя	55+	20,1

В блоке 2 «Ценностные ориентации» анкеты НИР респонденты отмечали значимость 28 ценностных ориентиров. В топ-10 ценностей: семья, дети, родные; справедливость, взаимопомощь; социальный порядок (стабильность общества); дружба; личная жизнь, любовь; национальная безопасность; правопорядок; защита окружающей среды; самостоятельность в суждениях и решениях; сохранение и развитие культуры, традиций и язык своего народа. В сводном для всех поколений рейтинге ценностей по среднему значению позиция «патриотизм, служение Родине» занимает 19-ую позицию.

Однако определяя значимость той или иной ценности, представители разных поколений отвечают по-разному. Для старшего поколения «патриотизм, служение Родине» входит в ядро ценностей (9-ая позиция). Наименьшую значимость данной ценности отметило поколение Z (25-ая позиция). А для поколения миллениалов ценность патриотизма, служения Родине занимает 21 позицию, для реформенного поколения – 15-ую позицию (таблица 2).

Таблица 2

**Значимость ценностного ориентира
«патриотизм, служение Родине» у разного поколения респондентов**

Выбор ответа	Поколение				Всего
	Поколение Z	Поколение миллениалов	Реформенное поколение	Поколение застоя	
Затрудняюсь ответить	7,4%	7,2%	4,2%	1,9%	5,4%
Не важно	7,0%	4,9%	2,8%	2,3%	4,2%
Скорее, не важно	12,8%	7,2%	3,7%	1,9%	6,2%
Скорее, важно	37,9%	36,5%	39,4%	33,1%	36,8%
Очень важно	35,0%	44,3%	49,9%	60,7%	47,3%
Всего	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

В целом, для большинства всех опрошенных значимость («скорее важно» (36,8%) и «очень важно» (47,3%)) патриотизма и служения Родине высокая. Выявлено, что чем старше респондент, тем выше для него ценность данных категорий.

Следует отметить, что смысловые коннотации понятий «патриотизм, служение Родине» отличаются у представителей разных поколений в зависимости от идеологических установок, социально-политических условий в период социализации и взросления каждого поколения.

Полученные данные коррелируют с результатами и других исследований. Пожилое поколение, сознание которого сформировано в советское время, демонстрирует высокий уровень гражданственности, однако реже проявляет социальный активизм в силу возраста. «Зрелое поколение, мировоззрение которого сложилось в трудные времена «лихих 90-х», оказалось разобщенным и апатичным. Молодое поколение, ценности которого сформированы в относительно благополучный период, в отличие от старших поколений, выражает в намерениях высокую общественную активность, но в реальности не склонно брать ответственность и прилагать усилия, предпочитая пассивные формы участия» [6].

В целом, для большинства всех опрошенных высока значимость («скорее важно» (36,8%) и «очень важно» (47,3%)) патриотизма и служения Родине. Выявлено, что чем старше респондент, тем выше для него ценность данных категорий. Наиболее высока ценность данных категорий у старшего поколения (55+). Перспективы исследования: анализ проявления социального активизма в поколенческом срезе, изучение миграционных настроений через призму патриотических ценностей, исследование ценностей патриотизма в студенческой среде, также среди поколения «альфа».

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 30.08.2025).
2. Ивченков, С.С., Сайганова, Е.В. Ценностные ориентиры и их влияние на восприятие патриотизма у молодежи // Вестник Института социологии. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientiry-i-ih-vliyanie-na-vozpriyatie-patriotizma-u-molodyozhi> (дата обращения: 23.08.2025).

3. Парма, Р.В. Патриотизм поколений в современном российском обществе. Гуманитарные науки // Вестник Финансового университета. 2023;13(4):20-29.
4. Республика Саха (Якутия) в цифрах: Краткий стат. сборник. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия) – Я., 2025. 150 с. URL: [https://14.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/РС\(Я\)%20в%20цифрах.pdf](https://14.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/РС(Я)%20в%20цифрах.pdf) (дата обращения: 20.08.2025).
5. Радаев, В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.
6. Парма, Р.В. Гражданская активность поколений в современном российском обществе // Вестник Института социологии. 2022;13(2): С. 31-47.

**СОЦИОЛОГИЯ ЭМОЦИЙ И ПАМЯТЬ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В КУЛЬТУРЕ**

ДОКЛАДЫ

**ПЕРЕЖИВАНИЯ НА ЭКРАНЕ:
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ СОВЕТСКОГО СОЛДАТА***
**FEELINGS ON THE SCREEN:
AN EMOTIONAL PORTRAIT OF A SOVIET SOLDIER**

Д.А. Закеров

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород*

D.A. Zakerov

*Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University,
Nizhniy Novgorod*

Рассматривается проблема репрезентации в кинематографе внутренних переживаний советских солдат в годы Великой Отечественной войны. Анализируются некоторые из многочисленных кинокартин и выводятся их ключевые особенности в представлении эмоционального портрета участника боевых действий.

The article examines the problem of representation in cinema of the inner experiences of Soviet soldiers during the Great Patriotic War. Some of the numerous films are analyzed and their key features in presenting an emotional portrait of a combatant are deduced.

Ключевые слова: кинематограф, Великая Отечественная война, исследования культуры, эмоции.

Keywords: cinematography, the Great Patriotic War, cultural studies, emotions.

В послевоенном СССР кинематограф выполнял двойственную роль, представляя собой одновременно и массовое развлечение, доступное каждому, и важное средство государственной пропаганды, через которое транслировались определённые визуальные образы и смыслы. В этот период

*Текст подготовлен при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25–18–00395 «Представления о счастье 4-х поколений россиян: коллективные эмоции, нормативные установки и субъективные притязания»

советское кино активно осуществляло идеологическую, пропагандистскую, коммуникативную и интегративную функции. Для отечественной истории Великая Отечественная война 1941-1945 гг. стала одним из судьбоносных событий прошлого столетия, оказавших влияние на его последующий ход. Заняла она и нишу центральной темы в киноискусстве. Экран проецировал образы советского военнослужащего и врага, транслировал ужасы войны и фронтовые трудности, не уступая официальной историографии. По мнению американского исследователя Д. Янгблада, «советские кинематографисты преуспели в возвращении советским людям аутентичной памяти войны» [1]. Историческая память, формируемая посредством кинематографических произведений, является одним из методов самоотождествления социальных групп. Посредством демонстрации человеческих судеб, переживаний и поступков фильмы дают возможность зрителям ощутить душевное состояние героев, проецируя на себя их переживания и поступки. Сочувствуя героям, зритель испытывает своего рода катарсис, словно бы очищаясь от негативных эмоций и укрепляясь в своем стремлении сохранить лучшие черты характера даже в сложных обстоятельствах. Сохранить в себе человека. Война становится проверкой моральных качеств и гуманности.

В науке широко отражены сюжеты, прослеживающие ключевые тенденции в формировании кинематографического образа войны и основных битв, конструирования образа «своего» и «чужого» [2; 3; 4]. Аспект, связанный с представлением психоэмоционального образа советского солдата, в настоящее время малоизучен. Рассмотрим специфику репрезентации эмоционального портрета отечественного солдата в советском кинематографе.

Начнем с фильма «Судьба человека» (1959) режиссёра С. Бондарчука, экранизовавшего одноимённый рассказ М. Шолохова, опубликованный тремя годами ранее. В кинокартине представлены судьба и внутренние переживания простого советского солдата Андрея Соколова. Эмоциональный портрет главного героя раскрывается сквозь призму пережитых им испытаний войны и трагедии личных потерь. Но в то же время он являет собой яркий пример человеческой стойкости перед лицом тяжелых жизненных обстоятельств. Военные трудности и страхи, голод и унижения в концлагере и последующая потеря всей семьи не сломили его духа. В кинокартине есть эпизод, наглядно демонстрирующий крепость его характера и человеческое достоинство, когда главный герой отказывается выпить с лагерным начальством за победу Германии, осознавая возможную смерть за это. Несмотря на перенесенные физические и душевные страдания, Соколов сохраняет в себе способность любить жизнь, что можно увидеть в финале

фильма, когда герой усыновляет сироту Ванюшку. Данный моральный выбор героя обусловлен, с одной стороны, внутренней драмой в связи с потерей жены и детей, но с другой – это и попытка её преодолеть. Встреча с Ванюшкой даёт ему новый смысл жизни, надежду на восстановление утраченного счастья и уверенность в будущем. Фильм «Судьба человека» демонстрирует образ сильного, благородного и доброго советского солдата, способного выдержать испытания жизни, оставаясь при этом человеком. Этот эмоциональный портрет можно считать кинематографическим образом поколения фронтовиков, переживших страшные годы Великой Отечественной войны, но не утративших гуманизма и стремления к счастью.

Далее разберём дебютный фильм режиссёра А. Тарковского «Иваново детство» (1962), в котором война показана глазами подростка Ивана Бондарева. Мальчик, чьи родители погибли в первые дни войны, становится разведчиком и постоянно рискует жизнью, проникая на территорию врага. Красной нитью сквозь кинокартину тянется глубокая психологическая драма, в центре которой детство, расколотое войной, что подчёркивается визуальной эстетикой произведения. Эмоциональный портрет солдата складывается посредством восприятия ребенка, который вынужден сталкиваться с ужасами боевых действий. Травматический опыт главного героя становится символом целого поколения рано повзрослевших детей, жизнь которых навсегда изменила война. Внутренние переживания и боль главного героя наиболее ярко демонстрируются эпизодами сновидений Ивана, в которых воспоминания о беззаботном мирном времени перемежаются с кошмарами фронтовой действительности. Пытаясь преодолеть внутренние переживания, главный герой рвётся в зону боевых действий, проявляет свои солдатские качества, героизм и самопожертвование. Образы природы и близких в воспоминаниях Ивана демонстрируют общую мечту для всех солдат – возвращение домой к нормальной жизни. Трагизм происходящего усиливается тем, что юноша ощущает себя отчуждённым среди людей, его взаимоотношения с окружающими ограничены профессиональными обязанностями, лишены тепла и поддержки. Таким образом, эмоциональный портрет советского солдата в фильме «Иваново детство» представлен через призму детского восприятия, не только подчеркивая ужасы войны, но и акцентируя внимание на потере детства у целого поколения детей, вынужденных рано повзрослеть, приспособиться к сложившимся реалиям и найти в них свое место.

Следующим будет персонализирован фильм режиссёра А. Германа «Двадцать дней без войны» (1976), действие которого разворачивается вокруг военного корреспондента Василия Лопатина, отправившегося в глубокий тыл

перед очередным возвращением на фронт. Однако, даже вдали от боевых действий война не покидает героя, отражая глубокие внутренние переживания советского военнослужащего, которому выпала возможность «прожить двадцать дней без войны». Военный корреспондент Лопатин физически истощён долгими месяцами пребывания на фронте. Отдых даёт лишь временное облегчение, однако внутреннее напряжение остаётся. Фронтная действительность преследует героя даже в мирных условиях, указывая на трудности адаптации к гражданской жизни после тяжелых военных испытаний. Лопатин, как и многие другие фронтовики, отправившиеся в отпуск с линии фронта, испытывает острую потребность вернуться в мирную обстановку, сохранить человеческие качества и внутреннее тепло, выжить духовно. Хотя героев временно окружает тыловая жизнь, мысли о будущем и жизни близких, исходе войны остаются источником постоянного беспокойства. Наиболее ярко проявляется страх потери близкого человека, что отражено в репликах персонажей: «Ну, вот они и кончились, твои двадцать дней без войны. И надо глядеть правде в глаза. Будет на ней еще всякое: и с тобой, и с другими...». Немаловажную роль играет мотив любви, который поддерживает дух героев, что символизирует надежду на лучшее будущее и скорый мир. Эмоциональный портрет советского солдата в фильме «Двадцать дней без войны» характеризуется сочетанием усталости и тревоги, стремлением к мирной жизни и способности чувствовать любовь и надежду на светлое будущее. Эти характеристики делают образ фронтового поколения живым и близким зрителю, позволяя лучше передать переживания людей, прошедших через тяжелейшие испытания войны.

Искусство способно многое рассказать нам о нас самих. Представленные кинокартины являют собой часть из огромного пласта произведений отечественного кинематографа о Великой Отечественной войне. Эти фильмы помогают зрителю погрузиться в мир эмоций, мыслей и переживаний военнослужащих. Взрослые и дети, все они вынуждены были пройти сквозь травмирующие испытания войны. Сюжет представленных кинокартин сосредоточен не столько на боевых действиях, сколько на внутреннем мире героев, создавая психологический портрет солдата, акцентируясь на сложности человеческих характеров, борьбе с собственными страхами и сомнениями. Фильмы полны метафор и символов, усиливающих эмоциональное воздействие на зрителя. Сочетание общей психологической глубины, выразительности игры актеров, символики, музыки и реалистичных сцен позволяет глубже вчувствоваться в опыт людей, прошедших Великую Отечественную войну. Эти произведения представляют собой примеры

кинематографического искусства, способного вызвать (и вызывающего) сильные эмоции, заставить задуматься о ценности мира и гуманизма. Каждый из кинотворцов (к которым справедливо будет отнести не только режиссёров, но и актёров, воплотивших на экране яркие и запоминающиеся образы), используя различные приёмы и методы, стремился передать сложность и противоречивость человеческого опыта в условиях тяжких испытаний судьбы.

Список литературы

1. Youngblood, D.A war remembered: Soviet Films of the Great Patriotic War // The American historical review. 2001. № 3. P. 840-855.
2. Родионова, О.В. Образ ВОВ в кинематографе как отражение культурно-исторической памяти и механизм самоидентификации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 1 (768). С. 146-171.
3. Трофимов, А.В. Визуальные образы Великой Отечественной войны в советском послевоенном кино // Исторический курьер. 2020. № 3 (11). С. 113–124.
4. Хохлов, В.А. Великая Отечественная война в современном российском кино: продолжение в фэнтези-будущем // Новый исторический вестник. 2010. № 23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/velikaya-otechestvennaya-voyna-v-sovremennom-rossiyskom-kino-prodolzhenie-v-fentezi-buduschem> (дата обращения: 10.08.2025).

ОБРАЗ ОТЦА В СОВЕТСКИХ ЖЕНСКИХ ЖУРНАЛАХ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ THE FATHER'S IMAGE IN SOVIET WOMEN'S MAGAZINES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

А.Е. Звонарева

Ивановский государственный университет, г. Иваново

A.E. Zvonareva

Ivanovo State University, Ivanovo

Посвящено анализу образа отца, представленного на страницах женских советских журналов: «Работница», «Крестьянка», «Общественница», «Семья и школа». Выделены следующие образы отца, предлагаемые советскими СМИ читателям: «отрицательный», «отец-государство» и «положительный».

This article analyzes the image of the father as portrayed in Soviet women's magazines: «Rabotnitsa» «Krestyanka», «Obshchestvennitsa», and «Family and School». The following

images of fathers presented to readers by Soviet media are highlighted: «negative», «father-state» and «positive»

Ключевые слова: Советские СМИ, женские журналы, образ отца, «положительный образ отца», «отрицательный образ отца», «отец-государство», конструирование образа отца.

Keywords: Soviet media, women's magazines, father image, «positive father image», «negative father image», «father-state», father-state construction.

Советские средства массовой информации являлись активным агентом формирования общественного сознания, формируя различный образ отца на разных исторических этапах существования советского государства. Рассмотрим образ отца, который формировали женские журналы советского периода. Методу «контент-анализа» были подвергнуты журналы «Работница», «Крестьянка», «Общественница», «Семья и школа» (4123 статьи и иллюстрации к ним за период с 1920-х по 1985 гг.).

В ходе исследования были выделены следующие образы отца, предлагаемые советскими СМИ читателям: «отрицательный», «отец-государство» и «положительный».

Формируя образ отца, средства массовой информации начали с конструирования «отрицательного» образа в 1920-1934 гг., затем предложили образ «отца-государства» на этапе 1934-1950-х гг., и только в 1960-1980-е гг. советскому читателю был предложен конкретный положительный образ реального отца. В военный период на страницах журналов «отрицательный образ» составил 0%, образ «отца-государства» – 83,9%, положительный образ – 16,1%, от всех публикаций, посвященных данной тематике.

Наиболее *интенсивное* конструирование образа «отца-государства» приходится на период 1934–1950-х гг. и совпадает со временем пребывания у власти И.В. Сталина. Основные черты данного образа следующие:

- управляет всем хозяйством страны, берет на себя часть материальных функций по обеспечению детей и матерей страны;
- контролирует работу подчинённых ему ведомств, занимающихся проблемами семьи «на местах»; разрешает сложные семейные ситуации как в случае обращения к нему граждан, так и по своей инициативе;
- объявляет себя выразителем и защитником социальных и жизненных интересов всех членов советской семьи;
- вмешивается в интимную жизнь граждан, посредством запрета/разрешения аборт, поощрения одинокого материнства;
- заботится об образовании, досуге детей, привитии им навыков и умений общественно полезного труда.

Военный период можно назвать наивысшей точкой в деле формирования образа «отца-государства». К характеристикам данного образа добавляется еще одна – забота государства о детях в условиях войны (обеспечение детей яслями, организация их летнего отдыха, устройство праздников) [1]. Красноречивы уже сами заголовки статей: «Возвращенное детство» [2] (перед статьёй помещена фотография, где играют весёлые детишки – «В детском саду военного завода города Калинина»); «Родина бережет детей» [2]; «Детям нашу любовь и заботу» [3]; «На отдыхе» [3]; «Летний отдых детей» [4]; «Здравница для подростков» [6]; «Забота о детях фронтовиков» [5]; «Чуткость, забота, внимание» [9]. Приведем характерную для этих публикаций цитату:

«Дети – наше будущее, наша смена. Вот почему советское правительство, партия и лично товарищ Сталин неустанно заботятся о здоровье и правильном воспитании детей. <...> Все, что есть лучшего в стране, отдано детям. Даже в годы войны, когда все силы и средства мобилизованы для отпора врагу, забота государства о детях не только не ослабла, а усилилась во много раз. <...> Правительство обеспечило детей не только питанием, одеждой, уходом, но и учёбой. Когда миновала угроза опасности и часть детей вернулись к родителям, матери не могли нарадоваться, увидев их здоровыми, весёлыми, окрепшими. Партия и советская власть всеми силами оберегали жизнь и здоровье детей» [7].

Средства массовой информации продолжают подчеркивать, что государство может позаботиться о детях лучше, чем сами родители.

«Все ясли обеспечены детскими врачами. Дети получают хорошее питание. Принесли их в ясли бледными, скучными, а теперь они поздоровели, повеселели. Жизнь детей снова окружена заботой и лаской советского правительства, пишет доктор Е. Мухина в статье «Восстановим детские ясли» [8].

В другой статье «С материнской любовью» рассказывается о семье, где отец погиб на фронте, мать умерла, а с четырьмя детьми осталась престарелая бабушка. Тогда члены заводского комитета завода, где работал глава семьи до войны, решили помочь осиротевшим детям. Они «поехали в ЦК партии и договорились по этому вопросу. Вскоре была утверждена смета на содержание семьи в тысячу рублей в месяц» [9]. Далее автор Е. Вишнякова приводит благодарственные слова бабушки: «Сыты ребята, всем мы довольны. При отце с матерью они так хорошо не жили» [9].

Продолжается на страницах журнала и тема заботы партии и правительства о матерях Советской страны. Очень символично выглядит страница из журнала «Работница» № 8/9 за 1944 г. Вверху страницы мы

видим портрет И.В. Сталина и «Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденом «Победа» Маршала Советского Союза Сталина Иосифа Виссарионовича» [10]. На нижней половине страницы помещено большое стихотворение (14 четверостиший) М. Щелокова «Мать-героиня». Приведём последние строки стихотворения:

«Восславим мать – источник светлых сил! / Великий Сталин, мудрый и родной, / Твой подвиг материнский оценил» [10].

На этапе 1920-х-1950-х гг. положительный образ реального отца очень скудно представлен на страницах журналов. Тем не менее, достаточно убедительно прорисовывается образ *отца-героя, защитника Родины*.

В журнале «Крестьянка» за 1944 г. опубликована «Колыбельная» поэта П. Кудрявцева:

«Спи, мой маленький сынок, / Твой отец – простой стрелок, / Но без промаха он бьет, / Враг к сыночку не пройдёт. / Храбрый воин – твой отец, / Рядовой в полку боец, / Да гвардеец, да герой, / Носит орден боевой. / Спи, воробышек родной, / Храбрый снайпер – папка твой, / Честно он всегда служил, / Сорок немцев уложил. / Шел однажды жаркий бой. / Он с пробитой головой, / Командира заменял, / Что на поле брани пал... / Спи, мой мальчик, засыпай, / Поскорее вырастай. / Будешь всем бойцам боец, Будешь вылитый отец» [11].

Таким образом, положительный образ советского отца связан с его образом защитника Родины. Мальчиков, средства массовой информации, так же ориентируют на выполнение роли защитника, но не отца.

«Спи, мой маленький вояка, / Спи, мой будущий герой. Папа наш сейчас далёко / Он большую пушку взял, / Чтобы враг тебя не трогал, / Чтобы ты спокойно спал» [12].

Подводя итоги исследования женских журналов 1941–1945 гг., следует отметить, что наиболее ярким образом отца в военный период стал образ «отца-государства».

Список литературы

1. Звонарёва, А.Е. Презентация образа отца в советских женских журналах периода Великой Отечественной // Великая Отечественная война 1941–1945 годов в судьбах народов России: уроки, выводы, оценки: материалы науч.-практ. конф., 15–16 апреля 2010 г. Кострома: Изд-во: «Костромской государственный технологический университет», 2010. С. 176-180.
2. Работница. 1943. № 12. С. 12.
3. Работница. 1943. № 6/7. С. 10.
4. Работница. 1944. № 6/7. С. 16.

5. Работница. 1943. № 4/5. С. 8.
6. Работница. 1943. № 4/5. С. 1.
7. Работница. 1943. № 1. С. 8.
8. Работница. 1944. № 1. С. 17.
9. Работница. 1945. № 10. С. 11.
10. Работница. 1944. № 8/9. С. 2.
11. Крестьянка. 1944. № 8. С. 18.
12. Работница. 1944. № 12. С. 10.

**НОСТАЛЬГИЯ ПО СОВЕТСКОМУ ПРОШЛОМУ
У 4-Х ПОКОЛЕНИЙ РОССИЯН***
**NOSTALGIA FOR THE SOVIET PAST
AMONG 4 GENERATIONS OF RUSSIANS**

Д.В. Зернов

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород*

D.V. Zernov

*Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University,
Nizhniy Novgorod*

Представлены результаты эмпирического исследования, проведенного методом формализованного интервью представителей 4-х поколений россиян в 2024-2025 гг. (n=400). Выявлены общие и уникальные черты в восприятии счастья в СССР представителями этих поколений.

The article presents the results of an empirical study conducted using formalized interviews among representatives of four generations of Russians in 2024-2025 (n=400). The study reveals common and unique traits in the perception of happiness in the USSR across these four generations.

Ключевые слова: историческая память, межпоколенческий анализ, СССР, социологическое исследование, социология эмоций, счастье.

Keywords: historical memory, intergenerational analysis, Soviet Union, sociological research, sociology of emotions, happiness.

С ноября 2024 г. по май 2025 г. нами было проведено свыше 600 формализованных интервью с представителями четырёх поколений россиян.

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 25-18-00395

За основу выделения поколений был взят подход, который предложил Ю.А. Левада [1], а затем развил В.В. Радаев [2, с. 43–50]. Из предложенных авторами шести поколений, акцент был сделан на последних четырёх: поколение застоя (период рождения: 1947-1967 гг.), реформенное поколение (1968-1981 гг.), поколение миллениалов (1982-2000 гг.) и поколение Z (2001 г. и позднее). Предварительный анализ показал, что такая строгая временная градация поколений в достаточной степени условна: люди, родившиеся на границах поколений, дают оценки, схожие как с одной, так и другой группами. Вследствие этого картина оказывается довольно размытой, что затрудняет выявление специфических черт поколений. Остановимся на ядрах поколений, оставив без внимания периферию. Конечно, оценки периферии представляют не меньший научный интерес, но этому будут посвящены другие работы. Представлены ответы людей следующих поколенческих/возрастных групп: поколение застоя (возраст 60-78 лет, вместо 58-78 лет; n=85), реформенное поколение (возраст 45-55 лет, вместо 44-57 лет; n=100), поколение миллениалов (возраст 30-39 лет, вместо 25-43 года; n=80) и поколение Z (возраст 18-21 год, вместо 13-24 лет; n=135). Среди вопросов, которые задавали всем респондентам, остановимся только на одном: «Как Вы думаете, во времена СССР (до Перестройки) счастья было больше или меньше, чем сейчас? Почему?», который и послужит предметным полем.

Понятно, что счастье измерить невозможно, но в данном случае нас интересуют субъективные ощущения людей, связанные с их воспоминаниями детства/юности/зрелости (как в случае поколения застоя) детства и юности (реформенное поколение), помноженными на годы, прожитые в постсоветской России, а также представления о жизни в СССР поколений, его не заставших, чьи оценки могут основываться на самых разнообразных источниках, в которых родители, бабушки и дедушки играют не последнюю роль [2-3]. Это ещё в большей степени касается представлений о Советском Союзе [4-6].

Представители всех четырёх поколений, сравнивая количество счастья в СССР и в настоящее время, чаще отдают предпочтения жизни в Советском союзе (рис. 1). Ожидаемо, что представители старших поколений это делают вдвое чаще представителей поколений, не заставших советского строя. Баланс однозначных оценок «за» и «против» СССР у представителей поколения миллениалов и поколения Z не склоняется столь сильно в сторону советского строя. Однако, здесь высокая доля тех, кто уходит от прямых оценок, а рассуждает о плюсах и минусах жизни в СССР. Эти рассуждения также помогают выстроить аргументацию этих групп.

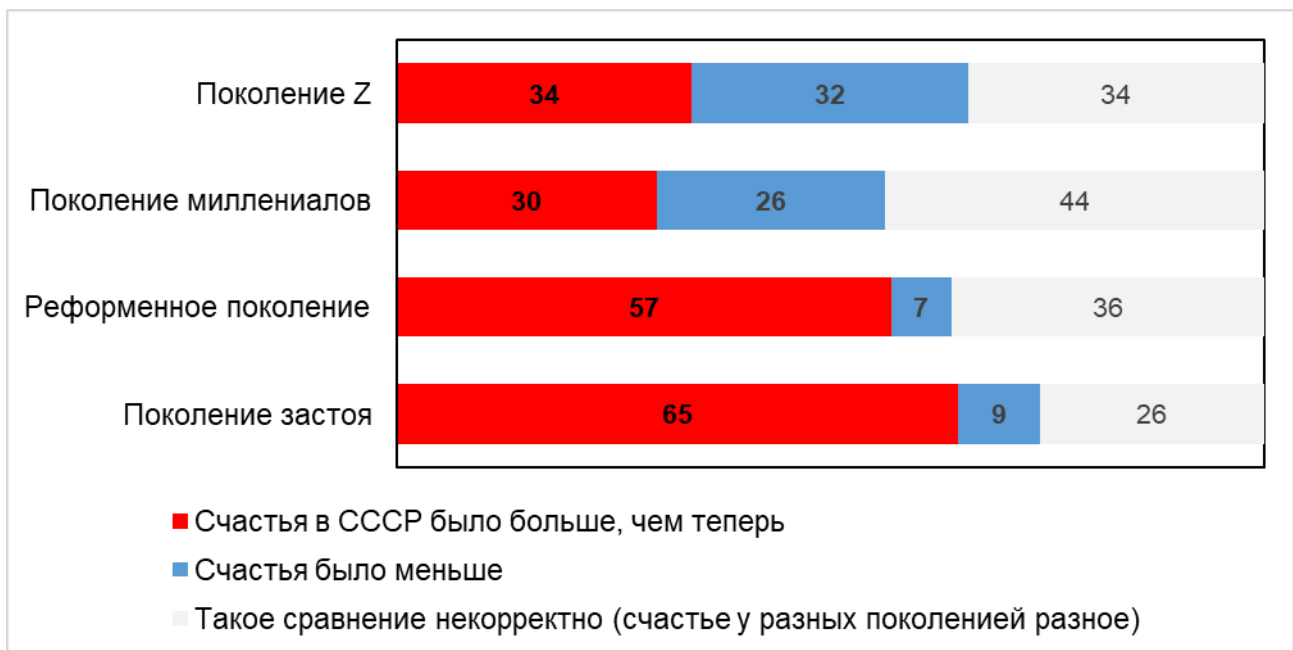

Рис. 1. Количество счастья в СССР и в настоящее время

Общими для всех четырёх поколений россиян аргументами за то, что в СССР люди чувствовали себя более счастливо, чем сейчас, являются:

Во-первых, стабильность жизни и социальная защищённость советского человека:

Поколение застоя: «Люди чувствовали больше стабильности и уверенности в завтрашнем дне» (Ж., 76 лет).

Реформенное поколение: «Все были обеспечены работой, медициной, учёбой. Была стабильность. В то время каждый человек мог быть уверен в том, что у него будет работа, что он сможет получить квалифицированную медицинскую помощь и что его дети получают качественное образование без финансовых затруднений» (М., 46 лет)

Миллениалы: «Было больше социальной справедливости. Даже если реальных благ было меньше, чем сейчас, не было такого сильного неравенства в распределении. Обычный житель не видел этого огромного разрыва в доходах. Были доступная медицина и образование. Было время торжества науки и прогресса. Были реальные достижения (строились города с нуля, реализовывались мега-проекты типа БАМ, первый человек в космосе и т.д.). Самое главное это была уверенность в будущем» (М., 36 лет).

Поколение Z: «У них была стабильность, они знали свое место в обществе и то, как сложится их жизнь» (Ж., 20 лет).

Во-вторых, коллективизм и человеческие отношения:

Поколение застоя: «Конечно, были трудности и лишения, но люди были более сплоченными и поддерживали друг друга» (М., 68 лет).

Реформенное поколение: *«Люди были более дружелюбны к друг другу, было больше живого общения, веселья» (Ж., 50 лет).*

Миллениалы: *«Счастье зависело от самих людей. Они были более открытыми, более дружелюбными. В те времена знали, что, если бы что-то случилось, люди не останутся в стороне, помогут» (Ж., 30 лет).*

Поколение Z: *«Люди постоянно проводили время друг с другом, с семьей, радовались даже мелочам» (Ж., 19 лет).*

В-третьих, простота жизни и духовные ценности:

Поколение застоя: *«Семейные ценности и традиции были сильнее, и люди ценили то, что у них было» (М., 68 лет).*

Реформенное поколение: *«Люди радовались мелочам, т.к. понимали, что это от души. Раньше люди были более открытые: уважали старость и не боялись за своих детей» (Ж., 46 лет).*

Миллениалы: *«Потребности были ниже, а искренности и душевности больше» (Ж., 38 лет).*

Поколение Z: *«Сейчас идет какой-то культ «заработай, стань в 15 лет миллионером». Людям кажется, что они никчемны, ведь ничего не добились в жизни. В СССР же были равны практически, никто не гнался за деньгами и акцент был на более простых вещах.» (Ж., 21 год).*

Общим для всех минусом является ограничение свобод и дефицит, присущие советскому строю:

Поколение застоя: *«Раньше ничего невозможно было купить, информации было мало, за границу не выезжали. Сейчас больше возможностей» (Ж., 74 года).*

Реформенное поколение: *«Был дефицит, железный занавес, всё по благу (М., 48 лет).*

Миллениалы: *«Люди были ограничены в возможностях и свободе, что сказывалось на их внутреннем состоянии» (Ж., 36 лет).*

Поколение Z: *«Уровень жизни в поствоенном обществе, которое было ранено опытом трудовых лагерей, доносов и дефицита продуктов, был относительно невысоким» (Ж., 19 лет).*

Различия разных поколений в оценке счастья в СССР, прежде всего, в следующих моментах:

Для представителей поколения застоя характерна наиболее сильная ностальгия, основанная на личном опыте. Они неоднократно упоминают, что были молоды в годы, хотя и не столь часто, как, например, представители реформенного поколения. Для поколения застоя характерен и сильный акцент на безопасности, доверии между людьми и отсутствии социального расслоения.

Представители реформенного поколения часто связывают счастье в СССР со своим детством и молодостью, а также со здоровьем своих родителей. Акцент здесь на ностальгии по молодости, а не только по системе. Их критика СССР включает тему «иллюзии счастья» из-за закрытости страны.

Для поколения миллениалов характерно наиболее сбалансированное отношение к проблеме, а также высокая доля тех, кто уходит от сравнения. В критике советского строя делается акцент на репрессиях и отсутствии возможности самореализации.

Представители поколения Z ностальгируют по стабильности, которую они не застали, и это парадоксальным образом связано с критикой современности с её информационной перегруженностью. Современность, по их представлениям, выигрывает открытостью мира, технологиями, которые вроде бы делают жизнь проще, но одновременно и усложняют мир. Последнее, как отметит молодёжь, приводит к стрессам, от которых без помощи психиатра не избиваться. И хорошо, что они есть, тогда как в СССР: *«услуги психологов и психиатров не были в таком доступе, как сейчас» (Д., 20 лет).*

Список литературы

1. Левада, Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. №5. С. 7-14.
2. Радаев, В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.
3. Зернов, Д.В. Роль семьи в формировании исторических представлений молодежи // Семья и работа: материалы международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 19–20 сентября 2024 года. Н.Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2024. С. 226-229.
4. Зернов, Д.В., Игаева, К.В. Медиатизация памяти молодежи: социологический опрос студентов исторических и неисторических специальностей // Преподаватель XXI век. 2021. № 4-2. С. 296-307.
5. Память о войне в советском и постсоветском кинематографе: взгляд молодежной аудитории / Ф.В. Николаи, Д.В. Зернов, Н.В. Шалютина. Н.Новгород: НИСОЦ, 2022. 193 с.
6. Зернов, Д., Николаи, Ф. Историческое воображение, медиатизированная ностальгия и альтернативная история в видеоиграх: Fallout-4 vs. Atomic Heart // Новое литературное обозрение. 2025. №4(194). С. 44-58.

ШКОЛЬНЫЕ МУЗЕИ КАК «МЕСТО ПАМЯТИ» **SCHOOL MUSEUMS AS A «PLACE OF MEMORY»**

Е.Е. Кутявина, Е.А. Шинкаренко

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород*

А.В. Кудрин

Станция детского и юношеского туризма и экскурсий, г. Норильск

Е.Е. Kutyavina, E.A. Shikarenko

*Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod*

A.V. Kudrin

Children's and Youth Tourism and Excursion Station, Norilsk

На основе результатов интервью с руководителями школ Нижнего Новгорода рассмотрены социальные функции школьных музеев как «мест памяти», их роль в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне и патриотическом воспитании школьников. Как теоретическая рамка выбрано понятие «место памяти», предложенное французским историком П. Нора.

The article examines the social functions of school museums as «places of memory», their role in preserving the historical memory of the Great Patriotic War and patriotic education of schoolchildren, based on the results of interviews with school principals in Nizhny Novgorod. The concept of «place of memory» proposed by the French historian P. Nora is chosen as a theoretical framework.

Ключевые слова: место памяти, практики коммеморации, школьные музеи, патриотическое воспитание школьников.

Keywords: place of memory, commemoration practices, school museums, patriotic education of schoolchildren.

Память о важных событиях отечественной истории, исторические знания составляют важную часть патриотического воспитания школьников. Это часть не только образовательного процесса, преподавания курса истории, но и основа культурной идентичности, становления ценностей. Особую роль в становлении культурной идентичности и исторической памяти играет память о Великой отечественной войне. Одним из способов сохранения исторической памяти и формой патриотического воспитания школьников являются школьные музеи.

Для анализа социализирующей роли школьных музеев обратимся к понятию «место памяти», предложенному французским историком Пьером Нора. П. Нора противопоставляет «память» и «историю» как разные способы

сохранять события прошлого – обыденный и научный. «Память» поддерживается группой – очевидцами, теми, кто с ними разговаривал, слышал рассказы, обсуждал события. История основывается на научных способах познания. «Память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы. ... История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет» [1, с. 22]. Память спонтанна, субъективна, изменчива, эмоционально окрашена и привязана к конкретному сообществу, поддерживается им. История стремится к точности, объективности, беспристрастности. П.Нора обращает внимание, что в немецком языке есть два понятия – *Geschichte* и *Historie*, которым во французском языке соответствует одно – история, что иллюстрирует как связь, так и различия понятий «память» и «история» [1, с. 21].

«Места памяти», по мнению историка, отчасти снимают противоречие между этими способами восприятия исторических событий, обострившееся в современном обществе. С одной стороны, возрастает темп социальных изменений, что затрудняет поддержание спонтанной памяти, размывается фольклорная традиция (фольклор – важный способ поддержания «памяти»); с другой стороны, повышается роль науки в целом, и истории как научного способа изучения исторических фактов; история начинает восприниматься как «правильный», более точный способ рассмотрения исторических событий. «Интерес к местам памяти, где память кристаллизуется и находит свое убежище, связан именно с таким особым моментом нашей истории. Это поворотный пункт, когда осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве сохраняется еще достаточно памяти для того, чтобы могла быть поставлена проблема ее воплощения» [1, с. 17].

Место памяти – это физическое место (площадь, улица, здание), предмет (памятник, предмет, ассоциируемый с исторической личностью или событием, например, медаль, орден), памятная дата, культурный объект, не обязательно физический (песня, картина), которые организуют некое сообщество для совместного «вспоминания» исторических событий. Ключевым фактором формирования мест памяти П. Нора считал «желание помнить», выражаемое в действиях – практиках коммеморации. Место памяти дает ощущение непрерывности истории даже на большом временном промежутке, объединяет группу благодаря практиками коммеморации.

Музей – важная разновидность «мест памяти», имеющая свойства и «памяти» (непосредственность восприятия, обращение к личности и группе, эмоциональность), и «истории» (опора на факты, научные принципы

организации). Школьные музеи также можно рассматривать как места памяти, которые не только являются точкой организации практик коммеморации, но и играют важную роль в патриотическом воспитании школьников.

В апреле 2025 г. кафедрой общей социологии и социальной работы ФСН ННГУ им. Н.И. Лобачевского была проведена серия полустандартизированных интервью с директорами школ Нижнего Новгорода о школьных мероприятиях, посвященных 80-летию Победы. Всего в исследовании приняли участие 9 человек (n=9). В каждом районе города методом случайного отбора была выбрана одна школа. Исключение составил только Советский район, где участвовали 2 школы (общеобразовательная и гимназия), в одной из школ проводилась апробация инструментария, в другой – проведено интервью по итоговому гайду. В выборке – общеобразовательные школы и гимназии/лицей. Продолжительность интервью от 40 минут до часа.

Для обработки данных использован контент-анализ с привлечением специализированного пакета Лекта. Базовый словарь составил 32 539 слов. Рабочий словарь 130 семантических цепочек. В результате получено 15 факторов. Объясняющая способность модели 35%. В данном случае мы рассмотрим фактор, объединяющий лексемы, относящиеся к деятельности школьных музеев.

Результаты интервью демонстрируют важные социальные функции школьных музеев как мест памяти.

В 2025 г., в год 80-летия Победы, живая память о Великой Отечественной войне поддерживается уже не очевидцами, а практиками коммеморации. Даже дети войны уже очень пожилые люди, ветеранов остались единицы. И работники школ, и школьники осознают риск разрыва исторической памяти и необходимость её поддержания.

Как говорится, только если бабушки, наши школьники сейчас это уже их правнуки, или праправнуки, то они должны, ну, хоть где-то дома что-то посмотреть и вспомнить. Кто-то начинает обращаться... Это совместная работа семьи (Ж., директор общеобразовательной школы, стаж 15 лет).

Первый источник информации для ребёнка в выстраивании своей истории о семье – это родители, бабушки, дедушки и так далее. Иногда не очень легко найти информацию, всё-таки уже поколение-то прабабушек даже (Ж., директор лицея, московский район, 17 лет стажа).

Важный способ сохранения исторической памяти – сохранение памяти семьи. Практики коммеморации объединяют не только учеников школы, но и их семьи. Именно в семьях сохраняются воспоминания, фотографии, письма.

В прошлом году, например, нам удалось сделать баннер, где есть родственники наших учеников, погибшие во время Великой Отечественной войны. Там их фотографии, небольшие рассказы о них.

С удовольствием они предоставили рассказы о своих родных и портреты. Потом даже родители приходили в школу, фотографировали, как это всё выглядит. (Ж. директор лицея, советский район, стаж 12 лет).

Естественно, когда мы получаем обратную связь от родителей на родительских собраниях или в родительском комитете, большинство родителей говорят, что в нашей семье сохраняются фотографии, у кого-то письма есть еще с фронта, или письма военных лет, или мы посещаем кладбище, где у нас похоронены родственники (Ж., директор лицея, Московский район, 17 лет стажа).

Школьные музеи объединяют локальную историю (историю города, района, завода) и память о Великой Отечественной войне. В школьном музее, который может быть посвящен истории Нижнего Новгорода или какой-то его части (Автозавод, Сормово), организуются выставки, устанавливаются мемориальные доски, связанные с событиями времен Великой Отечественной войны. Нижний Новгород – город трудовой доблести, во время войны здесь работали военные заводы, госпитали. Связь исторической памяти с реальными локациями современного города усиливает достоверность информации, сглаживает ощущение временного разрыва.

Совсем недавно мы оформили в рекреации первого этажа выставку «Горький – кузница Победы» «Автозавод в годы войны» (Ж., директор общеобразовательной школы, Автозаводский район, стаж 7 лет).

У нас есть мемориальная доска, на которой написано, что здесь в годы Великой Отечественной войны был эвакуационный госпиталь. Эту доску мы отдали на реставрацию, её 15 апреля должны нам вернуть, и мы её в апреле торжественно откроем по-новому. У нас есть в планах, что мы откроем ещё один стенд в музее именно про эвакуационный госпиталь, и сейчас наш учитель истории работает в архиве, чтобы собрать материалы об эвакуационном госпитале, потому что, к сожалению, у нас этих материалов не оказалось. Есть только одна единственная информация о том, что здесь был эвакуационный госпиталь, мы знаем его номер, что Блохин делал по 6-7 операций в день здесь (Ж. директор лицея, Советский район, стаж 12 лет).

Руководители школ подчеркивают научную, историческую основу организации музеев, сотрудничество с вузами и научными организациями.

Большую роль играет обществознание. Лекторов мы всегда приглашаем, чтобы они выступали перед старшеклассниками, то есть это форма работы, которая связана с развитием критического, аналитического

мышления, чтобы какие-то факты детям специалист мог правильно объяснить, не предвзято, а объективно, с точки зрения исторической науки, исторического знания – это лекторы общества знания. Ну и потом мы дружим с нашим институтом международных отношений мировой истории ННГУ (Ж., директор лицея, Московский район, 17 лет стажа).

Школьные музеи организуют и поддерживают устойчивые «практики коммеморации» – регулярные мероприятия, которые начинают восприниматься как традиции. В них участвуют учителя, школьники разных возрастов, семьи школьников.

Каждый год в майские дни проводятся экскурсии, как правило проводят старшие школьники для младших школьников. Кроме того, у нас есть еще архивы с историями семей (Ж., директор лицея, Сормовский район, 21 год стажа).

Проект «По страницам войны» представляет собой поисково-исследовательскую деятельность по воссозданию историко-культурного пространства поколения, жившего в годы ВОВ. Проектный продукт будет оформлен в виде альбома, в котором будет отражена структурировано информация, полученная в ходе исследовательских работ. Каждый класс (1-11 параллелей) создает отдельный альбом, в котором каждому ученику отводится собственная страница для заполнения. Ежегодный конкурс «Моя семья в истории страны», генеалогическое древо, семейные реликвии (Ж., директор общеобразовательной школы, Автозаводский район, стаж 7 лет).

Выделим следующие свойства школьных музеев как мест памяти:

- поддержание ощущения непрерывности исторической памяти;
- поддержание общей памяти групп (семья, ученики школы, жители района, города, страны);
- поддержание устойчивых практик коммеморации;
- связь «памяти» и «истории».

Список литературы

1. Нора, П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. с фр.: Дина Хапаева. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17-50. URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (дата обращения: 09.09.2025).

**ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБРАЗА
СОВЕТСКОГО УЧЕНОГО В ПОСЛЕВОЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ
(НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА А.М. РООМА «СУД ЧЕСТИ»)*
THE EMOTIONAL COMPONENT OF THE IMAGE
OF A SOVIET SCIENTIST IN POST-WAR CINEMA
(BASED ON THE EXAMPLE
OF A.M. ROOM'S FILM «COURT OF HONOR»)**

А.Н. Маслов

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород*

A.N. Maslov

*Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University,
Nizhniy Novgorod*

На примере послевоенного художественного кинофильма «Суд чести» (1948 г.) анализируются характерные черты репрезентации эмоциональных компонентов в образе советского ученого. Акцентируется усложнение воображаемого внутреннего мира деятелей отечественной науки, своеобразная психологизация принимаемых ими морально-этических решений.

Using the example of the post-war feature film "Court of Honor" (1948), the characteristic features of the representation of emotional components in the image of a Soviet scientist are analyzed. The author emphasizes the complication of the imaginary inner world of Russian scientists, a kind of psychologization of the moral and ethical decisions they make.

Ключевые слова: образ ученого, советский кинематограф, Александр Штейн, Абрам Роом, «Суд чести».

Keywords: image of a scientist, Soviet cinema, Alexander Stein, Abram Rohm, «Court of Honor».

Настоящий текст посвящен послевоенному кинопроизведению, которое сыграло весьма важную роль в репрезентации советских ученых и в своеобразной экранной «пересборке» их эмоциональности. Это художественный фильм режиссера А.М. Роома «Суд чести» (1948, в прокате – с начала 1949 г.), удостоенный Сталинской премии I степени, но сегодня вспоминаемый, по большей части, в качестве пропагандистской картины, выход которой обозначил старт кампании по борьбе с

*Текст подготовлен в рамках проекта РНФ № 25-18-00395 «Представления о счастье 4-х поколений россиян: коллективные эмоции, нормативные установки и субъективные притязания»

космополитизмом. Картина Роома была снята по пьесе А.П. Штейна (выступившего сценаристом фильма) «Закон чести». В общем и целом, ни пьесу Штейна, ни ее экранизацию Роомом нельзя считать забытыми, хотя до настоящего времени (насколько известно докладчику) была опубликована лишь одна специальная работа по данной теме – статья Е.А. Долговой «Научная повседневность профессора Лосева» [1], в которой основной акцент делается на анализе послевоенной «шпиономании» и особенностях критики воображаемого низкопоклонства перед Западом.

Подчеркнем, что анализируемый фильм «Суд чести» вполне укладывается в тот общий тренд прославления отечественной науки (и её противопоставления науке западной), который закрепляется именно в послевоенные годы, когда на экраны начинают одна за другой выходить художественные киноленты, посвященные великим русским / советским ученым и изобретателям: «Пирогов» (1947), «Миклухо-Маклай» (1947), «Мичурин» (1948), «Академик Иван Павлов» (1949), «Александр Попов» (1949), «Жуковский» (1950), «Пржевальский» (1952). [См.: 2-4]. На протяжении послевоенного десятилетия отечественные деятели науки как будто бы сменяют в качестве главных национальных героев тех полководцев, которых воспевал советский кинематограф предвоенных и военных лет. Параллельно с фильмами о выдающихся ученых в СССР снимаются картины, направленные на разоблачение «продажной буржуазной науки», обслуживающей «уродливые ценности капиталистического мира» и подчиненной военно-промышленным корпорациям (здесь можно вспомнить кинофильм А.М. Роома «Серебристая пыль», снятый в 1953 г. по пьесе А.М. Якобсона «Шакалы»).

Представляется, впрочем, что кинокартина «Суд чести» и положенная в ее основу пьеса сегодня могут быть интересны и как свидетельства гораздо более сложной манипуляции чувствами массовой аудитории. Вопреки суждениям С.М. Медведевой («В фильмах сталинского периода практически нет индивидуалистской перспективы. Фигуры героев-учёных слишком монолитны. Им неведомо сомнение. Они поражают зрителя своей мощью и силой духа. Но мы не видим никакого внутреннего развития этих персонажей. Творчество не представлено как внутренний процесс. Поведение всех персонажей, как отрицательных, так и положительных, шаблонно и однотипно от первых до последних кадров») [5, с. 234], эмоциональные компоненты в поведении основных героев «Суда чести» выписываются весьма обстоятельно и в определенной мере «работают» на психологизацию принимаемых этими героями моральных и этических решений.

Напомним вкратце содержание пьесы Штейна и кинофильма Роома. В центре здесь – духовно-нравственная эволюция известного биохимика, директора научно-исследовательского института Алексея Алексеевича Добротворского (его роль исполнил Николай Анненков). Вместе со своим коллегой, профессором Сергеем Федоровичем Лосевым (роль Николая Свободина) Добротворский руководит проектом, результатом которого должен оказаться препарат, помогающий справляться со всеми видами боли. Во время служебной поездки в США профессор Лосев передает американским издателям копию рукописи, в которой изложены принципы получения препарата. Следствием зарубежной командировки Лосева становятся газетная шумиха, которую в Союзе некоторые ученые и «администраторы от науки» принимают за мировое признание, но также – стремление американских спецслужб выведать технологические секреты, связанные с новым лекарственным средством. Поборником интересов отечественной науки («научного первородства») в фильме выступает академик Андрей Иванович Верейский (блестяще сыгранный Борисом Чирковым) – генерал-лейтенант военно-медицинской службы и лучший друг Добротворского. Именно Верейский в итоге будет выступать общественным обвинителем на институтском «суде чести». Вторая сюжетная линия – отношения Добротворского с супругой (персонаж актрисы Ольги Жизневой) – Татьяной Александровной, известным врачом-физиологом, которая сыграет ключевую роль во внутреннем перерождении героя.

Подбор и экранные характеристики персонажей в «Суде чести» примечательны сразу в нескольких отношениях. С одной стороны, они явным образом отсылают к знаменитому Делу Н.Г. Ключевой и Г.И. Роскина (иначе – «Делу КР») [См.: 1, с. 87-88], которые много лет занимались разработкой противоракового препарата «круцин». С другой – «медико-фармацевтический профиль» ученого сообщества, представленного в фильме Роома, позволяет метафорически обыграть тему искоренения нравственного порока – «преклонения перед Западом» в качестве исцеляющей / лечебной процедуры (налицо сближение «моральной скверны» с физическим недугом – прием довольно примитивный, но – в случае с массовой аудиторией – весьма эффектный).

При этом вовсе не кажется примитивной та проблематизация конфликта Добротворского с его окружением, которая была предложена автором пьесы и заострена режиссером фильма. В данной связи крайне важным является противопоставление спокойного и добродушного интеллектуала Добротворского импульсивному, «взрывному» Верейскому (прошедшему, как подразумевается, через горнило военно-полевой хирургии). Эта

оппозиция обыгрывается очень настойчиво и, по сути, становится еще одним элементом драматизации киноповествования (наряду с научно-этическим конфликтом, задающим общую сюжетную рамку). Возможно, хотя и в неявном виде, мы имеем здесь дело с тем мотивом «двойничества» героя-ученого, который начнет активно эксплуатироваться в кинолентах 1960-х гг. (см. в связи с проблемой принципиальной двойственности / «расщепленности» образа ученого как характерной черты позднего модерна недавнюю статью С.К. Шайхитдиновой [6]). Укажем и на то, что отрицательный персонаж «Суда чести» – расчетливый и холодный карьерист Лосев – лишь постепенно отчуждается, дезавуируется в системе научно-этических координат Доброворского: в какой-то мере Лосев предстает своеобразным *alter ego* главного героя. Наконец, самое значимое место и в плане отказа Доброворского от «космополитических убеждений», и с точки зрения «воспитания чувств» (интериоризации интеллектуально-нравственного конфликта) занимает его супруга Татьяна. Как представляется, одной из центральных сцен фильма можно считать эмоциональный диалог супружеской четы Доброворских, который и определяет духовный катарсис главного героя в финале фильма.

Заметим, что еще большую степень психологизации научно-этического конфликта можно наблюдать благодаря радиоспектаклю «Закон чести», практически синхронно (в 1950 г.) выпущенному под руководством режиссера Н.П. Охлопкова (на театральной сцене спектакль по пьесе Штейна ставился даже раньше, чем был снят фильм Роома).

Таким образом, даже в рамках реализации откровенно пропагандистского проекта, коим, безусловно, являлась кинокартина А.М. Роома «Суд чести», психологическая, эмоциональная сторона поведения героев существенно усложнена, опосредована различными дополнительными характеристиками и нюансами. Именно детализированность и сложность снятия противоречий между интеллектуальными и этическими аспектами труда ученых будут усиливаться в кинематографических репрезентациях научной жизни в последующие десятилетия.

Список литературы

1. Долгова, Е.А. Научная повседневность профессора Лосева: шпиономания в советском послевоенном игровом кинематографе // Вестник Тверского государственного. Серия «История». 2020. № 4 (56). С. 85-92.
2. Кныш, Н.А. Образ ученого в художественном кинематографе конца 1940-х – начала 1950-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 18. С. 119-136

3. Зудина, А.А. Наука и образ ученого в советском кино (1928–1986 годы) // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 167-176.
4. Пушкарева, Н.Л. Социальная память о быте и повседневности женщины-ученой в дооттепельном советском кинематографе (1945–1955 гг.) // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2020. Т. 6. № 2. С. 143-149.
5. Медведева, С.М. Самопожертвование учёного в изображении отечественного кино // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 5(44). С. 231-239.
6. Шайхитдинова, С.К. Ученый на российском киноэкране: двойственность культурного образа // Эпистема. Вып. 1. Образ науки в современной культуре. 2023. URL: <https://epistema.jes.su/s0028994-3-1/> (дата обращения: 05.05.2025).

**ВОЙНА И МИР: ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
И БОРЬБА ЗА МИР В СОВЕТСКОЙ ПЕСНЕ***
**WAR AND PEACE: THE MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
AND THE STRUGGLE FOR PEACE IN A SOVIET SONG**

Т.Б. Рябова
**НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, г. Санкт-Петербург**
T.B. Riabova
HSE – St Petersburg,
St Petersburg State University of Economics, St. Petersburg

Рассматривается такой фактор формирования памяти молодежи о Великой Отечественной войне, как советская песня, посвященная борьбе за мир (1946-1991 гг.). Анализируются направления легитимации борьбы советского народа за мир в годы холодной войны при помощи образов Великой Отечественной войны.

The paper deals with the analysis of the Soviet songs dedicated to the struggle for peace (1946-1991) as a factor of the formation of the Russian youth's memory of the Great Patriotic War. The author examines the forms of legitimation of the Soviet people's struggle for peace during the Cold War with the help of the images of the Great Patriotic War.

Ключевые слова: советская песня, память о Великой Отечественной войне, борьба за мир в СССР, холодная война, символическая политика

Key words: Soviet songs, memory of the Great Patriotic war, struggle for peace in USSR, Cold War, symbolic politics

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда по гранту № 22-18-00305-П

Одним из ресурсов формирования памяти молодых россиян о Великой Отечественной войне является советская культура. Прежде всего, это относится к кинематографу и литературе. Еще одним источником знания о войне и формирования более глубокого понимания всемирно-исторического значения Великой Победы может выступить массовая песня. Песня наделяет исторические и политические события определенными значениями и формирует эмоциональное отношение к ним; при этом ключевые проблемы истории и политики объясняются в доступной массовой аудитории форме. В отличие от других видов массовой культуры песня интерактивна: её не только слушают, но и исполняют. Важен и синтетический характер создания образа в песнях, объединение в них стихотворного текста и музыки (а с появлением видеоклипов – и визуального компонента), что делает песни особенно эффективным инструментом убеждения. Что касается советской песни, то она была именно массовой, «народной» [1]. Песня служила мощным идеологическим оружием на протяжении всей истории СССР; ее вклад в победу советского народа над фашизмом сложно переоценить [1; 2]. Объектом нашего изучения является музыкальная культура периода холодной войны. Вторая мировая оказала значительное влияние на холодную войну. Это касается и формирования биполярной системы международных отношений, и превращения СССР и США в мировые сверхдержавы, и появления фактора атомного оружия. Победа советского народа в Великой Отечественной войне укрепила авторитет СССР во всем мире, обеспечила мирное развитие страны на протяжении десятилетий; счастливое советское детство этого периода было бы невозможно без героизма фронта и тыла военного времени. Огромное влияние осмысление войны оказало на советскую культуру: ей посвящены лучшие произведения писателей и поэтов, скульпторов и художников, кинематографистов и композиторов.

Память о войне использовалась для поддержания коллективной идентичности советского народа, укрепления советского патриотизма, демонстрации правильности коммунистической идеи и преступного характера капитализма. Еще одной идеей, связанной с репрезентациями войны, была борьба за мир, которая стала краеугольным камнем советской идеологии и советской идентичности в послевоенный период.

Цель статьи – анализ того, как в песне легитимируется борьба советского народа за мир при помощи образов Великой Отечественной войны. Материалами для анализа послужили советские песни послевоенного периода (1946-1991 гг.), в которых взаимосвязаны темы Великой Отечественной и борьбы советского народа за мир. Выборка была сплошной. Материал собирался на специализированном сайте «Советская музыка», в

наиболее полных коллекциях текстов песен на интернет-платформах и в социальных сетях. Анализ осуществлялся методом количественного и качественного контент-анализа. Песни о мире создавали самые известные советские композиторы и поэты. Примечательно, что эти композиции создавались и исполнялись также представителями тех жанров песенного творчества, в которых контроль со стороны официальных органов был не столь жестким (рок-музыка, частушки, авторская песня).

Рассмотрим основные направления использования песенных образов Великой Отечественной в легитимации борьбы за мир. Во-первых, подчеркивалось, что Великая Отечественная велась во имя того, чтобы никогда больше не было войн; ее цель – восстановление мира и наказание зачинщиков войны. Политика СССР в годы холодной войны, его борьба против «поджигателей войны», объявлялась продолжением борьбы против германского фашизма (например: «Я пол-Европы прошагал, / я кровью мир завоевал, / чтоб не было войны! <...>. Стоят солдаты на посту, / чтобы мир хранить навек»; *Стоят солдаты на посту*, 1977, муз. С. Кац, сл. Э. Михайлов; см. также *Баллада о солдате*, 1961, муз. В. Соловьев-Седой, сл. М. Матусовский).

Во-вторых, советские люди слишком хорошо знают, что такое война, чтобы не ценить мира и не стремиться отстоять его любой ценой («Спросите вы у тех солдат, / Что под березами лежат, / И вам ответят их сыны, / Хотят ли русские войны»; *Хотят ли русские войны*, 1961, муз. Э. Колмановский, сл. Е. Евтушенко). Особенно востребованными были образы страданий детей военного времени. В песнях о борьбе за мир поется и о благодарности детей ветеранам войны за счастливое детство, и об усилиях самих детей по защите мира, в которой они должны стать достойны поколения победителей (например: *Надо мечтать*, 1958, муз. А. Пахмутова, сл. С. Гребенников, Н. Добронравов). Образы детей присутствуют и как символ уязвимости; борьба за мир – это спасение детей от ужасов войны [3]. В *Песне о матери-планете* (1986, муз. А. Пахмутова, сл. Н. Добронравов) фигурирует спасенная советским солдатом девочка на памятнике «Воин-освободитель» в Трептов-парке; *Смоленский мальчишка Иван* повествует о детях, которые не смогли вернуться после войны на Родину (1966, муз. А. Основиков, сл. А. Дербенев); в *Японском журавлике* (1978, муз. С. Туликов, сл. В. Лазарев) рассказывается о девочке Садако Сасаки, жертве атомной бомбардировки в Хиросиме, которая стала одним из символов смертельной опасности ядерной войны для человечества.

В-третьих, источник войн – это капиталистический Запад, «кровью торгаши». Заслуживает внимания символическая нацификация

«поджигателей войны»; борьба за мир часто интерпретируется как борьба против возрождения фашизма в новых формах [4] («Прочный мир оберегай, молодежь, / Чтоб фашизму никогда не бывать»; *Дай руку, товарищ далекий*, 1947, муз. С. Кац, сл. А. Софронов). «Вновь», «снова» – использование этих слов направлено на отождествление старого и нового врага («Люди без души, / Кровью торгаши / Вновь грозят войной»; *Мы за мир*, 1947, муз. С. Туликов, сл. А. Жаров). Ядерная угроза сравнивается с угрозой нацистской в *Бухенвальдском набате* (1958, муз. В. Мурадели, сл. А. Соболев).

В-четвертых, Вторая мировая война – это не только о врагах, но и о союзниках. Её опыт говорит, что люди разных стран могут объединять свои усилия для борьбы со злом, сотрудничать во имя мира. Ценность мира особенно понятна ветеранам Второй мировой: те, кто прошел ту страшную войну, не могут не ценить мира не только в СССР, но и в США («Спросите тех, кто воевал, / Кто вас на Эльбе обнимал, / Мы этой памяти верны. / Хотят ли русские войны?»; *Хотят ли русские войны*). Примером является и обращение советских летчиков к фронтовым друзьям из эскадрильи «Нормандия-Неман»: «Мы за правое дело / Дрались, камарад, / Нам война ненавистна иная. // Не поддайся обману, / Французский собрат, / Верность клятве своей сохраняя» (*Воспоминание об эскадрилье Нормандия-Неман*, 1958, муз. М. Фрадкин, сл. Е. Долматовский).

Подводя итоги, отметим, что репрезентации Великой Отечественной войне в советской песне послевоенного периода становятся ресурсом борьбы за мир советских людей. Воспитание российской молодежи на советской песне, посвященной данной тематике, может способствовать более глубокому пониманию роли Великой Победы в коллективной идентичности наших соотечественников.

Список литературы

1. Амент, С. Допеть до победы! Роль песни в советском обществе во время Второй мировой войны. – СПб.: БиблиоРоссика, 2021. 414 с.
2. Рябов, О.В., Рябова, Т.Б. «Советская Родина» как концепт Холодной войны. Материнский символ страны в массовой песне // *Женщина в российском обществе*. 2024. № 1. С. 4-22.
3. Riabova, T.B. «May There Always Be Sunshine!»: A symbol of Childhood in Soviet and American Cold War Songs // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. № 1. С. 16-25.
4. Рябов, О.В. «Мистер Джон Ланкастер Пек»: Американская маскулинность в советском кинематографе Холодной войны (1946-1963) // *Женщина в российском обществе*. 2012. № 4. С. 44-57.

**«ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ» –
КИНОФИЛЬМ И РОМАН М.А. ШОЛОХОВА
«THEY FOUGHT FOR THEIR HOMELAND» –
A MOVIE AND A NOVEL BY M.A. SHOLOKHOV**

В.Д. Самойлов

Военная академия Генерального штаба ВС РФ, г. Москва

V.D. Samoilov

*Military Academy of the General Staff of the
Armed Forces of the Russian Federation, Moscow*

Историческая память о Великой Отечественной войне самой жертвенной для Отечества со времени создания на его территории государства, изобилует фактами и событиями, представленными реальными участниками войны. В фундаменте статьи две формы, с одной стороны, кинофильм, с другой – роман М.А. Шолохова. Авторская форма – ситуационное рифмованное моделирование основных фактов и событий романа.

The historical memory of the Great Patriotic War, the most sacrificial for the Fatherland since the creation of the state on its territory, is replete with facts and events presented by real participants in the war. The article is based on two forms: on the one hand, a movie, and on the other, a novel by M.A. Sholokhov. The author's form is a situational rhyming modeling of the main facts and events of the novel.

Ключевые слова: Отечество, война, кинофильм, роман, Боевое Знамя, рифмованное моделирование, Лопахин, непобеждённые.

Keywords: Fatherland, war, movie, novel, Battle Banner, rhyming modeling, Lopakhin, the undefeated.

Введение

Они за Родину сражались [1]. Всех 117-ть их остались. Со Знаменем не расставались, а потому полком считались. Жарища. Пыль бинты скрывала, но рота по степи шагала. 30-ть км всё отступала. Полста домов – хутор привалом. *Лопахин* повара песочил, – из пшёнки тот кашей морочил. Без мяса, масла – нет уж мочи. Лицом лоснился повар очень. О бабах мужики твердили. Одна ушла. Детишки с ним, и его повесткой известили. Отец / мать внуков приютили. В другого бабу сковородку. Губу пробила, как селёдку. Кровь на рубашку, с подбородка. Баба та в обморок, в веревку... 30.05.2025 г.

Материалы и актёры. Фильм «Они сражались за Родину», 1975 г. Режиссёр С. Бондарчук. Актёры (курсивом – участники Великой Отечественной войны): *Бондарчук Сергей* (рядовой Иван Звягинцев); *Ванин Алексей* (бронбойщик, ряд. Аким Борзых); *Никулин Юрий* (ряд. Некрасов); *Смоктунский Иннокентий* (врач-хирург); Божок Татьяна (санинструктор);

Бурков Георгий (ряд. Александр Копытовский, бронбойщик, 2-й номер); Волков Николай (ряд. Никифоров); Горлов Николай (санитар); Губенко Николай (лейтенант Голощеков); Лапиков Иван (старшина Поприщенко); Мордюкова Нонна (Наталья Степановна, жительница хутора); Никифоров Борис (капитан Сумсков); Ростоцкий Андрей (ефр. Кочетыгов); Самойлов Евгений (полковник Марченко); Сафронов Геннадий (председатель колхоза); Скобцева Ирина (полковой военврач 3-го ранга); Степанова Ангелина (старая казачка); Тихонов Вячеслав (ряд. Николай Стрельцов); Федосеева-Шукшина Лидия (Гликерия /Глаша/, зав. МТФ); Шукшин Василий (ряд. Пётр Федотович Лопехин, бронбойщик, 1-й номер расчёта ПТРД-41, шахтёр); Шутько Николай (повар Петро Лисиченко).

Обсуждение романа

Лопехин, Звягинцев у речки, свои колючие словечки плескали друг на друга, не щадя. Солнце пекло тела, как печка, но отступления осечка, почти у Дона, не ждала земля. О месте, роли генерала, кого войска, Москва терзала. О рядовом, способном воевать. Старушка с солью ведро дала. Команда: «К бою!», вдруг застала. И раков не успели пожевать. На высоте вонзились в землю, копали в полный рост, немедленно. Шесть танков на костры, а восемь – вспять! И Шолохову гласу внемля [1], о бруствер Николая темя ... Полк за бомбёжкой начал наступать! 31.05.2025 г. В этот день принял присягу дядя Коля (*дядя мой родной*). К строевой! Полк запасный, с Красным Флагом. Красноармеец, рядовой. Ротный, младший лейтенант Бельский, книжку Красную вручил. Подписью красноармейской дядя Коля подтвердил [2, с. 220; 3, с. 27].

...До того, *Лопехин* в строе *Звягинцева* наставлял. Тот с контузии, в настрое вслух и про себя серчал. Не уснуть он так стремился, а *Лопехин* застрочил! Но махоркой поделился, командиром возомнил. Снова вырыли окопы. *Пётр* слышал женский глас. И как будто к *Пенелопе* тайком вышел ловелас! *Вдова Глаша* два бидона молока от МТФ (*молочно-товарная ферма*) [4]. Нет объятьям, кулак к Дону... И поход любовный – блеф! Вдруг *Воздушная тревога*. В *Юнкерса* – *третий патрон*! Подвиг! К взводному дорога. Стопка водки, как закон! 1.06.2025 г. Исполнив приказ лейтенанта, *Борзых Лопехин* повидал, «... мы, бронбойщики, – гарантом, чтоб танки резать наповал!». Успел в окоп. Бомбёжка сверху. Вскоре атаки начались. И рота как полк, на проверку, едва ли артиллерией спаслись. Из 20-ти в расход семь танков, шесть захлебнувшихся атак. Артиллерийская обкатка...

Но перед *Звягинцевым* танк. *Иван* за полчаса бомбёжки, не верил в то, что, будет жив. Тело спасали глины крошки. Пот в грохоте был на разлив. Он даже Богу помолился [5, с. 103; 6, ст. 67.1]. Молитвы с детства знал, забыв...

Когда в атаку устремился, от взрыва сзади, землю взрыл. Остатки роты / полка к Дону, на переправу, под приказ, в ночи оставив оборону...*Лопахин* с *Сашей* в пересказ, – комсорг их *Кочетыгов*, вмятый в окопе танком, сжёг его.

...Комвзвода схоронив, солдаты в могильный холм, в сумке письмо. Проход сапёры указали, для переправы справив плот. Струи дождя лишь отхлестали непоколебленный народ [7, с. 108]! 2.06.2025 г.

Похоронили лейтенанта. Теперь главней всех старшина. *Лопахин* грезил супостатом. В тыл не желал – в боях душа! Он вдруг *Стрельцова* *Колю* встретил. Так обнялись! Того трясёт. И вскоре в друге он заметил, как долго слово выдаёт. Карандашом в листок блокнота. Оставил *Коля* медсанбат. Просто ушёл к своим до фронта, лишь потому, что он – солдат [8, с. 109]!

...Девчонка рыжая тащила едва *шесть звягинских пудов*. Не взяла его тело мина, так продырявила. Здоров или сознание исчезало. Кровь с грязью изо рта с трудом. Но санитарка умоляла, из фляжки водочки глотком... Пришёл в себя *Иван* в санбате. Ему ножом с ног сапоги. Он костерил того в халате. О, Боже правый, помоги! ...Из его тела извлекали то, что саднило, с боли – боль. И он крестьянскими словами снискал врачебную любовь [9, с. 198]. 3.06.2025 г.

Так блёстки радуги слепили, искрились капельки росы! Как будто бы *Стрельцову* снились травы под взмахами косы. В синеющих степях *Придонья* *Лопахин* павших вспоминал. В глубоком угольном подполье он ненависть в фашизм метал. Она его за горло брала, готовила к другим боям. Вон, на Восток фашистов мчала, орда к задонским берегам [10, с. 33]. А *Копытовскому* кукушка два раза крикнула – *воюй, боец!* Флегме *Некрасову* в макушку *Лопахин* с ходу: *Ты – жилец!* *Стрельцов* не слышит, тянет шею, из горла звуки – клекот птиц. – *Оглох, ребята я, жалею*. Сощурен блеск его глазниц.

Неужто переформировка? Что сверху скажут старшине? *Некрасов*, под скороговорку бойцам поведал о себе: *болезнь окопная* тревожит; на печь к старухе, речь красна; что после трёх ранений сможет довериться он блажи сна. Себя по ляжке *Копытовский*, наш старшина – Верховный Суд [6]! Захохотал *Сашка* плутовски, услышав уйму пересуд! С небес чёрной полоской дыма под Солнцем падал самолёт, хоть бы не наш сокол в могилу удар, хрустящий раздаёт.

...*Некрасов* – четверо детишек. Жену давно уж позабыл, как *пахнет у неё под мышкой...* – *Но ты же – курский* [11]? – возопил *Лопахин*, его шкуру вспомнил и *жабьей слизью* обозвал. Их *Копытовский* успокоил – на тыл по-русски наплевал! *Некрасов* не со зла с устатку, к *Петру* – *махоркой угости!*

Так к старшине пришли, к разгадке, тот *Хлыза* призывал к чести!

...Майор: *старик, не беспокойся! Святиню – Знамя сохранил!*
Пополнят полк. Команда – стройся! И полк на фронтовую быль! 4.06.2025 г.

Выводы

15-ть километров марша. Колхоз. Привал. Пшено – весь харч. Рукою председатель машет, одной, другая, как рукав. Горяч! *Лопахин* женское к огласке – с добрым подворьем, всё своё. Он стал себя готовить к ласке, хотя чужое тут жилье. Вдруг все увидели хозяйку, и старшина признал просчёт – такая измочалит шайку, себя в обиду не даёт! Бойцы за обувь, штопать форму, желудки/животы пусты. Но *Петр Федотыч* трудом норму у ненаглядной красоты. ...Не сон ночной, а разговоры. *Лопахин* в сени босиком. *Ни Македонский* – шум, раздоры; над правым глазом с синяком. *Поприщенко* – *Скушал нежданку?* И к председателю ушёл. *Наталь Степана* спозаранку, восьмёрку кур, о щип, в котел!... Все 27-мь со старшиною в строю под Знаменем полка [12]! И *Марченко*, комдив, рукою, подняв, расцеловал шелка, что видели – *Фрунзе, Будённый, и Ворошилов, и Сиваш. Спасибо вам, непобеждённым* [11-13], – *за труд солдатский, – подвиг ваш!* 4.06.2025 г.

Список литературы

1. Они сражались за Родину. Главы из романа. – Михаил Шолохов. Избранное. Издательство «Известия», М., 1980. С. 7-168.
2. Самойлов, В.Д. Колпна из разведки без срока давности в отечественном регионоведении: монография. – М.: Юстицинформ, 2024. 140 с.
3. Самойлов, В.Д. Родословная Самойловых и Масловых как семейная ячейка России. В сборнике: Образование, наука, семья – основы развития России. Сборник статей по итогам Седьмого Профессорского форума в 2 томах. – М., 2025. С. 27-39.
4. В 2001 г. День Молока стал Международным. URL: <https://www.kp.ru/family/prazdniki/mezhdunarodnyj-den-moloka/>? (дата обращения: 01.06.2025).
5. Самойлов, В.Д. Право в системе духовной жизни православных в период Великой Отечественной войны. В книге: Онтология и аксиология права. Тезисы докладов и сообщений 11-й международной научной конференции. Под ред. С.К. Бурякова. – Омск, 2023. С. 103-106.
6. Конституция РФ от 25 декабря 1993 г. (от 1.07.2020) // Российская газета. 2020. № 144 (8198). 4 июля.
7. Самойлов, В.Д. В честь защиты своей Родины. Исповедальное. В сборнике: Образование, наука, семья – основы развития России. Сборник статей по итогам Седьмого Профессорского форума в 2 томах. М., 2025. С. 100-111.
8. Самойлов, В.Д. О гуманности военно-исторической памяти // Защити меня. 2022. №2. С. 109-114.
9. Самойлов, В.Д. Информационная безопасность в условиях рисков и угроз военно-исторической памяти о Великой Отечественной войне. В сборнике: Социальная безопасность в евразийском пространстве. Материалы III Международной научной конференции. – Москва-Тюмень, 2024. С. 196-201.

10. Самойлов, В.Д. Когда на Запад через Украину, тогда разведка впереди // Международный журнал конституционного и муниципального права. 2023. №2. С. 29-34.
11. Самойлов, В.Д. Государственная политика Российской Федерации в области регионоведения: Родины Малой и Великой: монография / В.Д. Самойлов. – М.: Русайнс, 2022. 320 с.
12. Самойлов, В.Д. Антология военно-патриотического служения Отечеству: монография. – М.: Русайнс, 2025. 306 с.
13. Самойлов, В.Д. Антология военно-патриотического противодействия фашизму в России: монография. – М.: Инфра-М., 2024. 281 с.

**КИНО О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ МОЛОДЕЖИ:
БЕЛОРУССКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**
**FILMS ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE PUBLIC
OPINION OF YOUNG PEOPLE: THE BELARUSIAN DIMENSION**

В.В. Старичёнок
Белорусский институт стратегических исследований, г. Минск
V.V. Starichenok
Belarusian Institute of Strategic Studies, Minsk

На основании результатов социологических опросов проанализировано отношение белорусской молодежи к кино о Великой Отечественной войне, определены художественные фильмы, которые больше всего запомнились людям. Отдельное внимание уделяется современной киноиндустрии Республики Беларусь, специфике ее развития на современном этапе.

The article analyzes the attitude of Belarusian youth to films about the Great Patriotic War based on the results of sociological surveys, identifies feature films that people remember the most. Special attention is paid to the modern film industry of the Republic of Belarus, the specifics of its development at the present stage.

Ключевые слова: белорусское общественное мнение; историческая память молодежи; художественные фильмы о Великой Отечественной войне.

Keywords: Belarusian public opinion; historical memory of youth; feature films about the Great Patriotic War.

Продукция массовой культуры является мощным инструментом формирования общественного мнения. В числе наиболее популярных ее «артефактов» – фильмы, «оказывающие подчас гораздо большее воздействие, чем уроки истории в школе, посещение музеев или книги» [1, с. 328]. Чем известнее кино, тем быстрее выраженные в нем идеи получают резонанс и станут доступны людям. О значимости киноиндустрии неоднократно говорил

Президент Республики Беларусь А. Лукашенко, подчеркивая недостаточный уровень развития отрасли в стране: «Фильмы белорусского производства находятся на периферии зрительского интереса» (сентябрь 2010 г.); «Что касается нашего кинопроизводства, это беда» (июль 2023 г.); «То, что происходит в нашем кинематографе, это просто позорище» (декабрь 2024 г.); «Смотреть нечего! Окончательно потеряны семейная, юношеская и детская аудитории» (июнь 2025 г.).

Двум фильмам, ставшим классикой отечественного кинематографа, Глава государства дал положительную оценку: «В августе 44-го» и «Брестская крепость». Они сняты киностудией «Беларусьфильм» в 2001 и 2010 гг. и повествуют о Великой Отечественной войне (ВОВ). Её значимость для социума, а также ключевое место в политике памяти государства определяют актуальность изучения отражения событий 1941-1945 гг. в массовой культуре, особенностей их восприятия молодежной аудиторией. Проанализируется этот вопрос в контексте белорусского общественного мнения в отношении фильмов о войне. Основные источники – результаты опросов, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси (далее – Институт социологии) в августе-сентябре 2022 и 2023 гг. в рамках выполнения в 2021-2025 гг. Белорусским институтом стратегических исследований НИР «Реализация исторической политики Беларуси в контексте современных вызовов и угроз национальной безопасности».

Согласно социологическим замерам, художественные фильмы – один из основных источников информации о ВОВ. Весной 2023 г. такое мнение выразили 45% опрошенных белорусов (второе место из предложенных вариантов) [2], в апреле 2025 г. – 40% (третье место) [3]. В 2022 г. белорусов спрашивали о лучших фильмах о войне, снятых на киностудии «Беларусьфильм» (предложен выбор из 17 картин). В таблице 1 представлены позиции, набравшие хотя бы в одной возрастной группе свыше 20%. Как видно из таблицы, кинопредпочтения жителей Беларуси отличаются в разных возрастных группах. Кино, снятое в Советском Союзе, все еще дорого гражданам «45+». Респондентами среднего возраста советские ленты постепенно забываются, о чем свидетельствует заметная разница во мнении людей до 45 лет и после. Меньше всего смотрят фильмы о войне юноши и девушки – свыше четверти при республиканском показателе в 12%. Они же реже выбирают конкретные фильмы (табл. 1). Исключение – «Знак беды» по повести Василя Быкова, что может быть обусловлено памятью о школьной программе, в рамках которой изучалось данное произведение. К слову говоря, оно включено и в современный учебник по белорусской литературе [4, с. 64-82].

Распределение ответов на вопрос, «Какие фильмы, снятые на киностудии «Беларусьфильм», посвященные тематике Великой Отечественной войны, Вы считаете лучшими?», в% (опрос Института социологии, август-сентябрь 2022 г.)

Варианты ответов	Всего	18–24	25–44	45–64	65+
Брестская крепость (2010 г.)	55	51	56	54	60
В августе 44-го (2001 г.)	41	29	46	41	38
Альпийская баллада (1965 г.)	29	15	18	38	43
Иди и смотри (1985 г.)	25	20	16	36	26
Часы остановились в полночь (1958 г.)	24	10	18	29	34
Знак беды (1986 г.)	21	25	19	22	24
Возьму твою боль (1980 г.)	18	3	13	26	22
Не смотрю фильмы на военную тему	12	27	14	6	10

Полученные результаты хорошо согласуются с данными опроса, в котором социологи спрашивали граждан Беларуси о лучших лентах, отражающих историческую тематику в целом (август-сентябрь 2023 г.). Вопрос был открытым, и респондентам предлагалось самим вспомнить фильм. В топ-3 вошли «Брестская крепость», «А зори здесь тихие» и «Семнадцать мгновений весны». В возрастной группе «18–24» третье место занял российский «Т-34». На высокий рейтинг «А зори здесь тихие» могла повлиять экранизация повести в 2015 г. («сменила» фильм 1972 г.), актуализировавшая данное произведение в памяти опрошенных. Самое главное заключается в том, что все фильмы, занявшие в 2023 г. верхние позиции в кинопредпочтениях белорусов (в том числе молодежи), созданы на родном пространстве – в Беларуси, России и СССР. И практически все из них – о ВОВ [5, с. 212-213].

Аналогичные результаты содержат и замеры, проведенные в России. В частности, мониторинг Российского общества социологов (РОС) среди студентов (2020 г.) зафиксировал следующее: на первом месте в рейтинге фильмов о ВОВ – советские, на втором – российские, на третьем – зарубежные (табл. 2). Более низкую долю молодежи, которая не смотрит фильмы на военную тематику (12%), в сравнении с белорусским исследованием (27%), легко объяснить «образованностью» российской выборки, представленной студенческой аудиторией [6, с. 65].

Говоря об особенностях киноиндустрии Беларуси XXI в., отметим, что Республика представляет собой удобную локацию для российских режиссеров. В результате белорусские фильмы зачастую «теряются» на фоне продукции РФ. Вместе с тем, кроме «В августе 44-го» и «Брестской

крепости», заслуживают внимания и другие работы: «Днепровский рубеж» (2009 г.) Д. Скворцова, «Следы на воде» (2016 г.) А. Анисимова, «Время вернуться» (2024 г.) и «Глубокое течение» (2005 г.) И. Павлова, М. Касымовой. Имеются в арсенале белорусов и нестандартные решения. Так, в сериале «Следы апостолов» С. Талыбова (2013 г.) сюжет выходит за рамки ВОВ, и в нем сплетаются прошлое и современность, партизаны и Радзивиллы, поиск сокровищ и борьба с оккупантами. Заметное событие – российско-белорусская лента «Батяка Минай. Партизанская легенда», которая появится на экранах в 2026 г., как раз в год 100-летия со дня выхода первого белорусского художественного фильма «Лесная быль». Оба фильма объединяет партизанская тема, разве что столетие назад речь шла о борьбе крестьян против польских оккупантов в 1920 г.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос, «Если у Вас есть выбор посмотреть какой-нибудь фильм о Великой Отечественной войне, то вы выберете...», в % («Российское студенчество о Великой Отечественной войне», мониторинг РОС 2020 г.)

Варианты ответа	Значение
Советский художественный фильм	29
Современный художественный российский фильм	20
Советский документальный фильм	16
Современный документальный российский фильм	13
Современный художественный зарубежный фильм	6
Современный документальный зарубежный фильм	3
Не хочу смотреть фильмы о войне	12

Таким образом, историческая тематика в кинематографе востребована белорусским обществом и связывается в первую очередь с отечественными фильмами (Беларусь, Россия, СССР). Вместе с тем ленты о событиях 1941–1945 гг., оставаясь в фокусе внимания юношей и девушек, менее актуальны для них, чем для более старших возрастных групп. Удержание внимания к тематике прошлого видится как в контексте постоянного выпуска киноновинок, так и их продвижения посредством открытых показов, обсуждения в публичном пространстве, подготовки запоминающихся саундтреков, иных инструментов.

Список литературы

1. Грибан, И.В. Кино и память: Великая Отечественная война в зеркале современного российского кинематографа / И.В. Грибан, К.А. Антропов // Запад, Восток и

Россия: Историческая память: генезис и проблемы преемственности: Вопросы всеобщей истории / под ред. В.Н. Земцова. Екатеринбург: УрГПУ, 2020. С. 327-341.

2. Соцопрос: документальные и художественные фильмы для белорусов – основные источники информации о ВОВ // БелТА. 2023. 15 мая. URL: <https://belta.by/society/view/sotsopros-dokumentalnye-i-hudozhestvennye-filmy-dlja-belorusov-osnovnyye-istochniki-informatsii-o-vov-566483-2023/> (дата обращения: 14.06.2025).

3. Мнение населения страны о Великой Отечественной войне // Институт социологии НАН Беларуси. 2025. 8 мая. URL: <https://socio.bas-net.by/mnenie-naseleniya-strany-po-velikoj-otechestvennoj-vojne/> (дата обращения: 14.06.2025).

4. Беларуская літаратура: вучэбны дапаможнік для 11 класа ўстаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай і рускай мовамі навучання / пад рэд. З.П. Мельнікавай, Г.М. Ішчанкі. Мінск: Нацыянальны інстытут адукацыі, 2021. 263 с.

5. Сухотский, Н.Н. Источники формирования исторической памяти населения Беларуси: социологический аспект / Современное медиапространство: тенденция развития и практики изучения: сб. науч. ст. / Ин-т социологии НАН Беларуси; редкол.: Н.Л. Мысливец (гл. ред.) [и др.]. Минск: Колорград, 2024. С. 210-214.

6. Спасибо прадеду за Победу...: монография по материалам мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005-2010-2015-2020 гг.) / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого; Мин-во науки и высшего образования РФ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 352 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ
«СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВУ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ»
В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ ОБУЧАЮЩИХСЯ
ПОСРЕДСТВОМ СУБИНСТИТУТА ВЫСТАВОЧНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА
FORMATION OF THE VALUES OF
«SERVICE TO THE FATHERLAND AND HISTORICAL MEMORY»
IN THE SYSTEM OF LIFE ORIENTATIONS OF STUDENTS THROUGH
THE SUBINSTITUTE OF FINE ART EXHIBITIONS

Ю.С. Трофимова
Минобрнауки России, г. Москва
Yu.S. Trofimova
Ministry of Education and Science of Russia, Moscow

Рассматривается содержание категории общероссийской традиционной ценности служения Отечеству в контексте исторической памяти и социальный субинститут выставочной деятельности как один из инструментов ее формирования у обучающихся, опираясь на материалы авторского экспертного интервью.

In the article, the author examines the content of the category of the all-Russian traditional value of service to the Fatherland in the context of historical memory and the social subinstitute of exhibition activity as one of the tools for its formation among students, based on the materials of the author's expert interview.

Ключевые слова: социальный институт выставочной деятельности, традиционные общероссийские ценности, служение Отечеству.

Keywords: social institution of exhibition activities, traditional Russian values, service to the Fatherland.

Важным условием укрепления российской государственности, сплочения российского общества является формирование у детей жизненных ориентиров, основанных на традиционных российских ценностях, которые в государственных документах обозначены как главные скрепы сохранения единства нашей многонациональной страны, обеспечения ее безопасности и поступательного развития [1; 2].

В современных условиях идеи служения Отечеству, сохранения исторической памяти приобретают особую значимость в процессе воспитания подрастающего поколения, формирования его патриотического самосознания.

При этом важно, чтобы у субъектов воспитательной деятельности было сформировано единое понимание сущности понятия «служение Отечеству», которое в обозначенных выше документах не раскрыто.

Автор разделяет точку зрения, что данную ценность «необходимо толковать в контексте сохранения исторической памяти, обеспечения преемственности поколений защитников Отечества, ...в неразрывном единстве интересов личности и общества. Категорию служения Отечеству целесообразно рассматривать не только в отношении военных подвигов и героизма на поле боя, но и профессионального, нравственного отношения граждан со школьного возраста к выполнению своего гражданского долга, обеспечения неразрывного единства интересов личности и общества, самоотдачи в труде и учебе» [3].

Одним из инструментов формирования ценностей «служение Отечеству и исторической памяти» автор предлагает рассматривать социальный субинститут выставочной деятельности. Эта точка зрения подтверждается мнением участников экспертного интервью, проведенного автором, в июне 2024 г., в котором приняло участие 66 экспертов по сфере профессиональной деятельности, 52% – педагоги общеобразовательных организаций, 10,6% – воспитатели, 16,7% – преподаватели организаций высшего образования, 4,5% – специалисты сферы культуры, 16,2% – специалисты сферы

образования., 22,1% имеют ученую степень кандидата и доктора наук. 95% участников интервью отметили безусловное влияние социального субинститута выставочной деятельности.

Наиболее общую точку зрения при этом отражает следующее высказывание: «Если посещения выставок не носят организованный, целевой характер, то, как правило, они мало остаются в памяти молодого человека. Для молодого человека в выставочном пространстве важен провайдер, тот, кто поведет и проведет идеи. Или, если пространство интерактивное, вовлекающее в проблему. Как выставка Россия. В этой связи наибольшее впечатление на молодежь производят мультимедийные объекты, интерактивные композиции и другие, что позволяет не только созерцать, но и включаться. Если говорить про самоидентификацию и гражданственную позицию, то здесь нужно проводить замеры».

Среди наиболее действенных форм воздействия социального субинститута выставочной деятельности на личность обучающегося эксперты выделили следующие:

- специальная организация посещения выставок в диалоговом формате с экскурсоводом (так считают 30,3% экспертов);
- доступность выставочных пространств для посещения обучающихся;
- оформление открытых пространств, стен домов, мест локаций обучающихся;
- организация специализированных акций: например, пленер, конкурс детских рисунков;
- вовлечение обучающихся в сбор информации для оформления выставочных пространств;
- обсуждение итогов посещения выставок с обучающимися по типу открытого микрофона;
- организация передвижных выставок;
- организация посещения выставок по тематике уроков в школе;
- организация тематических выставок;
- проведение в рамках выставочных пространств мастер-классов;
- организация выставок детских работ;
- оформление детской одежды, аксессуаров и сувениров с героической российской символикой и принтами с элементами известных произведений классики;
- привлечение обучающихся в качестве гидов по выставочным пространствам, подготовка экскурсоводов из числа обучающихся;
- геймификация выставок;

- создание квизов и квестов по выставкам;
- организация совместных проектов по посещению выставок семьями;
- создание специальных видеороликов о действующих выставках и выставочных пространствах и демонстрациях их в социальных сетях, по телевидению;
- симбиоз современности и классики при организации выставочных пространств;
- организация посещения выставок местных авторов, в том числе и молодых;
- организация занятий с обучающимися в галереях и выставочных залах;
- проведение творческих встреч с авторами работ.

Проведенные автором исследования подтверждают его мнение, что социальный субинститут выставочной деятельности изобразительного искусства обладает высоким социальным потенциалом влияния на формирование ценностных ориентаций обучающихся, но он используется недостаточно эффективно.

По мнению автора, существенно повысить потенциал влияния социального субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства в формировании ценности служения Отечеству, исторической памяти обучающихся могла бы деятельность детских и молодежных общественных объединений. С этой целью были проанализированы программы деятельности и планы работы ряда крупнейших действующих детско-юношеское объединений (Общероссийская общественно-государственная детско-юношеская организация «Российское движение школьников», которая в настоящее время вошла в состав нового Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение Первых»; Общероссийское общественное движение «Ассоциация учащейся молодёжи Российского Союза Молодежи «Содружество»; Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «ЮНАРМИЯ» (далее – Юнармия)) за период с 2017 по 2023 гг.

Следует отметить, что данная позиция практически не находит отражения в программах деятельности обозначенных общественных объединений, кроме организации и проведения конкурсов и фестивалей рисунков и фото-, видео- выставок, в Интернет-пространстве или формате фоновых практик жизненного пространства обучающихся, за исключением Юнармии. Только в ежегодных Планах основных мероприятий Юнармии

зафиксировано системное проведение комплекса мероприятий, ориентированных на использование возможностей социального субинститута изобразительного искусства для формирования ценностных ориентиров служения Отечеству:

- Всероссийский конкурс «ЮНАРМИЯ в кадре»;
- участие юнармейцев в создании «Альбомов памяти»;
- Конкурс рисунков, посвященный Дню матери;
- Всероссийский юнармейский конкурс детского рисунка «ЮНАРМИЯ шагает по стране»;
- участие юнармейцев в конкурсе граффити, посвященном маршалам Победы и Героям Великой Отечественной войны;
- «Фотоконкурс «Моя Россия: родные места в объективе кадетов»;
- «Участие юнармейцев в проекте «Дорога памяти» по размещению фотографий родственников-участников Великой Отечественной войны в видео галерее ВПП КиО ВС РФ «Патриот».

Таким образом, детским и юношеским общественным объединениям следует больше уделять внимания использованию возможностей социального субинститута выставочной деятельности при формировании своих программ и планов работы.

Влияние социального субинститута выставочной деятельности изобразительного искусства на формирование ценностей «служение Отечеству и исторической памяти» в системе жизненных ориентиров обучающихся существенно возрастает при осуществлении целенаправленной социокультурной деятельности субъектов воспитания обучающихся.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
2. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».
3. Гаврилова, Э.Д. Содержание ценности служения Отечеству в контексте государственной политики РФ в области исторического просвещения / International Journal of Humanities and Natural Sciences. Vol. 10-2 (97). 2024. С. 109.

**ПЛАСТ НЕСЧАСТНОГО СОЗНАНИЯ В КАЧЕСТВЕ ТРОФЕЯ
(ФИЛОСОФСКИЕ РЕМАРКИ К ПОСЛЕВОЕННЫМ
РАЗДУМЬЯМ ПИСАТЕЛЯ-ФРОНТОВИКА)***
**A LAYER OF UNHAPPY CONSCIOUSNESS AS A TROPHY
(TO THE POST-WAR REFLECTIONS
OF A WRITER-FRONTLINE SOLDIER)**

А.Н. Фатенков

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород*

A.N. Fatenkov

*Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University,
Novgorod Nizhniy*

Предметом рассмотрения является автобиографическая повесть В.Ф. Тендрякова, прочитываемая в контексте философской проблематизации несчастного сознания. Эксплицируется экзистенциальное противоречие, обуславливающее невозможность пожизненного счастья. Критически оценивается сугубо рационалистическая актуализация эвдемонического замысла.

The subject of study is an autobiographic novel by V.F. Tendryakov, which is viewed in the context of philosophical problematization of unhappy consciousness. The existential contradiction that determines the impossibility of lifelong happiness is explicated. The purely rationalistic actualization of eudaimonic purpose is critically assessed.

Ключевые слова: В.Ф. Тендряков, несчастное сознание, гегельянство, диалектика, невопрошаемое, счастье.

Keywords: V.F. Tendryakov, «People or non-people», unhappy consciousness, Hegelianism, dialectics, the unquestioned, happiness.

Снова и снова обращаюсь к творческому наследию Владимира Фёдоровича Тендрякова (1923-1984). Автобиографическая повесть «Люди или нелюди» написана им в середине 1970-х, опубликована после смерти автора в перестроечные годы. Сам он фронтовик, дважды ранен. Горожанину моего поколения стал известен, наверное, по публикации «Ночи после выпуска» (1974). Другие его произведения прочитаны (мною, во всяком случае) позднее.

В «Людах или нелюдах» (см.: [1]) несколько сюжетных линий. Все сходятся в напряженной смысловой точке: насколько всё-таки в

*Текст подготовлен при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25–18–00395 «Representations of happiness in collective emotions, normative attitudes and subjective claims of 4 generations of Russians».

человеческом – индивиде и обществе – тонка грань между человеческим и бесчеловечным. Или в иной вариации, без каких бы то ни было вопрошающих коннотаций: факт остаётся фактом, бесчеловечное неустранимо присутствует в человечности. Одна сюжетная линия, она и попадёт прежде всего в поле дальнейших рассуждений, – о трагическом, до жути, эпизоде войны и его жизненных последствиях.

В освобожденном от врага хуторе солдаты видят у колодца два ледяных бугра. Присмотрелись: в них замученные, заживо замороженные наши разведчики. В отместку раздевают пленного сопляка-немца, которого раньше чуть ли не по-отечески опекали, и тоже до смерти заливают ледяной водой. Рассказчик рядом с происходящим, но противиться лютой казни не смеет. В сравнении с непротивлением дикому истязанию живого существа прочие проступки – и кража у голодных товарищей полбуханки хлеба, и то, что ты, владеющий словом, остерегаешься писать без оглядки на «текущий момент», – мельчают в своей негодности.

Разумеется, логикой мирного времени не измерить безошибочно поступки кровопролитного лихолетья. Однако, след этих поступков, совершённых и несовершённых, тянется для уцелевших и в послевоенное будущее. И наивно полагать, будто память сохранит только то, чем можно гордиться, а всё то, что грозит человеку презрением к себе, предаст забвению. Так формируется пласт несчастного сознания. Возможно первый, возможно очередной. Цитатно приведу его литературно-художественное описание в версии Тендрякова: «Отравленная мысль, как всегда, метнулась к спасительному: “Вот кончится война!..” И споткнулась... “Да, кончится. Может, ты и выживешь... Ты, привыкший к трупам, – старые пни в лесу! Выживет, может, и тот, кто выгнал лошадь <на степной январский мороз. – А.Ф.>... Выживете, но как будете жить? Разучились жалеть, страдать, равнодушные до древесности! Как жить вам потом – порченным среди порченных? Неужели ты думаешь, такая страшная война выветрится из тебя, из других? Выветрится без следа?.. Да оглянись вокруг, разве такое не может навсегда войти в душу? Может! Войдет!”» [1, с. 525].

Возражение в логике Жоржа Батая – дескать, столкновение со смертью вне военного (или религиозного) опыта вообще невыносимо; человек обязан сделать из какого-то преступления добродетель, иначе все преступления окажутся добродетельными (см.: [2, с. 483, 60]), – здесь не пройдёт. И не потому, что бывают казни страшнее описанной в «Людах или нелюдах», а потому, что в батаевской позиции общественная мораль (а быть может, и индивидуальная нравственность) априори преступна в смысле радикального отрицания ею (и человеческой культурой в целом) природной естественности.

В философии тема несчастного сознания – по преимуществу гегелевская. В «Феноменологии духа» несчастным именуется ментальный феномен, представляющий собой такую совместность разъединённого, которая не способна к развитию, то есть к содержательному возвышению ни над одной из состыкованных компонент, ни над их разъединённостью, ни над их стагнирующей совместностью (см.: [3, с. 110]). В эпицентр идейного несчастья немецкий философ помещает – и, думается, вполне оправданно – неотъемлемо присущий религиозному сознанию микст господства и рабства. Земной повелитель, склоняющийся перед трансцендентностью из-за порабащающего страха смерти, теряет человеческое достоинство. Земной повелеваемый актуального достоинства не имеет вовсе.

Религия смиряет человека с несчастьем и гнётом, но не выкорчёвывает их ни из его души, ни из его социальных практик. Проскальзывающая в нескольких строках у Тендрякова надежда на евангельское вспоможение – призрачна.

Религиозное кредо всегда чревато атеистическим переворотом. Таково, скажем, знаменитое: «Если Бога нет, то всё дозволено». Суждение опрометчиво: ведь прощённая кем-то мерзость остается совершённой мерзостью (дозволено-то, оказывается, «всё»). Покаяние тщетно и в конце концов разрушительно, в том числе для религиозно настроенной персоны. Финальная его попытка вела бы к беспamięтству, а следовательно, и к забвению «первородного греха».

Комментируя гегелевский текст, Жан Валь подчёркивает: несчастная человеческая мысль легко и просто «от одного утверждения движется к тому, которое противоречит предшествующему»; это та стадия мышления, «которую вечно должен побеждать разум, чтобы переходить к более счастливому сознанию» [4, с. 22]. Главное несчастье сознания, таким образом, в неспособности ума каждый раз, без сбоев, отыскивать основание для синтеза противоположностей, иными словами, в невозможности регулярного перехода от всего лишь антитетики к полноценной диалектике.

Повесть Владимира Тендрякова вскрывает экзистенциальное противоречие, которое, не исключено, накрепко увязло в бесперспективной антитетике и вовсе не предрасположено к диалектическому развороту. Вот оно: ущербна жизнь с презрением человека к самому себе – равно как и та, что табуирует возможность и неустранимость презренного самобичевания.

Эксплицированное противоречие своим наличием обуславливает невозможность пожизненного счастья. И вместе с тем подталкивает нас к мысли: в полноте совершенства, тому, в ком и в чём нет никакого изъяна,

счастья не сыскать — оно в мгновенном, по обыкновению коротком, освобождении от изъянов и несовершенств.

С освобождением от сущностно гнетущего чревата путать эмансипацию от наносного, профанного гнёта — вне зависимости, эсхатологического он разряда (подробнее см.: [5]) или вполне себе обыденно текущего. Аналогична ситуация и с необоснованным смешением противоречия положительной диалектики (нацеленной на утверждение подлинного) и противоречия диалектики негативной (нацеленной только на отрицание неподлинного). Избавление от профанного гнёта, как и от неподлинности, счастья не принесёт. В лучшем случае тут окажешься удовлетворённым.

Александр Кожев обращает внимание на то, что в «Феноменологии духа» несчастьем (*Unglück*) мыслящего субъекта противопоставляется не само счастье (*Glück*), а удовлетворение (*Befriedigung*). Причём, по словам русско-французского интерпретатора, склонного ставить в диалектике на доминанту отрицания, именно *Befriedigung* выступает у Гегеля последней целью и оправданием человеческого бытия (см.: [6, с. 87]). Нет, не соглашусь. Указанная цель — только промежуточная, пристрелочная. Высшая — в счастье. Но путь к нему от всего лишь удовлетворения и прочей рационально удостоверяемой благодати преодолевается уже не исключительно интеллектуальными усилиями, а страстностью человека. Такой маршрутный лист концептуально согласуется с гегелевским пониманием великого — никогда не бесстрастного.

Не стоит, впрочем, обманываться: даже положительный диалектический синтез, в том числе максимально полный, не избавит нас от несчастного строя мыслей. В благодушное, всепримиряющее счастье не верится. Однако и с экстремально бессвязными антитезами смириться невозможно. Остаётся уповать на нерешаемые до конца, но сегментарно всё же снимаемые противоречия. Только они и делают потуги мышления небезнадёжными. Только такие противоречия связывают ум человека с чувственно-эмоциональной и волевой сторонами его психики.

Счастье — феномен, не столько психоинтеллектуальный, сколько психоэмоциональный. Оно, конечно, не в самом диалектическом синтезе, пусть и весьма изысканном, не в самой правильности и глубине ответа на поставленный, хотя бы и предельно каверзный, вопрос. Ты счастлив тогда, когда твой ответ, порой незамысловатый, удивительным образом совпадает с чем-то таким, существование чего не требует относительно себя никакого вопрошания и, стало быть, никакого гадательного ответа. Здесь твоя близость

к невопрошаемому целиком задаётся чувственно-эмоциональным состоянием психики.

Счастье, как и любовь, ты обретаешь не за что-то, а просто так и – до конца – необъяснимо как. Вопросы тут отпадают по их заведомой ограниченности. Удел вопрошания – оно всегда с привкусом редукции – причинное и содержательное поле несчастий.

Список литературы

1. Тендряков В.Ф. Люди или нелюди // Повесть-89. – М.: Современник, 1990. С. 526–572.
2. Коллеж социологии / Пер. с франц. под ред. В.Ю. Быстрова. – СПб.: Наука, 2004. 558 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Пер. с нем. Г.Г. Шпета. – М.: Наука, 2000. 495 с.
4. Валь Ж. Несчастное сознание в философии Гегеля / Пер. с франц. В.Ю. Быстрова. – СПб.: Владимир Даль, 2006. 333, [3].
5. Фатенков А.Н. Мировоззренческие апории современной России // ВВ: Философские исследования. 2014. № 1. С. 203–262.
6. Кожев А. Введение в чтение Гегеля. Лекции по *Феноменологии духа* / Пер. с франц. А.Г. Погоняйло. – СПб.: Наука, 2003. 782 с.

ИСКУССТВО – ОРУЖИЕ ПОБЕДЫ **ART IS A WEAPON OF VICTORY**

З.А. Хоткина

*Институт социально-экономических проблем
населения им. Н.М. Римашиевской Российской академии наук,
г. Москва*

Z.A. Khotkina

*Institute of Socio-Economic Problems. Population name
after N.M. N. Rimashevskaya of the Russian Academy of Sciences,
Moscow*

«Музыка удваивает, утраивает армию», – говорил фельдмаршал А.В. Суворов – и он был прав! Представлены аргументы и примеры того, как в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. фронтовые концертные бригады артистов несли воевавшим бойцам искусство, которое выполняло социальные и психологические, компенсаторные и аксиологические функции, помогая фронтовикам справляться с тяготами войны и вдохновляя их на победу.

«Music doubles, triples the army», Field Marshal A.V. Suvorov said, and he was right! The text presents arguments and examples of how during the Great Patriotic War of 1941-1945,

front-line concert brigades of artists carried art to the warring fighters, which performed social and psychological, educational and communicative, compensatory and axiological functions, helping front-line soldiers cope with the hardships of war and inspiring them to victory.

Ключевые слова: роль искусства, фронтовые концертные бригады, война, артисты, музыка.

Keywords: the role of art, frontline concert brigades, war, artists, music.

Война – это люди! Исход войны зависит не от танков и снарядов, и не от бомб и ракет, а от людей. А людям, находящимся в условиях смертельной опасности и экстремальной повседневности, нужны позитивные эмоции, поэтому важную роль в годы Великой Отечественной войны (ВОВ) играло искусство, которое несло свет и надежду бойцам, ковавшим победу. В тексте этого абзаца – ключ к моему пониманию вопроса, которому посвящено выступление: зачем солдатам ВОВ нужны были выступления артистов? Ответ на этот вопрос – это цель и основное содержание данного текста, в ходе подготовки которого я нашла много ответов и аргументов, окончательно утвердивших меня в уверенности важности искусства, как орудия победы на войне. Как говорил фельдмаршал А.В. Суворов, *«Музыка удваивает, утраивает армию. С распущенными знаменами и громогласной музыкой взял я Измаил»* – Великий русский полководец знал цену своим словам, поэтому они справедливы на все времена.

Основной формой, в которой на войне происходила встреча бойцов с искусством, были концерты фронтовых бригад артистов. Бригады обычно состояли из нескольких артистов разных жанров: певцов, музыкантов, танцоров, артистов цирка, которые добровольно отправлялись на фронт, чтобы поднять боевой дух солдат и офицеров. Традиция выступления певцов, музыкантов и театральных артистов зародилась ещё в царской России в годы Первой мировой войны. Тогда артисты небольшими группами по собственной инициативе отправлялись с концертами на фронт [1]. Советские комиссары в годы Гражданской войны продолжили практиковать выезды творческих коллективов на фронт, в воинские части и госпитали. Начало этому было положено двумя декретами: Совета Рабочей и Крестьянской обороны от 7 апреля 1919 г. и Совета Народных Комиссаров от 26 августа 1919 г., в которых сообщалось о необходимости творческим коллективам выезжать на фронт с концертами [2]. Однако наибольшего масштаба практики выступления деятелей искусства с концертами перед бойцами на фронте и в госпиталях достигли в годы Великой Отечественной войны.

23 июня 1941 г., через день после начала Великой Отечественной войны, IV Пленум Центрального комитета профсоюза работников искусств

опубликовал *«Обращение ко всем творческим работникам»*, которое было озаглавлено *«Интеллигенция – на нужды обороны Советского государства»*. Основной задачей искусства в *«Обращении»* было названо обслуживание частей действующей Красной Армии и Военно-Морского флота: *«Где бы ни находились части нашей Красной армии и Военно-Морского Флота, работники искусств разделяют с бойцами фронтовую жизнь. Отныне наше искусство, как никогда, будет служить могучим и боевым средством победы коммунизма над фашизмом»* [3].

Первая специально сформированная фронтовая бригада состояла из актеров разных московских театров и выехала на фронт в район Вязьмы уже в июле 1941 г. В её составе были *В. Хенкин, М. Гаркави, И. Гедройц, Л. Русланова, Т. Ткаченко* и другие актеры во главе с бывшим тогда директором Мосэстрады *Б. Филипповым* [4]. Бригады были очень мобильны и могли выступать практически на любых площадках, при любых погодных условиях и перед самыми разными аудиториями.

В источниках приводятся следующие цифры [5], характеризующие масштаб участия артистов и музыкантов во фронтовой концертной деятельности 1941-1945 гг.:

- 42 000 актеров и музыкантов, а также артистов цирка и эстрады приняли
- участие в работе фронтовых бригад;
- 4 тысячи фронтовых бригад было создано за годы войны (из них более 700 из Москвы и 500 из Ленинграда);
- 1 миллион 350 тысяч концертов и спектаклей было проведено на передовой, в госпиталях, на вокзалах при отправке на фронт.

Выступления фронтовых концертных бригад имело огромное значение во время Великой Отечественной войны, поскольку выступления артистов помогали солдатам и офицерам на передовой сохранять моральное равновесие и боевой дух, укреплять их веру в победу. В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. фронтовые концертные бригады артистов несли бойцам искусство, которое выполняло социальные и психологические, воспитательные и коммуникативные, компенсаторные и аксиологические функции, помогая фронтовикам справляться с тяготами войны и вдохновляя их на победу. По словам великой балерины Галины Улановой, *«Грешили пушки, а музы не молчали: они несли народу радость высокого наслаждения искусством»*. Но искусство в годы войны не только выполняло важные функции и задачи, но помогало *сохранять человечность* в условиях крайнего напряжения, создавало пространство, где солдаты могли почувствовать себя

людьми, а не только бойцами. Оно было своего рода мостом между прошлым и будущим, напоминая о мирной счастливой жизни, о которой вспоминали и мечтали фронтовики и за которую шли к победе. Однако музыка и песни врачевали не только душевные, но и физические раны бойцов на фронте. Народный артист фронтовик *Анатолий Папанов* вспоминал: *«Военный госпиталь. И громкий голос Лидии Руслановой: «Валенки, валенки». Пластинку крутят несколько раз по просьбе бойца, которому надо ампутировать ногу, а анестезирующих средств в госпитале не осталось. Он согласился на операцию без наркоза и только попросил: «Поставьте мою любимую песню «Валенки» [6].*

Другим ярким примером важности искусства в жизни фронтовиков может служить популярность песни «Синий платочек», которую 12 апреля 1942 г. Клавдия Шульженко впервые исполнила с новыми словами: *«Строчит пулеметчик за синий платочек, что был на плечах дорогих». Через месяц вся передовая и весь тыл знали эту новую песню. «Командиры рот, совсем мальчишки, уже поднимают на штыках куски синего полотна и с криком «За синий платочек!» идут в атаку» [7].*

Песня «Священная война» стала настоящим символом борьбы советского народа против захватчиков и музыкальным знаменем победы. История её создания знаменательна тем, что она была создана всего за один день! 24 июня 1941 г. через два дня после начала войны газеты «Известия» и «Красная звезда» опубликовали стихотворение Василия Лебедева-Кумача. Руководитель Краснознаменного ансамбля песни и пляски Красной армии Александр Александров прочёл текст в газете и в тот же день написал музыку песни. Ансамбль разучил новую песню 25-го, а уже 26 июня коллектив исполнил «Священную войну» на Белорусском вокзале, откуда советские солдаты отправлялись на фронт. *«С октября 1941 г. и до конца войны песня исполнялась каждое утро после боя курантов по всесоюзному радио, став всенародным гимном» [8].* Ансамбль Александрова дал за годы войны свыше 1,4 тыс. концертов, из них 742 – на передовой. В феврале 1945 г. ансамбль Александрова выступил на Ялтинской конференции перед Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем, который назвал коллектив *«поющим оружием».*

Выступления артистов на фронте проходили в тяжелых и опасных условиях. В книге воспоминаний «Музы на фронте» организатор фронтовых бригад *Б. Филиппов* рассказал о судьбе артистической бригады № 13, в состав которой входила неразлучная эстрадная парочка – Корф и Рудин. *«Немцы захватили их, и когда Рудин увидел, что фашисты собираются вешать Корфа, он сделал шаг вперед и сказал – я еврей, вешайте и меня. Их повесили*

рядом...» [4]. За героизм, проявленный на фронтах Отечественной войны, многие артисты были награждены боевыми наградами. К сожалению, полных списков артистов, как погибших, так и награжденных, нет, поскольку эти данные Минобороны были засекречены.

Но не только песнями помогали артисты фронту. *Лидия Русланова* отдала личные сбережения на постройку батареи из четырех «катюш». Музыканты оркестра *Леонида Утесова* подарили авиаполку два самолета и назвали их «Веселые ребята». Помимо поездок на фронт, артисты организовали сбор средств как за счет благотворительных концертов и спектаклей, так и передавая фронту свои премии и сбережения. 98 миллионов рублей – сумма, которую за четыре года Великой Отечественной войны собрали артисты и передали государству в качестве помощи фронту и на эти средства строились танки и самолеты [6]. Так артисты вместе с бойцами приближали нашу победу.

Список литературы

1. Концерты и спектакли Победы: фронтовые бригады – героям войны/ URL: <https://histrf.ru/read/articles/koncerty-i-spektakli-pobedy-frontovye-brigady-geroyam-voyny> (дата обращения: 11.06.2025).
2. История советского драматического театра [Текст]: 6 т. // М.: Наука, 1966-1971. – 271 с.
3. Обращение IV Пленума Центрального комитета профсоюза работников искусств, 23 июня 1941 года. URL: Электронная библиотека исторических документов (ЭБИД) (дата обращения: 22.06.2025).
4. Первая фронтовая. Газета «Вечерняя Москва от 07 июня 2017. URL: <https://vm.ru/society/286501-pervaya-frontovay> (дата обращения: 25.06. 2025).
5. Фронтовые бригады советских артистов в годы Великой Отечественной войны. Зарубки времени. URL: Фронтовые бригады советских артистов в годы Великой Отечественной войны. | Зарубки времени. | (дата обращения: 25.06.2025).
6. Артисты-герои Великой отечественной войны. Сайт Комсомольской правды. URL: <https://www.kp.ru/putevoditel/interesnye-fakty/artisty-geroi-velikoj-otechestvennoj-vojny>. (дата обращения 05.06.2025).
7. Исторические хроники. 1942 год. Клавдия Шульженко. URL: <https://www.kp.ru/daily/26511/3525899/>. (дата обращения: 05.06.2025).
8. Головченко, К.П. Песня и её место на фронте Великой Отечественной войны. Культурный ландшафт регионов 2019. Том. 1. № 1. С. 43-50.

**ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦЕННОСТИ
СОВРЕМЕННОГО ВОЕННОГО ПАМЯТНИКА
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ:
СКРЫТЫЕ И ОТКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ**
**THE PROBLEM OF ARTISTIC VALUE OF MODERN WAR
MONUMENTS IN RUSSIA AND ABROAD: HIDDEN
AND OPEN MEANINGS**

П.Г. Черёмушкин

Ассоциация исследователей российского общества XXI век,

г. Москва

P.G. Cheremushkin

*Association of Researchers of the Russian Society
of the XXI century, Moscow*

Представлен обзор сооруженных за последнее время объектов монументальной скульптуры, посвященных увековечиванию событий, подвигов и выдающихся личностей Второй мировой войны и послевоенного времени под условным названием военные памятники в России, Польше, США. Обсуждается вопрос о художественных достоинствах и недостатках современной скульптуры и памятников, посвященных теме Победы в Великой Отечественной и Второй мировой войне. Анализируются наиболее известные современные произведения монументальной скульптуры, дискуссия вокруг них и авторский стиль современных скульпторов монументалистов – Андрея Коробцова, Александра Рукавишникова, Салавата Щербакова, Андрея Ковальчука, Густава Землы. Хронологические границы исследования (вторая половина XX века начало XXI века).

A review of recently constructed monumental sculpture objects dedicated to the perpetuation of events, exploits and outstanding personalities of World War II and the post-war period under the conventional name of war monuments in Russia, Poland, and the USA is presented. The issue of artistic merits and demerits of modern sculpture and monuments dedicated to the theme of Victory in the Great Patriotic War and World War II is discussed. The most famous modern works of monumental sculpture, the discussion around them and the author's style of modern monumental sculptors – Andrei Korobtsov, Alexander Rukavishnikov, Salavat Shcherbakov, Andrey Kovalchuk, Gustaw Zemla are analyzed. Chronological boundaries of the study (second half of the 20th century – beginning of the 21st century).

Ключевые слова: монументальная скульптура, военные памятники, новые технологии, фигуративное искусство, нефигуративное искусство, пространство памяти.

Keywords: monumental sculpture, war memorials, new technologies, figurative art, non-figurative art, memory space.

Отмечавшиеся в последние годы юбилеи Победы в Великой отечественной войне стали поводом для увековечивания героев войны,

отдельных битв и отраслей. Например, военных железнодорожников или полярных собачьих упряжек. Однако при создании множества объектов монументального искусства в полной мере проявилась проблема качества и художественных достоинств этих сооружений. В ряде случаев актуальность и важность темы скрывала слабую профессиональную составляющую и вела к утрате качества в погоне за массовостью производства. Это привело к тому, что один из наблюдателей крупномасштабной скульптуры даже ввел в оборот выражение «монументальный мусор». Может ли важность и значение темы подменять собой художественную слабость её воплощения? – эти вопросом задавались многие искусствоведы.

В работе проведен обзор объектов монументальной скульптуры, сооруженных в течение последних десятилетий с точки зрения их художественных достоинств. Произведений, не только увековечивших героев и жертв Великой отечественной войны, но и таких событий как гибель подводной лодки «Курск» в Санкт-Петербурге и Москве или памятник «Вежливым людям» в Симферополе (автор Салават Щербаков) после присоединения Крыма к России в 2014 г. Дано определение термину военный памятник, как объект монументальной скульптуры, созданного скульптором монументалистом или авторским коллективом в таких жанрах как бюст, статуя, конный памятник, рельеф, многофигурная композиция или условный нефигуративный знак. Упомянуты военные памятники, сооруженные за последние годы в Польше, Германии, США, Нидерландах.

В Советском Союзе сложилась давняя традиция сооружения крупных монументальных военных памятников от Воина-освободителя в Трептов Парке в Берлине до Родины-матери в Волгограде (автор Евгений Вучетич), ставших символом сталинской Победы, но сохранивших своё значение до наших дней. Достаточно сказать, что логотипом празднования 80-летия Победы была выбрана именно статуя работы Е.В. Вучетича на Мамаевом кургане. В 1980-е годы были сооружены крупные мемориалы в Ленинграде (автор Михаил Аникушин) и на Малой Земле (автор Владимир Цигаль), не приобретшие, тем не менее, символического характера и не ставшие местами притяжения публики и паломничества. Жители Санкт-Петербурга по-прежнему приходят к статуе Матери-родине (авторы Вера Исаева и Роберт Таурит, открыт в 1953 г.) на Пискаревском кладбище, когда хотят почтить память жертв блокады Ленинграда или героизм защитников города на Неве.

Одновременно наметилось четкое разделение между фигуративными и нефигуративными скульптурами, которые, тем не менее, появлялись в советском общественном пространстве («Разорванное кольцо», автор Константин Симун, «Памятник погибшим от насилия», автор Вадим Сидур),

несмотря на доминирование социалистического реализма, но практически исчезли в постсоветской России.

Апофеозом масштабности нового российского военного памятника стал «Ржевский солдат» Андрея Коробцова, сооруженный в 2020 г., и воплотивший манеру и приемы школы Ильи Глазунова. У многих даже опытных искусствоведов он вызвал недоумение – можно ли считать его новаторским, и представляет ли это произведение художественную ценность?

Значительную часть современных военных памятников составила иконография маршалов Советского Союза Георгия Жукова – в Москве (Лев Кербель, Виктор Думанян, Вячеслав Клыков) Константина Рокоссовского в Москве (Александр Рукавишников) и в Волгограде (Владимир Суровцев). Рассмотрим историю создания памятников и общественную дискуссию относительно их художественной ценности.

Представлен обзор творчества скульптора Салавата Щербакова как феномен: памятник конструктору автомата Михаилу Калашникову в Москве, памятник Вежливым людям в Симферополе, памятник воинам-интернационалистам на Поклонной горе, памятник летчице Валентине Гризодубовой.

Скрытый и открытый смысл памятника штабу Московской битвы в Красновидово (автор Александр Рукавишников) воплотился в том, что участники заседания штаба сидят внутри солдатской каски, которая при наблюдении со стороны больше напоминает человеческий череп.

Следует отметить художественные достоинства мемориальной доски памяти летчицы Лидии Литвак (автор Ольга Помосова) на Новослободской улице в Москве. Доска выполнена с большим вкусом в честь погибшей на войне пилоте-истребителе, посмертно удостоенной звания Героя Советского Союза в 1990-м году.

Рекордное число памятников было установлено в Ясенево и на территории других учреждений Службы внешней разведки. В частности, памятник Павлу Фитину (Андрей Ковальчук) – начальнику внешней разведки в годы Великой отечественной войны. Специалисты считают, что при сооружении статуи использовался метод 3D для облегченного воплощения и обеспечения максимальной схожести. Крупнейшим сооружением монументальной скульптуры, созданной под руководством Андрея Ковальчука, стал памятник Александру III в Ливадии.

Памятник «Встреча на Эльбе» работы Александра Бурганова увековечил рукопожатие советских и американских войск в 1945 г. в Торгау и стал сочетанием декоративного и неоклассического стиля в монументальной скульптуре.

Мемориальная доска в честь Парада Победы (Владимир Суровцев) оказалась в центре скандала после того, как у коня Рокоссовского отпилили голову при том, что рельеф находился в самом центре Москвы возле Красной площади.

Памятник Героям железнодорожникам на площади трёх вокзалов в Москве был подвергнут критике за непропорциональность и угловатость.

Памятник композитору Александрову перед зданием Ансамбля Александрова в Москве представляет собой фигуру в гимнастерке, взмахнувшую дирижерской палочкой.

Памятник морякам «Курска» в Москве (автор Лев Кербель) и на Серафимовском кладбище в Санкт-Петербурге (автор Геннадий Пейчев) представляют собой полную противоположность, с точки зрения методов воплощения. Если при исполнении памятника Кербель следует советской традиции монументальной скульптуры и изображает скорбящего матроса, то Пейчев создает гигантский черный куб, символизирующий морскую глубину с условной чайкой, парящей над ней, и указанием координат места гибели подводной лодки «Курск».

Польша

Памятник Героям Монте-Кассино в Варшаве (автор Густав Земла, открыт в 2003 г.) представляет собой редкое по красоте воплощение (крылья на высоком постаменте из белого мрамора) памяти о польской жертвенности во время штурма подразделениями армии генерала Владислава Андерса монастыря Монте-Кассино в Италии и стал продолжением монументального цикла выдающегося польского скульптора в память о погибших, но непокоренных.

Памятник Героям Варшавского восстания 1944 г. в польской столице стал довольно посредственной многофигурной композицией, весьма схематично воплотившей подвиг участников восстания, стремившихся закрепить собственную власть в городе до прихода Красной Армии. Восстание, как известно, потерпело поражение. Лепка фигур и лиц участников восстания довольно слабая. Скульптор Винценты Кучма, архитектор Яцек Будын. Открыт в 1989 г.

Памятник «Погибшим и убитым на Востоке» в Варшаве (автор Максимилиан Бискупский, открыт 17 сентября 1997 г.) представляет собой гигантскую железнодорожную платформу, уставленную крестами, стоящую на путях со шпалами, на которых нанесены названия мест, куда ссылались поляки – от Воркуты до Магадана. Представляет собой оригинальное воплощение темы памяти о ссылках и переселениях в годы сталинских репрессий.

Германия

Мемориал жертвам Холокоста в Берлине построен по проекту деконструктивиста Питера Айзенмана и представляет собой огромное поле из более чем 2 700 серых тумб. Мемориал был открыт в 2005 г. Расположен в центре Берлина между Бранденбургскими воротами и элементами бункера бывшего руководства нацистской Германии.

Памятник солдату, перескочившему через Берлинскую стену.

США

Мемориал Второй мировой войны в Вашингтоне, по оценке местных экспертов, стал парафразом многих советских мемориалов сталинского времени. При это тема участия Советского Союза во Второй мировой войне ограничивается маленьким рельефом, посвященном встрече на Эльбе. Памятник Второй мировой войне в Аннаполисе (Мэриленд) – погибшим подводникам. Памятник вице-адмиралу Уильяму Лоренсу, летчику-герою во время войны во Вьетнаме, выполнен с излишней детализацией, воплотившей застёжки молнии на комбинезоне или провода гермошлема.

Нидерланды

Монумент «Разрушенный город» Осипа Цадкина в Роттердаме стал ярким примером нефигуративной скульптуры, воплотившей память о жертвах германской бомбардировки города и важнейшего порта, связывавшего Европу и США. Создан выдающимся французским скульптором русского происхождения в 1953 г.

Выводы

Фигуративная скульптура стала доминирующей при создании военных монументов как в России, так и на Западе. Её стилистика мало отличается по воплощению и в значительной степени утратила художественную оригинальность. Появление лучших произведений с выдающимися художественными качествами стали в большей степени исключением, чем правилом. Заключение в памятнике важный смысл зачастую становится жертвой слабого воплощения, но устраивающего плохо подготовленного массового зрителя.

**ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ЭМОЦИИ: ТЕЗАУРУС СЧАСТЬЯ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ 4-Х ПОКОЛЕНИЙ РОССИЯН***
**GENERATIONAL EMOTIONS: THESAURUS OF HAPPINESS
FOR REPRESENTATIVES OF FOUR GENERATIONS OF RUSSIANS**

Н.В. Шалютина

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород*

N.V. Shalyutina

*Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University,
Nizhniy Novgorod*

Исследуются представления о счастье представителей 4-х поколений россиян. На основе 127-ми интервью выявлены основные ассоциативные ряды со словом «счастье» у представителей 4-х социально активных поколений: бумеров, X, Y и Z. Выявлены универсальные ассоциации, упоминаемые большинством респондентов: семья, здоровье, радость, любовь, спокойствие. При этом существует определенная вариативность в рамках кластера ассоциаций ценностно-экзистенциального характера. Анализ позволяет сделать выводы о переходе от ценностно-материальных атрибутов счастья у старших («советских») поколений к эмоционально-личностным у младших («постсоветских»).

The article explores the perceptions of happiness among representatives of four generations of Russians. Based on 127 interviews, the main associations with the word "happiness" were identified among representatives of four socially active generations: Boomers, X, Y, and Z. Universal associations were identified, mentioned by the majority of respondents: family, health, joy, love, and tranquility. However, there is a certain variability within the cluster of associations of a value-existential nature. The analysis allows us to draw conclusions about the transition from value-based and material attributes of happiness among the older («Soviet») generations to emotional and personal attributes among the younger («post-Soviet») generations.

Ключевые слова: социология эмоций, счастье, теория поколений, ценностный сдвиг.

Keywords: sociology of emotions, happiness, generational theory, value shift.

В XXI веке возрос научный и общественный интерес к проблематике счастья. Дисциплинарно оформились основные научные подходы, сфокусированные на изучении счастья: экономика счастья и позитивная психология. Общественный интерес к данной проблеме выражен как в коммодификации счастья через коучинг, wellness-индустрию и другие

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 25-18-00395

продукты «фабрики счастья» [1], так и в декларации некоторых стран достижения счастья как основы правительственных программ.

Социологический интерес к концептуализации «счастья» связан с кризисом разработки этого понятия в рамках экономических дисциплин: «парадокс Истерлина» [2] показал отсутствие прямой корреляции между ростом абсолютного дохода и уровнем счастья в долгосрочном периоде. Социология внесла вклад в разработку индексов счастья и социального благополучия, например, в рамках проекта WHR («Всемирный доклад о счастье») [3]. К объективным показателям, влияющим на уровень счастья, в рамках данного проекта относят: доход на душу населения; ожидаемую продолжительность здоровой жизни; социальную поддержку; свободу делать жизненный выбор; доверие и щедрость. При этом, субъективные оценки уровня счастья зачастую не совпадают с объективными параметрами, так как это переживание, с одной стороны, является аффективным, с другой – когнитивным и оценочным. В этой связи появляется необходимость в поиске иных, ценностных и социокультурных источников счастья.

Исследователи, работающие в сфере социологии эмоций, исходят из тезиса об их социальном конструировании, предполагая, что переживания формируются под влиянием норм, языка и культурных паттернов [4]. Соответственно, актуальным становится вопрос о том, что вкладывают сами акторы в понятие «счастья» и связано ли это с субъективным опытом или социокультурным контекстом?

В качестве теоретической рамки анализа представлений о счастье мы используем поколенческую теорию, восходящую к работам Мангейма [5]: общность социокультурного контекста периода формативной социализации закладывает некоторое сходство паттернов поведения и габитусов интерпретаций. Это сходство обнаруживается и эмпирическими исследованиями. Например, опрос, проведенный в 2024 г. Институтом социологии РАН [6] показал, что 92% россиян испытывают чувство общности со своим поколением (для сравнения: к людям своей национальности аналогичные чувства испытывают 84%, к землякам – 76%, к политическим единомышленникам – 73%). Опираясь на логику дифференциации российских поколений В.В. Радаева [7], мы выделили 4 социально активных поколения россиян:

1. Поколение бумеров, люди, родившиеся в период с 1947 г. по 1967 г. (в терминологии В.В. Радаева – «поколение застоя»).

2. Поколение X, люди, родившиеся в 1968-1981 гг. («реформенное поколение»).

3. Поколение Y, родившихся в 1982-2000 гг., («миллениалы»)

4. Поколение Z, родившиеся после 2001 г. («зумеров»).

Обозначенные годы рождения показывают, что в современной России живут общности людей, которые условно можно обозначить как «советские» поколения (бумеры, X), проходившие формативные годы социализации в контексте примата коллективистских ценностей и безопасности и «постсоветские» (Y, Z), находящиеся под влиянием глобальных медиа и цифровой культуры, пропагандирующих ценности индивидуализма и свободы. Существующий между ними ценностный разрыв фиксируется WVS («Всемирное исследование ценностей»), теорией ценностного сдвига [8].

С целью определения, существует ли поколенческий, ценностный сдвиг применительно к конструкту счастья, нами было проведено 127 полуструктурированных интервью с представителями 4-х поколений россиян, возраст информантов от 18 до 81 года. Данные были собраны в период с 30.10.24 по 18.11.24. Проведен контент-анализ 360-ти ассоциаций представителей 4-х поколений при ответе на вопрос: «Назовите Ваши ассоциации со словом счастье». Мы исходили из предположения, что смыслы счастья для разных поколений конструируются через язык, соответственно, смысловой анализ ассоциаций позволит выявить, как разные поколения говорят и думают о счастье.

Исследование показало, что, с одной стороны, счастье можно рассматривать как универсальную категорию: есть ряд ассоциаций, прежде всего аффективного характера, которые используют респонденты независимо от возраста. Счастье ассоциируется у большинства интервьюируемых с *радостью, любовью, удовольствием*. Примечательно, что ассоциация со словом *радость* является доминирующей для младших поколений (Z и Y). Для старших поколений лидирующей ассоциацией с понятием счастье является *здоровье*.

Выявлены универсальные ассоциации (ценности и эмоциональные состояния, упоминаемые в интервью представителями 4-х поколений), упоминаемые большинством респондентов: *семья, здоровье, радость, любовь, спокойствие, дом, дети, благополучие, успех, умиротворение, стабильность, свобода, отдых, друзья, гармония*.

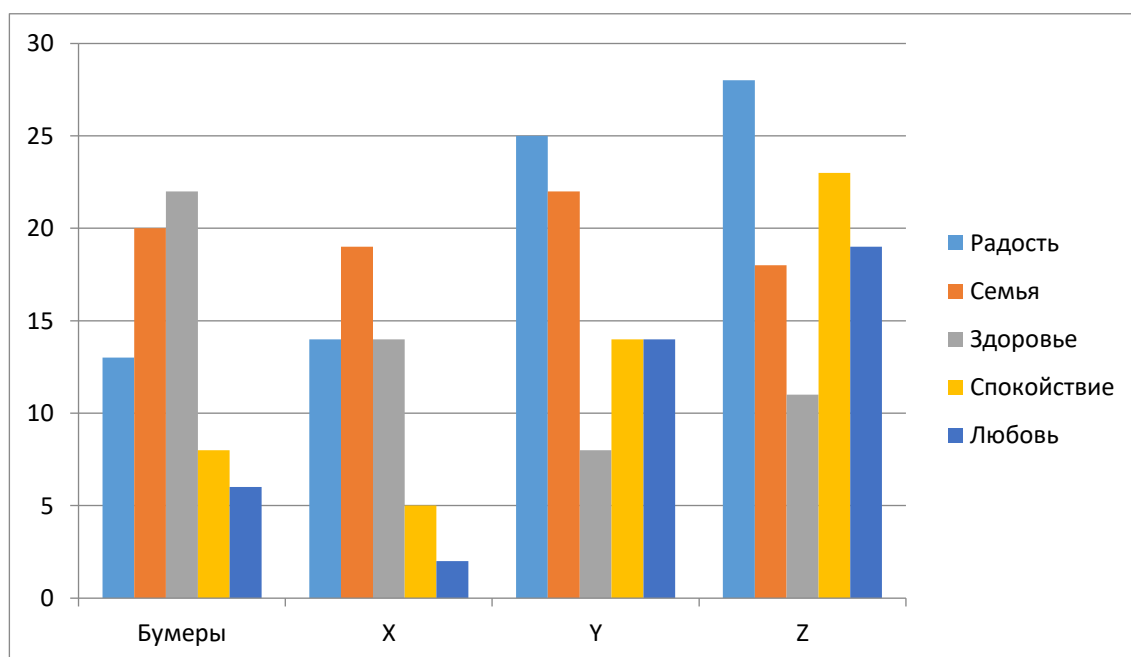

Рис. 1. Топ-5 ассоциаций со словом счастье представителей поколений бумеров, X, Y, Z

Анализ ассоциаций респондентов со словом *счастье* показал, что его семантическое поле структурируется вокруг 4-х основных кластеров:

- материальные атрибуты: *деньги, комфорт, финансовое благополучие, достаток, путешествия;*
- эмоциональные состояния: *радость, любовь, удовольствие, гармония, положительные эмоции;*
- ценностно-экзистенциальные источники: *здоровье, свобода, стабильность, достижение, отдых, работ по душе;*
- социально-интеграционные факторы: *дом, семья, уют, друзья, близкие, дети.*

Рассмотрим ключевые ассоциации и доминирующие кластеры для каждого из поколений.

Представители поколения бумеров связывают счастье преимущественно со *здоровьем* и семейным благополучием (ассоциации: *семья, дети, дом, уют, благополучие*). В десятку наиболее упоминаемых ассоциаций вошли и понятия, отражающие эмоциональное состояние: *радость, спокойствие, любовь*. Доминирующий ассоциативный кластер поколения бумеров — ценностно-экзистенциальные источники счастья: *здоровье, стабильность, безопасность*. К специфическим (часто упоминаемым) ассоциациям, характерным только для бумеров, относится: *солнце, уют, понимание*.

Представители поколения X тоже связывают счастье со *здоровьем* и *семьей* (ассоциации *дети, дом*). В отличие от предшественников, в топ-10 ассоциаций поколения входят понятия, связанные с материальными факторами (слова *достаток, финансовая стабильность*). Кроме того, для X важна возможность реализовываться в карьере (ассоциации *работа, достижения*) и *отдых*. Доминирующие ассоциативные кластеры X – сочетание материальных и ценностных атрибутов. Специфические для данного поколения, но статистически значимые ассоциации: *отдых, достижения, достаток*.

Для представителей поколения Y счастье ассоциируется с эмоциональными состояниями (наибольшее количество ассоциаций со словом *радость*, кроме того, часто счастье ассоциируется со словами *спокойствие, удовольствие*). Y связывают счастье с семейными ценностями (ассоциации: *семья, дети, близкие*). Опрошенными представителями поколения Y, по всей видимости, стремятся к установлению некоего баланса: чуть меньше, чем слово *семья*, но часто упоминаются *благополучие* и *работа*. Кроме того, многие представители этого поколения называют *свободу* как одну из ассоциаций со словом счастье. Доминирующие ассоциативные кластеры – эмоциональные состояния и ценностные атрибуты. Специфические ассоциации поколения Y: *свобода, работа по душе, удовольствие*.

Для представителей поколения Z лидирующие слова-ассоциации связаны с их внутренними ощущениями – *радость, любовь и спокойствие, умиротворение*. Как и старшие поколения, представители поколения Z ассоциируют счастье с *семьей* и *благополучием*. Но в отличие от старших в ассоциативные ряды этого поколения входят слова *деньги, успех, комфорт, путешествия*. Доминирующий ассоциативный кластер – эмоциональные атрибуты счастья. Специфические ассоциации поколения Z, не упоминаемые представителями других поколений: *успех, комфорт, путешествия*.

Резюмируя отметим, что тезаурус счастья 4-х поколений россиян отражает единство в многообразии. Являясь достаточно устойчивой категорией, счастье в ассоциациях представителей разных поколений наделяется разными атрибутами и имеет несколько различные источники и способы достижения. К универсальным ассоциациям относятся слова, выражающие базовые человеческие потребности: *здоровье, социальная поддержка (семья, близкие), позитивные эмоциональные состояния и материальное благополучие*. При этом исследование демонстрирует трансформацию восприятия счастья от ценностно-материальных ориентиров у старших («советских») поколений к эмоционально-личностным у младших

(«постсоветских»). Примечательно, что материальные факторы счастья по-разному выражаются разными поколениями: бумеры описывают этот источник через ассоциации *уют* и *благополучие*; материальные аспекты упоминаются, но не доминируют, что отражает коллективистские установки и опыт дефицита. X и Y говорят о счастье в активных терминах: *работа*, *достижения*. Эти поколения выражают запрос на самореализацию и материальное благополучие на результат собственных достижений. Представители поколения Z используют относительно пассивные категории: *комфорт*, *деньги*. В их ассоциациях заметно усиление материальных атрибутов и гедонизма. Можно предположить, что для старших поколений счастье – результат стабильности и труда, для младших (особенно характерно это выражено для поколения Z) – счастье – состояние, зависящее преимущественно комфорта и эмоционального состояния.

Несмотря на различия в акцентах, счастье является универсальной ценностью, объединяющей все поколения, однако существует определенная вариативность в рамках кластера ассоциаций ценностно-экзистенциального характера. Исследование показывает, что нормативные представления о счастье изменчивы. Для постсоветских поколений (Y и Z), воспринявших цифровую культуру и глобальные тренды, ассоциации со счастьем вариативней. Эволюция тезауруса счастья отражает переход от коллективистских к индивидуалистическим ценностям. Если для старших поколений доминирующий нарратив счастья связан с «выживанием»: здоровье, семейные связи, стабильность. Для младших, постсоветских, поколений счастье связывается с ценностями индивидуализма, аутентичности: нахождением баланса между комфортом и успехом, стабильностью и свободой.

Список литературы

1. Иллуз, Е., Кабанас, Э. Фабрика счастливых граждан. Как индустрия счастья контролирует нашу жизнь. – М.: АСТ, 2023. 352 с.
2. Easterlin, R.A. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz. – N.Y., 1974. P. 89-125.
3. World Happiness Report. URL: <https://www.worldhappiness.report/> (дата обращения 14.07.25).
4. Хокшилд, А. Управляемое сердце. Коммерциализация чувств. – М.: Дело, 2019. 392 с.
5. Мангейм, К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состоятельность – экономические амбиции. – М.: ИНИОН РАН, 2000. 164 с.

6. «Стрела времени» в массовом сознании россиян: оценки прошлого, суждения о настоящем, представления о будущем /ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Под ред. М.К. Горшкова. – Москва: Издательство «Весь Мир», 2024. 308 с.

7. Радаев, В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018, № 3(407). С.15-33.

8. Инглхарт, Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. 1997, №4. С 6-32.

НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ МУЗЕЙНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ NEW CONCEPT OF MUSEUM REPRESENTATION OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Д.А. Шпилев

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород*

D.A. Shpilev

*Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University,
Nizhniy Novgorod*

Представлен новый подход к сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне с помощью новой музейной репрезентации событий того времени на примере концепции иммерсивной экспозиции, разрабатываемой сотрудниками Центра социальной безопасности молодежи Кировской области. Используемый подход призван обеспечить гармоничное взаимодействие посетителя с пространством и временем, в том числе, с локальной составляющей представленных материалов, а также возможность транслировать соответствующие социокультурные коды и ценности на понятном подростку языке.

This article presents a new approach to preserving the historical memory of the Great Patriotic War through a new museum representation of events from that time, exemplified by the concept of an immersive exhibition being developed by the staff of the Youth Social Security Center in the Kirov region. The approach aims to ensure a harmonious interaction between visitors and the space and time, including the local context of the presented materials, as well as the opportunity to convey relevant socio-cultural codes and values in a language that is understandable to adolescents.

Ключевые слова: историческая память, подростки и молодежь, Великая Отечественная война, музейная экспозиция, идеология фашизма, Кировская область.

Keywords: historical memory, teenagers and youth, Great Patriotic War, museum exhibition, ideology of fascism, Kirov region.

Историческая память – это система институтов и социокультурных методов, поддерживающих и преобразующих знание и информацию о прошлом для передачи важного социального опыта, накопленного предыдущими поколениями, последующим. Именно поэтому историческую память часто называют социальной памятью.

У каждой нации есть значимые исторические события, память о которых непременно передается от поколения к поколению, эти события репрезентируются во вне как важнейшие отличительные особенности данной общности, они являются источником вдохновения для деятелей элитарной и массовой культуры, становятся образцами для подражания у молодежи.

В нашем обществе одной из важнейших задач является сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне, передача достоверной информации об этом периоде нашей истории современным детям и подросткам. Однако, в последние годы с решением данной задачи возникает ряд сложностей как объективного, так и субъективного характера.

Во-первых, с каждым годом для новых поколений это событие становится все дальше, а живых участников войны все меньше. Как писал в своем рассказе «Его Марс» наш известный фантаст Д.А. Биленкин: «Раньше туда нельзя было сунуться без скафандра, – зачем-то сказал Силин. – Ну да, при царе Горохе, – бойко отозвалась черноволосая девушка с глазами цвета бирюзы и фыркнула в ладонь. «Это было при мне!» – хотел сказать Силин, но сдержался. Девчонка по-своему права. Все, что было до ее рождения, будь то Древний Рим или освоение Марса, существовало для нее в стереофильмах, книгах, учебниках, но никак не в ее памяти, и к Марсу она должна была относиться иначе, чем он, тут ничего нельзя было поделать. Но ему стало грустно. Среди этих людей он был единственным, для кого прошлое сохранило цвет, запах и вкус. Воспоминания – богатство стариков...» [1]. Это означает, что в восприятии молодого поколения ВОВ постепенно становится далеким историческим событием, теряя в значимости, непосредственности и актуальности.

Во-вторых, технологии, применявшиеся для передачи исторической памяти о ВОВ в советские времена, являлись частью стройной идеологической системы. В настоящее время одна часть из них морально устарела, а другая часть нуждается в оптимизации, то есть, в приспособлении к современным реалиям, в том числе, к особенностям восприятия окружающего мира подрастающим поколением. Следовательно, необходимо искать новые подходы в освещении страниц истории Великой Отечественной войны, важности её уроков, роли нашей страны в победе над фашизмом.

В-третьих, информация, поступающая в медиапространство из Западных стран, чаще всего не содержит правды (или только её часть) о событиях Второй мировой войны, её причинах, итогах и, самое главное, – уроках. О многих страницах этой войны европейцы и американцы просто предпочитают либо «тактично» умалчивать, либо предлагать свою, часто весьма оригинальную, интерпретацию прошлого.

В-четвертых, уже по другим учебникам изучали историю и жители государств, являвшихся в прошлом республиками Советского Союза. СССР был многонациональным государством, победившим фашизм, это была наша общая победа, поэтому разница в трактовке событий тех лет проводит между нашими народами в дополнение к географическим границам еще и границы ментальные.

В-пятых, в последние годы наши кинематографисты сняли очень много фильмов, посвященных ВОВ, в том числе, достаточно высокобюджетных. Однако ряд картин имели откровенно голливудскую стилистику (в качестве примера можно назвать такие фильмы, как «Бесславные ублюдки», «Спасти рядового Райана»), что обеспечивало высокие сборы от кинопроката (поскольку они нравятся молодым зрителям, так как пожилые люди уже редко посещают кинотеатры), но при этом придавало продукту низкую историческую достоверность (например, «Т-34», «Красный призрак»). Поскольку даже у подрастающего поколения голливудский кинематограф ассоциируется со сказкой, с выдумкой, нереальностью, то использование его стилистики в исторических фильмах о ВОВ априори вызывает у зрителя ощущение сказки и полного несоответствия тому, о чем они прочли в учебниках истории или в художественной литературе советского периода, входящей в школьную программу. Речь не идет о том, что общество должно отказать художнику в праве на творчество, в том числе и в развлекательном жанре. Дело совсем в ином – переизбыток неправдоподобных фильмов искажает восприятие ВОВ подрастающим поколением как исторически реального события (ну, не ходили женщины-участники ВОВ во время боевых действий с идеальными укладками, великолепным макияжем и голливудской улыбкой в 32 дорогих зуба).

Одним из способов сохранить у подрастающего поколения правильное представление о ВОВ является создание и использование новых подходов в музейной репрезентации событий того времени. Так, сотрудниками Центра социальной безопасности молодежи Кировской области в настоящее время разрабатывается концепция интерактивного музея-выставки с интерактивной иммерсивной экспозицией на тему Великой Отечественной войны.

Основная идея экспозиции состоит в том, что подростки должны почувствовать прямую и непосредственную связь событий 80-летней давности со своей повседневной жизнью и жизнью своей семьи – бабушек и дедушек и иных родственников.

Выставка будет начинаться с кадров фильма «Обыкновенный фашизм», снятого режиссером Михаилом Роммом на киностудии «Мосфильм» и вышедшего на экраны в 1965 г. Фильм рассказывает об истории и идеологии фашизма, характеризует нацистский режим и оказывает на зрителя сильное эмоциональное воздействие. Задача этого раздела экспозиции – вернуть посетителя к восприятию ВОВ как реального и трагического события, а не сюжетной канвы приключенческого фильма.

На следующем этапе будут представлены недавно открытые для всеобщего доступа материалы архивов города Кирова и Кировской области. С началом войны в Киров эвакуировали несколько крупных заводов из Москвы, Ленинграда, Харькова и других советских городов. Вместе с оборудованием приехали сотрудники предприятий и члены их семей. Кроме того, сюда вывезли из Ленинграда Военно-морскую медицинскую академию – преподавателей и студентов – и труппу Большого драматического театра. Таким образом, кировским предприятиям, в мирное время производившим товары народного потребления, после начала войны пришлось не только переориентировать производство, но и кардинально поменять сферу деятельности [2]. Киров превращается в крупный промышленный и культурный центр, костяк которого составляли заводы оборонного значения. Эти изменения, безусловно, заинтересовали Абвер – военную разведку нацистской Германии. Сотрудники Абвера вели активную и не безуспешную работу по вербовке агентуры среди кировчан. Именно поэтому архивы оставались закрытыми так долго – в городе продолжали жить члены семей завербованных Абвером агентов. Задача этого этапа – показать подросткам, что среди твоих земляков были разные люди – как проявившие боевую и трудовую доблесть, так и пошедшие на сделку с врагом. Знакомство с данной информацией способствует возникновению личной эмоциональной вовлеченности каждого молодого посетителя в события тех лет.

На третьем этапе подростки узнают о современных проявлениях фашизма («Как только где-нибудь вместо слова «здравствуйте» произнесут «хайль» в чей-то персональный адрес – знайте, там нас ждут, оттуда мы начнем свое великое возрождение!») [3], его героизации в Европе, о попытках пересмотра итогов Второй мировой войны. Кроме того, экспозиция повествует о современных деструктивных Интернет-сообществах,

использующих идеологию неофашизма, пропагандирующих расовую чистоту и ненависть к так называемым унтерменшам, биомусору.

Таким образом, в иммерсивной экспозиции планируется использовать траекторию восприятия информации от общего к частному, а затем от частного к обществу. Такой подход призван обеспечить гармоничное взаимодействие посетителя с пространством и временем, в том числе с локальной составляющей представленных материалов, а также возможность транслировать соответствующие социокультурные коды и ценности на понятном подростку языке. Посетители выставки, в конечном счете, придут к пониманию того, что противостояние с фашизмом и нацизмом не закончено, и теперь от мужества молодого поколения (от поступков каждого), во многом зависит исход борьбы, победа в битве, первую часть которой выиграли наши деды.

Список литературы

1. Биленкин, Д.А. Его Марс. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Б/bilenkin-dmitrij-aleksandrovich/ego-mars> (дата обращения: 24.09.2025).
2. Киров: город, приютивший заводы в годы Великой Отечественной войны. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20274711> (дата обращения: 24.09.2025).
3. Кинофильм «17 мгновений весны». URL: https://vk.com/wall-27569095_2572958 (дата обращения: 24.09.2025).

ВЫСТУПЛЕНИЯ

**«...И ЖИЗНЬ НЕ СТАНЕТ ПРЕЖНЕЙ УЖЕ НИКОГДА»:
ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ
«...AND LIFE WILL NEVER BE THE SAME AGAIN»:
THE EXPERIENCE OF UNDERSTANDING THE GREAT PATRIOTIC
WAR BY STUDENTS**

Л.В. Вандышева., О.А. Малаканова
Самарский университет, г. Самара
L.V. Vandysheva, O.A. Malakanova
Samara University, Samara

Статья выполнена при финансовой поддержке Губернского гранта в области науки и техники и Совета ректоров вузов и Ассоциации вузов Самарской области на тему «Смыслы и виды патриотизма у современной молодежи: региональный аспект» в 2024 г.

Конкурс рецензий в этом исследовании выступил одновременно в качестве метода сбора эмпирического материала и средства патриотического воспитания молодежи.

The article was financially supported by the Provincial Grant in the field of science and technology and the Council of University Rectors and the Association of Universities of the Samara region on the topic «Meanings and types of patriotism among modern youth: a regional aspect» in 2024. The review contest in this study acted simultaneously as a method of collecting empirical material and a means of patriotic education of youth.

Ключевые слова: студенческая молодежь, конкурс рецензий, тема войны, смыслы патриотизма.

Keywords: student youth, review contest, the theme of war, the meanings of patriotism.

Тема патриотизма часто соотносится с темой войны, в частности, темой Великой Отечественной войны. В данной статье конкретизированы идеи патриотизма студенческой молодежи, которые были выделены на основе анализа текстов рецензий студенческой молодежи вузов г. Самары.

Патриотизм как чувство предполагает рефлексию и критический анализ, проведенные с учетом традиций, ценностей, исторической памяти, утвердившихся в стране [1, с. 16]. Продолжая идеи выдающегося отечественного философа В.С. Соловьева, современные исследователи выделяют показной (фальшивый) патриотизм, ложный и истинный патриотизм [2; 3, с. 203].

Патриотическое воспитание сводится к формированию государственного самосознания, кругозора, заинтересованности к народному творчеству, культурному наследию своего народа [4, с. 189]. К средствам патриотического воспитания молодежи относят средства, соотносимые с текстом, словом: чтение, научно-практическая конференция [5, с. 53], конкурс (конкурс сочинений, рецензий, рецензий и отзывов). Эти средства позволяют расширить кругозор молодежи, сформировать у нее критическое мышление, развить навыки выражения собственных позиций, привлечь внимание молодежи к историческим событиям и личностям, осмыслить их значение и соотнести с событиями современности.

В Самарском университете в 2024 г. с целью изучения идеи патриотизма на уровне сознания и поведения студенческой молодежи проведено социологическое исследование на тему «Смыслы и виды патриотизма у современной молодежи: региональный аспект». Конкурс рецензий выступил составляющей качественного этапа и позволил выявить в текстах рецензий смыслы патриотизма в контексте войны. Участниками конкурса являлась студенческая молодежь региональных вузов. Представленные на конкурс работы были выполнены на основе анализа

разных литературных текстов в основном российских авторов. Всего для анализа было отобрано 47 рецензий. Чтобы полно охарактеризовать литературный материал, представим выдержки из студенческих рецензий. Мы сохранили лексику, орфографию авторов рецензий.

При выборе литературного произведения рецензенты, во-первых, обращают внимание на наличие у писателя непосредственного опыта участника военных событий:

– «...можно заметить, как автор грамотно описывает события, которые происходят во время Великой Отечественной войны, где отлично проявляются лучшие и худшие качества людей» (рецензент 7, ж, Самарский университет).

Во-вторых, для рецензентов важен статус писателя и общественное признание его произведений, в том числе экранизация произведений:

– «За повесть «Навеки – девятнадцатилетние» в 1982 году Григорию Бакланову была присуждена Государственная премия СССР. ... На основе данной повести был снят художественный фильм...» (рецензент 6, ж., Самарский университет).

Итак, литературная основа конкурса рецензий представлена произведениями школьной программы: русской классикой, прозой советского и настоящего времени. Обосновывая выбор тех или иных произведений, связанных с темой патриотизма, рецензенты останавливают свое внимание на книгах писателей – непосредственных участников Великой Отечественной войны; важным является наличие у них наград и экранизации их произведений.

Представления о войне у студенческой молодежи формируются из книг писателей, непосредственных участников этого события, а также современного дискурса, связанного с празднованием Дня Победы, практиками непосредственного общения с родственниками и современными событиями.

На основе проведенного качественного анализа текста рецензий были выявлены четыре смысловых характеристики Великой Отечественной войны:

1) война как особенный для человека период проживания собственной жизни: «Ильина создает запоминающиеся образы своих персонажей, каждый из которых сталкивается с необходимостью выбора: следовать ли сердцу или приходится подчиниться обстоятельствам. Эти внутренние противоречия служат основой для глубоких раздумий о значении служения своей родине» (рецензент 8, ж, Самарский университет).

2) война как предмет исторической памяти: «Может ли память о трагедии стать уроком для будущих поколений, или же мы снова окажемся на краю бездны, забыв о тех, кто страдал до нас? Наша Родина с её богатой

историей и культурой заслуживает того, чтобы мы берегли её память и учились на её уроках» (рецензент 52, м, СГИК).

3) война как процесс усвоения и осознания человеком значимых социальных норм:

– *«Писатель демонстрирует, что даже в самых тяжелых обстоятельствах люди способны объединиться для защиты дома и близких...»* (рецензент 8, ж, Самарский университет);

– *«Прочтите, и вы сами прочувствуете все, и ...вам захочется перечитать вновь»* (рецензент 11, ж., Самарский университет).

4) война как время, накладывающее особый отпечаток на участников войны: они становятся иными, раскрывая свой личностный потенциал и, проявляя себя, в частности, как патриоты своей Родины: *«Война – это не только сражения и физическая опасность, но и огромный психологический груз, который ложится на плечи участников»* (рецензент 48, ж., СГИК), когда события, связанные с войной, влияют на появление новых смыслов жизни в историях главных героев анализируемых произведений.

Таким образом, Конкурс рецензий позволяет реализовать функцию «похвалы» для его участников, когда в каждом тексте можно отметить важные и креативные идеи, саморефлексию происходящих в стране процессов, осознание необходимости профессионального саморазвития. Материалы Конкурса рецензий, по нашему мнению, выступают в качестве диагностического средства, позволяющего получить представление о том, какими смыслами наделяет современное студенчество понятие «патриотизм». Полученный список литературных произведений – основы студенческих рецензий применяется во внеучебной работе со студентами и в процессе профессиональной подготовки. Недостаточная представленность литературных произведений современных писателей заставляет проблематизировать этот аспект и обратить внимание на поддержку молодых авторов.

Список литературы

1. Жукоцкая, А.В. Культура патриотизма и патриотизм в культуре // В книге: Патриотизм как проект (методология и опыт эмпирического исследования). – М.: ГАОУ ВО МГПУ, 2024. С. 6-16.
2. Зимакова, Е.С. Патриотизм сквозь призму веков (патриотизм как ключевой фактор становления государства) // В сборнике: Образ Родины: содержание, формирование, актуализация. Материалы VII Международной научной конференции. – М.: Московский художественно-промышленный институт, 2023. С. 123-128.
3. Савкин, Н.С. Философия патриотизма: патриотизм мнимый, показной и подлинный // Russian Journal of the Humanities. 2018. Vol. 18. No. 2. P. 197-204.

4. Гревцева, Г.Я. Гражданско-патриотическое воспитание учащейся молодежи как социокультурный процесс // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2019. № 3 (45). С. 18-26.

5. Алещенко, Е.И. Женщина на войне в советской художественной литературе // В сборнике: Сталинградская гвоздика. Города-побратимы – символ совместного наследия. Сборник материалов международной конференции. – Волгоград: ИП Поликарпов Л.И., 2015. С. 49-62.

**ПРЕДПИСАННЫЕ ЭМОЦИИ
(РАДОСТЬ, ГОРДОСТЬ, СЧАСТЬЕ И Т.Д.) В ДЕТСКОМ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ЖУРНАЛЕ «ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ»***
**PRESCRIBED EMOTIONS (JOY, PRIDE, HAPPINESS, ETC.)
IN THE CHILDREN'S POPULAR SCIENCE MAGAZINE
«YOUNG NATURALIST»**

С.С. Грозов

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород*

S.S. Grozov

*Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod*

В докладе рассматривается детский научно-популярный журнал «Юный натуралист» как источник по советскому эмоциональному режиму. Предпринимается попытка описать, как в журнале выражаются радость, гордость, любовь, счастье, веселье. Делаются выводы о перспективах дальнейшего исследования детского журнала.

The report examines the children's popular science magazine "Young Naturalist" as a source on the Soviet emotional regime. An attempt is being made to describe how joy, pride, love, happiness, and fun are expressed in the magazine. Conclusions are drawn about the prospects for further research of the children's magazine.

Ключевые слова: эмоциональный режим, «Юный натуралист», предписанные эмоции, эмоциональные нормы.

Keywords: emotional regime, "Young naturalist", prescribed emotions, emotional norms.

«Советские люди не ждут милости от природы, а стараются взять от неё всё, что она может дать, они преобразуют землю, чтобы еще *счастливее*

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-18-00395 «Представления о счастье 4-х поколений россиян: коллективные эмоции, нормативные установки и субъективные притязания»)

жилося на ней трудящемуся человеку», с таким призывом к «пионерам и школьникам, юным мичуринцам Советского Союза» обратились министры сельского хозяйства, совхозов и просвещения [1, с. 1]. Это обращение встречало читателя в первом выпуске журнала «Юный натуралист», возобновившего свой выход в 1956 г., спустя пятнадцать лет после перерыва. С того момента журнал выходил тиражом от 100 тыс. экземпляров и стал одним из наиболее читаемых изданий для многих советских граждан, объединенных общим интересом к природе. Читателей журнала можно рассматривать как сообщество, объединённое не только интересом к природе, но нормами чувств, отразившимися в журнале. Методологически такое сообщество можно рассматривать как «эмоциональное сообщество» в концепции Барбары Розенвайн [2]. Вместе с большим количеством научно-прикладных сведений. Отметим, что в журнале совмещались разножанровые материалы – письма, заметки, очерки, инструкции, которые практически всегда сопровождались иллюстрациями (фотографиями, рисунками, чертежами) [3]. Детский журнал включал материалы нравоучительного характера, направленные на воспитание у юных натуралистов правильных, с точки зрения советской власти качеств, ценностных ориентиров и норм поведения. Важным средством такого воспитания становилось обращение к чувствам²⁰: тексты были написаны так, чтобы вызывать эмоциональный отклик и закреплять нужные модели поведения по отношению к миру природы и обществу. В подобных материалах заметны специфические эмоциональные нормы: урожай обязательно приносит радость; работа по возделыванию земли – удовлетворение; забота о животных – счастье.

Американский историк У. Рэдди предложил рассматривать эмоциональные нормы в тесной связи с общественно-политической жизнью. В его концепции одним из основных понятий, описывающих эмоциональную сферу общества, выступает «эмоциональный режим» – набор нормативных эмоций, официальных ритуалов, практик и эмотивов (эмоциональных высказываний). По мнению историка, эмоциональный режим – основа любого стабильного политического режима [3, с. 155], а потому управление эмоциями (в том числе и через печатные издания) – важный инструмент идеологического контроля в обществе.

²⁰ В докладе термины «эмоция» и «чувство» используются как синонимичные. Подобное сближение понятий допустимо в рамках социокультурных подходов к изучению эмоций, где внимание сосредоточено не на психологическом разграничении данных категорий, а на анализе исторических и социальных практик выражения чувств [см., напр.: 3, 4, 5].

В этом смысле, «Юный натуралист» можно рассматривать как своеобразный архив тех самых предписанных эмоциональных норм и практически не изученный источник по эмоциональному режиму советского общества [также см.: 6], начиная с момента выхода журнала в 1956 г. и вплоть до конца советского периода. В докладе предпринимается попытка описать особенность ряда предписанных эмоций (радость, гордость, любовь, счастье). Обратим внимание на первый выпуск 1956 г. как один из наиболее показательных номеров журнала.

Радость

«Деревья растут, а люди *радуются*», – так председатель колхоза из Марийской АССР А.В. Новиков описывает работу школьников, озеленяющих улицы своего села [1, с. 3]. Здесь радость прямо соотнесена с ростом растений – результатом тяжелого труда. Та же логика проявляется и в других материалах. В очерке Л. Леонова «В защиту зелёного друга» успех школьников в садоводстве описывается так: «К осени все пятьдесят деревьев, к *великой радости* хозяев, покрылись плодами» [1, с. 14]. Но при менее удачном исходе фиксируется уже нехватка радости: реакцию пионеров на редкие всходы кукурузы передают словами «*Радости* от них было мало» [1, с. 4]. В журнале радость связана со степенью успешности труда. При этом сам труд постоянно подразумевается именно как основание для радости и порой выходит на первый план. Например, в письме заслуженного учителя школы РСФСР К. Соколова «Верное содружество» подчеркивается: «Мы с вами живём в такое время, когда всякий труд должен быть одухотворён высокой идеей. Нам надо трудиться разумно, чтобы приносить больше *радости* людям и себе» [1, с. 5]. Такая связка труда, его результата и радости доминирует в журнале, но не исчерпывает всего спектра. Радость встречается и в других контекстах – например, в описаниях партийных съездов, сезонных изменений в природе или повседневных событий жизни юннатов.

Гордость

Гордость в журнале выступает устойчивым эмоциональным мотивом, который может звучать и прямо, и косвенно. Материал «В Караваевграде» пронизан этой эмоцией. В нем рассказывается о школьниках, которые «...особенно *гордятся* своей шефской работой в совхозе» [1, с. 6-7]. Такая гордость, не имеющая ничего общего с горделивостью, ценится коллективом: «Караваевских школьников за их труд и скромность уважают не только в совхозе». Вместе с этим, караевские школьники, как и десятки других примеров в материалах «Юного натуралиста», – объекты коллективной гордости, пример для подражания и своего рода собирательный эмотив.

Подобным образом описывались и другие школьники, рабочие коллективы, советские ученые (в первую очередь И.В. Мичурин и его ученики).

Любовь

«Партия и правительство заботятся о вас, как *любящая* мать. Издание журнала «Юный натуралист» – это новое проявление этой заботы», – говорится во вступительном обращении министров [1, с. 1]. Здесь семейная метафорика задаёт рамку для отношений между государством и юннатами: любовь и забота оказываются неразделимыми. Та же связка встречается и в других материалах журнала. Так, «кукуруза *любит* уход» [1, с. 4], «Гули Курбанова очень *любит* своих питомцев – овец» [1, с. 9], «ребята... *любовно* ухаживают за зеленым другом» [1, с. 15]. Во всех этих случаях любовь описывает практику хозяйствования и ухода: школьники заботятся о растениях и животных не только как о полезных объектах, но и как о существах, с которыми их связывает чувство привязанности. Через такую риторику подчеркивается значимость объекта заботы для самих юннатов, а также задается определённая норма: заботиться – значит любить, а любить – значит быть ответственным за то, о чем ты заботишься.

Счастье

Вполне очевидно, что многое в журнале связано с коллективным трудом. Не обходит стороной журнал и цель этого труда – счастье, как во фразе, вынесенной в начало доклада. Счастье позиционируется как далекая цель этого труда. Оно важно не только как ориентир, но и как фон самой деятельности – «Вашему поколению выпадает *счастливая* доля продолжать дело отцов и братьев, матерей и сестер...» [1, с. 1]. В контексте журнала счастье связывается не с индивидуальным переживанием, а с коллективной задачей преобразования природы и с будущим. Даже забота о природе оправдана счастьем следующих поколений: «Другие, ещё более *счастливые* дети, будут играть и шуметь под сенью этих растительных великанов» [1, с. 15]. Эта перспектива в некоторых сюжетах расширяется ещё больше. Например, в заметке Л. Кассиля о тексте С. Баруздина «Рави и Шаши», счастье предстает как результат коллективных усилий народов, «желающих жить свободно и *счастливо*» [1, с. 38].

Веселье

Если за достигнутые результаты в «Юном натуралисте» предлагается испытывать гордость, то сам процесс труда нередко окрашивается в интонацию веселья. В очерке о воспитанниках детского дома их работа по устройству парников описывается как «легкая и *веселая*, а главное – умелая» [1, с. 9], что задаёт тон представлению о труде как о приятном и почти праздничном занятии. Это встречается и в материалах художественного

характер. Например, в рассказе В. Бианки героя «*веселит* дух их легкий, свободный полет» птиц [1, с. 25], а в рассказе М. Пришвина персонаж ищет «чего-нибудь такого *веселого*» в окружающем его лесу [1, с. 16]. Веселье в журнале работает как дополнительный смысловой акцент, оно насыщает трудовой (и исследовательский) опыт специфическими, почти игровыми коннотациями.

Выводы

Анализ первого выпуска «Юного натуралиста» за 1956 г. показывает устойчивое присутствие эмоциональных норм. Радость, гордость, любовь, счастье и веселье в журнале составляют часть системы нормативных эмоций. Эти эмоции задают рамку поведения и формируют особый способ чувствовать мир. Природа превращается в адресата чувств, а в некоторых случаях и их носителя. Любовь к растениям и животным, радость от урожая, счастье будущих поколений – все это делает природу не только предметом изучения или хозяйствования, но и сферой обязательных переживаний. Через такую «сенсуализацию» природа становилась инструментом моральной и даже политической мобилизации. Это позволяет рассматривать журнал как важный источник эмоционального режима советского общества. В будущем важно будет расширить исследуемый корпус – проследить изменения норм, выделить отдельные эмоциональные акценты. Кроме того, стоит в перспективе учесть не только текст, но и иллюстративный материал. Все это позволит лучше понять, какие именно нормы чувствования закреплялись и как они были связаны с природой в советской культуре.

Список литературы

1. Юный натуралист. 1956. № 1. 39 с.
2. Rosenwein, B.H. *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca: Cornell University Press, 2006.
3. Reddy, W. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
4. Scheer, M. «Are Emotions a Kind of Practice (and Is That What Makes Them Have a History?)» // *History and Theory*. 2012. Т. 51, № 2. С. 193-220.
5. Плампер, Я. *История эмоций*. М.: НЛО, 2018.
6. Викулина, Е.И. «Сердечность встреч»: эмоциональный режим оттепели в комментариях к правительственным фотографиям // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. 2022. № 2. С. 108-124.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (1941–1945 ГГ.) В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КИНЕМАТОГРАФЕ HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945) IN RUSSIAN CINEMA

С.В. Ковалева, Ю.Е. Шорина

*Костромская государственная сельскохозяйственная академия,
г. Кострома*

S.V. Kovaleva, Yu.E. Shorina
Kostroma State Agricultural Academy, Kostroma

Проводится анализ механизмов конструирования исторической памяти в советском кинематографе на примере фильма С. Ростоцкого «А зори здесь тихие» (1972). Исследование фокусируется на особенностях репрезентации военного опыта через призму женских судеб, анализа используемых художественных средств и их роли в формировании коллективной памяти о войне.

The article provides a comprehensive analysis of the mechanisms of constructing historical memory in cinema using the example of S. Rostotsky's film «The Dawns Here Are Quiet» (1972). The study focuses on the features of representing war experience through the prism of women's destinies, analyzes the artistic means used and their role in forming collective memory of the war.

Ключевые слова: историческая память, Великая Отечественная война, советское кино, женский военный опыт, кинематографический нарратив, Станислав Ростоцкий.

Keywords: historical memory, Great Patriotic War, Soviet cinema, women's war experience, cinematic narrative, Stanislav Rostotsky.

Цель статьи заключается в выявлении смысла художественного фильма «А зори здесь тихие» Станислава Ростоцкого (1972 г.), в котором раскрывается историческая память о войне, передается трагизм жизни во время военных событий, показывается героизм советских людей. Исследование посвящено раскрытию тех художественных средств, которые использует режиссер для создания эмоционального воздействия на зрителей.

Великая Отечественная война остается одной из самых трагических и героических страниц в истории России. Ее отражение в искусстве – важный инструмент сохранения исторической памяти. Фильм Станислава Ростоцкого «А зори здесь тихие», снятый по повести Бориса Васильева, стал не просто экранизацией, а «глубоким художественным осмыслением войны через призму человеческих судеб» [1]. Фильм рассказывает о трагической судьбе пяти молодых девушек-зенитчиц, проходивших службу по охране северных рубежей нашей Родины в середине Великой Отечественной войны. Они

вместе со старшиной Васковым (актер Андрей Мартынов) противостоят в Карелии отряду фашистов.

В этой картине каждый герой, воздействуя на сознание зрителя, остается в памяти навсегда. Фильм избегает пафосного изображения войны, делая акцент на обычных людях, чьи судьбы были искалечены. Каждая из героинь – Рита Осянина, Женя Комелькова, Лиза Бричкина, Соня Гурвич и Галя Четвертак – воплощают разные аспекты довоенной жизни, которая оборвалась из-за нацистского вторжения.

1. Рита – молодая мать, потерявшая мужа на фронте.

2. Женя – жизнерадостная красавица, чья семья была расстреляна.

3. Лиза – выросшая в глуши, мечтавшая о любви.

4. Соня – интеллигентная студентка, влюбленная в поэзию.

5. Галя – наивная девушка, выросшая в детском доме, которая придумала себе «героическое» прошлое.

Их гибель не просто статистика войны – это утрата целого поколения, что подчеркивает цену Победы. В фильме режиссер использует следующие приемы:

1. Контраст мирного и военного времени. С.И. Ростоцкий использует цветные воспоминания и сны, чтобы показать, какой прекрасной, счастливой была жизнь героинь. Сцены довоенного счастья (танцы, учеба, первая любовь) резко контрастируют с черно-белой суровой реальностью войны. Этот прием усиливает ощущение необратимой потери, заставляя зрителя осознать, что война украла не только жизни, но и будущее этих людей [2].

2. Контраст красоты, тишины природы и грохота снарядов, свист пуль. Название фильма «А зори здесь тихие» символизирует противоестественность войны. Природа (лес, река, туман) становится немым свидетелем трагедии. Тишина, в которой разворачивается бой, подчеркивает одиночество и хрупкость героинь перед лицом смерти.

Очень показательным является последний разговор старшины и умирающей Риты Осяниной. Мужчина говорит: «когда закончится война, как объяснить нам, почему мы обручили со смертью наших женщин? Почему жертвовали ими, когда требовалось защитить железную дорогу, стратегически важный канал? Ведь там полно охраны. Отчего же я положил вас тут, в боях с фашистским зверьем?» В его словах звучит непонимание. Он думает, «а можно ли было поступить по-другому?». Женщина отвечает, что «не о том ты говоришь. Мы, прежде всего, Родину защищали, а уж потом железную дорогу и канал» [2].

Родную землю нельзя отдавать захватчику. Вот истина, которая живет во всех солдатах и которую нужно передать последующим поколениям. И стоит ее защищать ради того, чтобы дети и внуки воюющего поколения могли жить на ней счастливо. Финал фильма несет в себе оправдание того упорства, с которым боролись девушки. А значит, есть смысл в том, как русские женщины сражались с оккупантами «за землю, за которую надо стоять всем, ибо следует передать её новому поколению. Не оборвалась бы ниточка, свеча бы не погасла!» [2].

Вывод

«А зори здесь тихие» – не просто военная драма, а мемориал тем, чьи жизни забрала война, важный элемент исторической памяти. Фильм сохраняет память не через пафосные слова, а через тихий голос утраченного в войне поколения. Он показывает войну через призму человеческих судеб, избегая вымысла и сохраняя уважение к подвигу. Картина напоминает, что война – это не только сражения, но и оборванные жизни, и именно такая память наиболее ценна для будущих поколений [3]. Именно поэтому кинематографическая лента С.И. Ростockого продолжает трогать сердца зрителей, напоминая, что война – это не только подвиги, но сложные жизненные ситуации, которые формируют образ патриотичного поступка.

Список литературы

1. Володин, Д. Журнал Фома / URL: <https://foma.ru/a-zori-zdes-tihie-2-0-stoilo-li.html?ysclid=mbux19muxl969743863> (дата обращения: 16.06.2025).
2. Ассман, А. Длинная тень прошлого / URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aleyda-assman-dlinnaya-ten-proshlogo-memorialnaya-kultura-i-istoricheskaya-politika-per-s-nem-borisa-hlebnikova-m-novoe-literaturnoe> (дата обращения: 16.06.2025).
3. Kovaleva, S., Kizilova, N., Kashirina, O., Isaenko, A., Odnoprienko, V. Adaptation of foreign students in the educational and sociocultural system of an agricultural university / В сборнике: Innovations in Sustainable Agricultural Systems (ISAS 2024) (Lecture Notes in Networks and Systems). Conference proceedings. Cham, Switzerland, 2024. С. 399-405.

**СПЕКТР ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ ФИЛЬМОВ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ:
КОНТЕНТ-АНАЛИЗ РЕЦЕНЗИЙ***

**SPECTRUM OF EMOTIONAL PERCEPTION OF FILMS
ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR:
CONTENT ANALYSIS OF FILM REVIEWS**

А.В. Комелькова

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород*

A.V. Komelkova

*Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod*

Рассматриваются категории эмоциональных реакций и оценок в рецензиях о фильмах о Великой Отечественной войне, снятые до 1991 г. Сравнивается эмоциональное восприятие мужчин и женщин, а также представителей четырех поколений: послевоенного (1947-1967), поколения X (1968-1981), поколения Y (1982–2000) и поколения Z (после 2001).

The article studies the category of emotional mood and assessments in reviews of films about the Great Patriotic War, filmed before 1991. The emotional perception of men and women, as well as representatives of four generations, is compared: post-war (1947-1967), generation X (1968-1981), generation Y (1982-2000) and generation Z (after 2001).

Ключевые слова: Великая Отечественная война, эмоциональное восприятие, поколения, контент-анализ.

Keywords: The Great Patriotic War, emotional perception, generations, content analysis.

Великая Отечественная война является ключевым событием в исторической памяти россиян. При этом историческая память – не просто фиксация прошлого, но динамическое пространство эмоциональных интерпретаций. Понимание эмоций в этом контексте становится ключом к осмыслению того, как общество сохраняет, переосмысляет и передает знания о значимых событиях [1]. Согласно исследованию ВЦИОМ [2], для трети россиян (35%) победа в Великой отечественной войне ассоциативно связана с эмоциональными категориями. Эмоциональное проживание исторических событий возможно через восприятие их художественных репрезентаций, в первую очередь через кинематограф, так как за счет своей выразительности и

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00395

понятного массового коммеморативного контента он легко воспринимается зрителями [3]. Поэтому для понимания эмоциональной составляющей памяти о войне релевантно исследование восприятия ее репрезентации в кинематографе.

Был проведен контент-анализ 1413 рецензий, опубликованных на сайте Кинопоиск (<https://www.kinopoisk.ru>), на 172 фильма о Великой Отечественной войне, снятых до 1991 года. Для анализа эмоциональных реакций из текстов рецензий были выбраны только прилагательные, так как именно эта часть речи имеет ключевое значение в вербальном обозначении внутренних переживаний. Из полученных 476 уникальных прилагательных (упоминаются в массиве текстов более 20 раз), были отобраны те, которые имеют отношение к эмоциональной сфере. Далее для сокращения числа параметров анализа прилагательные были объединены в несколько категорий (табл. 1).

Таблица 1

Состав категорий анализа

Категория	Список прилагательных
Положительные оценки	Интересный, гениальный, прекрасный, замечательный, красивый, великолепный, талантливый, легендарный, шикарный, бесподобный, блестящий, отличный, безупречный, идеальный
Грандиозность, масштаб	Огромный, вечный, мощный, масштабный, грандиозный, эпический, колоссальный, великий
Искренность	Настоящий, искренний, откровенный
Правдивость	Истинный, подлинный, правдивый, честный, реалистичный, честный, убедительный, достоверный, правдоподобный
Страшный	Страшный, ужасный, жуткий, чудовищный, тревожный, опасный
Жестокий	Жестокий, кровавый, жёсткий, злой, безжалостный, бесчеловечный, беспощадный
Вызывает эмоции	Эмоциональный, трогательный, пронзительный, выразительный, эффектный, поразительный, проникновенный, неизгладимый, яркий
Сложный, трудный	Тяжёлый, сложный, невозможный, трудный, непростой, нелёгкий, напряжённый
Теплые чувства	Любимый, добрый, светлый, душевный, приятный, тёплый, милый, нежный, спокойный
Героизм	Героический, отважный, бравый, храбрый, благородный, отчаянный, мужественный, смелый
Веселье	Смешной, забавный, комедийный, весёлый
Трагичность	Трагический, трагичный
Грусть	Грустный, печальный, горький

Более половины рецензий как мужчин, так и женщин всех поколений (57%) содержат положительные оценки, которые в большей степени связаны не с памятью о войне, а с художественной составляющей фильмов. Интересно, что эмоции, связанные с грустью (9%) и проживанием трагедии (7%), оказались на последних местах наравне с противоположным им весельем (9%) (рис. 1). Упоминания жестокости (18%) и героизма (17%) тоже менее распространены в рецензиях, чем другие категории. Помимо восхищения фильмом чаще всего зрители пишут о трудностях военного времени (42%), положительных теплых чувствах (38%) и грандиозности (38%). Причем теплые чувства чаще испытывают женщины (48% женских рецензий против 35% мужских), а о грандиозности событий и происходящего на экране чаще пишут мужчины (41% мужских рецензий против 33% женских) (рис. 2). Почти треть зрителей пишут об искренности в фильмах о войне (31%), испытывают яркие впечатления (29%) и страх (29%). Серьезных гендерных различий в спектре эмоционального восприятия фильмов о войне нет, но есть поколенческие различия.

Помимо положительных оценок, стоящих на первом месте в рецензиях всех четырех поколений, для послевоенного поколения (1947-1967 г.р.), наиболее близкого к войне, на первый план выходят правдивость фильмов (38%), грандиозность (36%) и яркие впечатления (36%). Кроме того, они чаще других пишут о героизме (24%), но реже о трудностях (29%) и трагичности (4%) (рис. 3).

Поколение X (1968-1981 г.р.), наоборот, в первую очередь акцентирует внимание на трудностях военного времени (39%), а о правдивости пишут реже всех (16%). Как и старшее поколение, часто говорят о грандиозности и масштабе событий (38%), что в целом характерно для всех поколений. Представители этого поколения реже всех концентрируются на страхе (18%) и жестокости (9%) (рис. 3).

Поколению Y, представителей которого называют также миллениалами, (1982-2000 г.р.), свойственны противоположные эмоции от просмотра военных фильмов, на первый план выходят трудности (44%) и теплые чувства (44%), эти категории, а также страх (31%) и веселье (12%) они упоминают чаще, чем представители других поколений (рис. 3).

Поколение Z или зумеры (после 2001 г.р.), самое отдаленное от Великой Отечественной войны поколение, чаще всего при просмотре фильмов осознает грандиозность событий и происходящего на экране (43%), но при этом для них характерны теплые чувства от просмотра (41%) и упоминания искренности (41%). Молодежь чаще всех испытывает грусть (14%). Примечательно, что, как и самое приближенное к войне послевоенное поколение, зумеры чаще поколений X и Y пишут о правдивости фильмов (27%) (рис. 3).

Рис. 1. Доля рецензий с упоминанием категорий

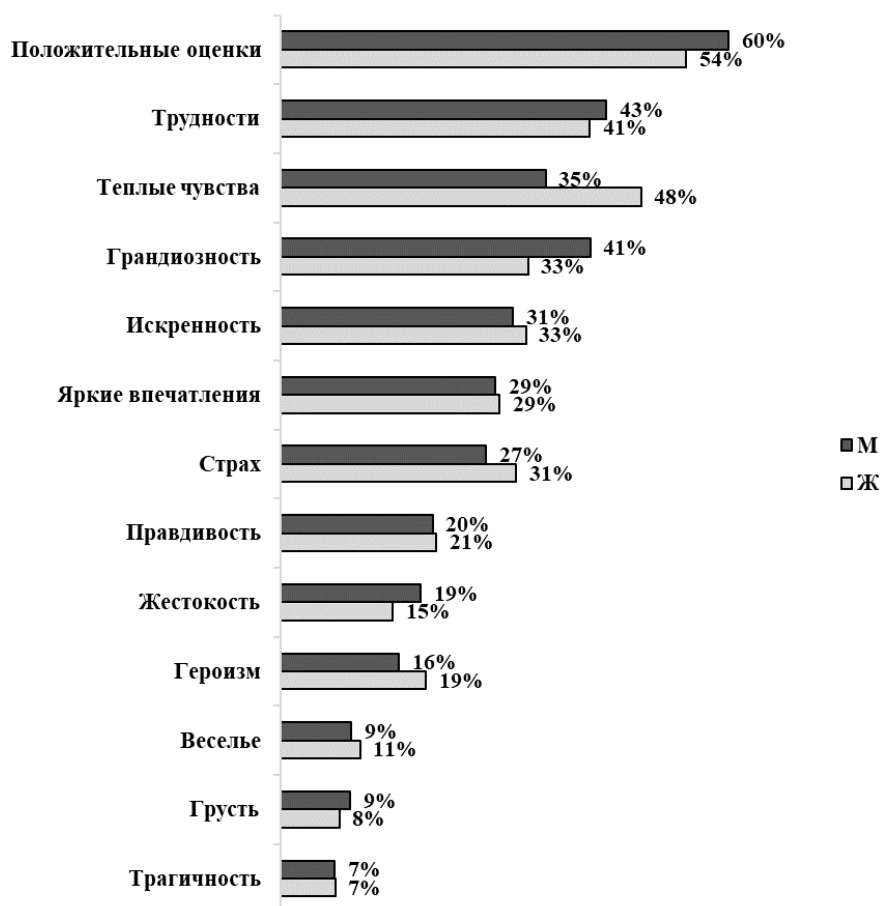

Рис. 2. Доля рецензий мужчин, женщин с упоминанием категорий

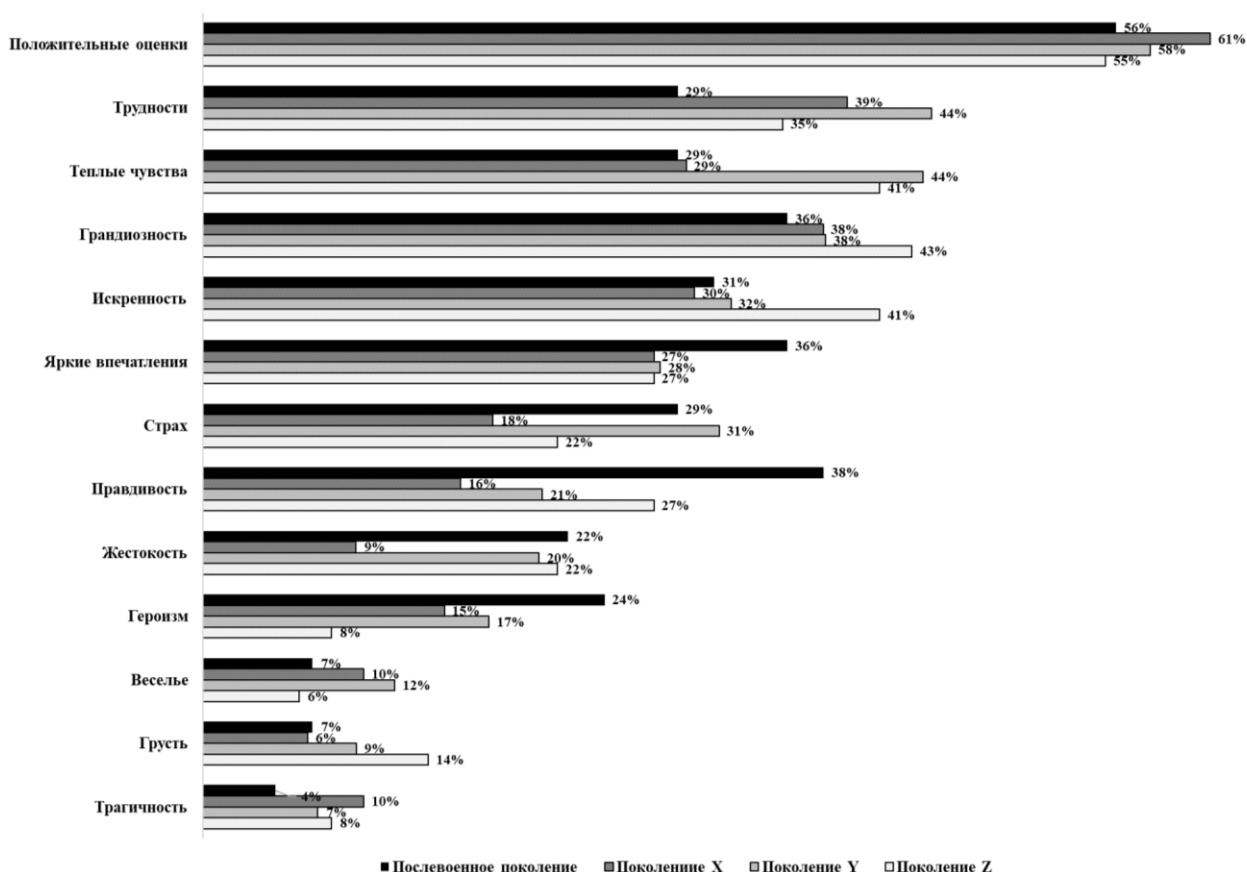

Рис. 3. Доля рецензий разных поколений с упоминанием категорий

В целом в реакциях на фильмы о Великой Отечественной войне преобладают эмоции, которые можно отнести к положительным, однако не все они связаны с коллективной памятью о войне. К эмоциям, связанным с проживанием события, примешиваются эмоции от просмотра фильма как художественного произведения и предмета искусства. Поэтому негативные эмоции по отношению к репрезентируемым событиям могут проживаться человеком одновременно с положительными эмоциями от просмотра хорошего фильма либо усиливаться при просмотре плохого. В полной мере разделить эту комбинацию невозможно.

Список литературы

1. Артамонов, Д., Пеннер, Р. (2025). Ценность Великой Победы: эмоциональная оптика // Patria. Т. 2. № 2. С. 10-25.
2. Великой Победе – 80 лет! Исследование ВЦИОМ. 04.05.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikoi-pobede-80-let> (дата обращения: 05.05.2025)
3. Айерман, Р. Культурная травма и коллективная память (пер. с англ. Николая Поселягина) // Новое литературное обозрение. 2016. № 5(141). С. 40-67.

**ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
СРЕДСТВАМИ СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО КИНЕМАТОГРАФА**
**FORMATION OF HISTORICAL IDEAS ABOUT THE
GREAT PATRIOTIC WAR BY MEANS OF MODERN RUSSIAN CINEMA**

А.А. Новоселов

*Московский педагогический государственный университет,
г. Москва*

A.A. Novoselov

Moscow State Pedagogical University, Moscow

*Научный руководитель: А.А. Еньшина, к.и.н., доцент,
Московский педагогический государственный университет, г. Москва*

*Scientific supervisor: A.A. Yenshina, Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Moscow Pedagogical State University, Moscow*

Исследование исторической памяти является одним из наиболее перспективным в современной исторической науке. Наиболее ярким периодом в истории, с точки зрения исторической памяти, является Великая Отечественная война.

The study of historical memory is one of the most promising in modern historical science. One of the most striking periods in history, from the point of view of historical memory, is the Great Patriotic War.

Ключевые слова: исторические представления, Великая Отечественная война, кино, современный российский кинематограф.

Keywords: historical representations, the Great Patriotic War, cinema, modern Russian cinematography.

А. Талавер в своей работе «Память о Великой Отечественной войне в постсоветском кинематографе. Этапы осмысления прошлого (от 1990-х к 2000-м)» [1], характеризуя все этапы развития советского кино, выделяет пятый – фильмы, снятые в начале 2000-х годов, которые, по мнению автора, больше похожи на супергеройские блокбастеры. В данных фильмах главный герой, как правило, обладает какой-то неуязвимостью и выходит из боев без единой царапины, когда все вокруг него погибают. В.А. Хохлов в своей статье «Великая Отечественная война в современном российском кино: продолжение в фэнтези-будущем» [2] анализирует российские фильмы, вышедшие на экран в период с 2000 по 2010 гг., которые оценивает крайне негативно. В эти годы формируется положительный образ немецкого солдата.

Хохлов связывает это с партнерскими отношениями между Россией и Германией в начале XXI века. Автор обращает внимание на масштабные исторические неточности и странные сюжетные повороты в выбранных фильмах. И.Е. Мищенко в своей статье «Современное кино о войне: опыт сравнительного анализа европейских и российских кинофильмов» [3] заявляет о деконструкции образа солдата как спасителя, характерной для европейского военного кинематографа, главной темой которого является коллаборационизм и военные преступления. Образ солдата, формируемый российским кинематографом, гораздо более однозначен: «Военный – почти мифологический герой, защитник, который исполняет долг...». Автор считает европейские фильмы «откровенно вредными», с точки зрения транслируемых ими идей, и они не должны становиться частью российского кинопроката. В статье И. Грибан «Кино и память: Великая Отечественная война в зеркале современного российского кинематографа» [4] проанализированы фильмы, вышедшие в прокат с 2016 по 2018 гг. Автор отмечает карикатурный образ немецких солдат, формируемый проанализированными ею фильмами. В ряде фильмов враг показан в виде бесформенной серой массы. Мы вынуждены не согласиться с автором в этом. В качестве примера можно привести фильм «Т-34», в котором, на наш взгляд, образ врага наиболее проработан. Также автор отмечает определенную деградацию образов по сравнению с советским военным кинематографом. В этой связи хотелось бы отметить, что современному молодому зрителю, обладающему клиповым мышлением, будет труднее воспринимать советские образы, так как он с каждым днем становится все дальше от событий и уже практически не имеет возможности услышать об этих событиях из первых уст. Отмечается и возросшая популярность фильмов, посвященных советским танкам. Мы связываем популяризацию танков периода Великой Отечественной войны с популярной компьютерной онлайн игрой «world of tanks», благодаря которой современная молодежь стала очень хорошо разбираться в данной теме.

Говоря о современном российском кинематографе, хотелось бы отметить, что он переживает один из лучших периодов своей истории. И это не стоит связывать лишь с санкциями западных кинопрокатчиков и уходом основных конкурентов с российского рынка. Еще до начала специальной военной операции в отечественном кинопрокате вышел ряд фильмов российского производства, которые не только смогли окупиться в кинопрокате, но и принести доход и стать по-настоящему любимыми зрителями. Одной из ключевых тем таких фильмов является Великая Отечественная война.

Великая Отечественная война – одно из главных событий двадцатого века, с которым, в той или иной степени, связан каждый человек на постсоветском пространстве. Не существует ни одной семьи, которой не коснулось бы это событие. И, разумеется, событие подобного масштаба постоянно экранизируется советским и российским кино. Хотелось бы отметить, что выбор тематики фильма не обязательно связан с государственным финансированием, хотя этот фактор может быть решающим, чтобы фильм, в итоге, вышел на экраны, так как многим режиссерам, особенно молодым, бывает трудно найти продюсеров для своего будущего проекта. Практически все выбранные нами фильмы имеют государственное финансирование или сняты в сотрудничестве с американскими компаниями, такими как «Двадцатый век фокс» и «Colambia pictures». Фильм «28 панфиловцев» (2016) – режиссеры Ким Дружинин и Андрей Шальопа – был профинансирован при помощи краудфандинга.

Нами было отобрано девять фильмов, вышедших в период с 2013 по 2023 гг. и ставших в свое время событиями в современной культуре. Фильмы будут рассмотрены с точки зрения формирования образов исторической памяти. Сразу хотелось бы отметить, что фильм является художественным произведением, а не кинохроникой, поэтому в нем допустимы некоторые отступления от исторической действительности в угоду развития сюжета. На наш взгляд, художественный фильм как нельзя лучше подходит для формирования исторической памяти. Причина этого в том, что фильм относится к массовой культуре и, соответственно, имеет больший охват, чем научные работы или музейные экспозиции. Просмотры выбранных нами фильмов только в России (по данным портала «Кинопоиск») составили от трехсот тысяч до девяти миллионов зрителей.

Фильмы являются своего рода исторической реконструкцией тех событий благодаря участию в создании фильма консультанта, которым чаще всего является историк, специалист по данному историческому периоду. Подобная кинематографическая реконструкция позволяет лучше понять этот период истории, переживания и ценности героев и практически почувствовать себя участником тех событий. Так, например, во время съемок фильма «Т-34» (2018) режиссёра Алексея Сидорова был использован реальный отреставрированный одноименный танк.

Проанализированные фильмы имеют в своей основе различную сюжетную составляющую. Одни из них являются экранизациями популярных советских литературных произведений, например, фильм «А зори здесь тихие» (2015) режиссера Рената Давлетьярова, одноименной повести Б. Васильева, которая включена в школьную программу по литературе для 9

класса. Фильм «Сталинград» (2013) режиссера Фёдора Бондарчука является экранизацией романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба». Массовый зритель после просмотра данных фильмов может продолжить изучение темы, обратившись к первоисточнику. Другие фильмы – «Битва за Севастополь» (2013) – режиссёр Сергей Мокрицкий и «Зоя» (2020) – режиссеры Максим Бриус и Леонид Пляскин рассказывают историю реально существующих личностей – Л. Павлюченко и З. Космодемьянская. Массовый зритель, находясь под впечатлением от увиденного, может обратиться к историческим источникам и их биографиям данных личностей. Третий тип изученных фильмов – это выдуманные истории в сеттинге Великой Отечественной войны. Таким фильмом является «Т-34» (2018).

Коснемся проблем, освещаемых в данных фильмах:

1. Проблема подвига, самопожертвования и героизма Советских солдат поднимается во всех просмотренных фильмах. Отметим обязательный численный перевес немецкой армии над советской в локальных схватках, показанных на экране. Но несмотря на это, советские солдаты выходят из них победителями. В связи с этим можно привести в качестве примера и фильм «Т-34», в котором танковый экипаж в неравном бою попадает в плен к немцам и, рискуя собственной жизнью, бежит из него. Это и фильм «Праведник» (2023; режиссер Сергей Урсуляк), в котором главный герой фильма Николай Киселев ценой собственной жизни выводит группу евреев с оккупированных нацистами территорий. Это и фильм «Сталинград» (2013), в котором пятеро бойцов Красной армии защищают стратегически важное здание. И, наконец, фильм «Ржев» (2019; режиссёр Игорь Копылов), в котором полроты солдат из последних сил удерживает село Овсянниково.

2. Еще одной проблемой, поднимаемой в современных военных фильмах и являющейся не менее актуальной – женщины на войне, должна ли она и в подобных нечеловеческих условиях оставаться женщиной, носителем моральных ценностей, продолжательницей рода или под влиянием среды должна превратиться в солдата, не имеющего пола. Этой проблеме посвящены фильмы: «Битва за Севастополь», рассказывающий историю советского снайпера Л. Павличенко и говорящем о том, насколько такая профессия, связанная с убийством, приемлема для женщины, а также фильм «Воздух» (2023) режиссера Алексея Германа младшего, рассказывающего о советских летчицах, которым не позволяют летать наравне с мужчинами.

3. Отметим и проблему, которую можно сформулировать в виде риторического вопроса, который задает одна из героинь вышеупомянутого

фильма «Воздух»: что важнее, человек или Родина? Вместе со зрителем, героиня приходит к выводу, что Родина.

4. Отметим и многонациональность советского народа – победителя, показанную в данных фильмах. В них, помимо русской и немецкой речи, звучит украинская и казахская, исполняются украинские народные песни. Главным плюсом всех этих фильмов является привлечение внимания к событиям Великой Отечественной войны.

Если обратиться к отзывам и рецензиям зрителей на выбранные нами фильмы, с точки зрения восприятия образов, показанных в этих фильмах, очевидна преобладающая положительная реакция. Пользователи популярного портала «Кинопоиск» отмечали и историческую достоверность, и прекрасную игру актеров, образность и эмоциональность. Большинство фильмов «трогают до слез». В качестве примера приведем отрывок из отзыва о фильме «Битва за Севастополь»: «Для меня это любимый военный фильм, ни один другой не заставлял меня любить главных героев и проживать с ними все их горести и победы. Он вызывает сильные патриотические чувства, надежду и гордость. Во время просмотра не раз бегут мурашки по телу. Он оставляет после себя ком в горле. Я смотрю его каждый год на 9 мая и погружаюсь в эту атмосферу с удовольствием».

Проанализированные за десятилетие с 2013 по 2023 гг. фильмы формируют у зрителя исключительно положительные образы советского солдата-спасителя. Они лишены чрезмерной идеологической нагрузки, просты и понятны массовому зрителю. Сюжетные линии фильмов вызывают сильные эмоции у зрителя, позволяют им проникнуться духом патриотизма и гордости. Рождается светлый образ Великой Войны доступными для восприятия современной молодежью способами. Мы можем заключить, таким образом, что современный кинематограф выполняет возложенные на него функции сохранения памяти о подвиге советского солдата в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Талавер, А. Память о Великой Отечественной войне в постсоветском кинематографе. Этапы осмысления прошлого (от 1990-х к 2000-м) [Текст]: препринт WP20/2013/06 // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.

2. Хохлов, В.А. Великая Отечественная война в современном российском кино: продолжение в фэнтези-будущем // Новый исторический вестник. 2010. №23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/velikaya-otechestvennaya-voyna-v-sovremennom-rossiyskom-kino-prodolzhenie-v-fentezi-buduschem> (дата обращения: 20.05.2025).

3. Мищенко, И.Е. Современное кино о войне: опыт сравнительного анализа европейских и российских кинофильмов // Culture and Civilization. 2020, Vol. 10. С. 66-75.
4. Грибан, И.В., Антропов, К.А. В. Кино и память: Великая Отечественная война в зеркале современного российского кинематографа // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. 2020. Вып. 23: Историческая память: генезис и проблемы преемственности. С. 327-341.

МЕМЫ КАК АРХИВЫ ОЩУЩЕНИЙ – СТРУКТУРА ЧУВСТВ

MEMES AS ARCHIVES OF SENSATIONS – THE STRUCTURE OF FEELINGS

Я.А. Паразян

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород*

Y.A. Parazyan

*Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod,
Nizhniy Novgorod*

Анализируется роль интернет-мемов как выражения эмоциональных состояний и ценностных ориентаций молодежи. Гипотеза заключалась в том, что любимые мемы могут отражать эмоциональный фон и косвенно указывать на психосоциальный профиль респондентов. На основе интернет-опроса (441 участник, 156 мемов) проведена классификация по эмоциональному фону, тематике и степени оригинальности. Результаты показали, что мемы позволяют выявлять индивидуальные переживания (особенно связанные с ментальным здоровьем), но не имеют чёткой привязки к социальным группам. Шаблонные мемы отражают коллективные и предсказуемые паттерны, тогда как оригинальные связаны с личным опытом и сильнее выражают индивидуальные эмоции.

The article analyzes the role of internet memes as an expression of the emotional states and value orientations of young people. The hypothesis was that favorite memes may reflect the emotional background and indirectly indicate the psychosocial profile of respondents. Based on an online survey (441 participants, 156 memes), a classification was carried out according to emotional tone, thematic content, and degree of originality. The results showed that memes can reveal individual experiences (especially those related to mental health), but are not clearly tied to social groups. Template-based memes reflect collective and predictable patterns, whereas original ones are linked to personal experiences and express individual emotions more strongly.

Ключевые слова: интернет-мемы, молодежь, интернет, интернет-культура, визуальные средства, общение в интернете, социальное признание, внутригрупповое общение.

Keywords: internet memes, youth, internet, internet culture, visual means, communication on the internet, social recognition, intragroup communication.

Основная гипотеза исследования заключалась в том, что любимые мемы респондентов отражают их эмоциональный фон и косвенно указывают на психосоциальный профиль (ценностные ориентации и возможная принадлежность к социальной группе). Теоретической основой послужила концепция ритуального взаимодействия Р. Коллинза (Collins, 2004), согласно которой эмоциональная энергия формируется в процессе совместного внимания и эмоциональной синхронизации и закрепляется в символах групповой принадлежности [1]. В этом контексте мемы рассматриваются как форма аффективного самоутверждения: они позволяют визуально и эмоционально выразить личный опыт, а также демонстрировать связь с более широкими культурными и социальными тенденциями. Дополнительно работа опирается на идеи «структур чувств» (Williams, 1965) и «правил чувств» (Hochschild, 1979), что позволяет интерпретировать мемы как средство выражения индивидуальных и коллективных эмоциональных норм.

В ноябре-декабре 2023 г. был проведен онлайн-опрос (441 участник), в рамках которого студенты загрузили свои любимые мемы и сопроводили их комментариями. Всего было собрано и проанализировано 156 мемов. Для систематизации использовалась трёхблочная схема кодирования:

1. Эмоциональный фон (ирония/сарказм; усталость/выгорание; тревожность; цинизм/безразличие; бессилие/депрессия; воодушевление/восторг; ностальгия; агрессия/протест). Эта категория выделена на основе предварительного анализа материала и позволила классифицировать повторяющиеся эмоциональные паттерны.

2. Тематика (образование, ментальное здоровье, политика, отношения, интернет и соцсети, работа, повседневность, поп-культура). Отдельным пунктом оценивалась степень шаблонности/оригинальности мема – является ли он отличным от общих тенденций визуального и контекстуального «шаблона». Оценка шаблонности производилась следующим методом: каждый загруженный мем соотносился с наиболее популярными визуальными и сюжетными «шаблонами» (распространёнными форматами мемов, широко тиражируемыми в сети). Если мем совпадал с таким типовым шаблоном, он кодировался как «шаблонный» (0), если же содержал оригинальные визуальные или контекстуальные элементы – как «оригинальный» (1).

3. Социальная принадлежность, реконструируемая из контекста мема и комментария респондента.

На первом этапе анализ процентных соотношений показал, что мемы отражают эмоциональные состояния респондентов, но слабо связаны с социальными группами (только 19% мемов), что частично опровергает

вторую часть гипотезы. Но, несмотря на слабую связь с социальными группами в целом, большинство выявленных «отсылок» связано со студенчеством, на втором месте – политика (либеральные и консервативные взгляды), однако значительная доля мемов относится к интернет-темам и поп-культуре. При этом загруженные мемы позволяют достаточно точно определить эмоциональное состояние автора, что подтверждает первую часть гипотезы.

Третье место по популярности заняла тематика «ментальное здоровье», что указывает на её роль в выражении внутренних переживаний. В этой категории преобладают ирония/сарказм (37%), усталость/выгорание (33%), тревожность (12%) и депрессия/бессилие (18%). Эти данные позволяют выделить эмоциональную конфигурацию, которая соответствует представлению Р. Уильямса о «структурах чувств» – динамических, не полностью артикулированных, но разделяемых эмоциональных установках конкретного поколения или социальной группы [2]. Таким образом, «структура чувств» студенческой среды сочетает ироничное дистанцирование и хроническую усталость. В то же время интернет-тематика (самая популярная) «обезличивает» проявления, что подтверждает низкая доля оригинальных мемов (39%). Отдельно были проанализированы ответы на вопрос, «Какие темы не стоит затрагивать в мемах?». Значение этого вопроса для исследования можно выразить через термин «feeling rules» А. Хохшильда – как коллективные правила чувств: о чём допустимо шутить, а что нарушает эмоциональные нормы [3]. В ответах на вопрос о недопустимых темах чаще всего упоминались смерть и трагедии, насилие, дискриминация, религиозные шутки и оскорбления. При этом немало респондентов указали, что «в юморе допустимо все», и этот вариант оказался на четвёртом месте по популярности.

Вторым этапом для выявления взаимосвязей между характеристиками мемов (тема, эмоциональный фон, шаблонность/оригинальность) и взглядами на недопустимые темы использовался коэффициент корреляции Спирмена. Переменные кодировались бинарно (0 – отсутствие признака, 1 – наличие признака). Выбор коэффициента корреляции Спирмена был обусловлен характером данных. На рис. 1 значение коэффициента корреляции отражено на шкале справа: чем темнее цвет, тем сильнее корреляция (красный цвет – прямая корреляция, синий — обратная). Интерпретация силы связи строилась по следующему принципу: 0.00 – 0.10 очень слабая или практически отсутствует; 0.10 – 0.30 слабая; 0.30 – 0.50 умеренная; 0.50 – 0.70 Сильная; 0.70 – 1.00 очень сильная.

Удалось выявить значимую корреляцию (рис. 1) в следующих пунктах: запрет на дискриминацию часто сопровождался запретом на насилие ($r = 0.486$, $p < 0.001$). При этом респонденты, считающие, что «в юморе можно всё», чаще допускали мемы о насилии ($r = -0.443$), дискриминации ($r = -0.472$), смерти и трагедиях ($r = -0.420$). Для оскорблений связь слабее ($r = -0.235$), что отражает разные трактовки у категории опрошенных «в юморе допустимо всё»: часть участников воспринимала его буквально («допустимо всё»), другие — как «почти всё, кроме особо тяжёлых тем». По эмоциональному фону: с ростом усталости снижается использование смеха и иронии ($r = -0.426$), что может отражать сокращение положительных эмоций у студентов в состоянии усталости. Мемы о ментальном здоровье умеренно коррелируют с усталостью/выгоранием ($r = 0.36$), тревожностью ($r = 0.30$) и депрессией ($r = 0.34$, $p \leq 0.001$), что позволяет рассматривать их как способ выражения сложных эмоциональных состояний, которые переживают авторы и/или аудитория, предпочитающая мемы такого типа.

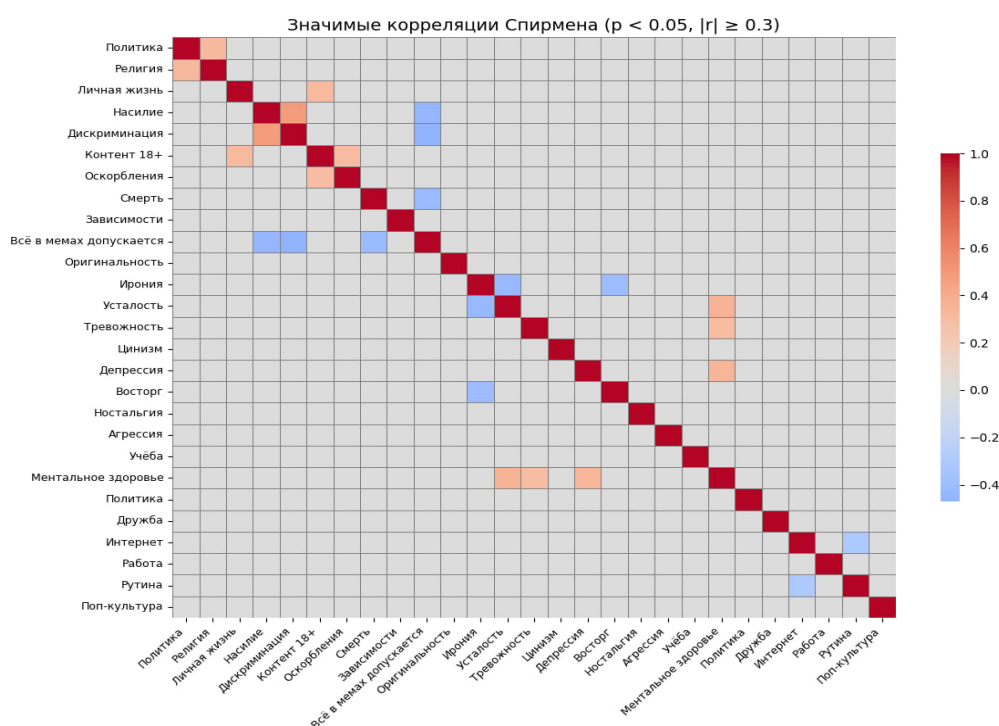

Рис. 1. Общая корреляция по характеристикам загруженного мема и взгляду на недопустимые темы в мемах

На рисунке 2 изображены две диаграммы корреляции: для шаблонных и для оригинальных мемов. Расположение показателей, по которым выстраивалась корреляция и значения этих показателей, повторяет рис. 1, за исключением показателя «оригинальность» — он был исключён из анализа на этом этапе. Шаблонные мемы демонстрируют больше связей, но они слабее и

в основном отражают коллективные установки (интернет, поп-культура, запреты). Оригинальные мемы содержат меньше корреляций, но более сильных и сосредоточенных вокруг психического здоровья, личной жизни и уникального опыта.

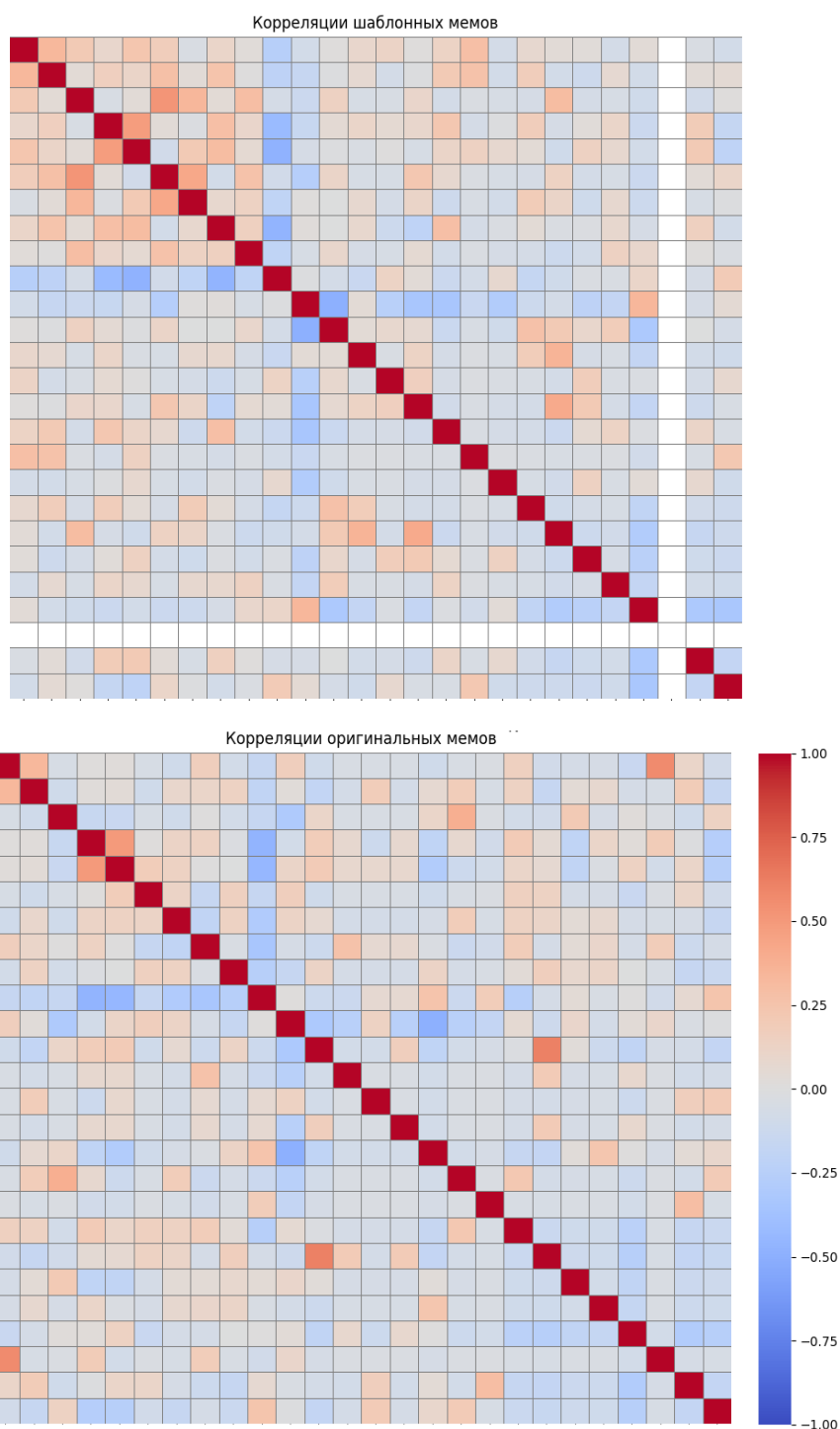

Рис. 2. Корреляция по характеристикам загруженного мема и взгляду на недопустимые темы в мемах (в шаблонных и оригинальных)

Важный результат – ирония в обоих случаях часто связана с подавлением других состояний (усталости, тревожности, депрессии), что

можно интерпретировать как способ «гашения» негативных переживаний. Личная жизнь тоже проявляется как значимая ось интерпретации: в шаблонных мемах она связана с уязвимыми темами (оскорбления, ментальное здоровье), а в оригинальных – с ностальгией и личностным переживанием. Таким образом, шаблонные мемы отражают коллективные, предсказуемые паттерны, тогда как оригинальные связаны с индивидуализацией и могут служить индикатором более глубоких и личных переживаний. Однако выводы ограничены корреляционным характером анализа и требуют проверки на других выборках.

В заключение можно сказать, что мемы, действительно, выступают своеобразными «архивами ощущений», в то же время они лишь частично указывают на психосоциальный профиль: ценностные ориентации демонстрируются, прежде всего, через отношение к допустимым темам, тогда как принадлежность к социальным группам отражена слабо. Таким образом, мемы оказываются более надежным инструментом фиксации эмоциональных переживаний, чем маркером групповой идентичности.

Список литературы

1. Collins, R. Interaction ritual chains / Randall Collins. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. 302 p.
2. Williams, R. The Long Revolution / R. Williams. – Harmondsworth: Penguin, 1965. 320 p.
3. Hochschild, A.R. Emotion Work, Feeling Rules, and Social Structure / A.R. Hochschild // American Journal of Sociology. 1979. Vol. 85. No. 3. P. 551-575. – Published by The University of Chicago Press. – URL: <https://www.jstor.org/stable/2778583> (дата обращения: 18.08.2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Алексеева Галина Гаврильевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Чурапчинского государственного института физической культуры и спорта, с. Чурапча, Россия

Ананьин Сергей Александрович – доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения Приволжского исследовательского медицинского университета, г. Нижний Новгород, Россия

Барков Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Бордюгов Геннадий Аркадьевич – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Международного совета Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI); Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Васильева Екатерина Николаевна – доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Винокурова Ульяна Алексеевна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры народной художественной культуры Арктического государственного института культуры и искусств, г. Якутск, Россия

Вишневский Юрий Рудольфович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Голубин Роман Викторович – кандидат исторических наук, доцент, декан факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Григорьева Ирина Андреевна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Социологического института – филиала ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия

Грошева Любовь Игоревна – кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Тюменского высшего военно-инженерного командного училища им. Маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень, Россия

Жираткова Жанна Вячеславовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент Российского государственного социального университета, г. Москва, Россия

Захаров Николай Львович – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Захарова Акулина Егоровна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник центра этносоциологических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов севера СО РАН, г. Якутск, Россия

Иванова Елена Юрьевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Сектора социологии профессий и профессиональных групп ИС ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Изидори Эмануэле (Италия) – профессор кафедры общей, социальной и спортивной педагогики, проректор по международным отношениям и сотрудничеству Римского университета «Форо Италико», г. Рим, Италия

Калинина Евгения Валерьевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения

Приволжского исследовательского медицинского университета, г. Нижний Новгород, Россия

Кириенко Виктор Васильевич – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухого, г. Гомель, Беларусь

Кузнецов Андрей Александрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры культурологии и психологии предпринимательства экономического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Куконков Павел Иванович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Лебедева Екатерина Александровна – И.о. директора Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС, г. Нижний Новгород, Россия

Мансуров Валерий Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Сектора социологии профессий и профессиональных групп ИС ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Носкова Антонина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой социологии МГИМО МИД России, г. Москва, Россия

Пак Галина Станиславовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии физического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Перфильева Марина Борисовна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Петрова Татьяна Эдуардовна – доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии, конфликтологии и бихевиористики Российского государственного социального университета, г. Москва, Россия

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, г. Москва, Россия

Романовская Вера Борисовна – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

Ростовская Тамара Керимовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе ИДИ ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Рябов Олег Вячеславович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИУ ВШЭ – СПб, г. Санкт-Петербург, Россия

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Судьин Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Тощенко Жан Терентьевич – доктор философских наук, Член-корреспондент РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия

Трофимов Олег Владимирович – доктор экономических наук, профессор, ректор ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИС ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Шкурин Денис Вадимович – кандидат социологических наук, доцент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Юдина Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, ИДИ ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

СЕКЦИЯ 1 ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР МЕЖПОКОЛЕННОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Абдул Рашид Хани (Пакистан) – аспирант кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Алем Мекьянинт Бирхан (Эфиопия) – аспирант кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Аникеева Ольга Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общественно-социальных институтов и социальной работы Российского государственного социального университета, г. Москва, Россия

Белова Татьяна Павловна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия

Богданенко Татьяна Викторовна – врач-реабилитолог, дочь героя Великой Отечественной войны Богданенко Виктора Александровича, Россия

Горбунов Максим Дмитриевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Горшенин Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Медицинского университета «Реавиз», г. Самара, Россия; ассоциированный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, г. Москва, Россия

Гочхайт Сайкат – профессор факультета менеджмента Университета Симбиозис, Индия

Грошев Игорь Львович – кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Тюменского высшего военно-инженерного командного училища им. Маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень, Россия

Грошева Ирина Александровна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой истории государства и права, гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Филиала АНО «Институт деловой карьеры» в Тюменской области, г. Тюмень, Россия

Дадзи Исаак (Гана) – аспирант кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Дудин Геннадий Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь, г. Самара, Россия

Дурожайе Долапо Гбенга (Нигерия) – аспирант кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Зигангирова Гульназ Рашитовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Национального музея Республики Татарстан, г. Казань, Россия

Игнатьева Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Исайчиков Виктор Федорович – главный редактор, журнал «Просвещение», г. Москва, Россия

Казаков Михаил Анатольевич – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и социально-гуманитарных дисциплин Костромской государственной сельскохозяйственной академии, г. Кострома, Россия

Козырьков Владимир Павлович – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Комиссарова Ирина Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, заместитель директора по образовательной деятельности Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия

Котов Михаил Владимирович – ассистент кафедры истории и политики России ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Лопатин Иван Дмитриевич – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, истории и социально-гуманитарных дисциплин Костромской государственной сельскохозяйственной академии, г. Кострома, Россия

Любимова Марианна Викторовна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики и таможенного дела Института экономики ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Митягина Екатерина Владимировна – доктор социологических наук, доцент, начальник управления по работе с персоналом «Газпром газораспределение Киров», г. Киров, Россия

Мнасери Ясмине (Тунис) – аспирант кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Муромцева Людмила Петровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Наберушкина Эльмира Кямаловна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ, г. Москва, Россия

Панкратова Екатерина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии, социальной работы и управления персоналом Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия

Перхавко Валерий Борисович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва, Россия

Петрова Татьяна Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Полюшкевич Александр Андреевич – студент инженерно-технологического факультета Костромской государственной сельскохозяйственной академии, г. Кострома, Россия

Полякова Екатерина Андреевна – старший лаборант Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН, студентка Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, Россия

Початкова Екатерина Ивановна – ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления школы государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Птицына Наталья Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия

Самойленко Петр Юрьевич – кандидат политических наук, доцент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия

Селиванова Зухра Кадимовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент Национального исследовательского университета «МЭИ», г. Москва, Россия

Силантьева Виктория Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Соловьева Екатерина Алексеевна – преподаватель кафедры непрерывного психолого-педагогического образования, руководитель экспертно-аналитического центра Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия

Талалаева Галина Владленовна – доктор медицинских наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления Уральского института Государственной противопожарной службы МЧС России, г. Екатеринбург, Россия

Уваров Игорь Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД РФ – Ставропольский филиал, г. Ставрополь, Россия

Хайдер Сайед Зийшан (Пакистан) – аспирант кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Хуссейн Достдар (Пакистан) – аспирант кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Шабает Юрий Петрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН», г. Сыктывкар, Россия

Щекотилев Владимир Геннадьевич – кандидат технических наук, старший научный сотрудник, член поискового отряда «Возвращение» Тверского государственного технического университета, член Тверского городского клуба краеведов, г. Тверь, Россия

Щекотуров Александр Вячеславович – кандидат социологических наук, заведующий социологической лабораторией Балтийского федерального университета им. И. Канта, г. Калининград, Россия

СЕКЦИЯ 2

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ

Барашкова Клавдия Дмитриевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Бесчасная Альбина Ахметовна – доктор социологических наук, доцент, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

Вербенская Алена Валерьевна – ассистент кафедры Экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Россия

Вишинская Анастасия Владимировна – студентка Западного филиала РАНХиГС, г. Калининград, Россия

Гаранин Даниил Владимирович – студент Костромской государственной сельскохозяйственной академии, г. Кострома, Россия

Доброхлеб Валентина Григорьевна – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН, ИДИ ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Епархина Ольга Валерьевна – кандидат политических наук, доцент, заведующая сектором Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права, г. Москва, Россия

Икингрин Елена Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, заслуженный работник науки ХМАО, Первый федеральный вице-президент Российского общества социологов, ассоциированный сотрудник лаборатории региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России ИС ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Камарова Татьяна Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Россия

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и социально-гуманитарных дисциплин Костромской государственной сельскохозяйственной академии, г. Кострома, Россия

Ковалевская Елена Викторовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Кокшарова Виктория Максимовна – магистрантка, специалист отдела по работе с абитуриентами Управления по приему и довузовской подготовки Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Россия

Лакомова Анастасия Александровна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Лылова Оксана Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Маркова Татьяна Леонидовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Россия

Мартыненко Виктория Юрьевна – кандидат исторических наук, заместитель директора по основной деятельности ГКУ «Центр хранения архивных документов в г. Шахты Ростовской области», г. Шахты, Россия

Михайлова Елена Валерьевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Насыбулина Малика Ринатовна – студентка Костромской государственной сельскохозяйственной академии, г. Кострома, Россия

Пахомчик Сергей Алексеевич – кандидат экономических наук, доцент, преподаватель Тюменского техникума индустрии питания, коммерции и сервиса, г. Тюмень, Россия

Петухова Ирина Сергеевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института – филиала ФНИСЦ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия

Разгуляева Ксения Ильинична – студентка Костромской государственной сельскохозяйственной академии, г. Кострома, Россия

Романова Оксана Дмитриевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Смирнова Анна Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Тонких Наталья Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, заведующая лабораторией кафедры Экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Россия

Чекалова Полина Романовна – студентка факультета ветеринарной медицины и зоотехники Костромской государственной сельскохозяйственной академии, г. Кострома, Россия

Шиляева Александра Андреевна – студентка Западного филиала РАНХиГС, г. Калининград, Россия

СЕКЦИЯ 3

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Гарифуллина Альбина Фатиховна – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Гусев Артем Алексеевич – студент Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия

Дроздова Елена Владимировна – старший преподаватель кафедры конституционного, административного и финансового права Юридического института Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева; старший преподаватель кафедры гражданского права и общеправовых дисциплин Среднерусского института – филиала РАНХиГС, г. Орел, Россия

Карпикова Ирина Серафимовна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры социологии и психологии Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Россия

Колева Галина Юрьевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий, Института сервиса и отраслевого управления Тюменского индустриального университета, г. Тюмень, Россия

Крайнова Елена Николаевна – старший преподаватель кафедры государственного управления Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Кузнецов Виктор Александрович – кандидат философских наук, и.о. заведующего кафедрой социологии политических и региональных процессов Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева, г. Самара, Россия

Митрофанова Светлана Юрьевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии, доцент кафедры социологии политических и региональных процессов Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева, г. Самара, Россия

Ночвина Белла Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой истории и мировой политики НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Распутная Лариса Ивановна – кандидат политических наук, доцент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия

Соломеин Алексей Александрович – кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии и психологии Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Россия

Торопов Виктор Дмитриевич – кандидат технических наук, доцент кафедры государственного управления и управления человеческими ресурсами Байкальского государственного университета, г. Иркутск, Россия

Фролова Светлана Валериевна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры психологии, педагогики и специального образования Московского университета им. С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

СЕКЦИЯ 4
**ЗАЩИТА ОТЕЧЕСТВА КАК ЦЕННОСТЬ
В СИСТЕМЕ ЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ МОЛОДЕЖИ**

Бабинцев Валентин Павлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного университета, г. Белгород, Россия

Барина Ольга Алексеевна – психолог Центра социально-психологического сопровождения студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Барматова Светлана Петровна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Института технологий управления РТУ МИРЭА, г. Москва, Россия

Гарифуллина Альбина Фатиховна – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Давыдова Ирина Владимировна – студентка Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия

Дунаева Наталья Ивановна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского; руководитель Центра социально-психологического сопровождения студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Ермилова Анна Вячеславовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Загребин Владимир Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Зуева Варвара Владимировна – студентка Костромской государственной сельскохозяйственной академии, г. Кострома, Россия

Киселев Игорь Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и социально-гуманитарных дисциплин Костромской государственной сельскохозяйственной академии, г. Кострома, Россия

Ковшечникова Вероника Александровна – старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов Высшей школы отечественной филологии Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Колобов Олег Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор-консультант кафедры истории и теории международных отношений ИМОИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Короткова Марина Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории социологии социологического факультета Института социально-экономических наук Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия

Кудасова Юлия Александровна (Монахиня Фекла) – настоятельница Архиерейского подворья Собора Святой Живоначальной Троицы с. Белбаз, с. Белбаз, Россия

Куляй Елизавета Сергеевна – стажер младшего научного сотрудника Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Латышева Наталия Александровна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и менеджмента Российского университета транспорта, г. Москва, Россия

Лебедева Людмила Геннадьевна – кандидат социологических наук, магистр педагогических наук, старший преподаватель кафедры социологии и психологии Самарского государственного экономического университета, г. Самара, Россия

Охотников Илья Викторович – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и менеджмента Российского университета транспорта, г. Москва, Россия

Подшибихина Светлана Викторовна – психолог Центра социально-психологического сопровождения студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Рашитова Ольга Анатольевна – кандидат исторических наук, преподаватель, СПб ГБПОУ «Академия реставрации и дизайна», г. Санкт-Петербург, Россия

Реутский Александр Сергеевич – младший научный сотрудник Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Сысоева Мария Владиславовна – стажер младшего научного сотрудника Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Точилина Татьяна Васильевна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики АНО ВО «Московский международный университет», г. Москва, Россия

Третьякова Елизавета Денисовна – студентка ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Филиппова Дария Николаевна – младший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, отдел этносоциологии, г. Якутск, Россия

Фролова Светлана Валериевна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры психологии, педагогики и специального образования Московского университета им. С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Хохлышева Ольга Олеговна – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой дипломатии и международного права ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Ясюченя Елисей Валерьевич – Заместитель начальника Управления по молодежной политике мэрии города Ярославля, г. Ярославль, Россия

СЕКЦИЯ 5 СОЦИОЛОГИЯ ЭМОЦИЙ И ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В КУЛЬТУРЕ

Вандышева Людмила Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, независимый исследователь, г. Самара, Россия

Грозов Степан Сергеевич – младший научный сотрудник лаборатории социальной антропологии ИМОМИ; ассистент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Закеров Дамир Алиевич – младший научный сотрудник, преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук Приволжского исследовательского медицинского университета, г. Нижний Новгород, Россия

Звонарева Александра Евгеньевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом Ивановского государственного университета, г. Иваново, Россия

Зернов Дмитрий Васильевич – кандидат политических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и социально-гуманитарных дисциплин Костромской государственной сельскохозяйственной академии, г. Кострома, Россия

Комелькова Анастасия Вадимовна – студентка магистратуры, лаборант-исследователь кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Кудрин Александр Викторович – методист Станции детского и юношеского туризма и экскурсий, г. Норильск, Россия

Кутявина Елена Евгеньевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Малаканова Ольга Александровна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и культурологии Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева, г. Самара, Россия

Маслов Артем Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент, старший научный сотрудник кафедры истории древнего мира и средних веков ИМОИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Новоселов Андрей Андреевич – выпускник магистратуры Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия

Паразян Ярослав Александрович – лаборант-исследователь кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Рябова Татьяна Борисовна – доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, ведущий научный сотрудник НИУ ВШЭ, г. Санкт-Петербург, Россия

Самойлов Василий Дмитриевич – доктор педагогических наук, кандидат военных наук, профессор, Военная Академия Генерального штаба Вооруженных сил РФ, г. Москва, Россия

Старичёнок Валентин Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, начальник управления региональной политики Белорусского института стратегических исследований, г. Минск, Беларусь

Трофимова Юлианна Сергеевна – советник Департамента государственной политики в сфере научно-технологического развития Минобрнауки России, г. Москва, Россия

Фатенков Алексей Николаевич – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Хоткина Зоя Александровна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИСЭПН ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия

Черёмушкин Пётр Германович – кандидат искусствоведения, «Ассоциация исследователей Российского общества (АИРО-XXI), г. Москва, Россия

Шалютина Надежда Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Шинкаренко Елена Александровна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Шорина Юлия Евгеньевна – студентка архитектурно-строительного факультета Костромской государственной сельскохозяйственной академии, г. Кострома, Россия

Шпилев Дмитрий Анатольевич – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Научное издание

«ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ПАМЯТИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ»

Материалы международной
научно-практической конференции

г. Нижний Новгород, 18–19 сентября 2025 г.

Составитель и научный редактор: З.Х. Саралиева

Компьютерная верстка: Д.Е. Бердников

Печатается в авторской редакции

Издательство Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского
603022, г. Н. Новгород, пр. Гагарина, д. 23

Подписано в печать 08.12.2025 г. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 35,8. Зак. № 305/25. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии

Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Н. Новгород, ул. Б. Покровская, д. 37